Арх 32-1Б/1а

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
И
ПРОЛИВЫ

ПО СЕКРЕТНЫМ ДОКУМЕНТАМ
б. Министерства Иностранных Дел

I

ИЗДАНИЕ ЛИТИЗДАТА НКИД
МОСКВА—1925.

17.130.5.13/1а

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
И
ПРОЛИВЫ

по секретным документам б. министерства иностранных дел

Под редакцией **Е. А. Адамова**

I

Издание Литиздата НКИД
Москва — 1925

ПЕЧАТАНО ПО ПОРУЧЕНИЮ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

Ленинградский Гублит № 10458. Зак. № 741. Тираж 1000 экз. — 32.

Тип. „Красной Газеты“ им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

Настоящее издание завершает собрание русских дипломатических документов по вопросу о взаимоотношениях европейских держав и Турции во время мировой войны, начатое сборником «Раздел Азиатской Турции» (Москва, 1924 г.), и связано единством комплекса политических взаимоотношений с предшествующим сборником «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны».

Вопрос о Константинополе и Проливах практически был неразрывно связан, — по выражению б. министра иностранных дел Сазонова, — с целым рядом сложных политических проблем, и этим объясняется богатство и разнообразие материала, использованного для данного издания; сплетение этого вопроса с политическими и военными взаимоотношениями и соглашениями держав Тройственного Согласия обусловливает непосредственную ближайшую связь этого издания с предстоящим, содержание которого составят эти взаимоотношения и соглашения. С другой стороны, вопрос о Константинополе и Проливах исторически связан с предыдущим разделом Европейской Турции, ознаменовавшим собою (вместе с аннексией Боснии и Герцеговины, а также захватом африканских провинций Турции Италией) мировой кризис 1911—1914 г.г., который представляет все признаки единства и неразрывности «восточного вопроса» в его последней фазе на протяжении этого периода. Этим обусловлена прагматическая связь настоящей работы с другой, намеченной также в будущем, о балканских делах 1908—1914 г.г. Полная невозможность понимания событий и отношений, освещаемых публикуемыми здесь документами, вне связи с политической обстановкой балканского кризиса 1911—1913 г.г., заставляет нас предпослать документальной части характеристику, — насколько возможно обстоятельную и документированную, — этой обстановки.

Наконец, по основному своему признаку, настоящая работа охватывает последний период продолжительной исторической эпохи, за начало которой обычно принимается историческая дата подписания Берлинского трактата. Значение данного вопроса вполне оправдывает, нам кажется, надежду на опубликование собрания соответствующих документов за весь этот период, — хотя бы и не с такою полнотою, какая требуется для 1908—1917 г.г.

Необходимо иметь в виду, что к нашему собранию дипломатических документов, освещающему политические отношения и вопросы, документы военного характера могли быть привлечены лишь в той мере, в какой они входят в переписку политического содержания и значения. Историческое

исследование вопроса о «Константинополе и Проливах» с военно-стратегической точки зрения не входило в нашу задачу и представляет предмет самостоятельной работы для специалистов этого дела. Результаты этой работы были бы, однако, в высшей степени полезны при оценке общей политики царского правительства в отношении Проливов, и такая работа явилась бы ценным дополнением к настоящему изданию.

В основу настоящего издания Общим Архивом Н. К. И. Д. положены три дела (досье) архива б. министерства иностранных дел, объединяющие документы о соглашении, заключенном между Россией, Францией и Англией по вопросу о Константинополе и Проливах 19 февраля/4 марта 1915 г., а также особое — четвертое — дело «Константинополь 1916—17 г.г.». С внешней стороны эти дела представляют собой кожаные папки с заголовком, проставленным в министерстве: «Константинополь и Проливы», 1915 г. — А, В, С, — и 1916—17 г.г. Дела 1915 г. распадаются на ряд особых папок, объединенных общностью содержания по определенному, более детальному вопросу. Всего этих папок 32, со следующими заголовками: 1) «Предположения о способах завладения нашего Проливами», 2) «Предположения Куропаткина в отношении Проливов», 3) «Наши пожелания в отношении Проливов», 4) «Отношение Англии к вопросу о Проливах» (до февраля 1915 г.), 5) «Соглашение между Россией, Францией и Англией о судьбе Константинополя и Проливов», 6) «Проект сообщения Италии соглашения о Константинополе и Проливах», 7) «Проект сообщения Японии соглашения о Константинополе и Проливах», 8) «Переговоры с Джемалем в связи с соглашением о Константинополе и Проливах», 9) «Наши военные действия против Проливов», 10) «Предложение купить два бразильских броненосца для отправления их в Средиземное море», 11) «Предположение об отправке нашего отряда в Дарданеллы», 12) «Присоединение «Аскольда» к союзной эскадре, действующей против Дарданелл», 13) «Военные действия союзников против Дарданелл и Константинополя», 14) «Проекты занятия и управления Константинополем и выделение нейтральных зон на случай военных действий», 15) «Проникновение германцев в Проливы и судьба Проливов», 16) «Отношение Италии к вопросу о Проливах», 17) «Отношение Ватикана к вопросу о Проливах», 18) «Отношение Румынии к вопросу о Проливах», 19) «Отношение Болгарии к вопросу о Проливах», 20) «Бургас, как база русского флота», 21) «Отношение Греции к вопросу о Проливах, вопрос об Имбросе и Тенедосе», 22) «Вопрос о выступлении Греции в связи с операциями против Проливов», 23) «Отношение Сербии к вопросу о Проливах», 24) «Возможность заключения перемирия или мира с Турцией», 25) «Положение в Турции», 26) «Сведения о турецких военных и морских силах в связи с операциями против Проливов», 27) «Финансовые вопросы в Турции в связи с военными действиями против Проливов», 28) «Действия нашего флота против Зунгулдака», 29) «Varia», 30) Записка А. В. Немитца: «Предварительные соображения константинопольской операции», 31) Записка Н. А. Базили «О целях наших на Проливах», 32) «Черновые заметки». В папке «Константинополь 1916—17 г.г.», не имеющей внутренних подразделений, выделено одно только небольшое дело: «Проект босфорской экспедиции

1917 г.», остальная часть папки обнимает собой документы по вопросу о сообщении Италии соглашения о Константинополе и Проливах, об опубликовании этого соглашения и о решении константинопольского вопроса в период временного правительства.

В настоящее время все эти 4 дела находятся на хранении во 2-м отделении Госархива.

При ближайшем рассмотрении папок, составленных в министерстве иностранных дел, выяснилось, однако, что дела эти в министерстве были подобраны далеко не полно, так как многие документы, имеющие существеннейшее значение для восстановления истории вопроса и на которые нередко имеются ссылки в самом деле, отсутствуют в министерском подборе. Вследствие этого Общим Архивом НКИД были предприняты дополнительные розыски, и с этой целью были использованы следующие дела архива б. министерства иностранных дел: 1) Особые дела «Италия» за 1915 и 1916 г.г.; 2) Особые дела «Россия и Союзники» 1914—17 г.г.; 3) Особые дела «Мир» 1914—17 г.г.; 4) Переписка министерства иностранных дел со ставкой верховного главнокомандующего за 1914—17 г.г.; 5) «Секретный архив министра» за 1914, 1915 и 1916—17 г.г.; 6) Собрание дешифрантов (dossiers spéciaux) из Англии, Франции, Германии, Румынии, С.-А. С. Штатов, Италии и Японии за 1914—16 г.г.; 7) Донесения из Токио за 1914—17 г.г.; 8) Подборы входящих и исходящих телеграмм министерства иностранных дел 1914—17 г.г. (Общий Архив НКИД). В результате этих изысканий были значительно пополнены все дела как чисто политического характера, так и касающиеся операций, предпринятых державами Согласия на Проливах, поскольку эти последние входили в круг ведения министерства иностранных дел.

Кроме того, были составлены следующие новые дела: 1) Отношение С.-А. С. Штатов к междусоюзническим соглашениям, 2) Вопрос о Константинополе в переговорах А. Д. Протопопова с Варбургом, 3) Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с франко-русским соглашением о восточных границах Франции и западных России и 4) Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с попытками Германии заключить сепаратный мир с Россией.

С другой стороны, Общий Архив НКИД нашел возможным опустить некоторые дела, включенные в состав министерских папок, как имеющие исключительно военный характер: 1) «Военные действия союзников против Дарданелл и. Константинополя», — дело, представляющее собою, за исключением немногих документов, вошедших в настоящее издание, передачу официальных союзных сводок о положении на галлиполийском фронте русскими дипломатическими агентами за границей; 2) «Присоединение «Аскольда» к союзной эскадре»; 3) «Предложение купить два бразильских броненосца»; 4) «Сведения о турецких военных и морских силах»; 5) «Действия нашего флота против Зунгулдака». Кроме того, были опущены папки: 1) «Проникновение германцев в Проливы», 2) «Varia». Отдельная папка «Переговоры с Джемалем» полностью опубликована в издании НКИД «Раздел Азиатской Турции».

В первый том настоящего издания вошли документы: 1) о подготовке и заключении соглашения о Константинополе и Проливах, 2) об отношении держав, дружественных Тройственному Согласию, — Сербии, Италии, Румы-

нии, Японии, С.-А. С. Штатов, — к вопросу о Константинополе и Проливах, 3) о переговорах А. Д. Протопопова с Варбургом, в которых затрагивался вопрос о Константинополе и которые, повидимому, послужили одним из поводов к переговорам об опубликовании соглашения, 4) о переговорах между державами Согласия об опубликовании соглашения о Константинополе и Проливах, 5) о подтверждении этого соглашения в связи с франко-русским соглашением 1917 г., 6) о решении константинопольского вопроса при временном правительстве. Для этого были использованы министерские папки 1915 г., обозначенные выше под №№ 4, 5, 6, 7, 16, 17, 18 и 23, а также дело «Константинополь 1916—17 г.г.», при чем папки № 6, 16 и 17, с одной стороны, и № 14 и 27, с другой, были соединены в одно дело. Папка № 3, дополненная записками Н. А. Базили и А. В. Немитца (№№ 30 и 31), а также письмами из Ставки, составила отдельное дело, озаглавленное в нашем издании: «Соображения царского правительства по вопросу о Константинополе и Проливах».

Таким образом, в первый том вошли документы, характеризующие отношение держав анти-германской коалиции к вопросу о Константинополе и Проливах, а также касающиеся заключения, опубликования и подтверждения соглашения по этому вопросу.

Во второй том настоящего издания включаются документы: 1) о политической обстановке военных действий в Проливах, 2) о переговорах между союзниками относительно будущего управления Константинополем, 3) о переговорах с Германией и Турцией относительно заключения перемирия или сепаратного мира, 4) о привлечении Греции на сторону держав Согласия, в связи с операциями против Проливов, и об отношении ее к вопросу о Константинополе, 5) об отношении Болгарии к вопросу о Проливах и 6) о переговорах относительно использования русскими войсками, в качестве базы, Бургаса. Для этого были использованы министерские папки за 1915 г. №№ 1, 2, 9, 11, 14, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 27, а также папка «Проект босфорской экспедиции 1917 г.».

Некоторые документы, вошедшие в настоящий сборник, появились уже ранее в других изданиях НКИД («Сборники дипломатических документов из архива б. министерства иностранных дел», Петроград, 1917—1918 г.г., «Европейские державы и Греция», Москва, 1922 г., «Раздел Азиатской Турции», Москва, 1924 г.), а также в «Известиях Центр. Исп. Ком. и Петрогр. Совета Раб. и Солд. депутатов» и в «Правде» за 1917 г., но, как неразрывно связанные с публикуемыми здесь материалами, повторяются нами в этом издании. В каждом отдельном случае в подстрочном примечании нами указывается, где был опубликован данный документ.

Личный и предметный указатели к дипломатической переписке прилагаются нами ко второму тому.

Вопрос о Проливах и о Константинополе в международной политике в 1908—1917 г.г.

I. Вопрос о Проливах в 1908—1911 г.г.

Документы российского министерства иностранных дел, имеющие отношение к вопросу о Проливах и о Константинополе за время мировой войны, делятся на две неравные группы, сообразно делению всего периода участия России в мировой войне: от начала великой войны до вступления Турции в войну и от вступления ее в войну до крушения русской империалистической политики, армии и государственности. Первая, небольшая группа поражает неподготовленного читателя неожиданностью и своеобразием главной темы; в основе ее мы находим вопрос о гарантии неприкосновенности территории Турции, взамен ее нейтралитета, — гарантии, предлагаемой тем самым царским правительством, о стремлении которого к захвату Босфора, к овладению Проливами, к «водружению креста на св. Софии» и т. д. столь многое известно уже из опубликованных до сих пор архивных документов и мемуаров различных государственных деятелей. Читатель может прийти в совершенное недоумение:—Неужели это верно? Неужели с первых дней мировой войны петроградское правительство не только забыло об «исторических задачах России», о «заветах царственных предков» Николая II, о «ключах к дверям собственного дома», о Царьграде и св. Софии, — но положительным образом взялось за ликвидацию всех этих «вековых чаяний и стремлений русского народа», путем закрепления и обеспечения неприкосновенности всех владений Турции? И каким же образом турецкое правительство, которому предоставлялась возможность — только за отказ от риска и бремени участия в войне — получить гарантии территориальной неприкосновенности и целости, предпочло броситься в пучину бедствий и смертельных опасностей, в войну против Англии, Франции и России, не будучи даже готовым к войне, хотя бы в пределах своих сил и средств?

Недостаточно было бы ответить на эти вопросы цитатами из русских военных изданий, подтверждавших post factum вынужденность вступления Турции в войну, и заявлениями турецких государственных деятелей; нашим ответом может быть лишь документированное изложение обстоятельств, форсировавших активное участие Турции в войне. Обстоятельства эти, в совокупности своей, обнимают долгий исторический период, ближайшим

же образом эпоху с 1908 г. и непосредственно — балканский кризис 1912—13 г.г. Изложение их составляет предмет первой части нашей вводной работы; вторая часть посвящена характеристике документального материала настоящего издания.

Не случайно изложение это вводит нас в существо вопроса о возникновении войны 1914 г.: нить, которую мы держим в руках, — вопрос о Проливах, — как надежный путеводитель ведет нас от одного открытия к другому и, наконец, приводит к заключению, что военно-политическая конъюнктура 1914 г. как для России, так и для других участников войны в существенных своих чертах была предрешена европейской дипломатией задолго,— за годы, — до момента, когда принимались фатальные решения.

Явственно отграниченной эпохой в истории внешней политики России является, так называемое, «возвращение России на Ближний Восток», после того, как на путях ее закрылись двери на Востоке Среднем и Дальнем. Послевоенные соглашения с Японией и Англией закрепили status quo и мир на границах от Маньчжурии до Персии, в то время, как положение на Ближнем Востоке, в непосредственной связи с общеевропейской конъюнктурой, наоборот, окончательно потеряло центр политического равновесия. «Золотые цепи», приковавшие Российскую империю к Франции, украсились цветами радужных надежд на осуществление заветных планов возвеличения Романовского дома, в союзе с исконным противником их — Англией. Угроза «крымской комбинации», которой еще во время русской японской войны Вильгельм держал в руках Николая, перестала существовать; наоборот, небывалое положение союзника «морских держав» сулило царскому правительству, после пережитых внутренних и внешних испытаний, триумфы внешние и одоление внутренних врагов.

В протоколе «Совещания 21 января 1908 г. о положении дел в Малоазиатской Турции и на Балканском полуострове» [1]) излагается вступительная речь А. П. Извольского, освещающая общее международное положение следующим образом:

«Два года тому назад самым острым вопросом в области внешних дел было положение на Дальнем Востоке. Благодаря заключенным с Японией договорам по отдельным вопросам, подкрепленным общеполитическим соглашением, положение это значительно изменилось к лучшему. Соглашение с Англией окончательно закрепило таковой результат. В ряду аргументов, приводившихся министром иностранных дел в пользу заключения означенных политических сделок, важное значение им придавалось всегда тому соображению, что Россия может оказаться в близком будущем лицом к лицу с серьезными осложнениями на Ближнем Востоке. Мнением гофмейстера Извольского всегда было, что, если на Дальнем Востоке неблагоприятный

[1]) Председатель — Столыпин (предс. совета министров), члены: министр финансов Коковцов, морской министр Диков, министр иностранных дел Извольский, начальник ген. штаба Палицын, за военного министра пом. его Поливанов и пом. министра ин. дел Губастов; на подлиннике пометка Николая II: «Читал». — Опубликован М. Н. Покровским в «Вестнике Нар. Ком. Ин. Дел.», 1919 г., № I, стр. 19 — 25.

для нас оборот событий в значительной степени может быть предотвращен нашими собственными усилиями, то на Ближнем Востоке события зависят не от нас... Здесь могут в любой момент совершиться такие события, которые предотвратить не в нашей воле. Исторические задачи России на турецком Востоке и традиции нашего прошлого поставят ее, в случае таких осложнений, в особенно затруднительное положение. Оставаясь безучастной к ним, она рискует разом потерять плоды вековых усилий, утратить роль великой державы и занять положение государства второстепенного значения, голос которого не слышен...

... «Предшественник гофм. Извольского, граф Ламздорф, держался в отношении балканских дел охранительной политики: он стремился сдерживать Болгарию и, вместе с тем, поддерживал соглашение с Австрией [1]); такая политика носит чисто отрицательный характер, она неспособна привести к благоприятному, с точки зрения русских исторических интересов, разрешению балканских вопросов, но зато имеет одно преимущество — способствует замораживанию этих вопросов. Во всяком случае, это не политика серьезных успехов на пути к основным целям, нами преследуемым.

«За последнее время этой политике нанесен серьезный удар. Австро-Венгрия не скрывает более своих партикулярных эгоистических стремлений... [2]). С другой стороны, серьезное затруднение встретилось ныне на пути осуществления македонских реформ...

«Выход из этого трудного положения найти не легко. Его можно бы, при известных условиях, искать в тесном сближении с Англией. Английский посол в С.-Петербурге уже намекал в беседах с гофм. Извольским на такую политическую комбинацию, указывая на общность интересов обеих держав в делах Ближнего Востока.

«На самом деле легко было бы скомбинировать совместные военного характера мероприятия двух государств в Турции. Министр иностранных дел не может не признать, что подобная политика представляет перспективу весьма заманчивую, и он рекомендовал бы ее, при благоприятных условиях, как способную привести к блестящим результатам и содействовать осуществлению исторических целей России на Ближнем Востоке. Но такая политика способна была бы открыть снова турецкий вопрос в его целом...

«Весьма важно заранее отдать себе отчет в том, какое положение может занять Россия в случае грядущих осложнений. Должна ли она отнестись к ним пассивно, сделать все, чтобы избежать затруднений и не быть

---

[1]) В действительности, первая попытка проведения такой политики сделана была Лобановым-Ростовским (1895—1896 г. г.). В посмертном издании мемуаров бар. Розена живо охарактеризована «традиционная» русская политика в Сербии, направленная к возбуждению аппетитов в сторону увеличения сербской территории как за счет Турции, так и за счет Австро-Венгрии. С наказом «не итти по стопам своих предшественников», Розен был послан кн. Лобановым-Ростовским в Сербию, но там ожесточенным противником нового «спокойного» курса выступил, — рука об руку с русским военным агентом, — французский посланник. См. Rosen,—«40 years of diplomacy».

[2]) Свидание Извольского с Эренталем в Бухлау 15 сентября того же года, опубликование акта об аннексии Боснии и Герцеговины 6 октября (нов. ст.).

вовлеченной в борьбу? На этом пути нельзя ждать успехов и правильного ограждения русских интересов. Заняв такую позицию, мы выйдем из будущего политического кризиса уменьшенными, не будем больше великой державой. Или, быть может, мы не находимся ныне в таком положении, чтобы следовало, во что бы то ни стало, отказаться от активной политики?»

В заключение, Извольский «готов согласиться с начальником ген. штаба в том, что турецкие действия вдоль персидской границы представляют серьезные невыгоды для России, но должно заметить, что, если мы, со своей стороны, предпримем какие-либо агрессивные действия на азиатской границе Турции, то это неминуемо повлечет за собой осложнения на Ближнем Востоке. Наши военные мероприятия истолкованы были бы на Балканском полуострове, как сигнал к действиям».

Пом. военного министра ген. Поливанов заявил, что «армия наша не может считаться приведенной в порядок»; морской министр,—что «черноморский флот в настоящее время не готов к военным действиям» против Босфора, на необходимость которых указал начальник ген. штаба; министр финансов,—что война с Турцией из-за Персии была бы «осуждена народным самосознанием». После этого Извольский «считает долгом еще раз обратить внимание на необходимость выяснить, представляется ли возможным сойти с почвы строго охранительной политики, которой Россия придерживалась до сих пор и которая способна привести нас к весьма невыгодным результатам, или он может говорить с твердостью, подобающей министру иностранных дел великой державы, уверенному в возможности для нее решительно отстаивать свои интересы». На это последовал категорический ответ Столыпина, считавшего «долгом решительно заявить, что в настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация в России придала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить... В такую минуту нельзя решаться на авантюры или даже активно проявлять инициативу в международных делах. Через несколько лет, когда мы достигнем полного успокоения, Россия снова заговорит прежним языком. Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повлекла бы за собой опасность для династии. Статс-секретарь Столыпин считает поэтому долгом категорически заявить, что в настоящее время никакая мобилизация ни под каким видом невозможна», в случае же «серьезных осложнений на Балканах, придется надеяться лишь на дипломатическое искусство министра иностранных дел; в руках его теперь рычаг без точки опоры, но России необходима передышка, после которой она укрепится и снова займет принадлежащий ей ранг великой державы».

Через неделю,—28 января того же года,—состоялось заседание совета государственной обороны «по вопросу о подготовке к войне с Турцией», которое признало, что, «вследствие крайнего расстройства материальной части в армии и неблагоприятного внутреннего состояния, необходимо ныне избегать принятия таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения», и что «основанием для возникновения войны могут служить только такие действия иностранной державы, которые

нанесут существенный и очевидный для народного самосознания удар достоинству и чести России».

Трудность положения правительства заключалась в том, что, отказываясь от иной политики, кроме строго оборонительной, «как от бреда, опасного для династии», оно не только становилось под удары влиятельнейших националистических кружков, но и роняло и в более широких, великодержавно-либеральных кругах тот-же самый престиж династии. Таким образом, внутренняя слабость режима создала заколдованный круг, — либо риск новой революции, либо дальнейшее падение престижа династии и правительства, — выход из которого сулился лишь в неопределенном будущем, после достижения «полного успокоения». Мысль, что это «полное успокоение» возможно лишь в связи с восстановлением обаяния романовской державы, разумеется, не была чужда и в то время правящим верхам; к ней явным образом склонялся, при постановке своего вопроса в государственном совещании, и министр иностранных дел. Однако, решительно возобладало опасение военной неудачи и революции. Извольскому пришлось действовать рычагом «без точки опоры», рассчитывая при охране великодержавного престижа империи исключительно на свое дипломатическое искусство.

Положение это вскрылось с полной ясностью к осени того же 1908 года.

В то время, как дипломатическая кампания Извольского в пользу открытия черноморских проливов для военных судов прибрежных черноморских государств кончилась полной неудачей [1]), Эренталь, использовавши освещенное цитированными выше дебатами и резолюциями и известное ему во всех деталях состояние русского правительства, провел аннексию Боснии и Герцеговины явочным порядком, в качестве авансированного вознаграждения за несостоявшееся в действительности открытие Проливов. Это пресловутое «поражение Извольского» имело ближайшим своим последствием чрезвычайное возбуждение в русских, — в особенности правых, — общественных кругах. В государственной думе, по свидетельству П. Милюкова [2]), «депутаты далеко опережали в своем националистическом азарте технически вышколенное, но в сущности тоже националистически настроенное ведомство иностранных дел. Началась усиленная «неославистская агитация». В письме к Нелидову (посол в Париже) Извольский 5 ноября 1908 г., действительно, жалуется, что, с одной стороны, в Петербурге «вовсе не склонны из любви к Сербии вести войну», а с другой — задача ликвидации боснийского кризиса чрезвычайно затрудняется шумихой в петербургском обществе и прессе, провоцирующей Сербию и Черногорию на авантюры, в которых Россия не окажет им никакой материальной поддержки. Англия обещает России дипломатическую поддержку, но требует воздействия России на Сербию в умиротворяющем духе (сокращение компенсационных требований); французское правительство также готово поддержать предложение России созвать конфе-

---

[1]) См. «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910 — 1914 г.г.». Сб. секретн. дипломатических документов б. имп. росс. мин. ин. дел, Москва, 1922 г., стр. 529 — 530. Проект Извольского, ответ Грэя и последующая фаза переговоров.

[2]) В статье к десятилетию войны 1914 г. в «Последних Известиях».

ренцию, но предупреждает меморандумом 13/26 февраля 1909 г., что требования Сербии ему кажутся неосуществимыми и, так как этот кризис не затрагивает жизненных интересов России, то оно просит русское правительство общими силами предотвратить опасность войны, которая была бы еще менее популярна во Франции. В марте дело дошло до открытых военных приготовлений в Сербии и в Австро-Венгрии. Англо-франко-русские переговоры ведут к совместному давлению на сербское правительство. Извольский 4/17 марта поручает русскому посланнику в Белграде уговорить сербское правительство, в виду повышающихся с каждым неудовлетворительным ответом сербов требований австрийского правительства, признать аннексию, так как «сербский ответ, вынужденный принудительными мерами, даже если будет заключать категорический отказ от прав на Боснию и Герцеговину, не будет иметь решающего значения для будущей судьбы этих провинций» [1]). Решительное выступление Пурталеса в Петербурге в пользу Австрии вынуждает и русское правительство согласиться на формальную ликвидацию кризиса, — отмену 25 ст. Берлинского трактата, и т. д.

С этого момента определился поворот в парижских настроениях: 19 марта (1 апреля) 1909 г. Нелидов уведомлял Извольского, что французское общественное мнение «благодарно Вам» (Извольскому) за жертву, избавившую Европу от войны, но французское министерство ин. дел неприятно поражено тем, что русское правительство не обусловило этой жертвы согласием других держав и не настаивало на англо-франко-русских требованиях в пользу Сербии. Германия и Австрия празднуют легкую победу.« Вследствие этого общественное мнение Франции, а также и Англии, требует дальнейшего сближения между Россией, Францией и Англией, сообща действовавших уже в австро-сербском конфликте», — с целью «планомерного развития сил» и «восстановления политического равновесия, нарушенного в пользу Германии и Австрии». От России требуется восстановление ее военных сил, тогда Германии и Австрии будет прегражден общими силами держав Антанты путь к Средиземному морю и к австрийскому преобладанию на Балканах. 19 марта (1 апреля) русский посол в Париже писал Извольскому еще определеннее: во французскую прессу проникли резкие обвинения французского правительства в том, что оно своим поведением заставило Россию капитулировать перед Германией и Австрией; французский посол в Берлине, Жюль Камбон, обратил внимание Пишона на то, что решительность Германии и Австрии объясняется их уверенностью не только в слабости России, но и в том, что Англия и Франция, в случае войны, не выступили бы на ее защиту; Камбон требовал военной демонстрации, которая убедила бы Германию и Австрию в противном; кроме того, он протестовал против заявления одного из английских министров, что из-за Сербии Англия воевать не намерена. Действительно, если во Франции уже сделаны распоряжения о военных передвижениях на восточной границе и о приготовлениях к мобилизации, то в Лондоне этому «очень рады» и, в свою очередь, согласились с Парижем о сосредото-

---

[1]) B. von Siebert, — «Diplomatische Aktenstücke, zur Geschichte der Ententepolitik». Berlin, 1921, Erstes Kapitel.

чении англо-французской эскадры у о. Мальты, помимо других специальных мер британского адмиралтейства. «Но в то же время, — пишет росс. посол в Париже,—телеграфные агентства оповестили всю Европу о тайном заседании совета министров в Царском Селе, в котором министр финансов, торговли и военный указали, что Россия не в состоянии воевать». Это публичное доказательство нашего полного бессилия произвело на наших друзей подавляющее впечатление. Парижский и лондонский кабинеты вывели отсюда заключение, что Россия, Франция и Англия должны более, чем когда-либо, сблизиться и одновременно усиленно вооружаться, чтобы убедить противника в своей способности добиться уважения к себе и к своим требованиям. Только таким путем, — заключает посол, — возможно восстановить нарушенное в пользу Тройственного Союза европейское равновесие, и только таким путем Россия может вернуть себе, временно утраченное, ее влияние на балканские государства; наконец, только таким путем Россия сможет осуществить свою великую, предуказанную провидением, историческую миссию!»

Русская дипломатия в это время переходила уже на новые рельсы: к систематической подготовке лиги балканских государств. «Поражение Извольского» и триумф Эренталя повлекли за собой столь энергичное сотрудничество англо-франко-русской дипломатии, что политика русского министра иностранных дел, не имевшая «точки опоры» в самой России, получила ее в Париже и в Лондоне. В октябре 1909 г. состоялось русско-итальянское соглашение при свидании Николая II и Виктора-Эммануила и их министров, Извольского и Титтони [1]), в Раккониджи. Итальянский империализм, требовавший «компенсаций» для себя во время боснийского кризиса, готовился к нападению на турецкие владения в сев. Африке; он заручился ранее доброжелательным нейтралитетом Франции и Англии, теперь он стремился заручиться особым соглашением и с Петербургом. Это соглашение и состоялось в Раккониджи: русское правительство предоставляло Италии свободу действий против Турции в сев. Африке, итальянское же обязалось благожелательствовать русским интересам в вопросе о Проливах (п. 5 соглашения). В то же время началась тайная работа по организации союза балканских государств, перед которыми открывалась, таким образом, возможность «компенсаций» за австрийскую аннексию, — также в турецких областях. Начатая еще при Извольском, работа эта продолжается с особенной энергией при Сазонове. В отношении Сербии беспокоиться было нечего: все расчеты и надежды руководителей ее внешней политики опирались на помощь России, Франции и Англии. Почти три года энергичных усилий русской дипломатии понадобилось для того, чтобы Болгария согласилась принять участие в этой новой комбинации. Лишь 30-го марта 1912 г. Сазонов мог, наконец, сообщить послам в Париже и в Лондоне, что болгаро-сербский союзный договор заключен и что таким образом Россия обеспечена от распространения влияния какой-либо иной великой державы на Балканах. Значение этого договора лучше всего было охарактеризовано Пуанкарэ, когда он в Петербурге ознакомился с его содержанием, словами: «l'instrument de la guerre».

[1]) О денежных отношениях между Извольским и Титтони, см. сенсационные «Carnets» Жоржа Луи, опубликованные в журнале «L'Europe» за ноябрь 1924 г.

Этому предшествовала вторая фаза переговоров Извольского об открытии Проливов для русских военных судов. В первой, как известно, попытка эта была пресечена Грэем, безапелляционно доказавшим, что никакие соглашения с центральными империями (переговоры в Бухлау) не подвинут ни на шаг к осуществлению русских пожеланий в этом вопросе. Одновременно с отрицательным ответом Извольскому [1]), английское правительство предупредило даже Порту об агрессивных замыслах России, потребовало усиления оборонительных средств на Босфоре и послало британскую эскадру в турецкие воды [2]).

В виду этого вполне понятно, что петербургское правительство «разочаровалось» в своих надеждах на Лондон и Париж и в феврале 1910 г. объявило о достижении полного согласия с Австрией по балканским делам,—со стороны Австрии было сделано все для этого, — а в ноябре 1910 г. поразило своих друзей в Лондоне и Париже потсдамским свиданием. То, что Пуанкарэ лишь по приезде в Петербург узнал содержание болгаро-сербского договора, показывает, что русская дипломатия не спешила раскрывать свои карты перед союзниками. По поводу свидания Николая II с президентом Французской республики в Шербурге (3 августа 1909 г.) бельгийский поверенный в делах в Париже писал, что «прекрасные дни франко-русского союза миновали... ничего не осталось от былого воодушевления... Об этом союзе говорят, как о чем то приятном, на что вряд ли можно, в случае надобности, рассчитывать». Извольский уехал в Париж послом, и место его занял Сазонов, начавший деятельность свою с потсдамского свидания и поэтому с большой симпатией встреченный правящими берлинскими кругами.

Открытие Италией военных действий против Турции заставляет русское правительство вернуться к вопросу о Проливах. 19 сентября ст. стиля 1911 г. русский посол в Константинополе, Чарыков, получает из Петербурга предписание, «пользуясь обстоятельствами итало-турецкой войны и франко-германских переговоров о Марокко», попытаться добиться у нового турецкого правительства некоторых уступок, в частности, допущения прохода

---

[1]) «Английское правительство согласно на открытие Проливов при условии, что Проливы будут открыты для всех одинаково и без исключения. Русское предложение идет в разрез с общественным мнением Англии, которое было бы крайне разочаровано, если бы Россия, протестовавшая против действий Австрии, воспользовалась случаем обеспечить для себя преимущества в ущерб Турции или с нарушением *status quo* к невыгоде других. Чисто одностороннее соглашение, которое дало бы черноморским государствам преимущество в военное время пользоваться всем Черным морем, как недоступной гаванью, в качестве убежища для своих крейсеров и истребителей при преследовании их воюющими, не может быть воспринято общественным мнением Англии. Соглашение должно быть, следовательно, таким, чтобы... оно заключало в себе элемент взаимности и, в случае войны, поставило бы воюющих в равные условия. Кроме того, относительно прохождения Проливов правительство его величества позволяет себе заметить, что согласие Турции необходимо, как предварительное условие для всякого проекта». (Письмо Эд. Грэя от 14 окт. 1908 г. — См. «Мат. к истории франко-русских отношений», прилож.).

[2]) См. сборник статей «Проливы», под ред. Ф. Ротштейна,—ст. Е. Адамова, «Константинополь и Проливы».

русских военных судов через Проливы. Прием, оказанный турками этому предложению, заставил русское министерство иностранных дел снова бить отбой. 2 декабря Чарыков получил из Петербурга телеграмму: «Так как переданные Вами Ассим-бею (турецкий министр ин. дел.) пункты преждевременно огласились не по нашей вине, считаем невозможным вести переговоры в рамках сообщенных Вами туркам текстов». (Чарыков указывал на возможность получения Турцией гарантии европейских владений (Македонии) против балканских государств). 6 декабря официоз турецкого министерства ин. дел («Ени-газет») заявлял:

«Ни одно турецкое правительство и ни один турок ни на один момент не допустят мысли, что Оттоманская империя может дойти до положения русского вассала... Мы можем заявить оттоманскому народу, что Порта откажется исполнить русские пожелания».

Английская точка зрения была высказана пом. ст.-секретаря Никольсоном французскому послу в Лондоне, Камбону, передавшему ее русскому послу гр. Беккендорфу: «По его убеждению (сообщение Беккендорфа от 23 окт. н. ст.), мнение Англии то же, что и в 1908 г., и нынешний момент (война Италии с Турцией) неудобен для возбуждения вопроса о Проливах». Грэй подтвердил, что «в мирное время проход русских судов возможен при согласии Турции, но в военное время, если замешана Россия, нельзя ставить другую воюющую державу в несправедливо невыгодное положение». [1]).

От Франции русское правительство требовало, взамен своего «доброжелательного отношения к переговорам ее с Германией о Марокко», «отказаться от оппозиции или вмешательства в такие вопросы, где Франция менее заинтересована, мы же имеем существенные интересы, а именно—Проливы и Маньчжурия». (Письмо Сазонова Извольскому в Париж 22 сент. 1911 г.). Из любезных ответов французского правительства Извольский вынес впечатление (письмо его 13 окт. 1911 г.), что «по вопросу о Проливах Франция желает итти заодно с Англией». И действительно, 4 января 1912 г. французский министр ин. дел де-Сельв вручил Извольскому письмо, в котором говорилось, что он счастлив подтвердить заявление французского правительства, сделанное в 1908 г., а именно: «Французское правительство попрежнему готово обменяться взглядами по этому вопросу с русским правительством, *если бы новые обстоятельства вызвали необходимость* рассмотрения вопроса о Проливах».

В Риме дело ограничилось разговором о «закреплении Италией принятых ею на себя в Раккониджи обязательств».

Германское правительство энергичнейшим образом поддержало в Константинополе решимость младо-турок, а в Берлине, стараясь сохранить потсдамскую дружбу, любезно сообщило русскому послу, что «ни в какой

---

[1]) Бенкендорф указывал, что открытие Проливов для русских военных судов будет компенсировано гарантией неприкосновенности Константинополя и даже всей турецкой территории, на что Никольсон резонно отвечал, что такая гарантия плохо согласуется с позицией нейтралитета в происходящей итало-турецкой войне. Siebert, S. S. 674 и 679.

мере не возражает против наших соглашений с Турцией по поводу Проливов». (Сообщение Остен-Сакена от 10 ноября).

Австро-венгерский посол в Константинополе, Паллавичини, неосторожно сказал Чарыкову, что «венский кабинет уже высказал свое принципиальное согласие на свободное прохождение русских военных судов через Проливы (в 1908 г.)», но затем Эренталь заявил русскому послу в Вене, что Паллавичини высказал свой личный взгляд, он же, Эренталь, «готов дружественно обсудить этот вопрос, хотя и не считает себя связанным обещаниями 1908 г.», а 10 ноября того же (1911) года австро-венгерский посол в Петербурге сообщил, что его правительство признает «специальные интересы» России в Проливах, но при этом оговорил необходимость найти формулу, обеспечивающую Австрию от нападения русского флота.

Официальный ответ турецкого правительства русскому послу 8 декабря гласил: «Оттоманское правительство, в согласии с договорами, заключенными до 1871 г. и подтвержденными Берлинским конгрессом, не может допустить исключительное прохождение русского флота через Проливы во время мира, как и во время войны, и объявляет, что все права на Проливы принадлежат исключительно оттоманской нации и ее суверену для защиты неприкосновенности (оттоманской) территории».

Неловкость положения Сазонов мог смягчить лишь заявлением, сделанным им в тот же день сотруднику «Temps», что русское правительство не предпринимало никаких официальных выступлений по вопросу о Проливах, что переговоры Чарыкова с турецким министром иностранных дел имели теоретический и частный характер и что Чарыков вышел за пределы данных ему инструкций.

Таким образом, русское правительство, пытаясь добиться изменения положения в Проливах при помощи Австрии (Бухлау), потерпело поражение; пытаясь опереться на Париж и Лондон, но не оплатив авансом их поддержки в этом вопросе, потерпело второе поражение и, наконец, пытаясь опереться на балканские государства и использовать посредничество между ними и Турцией, потерпело третье по счету поражение. «Рычаг» неизменно скользил и срывался в вопросе о Проливах. Но он работал превосходно там, где дело шло о создании общей антантофильской ориентации, и, в первую очередь, при создании балканской «конфедерации». Здесь единственным условием успеха было то, чтобы направить острие этого «военного инструмента», если не исключительно, то во всяком случае, главнейшим образом, против Австро-Венгрии, а, следовательно, и союзной с ней Германии. Этому условию отвечал неизменный отказ Петербурга продолжить австро-русское соглашение 1897 г. [1]) или заключить новый договор, который гарантировал бы Австро-Венгрию от угрозы сформирования балканской лиги. «Первым триумфом русской политики, — писал совершенно справедливо с австрийской точки зрения гр. Андраши,—было то, что ей удалось создать под русским протекторатом балканский союз — в первую очередь, против Турции, во вторую,

---

[1]) A. F. Pribram, — «Die politischen Geheimverträge Oesterreich-Ungarns 1879 — 1914». Wien, 1920.

когда понадобится, против нас. Этот балканский союз был полнейшим поражением нашей политики; он вытеснял нас с Балкан». [1]).

Дезавуирование, а затем и уход Чарыкова не могли исчерпать вопроса. 23 ноября 1911 г. Италия объявила о своем намерении блокировать Дарданеллы, а в апреле 1912 г. Проливы были фактически закрыты Турцией [2]). Петербургская дипломатия потребовала в Париже и в Лондоне содействия для открытия Проливов. Завязалась очень оживленная переписка, но результатом ее было французское предложение созвать конференцию для ликвидации итало-турецкой войны. Раньше, чем оно осуществилось, Турция открыла вновь Проливы и заключила мир с Италией. В этой переписке особый интерес представляет письмо Извольского Сазонову 26 апреля (9 мая) 1912 г., в котором первый пишет, что Пуанкарэ, между прочим, заметил: «если русская точка зрения на обязанность Турции держать и в мирное, и военное время Проливы открытыми для торговых судов возобладает, то это приведет в конце концов к формальной нейтрализации Проливов, тем более, что это отвечает общей тенденции современного международного права,—обстоятельство это мы, по его мнению, должны иметь в виду, чтобы впоследствии не впасть в противоречие с нашими собственными политическими интересами и стремлениями» [3]).

II. Кризис 1912—1913 г.г.

Между тем балканский военный механизм пришел в движение, и русской дипломатии пришлось пожать первые плоды своего первого триумфа: под аккомпанимент восторженных приветствий в Вене и в Берлине победоносные болгарские войска двинулись на чаталджинские позиции, — последнюю линию укреплений на пути к Константинополю. Официозная венская печать призывала Болгарию итти до конца, утверждая, что никто не может помешать ей занять Константинополь и что «общественное мнение Австро-Венгрии желает болгарам символа полной победы над турками: занятия их войсками Константинополя». Берлинская пресса также приветствовала предстоящее вступление Фердинанда в храм св. Софии; по словам проф. Шимана, «немцы были больше болгарами, чем сами болгары». В то же время Радко Дмитриев послан был в Петербург для обреченных на полный неуспех переговоров с русским правительством о константинопольских возможностях.

И в Вене, и в Берлине строились расчеты,—в значительной мере это было результатом поездки Фердинанда (с болгаро-сербским военным договором в кармане) летом 1912 г. в Вену и в Берлин с целью попытаться мирным путем ликвидировать турецкие владения в Европе, — на то, что болгарская гегемония на Балканах направляет весь балканский «военный механизм» против первоначальных строителей его, т.-е. против России. Проф. Veit Valentin в своей работе, написанной на основании архивных документов

[1]) Gr. J. Andrassy, — «Diplomatie und Weltkrieg», S. 47.
[2]) Закрытие — 19 апреля 1912 г., открытие — 18 мая 1912 г.
[3]) Siebert, S. 504.

берлинского министерства ин. дел, держится этого весьма субъективного взгляда и теперь: «Болгарскому королю, — говорит он, — удалось отвести направленное против Австрии острие балканской комбинации в сторону сербских и великодержавно-русских вожделений, а так как болгарское общественное мнение шумно требовало войны и освобождения македонских братьев, то он завершил 19 июня 1912 г. союз с Сербией военным соглашением, заключивши в июле и в августе, одновременно с Сербией, военную конвенцию с Грецией и Черногорией против Турции. Как мало панслависты и даже официальная Россия участвовали в этом последнем обороте дела, доказывает факт, что Россия советовала Сербии, непосредственно перед началом войны, оставить Болгарию за бортом. Балканский союз был в его последнем фактическом осуществлении делом короля Фердинанда болгарского и потому он, в сущности, был ориентирован еще больше, чем против Турции, против России. Ведь, ликвидация Европейской Турции без русской гегемонии и преобладания в Константинополе была бы ударом по основным стремлениям русского великодержавия. И Россия посчиталась за это с Болгарией» [1]).

Конъюнктура 1912 г. представляет столь существенное значение с точки зрения событий 1914 г., что на ней приходится остановиться,—тем более, что она более затемнена, чем разъяснена официальными документальными изданиями и основанными на них работами. Пример поразительного искажения исторической действительности мы находим в упомянутой работе проф. Valentin-a. «Активно заинтересованным на Балканах державам, — говорит он [2]), — России, Австро-Венгрии и Италии, противостала группа неактивно-заинтересованных, — Германии, Англии и Франции. Германия соединилась с державами Entente cordiale в общем желании сохранить европейский мир и локализовать борьбу на Балканах. Произошло сближение между Германией и Французской республикой. Они согласились между собой в том, чтобы действовать на своих союзников, Россию и Австро-Венгрию, в одинаковом смысле. Пуанкарэ лично взял на себя инициативу сохранения мира и *status quo*».

Книга проф. Valentin-a издана в 1921 г., и, очевидно, ему не были известны результаты архивных работ, опубликованные в 1922 г. в Москве; и если он предвосхитил точку зрения, руководившую составителями французской «Желтой Книги» о балканских делах 1912—1913 г.г., то слова его кажутся сознательной иронией при сопоставлении с русскими документами.

В конце июля 1912 г. Пуанкарэ (председатель совета министров и министр ин. дел) был в Петербурге. Всеподданнейший доклад Сазонова от 4/17 августа 1912 г. о совещаниях с ним отмечает: 1) успешное завершение переговоров между начальниками французского и русского морских ген. штабов, заключение [3]) и утверждение морской конвенции, 2) требование Пуанкарэ

---

[1]) V. Valentin, — «Deutschlands Aussenpolitik von Bismarks Abgang bis zum Ende des Weltkrieges», S. 112.

[2]) Ibid. S. 113.

[3]) Одновременно с соглашением о перераспределении англо-французского флота.

о выполнении пожелания французского ген. штаба об удвоении колеи на стратегических линиях, ведущих к западной границе, 3) сообщение Пуанкарэ об ультра-секретном устном соглашении между английским и французским правительствами, «в силу которого Англия выразила готовность оказать Франции, в случае нападения со стороны Германии, помощь как морскими, так и сухопутными силами, — на суше Англия обещала поддержать Францию посылкой стотысячного отряда на бельгийскую границу для отражения ожидаемого французским ген. штабом вторжения германской армии во Францию через Бельгию» [1]); при этом Пуанкарэ «затронул вопрос о возможном согласовании действий военно-морских сил России и Англии» и просил договориться об этом во время предстоявшей поездки в Англию Сазонова с английскими министрами; 4) по поводу болгаро-сербского соглашения Пуанкарэ выразил опасение, в виду его наступательного характера и возможности «ежеминутных» осложнений на Балканах; «при этом г. Пуанкарэ счел своим долгом отметить, что французское общественное мнение не позволит правительству республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину применения *casus foederis*, в каковом случае мы, разумеется, могли бы рассчитывать на полное и точное выполнение Францией связывающих ее по отношению к нам обязательств». — В ответ на это Сазонов «со своей стороны сказал, что... мы также не могли бы оправдать перед русским общественным мнением нашего активного участия в военных действиях, вызванных какими-нибудь внеевропейскими, колониальными вопросами до тех пор, пока жизненные интересы Франции в Европе останутся незатронутыми». Доклад этот заканчивается панегириком Пуанкарэ, как «верному и надежному другу», обладающему «недюжинным государственным умом и непреклонной волей»: «в случае наступления критического момента в международных отношениях, было бы весьма желательно, чтобы во главе правительства нашей союзницы стоял, если не сам г. Пуанкарэ, то лицо, обладающее столь же решительным характером и чуждое боязни ответственности, как нынешний французский первый министр». [2]).

---

[1]) «Сообщение это г. Пуанкарэ убедительно просил меня держать в самой строгой тайне и не давать даже англичанам повода предполагать, что оно было нам сделано». Соглашение это было зафиксировано 22 ноября 1912 г. идентичными письмами между Грэем и Камбоном, текст которых Грэй в своей знаменитой речи 3 авг. 1914 г. в палате общин прочел, но с пропуском последней фразы, где говорится об эвентуальном осуществлении планов английского и французского ген. штабов. На это обстоятельство указано было еще в 1915 г. в американском издании «How Diplomats Make War», первое издание без указания автора, второе за подписью б. депутата, Francis Nelson, см. «The secret History of a great Betrayal» by E. D. Morel, p.p. 11 — 12.

[2]) Собственноручная запись Пуанкарэ об этой беседе, оставленная им в архиве французского министерства ин. дел:

«Я прошу Сазонова осведомить меня о сербо-болгарском и греко-болгарском соглашениях. Не скрываю, что мне не понятно, почему они не были сообщены Франции Россией; Извольский мне сказал, что он их не знает, но заверил меня, что цель их — сохранение status quo», — чему, впрочем, Пуанкарэ просто не поверил. Ознакомившись, в переводе Сазонова, с русским текстом сербо-болгар-

30 августа (12 сентября) Извольский частным и весьма доверительным письмом из Парижа сообщает Сазонову о своих переговорах с Пуанкарэ после возвращения последнего из Петербурга. Пуанкарэ несколько встревожен известиями из балканских столиц, где происходит «борьба военных элементов (желающих, ради спасения своего существования, использовать во что бы то ни стало настоящую конъюнктуру) против радикалов и антимилитаристов»... «Пуанкарэ считает, что болгаро-сербское соглашение действует разжигающим образом как на болгар, так и на сербов», но если, «вследствие заявления России, Болгария не будет в состоянии использовать настоящие обстоятельства в свою пользу, — это нанесет тяжкий удар влиянию и престижу России в Болгарии, а также идее о дружеской и согласной политике балканских государств под эгидою России; преемники Гешова, стамбуловисты или радослависты, сейчас же разорвут соглашение с Сербией и вернутся к прежней системе колебаний между Россией и Австрией и заискивания перед Веной. Далее г. Пуанкарэ сказал мне, что, по имеющимся у него сведениям, в случае воинственного выступления Сербии, Австро-Венгрия ни в каком случае не двинется в Санджак, а, по ходу дела, направит свои действия на Белград; это, конечно, не может остаться безразличным для России и приведет, вероятно, ко всеобщей войне». Затем Пуанкарэ повторил сказанное Сазонову о выполнении союзных обязательств в случае выступления Германии, и добавил, что, «в виду критического положения на Балканах, высшие органы французского военного управления с усиленным вниманием изучают все могущие произойти военные случайности, и ему известно, что сведущие и ответственные лица весьма оптимистически смотрят на шансы России и Франции в случае общего соглашения; оптимистический взгляд этот основан, между прочим, на оценке той диверсии, которую произведут соединенные силы балканских государств (за исключением Румынии), оттянув соответствующую часть австро-венгерских военных сил».

В Петербурге, несомненно, колебались между внушениями из Парижа — отстаивать престиж и влияние России на Балканах — и столыпинской заповедью осторожности. Премьер Коковцов, как человек деловой, не чувствовал склонности к «бреду», от которого предостерегал Столыпин. Пока Николай II охотился в Спале с Николаем Николаевичем и другими воинственными генералами, настроение повышалось; когда же император вернулся в Царское Село и ознакомился с внутренним положением, произошел резкий поворот:

ского договора, Пуанкарэ констатирует: «Здесь говорится о status quo только в предвидении его нарушения.... Договор заключает семя войны не только против Турции, но и против Австрии. Он устанавливает, сверх того, гегемонию России над обоими королевствами, так как Россия является арбитром во всех разногласиях. Я сказал Сазонову, что эта конвенция нисколько не соответствует тому, как мне ее определяли, что она, в действительности,—договор о войне (instrument de la guerre) и что она не только раскрывает скрытые планы сербов и болгар, но можно опасаться, что они рассчитывают на содействие России»... (Ministère des affaires étrangères. — Documents Diplomatiques. «Les affaires Balkaniques 1912 — 1914». Tome I, p. 38). Этим исчерпывается запись Пуанкарэ; составители этого издания подстрочным примечанием ссылаются, впрочем, на доклад Сазонова (в издании Зиберта).

предложенная мобилизация против Австрии была отменена, и послушный Сазонов совершенно разошелся с глубоко разочарованным Извольским [1]).

Пребывание в Англии (беседы с королем, Грэем и Бонар Лоу в Бальморале) дало Сазонову формальное подтверждение существования англо-французского соглашения о военных действиях на море и на континенте; кроме того, Грэй, «не колеблясь, заявил, что, если бы наступили предусматриваемые мною обстоятельства, Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу», король же «раздраженно воскликнул», что в случае столкновения англичане уничтожат не только германский военный флот, но «пустят ко дну всякое немецкое торговое судно, которое попадется им в руки». Но, по впечатлениям от своих переговоров в Англии, Сазонов докладывал царю, что Англия не хочет навлечь на себя недовольство мусульман (в Индии) и ослаблять положение англофильского турецкого правительства (Киамиль-паши), а потому нельзя рассчитывать на содействие Англии, если бы потребовалось «энергичное давление на Турцию». В отношении Франции у него составилось во время пребывания в Париже представление, что там боятся и того, что балканские события могут втянуть в войну Францию, и убытков в связи с опасностью, угрожающей французским капиталам на Балканском полуострове, и потому французское правительство напряженно стремится к мирному исходу возникших столкновений. В Берлине он убедился, что так же точно и Германия боится быть втянутой в войну и потому готова на все, чтобы локализовать войну на Балканах, если ее нельзя предотвратить; однако, здесь Сазонову пришлось выслушать сожаление канцлера и министра ин. дел по поводу посещения Николаем Николаевичем французских пограничных крепостей и частичной мобилизации в варшавском военном округе. Тем не менее, доклад свой Сазонов заканчивает словами, что «наши отношения с Германией продолжают сохранять по существу тот оттенок искреннего расположения, который вашему императорскому величеству благоугодно было закрепить личным свиданием с императором Вильгельмом в июле сего года» [2]).

3 октября Сазонова посетил австро-венгерский посол гр. Турн, заявивший, что «даже, если бы события привели к увеличению Болгарии до размеров, намеченных Сан-Стефанским договором [3]), Австрия могла бы отнестись к этому вполне спокойно», т.-е. не потребовала бы для себя территориальной компенсации на Балканском полуострове. Сазонов ответил на это вопросом: «А как бы отнеслась Австро-Венгрия к увеличению Сербии?» — «Австрия,— ответил посол,— никоим образом не могла бы допустить, чтобы ей был

---

[1]) Ср. G. Buchanan «My Mission to Russia and other Diplomatic Memories», London, 1923, vol. I, p.p. 126—127. Valentin рассказывает, сверх того, что французский посол в Берлине, Ж. Камбон, жаловался какому-то германскому госуд. деятелю на ненадежность «фантастически колеблющихся русских политиков, ведущих даже с Францией капризную двойственную игру». «D. A.» S. 114.

[2]) Всеп. доклад Сазонова, датированный: «1912, IX», — напечат. в «Красн. Архиве», т. III, 1923 г.

[3]) Т. е. включая Македонию с Эгейским побережьем. Болгары требовали в это время от Турции реформ в Македонии.

перерезан путь в Салоники, а потому она не могла бы примириться с расширением Сербии до моря». Посол пояснил, что для австрийской торговли с Востоком необходим выход к Эгейскому морю: «Никакое правительство не устояло бы против общественного мнения, если бы оно отказалось от этой цели»... [1]).

4 октября н. ст. Пуанкарэ, по соглашению с Сазоновым (находившимся в Париже), разослал текст предложения о коллективном обращении держав к балканским странам и Турции с указанием, что державы «энергично осуждают всякую меру, угрожающую нарушением мира», и что, если война все же вспыхнет, «они не согласятся в результате конфликта ни на какое изменение нынешнего территориального *status quo* на Балканах», но «возьмут в свои руки в интересах христианских народностей осуществление реформ в Европейской Турции, при чем реформы эти не нанесут никакого ущерба целости территории Оттоманской империи». В тот же день Нератов (управляющий мин. ин. дел в отсутствие Сазонова) предписал послу в Константинополе Гирсу «сделать энергичное представление Порте» по поводу «вызывающего образа действий Порты» по отношению к балканским государствам; Турция, — как он пояснял, — не желает покончить миром пограничный инцидент с Черногорией, закрыла на своей границе провоз военного груза Сербии и наложила эмбарго на греческие суда, «Нагруженные хлебом из русских портов» [2]).

Англия не присоединилась к этому обращению, и Пуанкарэ — Сазонов предложили, что это обращение с редакционными смягчениями по отношению к Турции будет сделано Австрией и Россией от имени всех держав (телеграмма Сазонова из Парижа от 6 октября нов. ст.). В новой редакции говорилось о недопущении в результате войны изменения «территориального *status quo* в Европейской Турции». Англия все же медлила присоединиться к этому шагу даже и в такой форме. Мотивы ее воздержания указаны в цитированной выше записке Сазонова; это обещание сохранения территориальной целости явно неубедительно ни для кого и менее всего для Турции. В действительности, как мы увидим, за этим обещанием скрывалась забота не допустить увеличения турецкой территории, в случае победы Турции над союзниками, и легкость, с которой общая формулировка «*status quo* territorial actuel dans les Balkans» была заменена формулой «*status quo* territorial dans la Turquie d'Europe», не могла ввести в соблазн ни правительства Киамиль-паши, ни его лондонских покровителей, ни, с другой стороны, воинственные балканские правительства. Единственной целью предложений Пуанкарэ-Сазонова было стремление сохранить в своих руках контроль над дальнейшими событиями; отсюда и последующее предложение Пуанкарэ о созыве международной конференции для посредничества и для ликвидации войны, если она начнется, — конференции, которая даже в случае победы Турции,

---

[1]) Запись директора канцелярии мин. ин. дел Шиллинга, с пометкой Сазонова «Верно». «Материалы», стр. 276.

[2]) Следует заметить, что снабжение оружием балканских стран производилось в это время в обширнейших размерах.

даст все необходимые гарантии блоку держав Антанты (при еще не заключенном в этот момент мире между Италией и Турцией). Мысль Сазонова вскрывается следующим обстоятельством: в виду начала военных действий, Пуанкарэ 15 октября поручил послам Франции предложить правительствам, при которых они аккредитованы, формулу о коллективном посредничестве («в удобный момент»,—прибавил Грэй) и созыве конференции; пункт четвертый этой формулы гласил: «державы соглашаются между собой не предпринимать ничего такого, что противоречило бы суверенитету султана и целости Оттоманской империи». Сазонов телеграфирует в ответ на это предложение Извольскому: «пока идет война, конференция не может рассчитывать на должный успех», а потому он против созыва конференции в случае, если посредничество не удастся, но он во всяком случае считает «предпочтительным в настоящее время исключить пока четвертый пункт, содержащий повторение о суверенитете султана». Пуанкарэ этот пункт все же сохранил, сославшись на желание лондонского кабинета. Тогда в Петербурге выдвигают новое возражение: «о реформах упоминается лишь, как о предмете суждения, а по поводу неприкосновенности территории устанавливается принцип», — «в последующих переговорах придется обратить необходимое внимание на правильную установку обоих принципов, *если их сохранение будет признано нужным*». (Нератов Извольскому, 19 окт. н. ст.).

В то же время берлинский кабинет, тщательно избегая даже слова «реформы», заменял его всюду выражением «улучшение администрации», и Пуанкарэ считал, что исключение четвертого пункта «внушит державам подозрение на наш счет и поведет к отдельному выступлению Австрии и Германии», хотя, конечно, «если Вы потребуете исключения четвертого пункта,— телеграфировал Извольский Сазонову, — Пуанкарэ должен будет на это согласиться». В одном из интереснейших документов «Желтой книги о Балканских делах» [1]), в письме наблюдательного и умного Жюля Камбона из Берлина к Пуанкарэ, отмечается, что берлинская дипломатия ждет, в связи с балканской войной, расхождения между «мусульманской» Англией и православной Россией. Единственный пункт общности интересов между ними — обеспечение свободной торговли через проливы. Компромиссная сазоновская политика до поры до времени может удовлетворять англичан но, во-первых, Сазонову и Извольскому противостоят крайние панславистские элементы (Гартвиг в Белграде сказал Пашичу, что сазоновская политика — не русская политика, и если турки победят славян, русский народ сметет все на своем пути), а, во-вторых, как заметил Кидерлен (герм. министр ин. дел), — «если болгары дойдут до Сан-Стефано, у русских и англичан не найдется общего языка». В Берлине допускают возможность полной перегруппировки держав, в связи с этим вероятным разрывом и столь же вероятным сближением с Австрией (оно уже наметилось в отношении «четырех пунктов» Пуанкарэ) Основную задачу французской дипломатии Жюль Камбон видит поэтому в предотвращении разрыва между Англией и Россией через посредничество между Австрией и Россией, в чем Франции

---

[1]) № 191, стр. 116 — 118.

обеспечено сотрудничество Германии, так как в положении последних двух стран много общего. Здесь ключ к «умиротворяющей» политике Р. Пуанкарэ.

Но если двойственность характерна для русской дипломатии того времени, то, как мы увидим, в этом отношении дипломатия французская также подпадала под влияние внутренно-противоречивой обстановки. Жюль Камбон был, конечно, строже к Гартвигу, чем к Милльерану, и — к Извольскому, чем к Пуанкарэ.

Берлинский кабинет был уверен в готовности французского действительно охранить целость Турции в случае полного ее поражения и добивался совместного с Англией и Австрией определения пределов удовлетворения балканских союзников; Россия должна была быть лишь уведомлена о приступе к такому обсуждению [1]).

Тем временем Извольский, «денно и нощно обдумывая различные могущие наступить случайности» [2]), пришел к выводу, что:

решительная победа балканских государств «сразу выдвинула бы во весь его исторический рост вопрос о борьбе славянства не только с исламом, но и с германизмом», и «в этом случае вряд ли можно уповать на какие-либо паллиативные средства, и следует готовиться к великой и решительной общеевропейской войне;

решительная победа Турции «наложит на нас нравственную обязанность прийти на помощь славянским государствам». Извольский предлагал (Сазонову и Пуанкарэ одновременно)в этом случае мобилизацию и «осложнения» на кавказской границе, под предлогом, что там война сохранит местный, никого не задевающий характер;

наконец, затяжной и неопределенный ход войны вызовет посредничество держав, но, вероятно, будет сопровождаться какими-либо беспорядками в Турции, на случай чего следует подготовиться к коллективной демонстрации держав, т.-е. к десанту в Босфоре, — старая, укоренившаяся с 1896 г., мысль: все наши государственные люди в оппозиции приписывали себе честь провала ее, и все они вновь преподносили ее, когда требовалось «положительное творчество». Даже Витте согрешил этим перед смертью.

25 октября в Берлине сильное волнение по случаю решительной победы болгар. В Вене настроение еще выше, — с этой стороны в Берлине ждут шагов, могущих вовлечь в конфликт Германию. Между тем, в Париже, «под влиянием последних событий, — как телеграфирует Сазонову Извольский 28 окт., — замечается серьезный поворот умов в пользу балканских государств и русской точки зрения. Даже биржа, сочувствовавшая вначале Турции, встречает теперь победы этих государств повышательным движением».

Минута, действительно, «психологическая»: Пуанкарэ делает публичное заявление о верности Франции союзу с Россией и окольным путем дает в печать сведение о берлинском предложении и об отказе от него Франции,

---

[1]) D. D., J. Cambon à R. Poincaré, 25 oct., № 200, p. 122. На следующий день он добавляет: «По-моему, следует советоваться с Россией, а не только уведомить ее, как предложил Кидерлен».

[2]) Письмо его Сазонову от 23 окт. — «Материалы к истории франко-русск. отн.», стр. 289.

а в то же время предостерегает Сазонова, что Кидерлен стремится к изолированию России [1]), и «для избежания этой угрозы» русское правительство «должно просить нас немедленно предложить державам посредничество»; если же Сазонов не решится публично формулировать эту просьбу, французское правительство охотно возьмет на себя инициативу с сохранением тайны предварительного соглашения [2]).

Грэй телеграфирует английскому послу в Берлине: «Я разделяю взгляд германского правительства на необходимость державам вообще и Франции, Англии и Германии, в частности, держаться в контакте». «Что касается самого германского предложения, то мой английский коллега, — телеграфирует Ж. Камбон Пуанкарэ 29 окт.., — продолжает относиться к нему благоприятно... Сэр Эд. Гошен не далек от мысли, что статс-секретарь, которого он считает руссофилом, полагает, что петербургское правительство не отвечает настроению русского народа и что следует предложить петербургскому правительству компромиссный выход, на котором сошлись бы державы, но который общественное мнение в России не приняло бы от своего собственного правительства».

Мы видим, таким образом, сущность «умиротворяющей» политики Пуанкарэ: Англия и Россия так далеко разошлись уже, что для сохранения Антанты ему с величайшим трудом приходится лавировать между Лондоном и Петербургом, откуда пробуют предложить программу посредничества одновременно во всех столицах, т.-е. без особого предварительного соглашения с Францией, что приводит Пуанкарэ почти в отчаяние. Программа намечает: в интересах охраны безопасности Константинополя (от болгар) сохранение оборонительной зоны под действительным суверенитетом султана, от устья Марицы, включая Адрианополь, к Черному морю; вся остальная часть Европейской Турции должна быть поделена между балканскими союзниками полюбовно, — по крайней мере, русское правительство готово отстаивать максимум возможного в этих пределах. Сообщая об этом русским представителям в европейских и балканских центрах, Сазонов поясняет: «Только быстрое и единодушное согласие держав на эти условия может предотвратить опасность занятия Константинополя союзниками и связанных с этим общеевропейских осложнений... Нельзя упускать из виду (при образовании автономной Албании) необходимость удовлетворить стремление Сербии к выходу к Адриатическому морю. Между Болгарией и Румынией должно быть полюбовно проведено исправление границы, чтобы дать последней справедливое удовлетворение за ее лояльный образ действий во время войны» [3]). Пуанкарэ, конста-

---

[1]) Так это поняли и в Лондоне. Пункарэ П. Камбону: «Я думаю, как сэр А. Никольсон, что попытка Германии могла бы иметь результатом конституирование новой группы и изолирование России».

[2]) Doc. Dipl. — Les affaires Balkaniques. T. I, № 203.

[3]) «Материалы», стр. 293. Там же: «Пуанкарэ высказал мне (Извольскому), что обсуждение этой программы с Берлином, до установления полного соглашения по затронутым в ней вопросам между Россией и Францией, ставит его в очень трудное положение, и что в момент, когда он только что навлек на себя острое неудовольствие Берлина и Вены своей преданностью принципу согласия с Россией,

тируя отказ от *status quo*, старается объединить правительства великих держав на общей декларации собственной незаинтересованности, как основе безотлагательного посредничества. Того же хочет Сазонов, опасаясь стремления Австрии к территориальной компенсации, в ущерб Сербии, разумеется. Тем же «очень озабочен сэр Эд. Грэй» и сам Пуанкарэ, в виду чего последний предлагает Грэю и Сазонову немедленно поднять вопрос о посредничестве на условиях: 1) коллективного выступления держав, 2) сохранения полностью суверенитета султана в Константинополе и окрестностях, 3) «изменения национального, политического и административного статута в прочих частях Европейской Турции по областям, на началах беспристрастного уравновешения интересов всех затронутых государств», 4) на конференцию будут приглашены все воюющие государства и Румыния.

В Берлине поняли, по свидетельству Титтони, что выступление Пуанкарэ с формулой незаинтересованности исходит от держав Тройственного Союза. Австрия заявила, что она против посредничества до тех пор, пока нет просьбы о нем ни от кого из воюющих.

«Я, как сэр Эд. Грэй, очень озабочен по поводу истинных намерений венского кабинета, — телеграфировал 2 ноября Пуанкарэ временному заместителю П. Камбона в Лондон, — по моему, необходимо было бы английскому правительству, как и нам, заявить, что мы воспротивимся всякому территориальному увеличению какой-либо великой державы... Всякое территориальное увеличение нарушило бы общее равновесие». Пуанкарэ, как и Сазонов, согласен на экономические и торговые гарантии в пользу Австрии. 3 ноября турецкий министр иностранных дел обратился к французскому послу в Константинополе Бомпару с заявлением о желательности посредничества великих держав: «Порта, — поясняет Бомпар, — рассчитывает только на державы для предотвращения вступления болгар в Константинополь». Одновременно Турция обратилась с тем же предложением и к другим державам.

4 ноября французский посол в Вене Дюмэн снова настойчиво убеждает графа Берхтольда (министра ин. дел), что все великие державы должны установить свою территориальную незаинтересованность: «Мне не удалось сломить сопротивление (сообщает он Пуанкаре), которое опирается на единодушное настроение этой страны». Нота, врученная Ж. Камбону в этот день в Берлине, также умалчивала о территориальной незаинтересованности, но зато редакцией своей прямо противопоставляла державы Антанты державам Тройственного Союза.

Здесь наступает критический момент, вскрывающий, наконец, всю сложную игру взаимоотношений держав, но прежде, чем перейти к нему, необходимо уяснить политику других участников этой игры.

Еще 21 октября Бенкендорф сообщил Сазонову о происходящей с Грэем перемене, отражающейся пока еще, впрочем, в интимнейших, почти частных, разговорах. Русская патриотическая пресса нападала на Грэя

оно для него особенно чувствительно... Не могу не высказать, что подобные инциденты крайне вредно отражаются на ходе переговоров. Так, по поводу просьбы Турции о вмешательстве, он сказал мне, что, если мы ведем разговоры помимо него, то и он будет действовать так же».

за его политику «обструкции» в Турции против России. Грэй уверил Бенкендорфа, что никакие трудности в Турции не повлияют на его политику—даже опасение раздражить мусульманский мир — и что он желает лишь, взамен жертв в Турции, уступок в Персии. Однако, на следующий день Бенкендорф отмечает, что к положению халифа в Константинополе Грэй сохраняет прежнее отношение; затем Грэй очень много и горячо говорит о реформах даже и в случае победы турок; что же касается территориального status quo, то изменение его в пользу турок Грэй, конечно, тоже исключает. «В обратном же смысле он высказывается менее определенно. Это все, что я могу сказать» [1]). Заслуживает здесь особенного внимания замечание Грэя, касающееся неприкосновенности турецкой территории и турецкого суверенитета: «Так много форм турецкого суверенитета уже изобреталось, что легко на этот счет столковаться». Дилемма в Лондоне, по определению Бенкендорфа, такова: заботливость о халифе в пределах, несовместимых с англо-русским согласием, или же сохранение этого согласия и, следовательно, Антанты в целом с минимальной заботой о халифе, т.-е. лишь с оставлением последнего в Константинополе.

Лично и весьма доверительно русский посол уведомлял—тоже 21 октября — своего министра, что к программе, намеченной Пуанкарэ, в Лондоне относятся более, чем скептически: «пунктам» Пуанкарэ Бенкендорф противополагает «лондонские пункты», о которых Сазонов переспрашивает,—формулированы ли они самим Бенкендорфом или англичанами (повидимому, Бенкендорф и сам в этом не мог разобраться). Это: сохранение полностью за Турцией Константинополя с его округом; сохранение номинального турецкого суверенитета в остальных провинциях Европейской Турции, с введением в них радикальных реформ под общим контролем и гарантией держав; никаких территориальных изменений в пользу воюющих...

Бенкендорф чрезвычайно ценит и это отношение Грэя к русским пожеланиям («минимальная забота о халифе»), поясняя, что положение Грэя затрудняется борьбой, происходящей «в его собственной партии», и тем, что «дело султана пользуется здесь еще сильными симпатиями», в виду чего «эволюция Грэя доказывает его мужество». В итоге—Грэй, «если только султан останется в Константинополе, согласится на все, при условии сохранения мира, т.-е. примет всякое решение, приемлемое для нас и для Австрии». К планам последней распространиться на Балканы в Лондоне относятся, конечно, отрицательно и считают (Бенкендорф говорит это от себя), что «известные реформы отрежут дорогу Австрии более, чем великосербское королевство». Никольсон внушает, наконец, через Бенкендорфа, что «было бы лучше всего, если бы Россия прежде, чем разошлет свои предложения другим державам, сначала договорилась бы с Австрией», — иначе говоря, если бы Россия «самоизолировалась» от своих французских и английских друзей. На это Сазонов в тот же день отвечает, что «общее выступление только России и Австрии, даже если бы оно произведено было от имени всех других держав, ни в коем случае не может состояться», так как «мы рассчитываем на возможно более

---

[1]) Siebert, S. S. 554 — 556.

тесное сотрудничество с Францией, Англией и Италией». В Петербурге опасались явно занятия австрийцами Ново-Базарского санджака и втайне — соглашения между Австрией и Сербией. Только теперь, по инициативе Пуанкарэ, поднимается вопрос о сообщении Грэю сербо-болгарского договора, с целью доказать, что Россия связана определенными обязательствами. Но надо сделать это так, чтобы убедить английское правительство в отсутствии желания со стороны России вызвать балканскую войну. Отправленная для этой цели Сазоновым инструкция Бенкендорфу [1]) представляет типичнейший образчик дипломатической казуистики, рассчитанной, впрочем, не на доверчивость партнера, а на необходимость дать какие-нибудь объяснения.

Ближайшим образом дело шло в эти последние дни октября о выполнении следующей стратагемы: для того, чтобы остановить болгар перед линией Чаталджи и заставить их признать предельной линией завоеваний линию Марицы (с Адрианополем в пользу Турции), русская дипломатия заявила в Софии, что Франция и Англия, озабоченные, в качестве кредиторов Турции, сохранением ее от анархии и полной гибели, не простят болгарам дальнейшего продвижения к Константинополю, даже если Россия станет на сторону болгар; одновременно русским послам в Лондоне и Париже было поручено добиваться соответствующих «дружественных, но серьзных представлений Франции и Англии в Софии и в Белграде» в такой, однако, форме, чтобы скрытой осталась согласованность этого выступления и, главное, русская инициатива.

Бенкендорф на это отвечает, что под впечатлением побед союзников в Лондоне пропал всякий интерес к делу Турции; он даже отказывается предсказать, какое впечатление произвело бы там занятие Константинополя болгарами [2]). Это значит, что в Лондоне, — по знаменитому выражению Сольсбери, — вновь решили, что ставили ставку на «плохую лошадь», и, одновременно с Парижем, собрались перенести свои расчеты на новую силу, на столь блистательно дебютировавшие балканские государства. Поэтому 2 ноября Сазонов телеграфирует о согласии России на последние четыре пункта Пуанкарэ, с небольшими редакционными изменениями, поясняя, что «общий интерес обеспечения Константинополя требует создания оборонительной зоны, которая должна быть подчинена действительному суверенитету султана», в известных уже границах со включением Адрианополя; «вся остальная часть Европейской Турции, по нашему мнению, должна быть по праву фактического завоевания разделена между союзниками, и в этом смысле мы готовы поддерживать максимум возможного»; ближайшая главная цель—предотвратить дружным вмешательством держав занятие союзниками Константинополя; в качестве второстепенного вопроса, указывается возможность автономии Албании под султанским суверенитетом, но с предоставлением Сербии выхода к Адриатическому морю.

Но из Лондона идут ошеломляющие вести: когда Бенкендорф изложил сазоновскую программу, Грэй ответил, что «невозможно требовать от бол-

---

[1]) 31 окт. н. ст. — Siebert, S. S. 560 — 562.

[2]) Siebert, S. 564, № 290. Последующие документы см. там же.

гар остановки перед чаталджинской линией, так как эта жертва их дала бы туркам возможность собраться с силами и уничтожить прежние военные успехи», что «общественное мнение в Англии столь категорически высказывается в пользу Болгарии, что он не мог бы предъявить ей такое требование» и что в виду последней решительной победы болгар настолько поздно говорить о нем, что, как он полагает, с этим согласится и Сазонов. Бенкендорф вынужден был отбросить всякие околичности и прямо заявить: вопрос о Константинополе имеет столь жизненное значение для самой России, что мнение Сазонова по этому пункту не может измениться. Доведя беседу до полной ясности, Грэй обещал подумать и сообщить свое решение позднее. На другой день «Times» опубликовал очень кстати личное мнение Маджарова, болгарского посланника, что болгары, занявши Константинополь, уйдут из него, как только будет подписан мир, а Грэй объяснил Маджарову, что болгарам надлежит считаться с русской точкой зрения на Константинополь и успокоить русское правительство, как можно скорее, иначе у них не будет точки опоры в России против Румынии и Австрии.

Потерявши надежду на Лондон, Сазонов обращается к последнему средству: телеграммой от 4 ноября он поручает Извольскому доверительно сообщить Пуанкарэ, что «занятие Константинополя балканскими союзниками поведет к одновременному появлению всего нашего черноморского флота у турецкой столицы», а «для предотвращения великой опасности всеобщих европейских потрясений, связанных с этим шагом», необходимо, чтобы Франция пустила в ход все средства в Берлине и Вене. К этому Сазонов добавляет — для личного осведомления Извольского, — что русские военные власти изменили свой первоначальный взгляд и допускают возможность предоставления Адрианополя Болгарии.

В тот же день Грэй, по поводу занятых греками Эгейских островов, доверительно высказывает Бенкендорфу свой взгляд по вопросу о Проливах: Греция может сохранить эти острова только на определенных условиях; общий интерес заключается в том, чтобы второстепенная держава не могла по своему произволу закрывать Проливы; он признает, конечно, преобладающее значение русских интересов и, с этой точки зрения, готов принять участие в обсуждении этого вопроса. Через три дня, 7 ноября, он ставит точку над «i», — наименьшим злом он считает нейтрализацию или превращение Константинополя в вольный город, если не удастся сохранить турецкую власть над ним. Пуанкарэ оценил значение этого проекта: по сообщению Извольского, он сильно встревожился, получивши из Лондона это известие, в виду возможности «серьезного разногласия между нами и Англией, особенно опасного накануне серьезной дипломатической борьбы против балканской политики Тройственного Союза».

В то же время Пуанкарэ получил информацию от австрийского посла о том, что Австрия «абсолютно не может допустить», чтобы Сербия получила выход к Адриатическому морю. Он узнал также, что по этому вопросу состоялось «окончательное соглашение между Германией, Австрией и Италией, которые окажут самое энергичное сопротивление требованию Сербии».

Общая программа балканских союзников состояла в следующем: 1) занятые ими области остаются под их общей властью (кондоминиум) впредь до раздела по общему соглашению, 2) всеми силами союзники будут бороться против выделения из захваченных ими областей автономной Албании или Македонии, 3) Македонию разделят между собою болгары, сербы и греки, Албанию — Черногория, Сербия и Греция, 4) Болгария претендовала (9 ноября) на всю Фракию до линии от устья Марицы до Люле-Бургас — Бунар-Хиссар на Черном море, с непременным включением Адрианополя и Киркилиссе, 5) Сербия — на Ново-Базарский санджак (кроме узкой полосы, отходящей к Черногории), всю Старую Сербию и сев. Албанию с побережьем от Медуа (С. Джиованни) до Самени или до Скумбии, по соглашению с Грецией, получавшей остальную часть Албании [1]).

Австрийская программа, одобренная Германией и Италией, требовала: выделения независимой Албании и недопущения Сербии к Адриатическому побережью; удовлетворения «справедливых» пожеланий Румынии, — король которой еще 13 октября сообщил австрийскому послу, что, в случае победы союзников над Турцией, Румыния захватит часть болгарской Добруджи, в чем и было ему обещано 31 октября содействие Австрии; железнодорожной концессии на линию от Боснии до Эгейского моря с превращением Салоник в порто-франко; торгового договора с Сербией и Черногорией.

Учитывая политическое положение, военные власти принимали свои меры. Прежде всего приходится отметить прославленный в германской прессе еще во время мировой войны, русский секретный приказ по варшавскому военному округу от 30 сентября (день мобилизации балканских союзников), начинавшийся словами: «В отмену всех прежних распоряжений по оперативной части, сообщаю Вам, по приказанию командующего войсками, следующие руководящие указания: по высочайшему повелению, объявление мобилизации является объявлением войны против Германии» [2]). Германские и австрийские источники отмечают также пробную мобилизацию и даже остановку пассажирского движения на варшавско-венской жел. дор. линии. Австрийский ген.

---

[1]) Телеграмма Гартвига Сазонову от 9 ноября. Siebert, S. 571.

[2]) Мы отмечаем этот приказ, найденный во время мировой войны германцами и опубликованный впервые 10 ноября 1916 г. в «Norddeutsche Allgem. Zeitung», несмотря на то, что до сих пор наши военные архивы не подтвердили подлинности его (но и не оспаривали ее); пользуемся единственно известным, немецким, текстом. В чрезвычайно интересной статье «Как готовилась война» М. Н. Покровского («Правда» 30 июля 1924 г., № 171) упоминается этот приказ, при чем говорится, что он был заготовлен, но не разослан. Если самый документ аутентичен, то бланк мобилизационного отдела управления ген.-квартирмейстера и подпись в тексте приказа нач. штаба варшавского военного округа не оставляют сомнения в том, что он был разослан. Montgelas указывает, что документ этот хранится в госуд. архиве в Потсдаме за № 2450 (дата 30 сентября 1912 г.) и что он лично обращался к известному генералу Добророльскому (свидетель в процессе об убийстве В. Воровского) во время проживания Добророльского в Белграде и получил от него письменный ответ: «Приказ этот содержит оперативные распоряжения на случай войны, которая в 1912 г. ожидалась в связи с объявлением войны Сербией и Болгарией Турции». См. Gr. Montgelas, «Leitfaden zur Kriegsschuldfrage», S. 188, Beleg. № 7.

штаб, со своей стороны, объявил, что безопасность государства под угрозой. Официально известна фактическая мобилизация трех армейских корпусов 21 ноября в северо-восточной области империи и увеличение артиллерии. В то же время на юге войска были пополнены резервистами [1]). В конце ноября во главе ген. штаба снова стал Конрад фон-Гецендорф, убежденный сторонник «развертывания» военных сил [2]).

Официальное издание французских дипломатических документов, как мы видели, удостоверяет «миролюбие» берлинского правительства. Вильгельм II, заявлявший тогда, что Австрия упустила в 1909 г. удобный случай подорвать великодержавную политику Сербии и укрепить свое государственное единство, — так как тогда Россия была не в состоянии воевать и политически и технически, — в это время, в 1912 г. считал Россию достаточно вооруженной, чтобы не было сомнения в ее готовности выступить совместно с Сербией, в случае прямого нападения на последнюю, а потому и не признавал возможным обречь на гибель германскую молодежь из-за какой-то албанской гавани. Это было высказано им эрцгерцогу Францу-Фердинанду 22 ноября (т.-е. в тот самый день, когда произошел пресловутый обмен писем между Грэем и Камбоном, фиксировавший англо-французское — устное до тех пор — политическое и военное соглашение), в ответ на старания эрцгерцога убедить его в необходимости решительного образа действий против Сербии. Молва приписала ему слова: «Я вижу, ты хочешь сражаться моею саблей». Не противоречит этой позиции даже заявление Бетман-Гольвега 2 декабря в рейхстаге: Союзники Германии, сказал он, должны сами добиваться удовлетворения своих требований (по поводу «албанской гавани»), если же они подвергнутся нападению, то мы вынуждены будем сражаться для сохранения нашего собственного положения в Европе, для защиты нашего собственного будущего и нашей собственной безопасности. Это открытое подтверждение перед всем миром того, что всем и без того было известно, во всяком случае гораздо больше способствовало выяснению положения, чем тайные обещания и переговоры между Извольским, Грэем и Пуанкарэ.

По сообщению от 5 декабря Ж. Луи, Петербург так именно и отнесся к этой речи: в этой речи, — сказал ему Нератов, — «нет ничего, чего нам раньше не говорили, Германия выступит на стороне Австрии только, если последняя подвергнется нападению» [3]).

---

[1]) Венский и берлинский кабинеты «были весьма неприятно поражены громкими победами под Киркилиссе, Куманово и под Монастырем, которые позволили сербам пройти через Албанию к Адриатическому побережью и соединиться с болгарской армией под Адрианополем. Обеспокоенная этим Австрия поспешно вооружалась. В октябре правительство потребовало от парламента чрезвычайных кредитов, которые немедленно были ему предоставлены. Мало-по-малу все части армии в Боснии и Герцеговине были мобилизованы; более ста тысяч человек было сконцентрировано в Сараеве, в Гравозе и т. д.». Poincaré,— «Les origines de la guerre», русск. пер. А. Сперанского: «Происхождение мировой войны», стр. 145. Соответствующая цифра в «Желтой Книге» — даже 200 тысяч человек.

[2]) H. Friedjung,—«Das Zeitalter des Imperialismus», III Band., S. S. 188 и 226—227; также: Auffenberg-Komarow,—«Aus Oesterreichs Höhe-und Niedergang», S. 212.

[3]) Affaires Balkaniques, № 309

Отметим здесь фактор исключительной важности — основной элемент всеобщего недоверия и взаимной боязни — фатальный страх растерять союзников накануне решительных боев. Чем острее становилось положение руководящих в той и другой коалиции правительств, тем острее становилась их зависимость от своих союзников и спутников. Страх этот и должен был привести к войне из-за конфликта между более слабыми членами коалиций, которые и по большей уязвимости своей, и по расчету на помощь более сильного союзника, находились хронически в состоянии конфликтов, взаимных обид и ущемлений. Наконец, вопрос о боеспособности этих более слабых решался всецело в зависимости от непосредственного повода к войне, т.-е. свое ли дело они защищают, или же дело своего покровителя. Вот, почему Пуанкарэ и Бетман-Гольвег убеждают, один тайно, другой явно — своих союзников в своей верности союзу, тогда как эти последние, сознавая свое подчиненное положение и значение, нервничают, требуя для себя всегда почти больше, чем сильный союзник может и хочет сделать для слабого. Но если слабый слишком нерешителен и осторожен, то положение меняется: сильный увлекает его в «активную» политику для сохранения коалиционной конъюнктуры.

4 ноября Пуанкарэ обратился к Извольскому с письмом следующего содержания:

«Мой дорогой посол. Как я Вам давеча говорил, загадочное поведение Австрии беспокоит французское правительство не меньше, чем российское. В согласии с советом министров я полагаю, что было бы благоразумно теперь же установить общую линию поведения на случай, если Австрия попыталась бы осуществить территориальные увеличения. Вы соблаговолили сказать мне, что возможность эта предусмотрена Вашим соглашением в Раккониджи и что Италия, так же как Россия, объявила о своем несогласии на территориальное увеличение какой бы то ни было великой державы на Балканах. Французское правительство считает также, что попытка в этом направлении открыла бы путь ко всяким осложнениям [1]).

Я желал бы поэтому знать, — так же ли определенно (nettement), как мы, императорское правительство враждебно какому бы то ни было аннексированию оттоманской территории великой державой и расположено ли оно обсудить с Францией, так же, как с Англией, средства предотвратить эту опасность. Примите и проч... Раймонд Пуанкарэ».

Для объяснения этого шага Пуанкарэ, французская «Желтая Книга» дает в связи с ним лаконическое сообщение Девилля (французского посланника в Афинах). Этот злополучный дипломат, променявший посредственную социалистическую карьеру на неудавшуюся дипломатическую, получил назначение в Афины лишь потому, что назначению этому не придавалось никакого значения [2]). Телеграмма его, датированная также 4 ноября, гласила: «Министр

---

[1]) В официальном французском издании («Желтая Книга») здесь употреблено слово «complications», в тексте же, присланном Извольским Сазонову, сказано сильнее—«compétitions».

[2]) «Пост в Афинах, говорили в печати, был доверен мне потому, что там было почти нечего делать, и это было место отдыха». G. Deville. «L'Entente, la Grèce

иностранных дел (греческий) поделился со мною своим впечатлением, что Германия изменила свою политику и не защищает более *status quo* на Балканах. По его мнению, эта позиция не имеет ничего общего с незаинтересованностью. Он подозревает, что Германия помышляет о какой-то операции в Малой Азии, под предлогом защиты христиан».

Дело, конечно, не в этой комической телеграмме. В своей книге о происхождении мировой войны Пуанкарэ в объяснение несомненного поворота в своих действиях приводит двоякие данные: во-первых, он старается доказать, что он применял лишь à la lettre союзное соглашение с Россией, во-вторых, указывает факты, которые, может быть, и могли бы сослужить ему службу в этом случае, если бы они не относились к позднейшему времени. Один из них того же порядка, что афинское откровение Девилля. Это сообщение французского консула в Триесте, которое гласило, в передаче Пуанкарэ, следующее (цитируем по русскому переводу книги Пуанкарэ):

«Остановка балканских союзников, сопротивление Адрианополя позволили Австрии подготовиться; она смогла произвести мобилизацию и найти необходимые денежные средства. Пассивность России, которая кажется неготовой и недостаточно сильной для военного выступления, мысль о том, что в этой пассивности повинна Франция, которая стремится помешать войне из боязни общеевропейского конфликта, поведение Англии, которую Австрия считает склонной отнестись благожелательно к ее претензиям, — все это ведет к тому, что *Австрия становится все более требовательной*» [1]).

Два обстоятельства обращают на себя внимание: г. Шабрие, ген. консул в Триесте, открывает здесь глаза французскому министру иностранных дел на то, что, повидимому, ускользнуло от внимания французского посла в Вене, не говоря уже о послах в других европейских центрах, не менее удобных для наблюдений за обще-европейской политикой, чем Триест; а затем, в официальном издании, во всех томах «Желтой Книги» о балканских делах мы не находим этой столь важной для Р. Пуанкарэ телеграммы, хотя г. Шабрие представлен там двумя краткими и скромными телеграммами, от 17 и 18 декабря, о военных предосторожностях на границе Н.-Б. санджака и Черногории и о движениях военных судов. Но, помимо этого, в книге г. Пуанкарэ сообщается и дата оставшегося только ему известным триестского сообщения: 18 дек. н. ст.,—т.-е. спустя 1½ месяца после письма его к Извольскому.

Данные другого порядка, приводимые в книге Пуанкарэ, — возобновление Тройственного Союза, опять-таки в декабре 1912 года, новая, значительно увеличенная военная программа Германии, запроектированная тоже в декабре и утвержденная военным советом лишь 1 января 1913 г. Очевидно, по сопоставлению дат, что и не эти факты повлияли на французское правительство в начале ноября.

---

et la Bulgarie. Notes d'histoire et souvenirs». Paris, 1919, p. 57. Девилль был за неспособность смещен с этого поста и опубликовал названную книгу с целью доказать, что он не заслужил этой немилости.

[1]) Пуанкарэ, стр. 146.

Гр. Монтгелас, сотрудник Каутского по изданию германских документов о возникновении мировой войны, характеризует следующим образом интересующий нас момент:

«Ясно обозначившаяся к концу октября победа балканских союзников привела к существенному повороту во французской политике. В то время, как вначале в Париже старались предотвратить или, по крайней мере, локализовать конфликт, теперь там увидели, что победоносный балканский союз мог бы быть ценнейшим союзником против центральных держав. Французская политика, в противоположность своей позиции во время кризиса 1908-9 г.г., *всецело плелась в хвосте России;* она даже поддерживала желания русской военной партии и планы балканских государств иногда усерднее, чем петербургское правительство» [1]).

Мы полагаем, что документальные данные не подтверждают общей характеристики французской политики, сделанной Монтгеласом, который, при всей предвзятости своей, все же констатирует последней фразой, хотя и не укладывающийся в его концепцию, но неоспоримый факт.

Пуанкарэ, конечно, утверждает прямо противоположное: «Франция проявляла с самого начала балканского кризиса беспристрастие и независимость суждений и никогда не шла слепо за русскими предложениями, делая, напротив, все, чтобы осуществить дружеское посредничество между Австрией и Россией». Затем он приводит две строчки, — по его утверждению из телеграммы, а на самом деле из письма от 7 ноября Извольского: «Если столкновение с Австрией повлечет за собой вооруженное вмешательство Германии, французское правительство заранее признает это за casus foederis и ни минуты не поколеблется выполнить лежащие на нем по отношению к России обязательства», — и добавляет: «Ничто не гарантирует нам правильность этих цитат (взятых из московского и зибертовского изданий), к которым я отношусь с большим недоверием», а через 5-6 строк восклицает:

— «Как мог бы я ответить иначе?!» — и заключает: «В то же самое время я советовал России умеренность и спокойствие» [2]).

Однако, в этот момент, если где-нибудь французский министр иностранных дел и председатель совета министров и проявлял умеренность и благоразумие, то лишь в Берлине: сообщая свой ответ на турецкую просьбу о вмешательстве, он отмечает, что ответ этот вполне отвечает настроению Кидерлена, и что он одинакового мнения с последним и по вопросу о давлении на балканские правительства, и по поводу необходимости сохранять общеевропейский концерт.

Комментируя записку Пуанкарэ, Извольский отмечает [3]) выраженный в ней «*совершенно новый* взгляд Франции на вопрос о территориальном расширении Австрии за счет Балканского полуострова. *Тогда как до сих пор Франция заявляла нам, что местные, так сказать—чисто балканские, события*

---

[1]) Gr. M. Montgelas, — «Leitfaden zur Kriegsschuldfrage». Berlin-Leipzig, 1923, S. 40-41.

[2]) «Происх. мир. войны», стр. 143 и след.

[3]) «Материалы», стр. 295 и след., — письмо Извольского Сазонову, представленное последним, в виду важности его, царю, вместе с копией ответа.

могут вызвать с ее стороны лишь дипломатические, а отнюдь не активные действия, ныне она как бы признает, что территориальный захват со стороны Австрии затрагивает обще-европейское равновесие, и потому и собственные интересы Франции. Я не преминул заметить г. Пуанкарэ, что, предлагая обсудить, совместно с нами и Англией, способы предотвратить подобный захват, он этим самым *ставит вопрос о практических последствиях* предположенного им соглашения; из его ответа я мог заключить, что *он вполне отдает себе отчет в том, что Франция может быть вовлечена на этой почве в военные действия.* Покуда он, конечно, лишь предлагает этот вопрос на обсуждение, но в разговоре со мной г. Палеолог вполне признал, что предлагаемое соглашение может повести к тем или иным активным действиям. Мне кажется, что все вышеизложенное заслуживает с нашей стороны самого серьезного внимания и что мы не должны упустить этого случая закрепить новую точку зрения французского правительства на возможность расширения Австро-Венгрии за счет Балканского полуострова и *подготовить почву для будущих совместных действий России, Франции и Англии*, если, по ходу дальнейших событий, Австрия отступится от настоящих своих заявлений касательно отказа от территориальных компенсаций».

Ответ Извольского не дан в «Желтой Книге»; вместо него фигурирует афинское сообщение г. Девилля. Ответил же Извольский так: «Г. Сазонов уполномочил меня сказать Вам, что так же точно, как Франция, Россия не может остаться равнодушной к территориальному увеличению Австрии на Балканском полуострове. Он с удовольствием констатирует, что, по мнению правительства республики, Франция, со своей стороны, не могла бы остаться безучастной в подобном случае. В этом смысле императорское правительство было бы вполне расположено обсудить, в согласии с парижским и лондонским кабинетами, общую линию поведения, которой пришлось бы при таких обстоятельствах держаться» [1]).

Со своей стороны Сазонов, «придавая должное значение тем заявлениям, которые были сделаны Вам французским министром ин. дел», «вполне разделяет мнение о желательности закрепить новую точку зрения правительства республики на возможность расширения Австро-Венгрии за счет Балканского полуострова» и сообщает Извольскому, для передачи Пуанкарэ, приведенный выше текст ответного письма. — «Совокупность, — продолжает письмо свое Извольскому Сазонов, — имеющихся у нас данных позволяет надеяться, что, по крайней мере в настоящую минуту, Австрия едва ли стремится к новым земельным приращениям на Балканах. Тем не менее, по ходу событий и в особенности в виду спора с Сербией из-за выхода последней на Адриатическое побережье, Австро-Венгрия может решиться на захваты либо оттоманской, либо даже сербской территории. На оба эти случая весьма важно было бы получить уверенность, что, в случае необходимого с нашей стороны вмешательства, Франция не останется безучастной. С другой стороны, так как... трудно предвидеть все могущие представиться случайности, способные потребовать от нас тех или иных действий для обеспечения наших

[1]) «Материалы», стр. 297 (франц. текст).

жизненных интересов, я считал бы необходимым тщательно избегать в наших переговорах с иностранными кабинетами всего, что впоследствии могло бы оказаться для нас стеснительным. С этой точки зрения мне казалось бы желательным и в предполагаемом письменном обращении Вашем к г. Пуанкарэ избегнуть слишком положительных заявлений, в роде тех, которые подсказываются словами французского министра «nettement hostile à toute annexion du territoire ottoman par une grande Puissance», *так как это могло бы относиться и к России в области Проливов*».

Таким образом, Сазонов (с царского одобрения или, может быть, внушения, — этого мы не знаем) на *новую* постановку вопроса о Балканах и о casus foederis отвечает Извольскому успокоительно и даже не без опасения, что в этой новой постановке может оказаться ловушка для русского правительства, для планов его в отношении Проливов. Если здесь может возникнуть все же мысль, что «новая точка зрения» представила результат давления и победы русской дипломатии над последними попытками «независимости суждений» французского правительства, то такая мысль бесповоротно опровергается последующими переговорами, с которыми мы скоро познакомимся и которые вскрывают до конца европейскую дипломатическую конъюнктуру довоенного и военного (разумеем войну 1914 г.) периода.

После 4 ноября тон русской дипломатии, конечно, повышается: Бенкендорф уже 7 ноября спорит с Грэем о возможности удовлетворить *экономические требования Австрии*, указывая, что и они таят в себе угрозу поражения Сербии Австро-Венгрией; Сазонов ставит задачей послам — особенно в Риме — добиться согласия Австрии на выход Сербии к Адриатическому морю. Английское заявление о том, что Англия не станет воевать из-за «албанской гавани», остается как-будто единственным препятствием к тому, чтобы это требование сделать ультимативным, но препятствием достаточно неустранимым; 18 ноября Бенкендорф телеграфирует Сазонову:

«С точки зрения тяжких последствий, которые может повлечь за собою нынешнее положение, важнейший, может быть решающий, момент, поскольку дело идет об Англии, состоит в том, чтобы, несмотря на величайшее единомыслие в важнейших вопросах, избегать всего, что могло бы быть истолковано, как сербская провокация, и чтобы наша поддержка состоялась только при соблюдении этого условия; таким образом мы оставили бы ответственность за агрессивную политику исключительно на Австрии. Тон Сербии и Черногории уже производит впечатление, что австрийское правительство держится спокойно, даже терпеливо. Этому обстоятельству я придаю величайшее значение» [1]).

Днем раньше — 17 ноября — Извольский отправляет Сазонову телеграфный отчет о своей беседе с Пуанкарэ совершенно иного значения и характера:

«Во время разговора относительно ответа Франции на мои сообщения, касающиеся австро-сербского инцидента, г. Пуанкарэ ответил мне, что для него было невозможно формулировать даже частным образом линию пове-

---

[1]) Siebert, S. 585.

дения Франции, в случае активной интервенции Австрии, прежде, чем императорское (русское) правительство сообщит ему о своих собственных намерениях. России, сказал он мне, должна принадлежать инициатива в вопросе, в котором она больше других заинтересована; роль Франции — оказать ей наиболее действительную помощь; беря инициативу на себя, французское правительство рисковало бы занять позицию, не соответствующую намерениям своей союзницы»... «В общем, прибавил Пуанкарэ, все это сводится к тому, что, если Россия будет воевать, Франция также вступит в войну, так как мы знаем, что в этом вопросе позади Австрии будет Германия» [1]).

Опубликование этой телеграммы (№ 369), вероятно, и заставило, главным образом, Пуанкарэ выступить с объяснениями в палате депутатов и распорядиться об издании «Желтой Книги» о балканских делах. Этой телеграммой вызваны и указанные выше объяснения в книге его о происхождении мировой войны. К сожалению, объяснения эти лишены не только последовательности и ясности (одновременное отрицание достоверности изданий московского и зибертовского и утверждение, что иначе он не мог ответить Извольскому, оставаясь верным союзному договору), но и точности: он под видом телеграммы (№ 369) цитирует письмо Извольского от 12 сентября, употребляя очень странный оборот: Извольский *телеграфировал* Сазонову *12 сентября и 21 ноября* 1912 г.,» — между тем, как Извольский цитируемую им фразу («Если конфликт с Австрией повлечет за собою вооруженное вмешательство Германии, французское правительство заранее признает это за casus foederis»... и т. д., см. «Мат.», стр. 275) сообщил в письме 12 сентября, а 21 ноября писал и телеграфировал совсем другое.

Обратимся к «Желтой Книге».

В первом томе ее на стр. 156 напечатана под № 263 телеграмма Пуанкарэ от 19 ноября французскому послу в Петербурге (Ж. Луи), где речь идет, именно, о телеграмме Извольского от 17 ноября (№ 369): «Извольский вчера прочел мне телеграмму, которую он отправил в Петербург. Для того, чтобы определить позицию Франции, он сказал, что Франция вступит в войну, если Россия будет воевать, так как мы знаем, что Германия стоит за Австрией. Я ему заметил, что эта формула слишком обща и что я сказал только, что Франция выполнит союзный договор и поддержит даже оружием Россию, если на лицо будет casus foederis. Г. Извольский обещал мне внести поправку и большую точность. Я буду Вам весьма обязан, если Вы сами, при случае, определите нашу позицию в точном соответствии с договором» [2]). 18 ноября и Извольский телеграфирует Сазонову (о чем умалчивают редакторы «Желтой Книги», в своей ссылке упоминающие лишь первую телеграмму Извольского):

«Во избежание всякого недоразумения и в виду огромной важности вопроса, я прочел мою телеграмму № 369 Пуанкарэ, который с текстом ее совершенно согласен. Он просил лишь меня развить точнее мысль его в одном

---

[1]) «Материалы», стр. 299 — 300.

[2]) Livre Jaune, t. I, p. 156. № 263.

пункте, именно — относительно условий вступления Франции в войну. Само собою разумеется, сказал он, что Франция вступит в войну в том определенном случае, когда наступит предусмотренный союзом casus foederis, именно, если Германия поддержит Австрию оружием против России».

И однако же это пояснение вовсе не отвечает содержанию франко-русского союзного договора, предусматривающего поддержку Германией *нападения* Австрии на Россию. В такой же редакции было сделано предупреждение итальянскому послу 20 ноября: «Если австро-сербский конфликт приведет к всеобщей войне, Россия может вполне рассчитывать на вооруженную помощь Франции» [1]).

Дипломатическая работа Пуанкарэ и Извольского (в качестве посла в Париже) так тесно связана и сбъединена, что для характеристики ее менее существенно, кто кого «переиграл» в этом случае, чем то, что «новая точка зрения Франции» приобрела, как мы видим, необычайно увлекательную силу. Увлекся ли и потом поправился Пуанкарэ, или увлекся до непостижимых для столь опытного дипломата пределов Извольский, — в обоих этих случаях проявляется крайняя степень возбуждения, которая не замедлит отразиться на общем положении и которая скоро обнаружится перед нами в еще более яркой форме.

В эти дни (около 20 ноября) Пуанкарэ и Извольский заняты выяснением позиции Италии, ибо Титтони заявил, что, в силу договора с Австрией, Италия, в случае войны из-за «целости Албании» (т.-е. из-за предоставления «албанской гавани» Сербии), должна будет оказать Австрии военную поддержку; вопрос, весьма далекий от академизма, так как, по словам Извольского, он сводился к «весьма серьезным изменениям в сфере дислокации (французских) войск» и изменению всего плана кампании, основанной именно на этом (итальянском) нейтралитете [2]). В то же самое время Бенкендорф в Лондоне выяснял позицию Англии и формулировал ее так: вступление Англии в войну после военного выступления Австрии против Сербии зависит от двух условий: во-первых, война должна быть активным вмешательством Франции превращена во всеобщую и, во-вторых, ответственность за нападение должна лечь на противников; необходимым дополнением к этим двум условиям является «безусловное соблюдение принципа нашего бескорыстия».

«Этим принципом, — поясняет Бенкендорф (и это объяснение его, действительно, объясняет многое и существенное в последующую эпоху войны 1914 г.), — мы приобретаем влияние, которое в известном случае может стать решающим. *Если мы выдвинем такие вопросы, как дарданелльский или малоазиатские, где затронуты интересы одной России, то мы, без сомнения, лишимся этого влияния. Совершенно так же, как и Вы, я признаю огромнейшую важность для нас участия Англии в случае войны, и, если с нашей стороны для этого требуется жертва, мы должны эту жертву принести*» [3]).

---

[1]) Письмо Извольского Сазонову от 20 ноября. «Материалы», стр. 302.
[2]) «Материалы», стр. 300 и след.
[3]) Siebert, S. 588.

Таким образом, три условия вступления Англии в войну формулированы 20 ноября 1912 г. вполне отчетливо, в результате долгих и непрерывных обсуждений общего положения вещей между Грэем и Бенкендорфом. Это общее положение вещей не только воспроизводится в июле-августе 1914 г., но, как мы увидим, остается неизменным в течение всего этого периода, с осени 1912 г. до фактического начала общеевропейской войны.

Мы не можем здесь входить в историческое исследование «доктрины» и практики «бескорыстия» русского правительства на Ближнем Востоке; хорошо известно, однако, чем обусловливалось это вынужденное бескорыстие, при периодических попытках отступления от этой навязанной «традиции» в сторону осуществления «исторических задач», — попытках, все чаще оканчивавшихся либо дипломатическим, либо военным неуспехом. В той общеполитической конъюнктуре, которая создалась и развивалась под знаком Тройственного Согласия и при которой осуществление «исторических задач» ставилось в зависимость от содействия, главным образом, Англии,—демонстрация «бескорыстия» была более, чем когда либо, необходима для того, чтобы с наступлением общей войны и с осуществлением военно-союзнических отношений и обязательств открыто заявить и попытаться реализовать, на почве этих отношений и обязательств, «историческое стремление России».

Грэй и Пуанкарэ предвидели и изъявляли готовность, при условии участия России в войне против Германии, вручить царскому правительству «ключи от его дома». Однако, им приходилось бороться не только с социалистической оппозицией, но и с теми буржуазными партиями и группами, которые опасались убытков в связи с войной и видели в сговоре с русским правительством на этой почве возложение на себя военных тягостей и военного риска, с предоставлением, в случае успеха, России львиной доли военной добычи. Грэю приходится бороться с оппозицией внутри его собственной партии, — отмечал неоднократно Бенкендорф. «Я иногда с ужасом думаю, — писал 21 ноября 1912 г. Сазонову Извольский, — что бы было, если бы вместо него (Пуанкарэ) в настоящую критическую минуту во главе французского правительства стоял Кайо или Клемансо. Не забудьте, что ему приходится бороться с весьма влиятельными элементами собственной его партии, которые настроены весьма недоброжелательно к России и открыто проповедуют, что Франция ни в каком случае не должна быть вовлечена в войну из-за балканских дел».

В течение последней трети ноября сообщения Бенкендорфа все настойчивее говорят о том, что английское общественное мнение отдает должное миролюбию Австро-Венгрии и недовольно настойчивостью Сербии, а затем передают прямые заявления членов лондонского правительства того же тона и значения. С 23 ноября аналогичные заявления получает в Париже и Извольский; в Лондоне открыто выражают недовольство Пашичем, и 28 ноября Грэй не только заявляет о необходимости компромисса между Австрией и Россией, но и объявляет германскому послу об общем интересе Англии и Германии сохранить мир, так как существует опасность, что и Англия, и Германия будут втянуты в войну. Таким образом, «общественное мнение» получает полное удовлетворение, а обеспокоенному Бенкендорфу Грэй объясняет,

что дело идет вовсе не об установлении нейтралитета Англии в случае войны, а о том, что Англия сохраняет свободу действий и выбора, сообразно обстоятельствам, — опять-таки политическая формула, сыгравшая такую видную роль в августе 1914 года. Разъяснение ее дано в кратком очерке внешней политики лондонского кабинета за период 1912—1914 г.г. E. D. Morel-я [1]).

Морель устанавливает расщепление английского правительства на две части: одна группа министров,—Грэй, Черчилль, Асквит и еще один или два лица (лорды Хэльден и Крю) — вела чисто военную политику, другая же не знала ничего о приготовлениях и действительных намерениях и действиях своих коллег. Грэй нашел нужным и возможным в историческом заседании палаты общин 3 августа прочесть текст идентичных писем, которыми он обменялся с П. Камбоном 22 ноября 1912 г. [2]) так, что последняя фраза этих писем (говорящая об эвентуальном применении выработанных ген. штабами обеих стран планов) осталась неоглашенной, — факт, казалось-бы, мало вероятный, но удостоверяемый официальным стенографическим отчетом и свидетельствующий о чрезвычайной трудности маневрирования между дипломатическим подпольем и общественным мнением в условиях английской жизни. Этим обменом писем увенчались шестилетние усилия французской дипломатии и той части английских правящих кругов, которая давно и решительно отвергла компромиссную политику в отношении Германии. Выдавши, наконец, это бессрочное письменное обязательство, Грэй не мог не ощутить себя в положении доверенного, который вынужден будет, в момент предъявления этого обязательства к уплате, преподнести своим доверителям — в первую очередь парламенту — сюрприз, о котором они и не догадывались. Отсюда настойчивые повторения о свободе действий и выбора сообразно обстоятельствам, начиная с ноября 1912 года и вплоть до 3 августа 1914; заявления эти должны были делаться не только с целью сохранить логическую возможность диверсии при совершенно неожиданном повороте событий, но и в виду необходимости в решительный момент предъявить их парламенту и общественному мнению, в качестве доказательства свободы и независимости своей политики от французской или русской дипломатии. Начиная с 22 ноября, в близости решительного момента нечего было сомневаться: «Грэй, — сообщает 1 декабря Бенкендорф, — думает прежде всего о возможности войны, поэтому все будет зависеть от того, падет ли ответственность за неуступчивость на Австрию». Правда, «этого нелегко добиться, но Грэй должен иметь на своей стороне английское общественное мнение», и он хочет знать пределы русских уступок. Для Сазонова положение так же ясно: «Сербия, — телеграфирует он 10 декабря в Лондон, — должна подчиниться решениям Антанты, так как решение вопроса о европейской войне не может быть ей предоставлено» [3]).

---

[1]) E. D. Morel,—«The secret History of a great Betrayal, published by «Foreign Affairs».

[2]) Ллойд Джордж, защищаясь 7 августа 1918 г. в палате общин против разоблачений предвоенной деятельности британской дипломатии, настаивал на том, что этот обмен письмами представлял собою союзный договор («пакт») и «долг чести».

[3]) Siebert, S. S. 604 — 611.

«С начала настоящего кризиса г. Пуанкарэ не переставал при всяком возможном случае, — писал 5 декабря н. ст. Извольский Сазонову, — вызывать лондонский кабинет на доверительные разговоры с целью выяснить положение, которое будет занято Англией в случае общеевропейского конфликта... Лондонский кабинет неизменно отвечает, что это будет зависеть от обстоятельств и что вопрос о мире или о войне будет решен общественным мнением. С другой стороны, между французским и английским ген. штабами не прекращалось обсуждение всех могущих возникнуть случайностей, но существующие военные и морские соглашения в самое последнее время получили еще большее развитие, так что в настоящую минуту англо-французская военная конвенция имеет столь же законченный и исчерпывающий характер, как такая же франко-русская конвенция; единственною разницею является то, что первая носит подписи лишь начальников обоих штабов и поэтому *как бы* не обязательна для правительства». Это «как бы» бросается в глаза — так же, как и следующая фраза: «На днях во Францию, под строжайшим секретом, приезжал начальник англ. ген. штаба ген. Вильсон, и по этому случаю были выработаны различные дополнительные подробности, при чем, повидимому, в первый раз в этой работе принимали участие не только военные, но и другие представители французского правительства [1])». Мемуары Черчилля показывают, как внушалась эта формула самому Грэю наиболее активным из его коллег: «То, чем я озабочен, это—наша свобода выбора в подлежащем случае, а, следовательно, и возможность влиять на французскую политику. Эта свобода существенно ограничится, если французы смогут сказать, что они обнажили свое атлантическое побережье и сконцентрировались в Средиземном море, доверившись морским соглашениям с нами. Это было бы неверно. Если бы мы не существовали, французы не могли бы лучше расположить свои силы, чем они делают теперь... Но каким страшным орудием принуждения нас к вмешательству обладали бы французы, если бы они могли сказать: «По совету и по соглашению с вашими морскими властями мы оставили без защиты наше северное побережье. У нас нет времени исправить это». В действительности это будет решающим моментом, что бы ни писать здесь об этом. Всякий, кто знает факты, должен сознавать, что мы имеем союзные обязательства без союзных выгод и — прежде всего — без точного их определения» [2]). Черчилль сам отмечает несоответствие между цитируемыми нами здесь началом и концом своего письма. Этот интересный документ представляет наилучшее свидетельство беспокойства и неуверенности, с которыми подготовлялось участие Англии в войне и которые проистекали из сознания, что Англия наперед связана в этом смысле, что влиять на французскую политику в действительности она уже не может, что, в случае решительного протеста общественного мнения против участия в войне, разразится неслыханный в истории скандал, ибо в этом случае политика Грэя оказалась-бы чистейшей провокацией Франции.

---

[1]) «Материалы», стр. 309 — 310. Напомним, что обсуждался план операций в Бельгии.

[2]) Письмо В. Черчилля к Грэю от 23 августа 1912 г. «The World Crisis», pp. 112 — 113.

В основе французской точки зрения теперь остаются чисто военные соображения. Еще 11 ноября, — по сведениям германского посла в Париже, считаемым им вполне достоверными, — Пуанкарэ изложил в секретном порядке своим коллегам, членам совета министров, соображения о необходимости в момент, когда военное столкновение станет неизбежным, прежде всего выиграть время, а для этого не останавливаться перед необходимостью поставить парламент перед совершившимся фактом начала военных действий. Однако, русско-французская военная конвенция и планы обоих ген. штабов дали возможность достичь той же цели иным путем. Мы сейчас увидим,—как.

Заметим предварительно, что ни в Берлине, ни в Петербурге не было решимости довести дело до войны. Вильгельм писал своему министру ин. дел 7 ноября, что он не видит «абсолютно никакой опасности для существования Австрии или даже для ее престижа в сербской гавани на Адриатике»; — 8 ноября: «из-за Албании и Дураццо я ни в каком случае не пойду против Парижа и Москвы»; — 11 ноября: «casus foederis наступит, однако, если Россия нападет на Австрию, при условии, что Австрия не спровоцирует Россию к нападению [1]). 27 ноября Ж. Камбон сообщал из Берлина, что германское правительство старается «провести компромисс между непримиримым поведением Сербии и Австрии». «Не подлежит сомнению, — писал бар. Бейенс, бельгийский посланник в Берлине, — что канцлер, кайзер и статс-секретарь по иностр. делам — страстные приверженцы мира» [2]). Наконец, сам Пуанкарэ засвидетельствовал в речи 6 июля 1922 г. в палате депутатов и повторил в своей книге, что «Германия в течение всего 1912 года честно стремилась вместе с нами к сохранению мира», — потому, однако, что «она не была еще готова».

Кидерлен предлагал Австрии и Италии высказаться по вопросу об Албании и о выходе Сербии к Адриатическому морю, а Россия — о границах территории, оставляемой при Константинополе, и о желательном, с ее точки зрения, режиме для Проливов; считая вопрос о предоставлении Адрианополя болгарам не вызывающим разногласий, он видел трудность в определении судьбы Херсонеса Фракийского, ибо в этом пункте пожелания России и Болгарии противоречили друг другу; наконец, в отношении Проливов он предлагал, как всех удовлетворяющий исход, нейтрализацию Проливов. Ссылаясь на неоднократные заявления Извольского, Пуанкарэ отвечал на это предложение — через Ж. Камбона, — что Россия отвергает всякую мысль о нейтрализации Проливов, так как «свобода (доступа военных судов) для всех может заставить русское правительство спешно увеличивать свой флот в Черном море» [3]).

---

[1]) Сообщено суду в процессе Fechenbach — Cossman, опубликовано в «Süddeutsche Monatshefte», 1922, V, S. 99 — 101.

[2]) Belgische Aktenstücke, № 96.

[3]) «Documents diplomatiques» I, № 277, 278. См. также под № 301 сообщение Ж. Луи о разговоре его с Нератовым, заявившим, что русское правительство «воздержится от поднятия вопроса о Проливах, если оба берега Проливов останутся за Турцией».

Что касается военных приготовлений Австрии, то французский посланник в Белграде, M. Descos, сообщая о них 27 ноября, счел нужным прибавить, что «они могут до известной степени предприниматься с целью внутренней безопасности» [1].

В Царском Селе, куда Николай II вернулся с охоты в Спале, где он находился под влиянием воинственных генералов, с в. к. Николаем Николаевичем во главе, Коковцову и другим осторожным приближенным к царской семье лицам удалось вновь внушить Николаю II более трезвый взгляд на внутреннее положение России и ее военные возможности. В этом же направлении должен был действовать своею сдержанностью и Бьюкенен (отмечающий эту смену настроения у Николая II в своих мемуарах), так как Англия, — так же, как и Германия, — не была еще готова, и не только в отношении общественного мнения, но и в отношении военных приготовлений: в своих мемуарах Черчилль утверждает, что английский флот не был обеспечен топливом, и что на долю его выпало в последующее время разрешить эту проблему [2].

В письме от 5 декабря Извольский, однако, объясняет Сазонову, что «новая точка зрения Франции» остается в силе. «Г. Пуанкарэ твердо держится усвоенного им направления. Если casus foederis наступит, согласно существующей франко-русской военной конвенции в тот момент, когда обрисуется военное вмешательство Германии», то «до этого момента со стороны Франции нам будет оказана самая деятельная и энергическая дипломатическая поддержка, при чем, однако, не исключается возможность каких-либо не чисто дипломатических действий, в роде военных и морских демонстраций и т. п.». Пуанкарэ через Извольского выражает сожаление, что Сазонов медлит выяснением вопроса, каким образом Россия и Франция могли бы реагировать на возможное активное выступление Австрии на Балканах. Главная цель этого письма Извольского—побудить всеми средствами Сазонова к полному слиянию дипломатической работы петербургской с парижской; между прочим, он указывает на то, что общественное мнение Франции, по признанию самого Пуанкарэ, — «profondément pacifique», что влиятельная группа (Комба) в партии, поддерживающей кабинет Пуанкарэ, требует «мира во что бы то ни стало» и что Комб и товарищи громко проповедуют, что в решительную минуту война или мир будут зависеть не от правительства, а от них. Извольский же убежден, что «решение будет принято стоящими во главе кабинета тремя сильными личностями: Пуанкарэ, Мильераном и Делькассэ, и наше счастье, что мы будем иметь дело именно с этими личностями».

Трудность положения Пуанкарэ обусловливалась оппозицией не только Комба и Клемансо, но и Жореса и Всеобщей Конфедерации Труда. Последняя назначила на 16 декабря всеобщую забастовку протеста против войны. Забастовка, однако, не удалась, и Пуанкарэ с Извольским основательно решили, что этот неуспех «еще раз показал, что антимилитаристы

---

[1]) Там же, № 295.

[2]) Churchill, «The World Crisis», vol. I, ch. ch. V & VI.

(в решительный момент) не будут иметь никакого успеха». Значение этого неуспеха можно оценить из того, что произошло на следующий день.

Во-первых, произошел замечательный разговор французского военного министра, Милльерана, с русским военным агентом, полковником гр. Игнатьевым. Запись гр. Игнатьева представляет его в следующем виде:

Милльеран: Какова же, по Вашему мнению, полковник, цель австрийской мобилизации?

Игнатьев: Трудно предрешить этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер.

Милльеран: Хорошо, но оккупацию Сербии вы, следовательно, не считаете прямым для вас вызовом на войну?

Игнатьев: На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызывать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Милльеран: Следовательно, вам придется предоставить Сербию своей участи. Это, конечно, дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине: мы готовы, и необходимо учесть это.—А не можете ли Вы, по крайней мере, объяснить мне, что вообще думают в России о Балканах?

Игнатьев: Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история научила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей.

Милльеран: Но, Вы, полковник, понимаете, что здесь *дело не в сербах,* не в Дураццо, а в гегемонии Австрии на всем Балканском полуострове... Вы все-таки что-нибудь да делаете по военной части?!

«Я с уверенностью могу предполагать, — комментирует Игнатьев этот разговор в своем служебном отчете начальнику генерального штаба, — что Милльеран имел, между прочим, следующую заднюю мысль, а именно — Австрия, расправившись с Сербией, успеет, в случае нашего *запоздалого* вмешательства, перекинуть все свои силы на нашу границу. *Если в эту минуту мы не будем готовы к активным военным действиям,* то австрийских армий будет достаточно, чтобы *приковать нас к юго-западной границе, что облегчит для Германии решительное сосредоточение всех ее армий против Франции*» [1]).

Иными словами, в Париже решено было добиваться, во всякий момент и при всяких условиях, обратной комбинации: Сербия, в самом начале конфликта, отвлекает на себя часть австрийских сил, — тем более значительную, что Австрии придется иметь дело не только с Сербией, но и с тяготеющим к ней внутренним врагом, тогда как Греция одновременно понуждается к выполнению союзного договора с Сербией; в то же время, не отставая от Австрии, Россия мобилизуется, опережая, насколько возможно, германскую мобилизацию, и этим отвлекает к русской границе значительную часть германских войск, создавая этим искомый выигрыш времени для Франции. К этому же сводится и «новая точка зрения Франции», —

---

[1]) Письмо полк. Игнатьева начальнику ген. штаба от 6/19 декабря 1912 г., № 505. — Военно-ученый Архив, дело № 130328. — Курсив везде наш.

точка зрения Пуанкарэ, отмеченная таким подъемом настроения у Извольского: Пуанкарэ и Мильеран, добиваясь *предупредительной* мобилизации России, не могли, конечно, не принять за Францию обязательства воевать в случае, если на выступление Австрии против Сербии Россия ответит такой мобилизацией. Таким образом, *мы имеем дело в 1914 году с превентивной войной (со стороны германского ген. штаба) и с превентивной мобилизацией (со стороны франко-русского военного центра).*

Вторым событием этого дня — 5/18 декабря — было письмо Извольского Сазонову, совершенно необычное по содержанию и тону, но служившее лишь дополнением к нападению Мильерана на Игнатьева, ибо через посредство Извольского на Сазонова наступал, очевидно, Пуанкарэ.

«Не получая до сих пор никакого ответа на мои телеграммы о тревоге, возбуждаемой здесь нашим, как будто, пассивным отношением к австрийским вооружениям»,—Извольский считает нужным еще раз подвести итоги перемене, происшедшей в Париже за последние две недели, — «тогда как весьма еще недавно и французское правительство, и здешняя печать были довольно склонны обвинять нас в подстрекательстве сербов и доминирующей нотою была фраза «La France ne veut pas faire la guerre pour un port serbe» [1]),—ныне здесь с недоумением и с нескрываемым опасением относятся к кажущемуся нашему равнодушию перед фактом австрийской мобилизации. Опасения эти не только высказываются французскими министрами в разговорах со мною и с нашим военным агентом [2]), но проникают также в широкую публику и в газеты самых разнообразных оттенков; во французском генеральном штабе они настолько сильны, что... военный министр [3]) счел необходимым обратить на это внимание Пуанкарэ, который показал мне письмо г. Мильерана и созвал экстренный совет министров для его обсуждения [4]). Телеграмма г. Жоржа Луи, передавшая ответ, полученный генералом Лагишем [5]) от нашего генерального штаба, нисколько не рассеяла недоумения французов; мне был показан текст этой телеграммы, согласно которой ген. Лагишу было сказано не только, что австрийским вооружениям у нас придают чисто оборонительное значение, но что даже в крайне невероятном случае нападения Австрии на Сербию, Россия не будет воевать. Подобный ответ поверг Пуанкарэ и всех французских министров в крайнее удивление [6]). По всем получаемым здесь сведениям, Австрия в настоящий момент заканчивает полную мобилизацию десяти корпусов, при чем часть мобилизованных войск демонстративно выставлена против России; мобилизация эта ложится тяжелым образом (бременем) на и без того расстроенные финансы Австрии, и поэтому можно ожидать со дня на день какого-нибудь категорического

---

[1]) Как мы видели, эта фраза была впервые сказана в Лондоне.

[2]) Повидимому, все это письмо написано под впечатлением разговора гр. Игнатьева с Мильераном.

[3]) Мильеран.

[4]) Обо всем этом, конечно, нет ни малейшего упоминания ни во французской «Желтой Книге», ни в книге Пуанкарэ.

[5]) Французский военный агент в Петербурге.

[6]) Раздражение Мильерана становится после этих слов вполне понятным.

выступления со стороны австрийского кабинета. Выступление это, как здесь думают, может вызвать отпор со стороны России, а это, в свою очередь, автоматически и неизбежно вовлечет в войну сперва Германию, а затем и Францию. К подобной возможности французское правительство относится вполне спокойно, сознательно и с твердой решимостью исполнить свои союзнические обязательства. Все необходимые меры с его стороны приняты; мобилизация на восточной границе проведена; материальная часть в полной готовности и т. п. И как раз в эту минуту Франция, как будто, сталкивается с совершенно иным отношением к положению со стороны своей союзницы, наиболее, казалось бы, в нем заинтересованной. Из этого выводят заключение или, что у нас не отдают себе отчета в воинственных намерениях Австрии, или что по каким-нибудь особым причинам мы не хотим в настоящую минуту *разговаривать с Францией* [1]). Оба эти предположения в высшей степени для нас неблагоприятны и, несмотря на все мои усилия против них реагировать, мне становится все труднее и труднее поддерживать здесь желательное для нас настроение» [2]).

Заметим еще раз, что наша задача ограничивается здесь изучением маневрирования русского правительства среди союзных и враждебных правительств, с точки зрения вожделений русского правительства в области Проливов и Константинополя, и определением роли и веса этих вожделений при развитии мирового кризиса. На основании привлекаемых нами для этой цели архивных материалов мы считаем возможным — после цитированных выше двух документов — сделать вывод:

С начала мирового кризиса 1911 — 1914 г.г. военно-политическая обстановка его развязки была предрешена военными соглашениями и планами генеральных штабов Франции и России, и эта обстановка диктовалась, в моменты колебаний в Петербурге, из Парижа с настойчивостью ультимативного характера, чему мы найдем и дальше, в одном из сазоновских докладов, доказательство совершенно неопровержимое. «Реальное соотношение сил» между русским империализмом и французским, а также общая союзная база финансового капитала, на которой первый развивался с 1887 г., вместе с опасностью повторения революционного движения в России,—вполне, нам кажется, объясняют и боязливые колебания в Петербурге и определяющую роль Парижа. В ответ на угрожающие и увещевающие сообщения Извольского и непосредственные обращения Мильерана и Лагиша к русскому ген. штабу, в Петербурге торопливо выправляли свою линию поведения в требуемом направлении и смысле; воинственные группы и настроения тотчас же брали верх над осторожностью и мнениями людей, менее склонных к рискованной игре — «либо пан, либо пропал».

23 декабря Сазонов уведомил Извольского, что «черноморский флот... может выступить по первому требованию» и что принято «решение задержать после 1 января запасных во всей Европейской России и на Кавказе» [3]). В тот

---

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.
[2]) «Материалы», стр. 311 — 312.
[3]) «Материалы», стр. 313.

же день Извольский сообщил Пуанкарэ, что Сазонов заявил австро-венгерскому послу требование о демобилизации [1]), и в тот же день российский посол в Константинополе потребовал от турецкого правительства отказа от Адрианополя, Скутари (Албанск.) и Янины, с указанием, что русское правительство, в случае неуступчивости турецкого, не может гарантировать нейтралитет России, — выражение, которое потом было опровергнуто, а затем подтверждено [2]). Опровержение вызвано было тем, что выпад в сторону Турции (компенсация за победу Австрии в вопросе о выходе к Адриатике Сербии) вызвал отповедь со стороны Пуанкарэ, объявившего, что он менее всего желает конфликта из-за Малоазиатской Турции и протестует против такого выступления без предварительной консультации с ним [3]). 27 декабря Сазонов мог, с другой стороны, вполне основательно заверить сербского представителя в Петербурге, что Сербия легко может примириться с временной неудачей по вопросу об албанском порте, так как будущее принадлежит ей, — в том же смысле, как это внушалось французским и русским посланникам в Белграде, т.-е. в предвидении, — как формулирует Богичевич, — «важных событий, долженствующих произойти между великими державами» и повлечь за собою — по разъяснению Сазонова — крушение Австро-Венгрии.

Итог осени 1912 г. — фактический раздел почти всей Европейской Турции и образование победоносного блока из 15 миллионов сербов, черногорцев, болгар и греков, на южном фланге центральных империй.

В январе 1913 г. Пуанкарэ избирается президентом, — событие, которое и тогда, и позже рассматривалось во Франции, как торжество воинствующего французского империализма. Первая беседа, после избрания, его с Извольским убедила последнего в том, что сопротивление Пуанкарэ натиску на Турцию до конца в вопросе об Адрианополе, — как объяснил сам Пуанкарэ, — проистекает из необходимости «иметь возможность заранее подготовить французское общественное мнение к участию Франции в войне, могущей возникнуть на почве балканских дел». [4]). Тем не менее, Сазонов явно ощущает неудобство иметь двух хозяев: в Париже и в Петербурге, где националистическая пресса, с «Новым Временем» во главе, ежедневно разоблачала «Дипломатический Мукден» или «Дипломатическую Цусиму» (по вопросу о сербском порте и об Адрианополе). Констатируя полное отождествление Извольского с Пуанкарэ, Сазонов протестовал против реприманов Извольского и, в свою очередь, обвинял его в «стремлении лишить русскую политику свободы действий» [5]). Ему удалось на конференции послов в

---

[1]) «Doc. dipl.», t. II, № 34.

[2]) Ibid., №№ 33 и 37.

[3]) Ibid., № 40. От русского проекта морской демонстрации против Турции в Париже отделались презрительной застольной шуткой Палеолога, воспользовавшегося тем, что собеседником его был не Извольский, а Севастопуло (поверенный в делах): «Vous allez voir que vous finirez par la faire tout seuls, cette démonstration». («Материалы», стр. 316).

[4]) «Материалы», стр. 323. Характеристика Пуанкарэ, как диктатора, там же, стр. 325 — 326. В Берлине его избрание вызвало почти панику.

[5]) Письмо Извольского Сазонову от 29 января 1913 г. «Материалы», стр. 324.

Лондоне провести передачу Адрианополя болгарам, следствием чего было свержение Энвером константинопольского правительства и возобновление военных действий 3 февраля.

В это время в Германии шансы на успех в случае европейской войны расценивались — в полной гармонии с оптимизмом французского генерального штаба — пессимистически. В соответствии с этим в Берлине, по свидетельству русского посла Свербеева, хотели мира во что бы то ни стало, а в то же время принимали меры к усилению армии. Во Франции на это ответили кампанией в пользу трехлетней службы и организацией колониальных войск. 25 февраля Бенкендорф, характеризуя политику Пуанкарэ во время лондонской конференции, приходит к заключению, что «из всех держав одна Франция, если не хочет войны, то встретит ее без большого сожаления... Все державы работают для мира. Но из всех одна Франция согласилась бы на войну с величайшим хладнокровием». Берлин, в это время, во всяком случае, настаивал на демобилизации Австрии, и в Вене, хотя и не без протестов, уступали давлению Вильгельма II (через эрцгерцога Франца-Фердинанда) и Мольтке [1]).

В марте союзники овладели Адрианополем и Яниной, но до Константинополя болгары не дошли, и только этим русское правительство избавлено было от выполнения своего решения послать в Босфор черноморский флот. 16 апреля, утомленные противники согласились на новое перемирие, что, несмотря и на морскую демонстрацию держав, не помешало черногорцам вынудить 22 апреля к сдаче Скутари. По выражению Сазонова, черногорский князь хотел «зажечь мировой пожар, чтобы на огне его изжарить себе яичницу». Действительно, Австрия потребовала эвакуации Скутари (оставленного конференцией послов в составе Албании), и Германия к ней присоединилась. Богичевич [2]) удостоверяет, что в этот критический момент покровители балканских стран были озабочены их военным утомлением и, в предвидении в близком будущем обстоятельств, которые потребуют от них нового напряжения сил, решили предоставить им необходимую передышку. В начале мая черногорцы очистили Скутари, а сербы—Дураццо. В конце этого месяца в Лондоне делегаты Турции и балканских стран подписали прелиминарные мирные условия, с границей между Болгарией и Турцией по линии Энос-Мидия.

Однако уже с середины апреля на почве дележа оккупированных территорий отношения между союзниками обострились настолько, что король Фердинанд обратился с просьбой о вмешательстве к Николаю II. Румыния требовала от Болгарии «компенсации» на правом берегу Дуная, Сербия и Греция заявляли права на Македонию, которую болгары считали почти целиком своей законной долей. Сазонов, стараясь склонить сербов к уступчивости в пользу болгар, объяснял Пашичу, сербскому премьер-министру (через Гартвига), что «Сербия прошла лишь первый этап своего исторического

---

[1]) На это жалуется в своих мемуарах начальник ген. штаба Конрад Гецендорф «Aus meiner Dienstzeit», B. III, S. 167 — 169.

[2]) Б. сербский поверенный в делах в Берлине Dr. M. Boghitschevitsch,—«Kriegsursachen», S. 168.

пути» и, «что для достижения своей цели ей придется выдержать страшную борьбу, в которой на карту будет поставлено ее существование»; ей необходимо заручиться поддержкой Болгарии и восстановить полностью свои силы, и тогда ничто не помешает ей с избытком вознаградить себя за уступки болгарам львиной долей при неминуемом распаде Австро-Венгрии. Все же Пашич предпочел ничем не поступаться и подал со всеми своими коллегами в отставку. Фердинанд, рассчитывая склонить на свою сторону Николая II, поставил во главе своего правительства Данева, который должен был, вместе с Пашичем, по вызову Николая II, явиться в Петербург для того, чтобы изложить свои претензии и выслушать царский приговор. Однако, болгарские генералы сорвали это паломничество внезапным нападением на союзные войска; но, вместо того, чтобы разбить по очереди противников, болгары очутились в кольце победоносно наступавших врагов. Им пришлось очистить и Адрианополь, занятый без боя турками (22 июля). Заручившись нейтралитетом России, правительство которой решило не упустить случая за счет «неблагодарной Болгарии» приобрести еще и нового союзника в лице союзной с центральными империями Румынии, последняя двинула свои свежие войска через Дунай 11 июля. Обещанием центральных империй компенсации в свою пользу Румыния заручилась еще в начале первой балканской войны, взамен чего она возобновила в феврале 1913 г. договор с Тройственным Союзом. Теперь она получала эту компенсацию с соизволения, если не прямо из рук, царского правительства. Округ Силистрии был также «присужден» Румынии конференцией послов в Петербурге. Фердинанду пришлось обратиться в Вену и в Петербург с просьбой о посредничестве. 30 июля было заключено перемирие, 10 августа был подписан в Бухаресте мир, который не остановил, однако, развития мирового кризиса в сфере балканских интересов. Австро-Венгрия более, чем раньше, стремилась к ослаблению сербского «Пьемонта», если не в свою пользу, то, по крайней мере, в пользу Болгарии. Осторожная германская политика сближения с Румынией и с Грецией совершенно не удовлетворяла австрийское правительство, считавшее, что юго-славянский вопрос превратился в вопрос дальнейшего существования двуединой монархии и, следовательно, жизненных интересов всего Тройственного Союза.

В октябре Австрия, при энергичной, на этот раз, личной поддержке Вильгельма II, предъявила Сербии ультимативное требование вывести все свои отряды из пределов Албании. Конечно, этим путем трудно было изменить в основе положение на Балканах, созданное образованием румыно-сербо-греческого блока, с решительным преобладанием французской и русской дипломатии не только в Сербии, но и в Румынии.

В Берлине должны были признать, что итоги последней балканской войны, действительно, изменили общее положение существенно невыгодным для Тройственного Союза образом, — точно так же, как Сазонов и Шебеко (русский посол в Вене) не могли прийти к иному заключению, как к взаимным поздравлениям с решительным успехом, несмотря на крушение балкано-славянского блока.

В свете событий 1911—1913 г.г. весьма рельефно выступают основные черты и действительные цели политики петербургского правительства

в вопросе о Проливах в начале этого периода. В основу чарыковских переговоров, как мы знаем, положено было сближение с Турцией, умиротворяющее воздействие на балканские государства и «даже» гарантирование Турции Константинополя с прилегающим районом [1]). За это султан должен был своею властью и «раз навсегда» предоставить русским военным судам проход через Проливы, впрочем, без права остановки в Босфоре. Формула «своею властью» была избрана, по толкованию Бенкендорфа, во избежание долгой процедуры пересмотра существующих трактатов. Грэй выразил на этот раз готовность поддержать в Константинополе проект Извольского (1908 г.), добавивши, что «в свое время этот проект был одобрен английским кабинетом и потому он может немедленно в этом смысле действовать»; если же имеется в виду другой проект, то для него необходимо одобрение английского кабинета; наконец, Грэй указал на чрезвычайную важность и трудность вопроса о сближении с Турцией и необходимость тщательно взвесить его, так как английскому правительству будет нелегко гарантировать Турции какую-либо часть ее территории.

Турецкое правительство (Саид-паша), имея перед собою единый фронт Англии, Франции и России, проявляло готовность к сближению с Англией и — через нее — с Россией, но в то время, как уже была пущена в ход идея турецко-антантского соглашения о восточно-средиземноморских интересах (по образцу англо-испанского — о западных), оно одновременно, по сведениям Чарыкова, вело переговоры о сближении с более надежным партнером — с Германией.

Затруднительность гарантировать Турции ее территориальную неприкосновенность обусловливалась состоянием ее в войне против Италии, сближение с которой, разумеется, было неизмеримо важнее для держав Антанты, чем сближение с разгромленной Турцией. На вопрос Никольсона, как русское правительство представляет себе осуществление такой гарантии целости Турции по отношению к Италии, Бенкендорф должен был ответить откровенным признанием, что он и сам этого не знает, но что он «убежден, что нынешние наши отношения с Италией исключают всякую возможность каких-либо враждебных действий по отношению к этой стране». [2]).

Турецкое правительство, действительно, выразило желание примкнуть к Антанте, при условии, однако, чтобы последняя поддержала ее против Италии в момент мирных переговоров, от чего Грэй, разумеется, категорически отказался. Таким образом, Турция, совершенно изолированная, не нашедшая защиты ни в одной из двух группировок европейских держав, превратилась в легкую добычу для ближайших своих соседей, и вопросом дальнейшего ее существования сделался вопрос о вхождении ее в одну из этих группировок.

---

[1]) «Россия, может быть, не остановится перед тем, чтобы гарантировать Турции город Константинополь с прилегающею областью»,—говорил Грэю Бенкендорф в октябре 1911 г.

[2]) См. Siebert, 18 Kapitel. — Напомним, что вопрос о распространении военных операций со стороны Италии на область Проливов встал во всей остроте перед европейскими кабинетами весною 1912 г.

В петербургском министерстве ин. дел также не представляли себе реальных результатов выступления в Константинополе и потому решили «использовать теперешнее политическое положение для того, чтобы побудить французское и английское правительства изложить—и при том письменно—в совершенно конкретной форме свою точку зрения на вопрос о Проливах, совершенно независимо от могущего быть заключенным соглашения между нами и Турцией». Мысль Грэя о «предварительном» соглашении с Турцией при этом признавалась даже крайне неудобной. С другой стороны, Нератов пояснял, в письме от 2 ноября 1911 г., что дело идет не о срочном решении вопроса, а об уяснении «условий», при которых этот вопрос может быть решен. «Постараюсь, — отвечал Бенкендорф, — хотя все еще трудно подвинуть английское правительство на принципиальные обязательства в отношении будущих возможностей; сделаю попытку, но не уверен в ее успехе». Утешение он находит в той перемене, которая произошла в Лондоне за последние два года: в 1908 г. Грэй сказал, что когда-нибудь русские пожелания исполнятся, но теперь еще «слишком рано», теперь он не говорит «слишком рано», а заявляет о своей готовности действовать. Но действовать можно лишь при благоприятных обстоятельствах; он надеется, что они наступят; пока вопрос отсрочен, и т. д. Таким образом, при поражающей Бенкендорфа перемене в отношении России вообще, вопрос о Проливах почему то не трогается с места Для объяснения этого странного обстоятельства Бенкендорф ссылается и на упрямство Грэя, и на «традиционный метод», но совершенно игнорирует сделанное по поводу проекта возражение, что в случае войны Черное море превратится в закрытое убежище для русского флота; он надеется, что теперь это возражение, если и будет выдвинуто, то не англичанами. В конце концов он признается, что не отдает себе отчета в том, как можно использовать для данного вопроса несомненное стремление английского правительства укрепить и даже расширить сближение с Россией; все же он считает возможным достигнуть общего соглашения о Константинополе, Балканах, а, может быть, и Малой Азии, взамен предоставления Англии «Египта и т. д.» [1]).

В совершенно секретном письме Извольскому от 28 ноября 1912 г. Сазонов сам характеризует русскую политику по вопросу о «Проливах» следующим образом: [2]).

«С самого начала кризиса мы не упускали из виду, что война может повлечь за собою изменение режима Проливов. В то же время мы опасались, однако, возбуждать этот вопрос раньше, чем вполне определятся размеры успехов балканских государств, вероятность занятия их войсками Константинополя и отношение других великих держав к событиям на Балканах. Это соображение внушило нам известную сдержанность по отношению к английскому предложению обсудить вопрос о возможности интернационализации Константинополя и о новых гарантиях пользования Проливами. По нашему мнению, основные интересы России не могут быть защищены в Проливах

[1]) Siebert, S. 685.
[2]) Ibid., S. S. 687 — 690.

никакими договорными гарантиями и статьями, так как последние всегда могут быть обойдены; и мы должны всегда иметь в виду, — какая реальная сила, в действительности, может обеспечить установленный в Проливах режим от каких-либо нарушений.

«Само собою разумеется, еще отрицательнее отнеслись мы к исходившей из Вены попытке установить известный параллелизм между интересами нашими и Дунайской монархии: Россия должна была бы объявить себя незаинтересованной в отношении западной части Балканского полуострова, тогда как Австрия предоставила бы нам полную свободу действий в Константинополе. Исходя из положения, что какие-либо изменения в режиме Проливов могут наступить лишь по окончании войны и что, с другой стороны, мы не можем согласиться на компенсации, так как это нанесло бы ущерб интересам балканских государств, — мы соблюдали до сих пор выжидательную тактику, не упуская, однако, благоприятного момента для заявления наших пожеланий.

«Хотя дальнейшее течение войны еще нельзя предусмотреть, однако, можно признать, что в настоящий момент продвижение союзников достигло уже максимального предела и вероятность занятия Константинополя весьма мала. Вследствие этого остается в силе наше первоначальное положение, что Константинополь и достаточная по величине область на европейском материке останутся во владении Турции. Можно думать, что даже после победоносной войны Болгарии понадобится довольно продолжительное время, чтобы оправиться от своих потерь и окончательно утвердиться в завоеванных ею областях. Не менее трудные задачи ожидают и побежденную Турцию.

«Россия, не участвовавшая в войне, обладает теперь возможностью, с одной стороны, распространить свое влияние между балканскими государствами, к которым должна быть причислена, если возможно, и Румыния, а с другой, — укрепить свое положение в Турции, которая более, чем когда-либо, должна дорожить хорошими отношениями с Россией.

«Все это побуждает нас в настоящий момент подходить с исключительной осторожностью к тем предложениям, которые могут быть нам сделаны другими державами в вопросе о Проливах. Мы должны остерегаться изъявлять одобрение установлению каких-либо ограничительных гарантий, которые могут стать в будущем препятствием к окончательному решению вопроса о Проливах сообразно нашим интересам. С другой стороны, мы не можем упускать благоприятного момента для осуществления некоторых, не столь радикальных, но все же имеющих значение изменений. Практичнее всего, нам кажется, трактовать вопрос о Проливах, как в 1908 году, т.-е. в смысле предоставления прибрежным черноморским государствам в мирное время, с соблюдением известных условий, гарантирующих безопасность Константинополя, выводить и вводить из Черного моря и в Черное море свои военные суда.

«Конечно, в настоящий момент не может быть речи о заключении одностороннего соглашения между Россией и Турцией по этому вопросу; подобное соглашение нарушило бы наши отношения с балканскими государствами. Вряд ли оно и нужно, так как, вместо дружественных заверений,

которые в свое время оказались бесплодными, вследствие самомнения турок, в наших руках есть гораздо более действительное средство воздействия на Турцию теперь, когда часть турецких войск переведена с нашей границы на театр военных действий. Величайшее значение мы должны, конечно, придавать позиции великих держав, и мы можем лишь констатировать, что за последние годы почва для благоприятного нам решения хорошо подготовлена. Как Вам известно, наши пожелания ни для одного европейского правительства не могут оказаться неожиданными, и каждое из них в свое время выразило условное согласие с ними. У нас нет желания по отношению к Австрии стать на точку зрения соглашения или компенсаций; но мы никогда не отрицали необходимости считаться с австрийскими интересами экономического и политического характера на Балканском полуострове. В вопросе о выходе Сербии к Адриатическому морю мы также советовали белградскому кабинету принять во внимание интересы соседнего с ним государства. Поэтому мы считаем себя в праве ожидать, что венский кабинет подобным же образом отнесется к нашим интересам в вопросе о Проливах. Во всяком случае мы считаем, что сопротивление австрийской дипломатии в этом вопросе вряд ли может быть серьезным препятствием к осуществлению наших, более чем скромных пожеланий [1]).

«Таковы общие соображения, которыми мы руководствуемся в вопросе о Проливах. Сообщая их Вам на случай объяснения с Пуанкарэ, считаю необходимым добавить, что мы считали бы неправильным выступить теперь же с какими-либо самостоятельными предложениями, так как путь компенсаций, как указано выше, не отвечает нашим интересам. Однако, если бы обстоятельства изменились и этот вопрос сам собою стал бы на очередь, нам было бы интересно уяснить точку зрения французского правительства для того, чтобы мы могли точно определить время и средства для достижения нашей цели».

На это письмо к Извольскому немедленно, 2 декабря, отозвался Бенкендорф письмом не менее интересным и гораздо более определенным, чем прежние его сообщения Нератову. Грэй считает, что в отличие от 1908 г. «почва» в достаточной мере подготовлена и что Россия может поднять вопрос о Проливах в связи с ликвидацией балканской войны, — как раз то, от чего Сазонов самым категорическим образом отказывался. Кроме того, Грэй остается на точке зрения тогдашнего своего меморандума и, в частности, необходимости предварительного соглашения с Турцией. Бенкендорф не думает, чтобы «эта предпосылка изменилась» и, хотя Турция выходит ослабленной из войны, но это не значит, что она потеряла всякое значение в глазах Англии. Более того: в качестве чисто мусульманского и азиатского государства, она представляет для Англии именно теперь в высшей степени важную державу. Итак, поддержка Англии обеспечена, — Грэй и Никольсон, по собственной инициативе, возбуждают вопрос о Проливах и советуют поставить его на предстоящей конференции, — но поддержка эта, — как ясно

[1]) Ясно, что имеются в виду упомянутые выше «не очень радикальные изменения» режима Проливов.

даже Бенкендорфу, — имеет целью решить вопрос в желательном «с английской, а не нашей точки зрения смысле». Поэтому, не взирая на пресловутую перемену в отношении к России, происшедшую в Англии, лондонский посол вполне присоединяется к точке зрения Сазонова, изложенной в письме к Извольскому.

Что касается Извольского, то, как мы видим, с ним и с гр. Игнатьевым велись в это время разговоры более серьезные, и ему приходилось вступать в единоборство с Сазоновым по вопросу об общей франко-русской политике против Германии и Австрии. Лишь в апреле 1913 г. Пуанкарэ вспоминает о Константинополе — опять-таки в виду угрозы занятия его болгарами — и предлагает морскую демонстрацию держав в Проливах и Мраморном море, на что Сазонов немедленно соглашается. С своей стороны, Грэй предлагает через собрание послов обратить внимание правительств на необходимость принять сообща меры с целью сохранить султана в Константинополе, согласно с предыдущими решениями держав. В то же время неотложным стало решение вопроса о предъявленном победителями требовании контрибуции с Турции. В Париже это требование вызвало оппозицию банков и правительства, опасавшегося, что финансовое ослабление Турции, — как писал Извольский Сазонову 24 апреля, — нанесет ущерб имеющимся там у европейских держав и у их подданных интересам; парижские финансовые круги даже стремятся к разрешению «всех стоящих на очереди вопросов в пользу Турции», тогда как Грэй также имеет в виду, по сведениям Извольского, установление международного контроля (с ограничением расходов и вооружений) над Азиатской Турцией, ибо предвидимая уже «ликвидация этого государства может (в отличие от ликвидации Европейской Турции) привести к столкновениям, не поддающимся учету» [1]).

Извольский приветствует эту мысль Грэя, ни слова, однако, не говоря, о том, как эта комбинация может отразиться на режиме Проливов и на будущей судьбе Константинополя.

В письме Бенкендорфу от 1 мая Сазонов называет программу Грэя очень соблазнительной, поскольку дело идет об ограничении военных расходов Турции, но ставит обойденный Извольским вопрос: «Если турецкие вооружения будут ограничены, — где гарантия, что Константинополь и Проливы будут действительным образом защищены? Так как сухопутная граница между Турцией и Болгарией будет весьма длинной, не должна ли Турция делать величайшие усилия, чтобы быть в состоянии защищать столицу.

«Когда мы ставим этот вопрос,—продолжает, не без юмора, Сазонов,— это, конечно, повергнет в изумление тех, кто подозревает Россию в завоевательных планах. Мы, конечно, не хотим предупреждать будущее, но не можем не заметить, что, если оборона Константинополя и Проливов в решающий момент не будет достаточно обеспечена, это обстоятельство, весьма далекое от соответствия с нашими интересами, явится лишь опасным искушением для болгар, так как преждевременная постановка вопроса

[1]) «Материалы», стр. 364 — 365.

о Проливах могла бы поставить нас в крайне затруднительное положение. Если мы, следовательно, с одной стороны, не имеем никакого основания мешать Турции принимать меры, необходимые для того, чтобы отразить нападение на Константинополь и Проливы, то, с другой стороны, мы не должны опасаться слишком значительного усиления Турции после того, как только что она понесла беспримерное поражение. И так как вопрос о Проливах влечет за собою целый ряд других проблем, разрешение которых требует планомерной подготовки, то было бы опасно и преждевременно теперь же, до того, как вся эта программа разработана, говорить об уменьшении оборонительных средств слабой, самой по себе, Турции».

Далее Сазонов дает основательную критику английского проекта по существу: если цель международного контроля будет достигнута, т.-е. финансы Турции придут в порядок, то ничто не помешает ей усилиться и в военном отношении; если же этого не случится, то международный контроль приведет к гегемонии какой-либо одной державы и, во всяком случае, к борьбе между конкурирующими державами. В то же время у него «является невольное опасение, что учреждением европейского контроля свобода действий России в отношении Турции будет слишком ограничена. События складываются таким образом, что мы, не увлекаясь несбыточными утопиями, можем считаться с возможностью установить с Турцией лучшие отношения, чем это было до сих пор. Турция должна дать себе отчет в том, что Константинополь и Проливы находятся под сильной угрозой в будущем. Эта опасность в глазах турок будет перевешивать их традиционное недоверие к России; наш, до известной степени, общий интерес — предотвратить переход Проливов во владение другой державы, — сблизит нас с Турцией. Сверх того, турки придут к сознанию того, что наилучшее средство защиты против Болгарии состоит в использовании того влияния, которым Россия располагает в Софии. Это вовсе не предполагает враждебного отношения России к Болгарии. Последняя знает очень хорошо, что Проливы принадлежат к неоспоримой сфере интересов России и что в этом направлении с нашей стороны не может быть никаких колебаний и уступок» [1]).

Эту точку зрения Сазонова решительно поддержал константинопольский посол Гирс, телеграфировавший Сазонову 10 мая, что хотя лично он уверен в близком и окончательном крушении Турции, но сами турки отнюдь не расположены подчиниться кондоминиуму европейских держав и найдут опору в некоторых из них (в Германии, конечно), а, с русской точки зрения, «введение международного элемента в наши до сих пор прямые отношения с Турцией может только затруднить и отдалить осуществление нашего исторического стремления овладеть Проливами. Поскольку Турция не является крупным рынком сбыта для нашей торговли, мы нисколько не заинтересованы в ее возрождении. Наиболее выгодным для нас было бы, если бы временно в Турции восстановился в достаточной степени порядок для обеспечения личной и имущественной безопасности жителей, без различия религии и национальности. Это позволило бы нам отсрочить ликви-

[1]) Siebert, S. S. 692—694.

дацию Турции до того момента, когда нашему участию в ней обеспечены были бы наибольшие выгоды».

Так же точно, как Англия добивалась в прежние годы усиления оборонительных средств Константинополя и Проливов против России, так теперь русское правительство озабочено способностью Турции противостоять нападению болгар. Сазонов опасается и «преждевременной» постановки вопроса о Проливах, но за будущее он спокоен: чрезмерного усиления Турции он не боится; времени достаточно, чтобы планомерно подготовить разрешение проблем, связанных с вопросом о Проливах, но надо только позаботиться, чтобы «больной человек» протянул бы до нужного момента, чтобы он был даже в состоянии защищаться против случайных претендентов на его имущество, в ожидании, когда оно будет взято у него «законным наследником». Обращает внимание фраза о «несбыточных утопиях»; вряд ли ее можно понять иначе, как указание на исход, действительно, невероятный — и, все же, упомянутый, — добровольный акт в стиле территориальных приобретений екатерининского царствования. Другое дело — возможность сближения Турции с царской Россией на почве «совместной» защиты Проливов; в эту возможность Сазонов твердо верит и обещает сделать ее целью своей политики. Очевидно, в течение подготовительного периода, нужного для разработки известной программы, наилучшая комбинация это — руссофильская ориентация турецкого правительства, в действительности, расчет, качественно очень недалекий от «несбыточной утопии». Уже в это время французская дипломатия отмечает подозрительное соглашение Турции с Австрией об окончательной эвакуации турками Албании.

Возобновление военных действий на Балканах означало в первую очередь крушение престижа русского царя и его правительства, ибо арбитражу Николая II балканские правительства предпочли риск и тягости междоусобной войны. С другой стороны, отпала угроза Константинополю со стороны болгар, терявших и Адрианополь. Вернуть турок на линию Энос — Мидия, а болгар — в Адрианополь, становится задачей петербургского правительства, усиленно предлагающего для обуздания Турции коллективную морскую демонстрацию. Англия и Франция готовы принять в ней участие, при условии, если в ней примут участие все великие державы. Гирс полагает, что настал момент для военной демонстрации на кавказской сухопутной границе, Сазонов же предпочитает угрожать туркам от лица всей Европы. Однако, Германия поспешила успокоить турок заявлением, что она в морской демонстрации, если таковая будет предложена, участвовать не может; римский кабинет сделал аналогичное заявление. Оставалось принимать в лондонском совещании послов платонические резолюции, напоминавшие об утвержденной лондонским трактатом линии Энос—Мидия, но не производившие никакого эффекта ни в Софии, ни в Константинополе; турки, во всяком случае, нашли уже гораздо более надежного, хотя и не более бескорыстного, защитника, чем царское правительство. Вся сазоновская стратагема оказывается, таким образом, «несбыточной утопией», и 25 июля Извольский предлагает, по поручению своего правительства, произвести морскую демонстрацию силами держав Тройственного Согласия. Пишон и Палеолог отве-

чают на это указанием, что в результате произойдет разрыв европейского концерта и угроза европейскому миру; индивидуальное же выступление России еще опаснее, так как вызовет со стороны Австрии «или даже Германии» контр-выступление, т.-е. опасность войны еще более непосредственную. Лишь после того, как Грэй подал мысль о выдаче России мандата на выступление, П. Камбон, как меньшее зло, предлагает предоставить России, «как освободительнице Болгарии», свободу действий, но и тогда Пишон ставит условием предварительное — и невозможное — соглашение России с Германией.

Тем временем встал вопрос о Кавале [1]), и завязалась вокруг него борьба интересов и влияний. Германская дипломатия внезапной диверсией выдвинула предложение о компенсациях в вопросе о пошлинах в пользу турок, как средство воздействия на них в вопросе об Адрианополе, очутившись в наивыгоднейшем положении и в Софии, и в Константинополе. Полуобещая болгарам Адрианополь, она предлагает в Петербурге вознаградить турок, — если только они согласятся отказаться от Адрианополя, — смягчением капитуляций. Сазонов, отказываясь от всякой поблажки туркам, продолжает требовать Адрианополь в пользу Болгарии, но так как Турция отвечает, в свою очередь, категорическим отказом, то болгары не извлекают из этой помощи никакой пользы для себя, тем более, что столь же безуспешными оказались выступления Сазонова в пользу Болгарии и при решении вопроса о Кавале.

Таким образом явное нежелание французского правительства итти на конфликт с Турцией и, из-за Турции, с центральными державами, — поставило царское правительство на другой день после обманчивого «первого триумфа» русской дипломатии в совершенно беспомощное положение; все угрозы Сазонова оказались мыльным пузырем, а все средства воздействия на Турцию могущественной Российской империи свелись к удивительному жесту — к отозванию в Севастополь двух легких военных судов, находившихся в Константинополе. Надо было окольными путями объяснять туркам угрожающий характер этой меры, предоставлявшей-де в распоряжение командующего черноморским флотом эти две боевые единицы!..

Этим, а также выступлением на стороне греков в вопросе о Кавале, не ограничилось французское правительство: оно продолжало доставлять Сазонову неприятности, выплачивая авансы по табачной монополии турецкому правительству. Французская «Желтая Книга» упоминает о жалобах Сазонова по этому поводу, но умалчивает, конечно, о том, как отделывалось от этих жалоб французское правительство, сообщая Извольскому такие сведения, напр., что выплачено, будто бы, 30.000 фр., тогда как, в действительности,—о чем Извольский сообщал потом с неподдельным изумлением,— было выплачено 300.000 фр. Над Сазоновым как-будто потешались и в Париже, и в других столицах, когда Пишон отговаривался тем, что в совете «Régie des Tabacs» французы, будто бы, в меньшинстве и потому решение

---

[1]) «Европ. державы и Греция», стр. 27.

о дальнейших выплатах зависит от немцев и австрийцев, а в Берлине русскому послу разъясняли истинное положение вещей, удостоверяя факт абсолютного большинства французских голосов. Сазонов принимает, наконец (13 августа), германские предложения о компенсациях Турции за эвакуацию Адрианополя в надежде хоть этим улучшить положение русской дипломатии, продолжая, однако, хлопотать об удержании авансов, но турецкое правительство ответило на все посулы, увещания и угрозы заявлением, что оно двинет свои войска через Марицу для защиты мусульманского населения западной Фракии от насилий болгарских войск. Обещание это оно выполнило, и болгарское правительство, под прямой угрозой новой войны, после откровенного заявления Сазонова Бобчеву 19 августа о неосуществимости непосредственных мер принуждения против Турции, должно было внять советам германской дипломатии вступить в непосредственные переговоры с Турцией. К началу этих переговоров выясняется, что не только в Берлине, но и в некоторых лондонских кругах «без неудовольствия, — как сообщал французский поверенный в делах в Лондоне, — встретили бы удержание турками Адрианополя» [1]). Стычки албанцев, поддерживаемых Австрией, с сербами осложнили положение, привлекши снова к албанскому вопросу внимание правительств. Греко-турецкие разногласия подавали болгарам некоторую надежду на создание общего фронта против Греции. При таких обстоятельствах, болгары уступили и подписали константинопольский мирный договор 29 сентября.

После заключения мира между Турцией и Болгарией значительно усилилась острота греко-турецкого конфликта. Вопросы об Эгейских островах и, в особенности, об Албании продолжали держать в напряжении европейскую дипломатию, биржу и финансовый мир. Во второй половине октября вызывает некоторую сенсацию внезапный австрийский ультиматум Сербии с требованием срочной эвакуации албанской территории, в пределах вновь образованного государства; выполнение Сербией этого обязательства ликвидирует этот инцидент; в середине ноября на бумаге улажен даже и греко-турецкий конфликт. Но в это время в Петербурге, в Лондоне и в Париже заняты уже назначением главы германской военной миссии, ген. Лимана фон-Сандерса, командующим армейским корпусом в Константинополе, и все остальные неразрешенные вопросы отступают на второй план.

III. Миссия Лимана ф.-Сандерса.

Кризис, связанный с миссией Лимана, продолжался с 20 ноября 1913 г. до середины января 1914 г. В Петербурге известие о назначении Лимана было принято, как фактическое отрицание каких-либо преимущественных прав и интересов России в Проливах, как непосредственная угроза этим интересам в настоящем и всем планам и расчетам в отношении будущего.

---

[1]) Doc. Dipl., «Les Affaires Balcaniques, 1912—1914», t. III, № 67.

Делькассэ с самого начала придает исключительную важность этому вопросу и в этом смысле воздействует и на русское, и на французское правительство, внимание которого он обращает на германскую «попытку произвести захват Турции державами Тройственного Союза, на что Тройственное Согласие не может без ущерба для себя закрывать глаза» [1]. Германия уже имеет сферу интересов в М. Азии, где она строит жел.-дор. сеть свыше 4.000 килом. длиною. В восточной части Средиземного моря она создает эскадру, для чего ей понадобится морская база и угольная станция. Италия получает концессии — постройку порта и жел. дороги в Адалии. Австрия выбирает удобную для себя область. В телеграмме Делькассэ (с пометкой «получена 30 ноября 1913 г.») за № 751 говорится: «Распадение Турции уже началось или начинается, и Германия при помощи оттоманского правительства занимает позиции, обеспечивающие ей все выгоды от раздела».

Миролюбивые, с подчеркиванием дружественных отношений, переговоры Коковцова в Берлине, очевидно, должны были вызвать у энергичного французского дипломата желание столкнуть лбами слишком любезных собеседников. Этим объясняется, что переговоры Коковцова неожиданно разглашаются в печати. 26 (13) ноября Свербеев телеграфировал из Берлина: «Спрошенный по этому поводу, французский посол, бывший один здесь в курсе этих переговоров, на вопрос мой, откуда «Temps» почерпнул означенное известие, объяснил, что будто здешний корреспондент «Temps» получил оное от своего петербургского коллеги и передал в Париж. Так как столь несвоевременное появление означенного известия может только еще более усилить неуступчивость германского правительства, то ваше высокопревосходительство, быть может, признаете желательным проверить версию французского посла о том, что известие исходит из Петербурга».

Лица осведомленные хорошо помнят, что одновременно Делькассэ через секретаря французского посольства (Сабатье д'Эпейрон) поднял в русской прессе шумную, воинственную кампанию, вызвавшую неудовольствие не только Коковцова, но даже и Сазонова. По свидетельству Р. Маршана, секретарь французского посольства настойчиво и без стеснения повторял: «Надо воспользоваться случаем, чтобы окончательно сломать мост между Петербургом и Берлином». Этот же прекрасно осведомленный, как известно, свидетель удостоверяет, что в составе самого посольства был честный человек, г. Шарль де Шамбрен, заявлявший, что «он намерен подать в отставку, если будет продолжаться эта подпольная политика» и что, «если разразится война, то, конечно, толчек к ней будет дан нами» [2].

Известен «личный» проект Бомпара, поддержанный, однако, М. Палеологом в разговоре с Извольским, о посылке русского броненосца в Босфор с объявлением, что он уйдет оттуда лишь после изменения контракта с Лиманом. Бомпар предлагал испросить на вход его фирман у султана,

---

[1]) Телеграммы его №№ 700 и 701, не помещенные в «Желтой Книге».

[2]) «Livre Noir», t. I. Préface.

Палеолог же уверял, что можно обойтись и без разрешения султана, так как «турецкие батареи, конечно, не решатся открыть огонь». Извольский не берется судить, «насколько продуманы суждения французского посла в Константинополе», но считает «весьма характерным, что в здешнем министерстве иностранных дел допускают возможность подобного крутого оборота дела» [1]). Можно думать, что эти «суждения» были прекрасно обдуманы группой Пуанкарэ-Делькассэ-Палеолог, если даже и неясно, стремилась ли эта группа, — как за год перед этим, — к ускорению военного исхода, или же имела в виду посчитаться за Агадир в Константинополе, за счет России, и во всяком случае «сломать окончательно мост между Петербургом и Берлином».

Дипломатические переговоры по этому вопросу начаты были Коковцовым во время свидания его с Вильгельмом в Берлине в очень дружественном тоне указанием, как на лучший выход из положения, на посылку простых инструкторов; однако, это указание не встретило сочувствия кайзера, сославшегося на безрезультатность двадцатилетней деятельности таких инструкторов. Тогда Сазонов, заявивши протест против того, что «вводится как бы германский гарнизон в столице, где находится наше посольство», попросил перевести немецких офицеров в какую-либо, достаточно удаленную от русской границы, местность Малой Азии. Пишон поспешил, с своей стороны, предупредить, что Франция не желает видеть германскую миссию ни в Смирне, ни в Бейруте, между тем как Грэй, ссылаясь на нежелательность обострения отношений с Вильгельмом, и без того обиженным нападками русской прессы, рекомендовал дружеское обращение в Берлин, а в качестве практического выхода — создание вожделенного нового международного режима в Проливах, гарантирующего свободу плавания в них. Против этого проекта — и на этот раз решительно — восстал Сазонов: германской миссии Проливы не были ни в каком отношении подчинены, но зато в Константинополе находилась британская морская инструкторская миссия — адмирала Лимпуса [2]). Сазонов предложил Лондону и Парижу сделать в Константинополе в идентичной форме заявление, что немецкое командование армейским корпусом в Константинополе означает исчезновение единственной реальной гарантии целости турецкого государства — равновесия держав; и что это обстоятельство вынудит остальные державы гарантировать свои собственные интересы в Турции.

---

[1]) Письмо Извольского от 19 декабря (1 января). Об этом плане в «Желтой Книге» — ни малейшего упоминания, конечно.

[2]) Адм. Лимпус был морским советником при турецком правительстве с 1912 — 1914 г.г. До этого времени он командовал различными судами и служил в южной Африке, Египте и Китае. В 1910 г. он был произведен в контр-адмиралы и получил в командование портсмутскую бригаду линейных кораблей. После вступления Турции в мировую войну, адмирал Лимпус был назначен заведывающим мальтийской судовой базой (сентябрь 1914 — октябрь 1916 г.) и старшим морским офицером на Мальте (апрель 1915 г. — октябрь 1916 г.). В 1917 году он был поставлен во главе комитета по обеспечению английского флота снарядами. В 1919 г. вышел в отставку.

Грэй отверг сазоновский проект, найдя угрозы лишними и, во всяком случае, преждевременными; ему пришлось затем сознаться, что нахождение британского адмирала в Константинополе представляет слишком сильный аргумент в руках германского правительства. В объяснениях с последним он мог ссылаться лишь на то, что адмирал этот не комбатант, на что получил ответ, что и германский генерал — не комбатант. Поэтому ему приходилось обещать «изучить» контракт Лимпуса с турецким правительством, хотя он и продолжал высказывать уверенность, что между положением Лимпуса и фон Сандерса нельзя проводить аналогию. Наконец, Грэй сообщает свой проект устного обращения к Порте, сводящегося к просьбе информировать заинтересованные правительства о характере и значении миссии фон-Сандерса и вызывающий энергичный, но безрезультатный протест со стороны Сазонова. И даже после этого Грэй колеблется, изъявляя опасение, что даже простой, но формулированный тремя державами Согласия запрос представляет слишком серьезный шаг. При этом Грэй объяснил французскому послу, что, в сущности, он опасается очередного отступления со стороны Сазонова. Сазонов, до сведения которого дошло это обстоятельство, в телеграмме Бенкендорфу, от 12 декабря, заявил, что его колебания вызываются отступлениями и отказом в действительной поддержке со стороны английской дипломатии, — в чем он, Сазонов, видит прямую опасность и органический недостаток Тройственного Согласия. Он попытался при этом поднять весьма неприятный для англичан вопрос: о переводе адмирала Лимпуса из Константинополя в Исмид (идея Гирса), — о чем, повидимому, Бенкендорф так и не решился заговорить ни с Грэем, ни с Никольсоном.

Извольский, получая в Париже со всех сторон заявления о полной солидарности Франции с Россией и о готовности поддержать Россию всеми средствами в вопросе о германской миссии, настаивал на определении дальнейших действий из Петербурга. Сазонову это было не по силам; так как все зависело от Англии, то Бенкендорф получил инструкцию добиться программы дальнейших шагов от Грэя, в ответ на что последовал запрос Сазонову из Лондона по пунктам: чего хочет русское правительство, как предельного минимума, какие репрессивные меры предполагает оно применить, если Турция не удовлетворит предъявленных ей требований, и до каких крайних мер готово итти русское правительство, если Турция будет упорствовать, при поддержке со стороны Германии?... Очевидно, прошлогодний «угрожающий увод» «Кагула» и «Ростислава» из турецких вод не изгладился из памяти англичан, и Грэй мог намекать на то, что «русское правительство кончит и на этот раз чем-либо подобным». Как год назад французское правительство, так теперь английское требовало доказательств «серьезности» и «готовности» со стороны русского правительства.

Тем временем, германский посол в Константинополе, в порядке предварительного обмена мнений, предложил Гирсу компромиссный исход, при котором под командой одного из германских офицеров был бы армейский корпус не в столице, а в Адрианополе. Однако, он указывал, что престиж Германии требует времени для осуществления этой перемены. Сазонов ответил 27 декабря на срочный запрос Гирса принципиальным согласием на такой

компромисс, но через два дня обратился к царю с докладной запиской, для обсуждения которой — с целью, как мы увидим, выяснить степень русской «готовности» — он просил разрешения созвать особое совещание.

В виду того, что до сих пор эта записка не была опубликована, мы воспроизводим здесь ее полностью:

«Последние донесения российского посла в Берлине указывают на двойственность и несомненную неискренность германских государственных людей в вопросе о положении германского генерала, назначенного командиром первого турецкого корпуса, расположенного в Константинополе. Не говоря о противоречивых объяснениях по этому вопросу германского статс-секретаря по иностранным делам и германского посла в Константинополе, и тот и другой обнаружили полную уклончивость не только в определении срока, в течение коего вопрос может получить разрешение, но и вообще в связывании себя какими бы то ни было положительными обещаниями.

«Проект сообщения печати, переданный г. Яговым нашему послу, с теми оговорками, коими сопровождалась эта передача, а именно, что оно не может служить основанием ссылки на какие-либо обещания, в нем заключающиеся, представляет в особенности яркое отражение двусмысленного образа действий берлинского кабинета.

«Нельзя поэтому не разделить сомнения российского посла в Берлине, что умышленное затягивание переговоров свидетельствует о желании выиграть время, дабы разбить возможность объединенных действий держав Тройственного Согласия, после чего нам останется лишь примириться с совершившимся фактом.

«Предположение это представляется тем более вероятным, что подобную тактику Германия уже однажды применила с успехом, а именно в адрианопольском вопросе, когда барон Вангенгейм сначала настаивал на том, чтобы на Турцию не было оказано давления и что ее удастся мирным путем склонить к подчинению воле держав, а потом стал утверждать, что упорство Порты не может быть сломлено.

«Обдумывая дальнейший наш образ действий в случае весьма возможного неуспеха наших непосредственных переговоров в Берлине и Константинополе, нельзя не высказать следующих соображений:

«В виду выраженного Францией и Англией желания, мы решили выждать последствия поездки барона Вангенгейма в Берлин и личного его доклада канцлеру. В настоящее время мы могли бы доверительно поставить в известность обе державы о характере последних бесед нашего посла в Берлине с германскими государственными людьми и указать им, что, не отказываясь от продолжения этих переговоров, мы в то же время не слишком рассчитываем на их успех. В силу этого нам необходимо теперь же заранее условиться относительно того, в какой мере мы можем рассчитывать на содействие обеих держав в дальнейших совместных выступлениях.

«Нельзя, конечно, скрывать от себя всей серьезности такого рода выступлений, если бы они были решены державами Тройственного Согласия.

«В самом деле, если Россия, Франция и Англия решатся повторить совместное представление в Константинополе о недопустимости командования ино-

странным генералом корпусом в Константинополе, то они должны быть готовы к подкреплению своего требования соответственными мерами понуждения. Нам предстоит, следовательно, быть осведомленными о том, расположены ли Франция и Англия в принципе к таким мерам понуждения и в чем таковые могли бы заключаться.

«Оставляя нашим военному и морскому ведомствам определить, какие меры понуждения представлялись бы им наиболее осуществимыми, со своей стороны осмеливаюсь доложить, что с политической точки зрения едва ли не самым целесообразным представлялось бы, в случае неудовлетворительного ответа Порты, одновременное совместное занятие Россией, Францией и Англией известных пунктов Малой Азии, с заявлением, что указанные три державы останутся в этих пунктах, пока их требования не будут выполнены.

«В случае принятия указанного принципа, Англия и Франция могли бы занять такие порты, как Смирна и Бейрут; мы, с своей стороны, имели бы выбор между занятием Трапезонда или Баязида, или еще иной какой-либо операцией, если бы таковая признана была более соответственной нашими военным и морским ведомствами.

«При решении указанного вопроса нельзя, конечно, упускать из виду, что на почве давления на Порту не исключена возможность активного выступления Германии на ее защиту. В этом случае решение вопроса может быть перенесено из Константинополя и Турции на нашу западную границу со всеми последствиями, отсюда вытекающими.

«Вашему императорскому величеству принадлежит принятие столь ответственного решения. Исполняя свой верноподданнический долг, я считаю себя обязанным по силе разумения и совести высказать следующие соображения:

«В случае решения довести до конца осуществление наших требований, риск серьезных европейских осложнений, несомненно, должен иметься в виду, хотя существует вероятие, что твердая решимость не отступить с позиции, которая будет нами занята, окажется достаточной для получения нами должного удовлетворения. С другой стороны, если в столь существенном вопросе, как командование германским генералом корпусом в Константинополе, Россия примирится с создавшимся фактом, наша уступчивость будет равносильна крупному политическому поражению и может иметь самые гибельные последствия. Прежде всего она не предохранит нас от возрастающих притязаний Германии и ее союзников, начинающих усваивать все более и более неуступчивый и непримиримый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, *во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира.* Раз такое убеждение укрепится в наших друзьях и союзниках, без того не очень сплоченное единство держав Тройственного Согласия может быть окончательно расшатано, и каждая из них будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря. Именно такого рода результат, повидимому, учитывается Германией, которая под разными странными предлогами возражает против

предложенной ей нами компенсации в смысле удаления английского адмирала, стоящего во главе преобразования турецкого флота, из Константинополя в другое место. Берлинский кабинет, быть может, рассчитывает столковаться за наш счет с Англией и, быть может, такого рода видами объясняется предстоящая поездка барона Вангенгейма в Лондон.

«Если бы указанные предположения подтвердились, то Россия в конце концов осталась бы фактически в полном политическом одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать и на Францию, которая и без того склонна жертвовать общими политическими интересами в пользу выгодных финансовых сделок.

«Все вышеприведенные соображения побуждают меня всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, основанное на них мнение, что если наши военное и морское ведомства, со своей стороны признают возможным итти на риск серьезных осложнений, при условии, конечно, соответствующей решимости Франции поддержать нас всеми силами, и Англии — оказать существенное содействие, то нам следует теперь же вступить с обеими державами в весьма доверительный обмен мнений по сему вопросу. Если бы из этого обмена взглядов выяснился уклончивый образ действий наших друзей и союзников, то нам, конечно, пришлось бы в дальнейших наших действиях считаться с весьма серьезным риском отдельных выступлений России. Если же ответы Франции и Англии были бы признаны удовлетворительными, то, соблюдая всю необходимую сдержанность и осторожность для предотвращения по возможности осложнений, нам следует твердо отстаивать наши интересы до конца.

«Если изложенные соображения представятся вашему величеству заслуживающими внимания, я всеподданнейше ходатайствую перед Вами, государь, назначить для обсуждения их и принятия тех или иных решений особое совещание под председательством статс-секретаря Коковцова при участии военного и морского министров, начальника генерального штаба и меня, разрешив мне сообщить этим лицам копии настоящей моей всеподданнейшей записки.

«С.-Петербург, 23 декабря 1913 г.».—На подлиннике царская резолюция «с-ъ» (согласен) [1]).

Участникам совещания разосланы были копии этой записки и следующие тезисы министерства иностр. дел:

1. — Допуская возможность командования германским генералом какой-либо частью турецких войск, расположенной вне Константинополя, например, в Адрианополе, Россия не может примириться с пребыванием в Константинополе иностранного генерала, командующего частью.

2. — Министерству иностранных дел надлежит продолжать в этом смысле переговоры в Берлине и Константинополе.

---

[1]) Интересна позднейшая судьба этой записки: в архиве бывш. мин. ин. дел не удалось обнаружить ее присутствия; одна из копий ее (очевидно, морского министра) отыскана была в Ленинграде в архиве морск. штаба.

3. — В виду того, что последние известия указывают на двусмысленный образ действий германского правительства в этом вопросе, надлежит в настоящее время принять решения на случай, если бы представилось необходимым подкрепить наши требования мерами понуждения.

4. — Означенные меры понуждения могли бы выразиться с нашей стороны в занятии одного из пунктов Малой Азии, например, Трапезонда или Баязида с заявлением, что мы останемся там до исполнения наших требований.

5. — Выяснив определенно, какие точно меры понуждения могут быть нами применены, надлежит войти по сему предмету в доверительный обмен мнений с английским и французским правительствами, в виду необходимости решиться на меры понуждения, только выяснив себе заранее, можем ли мы рассчитывать на соответствующие выступления обоих правительств.

6. — В переговорах с указанными правительствами следует установить со стороны всех трех держав необходимость крайне осторожного и дружного образа действий, дабы избежать, если окажется возможным, обострения конфликта, могущего иметь последствием общеевропейскую войну. Вместе с тем с нашей стороны должны быть приложены усилия, дабы склонить Францию и Англию к необходимости довести раз начатое дело отстаивания общих требований до конца.

7. — Если эта точка зрения будет принята всеми тремя державами и переговоры в Берлине не приведут к желательному результату, надлежит условиться относительно известной градации в мерах понуждения. Таковыми могут быть: а) последовательно проводимый финансовый бойкот Турции; б) если бы этот метод не дал желательных результатов и не произвел должного воздействия, как это имело место в адрианопольском вопросе, то три державы могли бы отозвать своих представителей из Константинополя; в) одновременно правительства России, Франции и Англии оповестили бы Порту о сроке выполнения их требования, после чего приступлено было бы к осуществлению мер понуждения, с предупреждением, что они прекратятся лишь по выполнении предъявленных требований.

8. — В случае, если бы для своевременного принятия мер принуждения с нашей стороны потребовались бы известные подготовительные меры военного характера, как-то усиление частей на Кавказе, то меры эти желательно обставить возможно меньшей оглаской. С политической точки зрения представляется однако необходимым, чтобы вслед за угрозой, если к таковой придется прибегнуть, можно было бы без задержки приступить к ее осуществлению.

9. — Результаты совещания, согласно полученному министром иностранных дел высочайшему повелению, представляются им на благовоззрение его императорского величества.

Весьма ограниченное по составу совещание состоялось 31 декабря 1913 г., под председательством Коковцова, при участии: военн. министра Сухомлинова, мор. министра Григоровича, министра ин. дел Сазонова, начальника ген. штаба Жилинского.

За истекшую со дня представления царю записки неделю из Константинополя были получены, — как объяснил членам совещания Сазонов, —

«противоречивые» известия: так, телеграммой от 29 декабря Гирс сообщал, что Лиман покидает командование первым корпусом, оставаясь инструктором военных школ и начальником военной миссии, а телеграммой от 30 декабря,—что отставление Лимана от командования первым корпусом еще не совершившийся факт. «Если бы сообщаемые в первой телеграмме известия соответствовали истинному положению вещей, то настоящее совещание могло бы быть признано менее срочным и обсуждение положения носило бы лишь академический характер».

Коковцов пояснил, что целью совещания является «определение положения, которое надлежало бы занять при всяком возможном обороте дела», что для русского правительства, по его мнению, является нравственным правом и обязанностью не отступать от точки зрения, установленной во время переговоров в Берлине в октябре 1913 г. Затем Сазонов поставил вопрос, «как надлежало бы отнестись к начальствованию одного из германских офицеров над дивизией, расположенной не в самом Константинополе, а в Скутари, ибо такая постановка вопроса уже ранее намечалась».

Такой оборот дела совещание признало также недопустимым, признавши допустимой «инспекцию» генерала Лимана не в большем объеме, чем общий надзор за армией (а не территориальное командование).

По мнению Сухомлинова, «замысел Германии, энергично принимающейся за реорганизацию турецкой армии, представляется ясным. Турецкие войска, развитие качеств которых поручено германской военной миссии, окажутся на нашей кавказской границе естественно направленными против России». Поэтому он «желал бы осведомиться относительно возможности оказать влияние на Турцию в целях удаления военной миссии». Сазонов сообщил о неудаче своего плана финансового бойкота Турции, объяснивши ее тем, что «французское правительство не всегда обладает возможностью воздействовать в надлежащем смысле на французские финансовые круги»... «В случае, если бы меры финансового характера не произвели на Турцию желаемого воздействия, надлежало бы выработать программу, предусматривающую способы оказания более непосредственного давления на Порту. Нам следует, со своей стороны, выяснить, какого рода меры могут быть предложены Россией»...

Коковцов, продолжавший стоять на точке зрения осторожности, попросил предварительно осветить положение с другой стороны: германское правительство ищет выхода из положения, но нуждается в соблюдении своего престижа внутри и вне Германии, поэтому ультимативные требования затрудняют для него компромиссный выход; следовало бы продолжать переговоры с Берлином до того момента, когда вполне выяснится невозможность добиться этим путем намеченной цели. К этому осторожному мнению Сазонов поспешил присоединиться, после чего началось обсуждение «мер воздействия» с установления Коковцовым того, что «предварительно принятия того или иного решения императорское правительство должно знать, в какой мере ему будет оказана поддержка Францией и можно ли рассчитывать на активное участие в воздействии на Порту со стороны Англии».

«Министр иностр. дел, подтверждая, что меры давления им действительно предусматриваются в расчете на содействие всех держав Тройственного Согласия, указывает на то, что является невыясненным, насколько энергично готова была бы действовать Англия. Что касается Франции, то русское правительство может рассчитывать на деятельную поддержку до крайних пределов. Министр получил от г. Делькассэ уверение от имени французского министра ин. дел, что Франция пойдет так далеко, как того пожелает Россия» [1]). По мнению Коковцова, «Англия, до сих пор не оказав никакого существенного содействия стараниям петербургского кабинета, скорее облегчала Германии, фактом присутствия в Константинополе адмирала Лимпуса, ее сопротивление настояниям России».

Далее Сазонов заявил, что, по его мнению, энергичное воздействие трех держав может и не повлечь за собой войны с Германией. «В действительности, для Германии не представляется особенно опасным выступление России при поддержке одной лишь Франции..., борьба же при участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении *в шестинедельный срок* [2]) до полной социальной внутренней катастрофы».

Активное участие Англии является «необеспеченным», но несомненным представляется вмешательство ее, в случае неблагоприятного для России и Франции оборота военных действий. Необходимость для русского правительства действовать лишь по выяснении активного участия Англии «составляет слабую сторону положения России в настоящем случае». После чего совещание,—как бы это ни показалось странным,—принялось выбирать способы военных действий для Англии: только ли флотом, или же и десантом?..

По мнению Коковцова, и в том, и в другом случае война с Германией неизбежна, и потому он ставит вопрос: «желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее итти»? Сазонов отвечает: война с Германией нежелательна, а может ли Россия в настоящее время воевать с Германией,—он «не считает себя призванным» разрешить этот вопрос.

Призванные решить этот вопрос военный министр и начальник генерального штаба категорически заявляют «о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией; однако, такое единоборство едва ли вероятно, а дело придется иметь со всем Тройственным Союзом».

Тем не менее, Коковцов считает желательным воздержаться от занятия Трапезонда и других «непосредственных способов принуждения», в виду их трудности и рискованности. Сазонов предложил прекратить «подвоз в Малую Азию через Трапезондский порт»; Григорович—«предварительно» занять Синоп. Коковцов снова указал, что это вызовет вмешательство Германии. Здесь Сазонов возразил: «он допускает возможность невмешательства Гер-

---

[1]) Кабинет Кайо уже не существовал; председателем совета министров и министром ин. дел был Думерг.

[2]) Курсив везде наш.

мании», — учитывая, разумеется, «*участие в наших действиях Англии*». «Намечаемое же занятие Баязида явилось, бы, по мнению министра, мерою весьма сильной, способной удержать Германию от вмешательства». Военные люди—Сухомлинов и Жилинский—с воодушевлением поддержали Сазонова; занять Баязид легко в виду слабости Турции на нашем фронте, при деятельной подготовке ее к войне с Грецией на западе: следовало бы лишь подвести наш флот к Босфору. Здесь Сазонов, в свою очередь, поддержал военных людей: появление флота у Босфора вызовет в Константинополе смятение и, может быть, революцию, которая решит вопрос и о германской миссии. Какое же положение, — снова спрашивает он, — надлежит занять правительству, если оно получит уверенность в активной поддержке Англии и Франции?

Коковцов, «считая в настоящее время войну величайшим бедствием для России, высказывается в смысле крайней нежелательности вовлечения России в европейское столкновение, к каковому мнению присоединяются и остальные члены совещания».

— Что же делать в случае неудачи переговоров? — с недоумением спрашивает Сазонов.

Коковцов снова предлагает финансовый бойкот, несмотря на то, что, и по его мнению, «материальный ущерб может охладить самые пылкие патриотические стремления французов», вследствие чего успех этого средства весьма сомнителен. Но он готов пойти, для избежания войны, на обязательство возместить французам из русской казны убытки от прекращения Турцией платежей по купонам... Совещание решило: «1) продолжать настояния в Берлине, но согласиться на общую инспекцию германского генерала над турецкой армией, 2) переговоры вести до выяснения их полной неуспешности, 3) вслед за тем надлежит перейти к намеченным мерам воздействия вне Берлина, в согласии с Францией и Англией, 4) в случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии в совместных с Россией действиях, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией» [1]).

Таким образом вопрос о «готовности» получил освещение довольно противоречивое: с одной стороны, к «единоборству» готовы, с другой стороны — без участия Англии, в лучшем случае, из этого единоборства — и даже при участии Франции — ничего не выйдет, а в худшем — Англии же придется спасать своих друзей, чтобы от них что-нибудь осталось для нее на случай надобности; наконец, — участие в европейской войне было бы величайшим бедствием для России. Основной вопрос Сазонова остался без положительного ответа, — вопрос о том, что во Франции и Англии может укрепиться «опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира», и тогда Россия «в конце концов осталась бы факти-

---

[1]) Журнал этого совещания был опубликован в 1919 г. в «Вестнике Н. К. И. Д.» М. Н. Покровским полностью, но без послужившей поводом к созыву его записки.

чески в полном политическом одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать и на Францию, которая и без того склонна жертвовать общими политическими интересами в пользу выгодных финансовых сделок», между тем, как берлинский кабинет, как будто, уже «рассчитывает столковаться за наш счет с Англией»... Трудно было яснее указать, что перед русским правительством встала грозная альтернатива: либо дать своим союзникам доказательство готовности итти на войну, либо свернуть флаг и покориться усмотрению своих друзей и противников, которые не замедлят в этом случае между собою сговориться за счет российского великодержавия.

За год до этого, когда французская партия войны добивалась от русского правительства доказательства «готовности», в Париже существенно облегчили предъявление такого доказательства нетерпеливыми заявлениями: «мы готовы, — что же вы? решайтесь!». Но «французов» было мало. Нужно было «иметь в кармане» англичан, англичане же всю свою политику строили на том, что за ними будет последнее слово, что они останутся, следовательно, господами положения, и они будут до конца диктовать условия и своим противникам, и своим друзьям. Теперь англичане настаивали, напоминая прежние отступления русского правительства (Адрианополь — «Кагул» и «Ростислав») и требуя раскрытия карт: как далеко вы намерены итти? готовы ли вы итти до конца? Но единственный ответ, который теперь мог им дать Сазонов, был: да, мы решили итти до конца, но — вслед за вами.

В ответ на это англичане могли искать другие политические комбинации, более выгодные для себя. Открывалась, следовательно, новая перспектива: вместо блистательного окружения Англией и Францией, царская Россия очутилась бы в мрачном политическом и финансовом одиночестве, окруженная со всех сторон врагами и опасностями; вместо соблазнительной возможности, в результате общей свалки, водрузить победный стяг романовской империи в подлежащем месте, по соглашению с доблестными союзниками,— полное падение престижа и династии, и империи, и необходимость изыскивать новые способы спасения не только от внешних, но и от внутренних врагов и кредиторов.

Как трудно было уклониться от заявления своей «готовности» в 1912 г.—и притом дважды,—мы хорошо знаем. С каждым разом это было вдвое труднее; свободы выбора не оставалось; нужно было, очертя голову, бросаться в одну из двух великих неизвестностей: *мир и одиночество,* или блистательная *Антанта и война.* Сазонов прямо говорил в своей записке: если мир, то «каждая из них (держав Тройственного Согласия) будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря».

И все же благоразумие превозмогло: заявленной генералами готовности к единоборству не было дано хода. Очевидно, не только у Коковцова, но и у Сазонова это заявление не рассеяло убеждения, что если на одном пути «гибельные последствия», то и на другом — «величайшее бедствие». И, — что самое главное, — это заявление было, очевидно, вынужденным. Окрики из Парижа: чем вы там занимаетесь? о чем вы думаете? собираетесь ли вы отдать в жертву австрийцам и упустить навсегда, как боевую единицу,

Сербию, а вместе с нею и все балканские государства?—должны были подействовать на призванных решать вопросы о войне, когда к этому присоединилась прямая угроза «перестать разговаривать» с русским правительством и предоставить его собственной судьбе. Ведомство Сухомлинова давно «готовилось», поглощая огромные средства, и когда-нибудь должно же было заявить, что оно готово. Не ясно ли, что легче было это заявить тогда, когда рядом были «готовые» уже до нетерпения французы, оценивавшие именно в это время шансы борьбы оптимистически, а сверх того, до известной степени, наготове была и Англия, если и не обеспечившая своего участия в начальных выступлениях, то, действительно, немогущая допустить полного поражения своих сотрудников [1]).

В этом же смысле заслуживает особенного внимания докладная записка Сазонова от 23 ноября 1913 г. по вопросу о мерах, предпринятых Турцией для увеличения своего флота. В записке этой говорится, что, благодаря междоусобной войне между балканскими государствами, Турция улучшила свою границу в смысле защиты Константинополя и Проливов, вследствие чего отпала болгарская опасность, но осталась опасность греческая, с моря. Общее положение Турции заставляет все державы учитывать возможность окончательного падения Оттоманской империи и озаботиться заблаговременным обеспечением своих прав и интересов в различных областях Малой Азии. «Этим объясняется усиленная деятельность Германии, Италии и даже Австрии, доселе не имевшей интересов в Малой Азии, создать и упрочить основания политических притязаний в будущем дележе Оттоманской империи».

«Сомнение в прочности и долговечности Турции связано для нас с постановкой исторического вопроса о Проливах и с оценкой всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения... Едва ли в России найдется ответственный политический деятель, который не признавал бы, что, в случае изменения существующего положения вещей, Россия не может допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам, иными словами, при известных условиях не может оставаться безучастной зрительницей событий».

«Сложный и трудный вопрос охраны Проливов в настоящее время разрешается, в сущности, довольно удовлетворительно, с точки зрения наших

---

[1]) Неопубликованная всеподданнейшая записка Сазонова от 16 ноября 1913 г. свидетельствует о том, какую роль внутренняя политика играла в опасениях, колебаниях и нерешительности во внешней политике. Сазонов, по поводу обсуждения законопроекта о языке в делопроизводстве городских учреждений Царства Польского, обращает внимание на то, что во время балканского кризиса 1912 г. и «в виду возможности столкновения между Россией и Австро-Венгрией, поляки, при услужливой помощи со стороны последней, стали готовиться к тому, чтобы пополнять ряды австрийских войск, создать нам одновременно новые затруднения поднятием мятежа в наших польских губерниях в случае, если бы возгорелась война. Такому обороту дела отчасти способствовало заметное среди поляков раздражение, вызванное некоторыми мероприятиями русской правительственной власти за последние годы. Поэтому... крайне желательно избегать необоснованных действительною необходимостью новых поводов к недовольству, толкающему поляков в объятия наших зарубежных врагов».

непосредственных интересов. Турция представляется не слишком сильным, но и не слишком слабым государством, неспособным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией... Но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаться вопросом о том, можем ли мы не готовиться к наступлению событий, которые в корне изменят положение Константинополя и Проливов. Оставляя открытым вопрос о положительной ценности завладения и тем, и другим и также о потребных для сего жертвах [1]), — допустим ли для нас переход Проливов в полновластное обладание другим государством? Поставить этот вопрос — все равно, что ответить на него отрицательно. Проливы в руках сильного государства, это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 год, торговый баланс России в 1912 году был на 100 миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие три года. Причиной этого министерство признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая. Затруднение в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошло вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. В связи с этим, весною последовало также повышение государственным банком учета на 1½% для трехмесячных векселей. То-есть временное закрытие Проливов отразилось на всей экономической жизни страны, лишний раз подчеркивая все первостепенное для нас значение этого вопроса. Если теперь осложнения в Турции отражаются многомиллионными потерями для России, хотя нам удалось добиться сокращения времени закрытия Проливов до сравнительно незначительных пределов, то что же будет, когда вместо Турции Проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России? И для этого не нужно, чтобы государство, владеющее Проливами, обладало само по себе силою великой державы. Оно неизбежно приобретет эту силу, обосновавшись на Проливах, из-за исключительных географических условий. В самом деле, тот, кто завладеет Проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, — он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах...

«Выше указано было на недопустимость для нас такого рода чужого завладения Проливами с экономической точки зрения. Но не представляется ли это столь же мало допустимым с точки зрения политической? Не создадут ли указанные выше тенденции к гегемонии на Балканах и проникновению в Малую Азию — неизбежность русского антагонизма между всяким новым государством, которое стало бы на место Турции, и Россией? Недопустимость для нас полновластного утверждения нового государства на Проливах подала повод предположению о возможности избегнуть такого положения созданием нейтрализации Проливов, со срытием на них укреплений и запрещением

[1]) В другом месте этой же записки: «Если мы поставим вопрос о потребных для сего жертвах и о ценности такого приобретения, то мы неизбежно натолкнемся на противоположение одних аргументов другим. На спорных базах нельзя обосновывать направление внешней политики в столь первостепенной важности вопросе». См. записку Н. А. Базили.

возводить новые [1]). Едва ли, однако, подобная комбинация может быть признана удовлетворительной. Всякая правовая норма действительна лишь в мирное время. Когда же наступает война, то для своего ограждения она требует силы. Ведь, война может начаться внезапным захватом их (Проливов) неприятелем, и самое отсутствие укреплений будет только способствовать подобной операции, успех коей и в настоящее время зависит в значительной мере от быстроты и неожиданности. Поэтому, если бы даже были найдены какие-либо условия, при коих признавалась бы возможность нейтрализации Проливов, указанные выше соображения сделали бы для нас необходимым такое усиление наших военно-морских сил в Черном море, которое дозволило бы нам в любую минуту предупредить занятие Проливов всякой иной державой.

«В первый период балканской войны, вместе с успехами Болгарии, одно время обрисовывалось стремление ее честолюбивых вождей к занятию Константинополя и утверждению гегемонии на Балканах. Непомерное честолюбие Болгарии сплотило против нее ее недавних союзников и Румынию, и закончилось ее поражением. Но едва ли можно ожидать, чтобы Болгария помирилась с таким исходом. Не вероятнее ли, что она будет искать случая вернуть себе отнятое? Прежняя мечта о гегемонии и об утверждении на Проливах может вновь возродиться. При изменчивости счастья и неспособности Турции воспринимать удары судьбы, как уроки, никто не может определить дня и часа, когда Болгария вновь обрушится на своего соседа стремительным натиском, на который способны болгары и который может оказаться последним и роковым для Оттоманской империи.

«Уже 30 лет прошло с того времени, когда державной волей покойного императора Александра III возродился черноморский флот. Около 60 лет прошло со времени появления торгового пароходного движения на Черном море. Оба начинания связаны были с мыслью о мощи России, о возможном утверждении наших интересов на Проливах. Сотни миллионов были истрачены на это дело, равно как и на содержание войск одесского военного округа, призванного к совместным с нашим флотом операциям. Как известно, еще в 1895 году в связи с армянскими избиениями был поставлен вопрос о временном занятии Константинополя нашими войсками, с ведома и согласия

[1]) Напоминаем, что такое предложение исходило от германского правительства, которое, как указано выше, в положительной форме предложило поднять этот вопрос русскому правительству. Мы не встретили до сих пор указаний, были ли предварительные разговоры между берлинским кабинетом и лондонским. Отметим, что одновременно с возбуждением этого вопроса в секретных переговорах в Петербурге вышла в свет книжечка М. А. Циммермана, «Босфор и Дарданеллы», историко-юридический очерк (СПБ., 1912 г., стр. 79), в которой доказывается полезность нейтрализации Проливов и Мраморного моря и даже формулируются указанные здесь Сазоновым принципы такого режима, «в виде статей предполагаемого международного соглашения». В аргументации своей автор противополагает «предвзятым убеждениям, которые выросли на почве недоверия к правовой силе международных соглашений», — собственное убеждение в том, что «общественное мнение — единственная реальная основа и международной политики, и международного права» (стр. 64—66).

наиболее опасного из возможных в то время для нас соперников — Англии. От плана этого пришлось отказаться по недостатку транспортных средств и несовершенству сухопутной мобилизации.

«С тех пор прошло 18 лет. Попрежнему тратятся многие сотни миллионов, и попрежнему мы ни на шаг не подвинулись к цели. Строятся военные суда, отпускаются ежегодно крупные субсидии на поддержание торгового мореходства. Между тем, когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить.

«В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем постепенно перевезти два корпуса, при чем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказывалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала самая численность такой десантной армии тем задачам, которые ей предстояло выполнить.

«Впрочем, в настоящее время приходится говорить не только о невозможности активных серьезных выступлений против Турции, но о недостаточности наших оборонительных средств против морской программы, которая может быть осуществлена в ближайшее время Турциею.

«На основании данных, в разное время полученных министерством иностранных дел, приходится прийти к заключению, что в периоде 1914-1916 годов турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии...

«Едва ли нужно настаивать на том, насколько подобное положение не может считаться допустимым. После громадных средств, израсходованных в течение ряда лет на создание мощной силы в бассейне Черного моря, Россия не может мириться с положением, при коем ее морское превосходство над Турцией может оказаться необеспеченным. Ежегодное ассигнование крупных государственных средств на дело обороны в бассейне Черного моря указывает на значение, которое придает ему правительство. Тем настоятельнее представляется необходимость пересмотреть новые условия, при коих нашим военно-морским силам на Черном море должны быть предъявлены определенные задания и намечены мероприятия для их выполнения. Россия не может ни допустить в настоящее время морского превосходства Турции в Черном море, ни в будущем остаться безучастной к решению вопроса о Проливах. Поручиться за то, что вопрос этот не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем.

«Следовательно, государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться. Указанная подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы с привлечением к работе различных ведомств.

«Предстоит выяснить, что может быть предпринято для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море. Какие мероприятия потребуются со стороны военного и морского ведомств для ускорения мобилизации в связи

с оборудованием новых путей сообщения и доведения наших транспортных средств до должных размеров? Какие задачи могут, в соответствии с этими средствами, быть намечены и в какое приблизительно время? Возможно или нет поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через Проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства?

«Возвращаясь к упомянутой политической стороне подготовки, приходится вновь повторить, что скорое распадение Турции не может быть для нас желанным и что в пределах дипломатического воздействия должно сделать все возможное для отсрочки такой развязки».

Далее записка круто отступает от этого вопроса к указанию конкретных мероприятий: 1) по ускорению мобилизации десантного корпуса, 2) по оборудованию нужных для этого путей сообщения, 3) по усилению флота до степени превосходства над турецким и его способности занять «временно или постоянно» Проливы, 4) по увеличению транспортных средств для десантной операции, 5) по постройке, так называемой, перевальной железной дороги на Кавказе, — и затем возвращается к политической стороне дела:

«Само собою разумеется, что наши военное и морское ведомства в праве в свою очередь поставить министерству иностранных дел вопрос о том, что может быть сделано для создания наиболее благоприятной политической обстановки при наступлении событий, могущих потребовать от нас решительных действий.

«Повторяя высказанное вначале пожелание о возможно длительном поддержании status quo, приходится также снова повторить, что *вопрос о Проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке обще-европейских осложнений. Последние, если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией* [1]) *и возможном, но далеко не обеспеченном союзе с Англией, или же доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы в случае обще-европейских осложнений могли бы рассчитывать на Сербию, а, может быть, и на Румынию* [2]). Отсюда выясняется задача нашей дипломатии — создавать условия для возможно большего сближения с Румынией. Работа в этом направлении должна быть столь же постоянной, сколь осторожной и чуждой излишних увлечений. Положение Румынии на Балканах во многом схоже с положением Италии в Европе.

---

[1]) 5 января Извольский сообщил, что французское правительство, «несмотря на все свое миролюбие, преисполнено спокойной решимостью выполнить свои союзные обязательства в отношении России» — Siebert, S. 669. — Сверх того, Сазонов, без сомнения, имел в виду прежние заявления Пуанкарэ именно в отношении Проливов, как, напр., переданное в письме Извольского от 21 июня 1913 г. (опубликованное впервые в «Hamburger Fremdenblatt» 14 июня 1924 г.) указание Пуанкарэ, что «никогда положение не было более благоприятным для осуществления тысячелетних целей России, чем в настоящее время».

[2]) Сообщения французских дипломатов, опубликованные в «Желтой Книге» о балканских делах, свидетельствуют о том, что, немедленно после своего насыщения на южных границах за счет Болгарии, румынская правящая знать и бюрократия поставили на очередь вопрос о Трансильвании, в виду усиливавшихся признаков распада Австро-Венгрии.

Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточно сил, чтобы осуществить открыто свои задачи, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне.

«В заблаговременном учете сил было бы столь же опасно заранее полагаться на такие колеблющиеся факторы, как было бы неблагоразумно вовсе не считаться с ними.

«В неустойчивости нынешнего положения на Балканах два фактора играют главную роль: первый из них, это — Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызванное успехами сербов и румын и отношением к этому их единоплеменников в пределах габсбургской монархии; второй фактор, это — невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями Букарестского договора.

«Оба эти государства могут либо сплотиться в общей цели вновь перекроить Балканы, либо оказаться в противоположных лагерях, если Болгария получит надежду иным путем вернуть себе Македонию. Как ни трудна задача снова сплотить Сербию с Болгарией, но только при условии союза каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы. Находясь во вражде, оба государства будут сковываться взаимным бессилием. Наоборот, Сербия может осуществить широкий идеал объединения всего сербского народа только в том случае, если ей не будет противиться в том или даже (будет) помогать Болгария, взамен возврата утраченной Македонии. Но нет сомнения, что и то, и другое может случиться лишь, если Россия в это время будет также вовлечена в разрешение своих исторических задач и будет с ними действовать, ибо предоставленные сами себе балканские государства неизбежно обречены на междоусобия, которые могут быть предотвращены только присутствием России, как руководящей активной силы.

«Обо всех этих условиях приходится говорить не с точки зрения отвлеченных мечтаний или увлечений миссией России. Заглядывая вперед и отдавая себе отчет в том, что сохранение столь желанного для нас мира не всегда будет в наших руках, приходится ставить себе задачи не на один сегодняшний и завтрашний день, дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением — без твердого руля, направляющего его путь».

В виду того, что все эти вопросы «требуют всестороннего обсуждения для принятия тех или иных решений», Сазонов испрашивал для этой цели разрешения царя на созыв особого совещания, на что Николай II изъявил согласие (в Ливадии 27 ноября ст. ст. 1913 г.), «начертавши» при этом на представленной ему телеграмме Гирса из Константинополя о морской программе Турции: «Продолжаю считать первейшим условием спокойного развития юга России безусловное преобладание ее черноморского флота над турецким. Поэтому нам предстоит необходимость чрезвычайных усилий для достижения и в будущем этого преобладания на Черном море».

Обострение кризиса, связанного с миссией Лимана, заставило Сазонова вслед за этой запиской подать известную уже нам записку от 23 декабря, по которой срочно было созвано особое совещание 31 декабря 1913 г.

для обсуждения вопроса о том, как далеко можно итти в конфликте с Германией и Турцией из-за этой миссии. Записка же от 23 ноября была рассмотрена в особом совещании лишь 8 февраля 1914 г., когда компромиссный исход, принятый Германией, лишал уже кризис этот остроты его, и кривая политической горячечной температуры Европы снова опустилась. Однако, дело шло, ведь, о том, чтобы поставить себе задачи «не на один сегодняшний и завтрашний день». Затронутые интересы сохранили полностью свое значение: «обще-европейские осложнения» неминуемы и столь же неминуемо они повлекут за собою вопрос о Проливах...

Всеподданнейшая записка [1]) Сазонова от 7 (20) января 1914 года с тревогой отмечает перемену в национальной внутренней политике Австро-Венгрии, «племенное брожение» в которой составляет, как мы видели, залог «неустойчивости нынешнего положения на Балканах»: венгерское правительство приступило к осуществлению широкой автономии в Хорватии и обещало такие же уступки трансильванским румынам. «Известия, приходящие из Австро-Венгрии о брожении народностей, нельзя не сопоставить с донесениями из Сербии и Румынии о чрезвычайном усилении ирредентизма и, в связи с этим, о растущем тяготении народных симпатий в сторону России, с коей связываются надежды на осуществление в будущем народных идеалов.

«Можно предвидеть, что, в связи с этими народными движениями, действующими как исторические силы, подтачивающие государственный организм Австро-Венгерской монархии, перед нею станет, быть может в недалеком будущем, выбор между двумя путями: либо коренного переустройства государственного строя на почве федерализма отдельных народностей, либо отчаянной борьбы с целью конечного утверждения преобладания германо-венгерского меньшинства над всеми другими народностями империи.

«Колебанием между (этими) двумя течениями объясняется нынешняя неустойчивость как внутреннего, так и внешнего положения Австро-Венгрии, чреватая несомненными опасностями, как это показал опыт минувшего года. В известный момент, особенно, если бы Германия к этому была расположена, в Австро-Венгрии может одержать верх воинственное течение, сторонники коего указывают, что война, быть может, единственный выход из неразрешимых внутренних затруднений».

Главной опорой своей Австро-Венгерская монархия до сих пор считает, не без основания, поляков, а потому Сазонов и «приемлет смелость» этой запиской указать на крайне вредные последствия голосования госуд. совета по вопросу о польском языке в городском самоуправлении, «вызвавшего справедливую горечь со стороны наиболее благоразумных элементов польского общества, которые указывают, что ряды их неизбежно редеют, и они могут оказаться бессильными направить свой народ в здоровое русло»... «Новые течения, обнаруживающиеся в австро-венгерской политике по национальным вопросам, побуждают меня к мысли, что для нас настало время пересмотреть вопрос о том, в какой мере могут быть постепенно удовлетворены разумные желания польского общества...»

---

[1]) Неопубликованная.

В то же время «охранительная» политика в отношении турецкого наследства обнаружилась в первые дни 1914 года, правда, в самой нерешительной и половинчатой форме,—возбуждением вопроса о желательности обещанный Греции Лемнос оставить «по соображениям стратегического характера» в руках Турции (всеподданнейшая докладная записка от 5 (18) января 1914 г.) и благожелательно-уклончивым отношением к попытке Венизелоса заключить с Россией военно-морскую конвенцию (всеподданнейшая записка 13/26 янв. 1914 г. с резолюцией «согласен») [1].

Журнал особого совещания от 8 (21) февраля 1914 г. [2], на ряду с техническими данными и соображениями о мерах «подготовки возможного выступления на Проливах», содержит сделанные в совещании указания общеполитического характера. Относительно Греции и Болгарии Сазонов полагал, что они друг друга будут парализовать. На вопрос же, можно ли рассчитывать на поддержку Сербии, Сазонов отвечает, что нельзя предполагать, чтобы наши действия против Проливов происходили без обще-европейской войны, «что надо думать, что при таких обстоятельствах Сербия направит все свои силы против Австро-Венгрии».

«Начальник ген. штаба отмечает все значение для нас сербского выступления против Австро-Венгрии в случае нашего вооруженного столкновения с последней. По имеющимся у него сведениям, Австро-Венгрия должна будет назначить 4 или 5 корпусов на борьбу с Сербией... Начальник ген. штаба, со своей стороны, высказывает убеждение, что борьба за Константинополь вряд ли возможна без обще-европейской войны. В виду этого, ген. Жилинский считает долгом подчеркнуть, что *трата войск на экспедицию против Проливов и даже самая возможность этой операции зависят от общей конъюнктуры начала войны.* Намеченные для этой экспедиции южные корпуса *могут быть,* по словам Я. Г. Жилинского, *двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей. В противном случае войска эти будут направлены на западную границу, ибо успешная борьба на западной границе решит благоприятно и вопрос о Проливах* [3]). Так как по плану войны, составленному на случай борьбы на западном фронте, все войска из внутренних округов должны будут войти в состав действующих на нем армий, то, к сожалению, не представляется возможным заменить на этом фронте намеченные для десантной операции южные корпуса другими частями изнутри империи, дабы корпуса эти могли при всяких обстоятельствах быть отправленными в Константинополь».

Таким образом:

1) *Операции по занятию Константинополя и Проливов могут иметь место только в случае обще-европейской войны,*

2) *в случае обще-европейской войны все войска (по плану войны, составленному совместно с французским ген. штабом) должны быть брошены*

---

[1]) Неопубликованные документы.

[2]) Опубликован М. Н. Покровским в «Вестнике НКИД» в № 1 за 1919 г.

[3]) Курсив везде наш.

на западные границы, и операция по занятию Константинополя и Проливов не может состояться за отсутствием потребных для нее войск.

Участники совещания должны были искать выход из этого заколдованного круга. И, действительно, Сазонов предложил вопрос: «не изменится ли в этом отношении положение с проводимым ныне увеличением нашей армии?» «Это увеличение,— ответил Жилинский, — лишь компенсирует недавние увеличения германской и австрийской армий», и «корпуса эти будут расположены на нашей западной границе»; сверх того, увеличение даст 2 корпуса, а для константинопольской операции нужны четыре. Гирс пытается найти исход в фантастическом предположении об «анархии в Константинополе», которая парализует турецкую армию, освободит, следовательно, кавказские корпуса и позволит эти корпуса двинуть в Константинополь. Жилинский, разумеется, не счел эту мысль «приемлемой» и объяснил, что большая часть турецких сил расположена в Малой Азии и что «по плану Энвера-паши, в европейской части Турции предполагается оставить лишь три корпуса». Если бы десантная операция состоялась, то, напротив, необходимо было бы всеми силами оттягивать главные турецкие силы к восточному фронту и не отпускать их к Проливам. Ген. Данилов (ген.-квартирмейстер ген. штаба) добавил к этим достаточно убедительным соображениям не менее веские — о пропускной способности кавказских железных дорог, растягивающей мобилизацию на Кавказе не меньше, чем на три недели, т.-е. устраняющей возможность той быстроты действий (5-6 дней), которая всеми считалась главным условием успешной десантной операции; сверх того, он не питал, очевидно, иллюзий насчет благополучного положения вещей на западном фронте: «независимо от трудности выполнения задачи по захвату Константинополя», — «сколько бы у нас ни было войск, даже гораздо больше, чем теперь, — мы всегда должны будем предусматривать необходимость направить все наши силы на запад против Германии и Австрии... При борьбе на западном фронте, *или в предвидении таковой,* отделение для десантной операции на Проливах четырех корпусов, по мнению генерала Данилова, надлежит считать недопустимым и невозможным».

Недоставало только вывода: с точки зрения «исторических задач», «национальных вожделений», «заветов» и проч., участие России в общеевропейской войне бесцельно и бессмысленно. Однако, военные люди сделали не этот вывод, а другой: так как мы (генералы) вам (дипломатам) в этой беде помочь ничем не можем, то найти выход из положения должны вы сами Жилинский, впрочем, считает, что Константинополь и Проливы сами свалятся, как спелые плоды с дерева, которое все равно с какой стороны трясти: успешная борьба на западной границе решит благоприятно «вопрос о Проливах», т.-е. крест на св. Софии водрузится в Вене и в Берлине. Данилов, однако, предвидит некоторую трудность этой операции в таком виде и потому прямо заявляет: «Обеспечение Константинополя от захвата третьими державами должно составить особую задачу нашей политики».

Здесь журнал особого совещания не регистрирует никакого выступления со стороны дипломатов; очевидно, они, молча, размышляли. Слово взял ка-

питан Немитц, начальник второй (черноморской) оперативной части морского ген. штаба:

«Вполне признавая правильность тезиса, что надо быть сильным на главном театре против главного противника, жертвуя для этого второстепенными задачами, он присоединился бы к выводам ген.-лейт. Данилова, если бы на пути к Проливам и Константинополю мы, действительно, имели бы того же главного противника, как на западном фронте, т.-е. германскую и австрийскую армии, после чего, диктуя свою волю в Берлине и Вене, мы получили бы Проливы. Но, в действительности, положение представляется, по мнению морского ген. штаба, в ином виде. На пути к Проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии или Австрии. *Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам Проливов и Константинополя.* Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе. Капитан Немитц считает поэтому, что мы должны именно одновременно с операциями на западном фронте занять военной силой Константинополь и Проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о Проливах на тех условиях, на которых нам это необходимо. Если из состава теперешней нашей армии нельзя выделить для этой задачи необходимого количества войск, то, по мнению капитана Немитца, надлежит сформировать специально для этой цели три новых корпуса. Такая новая жертва на вооружения не может быть признана не по силам России, если этим должно быть обеспечено достижение исторических наших задач».

«Мысль создать новые корпуса для константинопольской операции, — отвечает начальник военного ген. штаба, — не является ныне осуществимой». И так как получающаяся в итоге всей этой дискуссии бессмыслица, в конце концов, становится слишком очевидной, то Жилинский берет слово для того, чтобы спасти положение — тем же способом, как пытался спасти его «приведенный к молчанию» Гирс, т.-е. путем фантастических предположений. Начинает он с того, что Проливы имеют слишком огромное значение для всякого русского человека и что, если наступит опасность перехода Проливов «из-под турецкой власти в чужие руки», — мы не сможем отказаться от их захвата и, следовательно, тотчас отправим в Константинополь десантную армию. Но так как это выходит слишком уж «по-русски» — отправим, хотя это «невозможно и недопустимо», — то надо это сделать допустимым и возможным посредством каких-либо утешительных предположений. Пренебрегши обещанной Гирсом «анархией в Константинополе», Жилинский прельщается гипотезой — «война на Проливах за Константинополь может предшествовать столкновению на нашем западном фронте». Высказавши эту оптимистическую мысль, он ею увлекается: «По мнению начальника ген. штаба, *очень вероятно,* что это так и произойдет».

Сазонов легко мог, в свою очередь, разбить оптимизм Жилинского, поделившись с ним своим опытом последних лет, не оставлявшим ни малейшего сомнения, что ни английское, ни даже французское правительство не допустит такой увертюры к общей свалке; в лучшем случае предоставят

Россию собственной участи и во всяком случае обрекут царскую дипломатию на новое и пагубное для династии отступление. Диспозиция европейской войны была составлена, и в ней — в особенности в части, касавшейся роли и положения России,—не допускались никакие изменения. Война, начатая Россией из-за Проливов,—не та война, которая нужна хотя бы с точки зрения вовлечения в нее народных масс Англии, Франции и возможных союзников на Балканском полуострове. С другой стороны, если бы эта война локализовалась, или же русская военная партия успела бы, действительно, добиться ощутительных результатов до столкновения на западном фронте, — было бы довольно трудно рассчитывать на сохранение ее воинственного пыла и на ту «верность союзникам», которую подогревали в течение трех лет «векселя» на Проливы и на Константинополь...

Сазонов предпочел, однако, ухватиться за возможность продолжать обсуждение несбыточных возможностей, признание иллюзорности которых было бы равносильно признанию банкротства русского государственного строя, опиравшегося исключительно на империалистическую, в союзе с Францией и Англией, политику. Поэтому он предложил перейти к обсуждению вопроса о сроках мобилизации. Сроки эти оказалось возможным сократить до 3—6 и даже, при известных условиях, до 3-4 дней, — по крайней мере, для десантной пехоты и кавалерии, для артиллерии же не более, как 12—14 дней.

Иначе дело обстояло с транспортными средствами. Первый эшелон не мог быть посажен на суда ранее 10-ти дней. Морской министр отметил полную недостаточность имеющихся в Черном море перевозочных средств; кроме того, средства эти не приспособлены и не поддаются ни правильному учету, ни организованной мобилизации. Кап. Немитц пояснил, что со дня объявления мобилизации до высадки первого эшелона пройдет никак не менее 2 недель. В один рейс может быть перевезено не более 20.000 человек; для перевозки же в один рейс 2 или 3 корпусов понадобится три года подготовительной планомерной работы. Главным средством достижения этого является «развитие нашего торгового флота в Черном море». Совершенно ничего не оставалось, как выразить пожелание о безотлагательной выработке мероприятий по развитию черноморского торгового флота, после чего Гирс снова поставил вопрос о необходимости срочных действий в случае «анархии» в Константинополе. Отвечая ему, морской министр сообщил, между прочим, о предстоящем в летние месяцы 1914 г. во время маневров в Черном море опыте десантной операции, от которой ожидаются полезные указания. Маневры эти, однако, уже не состоялись.

Так как десант, очевидно, возможен лишь при условии господства на море, то совещание перешло к вопросу о морских силах на Черном море.

И. д. начальника морского ген. штаба, кап. 1 ранга Ненюков, сообщил следующие данные: «До сего времени нашему флоту принадлежало несомненное господство в Черном море, но осенью этого (1914) года в состав оттоманского флота войдут два дредноута: заказанный Турцией в Англии «Решад V» и купленный ею у Бразилии «Рио-Жанейро». К сожалению, мы пока не можем противопоставить этим кораблям ни одного дредноута, и превосходство сил в Черном море, таким образом, в ближайшем будущем перейдет

к Турции... Пока турецкий флот будет господствовать в Черном море, нельзя будет приступить к десантной операции, не устранив предварительно господства оттоманских морских сил, а так как уничтожить их может оказаться неосуществимым для более слабого в это время русского черноморского флота, то и самая возможность десантной операции отпадает, пока наши морские силы не приобретут перевеса». Соотношение сил начнет улучшаться лишь с лета 1915 года, да и то при условии, если турки не приобретут новых готовых линейных кораблей. Русские черноморские дредноуты будут достроены: «Императрица Мария» — к 1 июня 1915 г. и «Александр III» — к 1 сентября 1915 г. Тогда, если турки не усилят ничем более своего флота, общий перевес сил окажется вновь на стороне русского флота. К концу 1915 г. черноморский флот должен усилиться третьим дредноутом («Екатерина II»), в следующем 1916 году — двумя крейсерами, и в 1917 году — четвертым дредноутом, еще двумя крейсерами, восемью миноносцами и шестью подводными лодками. Однако, этому противопоставляется турками программа, включающая шесть дредноутов и двенадцать эскадренных миноносцев. К этому морской министр добавил, что принимаются меры к скупке строящихся за границей линейных кораблей, которые, правда, не могут быть введены в Черное море, но, по крайней мере, не усилят и турецкого флота. Гирс — на этот раз вполне справедливо — отметил, что приобретение турками двух дредноутов «дало им большую моральную силу», что с этим приходится считаться столько же, сколько с увеличением их материальной силы.

Обсудив в заключение вопрос о перевальной дороге на Кавказе, совещание формулировало пожелания о подготовительных мерах по укомплектованию намеченных для десанта воинских частей, для наибольшего ускорения мобилизации, о принятии срочных мер к усилению транспортных средств в Черном море, об изыскании способа сократить перевозку к Проливам первого эшелона, в размере одного корпуса, до 4-5 дней со дня отдачи о том приказа, о сооружении «в возможно скором времени»: а) второй бригады дредноутов в Черном море и б) стратегических железнодор. линий на Кавказе и Закавказье.

Таким образом, — как это отметил первый комментатор этого документа, М. Н. Покровский, в своей статье «Три совещания», — для начала единоборства (с Турцией) за Константинополь нужна была отсрочка года на три [1]). Заменить ее можно было только готовностью «допустить недопустимое» и признанием невозможного возможным.

Между тем, конфликт из-за миссии Лимана был 16 января официально ликвидирован: Лиман получил старший чин по германской армии и на этом основании был возведен в звание фельдмаршала оттоманской армии и в должность главного инспектора турецких войск, без прямого подчинения ему каких-либо воинских частей.

8/21 января Гулькевич, поверенный в делах в Константинополе, телеграфировал, что «отказ Лимана от командования корпусом считается здесь весьма крупным успехом, впечатление коего рискует быть значительно осла-

[1]) «Вестн. Н. К. И. Д.», 1919 г., I, стр. 17.

бленным, в случае неудачи новых наших настояний» (в частности, по поводу командования дивизией в Скутари); Николай II положил резолюцию: «Пока нам следует приостановиться от дальнейших настояний — дать немцам передышку» (Царское село, 9 января 1914 г.) [1]).

Бенкендорф уже 12 января (н. ст.) сообщил, что Никольсон выразил надежду, что Россия «удовольствуется этим моральным удовлетворением» [2]). С другой стороны, «то, что ген. Лиман фон-Сандерс 10 января 1914 г. был снят с командования и назначен главным инспектором армии и военных школ Турции, было принято в Германии, как вынужденная уступчивость, как поражение в соревновании держав, которое вскрыло противоречия и обострило прежнюю натянутость отношений» [3]). Через несколько дней становится известным из сообщения российского поверенного в делах в Константинополе, что германское правительство, рассчитывая на реализацию турецкого займа во Франции, предложило Турции купить два линейных корабля «Мольтке» и знаменитый впоследствии «Гебен». Сообщая об этом, Делькассэ энергично советует помешать реализации займа и новому увеличению турецких морских сил, могущих быть направленными в первую очередь против Греции, а затем и против России [4]).

Если французский посол в Вене еще 16 декабря 1913 г. мог писать, что «ощущение, что народы движутся к полям сражений, толкаемые непреоборимой силой, возрастает день ото дня» [5]), то теперь, весною 1914 г., ощущалась уже потребность дать открытый исход обуревавшим правящие круги во всей Европе воинственным чувствам.

Март месяц ознаменовался газетной войной в Германии и России. Германская печать под знаменем борьбы против планов России — практическое следствие секретнейших особых совещаний — подняла кампанию против русского императора. Сухомлинов ответил на это пресловутой статьей «Биржевых Ведомостей», формула которой (Россия готова к войне) для нас

---

[1]) Неопубликованные документы б. министерства иностр. дел. Телегр. пов. в делах в Константинополе, № 26.

[2]) Siebert, S 670. — В мемуарах Бьюкенена: «Полученные нами сведения давали основание считать, что важность этого назначения была преувеличена. Сверх того, серьезной помехой для нас был факт, — усиленно подчеркиваемый германским правительством, — что непосредственное командование над турецким флотом было поручено британскому адмиралу. Мы не могли поэтому итти так далеко, как этого хотел г. Сазонов». Изложивши известные нам жалобы Сазонова на слабость политики Тройственного Согласия, Бьюкенен замечает: «В этом была доля истины. Во время балканской войны Россия не один раз отступала от позиций, несколько поспешно ею занятых, и в Константинополе настолько поверили, что она никогда не поднимет оружия, что турки заявляли германскому послу об отсутствии каких-либо оснований ожидать действий со стороны России». В заключение Бьюкенен заявляет, что все же конфликт улажен был только энергичным разговором Грэя с Лихновским. G. Buchanan «My Mission to Russia and other Diplomatic Memories». Vol. I, p.p. 148 — 150.

[3]) H. Friedjung, «Das Zeitalter des Imperialismus», III Band, Nachwort von Otto Hoetzsch, S. 318.

[4]) Doc. Dipl. «Affaires Balkaniques 1912 — 1914», t. III, № 183, p. 109.

[5]) Р. Пуанкарэ, «Происхождение мировой войны», стр. 169.

теперь вполне понятна: это был в равной мере воинственный выкрик в сторону Германии и Австрии, как и нетерпеливо и долго жданный ответ друзьям в Париже [1]). Именно в это время — в середине марта н. ст. — стало известным, что Австро-Венгрия вмешалась в переговоры между Сербией и Грецией о Салониках, заявивши, что она не допустит бо́льших прав в пользу Сербии в этом порту, чем те, которыми располагает она сама. Неуверенность в прочности Букарестского трактата была столь велика, что 24 апреля Думерг, в присутствии трех свидетелей, допрашивал Грэя (во время пребывания последнего в Париже), правда ли, что английское правительство сочувствует пересмотру этого трактата [2]). 27 мая французский посланник в Белграде сообщает, что, в связи с восстанием в Албании, Австрия принимает «*обычные*» меры предосторожности: передвижка войск на границе, концентрация речных военных судов, прекращение отпусков для военных и, наконец, объявление больших маневров в Боснии, в присутствии эрц-герцога и начальника генерального штаба, — и что сербская печать отвечает на это обвинением Австрии в намерении оккупировать Албанию, проведя свои войска, в случае надобности, по сербской территории.

IV. Англо-франко-русский единый фронт против Турции.

Между тем, царскому правительству, вслед за формальной ликвидацией конфликта из-за миссии Лимана, удалось одержать несомненную дипломатическую победу над Турцией по армянскому вопросу.

Напомним, что русский (составленный Мандельштамом) проект реформ 1913 г. вызвал оппозицию со стороны Германии (при поддержке Австрии и Италии); турецкая же точка зрения на него была формулирована коротко впоследствии Джемаль-пашей так: «Не думаю, чтобы кто-нибудь усомнился в том, что через год после проведения в жизнь этого проекта Эрзерумский, Ванский, Битлисский, Диарбекирский и Харпутский вилайеты окажутся под протекторатом России или будут оккупированы русскими». Комиссия представителей держав не могла прийти к соглашению: лишь в сентябре 1913 г. Гирсу удалось, по словам Джемаль-паши, убедить Вангенгейма принять основные шесть пунктов. Турецкое правительство, чтобы избежать объединенного давления европейских держав, поспешило выработать общий план реформ, для проведения которых в восточной Анатолии неофициально предложило Грэю послать—вместо русских—английских инспекторов. Грэй ответил, что английское правительство, по всей вероятности, отнесется сочувственно к этому проекту. Однако, через две недели последовал официальный ответ на официальное же предложение, обусловливавший принятие предложения согласием русского правительства на эту комбинацию. Турки вынуждены

---

[1]) Статья того же происхождения и на ту же тему, но еще более вызывающая (Россия готова, мы ждем того же от Франции), появилась ровно через три месяца, 12 июня н. ст., и представляется еще более характерной в указанном нами смысле.

[2]) Doc. Dipl. «Affaires Balkaniques», t. III, p. 124.

были, таким образом, прийти к соглашению с Россией, каковое и было подписано в Константинополе 8 февраля (26 января) 1914 года Гулькевичем (мы знаем, чем был отвлечен в это время Гирс) и Саид-Халимом. Актом 26 января 1914 г., — писал Гулькевич Сазонову, — «официально подчеркнута руководящая роль России в армянском вопросе и как бы подтверждена 16 статья Сан-Стефанского договора. Это обстоятельство не может, конечно, не отразиться самым благотворным образом на международном престиже России и окружить имя ее монарха новым обаянием в сердцах христиан Ближнего Востока... Что же касается Германии, то она вошла с нами в соглашение по армянскому вопросу с двоякой целью: во-первых, дабы иметь возможность сказать Порте, что она удержала Россию от широких реформ ценою своего согласия на более скромные, безопасные для Турции; во-вторых, дабы снискать расположение армян, которым Германия дорожит, в виду их преобладания в Киликии, считаемой ею своей сферой влияния» [1]). И, в-третьих, — мог бы добавить Гулькевич, — для того, чтобы убедить турок окончательно в том, что только в теснейшем союзе с Германией Турция может найти спасение от неминуемой и близкой гибели. Мировая война прервала разработку плана реформ в турецкой Армении и сняла с очереди вопрос об иностранных инспекторах в восточной Анатолии. Здесь мы находим один из существеннейших элементов для ответа на вопрос об обстоятельствах, повлекших за собой вступление Турции в союз с Германией и в войну. Вот что, в связи с вышеизложенным, писал Джемаль-паша:

«Конечно, единственной нашей надеждой было через мировую войну освободиться от всех этих договоров, наносивших столько ущерба нашей независимости, и получить возможность в будущем жить, как независимая и свободная нация... Так же точно, как главной нашей целью было аннулировать капитуляции и Ливанский статут, так в отношении армянских реформ мы хотели освободиться от соглашения, к которому нас вынудило давление со стороны России». [2])

Образования единого фронта держав Антанты и по вопросу об Армении, и по вопросу о миссии Лимана было более чем достаточно для того, чтобы турки, наконец, сами поверили, что близок час ликвидации их самостоятельного политического существования. «Мы хотели реорганизовать нашу армию, и с этой целью обратились к Германии. Германская военная миссия приехала в Константинополь, и в результате боеспособность турецкой армии значительно усилилась, а вместе с тем, усилилась и оборона Проливов. Вполне естественно, что русские воспротивились этому, ибо они всегда считали своим законным наследством Константинополь... Но разве можно допустить, чтобы эта политика вмешательства во внутренние дела соседнего государства проводилась без согласия на то Англии и Франции? Конечно, нет». [3])

---

[1]) Опубликована в «Оранжевой книге» м. и. д. Сб. дипл. докум. «Реформы в Армении» (Петроград, 1914 г.). Депеша Гулькевича, № 148, стр. 173 — 174.

[2]) «Memories of a Turkish Statesman», p. 276 (русск. перев., стр. 233, с некоторым отступлением от буквальной передачи текста).

[3]) Джемаль, стр. 57. — Ср. официальное английское издание: «History of the Great War based on official documents by direction of the historical section of the

Хорошо известно, что, несмотря даже и на это, в правящих турецких кругах германофильская ориентация возобладала не сразу. Сторонники сближения с Францией сделали весьма решительные попытки найти исход из создавшегося положения, помимо союза с Германией, обрекавшего, как всем было ясно, Турцию на войну с Тройственным Согласием. Известно, какие драконовские условия займа поставило французское правительство. Рассказ Джемаля о его парижских переговорах излагает так историю крушения плана вхождения Турции в группу Тройственного Согласия:

«Франция и Англия, — говорил уже после сараевского убийства Джемаль директору политического департамента французского министерства иностранн. дел, де-Маржери, уполномоченному Вивиани, в виду его отъезда в Россию, вести эти переговоры, — стремятся зажать центральные державы в железное кольцо. Это кольцо замкнуто всюду, за исключением юго-востока. Если Турция присоединится к Антанте, Болгария, очутившись изолированной на Балканах, вынуждена будет присоединиться к нам».

Условием этого Джемаль ставил решение вопроса об островах, занятых греками. Он не скрывал и другой, не менее важной для Турции, цели:

«Вы должны принять нас в группировку держав Антанты и этим самым защитить нас от постоянной угрозы со стороны России».

На это последовал пространный ответ, существеннейшей частью которого было заявление: «Прежде, чем заключить с вами союз, мы должны получить согласие на это со стороны наших союзников, шансы на которое мне представляются весьма сомнительными».—«Я отлично понял,—заключает свой рассказ Джемаль, — что Франция не хочет выпускать нас из железных тисков России и что мы ни в коем случае не можем ждать от нее помощи». Конечно, в это время нащупывалась почва в обратном направлении, с той разницей, что с германской стороны прием был совсем иной, так как, по всем данным, — в том числе и по показанию Джемаля, — Германия сама предлагала Турции союз с предоставлением ей равенства с Австро-Венгрией, на что и последняя, немедленно по подписании условий союзного договора с Вангенгеймом, изъявила безоговорочно свое согласие.

Джемаль, один из членов правительства, в первую очередь осведомленных великим визирем о происшедшем, «сильно призадумался» над вопросами: требовало ли этого союза благо Турции? Если бы не спешить с заключением его, не предложила ли бы противная сторона более выгодный и менее рискованный союз? Что собственно заставило Германию и Австрию принять Турцию на равных основаниях в союз? Ибо, насчет бескорыстия берлинского правительства у турецкого министра, разумеется, не было иллюзий.

И вот как излагает он результаты своих размышлений: Россия всегда была, есть и будет вечным врагом Турции, стремящимся к завладению Константинополем. Неудача на Дальнем Востоке и парализованность на Среднем заставили ее обратить снова все свои силы против Турции. В то же время Англия

Committee of Imperial Defence, — Naval operations, by Sir J. S. Corbett, vol. II, p. 204. «Уже в 1903 г. комитет имперской обороны, после всестороннего изучения вопроса, пришел к заключению, что исключение России из Проливов не имеет для Великобритании первостепенного морского или военного значения».

боялась теперь несравненно меньше появления России в Армении или даже в Константинополе, чем германской экономической экспансии в направлении Персидского залива; стремясь завладеть Месопотамией, она готова была на сделку с Россией, при условии вытеснения силами России германцев из Малой Азии. Франция уже хозяйничала в Сирии. Закрепляя за собой помощь русского солдата, и Франция, и Англия не могли итти против русских планов изоляции и дальнейшего раздела Турции. «Вот почему я, никогда не ожидавший выгод от союза с Германией, получил такой решительный отказ от Франции в ответ на просьбу защитить нас от России. Отказавшись от посылки своих чиновников в восточные области Малой Азии, Англия тем самым дала нам понять, что она не может итти против желания России». Кроме того, английские империалисты уже, — по словам Джемаля, — мечтали получить в свое распоряжение титул халифа с тем, чтобы возвести в этот сан собственную креатуру.

«В то время, как я увлекался призрачными надеждами (найти помощь против России у Франции и Англии), мои коллеги оказались перед фактом предложения нам союза с державами Тройственного Союза, точнее,—союза с Германией... Подумать только, сама Германия предлагает нам союз (на равных правах) после того, как мы полгода делали все усилия, чтобы не остаться изолированными, искали сближения с какой-либо группировкой государств и бесплодно пытались заключить союз с Болгарией... Следует ли нам отвергнуть это предложение? Англия уже завладела Египтом и стремится завладеть Месопотамией и Палестиной, не забывая и Аравию; о России нечего и говорить. Это — со стороны Антанты. Державы же Тройственного Союза — Австрия и Италия — сорвали с Турции, что хотели и могли, и, вероятно, удовлетворились. Если же у Италии есть планы в области Адалии, то, во всяком случае, это создает пропасть между нею и Антантой. Что же касается Германии, то это была «единственная держава, хотевшая усиления Турции; в интересах Германии было всеми силами не допустить ослабления Турции... Германия не могла бы сделать Турцию своей колонией... и смотрела на Турцию только, как на звено в цепи своих экономических перспектив на Востоке... Единственным выходом для Германии из железных тисков Антанты было помешать расчленению и ослаблению Турции. Итак, перед нами были две группы держав: одна из них стремилась поработить нас, тогда как другая стремилась дружески сблизиться с нами... и заключить с нами союз на основе равных прав и обязательств. Можно ли было отвергнуть это предложение?».

«Во-первых, — продолжает Джемаль свою защиту решения, к которому он примкнул, — в случае союза с Германией и Австрией ни одно из малых балканских государств не посмело бы пытаться вмешиваться во внутренние дела страны, состоящей в союзе с такими могущественными державами, так что с этой стороны мы будем, наконец, оставлены в покое. Во-вторых, ни одна из держав Антанты не рискнет поднять на нас руку из опасения, что начнется общеевропейская война. Помимо этого, германская наука, техника, торговля будут к услугам Турции, которая, с их помощью, освободится вскоре от ига капитуляций. Если обще-европейская война не начнется

в течение 5—10 лет, то Проливы и побережья будут укреплены, армия, экономика и финансы приведены в должное состояние, так что Турция сможет смело принять участие в этой войне».

V. Свидание в Констанце и начало войны.

Раньше, чем закончить рассмотрение подготовительного к войне периода, необходимо коснуться последнего этапа в русской предвоенной политике — свидания русского царя с румынским королем в Констанце. Мы знаем уже, что привлечение Румынии на сторону Тройственного Согласия признано было в Петербурге важнейшей из предвоенных задач царской дипломатии. Предпринявши для этой цели поездку с царем в Румынию, Сазонов, с замечательной решительностью и простотой, взялся за дело: добиваясь от Братиано «достаточно ясного ответа» [1]), он «поставил ему прямо вопрос: *каково было бы отношение Румынии к вооруженному столкновению между Россией и Австро-Венгрией, если бы первая из них была вынуждена обстоятельствами начать военные действия*».

Сазонов спокойно отмечает, что Братиано был поражен этим вопросом. Вопрос не мог не поразить любого собеседника, но в тысячу раз поразительнее должен был он показаться тому же Братиано через две недели, когда в Сараеве прогремели — на весь мир — выстрелы сербского гимназиста. Здесь не место углубляться в оценку этого обстоятельства, в связи с известными теперь уже и у нас разоблачениями Станоевича [2]).

Братиано, — продолжает Сазонов, — «видимо, пораженный моим вопросом, в свою очередь спросил меня, допускаю ли я возможность наступления в близком будущем подобных обстоятельств и, в связи с этим, обще-европейской войны. Я поспешил успокоить Братиано, сказав ему, что имею основание надеяться на сохранение мира в Европе и что, в смысле вооруженного столкновения России с Австро-Венгрией по почину России, я могу себе представить таковое только в том случае, если на почве албанского вопроса или под каким-либо другим предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию с целью нанесения этому королевству чувствительного удара, к чему мы, вероятно, не могли бы остаться равнодушными». [3])

Без сомнения, на ряду с этим разговором, соглашение о совместном выступлении в Константинополе для предотвращения закрытия Проливов, в случае обострения греко-турецкого конфликта, имело второстепенное значение. Очевидно, его рассматривали исключительно, как средство закрепить румыно-русское сближение, считая, что оно, — как это и было отмечено

---

[1]) См. ниже всеподданнейший доклад Сазонова от 11/24 июня 1914 г. в главе «Отношение Румынии к вопросу о Константинополе и Проливах», стр. 356.

[2]) См. статьи М. Н. Покровского, «Пролет. Революция», № 7, и «Большевик», № 9 — 1924 г.

[3]) Напомним слова Сазонова в февральском (1914 г.) совещании: «нельзя предполагать, чтобы наши действия против Проливов происходили без общеевропейской войны, и надо думать, что при таких обстоятельствах Сербия направит все свои силы против Австро-Венгрии».

Сазоновым в его докладе, — особенно польстит румынским самолюбиям. Высказанное Николаем II, по поводу эвентуального закрытия Проливов, в связи с греко-турецким конфликтом, намерение «силою открыть Проливы» свидетельствует о высоком подъеме настроения в Петербурге, в результате завершения Тройственного Согласия и первых плодов его: полупобеды в инциденте с миссией Лимана и полной победы в вопросе об армянских реформах.

Через две недели случилось то, о чем говорил Сазонов Братиано: «предлог» для нападения Австрии на Сербию был дан убийством эрц-герцога в Сараеве. В задачу нашу не входит рассмотрение последующих фаз политического кризиса, закончившегося мировой войной. Напомним лишь, что «начать военные действия»,—как это полагалось бы по диспозиции французского и русского штабов, — России не пришлось по двум причинам: 1) нужно было, для облегчения задачи лондонскому правительству, предоставить во что бы то ни стало инициативу «нарушения мира» и нападения Германии, 2) раз до выступления Германии не удалось нанести удар Австро-Венгрии, нужно было все внимание и все силы сосредоточить на давлении на Германию для спасения Франции. Механизм Тройственного Согласия выдержал испытание; первое, маленькое, передаточное колесо — Сербия — на этот раз, действительно, привело в движение Россию: Россия, — известно как, вплоть до «ломания» телефонов, — мобилизовалась. На этот раз в Париже не в чем было упрекать русский генеральный штаб, и с Извольским говорили там в «приподнятом и сердечном» тоне.

Первый царский манифест определил цели войны с Германией: «Ныне предстоит заступиться за несправедливо обиженную родственную страну» и «оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав».

Второй манифест — по поводу войны с Австро-Венгрией — заявлял: «Видит господь, что не ради воинственных замыслов и суетной мирской славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность богом хранимой нашей империи, боремся за правое дело».

В «историческом» заседании государственной думы 26 июля (ст. ст.) 1914 г. Родзянко выразился еще красноречивее: «Мы все хорошо знаем, что Россия не желала войны, что *русский народ чужд завоевательных стремлений, но самой судьбе было угодно втянуть нас в военные действия*. Жребий брошен, и во весь рост встал перед нами вопрос об охране *целости и единства* государства». Этот лепет растерявшегося екатеринославского помещика, в недобрый час призванного сообща с Сазоновым, Сухомлиновым и Янушкевичем спасать «целость и единство государства», отражает недоумение и беспомощность человека, обязанного говорить от имени русского народа о том, что произошло в июле-августе 1914 г.

В письме кн. Г. Н. Трубецкого (посланник в Белграде) к М. Н. Гирсу от 7 августа читатель найдет следующие интересные строки: «Если бог даст нам успех, то встанет вопрос о выгодах, которые нам желательно извлечь из войны, требующей столь громадного напряжения всех сил страны. То, что мы можем приобрести на наших западных границах, есть скорее выполнение

неизбежного исторического долга, чем наша прямая выгода... Невольно прежде всего мысль обращается к Проливам».

И, действительно, вступление Турции в войну сразу меняет положение: война приобретает смысл и цель. Манифест Николая II о войне с Турцией не отвергает ни «воинственных замыслов», ни «суетной мирской славы», а, наоборот, заявляет о близящемся «разрешении исторической задачи, завещанной нам нашими предками, на берегах Черного моря». В заседании государственной думы 27 января 1915 г. Родзянко комментировал это событие следующим образом:

«Одновременно народный дух усилил мощь народного самосознания и ясное понимание им своей исторической задачи... С крестом в груди и в сердце, по призыву своего царя, не дрогнув перед врагом, сознательно выполнит он [1]) царский завет и откроет России пути к разрешению завещанных ей предками [2]) задач на берегах Черного моря и устранит вечную угрозу немецких держав общему миру и спокойствию». Перед «задачами на Черном море» отступила на задний план даже защита «общего мира» от «угрозы немецких держав».

Князь Е. Н. Трубецкой, московский либеральный профессор и публицист (брат белградского посланника), писал сначала о «мировой задаче России» в войне: «обладая огромной территорией, Россия не заинтересована в ее увеличении; *политика захватов может причинить нам не пользу, а вред;* нам нужно не умножить, а только сохранить наши владения. Но, именно, стремление к сохранению достояния отцов, этот территориальный консерватизм делает Россию естественной защитницей и покровительницей слабых и угнетенных народностей, всех тех, кому грозит поглощение и порабощение... Защита слабых и воскрешение малых народов, поглощенных сильными,—такова историческая задача, *волею судеб навязанная России*... Мы сражаемся за право национальностей вообще, за самый национальный принцип в политике в полном его объеме» [3]).

Но тот же Е. Н. Трубецкой писал, после этого, в «Русских Ведомостях»: «Россия борется за независимость всех стран Европы, коим грозит германское завоевание и владычество. Пусть же эта война приведет и к обеспечению ее собственной независимости. *Ведь, именно, как вопрос о независимости России, ставится теперь вопрос о Проливах.* Совершенно очевидно, что нейтрализовать их — значит создавать для нас полную — и экономическую и политическую—зависимость от Германии».

П. Н. Милюков дал законченную, официозную формулу: «Вступление Турции в число наших врагов дало возможность поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближне-восточной политики.

---

[1]) «Русский люд», — по выражению оратора.

[2]) Весьма забавны эти «предки», втиснутые в казенную «парламентскую» речь по необходимости согласовать ее с текстом манифеста. Николай II подписывал манифест, упоминавший о его предках; Родзянко же, явно злоупотребляя свободой слова, «демократизирует» и даже «узурпирует» этих, законно принадлежащих Николаю II предков.

[3]) «Война и мировая задача России», Москва, 1915 г.

Целью ее в настоящее время должно быть сделано приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России, вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов, чтобы обеспечить защиту Проливов» [1]).

И экономист проф. М. Туган-Барановский: «Историческое стремление России к открытию свободного выхода из Черного моря обещает на этот раз увенчаться полным успехом, и это откроет блестящие перспективы для экономического развития всего нашего юга. Именно в этом направлении Россия и может получить достаточную награду за все понесенные ею в эту невероятно тяжелую войну большие жертвы» [2]).

Между тем, изданная в 1914 г. «Оранжевая книга» [3]) совершенно правильно устанавливает факт переговоров между державами Тройственного Согласия и Турцией о соглашении (телеграммы Гирса от 6 и 7 августа, Сазонова — 8 и 10 августа, Извольского — 9 и 11 августа ст. ст.). «Оранжевая книга» при этом лишь тщательно скрыла все, что могло дать читателю представление о содержании этих переговоров и предполагаемого соглашения.

Мы знаем уже, что одновременные действия на западном фронте против Германии и Австрии, и на черноморском, против Константинополя и Проливов, считались русским генеральным штабом недопустимыми и невозможными. Отсюда проистекала необходимость удержать всеми мерами Турцию в спокойном состоянии до тех пор, пока не будут достигнуты решительные успехи на главном театре военных действий. Политика эта опиралась на предположение, что Турция примирится с реквизицией своих военных судов Англией [4]) и останется безучастным свидетелем борьбы двух коалиций (от исхода которой, однако, зависело ее дальнейшее существование) — даже и после того, как державы Антанты отказались принять ее, в качестве союзника, и этим гарантировать ее от дальнейшего наступления со стороны России.

«Нет сомнения, — телеграфировал Гирс Сазонову 2 августа (нов. стиля), в день формального подписания германо-турецкого «союзного» договора, — что, опасаясь нас и подозревая нас, вследствие наветов наших недоброжелателей, в намерении захватить ныне же Босфор, Турция в душе желает успеха наших врагов... [5]) По отзыву нашего военного агента, турецкая армия в настоящий момент в таком состоянии, что не представляет для нас пока опасности. При этих условиях, я полагал бы, что, принимая все меры предо-

---

[1]) Сборник «Чего ждет Россия от войны», Петроград, 1915, стр. 57.

[2]) Там же, стр. 23.

[3]) М. И. Д — Сборник дипломатических документов. — «Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией». — Петроград, 1914 г.

[4]) Английская «Синяя книга» о событиях, приведших к разрыву с Турцией (русский перевод — «Белая книга», дипломатич. переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией», Петроград, 1914 г.), начинается телеграммой Грэя в Константинополь от 3 августа (н. ст.) о взятии английским правительством для своих военных надобностей «Османа I».

[5]) Слова «захватить ныне же Босфор» заменены в «Оранжевой книге» словами: «на нее напасть». Следующие две фразы пропущены в «Оранжевой книге».— См. «Оранж. кн.» № 4, стр. 4.

сторожности в наших пределах, нам не следовало (бы) при нынешних событиях входить с нею в какие-либо препирательства по поводу военных ее мероприятий, пока они не носят агрессивного против нас характера».

С этим отзывом о состоянии турецкой армии в это время вполне совпадают свидетельства германских политических деятелей (Лимана фон-Сандерса), а также Джемаль-паши. Германское правительство признавало, что Турция, подписавши союзный договор, осталась «несоюзоспособной», что немедленное вступление ее в войну только затруднило бы положение центральных империй. Если бы державы Антанты, «прекрасно знавшие, что у нас нет ни одного солдата, — говорит Джемаль, — ни в Дарданеллах, ни в Константинополе, ни на русской границе, внезапно атаковали бы нас в Дарданеллах и в Босфоре, одновременно наступая на Эрзерум, и после занятия Константинополя и Эрзерума вступили бы вглубь Анатолии через Сивас, наша армия не была бы способна до конца войны закончить свою мобилизацию и гибель Оттоманской империи была бы предопределена с самого начала». Турецкое правительство и германский посол так именно и смотрели на положение, и поэтому было в совете министров решено объявить о нейтралитете Турции, мотивируя всеобщую мобилизацию необходимостью обеспечить этот фиктивный нейтралитет от покушений с какой бы то ни было стороны... Даже те из наших коллег-министров, которые не знали о заключенном нами союзе с Германией и о принятых нами, в силу этого, обязательствах, одобрили всеобщую мобилизацию, как меру мудрой предосторожности» [1]).

Таким образом, турецкое правительство должно было спешно приводить армию в боеспособное состояние, а в то же время официально сохранять нейтралитет, до последней минуты обманывая не только союзных дипломатов, но и собственную свою страну. То, что обман этот так блестяще удался, объясняется тем, что половина министров была в числе обманутых, и, следовательно, тайна не выходила из узкого круга лиц; обманутые министры с полной искренностью и верою в нее распространяли и поддерживали эту ложь, и, наконец, сами «посвященные», под впечатлением выступления Англии, вели — по крайней мере, Энвер — до прибытия «Гебена» и «Бреслау» двойную игру [2]).

Заметим, что и противная сторона считала, что ей нужен выигрыш времени. В Петербурге, как мы знаем, вопрос о Турции или о Проливах откладывали до «решительных успехов на главном театре». В Лондоне опасались, в свою очередь, нападения на Суэзский канал. Французский фронт поглощал все европейские рессурсы. «Недели должны были пройти раньше,

---

[1]) «Memories of a Turkish Statesman», p. 116.

[2]) О дипломатических переговорах до вступления Турции в войну, см. «Раздел Азиатской Турции», стр. 56 — 74. «Оранжевая книга», как сказано, тщательно скрывает всё действительное содержание этих переговоров. «Синяя книга» дает лишь две относящиеся к ним телеграммы. Дополнением к обзору в «Разд. Аз. Турции» могут служить лишь воспоминания Джемаль-паши, но в них обращает на себя внимание отсутствие указаний на переговоры между Энвером и Леонтьевым, побудившие Гирса, в конце концов, требовать соглашения с Турцией столь же настойчиво, сколь безуспешно.

чем войска из Индии могли бы быть использованы в Египте; еще больше времени понадобилось бы для доставки войск из доминионов... Наконец, для положения Великобритании в Азии, с ее миллионами мусульманских подданных, было необходимо, чтобы, если и когда Турция присоединится к нашим врагам, было бы ясно, что это обдуманный и ничем не вынужденный шаг со стороны оттоманского правительства» [1]).

Вполне понятно, что турецкое правительство не верило предлагавшейся ему гарантии территориальной неприкосновенности, взамен нейтралитета и при условии открытия Проливов на время войны. Об этом мы говорили в другом месте [2]) и здесь ограничимся еще одной ссылкой на Джемаль-пашу [3]). Между тем, 27 сентября Проливы были объявлены закрытыми.

«Сегодня в 6 часов вечера, — телеграфировал в этот день английский посол, Л. Маллет, Грэю,—я узнал, что вчера вечером турецкий истребитель был вынужден вернуться [4]). После того командир Дарданелльского порта закрыл Проливы. При получении этого известия у меня находились русский и французский послы, и мы тотчас же отправились к великому визирю... Я сказал, что очень желательно, чтобы Дарданеллы были открыты немедленно... я высказал его высочеству наши естественные опасения, что германский или турецкий истребители могут попытаться взорвать наши суда, и что это именно было основанием инструкций, данных британскому флоту преграждать турецким военным судам выход из Дарданелл до тех пор, пока на них находятся германские офицеры и матросы». Тут же сэр Л. Маллет потребовал объяснения и по поводу действий турок на египетской границе. В ответ на первый вопрос — об открытии Проливов — великий визирь уведомил английского посла, что «если британское правительство передвинет свой флот подальше от входа в Дарданеллы, то Проливы будут открыты».

Просьба об удалении британского флота, — ответил Грэй, — «не может быть принята во внимание до возвращения германских офицеров и экипажей на родину» [5]).

16/29 августа Сазонов телеграфировал управляющему дипломатической канцелярией при верховном главнокомандующем Кудашеву, адм. Эбергарду и М. Гирсу: «Продолжаю придерживаться мнения, что нам важно сохранить мирные отношения с Турцией, пока не определится решительный перевес русско-французских войск над австро-германскими. Считаю поэтому нежелательным какое-либо вызывающее действие против турок, могущее усилить влияние тех турецких деятелей, которые стоят за войну. Сам

---

[1]) H. Asquith, «The Genesis of the War», 1923, p. 224.

[2]) «Раздел Аз. Турции», стр. 54 — 55.

[3]) Memories, p. 124: «Державы Антанты не хотели нашего участия в войне на их стороне (24 августа Грэй вновь отклонил соответствующее предложение Джемаля). Какова причина этого? Если бы мы вступили в войну на стороне Антанты, Россия потеряла бы последний шанс захватить в свои руки Константинополь. На это никогда не согласилась бы она, а потому не соглашались ни Франция, ни Англия».

[4]) Т.-е. не был выпущен англичанами в открытое море.

[5]) «Синяя книга», №№ 97, 98 и 102 — «Оранжевая книга», №№ 67, 68, 69, 70, 71, из коих видно, что речь шла об удалении английских судов к о. Лемносу.

по себе выход «Гебена» в Черное море не означает разрыва, и меры против него допустимы только в случае полной уверенности в успехе. С общей политической точки зрения, разделяемой Францией и Англией, весьма важно, чтобы война с Турцией, если бы она оказалась неизбежной, была бы вызвана самой Турцией».

VI. Соображения царского правительства по вопросу о Константинополе и Проливах.

В упомянутом выше письме русского посланника в Белграде, кн. Г. Н. Трубецкого, к М. Гирсу отражается предположение, что какую бы позицию ни заняла Турция, Россия будет вознаграждена за участие в войне не только «на западных границах», но—и это гораздо важнее — в Проливах: в случае нейтралитета Турции, «по заключении мира, нам необходимо оговорить преимущественное для прибрежных государств Черного моря право прохода военных судов через Проливы», в случае же какого-либо выступления Турции — против России или на Балканах — необходимо «обеспечить наш контроль над Проливами», так, чтобы это «менее всего встретило бы сопротивление Англии», а именно — уничтожением турецких укреплений и созданием русских укрепленных пунктов на обоих побережьях у выхода Босфора и у выхода Дарданелл. Вопрос о занятии Константинополя автор считает пока еще «академическим».

Объявление войны Турции и царский манифест с упоминанием «исторических задач на берегах Черного моря» (20 октября ст. ст.) произвело впечатление, — как это отметил Бьюкенен тогда же сообщением в Лондон, а впоследствии в своих мемуарах, — обретенной цели участия в войне. «Русское общество обратило взоры свои на Константинополь, как на единственный крупный приз, могущий быть выигранным в войне». [1]). Записка Н. А. Базили «О целях наших на Проливах» суммирует все, что по данному вопросу говорилось и писалось патриотическими ораторами и публицистами для обоснования «исторических задач» с точки зрения торгово-промышленной и военно-политической экспансии.

Первая часть записки заканчивается резким диссонансом. С одной стороны, с экономической точки зрения должны быть установлены «реальные», а не юридические гарантии постоянного и беспрепятственного пользования Проливами, т.-е. «весь морской путь через Проливы должен быть подчинен в той или иной форме нашей власти»; с другой — «даже установление нашего господства над Проливами не даст нам безусловного обеспечения экономического выхода нашего в Средиземное море», ибо «оно не устранит возможности для державы, располагающей в Средиземном море достаточными морскими силами, в случае войны с нами, объявить и осуществить блокаду Проливов».

---

[1]) «My Mission to Russia», vol I, p. 224. Взгляд английского правительства ясно выражен в декабрьском разговоре Грэя с брит. послом в Париже, Бэрти. См. мемуары последнего, т. I. Допускалась только интернационализация и нейтрализация!

В полном противоречии с этой очевидной истиной, будущий министр иностранных дел временного правительства, П. Н. Милюков, писал в это время, или немного позже:

«Надо, чтобы наши союзники поняли, что наш жизненный интерес и насущная потребность в обладании Проливами ничего не имеют общего... с завоевательными тенденциями, которым с полным основанием хотят положить предел сторонники будущего организованного мира Европы. Владение Константинополем и Проливами есть конец, а не начало. И вместе с другими окончательными ликвидациями старых запутанных проблем, связанных с гордиевым узлом турецкого наследства, ликвидация вопроса о Проливах даст возможность торжественно отнести в святилище истории так долго мучивший Европу «Восточный вопрос» [1]). Правда, несмотря на то, что это — «конец, а не начало», «Черное море должно быть охраняемо от входа иностранных судов через Проливы, тогда как *русские военные суда должны иметь свободный выход*». Из-за этого маленького вопроса о «свободном выходе» и царское правительство, и его союзники менее всего готовились к сдаче «восточного вопроса» в святилище истории, а, напротив, начавши его ликвидацию Проливами и Константинополем, продолжали его соглашениями о разделе Аз. Турции, проектами создания греческой империи и т. д.

«Господство наше над морским путем этим, — поясняет Базили в стратегической части записки, — даже в случае распространения его на лежащую впереди Дарданелл группу Эгейских островов, еще не может при всяких обстоятельствах дать нам уверенность в свободе нашего доступа в Средиземное море. Противник, располагающий морским господством в этом море, очевидно, всегда будет в состоянии не пустить в него наши суда».

«Свободный выход» для автора записки, во всяком случае, — не конец, а начало: он дал бы «нам возможность грозить нашим флотом в Средиземном море, что, при условии обладания внушительными морскими силами, могло бы в высокой степени усилить наше влияние в мире», — несмотря даже на то, что «сомнению может быть подвергнута польза для нас широкой наступательной морской политики, по крайней мере, в настоящее время».

Заключение автора, что «выгоды», даваемые нам правом проводить наши военные суда через Проливы, значительно превышают невыгоды допущения в Черное море чужих флотов, всецело опирается на представление о русско-турецком антагонизме и о подвергнутой им только что сомнению пользе широкой наступательной морской политики. Но, ведь, имеется в виду овладение Босфором, а, при таком положении вещей, конечно, «невыгоды допущения в Черное море чужих флотов совершенно отпадают».

Переходя к обеспечению «свободного выхода», автор поясняет, что гарантией его является, в первую очередь, обладание островами Имбросом, Тенедосом и Лемносом, во вторую — Самофракией. Английские моряки, сколько известно, идут дальше и, различая три линии обороны Проливов, считают опорными пунктами внешней линии Салоники и Смирну. Однако, и русское правительство, обсуждая планы раздела Азиатской Турции, прида-

---

[1]) Сборник «Вопросы Мировой войны». П., 1915, стр. 548.

вало уже и Смирне особо важное значение, считая, что появление там Италии угрожает области Проливов. Как бы то ни было, даже сомневаясь в пользе наступательной морской политики, составитель записки за самый необходимый, чисто-оборонительный, минимум принял требование названных выше островов.

Политические суждения автора соответствуют настроению тех, для кого записка составлялась. Он согласен с тем, что в прошлом обладание Проливами Турцией представляло для России существенные выгоды. Но теперь эта точка зрения им отвергается. Во-первых, «Турция вошла в орбиту враждебной нам группы держав» и «заняла угрожающее нам положение». Однако, достаточно, ведь, было держаться этой точки зрения для того, чтобы Турция не была вынуждена войти в эту орбиту и занять угрожающее положение. Во-вторых, — повторное закрытие Проливов. Оно осталось, между тем, единственным средством самозащиты Турции. В-третьих, — обладание Проливами является «источником преобладания над балканским миром и передней Азией, т.-е. над странами, в судьбе которых Россия исторически наиболее заинтересована». Но если иметь в виду Турцию, то, ведь, обладание Проливами нисколько не помешало разделу ее владений на Балканском полуострове ее слабыми соседями; если же иметь в виду переход Проливов в другие руки, то можно прийти лишь к выводу, что следует либо вступить на путь разделов и широкой наступательной политики, отбросивши в сторону все сомнения и колебания, либо развить политику дружбы и союза с Турцией.

Составитель записки исследует затем все известные ему способы «решения» вопроса о Проливах:

I. Способ «полного» или «великодержавного» решения, т.-е. завладение Проливами с частью Эгейских островов и «с достаточным хинтерландом», чтобы владение ими было прочным [1]). Этот способ «дает нам новое средство к расширению мирового значения нашего отечества», но имеет свою теневую сторону, ибо Проливы — весьма уязвимая с суши позиция и явится в системе обороны южного побережья «тяжелой обузою». Оборона Босфора потребует в год не менее 150—200 миллионов рублей и не менее двух корпусов, столько же—оборона Дарданелл. «Оправдываются ли эти жертвы ценностью приобретения?» Автор отказывается решить этот вопрос, ссылаясь на то, что они вызываются «требованием нашей великодержавности», а потому лишь «с высшей общегосударственной точки зрения» можно решить вопрос, оправдываются-ли эти жертвы и соразмерны ли они с силами и средствами России. Во всяком случае с точки зрения обороны черноморских берегов целесообразность этих жертв вызывает у него «большие сомнения». В силу этого он и переходит к другим «менее полным» решениям вопроса о Проливах.

II. Нейтрализация Проливов [2]). Основное неудобство ее автор видит в недействительности международных гарантий во время войны, основательно

---

[1]) Напомним, что сторонниками этого способа решения были организации российских дворян, промышленников и торговцев, а также лидеры к.-д. партии, с Милюковым во главе.

[2]) Сторонники ее почти не заявлялись после объявления войны с Турцией; в анкете «Бирж. Вед.» в защиту ее высказался профессор Алексеев.

ссылаясь на участь Бельгии. Примером Суэзского канала он пользуется для того, чтобы показать, что фикция нейтрализации покрывает фактическое хозяйничанье одной державы. Неукрепленность Проливов облегчает лишь захват их первым нарушителем их юридической неприкосновенности.

III. Нейтрализация с контролем только держав Антанты [1]). Непременным условием ее автор считает владение Босфором исключительно Россией, не делая этой оговорки для предыдущего способа решения вопроса; однако, и с этой оговоркой он отвергает такую комбинацию, как основанную на неосновательной вере в неизменность существующей международной группировки.

IV. «Союз» с Турцией. «Союз» этот автору представляется исключительно в виде протектората, с полным подчинением турецкой армии и флота русскому генеральному штабу и его инструкторам, несостоятельность которых он тут же отмечает. Убеждение в той несостоятельности побуждает его отвергнуть идею такого «союза», представляющую, действительно, нелепую каррикатуру на единственный способ решения, — а не осложнения и запутывания, — вопроса о Проливах.

V. «Занятие Проливов морской силою»—мыслимо, очевидно, лишь как подготовительная к завладению и берегами стадия захвата Проливов, и, если дает временную экономию в затратах на укрепление берегов, то вызывает затраты на десантную армию, транспорт и т. д. Автор допускает этот план лишь в отношении Дарданелл, но даже и при условии завладения островами Мрам. моря считает его допустимым лишь в случае невозможности достигнуть завладения берегами Босфора. Оборона Босфора требует, однако, обладания им на всем протяжении, с обоими берегами, на 20—30 верст в глубину страны, и с Принцевыми островами. Считая, что даже «пассивное» решение вопроса требует завладения и островами Мармара, автор осторожно замечает, что «остается только один шаг, чтобы перейти к активному решению» с его «неизмеримо» большими выгодами, т.-е. к занятию Дарданелл с берегами и островами Тенедос, Имброс, Лемнос и Самофракия. Таким образом, он возвращается к исходному пункту, к первому способу «решения» вопроса, замечая, что отказ от Лемноса допустим лишь под давлением необходимости и лишь в этом крайнем случае можно было бы помириться с оставлением его и Самофракии в руках державы второстепенной, как Греция, фактически их и занимавшей в это время [2]), при условии их нейтрализации. Обращает на себя внимание туманное упоминание о последствиях занятия Лемноса первостепенной морской державой; очевидно, речь идет об Англии, и предвидится здесь уже случай столкновения с нею, при котором флот ее должен оказаться занятым «в другом месте»; столь же очевидно, что этим

---

[1]) Этот план выдвигал Н. Дурново, проектировавший превращение Константинополя в «вольный город», управляемый греками, под контролем держав Согласия.

[2]) При переговорах Гирса в Константинополе Сазоновым было дано согласие (отклоненное, однако, французами и англичанами) на возвращение Лемноса Турции, с компенсацией Греции в Эпире; при этом указано было и основание этого согласия — связь Лемноса со сферою Проливов.

«другим местом» не могло быть только Балтийское море; ясно, следовательно, что наши военные люди никогда не падали до уровня либерально-буржуазных политиков, провозглашавших ликвидацию всех вообще конфликтов в Европе войной 1914 г. и, в частности, ликвидацию «Восточного вопроса» занятием Проливов Россией.

Остается вопрос о Мраморном море. Лучше всего, конечно, завладеть берегами и Мраморного моря [1]); если это невозможно, то следует гарантировать отсутствие в нем чужих морских баз и флотов, и, во всяком случае, по возможности не допускать на берега его Болгарию, а в случае неизбежности этого — обезвредить и ее упомянутой гарантией...

Записка составлялась, как указано в конце ее, при участии Данилова, Немитца и Бубнова, лицами, участвовавшими в государственных совещаниях по восточному вопросу, и представляет, следовательно, сводку мнений, принятых правительственными верхами и сухопутным и морским командованием. Не одна лишь бюрократическая осторожность делает все выводы ее условными; в основе ее лежит сомнение в том, оправдываются ли пользой для государства те жертвы, которых требует — во имя «высшей государственной точки зрения великодержавной мировой политики» — владение Проливами и Константинополем. Замечательно, что Константинополь для составителей записки сам по себе представляется уже несомненно бесполезной обузой. При решении вопроса о судьбе Константинополя автор готов даже принять во внимание «уменьшение административных трений», даже сделать «уступку эллинизму». Между тем, либеральный профессор Е. Н. Трубецкой начинал свою агитационную лекцию-брошюру заявлением такого рода:

«Среди вопросов, выдвинутых настоящей войной, вопрос о Константинополе имеет для России особый интерес и важность. Всеми сторонами нашей жизни мы с ним связаны. Это для нас вопрос и о *нашем хлебе насущном,* и обо всем *нашем политическом могуществе, и о нашей культурной миссии,* о самом духовном *я* России» [2]). Дальнейшее изложение имеет целью убедить читателя, что не что другое, как храм святой Софии, это—«та евангельская жемчужина, ради которой Россия должна быть готова отдать все, что имеет».

Рядом с этой политической мистификацией, рассуждения о Константинополе авторов обеих печатаемых нами здесь записок не могут не показаться образцами политической зрелости и осмотрительности. Однако, совершенно отделяя вопрос о Константинополе от вопроса о Проливах и даже

---

[1]) Некоторые вполне последовательные публицисты доказывали, что Россия должна овладеть всей Малой Азией, «Анатолией и побережьем Черного моря, стать твердой ногой на армянском плато и взять свою долю в Месопотамских областях. Кроме того, германская Александретта и Смирна должны стать опорными пунктами нашего экономического влияния на Средиземном море».—Статья Плетнева в «Голосе Жизни», № 3; Арктур, «Основные вопросы внешней политики России». Нач. морск. ген. шт. кн. Ливен считал (в 1912 г.), что обладание Проливами имело бы смысл лишь при обладании Балканским пол. и Малой Азией. («Кр. Арх.», т. VI. Захер «Конст. и Пр»).

[2]) Кн. Е. Н. Трубецкой—«Национальный вопрос». Москва, 1915 г.—Курс. подл.

заранее отказываясь от «Царьграда» и «св. Софии», капитан Немитц лишь «по долгу службы» может верить, что обладание Проливами легче, чем обладание Константинополем.

Первая часть записки А. В. Немитца — «Политические цели настоящей войны» убедительно свидетельствует о готовности автора занять место в ряду «лучших государственных людей России», ставивших России задание «стать прочной ногой на Босфоре и Дарданеллах». И, однако же, из-за этой готовности и официальной покорности «призванию провидения» отчетливо выступает уже (записка А. Немитца датирована 1/14 декабря 1914 г.) сознание политической неизбежности расплаты за грехи «лучших государственных людей», попытка откупиться от народного суда:

«Мы должны вернуться с войны с чем-нибудь ясно говорящим всякому русскому сердцу и притом действительно важным для отечества, иначе эта чудовищная война родит внутри России не сплочение, а раздор».

Разъяснять важность предполагаемой военной добычи нужно было в других местах и перед другой аудиторией; здесь же недостаточно было выказать собственное понимание этой важности, но нужно было указать условия овладения этой добычей. Задача эта, как мы знаем, была гораздо менее благодарной, чем рассуждения о «евангельской жемчужине»: «потребные для константинопольской стратегической операции сухопутные силы, несомненно, будут даны не раньше, чем окончательно будет сломлена сила германской армии на главном театре войны». «Доведя свои стратегические операции на главном театре до этого момента («решительного разгрома Германии»), мы сможем приступить к осуществлению наступательной константинопольской операции, вернее, целой кампании». Не будет ли тогда поздно приниматься за это дело?.. Мысль эта является у автора, но он отделывается от нее со знакомой нам легкостью изобретения удобных гипотетических выходов из трудных положений: «имея в виду, что от прелиминарного с Германией мира до заключения общего мира в Европе пройдут месяцы, мы успеем достаточно подвинуть константинопольскую операцию раньше, чем европейский конгресс окончательно ликвидирует великую европейскую войну, что в данном случае нам и требуется достигнуть». Конечно, несравненно ближе к истине Нератов в том месте своей записки, где говорится, что «Франция и Англия, утомленные продолжительной войной, будут стремиться к заключению мира, как только обеспечены будут их собственные вожделения в борьбе с Германией, и смогут отнестись равнодушно к продолжению войны с Турцией». Но и «равнодушия», разумеется, у них хватило бы не надолго.

Приходится констатировать, что, рассуждая о всевозможных значениях Проливов, никто из военных знатоков этого вопроса не догадывался и не заикался в это время ни единым словом о значении Проливов для продолжения войны и о возможности попытки союзников открыть Проливы силою оружия. Но, ведь, наш автор 1/14 декабря 1914 г. считает, что «то напряжение борьбы, которое испытывает Германия (страна в своем целом), является уже предельным». Ему кажется, что «гениальная» стратегия союзников и «бездарная» стратегия Германии привели к тому, что силы противников разбро-

саны, несмотря на то, что он же заявляет, что Германия держится только тем, что воюет на территориях своих врагов.

Зато мы вновь узнаем, что константинопольская операция «в мирное время нами подготовлена не была», и предстоит еще только заняться этой подготовкой. Каким же временем располагает русское командование для этой подготовки? «Война с Германией вряд ли протянется больше двух лет», и «вряд ли меньше 4—6 месяцев», а так как подготовка операции потребует нескольких месяцев, то за нее необходимо приниматься немедленно.

Предварительно надо лишь установить, в какой форме и в каких пределах требуется установить господство России «в Константинополе, Босфоре, Дарданеллах и других, соприкасающихся с этим, районах».

«России необходимо занять в Проливах такое военное положение, при котором морской путь из Средиземного моря в Черное находился-бы под надлежащей охраной русского флота и русской крепости». Такой крепостью невозможно делать город Константинополь, и потому вопрос о нем, сам собою, отделяется от вопроса о Проливах. «Громадные интересы мирового значения с давних пор находят себе место и чрезвычайно сложно и тонко сплелись в Константинополе», «который все равно никогда и ни при каких условиях не станет городом какой-либо одной национальности». Одно из двух: «или власть (овладевшая Константинополем) не войдет в противоречивые столкновения с мировыми силами, но тогда она окажется такой же фиктивной, как и власть турецкого султана в Константинополе, или она станет со всеми или с некоторыми из них бороться, и тогда то государство, которое оно собою представляет, очень скоро окажется в тяжелых, острых и затяжных конфликтах со многими великими европейскими державами и, в конце концов, или будет вынуждено склониться перед волей европейской коалиции, или силою оружия будет принуждено отступить с «мировой» константинопольской позиции подобно тому, как на наших глазах к этому принуждается Турция. Очевидно, сознательный русский патриот не может желать своему отечеству ни фиктивного господства в Константинополе, ни конфликта с Европой и следовательно, очень должен призадуматься над формою осуществления русского господства в этом городе», который, «как город, нам совершенно не нужен, ибо не дает никакой реальной выгоды, а грозит крупнейшими политическими осложнениями».

Равным образом, обладание фракийским и малоазиатским побережьями Мраморного моря нам не нужно, а между тем грозит политическими трениями в области славяно-балканских отношений и лишними военными расходами.

Здесь у автора выпадает, по крайней мере, одно, но важнейшее логическое звено: все эти трения и столкновения из-за Константинополя и побережий Мраморного моря обусловлены, ведь, не чем иным, как положением их на Проливах; из этого следует, что овладение Проливами не может не вызвать все эти трения и столкновения. Рассуждая логически, необходимо заключить, что если, действительно, Россия овладела бы Проливами, то либо конкуренты заставили бы ее отступить с этой мировой позиции, либо — в случае неуспеха—сами отступились бы от тех придатков к этой позиции,

которые без нее не представляют никакого интереса, — кроме опять-таки значения опорных пунктов для оттеснения обладателя Проливов от обладания ими, т.-е. для продолжения борьбы за обладание ими. Поэтому все эти политические рассуждения совершенно бессодержательны и неубедительны; речь может итти лишь о том, полезно или бесполезно, со стратегической точки зрения, захват Проливов распространить на город Константинополь и берега Мраморного моря. Тем не менее, обманчивая осторожность составителя записки не менее поучительна, чем энергичное и последовательное стремление «утвердиться» и в Золотом Роге, и на Мраморном море, и на о. Лемносе, и даже в Смирне. Осторожность эта вызвана нескрываемым страхом перед неизбежными последствиями разрешения «исторических задач». Это — детское желание получить розу без шипов, ускользнуть, хотя бы в воображении, от роковых последствий осуществления стремления «лучших государственных людей», истинная политика страуса, прячущего голову, чтобы избежать опасности. Милюков хотел убедить союзников в том, что Константинополь и Проливы — конец, а не начало. Немитц не надеется на это; он не сомневается в неизбежности столкновений, — «и прежде всего с нашими союзниками», а, конечно, не с «Германией», как выкрикивал Е. Трубецкой, — но пытается обмануть себя и свое начальство фантазией, что спасительную «точку» можно поставить после Проливов, но *перед* Константинополем.

Столь же характерно рассуждение его об о. Лемносе. Он считает, что взять назад данное Греции обещание оставить за ней Лемнос—нельзя, так как это породит опять-таки «трение», а потому предлагает поставить точку и перед Лемносом, но в то же время находит стратегическую гарантию в оригинальнейшем (чтобы не сказать больше) проекте: лишить Грецию права иметь там военные флот, укрепления и базы, а России предоставить «любую бухту для устройства в ней своего военного порта». Поставленный против этого места вопросительный знак—вполне заслужен автором.

Избегая иностранного слова, Базили ясно говорил: это — империалистическая программа, программа российского империализма, — угодно принять ее? В таком случае принять ее приходится со всеми расходами, трениями и столкновениями, не останавливаясь на полдороге и рассчитывая только на то, что флот «первоклассной» державы, которая пойдет на перерез этой программе, будет занят в другом месте.

Но Немитц, как моряк, очевидно, плохо верит в благополучный исход таких превратностей союзнических отношений, и, как наши дипломаты искали часто решений своих задач в фантазиях на военные мотивы, так он спасается от известных ему по службе фактов в область политической фантастики.

Оговорившись для России монопольное право на военную базу на нейтрализованном греческом Лемносе, он отказывается от азиатского побережья Мраморного моря и Дарданелл на двояком основании: во-первых, «союзники нам его не предлагают» (здесь опять-таки резонный вопросительный знак против этих слов, подчеркнутых карандашом), во-вторых, эта полоса земли «не нужна», а для защиты ее требуется либо ряд крепостей.

либо большая армия. Эту полосу автор великодушно оставляет Турции, но лишает ее права возводить на ней военные сооружения «в мирное время». Как же турки будут защищать в военное время это азиатское побережье (в особенности, — Дарданелл) от перехода «в третьи и свободные руки»?..

Очевидно, защищать их придется во всяком случае русским, не имея ни крепостей, ни армии, без коих автор признает эту защиту невозможной.

Вопрос о европейском побережьи Мраморного моря автор решает так же, как и вопрос о Лемносе. Если даже «большие союзники» отдадут России Мраморное побережье, то его «Россия сама отдаст Болгарии», как Греции—Лемнос. Этим автор рассчитывает снискать симпатии Болгарии и Греции, бессознательно доказывая, что оба эти подарка, на его условиях, им не нужны, совершенно неубедительно заявляя, что для обороны морского торгового пути из Черного моря в Средиземное они не нужны, и сочиняя фантастический проект экономии денежных средств, примирения всех интересов и обеспеченного монопольного обладания этим путем.

Вслед за тем дается решение о городе Константинополе, при чем оказывается, что средством обойти связанные с обладанием им трудности является назначение в него не губернатора, а наместника («*консула*»?..), с объявлением города «вольным» городом и предоставлением «Европе» организовать в нем городское самоуправление и, наконец, с оставлением «в полном обладании России» господствующих пунктов как в самом городе, так и на побережьи... Политическая ценность этого проекта очевидна без всяких пояснений, что же касается стратегической идеи автора, то не удивительно, что она не нашла нигде последователей: ни в России, ни у ее «больших союзников», когда они гарантировали для себя самих пользование этим морским путем.

За экскурсом начальника 2-ой оперативной части морского генерального штаба в область высшей политики следует опыт решения стратегической проблемы овладения Проливами тов. министра иностранных дел А. А. Нератова.

Отчаявшись в способах достижения Константинополя с моря, Нератов предлагает новую идею—сухопутный поход через Румынию. Оставляя совершенно открытым вопрос о том, что будет после выхода русских войск из пределов Румынии, он ограничивается определением условий, на которых Румыния согласилась бы пропустить эти войска. Болгарии, впрочем, он имел в виду предложить Добруджу и часть Македонии (за счет неуступчивой Сербии).

Как известно, сделка с Болгарией оказалась неосуществимой, и — России пришлось посылать войска в Румынию не для завоевания Константинополя, а для защиты самой Румынии, — задача, как обнаружилось, не оставлявшая времени и места для практической разработки планов продвижения по старым путям русских войск к Константинополю.

В это время со стороны Франции и Англии, как отмечает Нератов, была уже выражена готовность пойти навстречу желаниям России. Однако, когда началась дарданелльская операция, беспокойство на верхах правящих кругов России достигло максимального предела: перспектива успеха этой опера-

ции здесь рассматривалась, как величайшая опасность. Занятия Проливов союзниками, без участия русских войск, боялись гораздо больше, чем неуспеха этой операции: «завладение Проливами без нас было бы прямо пагубно», — телеграфирует Сазонову «специализировавшийся» на вопросе о Проливах посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой, — «и в этом случае Константинополь стал бы в будущем могилою нынешнего нашего союза». Но даже и «одно участие их (союзников) с нами в этом деле является прискорбным, ибо создает им опасные для нас права в конечном решении вопроса». Без околичностей дипломат этот заявляет, что предпочтительнее остаться при прежнем положении, т.-е. «при слабых турках», чем допустить участие наших союзников в контроле над Дарданеллами. Нейтрализация их—«начало конца» союзных отношений России с Англией и Францией, и наименее плохим решением, если невозможно осуществление программы-максимум (т.-е. полное и исключительное присоединение района Проливов к России) было бы «оставление на Проливах Турции, с установлением нашего военно-морского контроля на Проливах» и с приведением Турции... «к положению Бухары»...

Здесь мы наблюдаем хорошо знакомое нам явление, хотя и непостижимое с точки зрения общечеловеческой логики: Турция, «низведенная до положения Бухары», противополагается программе-максимум русского империализма, как нечто вполне приемлемое для тех же самых союзников, которые угрожают сделать Константинополь могилой своих союзных отношений с Россией. Трубецкой высказывает уверенность, что такая комбинация «оградила бы финансовые и экономические интересы союзников, не встречая, вероятно, непреодолимых препон в их общественном мнении», и даже предлагает начать немедленно исчерпывающий обмен мнений в этом направлении, чтобы «предотвратить самые опасные осложнения в будущем» [1]).

В своем письме Сазонову от 24 февраля (9 марта) 1915 г. тот же дипломат выразительно характеризует безвыходное положение, из которого «пленная мысль» внутренне бессильного — и сознающего свое бессилие — русского империализма ищет исхода в попытках на бумаге примирить непримиримые противоречия и сделать невозможное возможным. Он предвидит, что «вся Россия потребует отчета в том, за что проливается кровь наших близких», и для этого отчета, по его мнению, требуется в будущем действительное и полное завладение Проливами, а пока—уверенность в достижении его, которой ему не дают ни «уклончивые» заявления Грэя, ни рассуждения английской и французской прессы «о равенстве интересов и прав великих и малых держав в Проливах» [2]). Дело не в том, что этот дипломат «посту-

---

[1]) Телеграмма Трубецкого Сазонову от 13/26 февраля 1915 г.

[2]) Интересный документ, доставленный министру иностранных дел военной цензурой, фигурирует в деле мин. ин. дел под названием: «Выписка из письма князя Е. Трубецкого, Москва, от 18 марта 1915 г., к Павлу Николаевичу Милюкову в Петроград, Бассейная, 60»: «Не согласитесь ли Вы принять участие в политическом собрании нашего общества в Москве по вопросу о Проливах... Думаем, ради внепартийного характера митинга, пригласить кого-либо из приличных правых (например, графа Д. А. Олсуфьева). В заключение — резолюция, категорически

пил на службу и все время служил только с этой одной мыслью о том, что Проливы должны быть наши»,—каким бы чувством гордости это его ни переполнило,—а в том, что приспела минута, когда за эту мысль приходилось ухватиться всем служившим царской власти, как за единственный способ отчитаться перед «всей Россией» за пролитую и проливаемую кровь. В телеграмме стокгольмского посланника Неклюдова от 3/16 сентября 1915 г. звучит та же паническая нота: «после громадных жертв нынешней войны не только наши образованные слои, но и весь народ русский будет ожидать великого вознаграждения. А таковым, ощутительным и всякому понятным, может явиться лишь обладание Константинополем и Проливами». Неклюдов не договаривает того, что ясно само собою: если не Константинополь и Проливы, то неизбежно «требование отчета» и великого «вознаграждения» дома. Во избежание этого, необходимо, прежде всего отказаться от компромиссного мира с Турцией, — хотя бы он и сокращал «жертвы войны». Константинополь и Проливы — уже вопрос жизни и смерти для тех, кто будет вынужден «отчитываться». Сазонову приходилось успокаивать тревогу, без сомнения, не только Неклюдова и Трубецкого, но и всех «лучших людей», в том числе и свою собственную.

Сторонником сепаратного мира с Турцией заявил себя ген. Алексеев [1]), по мнению которого необходимо было получить возможность перебросить кавказскую армию против Германии, ибо все усилия, все пополнения последней «направлены на нас, и мы уже сплошь 5 месяцев выдерживаем всю тяжесть войны». Эта тяжесть перекладывается на плечи России как французской, так и итальянской системой ведения войны. При таких условиях можно заключать какие угодно соглашения о Константинополе и Проливах, но военное положение не дает никаких оснований для веры в их осуществление, и «скептицизм Алексеева относительно возможности завладения нами Константинополем» устанавливается Кудашевым с полной неопровержимостью.

Эта важнейшая сторона дела выясняется из писем кн. Кудашева, включаемых нами во второй том нашего издания, как имеющих непосредственное отношение к военным действиям. Из них мы узнаем, что 10 января 1915 г. вел кн. Николай Николаевич объяснил (письменно и устно) генер. Вильямсу, прибывшему в Ставку для переговоров о совместном осуществлении английского плана дарданелльской операции, что «мы рады были бы оказать союзному флоту содействие, но обещать его не можем ни флотом, ни сухопутными войсками». Данилов «высказался подробнее и определеннее»: положение на Кавказе «прекрасно, но не прочно»; «месяца через 1½-2 наша кавказская армия [2]) будет в том же критическом положении, в котором она

требующая присоединения Проливов к России. Думается, что такое собрание теперь весьма желательно, так как определенные требования общественного мнения необходимы и правительству, которое вынуждено опереться на них при переговорах с союзниками».

[1]) Письмо Кудашева от 10/23 сентября 1915 г.

[2]) В виду стягивания турками подкреплений, ранее предназначавшихся против англичан в Месопотамии.

находилась до наших побед»; необходимо «предупредить катастрофу на Кавказе».

В успех английского предприятия ген. Данилов, впрочем, «безусловно не верит». Определение вел. князем десантного минимума в 2 корпуса заставило его только «усмехнуться». Он уверен, что «никакой десант, который англичане могли бы выслать, не в состоянии одолеть турецкую армию, которая не отдаст без боя столицу». Поэтому он не разделяет страхов, что добыча ускользнет в другие руки, высказываемых Сазоновым. Наконец, «*он самым внушительным образом пояснил: завоевание Босфора потребует отдельной войны, а будет-ли Россия способна вести эту отдельную войну и захочет-ли, в этом он глубоко сомневается*» [1]). Тот же Кудашев пишет Сазонову из Ставки 1 февраля 1915 г., — в момент, когда в Восточной Пруссии «мы вдруг все бросили и стремительно удираем», и автору письма непонятно, «зачем же было огород городить», — что царь «признает только одно решение этого вопроса (о Проливах): присоединение обоих Проливов... Но он (это «он» в письме Кудашева одинаково относится к царю и к Янушкевичу), заблуждается, если думает, что такой крупный вопрос может быть решен одной только силою. Дай только бог, чтобы была сила».

10 февраля, сообщая о результатах совещания в Ставке Данилова и Ненюкова, Кудашев повторяет: «никакой десантной операции мы и ныне (после аварии «Гебена») не в состоянии сделать на Босфоре, даже если бы там появились наш и союзные флоты. Я не говорю, конечно,—добавляет он,—о симулированной посадке на транспорты ополченцев, проектируемой адм. Эбергардом». Даже в случае прорыва Проливов, «Константинополь будет, правда, под выстрелами трех эскадр, но завладеть им ни мы, ни союзники наши не будем в состоянии. Наступит момент, когда надо будет использовать то, несомненно, большое нравственное впечатление, которое произведет появление военных судов союзников у стен Константиноопля. Сделать это придется спешно, *пока не обнаружится наше бессилие завладеть берегами Босфора и городом*. Я не сомневаюсь в том, что наши союзники, памятуя свои обещания, тут же предложат нам осуществить наши намерения на Босфоре. Но так как *мы не сможем этого сделать*, а использовать успех, который будет добыт Англией и Францией, вероятно, с большими жертвами, можно будет с тем большею выгодою, чем скорее будут предприняты последующие действия, то самым естественным домогательством наших союзников явится заключение мира с Турцией, с приобретением соответственных, экономических и иных, выгод, упразднением германского влияния и т. д. Между тем, какими бы жертвами для Турции этот мир ни был обусловлен, совершенно ясно, что пожертвовать своею столицею, содержащей многочисленные мусульманские святыни, турки под одним давлением флота никогда не захотят и не смогут. Таким образом, *разрешения вопроса о Проливах «в согласии с нашими интересами»* (кавычки подлинника), как понимаем это разрешение все мы, дорожащие историческими заветами нашей родины, *не последует.*

---

[1]) Письмо кн. Кудашева, начальника дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего, Сазонову от 12/25 января 1915 г.

С этим неумолимым фактом надо не только считаться, но, по моему глубокому убеждению, *надо с ним примириться, подготовляя к нему постепенно и наше общественное мнение.* Ничто так не опасно, как закрывать глаза перед действительностью и обольщать себя неосуществимыми мечтаниями, как-бы дороги они ни были для нас. *Завладение же нами Константинополем не только теперь, когда столько внешних обстоятельств для нас сложилось благоприятно, но и на долгое время останется мечтою, так как оно не соответствует ни нашей нравственной, ни нашей военной мощи.* Высказываясь так определенно в вопросе, в котором мое чувство расходится с выводами рассудка, которому, однако, в политике всегда следует давать предпочтение, прошу Вас верить, что я не делаю это под тяжелым впечатлением неблагоприятных вестей, получаемых за последнее время с театра войны, а на основании прочно создавшегося у меня убеждения».

Однако, считаться с выводами рассудка, т.-е., проще говоря, думать, а еще более—открыто высказывать выводы рассудка, когда они расходились с видами начальства, было нелегко. Сверх того, думающие люди не могли не понимать и того, что отказаться от «мечты» значит признать открыто перед Россией, что вся внешняя политика романовской монархии — грандиозный обман, прикрывающий этой «мечтой» внутреннее банкротство и полное порабощение России интересам «больших союзников». Понятно поэтому, что вслед за этим письмом Кудашев — на другой же день — спешит послать второе, в котором сообщает Сазонову, что «ген. Данилов вдруг находит возможным» отправить *один* кавказский корпус к Босфору «на случай удачи прорыва Проливов». «Если это верно, то, конечно, картина может измениться, и затруднительность нашего положения ко времени подхода эскадры к Константинополю несколько уменьшится». «Но, — продолжает с мужеством Галилея «думающий» человек, — сущности разрешения вопроса о Проливах посылка этого корпуса не изменит и не поколеблет моего убеждения в том, что мы ни духовно, ни материально не подготовлены к завладению Проливами. Когда я говорю «духовно», или нравственно, неготовы, то я разумею следующее: утвердиться в Константинополе, как некие крестоносцы, для провозглашения торжества православия, *совершенно немыслимо,* в виду наших славянских симпатий и течений, антипатии к грекам, да и едва ли достаточного авторитета морального нашей церковной иерархии в глазах греческих иерархов. Взять же на себя роль, которую Англия так блестяще выполнила в Египте, *нам совершенно не по силам».*

«Что же случилось бы, если бы мы волею судеб завладели Константинополем, Проливами и проч?.. — *Между прочим, мы восстановили бы применением наших отсталых методов управления и особенно взглядами на инородцев, все местное население,* да, кроме того, и *Болгарию, и Грецию,* имеющих определенные взгляды на Проливы и особенно на Константинополь, и *Румынию,* которую мы стараемся вовлечь в свою орбиту»...

Автор письма сказал здесь лишь небольшую часть того, что мог бы сказать в обоснование развившегося у него самого скептицизма. Напомним, что перед войной единственным, насколько известно, русским дипломатом, систематически и совершенно безрезультатно развивавшим взгляд на идею

завладения Константинополем и Проливами, как на крайне опасную и безнадежную иллюзию, был бар. Розен. На его «чудачество» не обращали никакого внимания до того времени, когда полностью обнаружился политический баланс войны для романовской монархии. Тогда Николай II через «верного слугу» (гр. Фредерикса) попытался было заставить Сазонова выслушать аргументацию Розена, клонившуюся к отказу от «победного конца» войны (нужного только Франции и Англии, а никак не России, по мнению Розена) и выходу из нее России, в случае необходимости, даже наперекор воле ее союзников. Это была другая иллюзия, — что судьбу монархии и династии можно было еще спасти общим или сепаратным миром, — которой Сазонов, видимо, не разделял, и которой он противопоставлял свое, поражавшее старых бюрократов, по рассказу Розена, легкомыслием и вздорностью, убеждение, что он призван наградить Россию (и возвеличить неблагодарного и малодушного императора) Константинополем, Проливами, со всеми побережьями и островами, отчеркнутыми на карте, висевшей в его кабинете...

Кавказский корпус, действительно, переведен был в Одессу, но его пришлось, при попытке спастись от необходимости очистить Перемышль и Львов, перебросить не на Босфор, а к Львову. Сообщая об этом 1 мая 1915 г., Кудашев утешает Сазонова тем, что в Одессу прибывают другие войска, «так что обещанный нами англичанам корпус для десанта всегда был и будет наготове, когда потребуется».

В сентябре Кудашев отмечает, как мы видели, «скептицизм» Алексеева, а в октябре пишет: «Положение, созданное решением Болгарии присоединиться к нашим врагам, считается ген. Алексеевым настолько серьезным, что он мне категорически заявил, что мы из него не выйдем, если не заключим мира с Турцией. На мое замечание, — продолжает Кудашев [1]), — что такой мир, даже если бы его удалось заключить (к чему имеются почти непреодолимые технические трудности), обозначал бы крушение всех наших надежд на разрешение *больного* константинопольского вопроса, ген. Алексеев ответил: «Что же делать? С необходимым приходится мириться».

Как мы видим, вопрос теперь уже первым военным авторитетом ставился так: либо отказ от надежд на Проливы и Константинополь и мир с Турцией, либо отказ от надежд на улучшение военного положения и на благоприятный исход войны для России.

Из дальнейшего разговора с Алексеевым, Кудашев получил следующие пояснения:

С установлением связи между Германией и Турцией (прорыв Сербии) положение станет совершенно безнадежным. «Мы и теперь не можем справиться с Германией,—что же будет, когда ее рессурсы увеличатся?» Очевидно, новые рессурсы нужны и России, а взять их можно только освобождением кавказской армии (а у союзников — их галлиполийского десанта) и открытием морского пути через Проливы для подвоза боевых снаряжений и для вывоза хлеба, т.-е. для облегчения экономического и финансового положения. И только тогда «создастся положение, при котором разумно можно будет

---

[1]) Письмо Сазонову от 8/21 октября 1915 г.

рассчитывать на достижение цели войны: изгнания врага из наших пределов и сокрушения опасной для нашего существования военной мощи Германии. *Преследовать иные цели значит гоняться за миражем»...* [1]).

Далее Кудашев пишет, что он просил Алексеева лично ознакомить Сазонова с этим пониманием целей войны, и Алексеев, согласившись на это, поручил ему, Кудашеву, составить в этом смысле письмо и дать его Алексееву на подпись. Но три раза Кудашев спрашивал Алексеева, прочел ли он данный ему проект этого письма, и неизменно получал в ответ отговорку на отсутствие свободного времени. Очевидно, письмо это так и не было подписано и послано, под тем же предлогом и, надо думать, не из-за тех «господствующих в министерстве иностранных дел настроений», которые побуждали Кудашева, по его словам, не поднимать самому этого вопроса, а лишь слушать Алексеева. Можно думать, что Алексеев понимал, что отказ от «миража», — если бы он и привел к миру с Турцией, — затрудняет, даже делает невозможным, продолжение войны с Германией. Отсюда и его горячее желание заменить письмо «устной беседой с Сазоновым по всем вопросам». Сам же Кудашев, уступая «господствующему в министерстве настроению», предлагает компромисс между «скептицизмом» Ставки и оптимизмом министерства: если бы прорыв Проливов даже удался союзникам, заключить все-таки мир с турками на основе «сохранения за ними их столицы и какой-нибудь (!) русско-французско-английской опеки, обеспечивающей нам свободное пользование Проливами. При установлении гарантий свободного по ним судоходства, Англию и даже Румынию можно было бы привлечь к такому решению вопроса».

Из документов, относящихся к переговорам между союзниками об опубликовании соглашения о Константинополе, мы увидим, какую эволюцию проделала Англия, (т.-е. ее правительство и «общественное мнение») в «больном вопросе» о наследстве «больного человека» за один 1915 год. Сомнения и «скептицизм», колебания и попытки к отступлению от целей войны становились, конечно, им известны. Важнейшей задачей англо-французской дипломатии стало подхлестывать российскую «серую скотинку», при помощи русских «патриотических кругов». Поэтому до возникновения взглядов, характеризуемых письмами Кудашева, Англия, хотя уже и «подписала векселя» на Константинополь, под всевозможными предлогами оттягивала опубликование этого соглашения, — когда же в русских правящих кругах определилось настроение, отмеченное союзниками, как склонность к сепаратному миру, Англия, напротив, стала энергично добиваться опубликования этого соглашения, тем энергичнее, чем уклончивее становилась позиция царского правительства после отставки Сазонова.

Мы пока еще находимся на грани этих двух эпох. В правящей, официальной России господствует еще единство взглядов: трещина только что и еще совершенно незаметным образом расколола это единство. Царь «не допускает» иного решения «больного» вопроса, кроме наиболее радикального. С другой стороны, алексеевская идея сепаратного мира с Турцией, опирав-

---

[1]) Выразительное многоточие это поставлено Кудашевым.

шаяся, — как мы увидим из соответствующей группы документов, — на некоторые выступления турецких, оппозиционных правительству, кругов, потеряла практическое значение после обозначившегося крушения дарданелльской авантюры. 18/31 октября Кудашев писал Сазонову: «О сепаратном мире с Турцией Алексеев больше со мною не говорил. Я думаю, что он убедился в невозможности такого мира теперь».

Однако, взятие Эрзерума внезапно ставит на очередь опять вопрос об этом мире, и Алексеев 4/17 марта 1916 г. приглашает Кудашева обсудить с ним вопрос, каким образом использовать этот неожиданный успех, и затем поручает ему передать Сазонову следующие соображения по этому вопросу:

«Каковы бы ни были наши надежды и расчеты на использование вмешательства в войну Турции, чтобы вознаградить себя за ее счет при заключении мира, *мы должны признать, что эти расчеты не оправдались и едва ли могут оправдаться в течение этой войны. Чем дольше длится она, тем труднее для нас какие-либо новые особые предприятия после ее окончания.* Завладение Проливами, несомненно, явится таким новым *особым* [1]) предприятием. В этом вопросе мнения генералов Данилова и Алексеева вполне сходятся... Для нас важно достижение главной цели, а главной целью должна быть победа над главным неприятелем, над тем, от которого зависит восстановление нашей государственной границы, возвращение утраченной территории. Главный наш противник — Германия, и так как несомненно, что для нас несравненно важнее вернуть, например, Курляндию, нежели приобрести Проливы, то первым и главным делом должно быть сокрушение Германии. Задача эта настолько трудная, что для ее выполнения требуются все усилия и все жертвы. Одною из таких жертв должен быть отказ от некоторых наших надежд. Что же нам может дать сепаратный мир с Турцией? Предложить ей таковой мы могли бы без ущерба для наших реальных интересов (и лишь откладывая на новый срок завладение Проливами) на основании status quo ante bellum, с восстановлением капитуляций и всех прочих наших договорных прав. При этом пришлось бы потребовать удаления германцев, взамен чего обещать защитить Турцию от Германии...»

Мир с Турцией дал бы для борьбы с Германией победоносную кавказскую армию и английские войска из Египта; он «перевернет все на Балканах в нашу сторону, даст нам соприкосновение с союзниками... Словом, благоприятные последствия мира с Турцией неисчислимы... Придется пожертвовать некоторыми прекрасными мечтами. Но никто не помешает нам продолжать лелеять эти мечты в будущем и для будущего... Если победою над Германией мы достигнем положения, похожего на то, которое мы имели после наполеоновских войн, то почему бы впоследствии не повториться и серии славных договоров: Адрианопольского, Ункиар-Искелессийского и проч., которые, надо надеяться, будут заключаться так, чтобы не сталкивать нас снова с западными державами, но разумно удовлетворять действительные нужды России».

Здесь Кудашев сознается, что «немного переплел мысли ген. Алексеева с собственными» и добавляет: «хотя ген. Алексеев настойчиво заявляет, что

---

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

отнюдь не желает выступать поборником и инициатором идеи мира с Турцией, в глубине души я убежден, он считает такой мир наиболее выгодным для нас делом». Конечно, и Алексеев, и он, Кудашев, всецело разделяют «те чувства по отношению к Константинополю, которыми вдохновлены все русские», а также веру в «историческое призвание России» (он сам берет эти слова в кавычки), но они «подчиняют чувство выводам рассудка», так как нельзя «спасать Россию от германской гегемонии, отвоевывать балтийское побережье и русские земли и одновременно приобретать Константинополь»...

После этого кн. Кудашев сходит со сцены, уступая место более гибкому и «тактичному» Н. А. Базили [1]), а Алексеев следует своему благоразумному желанию не выступать инициатором идеи мира с Турцией. Одновременное спасение России от германской гегемонии, отвоевывание балтийского побережья и западных областей и «приобретение Константинополя» продолжается.

VII. Переговоры между Россией, Англией и Францией.

I. Признание Англией притязаний царского правительства на Константинополь и Проливы.

Если верить бойкому перу Палеолога, еще в середине августа в Лондоне и в Париже была вызвана тревога слухами о намерении России начать военные действия против Турции. По этому поводу Палеолог, по его словам, настаивал на том, что «даже в случае нашей победы, Россия не заявит никакого притязания территориального или политического характера по отношению к Турции,—Вы, ведь, знаете, что полная самостоятельность Турции— один из руководящих принципов французской дипломатии», — на что Сазонов, как ученик, повторяющий слова учителя, ответил:

«Даже, если мы победим, мы будем уважать независимость и неприкосновенность Турции, — лишь бы она осталась нейтральной. Мы потребуем, — добавил он, однако, — самое большее, установления нового режима Проливов, одинакового для всех прибрежных государств Черного моря — России, Турции, Болгарии и Румынии».

По поводу манифеста о войне с Турцией, 2 ноября, Палеолог обратился за разъяснением слов об открытии «пути к разрешению исторических задач на берегах Черного моря» к Сазонову. Последний объяснил:

— «Нам нужно получить прочные гарантии на Босфоре. Что касается Константинополя, то я лично не желал бы изгнания из него турок. Я ограничился бы тем, что оставил бы им старый византийский город. Но не более» [2]).

Наконец, 21 ноября Николай II пригласил Палеолога в Царское для неофициальной беседы об условиях мира, разумеется, победного. Выразивши заранее согласие на все, что потребуют для себя Франция и Англия, царь

---

[1]) А затем специалисту «больного» вопроса — кн. Г. Н. Трубецкому.

[2]) В русском издании: М. Палеолог, «Царская Россия во время мировой войны», 1923, стр. 105 и 164.

определил следующим образом свою собственную программу: присоединение Восточной Пруссии (до Вислы, но, может быть, и в меньшей части), соединение Познани и части Силезии с «автономной» Польшей, присоединение Галиции и северной Буковины (до Карпат) и Армении (условно, «по особой просьбе армян»), и наконец, «свободный выход через Проливы» Турки должны быть изгнаны из Европы, Константинополь должен превратиться в нейтрализованный город, под международным управлением, линия Энос-Мидия будет границей между Болгарией и Россией [1]).

Однако, 1 марта 1915 г. Сазонов, «призывая» Бьюкенена и Палеолога «в свидетели» волнения, вызываемого «во всех слоях русского народа» вопросом о Константинополе, говорил, под впечатлением дарданелльской экспедиции:

«Несколько недель назад я еще мог думать, что открытие Проливов не предполагает неизбежным образом окончательного занятия Константинополя. Теперь я вынужден констатировать, что вся страна требует этого радикального решения... До сих пор сэр Эдуард Грэй ограничивался заявлением, что вопрос о Проливах должен решиться сообразно желаниям России. Пришло время говорить яснее... Англия и Франция должны громко заявить, что они согласятся при заключении мира на присоединение Константинополя к России».

3 марта, при приеме ген. По, и царь «с серьезным видом» заговорил à part с Палеологом:

— «Я не признаю за собою права налагать на мой народ ужасные жертвы, требуемые этой войной, не давая ему в награду осуществления его вековой мечты. Поэтому мое решение принято, г. посол. Я радикально разрешу проблему Константинополя и Проливов. Решение, на которое я Вам указывал в ноябре, — единственно возможное и осуществимое: город Константинополь и южная Фракия [2]) должны быть присоединены к моей империи. Впрочем, я допущу для управления городом особый режим, с принятием во внимание иностранных интересов» [3]).

Обратимся к нашим документам.

Хронологически наиболее ранний из этой серии—телеграмма Палеолога в Бордо Делькассэ, от 14 сентября 1914 г., передает 13 пунктов будущего устройства Европы, изложенные Сазоновым в «интимной» беседе с Палеологом и Бьюкененом. Здесь мы находим и Ганноверское королевство, но, зато, ни малейшего упоминания о Проливах. России «отписываются» нижнее течение Немана и Восточная Галиция, а через «воссозданную» Польшу—Восточная Познань, часть Силезии и часть Западной Галиции.

---

[1]) Наши документы, как читатель убедится, удостоверяют правильность записи этого разговора, вплоть до дикой идеи восстановления «маленького» Ганноверского королевства. Ср. Палеолог, глава VIII, — Мысли императора о будущем мире.

[2]) Палеолог с полным равнодушием к географии употребляет в этом случае слова то «южная», то «северная» Фракия.

[3]) Там же, глава XV, стр. 221.—Беглые замечания Бьюкенена,—«My Mission», t. I, ch. XVII,—совпадают с рассказом Палеолога.

Через две недели—26 сентября—Палеолог телеграфирует своему министру, что накануне к нему явился Кривошеин (по выражению посла, — «истинный председатель совета министров»), чтобы изложить свои взгляды по тому же вопросу: повторивши 13 пунктов Сазонова, Кривошеин заявил, что Проливы должны быть свободны или открыты (слово это осталось не расшифрованным, но смысл ясен), *«турки же должны уйти в Азию, и Константинополь должен стать нейтральным городом, с режимом, аналогичным режиму Танжера»*.

Палеолог ограничился ссылкой на неизбежное сопротивление Англии и поинтересовался, знает ли царь мнение Кривошеина. Получивши утвердительный ответ, он затем сообщил об этой беседе Сазонову, в присутствии Бьюкенена; последний *подтвердил предположение Палеолога*. Последовало разъяснение Сазонова; Сазонов «не вполне согласен с г. Кривошеиным, но думает, как и он, что в момент мира мы должны обеспечить себе навсегда свободный проход через Проливы». И «весьма решительным тоном» он продолжал: «Турки должны остаться в Константинополе и окрестностях. Что касается свободы Проливов, то она должна быть нам гарантирована тремя условиями: 1) никакие укрепления не будут возводиться на берегах Дарданелл, 2) комиссия, располагающая морской силой, будет осуществлять полицейский надзор в Дарданеллах и Мраморном море, 3) Россия будет иметь при входе во внутреннюю часть Босфора, например, в Буюкдере... [1]) станцию».

У обоих послов осталось впечатление, что это — «не проект, а решение». Этим разъясняется до конца смысл переговоров о гарантии *территориальной* неприкосновенности Турции взамен ее нейтралитета: интернационализация Проливов (с русской станцией в Босфоре), очевидно, должна была быть по окончании войны предъявлена, в качестве обстоятельства, не нарушающего территориальной неприкосновенности Турции. Эта же самая интернационализация Проливов очень скоро после этого была признана худшим из решений вопроса о Проливах; сторонников ее в России, как мы видели, и до этого почти не было, — существующее положение признавалось во всех отношениях более выгодным. Внезапное принятие этого решения объясняется, очевидно, полнейшей растерянностью, неизменно наступавшей, когда надо было остановиться на определенном, ясном решении.

Могли ли «сильные возражения со стороны Англии», о которых говорил Кривошеину Палеолог, а Сазонову—Бьюкенен, отразиться «превентивно» на загадочной истории благополучного ухода, под «контролем» английских судов, «Гебена» и «Бреслау» в Константинополь? Турецкий посол в Берлине в телеграмме от 17 октября своему правительству убежденно говорит о «макиавелизме» Foreign Office, лишившем этим способом всякого значения предположения русского морского штаба, согласованные с английским правительством (при переговорах об англо-русской морской конвенции в мае 1914 г.) об операциях в Проливах. Мы можем лишь зарегистрировать это мнение, в связи с выясняющейся сложной политической конъюнктурой, и с

---

[1]) Нерасшифрованное здесь слово может быть «морская» или «угольная».

оговоркой, что шифрованная телеграмма Мухтар-паши могла быть рассчитана на передачу русскому правительству.

Во всяком случае, подозрения турецких государственных деятелей, признанные, впрочем, основательными после объявления войны и русскими официальными изданиями [1]), имели под собою, как мы видим, твердую почву.

Вступление Турции в войну упростило положение. Бьюкенен в первую же минуту отметил, что война с Турцией «должна быть встречена сочувственно широкими кругами русского общества, убежденными, что Россия из войны с Германией и Австрией не извлечет никаких значительных выгод». Эти «широкие круги», тяготевшие к великодержавному национал-либерализму, стремившемуся через войну взять власть в свои руки, нашли теперь точку приложения для своей либерально-патриотической агитации и пропаганды. Правительство, начавшее войну с Германией в убеждении, что уступка в австро-сербском конфликте означала бы, по меньшей мере, дворцовый переворот, — это правительство, возложившее на Россию бремя войны с единственной целью спасения короны Николая II, теперь получило возможность предъявить «русскую» цель войны и собственную «национальную» политику. Это положение русского правительства, как мы видим, сразу же было учтено союзной дипломатией, и английское правительство не могло не видеть, что оппозиция русским пожеланиям в отношении Проливов и Константинополя сделала бы невозможным для русского правительства продолжать войну [2]).

9 ноября Грэй в разговоре, имевшем целью побудить русское правительство отказаться от военных операций на персидской территории, сказал Бенкендорфу «историческую» фразу: «Если Германия будет раздавлена, судьба Проливов и Константинополя не может быть решена на этот раз иначе, как сообразно с русскими интересами». Грэй с величайшей осторожностью действовал в этом вопросе, имея в виду, можно думать, не только оппозицию в британских правящих кругах этой уступке, но и повышение цены этой уступки в глазах царского правительства. За эту уступку нужно было выторговать, по крайней мере, свободу действий в Египте и в «нейтральной» зоне Персии. Поэтому Грэй не поручил Бьюкенену сообщить Сазонову столь приятную новость, а лишь «намекнул ему, хотя и не в такой ясной форме»...

Этот стимул к продолжению Россией войны до победы и до собственного истощения делается предметом неусыпного внимания английской дипло-

---

[1]) Об этом см. «Раздел Аз. Турции», стр. 55, «Морской Сборник» 1914 г., № 11, стр. 258.

[2]) Согласие Англии и Франции на эти пожелания и Розен считает «соглашением, которое только вульгарное невежество может принять за что-либо иное, кроме обманчивой приманки, имевшей целью дать русской дипломатии возможность предъявить русскому народу видимость оправдания того, что она втянула Россию в катастрофическую войну, — приманкой, не сопряженной с риском, потому что осуществление этого соглашения было более, чем сомнительно». «Forty years of Diplomacy», vol. II, p. 102.

матии: 10 ноября Бьюкенен напоминает, что и острова Имброс и Тенедос входят в сферу Проливов, и вопрос о них не может решаться без согласия русского правительства, и 12 ноября это подтверждается меморандумом, врученным Сазонову Бьюкененом. 13 ноября король «неожиданно заявил» Бенкендорфу: «что касается Константинополя, то ясно, что он должен быть вашим». Наконец, 14 ноября, — *в связи с тем же вопросом об отказе России от операции на персидской территории,* чрезвычайно волновавшим английское правительство по той понятной причине, что операции с этой стороны против Турции имели более всего шансов на успех и угрожали распространиться на Месопотамию, — Сазонову вручается меморандум английского посольства, кончавшийся словами:

«Но сколько бы Россия и Великобритания ни ограничивались в своих действиях против Турции обороной вплоть до благоприятного исхода борьбы с Германией, — *от которого зависит все остальное,* — сэр Эд. Грэй полагает, что поведение турецкого правительства сделало неизбежным решение турецкого вопроса во всем его объеме, включая вопрос о Проливах и Константинополе, в согласии с Россией. Разрешение этого вопроса, конечно, будет достигнуто *после германского поражения,* независимо от того, будет ли фактически низвергнута в ходе ныне осуществляемых военных операций турецкая государственность».

Мы подчеркнули слова, устанавливающие не только подчинение русских военных операций главной союзнической цели—разгрому Германии, но полную обусловленность этим разгромом Германии «решения турецкого вопроса во *всем его объеме,* в согласии с Россией». Меморандум этот является, таким образом, первым основным документом военного времени в деле «найма» России для продолжения войны [1]). Ответ Сазонова (16 ноября) гласил:

«Благоволите выразить сэру Эд. Грэю искреннюю мою признательность за сделанное Вам [2]) заявление, что, *в случае поражения* Германии, вопрос о судьбе Проливов и Константинополя не может быть разрешен иначе, как согласно нашим пожеланиям». Таким образом, условия «найма» были приняты. Если бы война, — каких бы жертв она ни потребовала от России, — окончилась не поражением Германии, а хотя бы компромиссным миром, никаких обязательств перед Россией Англия не сохраняла. Однако, в дополнение к обеспечению русской помощи, английское правительство немедленно же потребовало вполне реального вознаграждения для себя за свое совершенно условное согласие «вознаградить» в будущем Россию. Не дожидаясь поражения Германии, оно тут же (18 ноября) заявило памятной запиской Бьюкенена Сазонову «о намерении Англии аннексировать Египет, так как при создавшемся положении только эта аннексия может обеспечить английские

---

[1]) Ср. шифрованную телеграмму Диаманди от 28 февр. 1915 г.: «один из дружественных нам послов доверительно сообщил мне, что английское правительство намерено обусловить торжество русской точки зрения по вопросу о Проливах усилиями этой последней державы в войне».

[2]) Бенкендорфу.

интересы». Сазонов ответил, что «не встречает вообще препятствий к осуществлению означенного намерения; теперь же, в виду согласия Англии на разрешение вопроса о Проливах и Константинополе, я с особенным удовольствием заявляю о согласии императорского правительства на предположенное присоединение Англией Египта». На проекте этой телеграммы Николай II расписался словом: «Отлично». Повидимому, он полагал, что этим половина дела сделана: раз Англия взяла «авансом» Египет, значит, сделка имеет серьезный, деловой характер... Между тем, предшествующие переговоры о соблюдении нейтралитета персидской территории (при которых для Бенкендорфа, окончательно надевшего английскую ливрею, «становилось все более и более очевидным, что принципом, лежащим в основе политической гармонии между тремя союзными державами Согласия, является охрана неприкосновенности и нейтралитета держав второго ранга»...) велись Грэем на основе настойчивых заявлений, что факт нарушения русскими войсками этого нейтралитета «неминуемо вызовет на Востоке настолько сильное возбуждение, что оно, несомненно, отзовется на усилиях, делаемых Англией во Франции», т.-е. потребует усиленной отправки на Восток английских войск. Одним из аргументов Алексеева в пользу мира с Турцией также была, как мы видели, мысль освободить английские войска из Египта. И с принципом, умилявшим Бенкендорфа, и с возражением против русских операций со стороны Персии менее всего согласовалось объявление аннексии Египта, которое не могло не вызвать (и, как известно, вызвало) действительно сильное возбуждение и отозвалось, следовательно, на усилиях Англии не только во Франции, но и в Дарданеллах. Алексеев, повидимому, был единственным человеком, находившим, что если все это и «отлично», то лишь с английской точки зрения. Уже в 1916 г., когда приехавший в Ставку английский ген. Кольвелль весьма уклончиво отнесся к предложению усилить войска в Персии и Месопотамии, Алексеев писал Жилинскому: «Таким образом, мои расчеты на совместные, согласованные действия с англичанами против турок со стороны Багдада, Керманшаха и Муша рушились. Между тем, эти действия разрушили бы всякие серьезные предположения о походе против Египта» [1]), — предположения, лишь подкрепленные объявлением аннексии. Рядом с этими протестами Алексеева, болтовня Бенкендорфа [2]) о «принципе политической гармонии держав Согласия» обнаруживает всю глубину «национальной» политики Сазонова, Николая II и всей русской дипломатии военного времени.

Одну оговорку к изъявлению своей благодарности Грэю сделал Сазонов: меморандум Бьюкенена оказался «сдержаннее в выражениях», чем сам Грэй в разговоре с Бенкендорфом, и надо было лишь добиться, чтобы Бьюкенен формулировал английское обещание словами Грэя. Разница, очевидно, сводится к тому, что Бенкендорфу было обещано решение «сообразно русским интересам», а Сазонову в меморандуме — «в согласии с Россией». Остается вопрос: передал ли Бенкендорф точно слова Грэя, окрылившие Сазонова упое-

---

[1]) См. Н. Валентинов, «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914 — 1918 г.г.». Часть I, М. 1920, стр. 98.

[2]) В особенности его телеграмма № 664, от 31 октября/13 ноября 1914 г.

нием великой дипломатической победы. Как всегда в подобных случаях, Бенкендорф напускает столько туману в своих высокопарных сообщениях, сколько было необходимо, чтобы замести следы собственной беспомощности и отбить охоту в министерстве докапываться до точного делового содержания его переговоров и отчетов о них. Нельзя, однако, слова: «Грэй не пойдет дальше умеренных заявлений (proclamations moderées)» — отнести к чему-либо иному, кроме вопроса о Константинополе и Проливах. Далее, он забегает вперед и, — без сомнения, «напетый» Никольсоном, — внушает Сазонову, что Грэю не следовало бы предавать гласности и свое умеренное заявление, ибо отсюда «проистекало бы опасение перед военной гегемонией, заступающей место германской гегемонии». Опять-таки, для Англии, с Египтом, и для России, с «умеренным заявлением» Грэя, мерки оказались совершенно разные.

21 ноября состоялось то свидание Палеолога с Николаем II, о котором речь была выше, — по «Воспоминаниям» Палеолога. Теперь мы знакомимся по дешифрованной телеграмме японского посла Мотоно, сообщавшего, со слов самого Палеолога, об этом интересном свидании японскому правительству, с вступительной частью беседы, пропущенной французским дипломатом в его воспоминаниях: «Государь сказал: Вам (Палеологу) сообщили, что недавно в политических кругах некоторые лица утверждали, *что Россия в настоящее время желает мира. Я, император России, Вам теперь категорически заявляю, что Россия в настоящее время не желает мира и будет продолжать войну,* пока германский милитаризм не будет сокрушен, и прошу Вас сообщить об этом французскому правительству.—Как французский посол заметил, император не сделал прямого указания, но под «некоторыми лицами» следует разуметь Витте и... (здесь следует нерасшифрованное слово). Особенно Витте в разговорах со мною высказался в том смысле, что война против Германии нецелесообразна».

В этой телеграмме отразилось разногласие в верхах по вопросу о том, полезна ли династии война против Германии или нет. По крайней мере, Розен так, именно, формулировал вопрос. Витте мог, конечно, в глубине души формулировать вопрос и шире, но, даже и в самой академической форме, говорить об этом он позволял себе лишь с представителем Японии, где Германия и во время войны имела много друзей и где было очень мало убежденных сторонников ее уничтожения или раздробления. «Некоторые лица» шептались между собою и с японским послом в то время, как другие громко кричали о германских происках и интригах среди высокопоставленных русских «немцев» и «германофилов», осаждая этими доносами Палеолога и Бьюкенена. «Шептание» принимало угрожающий характер. Шептунам затыкали горло Проливами и Константинополем. Крикунов заставляли до хрипоты кричать о верности «дорогим союзникам» — опять-таки Проливами и Константинополем. Россия молчала, а за нее император России, получивши бумажку, сочтенную за «вексель» на Константинополь и Проливы, заявлял: Россия не хочет мира, Россия будет воевать, Россия будет выслуживать, — до последнего солдата и куска хлеба, — награду сэра Эдуарда Грэя.

2. Соглашение о Константинополе и Проливах.

В то время, как Алексеев, несмотря на нежелание итти против течения, приходил снова и снова к заключению о необходимости использовать всякую возможность заключить мир с Турцией, Сазонов принимал все меры к ликвидации этой возможности, обнаруженной расторопным Серафимовым в Константинополе. «Между нами и турками стоит вопрос о Проливах», — такова формула Сазонова [1]), уничтожающая все соображения Алексеева о необходимости пожертвовать «мечтой», ради попытки спастись из безвыходного военного положения. Сэр Эдуард Грэй спешит формально заверить Сазонова, что он «не вступит ни в какие сепаратные переговоры» с турками. Но если Сазонов с упоением затягивал потуже петлю, в которой задыхалась Россия и русская армия, то Грэй был далеко не так свободен от сознания ответственности перед своей страной за отказ от возможности смягчить и сократить бремя войны, — тем более, столь приятным способом, как сокращение русских притязаний в «больном» вопросе. (Поучительно сравнить мысль Грэя в подсахаренном изложении Бенкендорфа с изложением ее в собственной телеграмме Грэя Бьюкенену от 10 февраля 1915 г.). Однако, Сазонов, подстегнутый в заседании государственной думы ораторами всех буржуазных партий, конкурировавших друг с другом в «патриотическом» усердии, сославшись на эту демонстрацию общественного мнения, предупредил, что об уступке с его стороны речи быть не может, и сошелся лишь в конце февраля с союзными послами на условиях перемирия (в случае прорыва Дарданелл и сдачи Турции), включавших выдачу германских судов, немедленное и полное разоружение всей сферы Проливов, пребывание союзных эскадр в Золотом Роге и занятие союзниками укрепленных пунктов [2]).

Вместе с тем, наступило время оформить сделку и привлечь к ней Францию, — тем более, что Извольский обнаружил нетерпение вступить в эти переговоры и даже припугнул, что французское правительство, по неосведомленности, «легко может пойти по ложному пути» [3]). Страшно было Сазонову, однако, не это, а то, что, на вопрос в палате общин по поводу речи Сазонова в гос. думе, Грэй дал ответ столь уклончивый и неопределенный [4]) (но именно словами самого Сазонова, с добавлением, однако, что «точная форма» доступа России к свободному морю, «несомненно, будет установлена условиями мира»),—что потребовалось самым срочным образом установить эту «точную форму» перед думскими и прочими патриотическими кругами, — в особенности в виду союзнических операций в Дарданеллах. «Ответ Грэя, — телеграфировал Сазонов в Лондон, — вызвал недоумение в нашей печати и произвел не совсем благоприятное впечатление в думских кругах».

По получении известия о прениях в палате общин, в Петрограде занялись вплотную этим делом, и в час ночи, 13/26 февраля, в Париж и Лондон

---

[1]) Телеграмма послам 7/20 января 1915 г.

[2]) «Раздел Аз. Турции», стр. 113 — 114.

[3]) Телеграмма Сазонову 10/23 февраля 1915 г.

[4]) Бенкендорф Сазонову 12/25 февраля 1915 г.

была послана телеграмма, устанавливавшая русский проект «точной формы». «Только прочное основание наше на Проливах,—телеграфировал Сазонов,—сможет служить гарантией того, что мы будем в состоянии отразить всякую попытку запереть нас в Черном море... Линия Энос — Мидия должна служить границей между нами и Болгарией. На азиатском берегу пограничная линия должна, примерно, итти по реке Сакарии [1]), а засим должно быть обеспечено наше положение в Проливах со стороны южного берега Мраморного моря».

Второпях забыли об островах Мраморного моря, а также об Имбросе и Тенедосе, и только 2 марта (17 февраля) вспомнили о них и сообщили продолжением телеграммы от 26/13 февраля. А в это время обозначилась угрожающая перспектива прорыва Дарданелл и занятия Проливов и Константинополя союзниками «без прямого нашего содействия». В виду этого Сазонов — в тот же день — поручает послам в Лондоне и Париже воздействовать на оба правительства в смысле «безотлагательного проведения в сознание общественных кругов, что все союзники в равной мере способствуют общей цели» и что «наши права на Проливы и Константинополь» неоспоримы.

И при том положении, которое приписывалось Извольскому в Париже,—даже после спасения Парижа пожертвованием «русских пешек» в Восточной Пруссии, — он лишь в самой осторожной форме и от собственного имени коснулся в разговоре с Делькассэ вопроса о Проливах. Он не решился еще высказать до конца «точную форму», а Делькассэ уже был «видимо встревожен»; он «всегда думал на основании собственных разговоров с Вами [2]) и донесений Палеолога, что мы допускали для Константинополя и его ближайших окрестностей международную организацию и желаем лишь присоединения части Фракии до будущей границы с Болгарией, относительно же Проливов,—что мы стремимся лишь к обеспечению в них нашей коммерческой свободы и к установлению достаточных международных гарантий против их закрытия для нашей торговли». Ответ Грэя в палате, по мнению Делькассэ, обнаружил такое же понимание русских пожеланий. Делькассэ, правда, находит «естественным» желание получить Константинополь, но стремление утвердиться не только на европейском, а и на азиатском берегу Проливов, по словам французского министра,—«вызовет энергичный отпор со стороны лондонского кабинета и всего европейского общественного мнения». Захват обоих берегов каких бы то ни было проливов, объяснил Делькассэ Извольскому, недопустим; например, Франция никогда не допустила бы утверждения Англии в Танжере. Извольский отказывается от борьбы. Он признает свое бессилие, предлагая Сазонову самому отправиться в Париж для свидания с Делькассэ и Грэем и личных переговоров по этому вопросу.

Бенкендорфу та же задача была существенно облегчена тем, что в английской прессе появились сообщения о дурном впечатлении, произведенном в Петрограде ответом Грэя в палате общин. Грэю было от чего прийти в «отчаяние», так как главной задачей всей его политики было то, к чему стре-

---

[1]) Из разговора Николая II с Палеологом 21 ноября 1914 г.: Палеолог: «Итак, если я правильно понимаю Вашу мысль... Босфор, Мраморное море и Дарданеллы составят западную границу Турции?»—Николай II: «Именно так».

[2]) Т.-е. с Сазоновым, еще во время пребывания Делькассэ в Петербурге.

мился и Сазонов, — приковать неразрывной цепью царское правительство к лондонскому кабинету. Поэтому, если он и был «встревожен» предъявленной ему программой, то постарался это скрыть и возражения свои ограничил ссылкой на необходимость ознакомиться с мнением Франции и указанием, что эта программа влечет за собою постановку на очередь вопроса о «разделе всей Турции», что, хотя Англия имеет виды только на некоторые пункты в районе Персидского залива, но он находит преждевременным оглашать планы раздела Турции, пока она не побеждена [1]). Вывод Бенкендорфа, — что препятствия русской программе встретятся не в Лондоне, а в Париже, — звучит забавным диссонансом после заявления Делькассэ, что именно в Лондоне она встретит непреодолимое сопротивление, и накануне нового сообщения Извольского, что «узел вопроса не здесь, а в Лондоне».

Мы имеем весьма авторитетное свидетельство в упомянутой выше официальной английской «History of the Great War», Naval Operations, by J. S. Corbett: «Отчасти в результате своего преждевременного усилия облегчить давление (германской армии) на Францию, Россия жестоко бедствовала во всех отношениях, — так жестоко, что Германия, *как это было хорошо известно нашему Foreign Office,* уже выработала соблазнительный план привлечения России к *сепаратному миру и* отречению от своих союзников. Поэтому ничто не было столь своевременно, как отказ от нашей прежней (до 1903 г.) обструкционистской политики (в отношении Проливов).

По этим соображениям («On these grounds»...), с полного согласия лидеров оппозиции, было решено предоставить России контроль (над Проливами), которого она так долго жаждала» [2]).

Ясно, что ни здесь, ни там не могло быть и речи об *отказе.* Но сопротивление было возможно, пока имелась надежда на успех дарданелльской операции.

В пояснительной записке Бьюкенена по поводу заявления Грэя в палате, несмотря на ее высокомерный тон, ставится одно условие для «более определенного заявления»: предварительное обсуждение с французским правительством. В конце записки передается великодушное мнение Грэя, что инициатива выражения сочувствия русским стремлениям должна принадлежать Англии, которая брала на себя в прежние времена руководство противодействием этим стремлениям. 4 марта ((19 февраля) Сазонов сообщил документально «точную форму» союзным и своим послам, отвергнувши короткой ссылкой на условия обороны Проливов теорию Делькассэ. Документ этот [3]) заявлял:

«Ход последних событий приводит е. в. имп. Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России. Всякое решение будет недоста-

---

[1]) См. телеграмму Бенкендорфа Сазонову от 3 марта/18 февраля 1915 г.

[2]) Corbett, t. II, p. 204.

[3]) См. памятную записку Сазонова французскому и великобританскому послам от 4 марта (19 февраля) 1915 г.,—основной документ для соглашения о Константинополе и Проливах.

точным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос—Мидия не будут включены в состав Российской империи. Равным образом и в виду стратегической необходимости, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи». Следует обещание соблюдать интересы Англии и Франции в этом районе и обнаружить сочувствие, в свою очередь, планам этих держав «по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам».

В этот самый день Делькассэ уверял Извольского в своей искренней готовности поддержать «историческое стремление России к обладанию Константинополем», против чего, однако, «следует ожидать серьезных возражений со стороны лондонского кабинета». Однако, дело уладится, если будет предварительно гарантирована «полная свобода Проливов», т.-е. их демилитаризация и интернационализация. Возможно, как вдруг оказывается, даже и обладание Россией обоими берегами Проливов, — нужно только договориться о разделе азиатских владений Турции [1]). И в этот же день Бенкендорф составляет свой телеграфный трактат о непонятой в России любви к ней Англии, — любви, вызванной 1) успехом русской мобилизации, 2) «Оранжевыми книгами» мин-ства ин. дел, 3) манифестом о Польше и 4) мерами против алкоголизма. Бенкендорф, как-будто пародируя Извольского, превращался из русского посла в неофициального агента британского мин. ин. дел, и Грэю оставалось лишь цитировать изречения этого посла, добавляя «я подтвердил выраженные им взгляды», чтобы превращать эти цитаты в меморандумы английского посольства.

Английское правительство сочло необходимым прежде всего ответить на опасения, возникшие в Петрограде в связи с дарданелльской операцией и энергичной кампанией во французской и отчасти в английской прессе в пользу интернационализации Проливов. В том же «осаживающем» тоне памятная записка Бьюкенена Сазонову от 6 марта заявляет, что Грэй сделал достаточно тем, что подтвердил сказанное Сазоновым в думе и не возражал против сказанного Сазоновым Бьюкенену; но Россия не должна затруднять привлечения Греции к участию в дарданелльской операции, ради чего Англия готова «поступиться» своими интересами, открытыми Грэем дополнительно в районе Смирны [2]); английскому послу поручается «повторно» заявить о «бескорыстии» дарданелльской операции по отношению к притязаниям России. Делькассэ повторил Извольскому аргументы Грэя в пользу привлечения Греции к операции, распространивши их и на привлечение к ней Италии, добавивши, что это не повлияло бы на решение «больного» вопроса, так как последнее будет зависеть, главным образом, «от России, Франции и Англии». Ознакомившись с формулой Сазонова, Делькассэ, «под сильным

---

[1]) Извольский Сазонову 19 февраля (4 марта) 1915 г.

[2]) Об англо-греческой комбинации см. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны», М. 1922 г., изд. Н. К. И. Д.

впечатлением» от этой формулы, заявил, что она обходит главный вопрос — о «свободе Проливов», а между тем предполагалось, что Петроград согласен на демилитаризацию Проливов и на подчинение их надзору «европейской комиссии»; если это так и остается, то это весьма облегчает вопрос о завладении Россией Константинополем и обоими берегами Босфора.

Защищая Грэя от всяких подозрений, Бенкендорф обмолвился двумя характерными замечаниями: во-первых, заявление Грэя «не является конечным выражением английской точки зрения, но, напротив, может служить основой для дальнейшего развития»; во-вторых, «многое неизбежно зависит» от «наших военных успехов», каковые, следовательно, и являются самым важным условием этого «развития». Но и он считает приезд Сазонова необходимым для успешного хода переговоров. В Петрограде нашли это излишним и ограничились повторением сказанного: необходимо безотлагательное решение вопроса о Проливах и о Константинополе; «русское общество никогда не примирится с иным решением, кроме безраздельного нашего господства над Проливами и Константинополем»; добавлено было лишь обещание обеспечить свободу плавания через Проливы и «всякие экономические интересы». Затем, Сазонов предложил открыть переговоры в Петрограде между ним, Бьюкененом и Палеологом. Однако, в этот же день — 8 марта — Палеолог вручил ему меморандум, уведомлявший, что русское правительство «может вполне рассчитывать на доброжелательное отношение правительства республики в деле разрешения вопроса о Константинополе и Проливах». Но «этот вопрос (вместе со всеми прочими условиями мира) найдет свое окончательное разрешение в мирном договоре, который, согласно декларации 4 сентября 1914 г. [1]), должен быть обсужден сообща и подписан одновременно всеми тремя союзными державами». К этому Делькассэ добавил на словах Извольскому, что все-таки необходимо «обеспечение свободы международной торговли» и что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть частью общего соглашения об условиях мира, а не выделяться в соглашение отдельное.

Острота положения вызвала, по просьбе французского посла, приказ русской цензуре не пропускать статей по вопросу о Константинополе и Проливах и просьбу Сазонова принять в Париже такие же меры против статей, «сеющих в нашем общественном мнении недоверие к союзникам».

10 марта Извольский сообщает, что, по его впечатлению, Делькассэ «окончательно примирился с мыслью о безраздельном обладании нами Константинополем и Проливами... Все свои усилия он сосредоточит на возможно широком обеспечении свободы международной торговли в Проливах». Одновременно Бенкендорф сообщил то же самое относительно Грэя. 12 марта Сазонов получил памятную записку Бьюкенена, гласившую, что если война будет благополучно завершена и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах, то британское правительство согласится на изложенное в памятной записке русского правительства от 4 марта (19 февраля).

---

[1]) О незаключении сепаратного мира.

В дополнительной записке к этому документу Бьюкенен, по инструкции Грэя, дал следующие пояснения: Сазонов должен отдать себе отчет в том, что не может быть со стороны английского правительства «большего доказательства дружбы, чем то, которое дается содержанием упомянутой памятной записки», ибо «требования 4 марта значительно превосходят пожелания, высказанные г. Сазоновым несколько недель тому назад»; английское правительство желает, чтобы в Константинополе был учрежден свободный порт для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями, и для движения торговых судов, проходящих через Проливы; Россия не должна ставить препятствий для привлечения греческой помощи; сверх того, желательно, чтобы она заверила бы Болгарию и Румынию, что их интересы, при новом положении вещей, не пострадают, и со своей стороны постаралась бы привлечь и эти государства к участию в войне на стороне держав Согласия; вопрос «о том, что теперь является Азиатской Турцией», будет обсужден между тремя правительствами, но, не будучи в состоянии пока определить английские пожелания, Грэй заранее предупреждает, что одним из них является пересмотр касающейся Персии части англо-русского соглашения 1907 года, в смысле признания нейтральной сферы сферой английской; наконец, до решения вопроса о компенсациях за вступление в войну на стороне союзников Румынии и Болгарии и до заключения общего соглашения по поводу французских и английских пожеланий, — соглашение о Константинополе и Проливах должно оставаться тайным [1]).

Следует заметить, что около этого времени, — как видно из письма Извольского Сазонову от 14 марта, — в Париже операцию форсирования Дарданелл объявили уже делом не 3—4 недель, а «крайне сложным предприятием, могущим затянуться на гораздо более продолжительное время». Но Извольский писал это 14 марта, т.-е. как раз после того, как соглашение состоялось. Известно мнение (между прочим, и В. Черчилля), что если бы английское правительство не приняло решения ликвидировать дарданелльскую операцию, Проливы были бы форсированы, Турция смирилась бы, морское сообщение с Россией с юга было бы достигнуто, продолжительность войны в огромной степени сократилась бы и даже — как заявляет Черчилль — в России не было бы революции, угрожающей всему миру и ряду поколений неисчислимыми бедствиями [2]). Повлиял ли факт заключения соглашения о Константинополе и Проливах на отказ от дальнейших усилий и жертв, на необходимости которых настаивали, по неопровергнутому заявлению того же Черчилля все командиры военных частей, оперировавших в районе Дарданелл? Разумеется, этот факт должен был быть учтен. Кроме того, как бы

---

[1]) 20 марта Бьюкенен в письменной форме изложил новое пожелание Грэя о том, чтобы *все три союзные державы* гарантировали Болгарии и Румынии открытие Проливов и для их военных судов. Сазонов ответил на это коварное предложение весьма сдержанно и уклончиво, сославшись на то, что о Болгарии нечего заботиться, так как у нее есть выход в Эгейское море, а Румынию надлежит успокоить не раньше ее вступления в войну.

[2]) Churchill, «The World Crisis», vol. II, ch. XIII, p. p. 254 — 276 и ch. XXIV p. 515 passim.

успешно он ни хранился в тайне, грекам уже нельзя было не только сулить Константинополь, но даже вход их войск в стены его. Заместить их румынами или болгарами стало тоже затруднительно. Наконец, русский флот и десант отсутствовали, что лишало русское правительство возможности настаивать на продолжении операции. Правда, Янушкевич 2 апреля (20 марта) письменно изложил Сазонову общеизвестные данные, на основании которых Сазонов должен был отвести ссылку на то, что Россия не участвует в дарданелльской операции. Но это не меняло положения: ликвидация дарданелльской операции напрашивалась не только с точки зрения отказа от дальнейших жертв, но и с точки зрения «высшей» политики. Момент для этой ликвидации пока еще не наступил: еще готовились к оккупации Константинополя, разрабатывали планы управления городом и штаты временной администрации. Но «сложность предприятия» сразу же дала себя почувствовать.

Ответ Сазонова на английский меморандум давал, конечно, удовлетворение Грэю по всем пунктам, в частности, в вопросе о транзите и свободе плавания коммерческих судов; по поводу мусульманских святых мест он поставил лишь вопрос об отделении халифата от Турции и о том, будут ли созданы новые независимые государства; по поводу превращения нейтральной персидской зоны сделал существенную оговорку о признании за русским правительством полной свободы в северной зоне, а также об исправлении в трех пунктах границы «сферы русского влияния», и выделил вопрос о жел.-дор. концессиях и, наконец, потребовал признания сферой русского влияния северной пограничной области Афганистана, с признанием взамен этого притязаний Англии в Тибете.

Между тем, у Сазонова не было в руках письменного обязательства со стороны французского правительства, и у Извольского дело не шло дальше отговорок и невыполнявшихся обещаний Делькассэ. В объяснение этих неудач своих Извольский 28 марта ссылается на следующие препятствия: в некоторых парижских влиятельных кругах требуют интернационализации Константинополя и нейтрализации Проливов, под влиянием заинтересованных в Турции финансистов; затем, — *«личные взгляды Пуанкарэ, все еще проникнутые традициями французской восточной политики, будут, вероятно, чинить нам затруднения, даже вопреки воле правительства»;* наконец, французы и англичане несут тяжелые потери у Дарданелл, а «наше участие в общем предприятии ничем еще фактически не проявилось». Из этого Извольский делает свой неизменный и простой вывод: надо оказаться в положении «beati possidentes», т.-е присвоить себе главную военно-морскую роль при занятии Константинополя, ибо только в этом случае его, Извольского, усилия бороться с враждебными течениями в Париже увенчаются успехом. В довершение неприятности, из Стокгольма был пущен слух о существовании между Англией и Францией соглашения о Константинополе, направленного против России. Лишь 10 апреля вербальной нотой на имя Сазонова Палеолог сообщил о согласии французского правительства на русский меморандум 4 марта, «при условии, что война будет доведена до победного конца, и в случае осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке».

Легко убедиться, что ничего похожего не было сказано в русской памятной записке [1]). Эта грубая неточность весьма характерна не только для данного документа, но и для всего соглашения в целом. Как бы то ни было, сделка была теперь оформлена между всеми тремя союзниками. В этом окончательном своем виде, она ставит условием не только достижение победы, но и «осуществление Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах». В момент заключения ее, эти планы не были известны. Они были формулированы и скреплены союзниками позднее, и Англия и Франция имели полную возможность довести эти планы до пределов невозможного [2]). Условие это было формулировано, как мы видим, таким образом, что дело шло об осуществлении не только конкретных притязаний Англии и Франции в свою пользу, но их «планов на Востоке, равно как и в других местах». Война кончилась победой, но наступил ли этот момент осуществления планов Англии и Франции, когда только и вступало в силу соглашение о Константинополе и Проливах? И если бы осуществление их влекло за собою и после 1917 г. вступление в силу этого соглашения, — не затруднилось ли бы это осуществление в каких-либо местах? Кому пришлось бы, наконец, разгрызать крепкий турецкий орех и кто отказался бы от удовольствия сломать на этом орехе зубы русскому медведю,—по способу, примененному при англо-греческом наступлении на Турцию? Поистине, только «вульгарное невежество» могло придать веру этим обязательствам, если бы даже они были не так ловко средактированы, и тот член гос. совета, который, выслушав хвастливый рассказ Сазонова о добытых им для России Проливах и территориях, обратился к Розену со словами: «Et dire que ça c'est un ministre des affaires étrangères,—mais c'est effrayant!»—имел полное основание испугаться за будущее.

Осенние сообщения Извольского показывают, что этот злополучный «баловень судьбы» впал как бы в полное уныние и ничтожество. Его окружает в Париже враждебная атмосфера. Не только Пуанкарэ превратился из вернейшего друга в источник препятствий; «возбуждение против России... с каждым днем усиливается в здешних парламентских, газетных и даже правительственных кругах». Россия виновата в разгроме Сербии, она должна спасти Сербию своими бесчисленными мужиками. Россия виновата в том, что Румыния не выступает. Россия подрывает престиж Англии и Франции среди балканских народов. Россия хочет получить после войны «наибольшие выгоды», и если русское правительство вздумало беречь своих солдат для истребления их на собственных фронтах, то Франция и Англия должны пересмотреть свое решение относительно Константинополя и Проливов. Наконец, Россия обязана отдать Румынии Бессарабию [3]).

---

[1]) «Союзные правительства,—говорится там,—могут быть уверены, что встретят со стороны имп. правительства такое же сочувствие к осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам».

[2]) Обращаем внимание читателя на то, что в 1917 г. Рибо настаивал на том, что соглашение «о планах на Востоке, т.-е. о разделе Аз. Турции, все еще не является законченным». (См. документы в разделе «временное правительство»).

[3]) Телеграмма Извольского Сазонову 12 октября/29 сентября 1915 года.

Бенкендорф многого не замечал и многое считал недостойным замечать; Черчилль же в своих мемуарах, как нельзя лучше, характеризует отношение английских правящих кругов к России, приводя текст своего письма к Грэю, которому он предлагал покарать Россию за отвод греческой помощи пересмотром соглашения о Константинополе и Проливах! В этом письме (6 марта 1915 г.), не отправленном по назначению, вследствие внезапной отставки Венизелоса, Черчилль убеждал Грэя быть «смелым и жестоким»: «Объясните русским, что мы хотим отнестись к ним сочувственно и великодушно в вопросе о Константинополе. Но недопустимы никакие помехи на пути к привлечению Греции к участию в войне. Мы должны получить Грецию и Болгарию, если они хотят к нам прийти. Я так боюсь, что вы упустите Грецию, отдавая при этом все будущее в руки русских. Если Россия помешает участию Греции, *я буду всеми своими силами противиться предоставлению ей Константинополя. Россия, это — подорванная держава, опирающаяся только на нашу помощь, и у нее нет другого выхода, кроме измены нам, а этого-то она не может сделать*» [1]).

Спасти это соглашение от пересмотра становится целью всей сазоновской политики. Это соглашение замыкается вокруг Сазонова заколдованным кругом. Оно обязывало Сазонова согласиться на все, чего ни пожелали бы англичане и французы за пределами обетованной константинопольской земли и Проливов. Англичане и французы, следовательно, имели полную свободу формулировать столь несбыточные пожелания или «планы» («desseins»), что реализация их была заведомо неосуществимой. Возражать против таких несбыточных проектов Сазонов не мог, не отказываясь от соглашения о Проливах; несбыточность же этих проектов влекла за собою, как мы видели, «неосуществление» соглашения о Проливах. На это Сазонов мог только закрывать глаза, держась обеими руками за драгоценную бумажку.

На такой основе зимою 1916 г. происходили в Петрограде переговоры о программе раздела Азиатской Турции между Сазоновым и господами Сайкс и Пико. Отсылая читателя к соответствующему нашему изданию [2]), напомним лишь, что эта грандиозная программа, действительно, вышла далеко за пределы осуществимого. Иначе и не могло быть по той очевидной причине, что переход к России Константинополя и Проливов с берегами и островами в такой мере нарушал планы и интересы англо-французского империализма, что условием его даже теоретического допущения должен был и мог быть только англо-французский раздел всей Оттоманской империи, всей передней Азии.

Инструкция Извольскому по поводу мартовской (1916 г.) парижской союзнической конференции, действительно, выдвигает на первый план неприкосновенность соглашения о Константинополе и Проливах, в связи с чем Извольскому и нужно помнить, что «мы готовы предоставить Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии». Нет сомнения,

---

[1]) «She is a broken power but for our aid, and has no resource open but to turn traitor — and this she cannot do». W. Churchill, «The World Crisis, 1915,» p.p. 203 — 204.

[2]) «Раздел Азиатской Турции», под ред. Е. А. Адамова, Москва, 1924 г., изд. Литиздата Н. К. И. Д.

что «свобода нашего разграничения с Германией и Австрией» — дело второстепенное. Гораздо важнее было оставить за собою полную свободу «великодушия» в отношении Польши.

В конце лета 1915 г. в Петербурге обсуждался вопрос о времени занятия германцами Петрограда [1]), и министры вместе с Сазоновым спасали Россию коллективным протестом против решения Николая II занять место Николая Николаевича, предсказывая неминуемую революцию, если только Кривошеин (или Поливанов) не сядет на место Горемыкина. Спасители потерпели полную неудачу. На место «надоевшего» Сазонова посадили Штюрмера. Между тем уже вторая половина 1915 г. ознаменовалась забастовками крупнейших петроградских заводов, и вся Россия с нетерпением ждала, по ходячему тогдашнему народному выражению, «перемены».

В Европе организовалось и развивалось революционное ядро будущего третьего Интернационала. Циммервальд и Кинталь были пройденными уже этапами. Социалистические партии раскалывались, и левые меньшинства завоевывали такое влияние на рабочие массы, что «правящие» партийные большинства вынуждены были отказываться от безусловной поддержки «правительств обороны» и требовать выяснения целей войны. Во Франции наиболее уязвимым местом был вопрос о «русских целях», слишком непопулярных и в буржуазных слоях и представлявших для социалистов-патриотов повод, требуя «устранения несправедливости 1871 г.», демонстрировать свою анти-аннексионистскую невинность в отношении русского империализма. Об этом говорит с тревогой Извольский в своем письме от 16/29 августа 1916 г., дающем почувствовать надвигающуюся с этой стороны опасность.

VIII. Отношение Италии к вопросу о Константинополе и Проливах.

Информация маркиза Карлотти в Петрограде была довольно обстоятельна, как это показывает телеграмма его от 26 февраля 1915 г. В качестве стороннего пока наблюдателя, он не плохо разбирается в фактах и находит им верную оценку; он полагает, что Англия затягивает переговоры о Константинополе и предпочитает обойтись без помощи России в Дарданеллах, пока держится надежда на легкий или, по крайней мере, скорый успех этой операции.

Операция эта вызвала в Италии сочувствие и опасения; сочувствие было обеспечено перспективой возобновления торговли (и подвоза хлеба) с югом России, опасения же связаны были с возможностью «ликвидации Турецкой империи», при неучастии Италии в дележе ее. По свидетельству русского посла в Риме, А. Н. Крупенского, эти опасения «склоняют многих» в пользу выступления Италии на стороне держав Согласия, наравне с потерей надежды на добровольное согласие Австро-Венгрии на территориальные уступки в пользу своей ненадежной союзницы.

---

[1]) А. А. Поливанова, «Мемуары», под ред. А. М. Зайончковского, М. 1924, стр. 233.

Самый вопрос об участии Италии в войне связывается с дискуссией между тремя правительствами по вопросу об участии Италии в дарданелльской операции. Для Сазонова, разумеется, все заслонялось опасением, не отзовется ли это участие на дальнейшей судьбе соглашения о Константинополе? Если от этого зависит выступление Италии, он предпочитает обойтись без Италии, как и без балканских государств. Но с другой стороны, верный себе, он готов «принять всякое соглашение (как он заявил 5 марта Палеологу), к которому пришли бы Франция и Англия и которое обеспечило бы сотрудничество Италии, при том условии, что Проливы и прилегающие к ним территории рассматривались бы вне поля действий Италии».

Можно было бы принять это за манию. Ведь, сказал Сазонов Палеологу загадочную фразу 8 марта по поводу обещания французского правительства содействовать решению константинопольского вопроса:

— Ваше правительство оказывает союзу неоценимую услугу, о которой Вы, может быть, не догадываетесь... [1]).

Но и эта фраза, и это маниакальное упорство объясняются, если не вполне, то в значительной степени, предположением, что и Сазонову была понятна невозможность заставить Россию воевать «до победного конца» без помощи того «византийского миража», который, по выражению Палеолога, «прельщал общественное мнение до такой степени, что оно становилось почти равнодушным» к военным неудачам и потерям. Мы говорим «не вполне», имея в виду меморандум Сазонова (Палеологу и Бьюкенену) от 7 марта (22 февраля), начинающийся словами: «Так как великобританское и французское правительства, повидимому, придают известное значение итальянскому сотрудничеству, г. Сазонов не намерен ему противиться». Дело шло, как бы то ни было, о «миллионе штыков», как внушительно объяснял Сазонову сэр Эд. Грэй; российскому министру иностранных дел военное положение представлялось в таком свете, что он явно пренебрегал этой безделицей и считал необходимым, во всяком случае, сократить предположенные шестью месяцами раньше условия «вознаграждения» Италии, повидимому, имея в виду «сберечь» Валону. Это, действительно, может навести на мысль, что Сазонов прилепился к английской и французской дипломатии с тем самозабвением, по отношению к иностранным покровителям, которое Розен считал особенностью психологии государственных людей императорской России [2]); или, что

---

[1]) Палеолог «Царская Россия во время войны», стр. 222.

[2]) В действительности здесь играло большую роль то обстоятельство, которое хорошо подметил внимательный, профессиональный наблюдатель, американский профессор истории, служивший в департаменте военной «информации» ген. штаба Соед. Штатов:

«В то время, как реакционеры-монархисты упивались чувством национального единства, от которого они ожидали усиления царского правительства», — либеральная буржуазия, «предвидя неизбежный крах бессильной и продажной царской бюрократии, надеялась, что либеральные организации возьмут верх, при чем она рассчитывала в значительной мере на силу своих связей с союзниками для обеспечения победы парламентских учреждений».— A. Dennis, «The Foreign Policies of Soviet Russia», New York, 1924, p. 4.

российское императорское правительство по отношению к Италии, Греции и т. д. испытывало чувство ревности, страха и недоверия, которое связано с сознанием своей зависимости и появлением новых претендентов на благоволение власть имущих; повидимому, ему и в голову не приходила мысль о сближении с Италией, вызывавшей у петроградских властителей, сидевших за одним столом с лондонскими и парижскими государственными деятелями, враждебное и презрительное отношение. Делить «мир» с какой-нибудь Италией или даже с Грецией или Болгарией после второй «отечественной войны», на международном Петроградском (как уже говорилось) конгрессе, казалось и непристойным, и нелепым, с точки зрения курса, взятого на «мировую» великодержавную политику.

Константинополь и Проливы, — для того, чтобы придать им то значение, которое явилось целью и основой всей этой политики,—надо было рассматривать не как конец, а как начало, как выход, на первое время, на средиземноморскую арену. Нужно было поэтому обеспечить себе положение в восточной половине Средиземного моря. С этой точки зрения, вполне понятно и стремление предотвратить создание великогреческой морской державы, и сопротивление итальянским вожделениям на далматинском побережьи (спор из-за Саббиончелло), а также покушение каким-либо образом приткнуться самим на побережьи палестинском. На все это у союзников должен был сложиться взгляд, прямо противоположный формуле—«не начало, а конец». Сверх того, союзники должны были не только заботиться, во всяком случае, о пополнении своих армий отовсюду, где только это было возможно, для сбережения французской и английской крови, но и специально страховаться, в предвидении (см. выше письмо Черчилля к Грэю) неизбежного краха России. Поэтому в вопросе о привлечении Италии Грэй и Делькассэ непреклонны, и первый из них грозит Сазонову тем, что упущение Италии грозит «самыми печальными последствиями», о характере которых дал нам представление Черчилль.

Сазонов, конечно, сдался, пытаясь отстоять еще особые условия для допущения Италии к коалиции, из которых главным было — установление месячного срока для открытия ею военных действий. Эта попытка Грэю чрезвычайно не понравилась, и он категорически предложил Сазонову «рассматривать положение под этим (т.-е. под английским) углом зрения», ибо «с русской точки зрения сотрудничество Италии может быть безразличным, но для нас, — и я в данном случае говорю за английское военное и морское командование, — сотрудничество Италии и его влияние на нейтральные страны имеет исключительное значение» [1]).

К более деликатному приему прибегнуло французское правительство: Пуанкарэ обратился с телеграммой к Николаю II, который тотчас же «уполномочил свое правительство пойти на широкие уступки требованиям Италии, несмотря на то, что требования эти крайне значительны и во многих пунк-

---

Как известно, Сазонов колебался между этими двумя лагерями, все более склоняясь к последнему, по мере выяснения безнадежности позиции первого, и сознавая себя главным соединительным звеном между союзниками и буржуазно-конституционным лагерем.

[1]) Меморандум английского посольства в Петрограде 20 апреля 1915 г.

тах находятся в противоречии со стремлениями славянских народов, принесение в жертву которых заставляет предвидеть в будущем опасности» [1]).

Ответив таким образом Пуанкарэ угрозой на угрозу Грэя, русское правительство оговорило свое согласие тем, что нейтрализация восточного побережья Адриатики не коснется Черногории и что вся та часть его, которая не отойдет к Италии, будет распределена без остатка между Кроацией, Сербией, Черногорией и Грецией,— с целью положить предел итальянской экспансии на Балканском полуострове. После этого «сэр Джордж Бьюкенен получил инструкцию передать г. Сазонову выражение полного одобрения со стороны сэра Эдуарда Грэя позиции, занятой теперь г. Сазоновым по отношению к Италии», а также заявить, что «сэр Эдуард Грэй не будет снова выдвигать вопрос о Константинополе и Проливах» [2]), — из чего можно было бы заключить, что после того, как роковой вопрос этот был выдвинут и когда он свое дело сделал, необходимо было успокоить русское правительство в отношении «византийского миража». С своей стороны, Сазонов спешит запротоколировать это обещание, «констатируя, что сэр Эд. Грэй так же, как и он, считает вопрос о Константинополе и Проливах окончательно урегулированным» [3]). Это подтверждается затем обменом нотами о том, что прежние междусоюзнические соглашения не могут быть пересмотрены в связи с присоединением Италии к коалиции держав Согласия. Тревога петроградского правительства по поводу того, что Италия, не будучи предупреждена о состоявшемся «окончательном» решении этого вопроса, может запротестовать, потребовать его пересмотра и быть поддержана Англией и Францией, была таким образом наполовину успокоена.

Непосредственно после объявления войны Турции [4]) Италия немедленно подняла в Лондоне вопрос о сообщении ей соглашений, состоявшихся по вопросу о Константинополе. Грэй предложил сообщить ей содержание соглашения с тем, что, если она отнесется к последнему благоприятно, предложить ей к нему присоединиться. Сазонов предпочел отложить это сообщение до того момента, когда Италия выполнит 2 ст. Лондонской конвенции 13/26 апреля 1915 г., т.-е. выступит не только против Турции, но и против Германии. Лишь 26 мая 1916 г. Грэй осуществил свое намерение и сообщил в самой общей форме итальянскому послу о соглашении. 6 сентября Штюрмер уполномочил Извольского и Бенкендорфа передать и обсудить в Париже и в Лондоне проект сообщения союзными послами в Риме итальянскому правительству о данном Англией и Францией согласии на присоединение к России всей сферы Проливов, с островами, между линиями Энос—Мидия и р. Сакарией, и о содержании соглашения относительно раздела Азиатской Турции. Однако, сообщение состоялось 5 октября в форме ознакомления Империали с документами, относящимися к этим соглашениям, из которых второе, о разделе Аз. Турции, заключено было, как известно, за спиной, без

---

[1]) Телеграмма Николая II от 8/21 апреля 1915 г.
[2]) Меморандум 22 апреля 1915 года.
[3]) Памятная записка 9/22 апреля 1915 г.
[4]) 8/21 августа 1915 г.

ведома и участия, Италии, как неполноправной союзницы. Меморандум итальянского правительства от 19 ноября 1916 г., с горечью отмечая и это обстоятельство, уведомлял русское правительство, что итальянское правительство готово согласиться на пожелание русского правительства, при условии доведения войны до победного конца и осуществления Италией своих стремлений на Востоке и в других местах.

Телеграмма Штюрмера от 6/19 ноября 1916 г. Извольскому и Бенкендорфу выражает полнейшую растерянность. «Со своей стороны», Штюрмер «полагал бы необходимым сделать несколько оговорок по поводу условий, выставляемых итальянцами относительно признания за нами Константинополя и Проливов, в виду некоторых обязательств, принятых на себя Италией по отношению к нам еще в 1909 году в Раккониджи». Он «не считал бы также соответственным нашим интересам расширение итальянских владений в сторону Проливов». Притязания Италии в Малой Азии он находит чрезмерными, но утешается тем, что они затрагивают, главным образом, французскую и английскую зоны. Все руководящие указания его послам сводятся к тому, что предпочтительнее дать ответ итальянскому правительству в Лондоне, а не в трех столицах отдельно, т.-е. сообща, а не порознь. Гирс (заменивший Крупенского в Риме) пытается оживить петроградское правительство: «Италия, — заявляет он, — не имеет никакого права ставить вопрос о признании или непризнании ею за нами Константинополя и Проливов», так как соответствующие соглашения с Францией и Англией состоялись до вступления Италии в союз. Такова была, впрочем, в начале переговоров об Италии точка зрения даже и лондонского кабинета. Однако, в Петрограде Нератов, оставшийся—по уходе в отставку Штюрмера 10/23 ноября—управляющим мин. ин. дел. добросовестно дал ход делу о получении подписи под пресловутым «векселем» и со стороны итальянского правительства, против чего, разумеется, не нашли никаких возражений ни английское, ни французское правительства. Особенную заботу приложил Нератов к тому, чтобы добиться от итальянского правительства заявления о сохранении в силе соглашения в Раккониджи, о котором напомнил Гирс. Недоумевающий Соннино в этой настойчивости видел ловушку (очевидно, в отношении балканской политики) и упорно отказывался от этой оговорки. Сговорились, наконец, на том, что подписываемое соглашение ни в чем «не меняет духа соглашения в Раккониджи», чем Нератов остался удовлетворенным.

По существу же дела, 2 декабря (19 ноября) 1916 г. к английскому и французскому документам, подтверждавшим, при известных условиях, право России аннексировать Константинополь и сферу Проливов, был добавлен итальянский документ, совершенно тождественного содержания. Иными словами, условием этой аннексии поставлено было еще и осуществление Италией «своих стремлений на Востоке и в других местах, как это сказано в русской памятной записке»,—формула эта была вполне оценена итальянским министром иностранных дел. Осуществятся ли эти «стремления» Италии на Востоке? Имели ли они шансы на осуществление? Не помешает ли их осуществлению кто-нибудь из прежних двух «векселедателей»? Этими вопросами никто уже не интересовался. «Слова правительственной декла-

ции, относящиеся к Константинополю, — отметил 4 декабря Палеолог, — вызвали и в публике не больше отклика, чем в думе. Впечатление такого же равнодушия и удивления, как если бы Трепов [1]) откопал старую утопию, некогда дорогую, но давно забытую. Вот уже несколько месяцев я наблюдаю в народной душе это прогрессивное выцветание византийской мечты. Очарование прошло».

IX. Позиция Румынии, Сербии, Японии и С.-А. Соед. Штатов.

Константское свидание, как мы видели, имело целью во что бы то ни стало обеспечить, при войне с Германией и Австро-Венгрией, содействие Румынии. С этой целью были пущены в ход все соблазны, вплоть до привлечения Румынии к совместному выступлению в Константинополе по вопросу о Проливах. Имевшееся Сазоновым в виду «обольщение» румынских самолюбий было достигнуто в такой мере, что румынское правительство пыталось получить заверение о предстоящей интернационализации Проливов и «не допустить», чтобы он (Сазонов) вел переговоры по этому вопросу, не осведомляя нас об их ходе и не пытаясь даже узнать наше мнение» [2]). Претензии эти парировались простым отрицанием факта происходивших переговоров, а затем заключения соглашения. Большую виртуозность и пристрастие к этой дипломатической игре проявил Палеолог. Грэй предпочитал получить возможность более выгодным образом ответить на вопросы, обращенные к нему, неофициально получившие уже от него достаточно ясные ответы, и Сазонов согласился дать ему возможность успокоить Румынию насчет ее экономических интересов в Черном море и Проливах. Братиано остановился на таком определении позиции Румынии: Румыния, крайне заинтересованная в этом вопросе, рассчитывает на содействие Англии и Италии, но откладывает этот вопрос до окончания войны, считая себя свободной в этом отношении, так как официально ей ничего неизвестно о заключенном соглашении [3]). Ближайшей задачей румынской политики было, как известно, создание «великой Румынии» за счет Австро-Венгрии [4]).

Заключение Г. Трубецкого, что из всех балканских государств только Сербия «желает» утверждения России на Проливах, справедливо лишь постольку, поскольку утверждение это, не затрагивая непосредственно великосербской программы, являлось, действительно, обеспечением против Болгарии и Румынии и на ближайшее время обещало Сербии энергичную поддержку русского правительства против итальянского.

Документы наши показывают известную близость, существовавшую тогда между японской и румынской дипломатией. Однако, в Японии

---

[1]) Новый глава правительства.

[2]) Телеграмма румынского министра ин. дел Порумбаро посланнику в Петрограде Диаманди 18 января 1915 г.

[3]) Поклевский Сазонову, 8/21 августа.

[4]) Ближе вопросы балканской политики трактуются во втором томе настоящего издания.

на очередь был поставлен вопрос о заключении союза с Россией [1]). Склоняясь к присоединению к анти-германской коалиции, японское правительство осведомилось в Лондоне в сентябре 1915 г. о заключенных между союзниками соглашениях. Грэй предложил умолчать о подробностях соглашения с Италией, касающегося Адриатики, но сообщить то, что касается Эгейского моря; равным образом скрыть переговоры о разделе Аз. Турции и сообщить о соглашении о Константинополе и Проливах. Сообщение японскому правительству соглашения было сделано 30 ноября 1916 г. перед опубликованием его в думской правительственной декларации А. Ф. Трепова.

Программа мира Вильсона нисколько не помешала правительству С. Штатов стать на точку зрения неприкосновенности военных соглашений. Декларация русского временного правительства о «мире без аннексий и контрибуций» вызвала в Вашингтоне, по сообщению русского поверенного в делах, «особенное смущение» [2]). Нота Лансинга от 4 июня требует от временного правительства продолжения войны с прежней энергией и «добросовестного исполнения союзнических обязательств». В то же время американское правительство поставило себе задачей получить преобладающее влияние на временное правительство, не останавливаясь перед широкими финансовыми операциями, с двойною целью: утвердить американское влияние в самой России и использовать ее, в качестве вспомогательной силы, если это будет возможно при заключении мира. Программу Вильсона соблазнительно было скомбинировать с принципами временного русского правительства таким образом, чтобы предотвратить осуществление тех военных соглашений, которые исключали Америку из каких-либо, интересовавших американский капитал, районов. Поэтому успех выдвинутого временным правительством вопроса о сопротивлении итальянским вожделениям в Малой Азии был обеспечен, и вопрос этот расширился в Вашингтоне до намерения «побудить союзников отказаться от их завоевательных стремлений в Турции» [3]).

X. Попытки к сепаратному миру и вопрос о Проливах.

Непосредственной, ближайшей опасностью для короны Николая II становилась династическая оппозиция, те самые «реакционеры-монархисты», которые, потерявши веру в усиление через войну самодержавия, вступили в борьбу с императрицей (и Распутиным), пытаясь, какой бы то ни было ценой, спастись самим от надвигавшейся грозы. На этой почве возникли подпольные интриги, имевшие целью «с честью» ликвидировать войну, хотя бы и сепаратным миром [4]). Неуловимость этих попыток обусловливалась

[1]) Японская пресса указывала, что союз этот — единственная гарантия японских интересов в Китае против «третьей державы».

[2]) Телеграмма Ону 12/25 мая 1917 г.

[3]) Телеграмма Бахметева из Вашингтона 18/31 августа 1917 г.

[4]) Бьюкенен рассказывает в своих мемуарах о письме гр. Эйленбурга к гр. Фредериксу, прочитанном последним Николаю II (начало декабря 1915 г.), и попытке, через фрейлину Васильчикову, вел. герцога Гессенского завязать переговоры о сепаратном мире; «My mission», vol. I, p. 251 — 252. О стокгольмском инциденте он кратко упоминает — vol. II, p. 33. См. т. II настоящего издания.

их конспиративностью и крайней робостью. Шансом на их успех и на возможность победить патриотическую оппозицию представлялась бы возможность предъявить все то же «оправдание», осуществление «исторической задачи», или хотя бы видимость его. Внутреннее положение России учитывалось в Германии не меньше, чем в союзных странах, и таким образом возникли в июле 1916 г. стокгольмские переговоры Варбурга, финансового советника при германской миссии, с Протопоповым [1]) и тем самым «приличным правым» гр. Олсуфьевым, которого кадеты привлекали в Москве к совместной агитации в пользу «византийского миража». Слабость протопоповского правительства лучше всего характеризуется тем, что Протопопов выпрашивал у Бьюкенена защиту против думской оппозиции, умоляя английского посла оказать давление на гос. думу через Родзянко. Не менее характерна телеграмма Протопопова (уже управляющего министерством внутр. дел) посланнику Неклюдову в Стокгольм с просьбой телеграфировать, что Неклюдов и «общество» не возражали против беседы Протопопова с Варбургом, — беседы, о которой Протопопов осведомил Неклюдова «в момент отъезда на вокзал». Неклюдов потребовал в ответ отставки Протопопова, пригрозивши в противном случае собственной отставкой. Достойная доверия информация итальянского посла (от свидетеля переговоров) упоминает пункт о «свободе плавания в Дарданеллах», который, по словам Варбурга, не помешает заключению мира. В письме своем новому министру иностранных дел Н. Н. Покровскому, Неклюдов, между прочим, писал, что предупреждал Протопопова о вероятном содержании беседы, предсказавши, что будет речь и о «русско-германском кондоминиуме в Константинополе». Очевидно, инцидент этот важен в том отношении, что он наглядно продемонстрировал, какое внутренне-политическое значение имел, по общему представлению, вопрос о Константинополе и Проливах, и насколько ясно было, что романовская монархия, не имевшая рессурсов для продолжения войны, не имела рессурсов и для заключения мира.

Основное же значение этого инцидента для истории интересующего нас соглашения о Константинополе и Проливах заключается в том, что именно в связи с ним вопрос об опубликовании соглашения, по нашему мнению, приобрел особенную остроту, и опубликования стали добиваться союзники — в особенности английское правительство, — тогда как с русской стороны начались колебания, а затем обнаружилась и явная попытка избавиться от этого опубликования.

XI. Переговоры об опубликовании соглашения.

Весной 1916 г. Грэй высказывается по вопросу о желательности опубликования соглашения о Константинополе и Проливах, в интересах рассеяния всяких «сомнений» в русском обществе. Он колеблется еще между перспективой поддержать таким образом «верность» России союзникам и опасением произвести плохое впечатление в нейтральных странах. Повидимому, заменить это опубликование должно было письмо короля Георга, преисполненное

[1]) Тогда еще тов. председателя гос. думы.

желанием оживить веру в «византийский мираж» и в добросовестность английского правительства, подвергнутую в России большим сомнениям после отказа от продолжения дарданелльской операции. Впрочем, не в России только, — так как не только Черчилль, но и Лиман фон-Сандерс и америк. посол в Константинополе Моргентау (и, по свидетельству последнего, «весь Константинополь»), — были убеждены, что прорыв Дарданелл был неотвратимой возможностью, отказ от которой вызвал общее недоумение в Константинополе. Николай II ответил 29 августа Георгу, что есть какие-то «отдельные лица», не доверяющие искренности Великобритании, но он надеется с ними справиться; для «успокоения умов» и «рассеяния недоверия» было бы, однако, полезно опубликовать, что «Англия и Франция считают обладание Россией Константинополем и Проливами неизменным условием мира». Грэй конечно, был согласен с этим, однако, он все еще выражал опасение по поводу возможного впечатления от этого сообщения в Индии и Афганистане. Он просил — 16 сентября 1916 г. — небольшой отсрочки. Сообщая об этом Бенкендорфу 18 сентября, Штюрмер говорит о «чрезвычайной желательности дать русскому общественному мнению удовлетворение», но предлагает, тем не менее, Бенкендорфу говорить об этом только в том случае, если Грэй поднимет сам этот вопрос. После того, как с Бенкендорфом заговорили об этом снова и Гардинг, и сам Грэй, сообщавший, что у него уже готово даже предисловие к документам и что все дело теперь за Францией,— Штюрмер отвечает на сообщение об этом Бенкендорфа чрезвычайно интересной телеграммой (13 октября/30 сентября 1916 г.):

«При переговорах с лордом Грэем по поводу опубликования соглашения о Константинополе и Проливах благоволите иметь в виду, что, поднимая этот вопрос, я отнюдь не настаиваю на немедленном назначении срока опубликования. Понятно, что для устранения всех встречающихся на этом пути препятствий потребуется некоторое время»...

Между тем, Грэй именно боялся потери времени и уже списывался с Брианом относительно редакции предисловия к публикуемым документам... На телеграмме Бенкендорфа от 5/18 октября, сообщавшей об этих стараниях Грэя, появляется многозначительная собственноручная пометка российского императора: «*Не нужно торопиться*» (Ц. Ставка, 12 октября 1916 г.).

Роли настолько переменились, что Бьюкенен уже успокаивает Грэя сообщениями, что *Штюрмер* «вполне сочувствует опубликованию». Однако, обсудивши со Штюрмером, по поручению Грэя, «откровенно» положение России, Бьюкенен, в свою очередь, «вполне разделяет его (Штюрмера) мнение» о том, что настоящий момент не подходит для опубликования соглашения и что надо подождать, по крайней мере, улучшения положения в Румынии. Сделавши эту уступку, Бьюкенен считает тем более необходимым «напомнить России, что от победоносного окончания войны зависит получение ею свободного доступа к Средиземному морю, ничего не говоря при этом о Константинополе». — Штюрмер и к этому отнесся отрицательно.

10 ноября, продолжая откровенную беседу со Штюрмером, Бьюкенен заявил, что, по его мнению, «необходимо найти средство против столь очевидного здесь упадка настроения, и для этого мы должны заявить, что Россия

получает Константинополь»... Палеолог также высказался за незамедлительное опубликование. Штюрмер в ответ на это согласился «начать переговоры» по этому поводу.

11 ноября Грэй в разговоре с Бенкендорфом настаивал на том, чтобы «русское общественное мнение было вполне осведомлено и успокоено».

В Париже, несмотря на поддержку Бьюкенена Палеологом, дело обстояло иначе. По сообщению Извольского от 12 ноября, правительство республики опасалось, что опубликование соглашения даст оружие в руки социалистической оппозиции; в среде самого министерства ин. дел осталось много противников этого соглашения. Палеолог, тем не менее, мог смело осуществлять (вместе с Бьюкененом) эту дипломатическую интервенцию во внутреннюю политику русского правительства. Решающим поводом к опубликованию являлась необходимость уравновесить этим дипломатическим успехом манифест, обещавший автономное устройство Польше, — последнее достижение Сазонова, стоившее ему портфеля министра ин. дел. Бриан поспешил сгладить впечатление и освободиться от упрека в желании задержать опубликование.

Новая трудность возникла в связи с открытием, что опубликование соглашения произведет, при тяжелом военном положении, катастрофическое впечатление в Румынии. Принялись спешно «подготовлять» румынское правительство к этому сообщению, объясняя ему, что оно ничего не проиграло бы от перехода под власть России Константинополя и Проливов. Нератов ухватился за оригинальную мысль опубликовать лишь английское предисловие, не публикуя документов. Когда Грэй на это согласился, Нератов, видимо, не вполне убежденный в удобстве этого выхода из положения, готов уже не возражать против опубликования документов, если этого пожелает французское или итальянское правительства. Однако, эти правительства не только этого не пожелали, но высказались за то, чтобы не публиковалось и английское предисловие.

Какое впечатление произвела в Петербурге декларация Трепова, в части, касающейся соглашения, мы знаем. Мы знаем и то, какие высказывались опасения по поводу действия, которое она произведет во Франции. В действительности, в первый, по крайней мере, момент, произошло, если верить впечатлениям Извольского, обратное: заявление о Константинополе и Проливах не только не встретило никакого отпора, но и вызвало полное одобрение, как доказательство готовности русского правительства, вопреки слухам о его склонности заключить сепаратный мир, к войне «до конца».

XII. Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с февральским соглашением 1917 г. между Францией и Россией об Эльзас-Лотарингии и Саарской области.

В январе 1917 г. во время союзнической конференции в Петрограде [1]) глава французской делегации Думерг сообщил лично Николаю II о же-

[1]) О ней довольно подробно рассказывает в своих мемуарах Палеолог.

лании Франции обеспечить себе, по окончании войны, возвращение Эльзаса и Лотарингии и «особое положение» в долине реки Саар, а также «достигнуть политического отделения от Германии ее зарейнских областей и устройства последних на особых началах».

По поручению Николая II, министр ин. дел Покровский телеграфировал Извольскому, что, соглашаясь удовлетворить желание нашей союзницы, русское правительство считает долгом напомнить точку зрения, высказанную еще в феврале 1916 г. Сазоновым, а именно — «предоставляя Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, Россия рассчитывает, что, в свою очередь, союзники предоставят ей равную свободу в ее разграничении с Германией и Австро-Венгрией» [1]). По предложению Палеолога, в Париже решено было закрепить это соглашение обменом писем, и 12 февраля (30 января) 1917 г. Палеолог обратился к Покровскому с письмом, в котором следующим образом были формулированы «требования и гарантии территориального порядка, которые французское правительство предполагает включить в число имеющих быть предписанными Германии условий мира:

«1. Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции.

2. Границы ее должны простираться по меньшей мере до границ бывшего лотарингского герцогства и *быть установлены по усмотрению французского правительства* с расчетом удовлетворить стратегическим требованиям и *включить в состав французской территории весь заключающий в себе железную руду район этой области, равно как и каменноугольный бассейн долины Саар*».

3. Остальные области на левом берегу Рейна, находящиеся в составе Германской империи, «должны быть выделены и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от нее».

4. «Из областей, не вошедших в состав французской территории, будет образовано автономное и нейтрализованное владение, находящееся под оккупацией французскими войсками до тех пор, пока гарантии, требуемые союзниками для обеспечения прочного мира, не будут осуществлены, и в общем смысле до тех пор, пока враждующие в настоящий момент государства не удовлетворят полностью всех условий мирного договора».

Думерг,—говорилось далее в письме,—напомнил императору, что последний неоднократно, «заранее» и «всемерно» одобрял «те требования, которые могут быть предъявлены» правительством республики в отношении рейнских областей, и осведомился, может ли его правительство «рассчитывать на твердую поддержку» императорским правительством этих требований. Император «утвердил» его в этой уверенности и обещал известить об этом своего министра ин. дел. В заключение Палеолог предлагал приступить к окончательному обсуждению этого вопроса между обоими правительствами.

Покровский, сообщая, в свою очередь, о переговорах с Думергом Извольскому, поручил последнему просить французское правительство подтвердить, при обмене нот, свое согласие на предоставление России свободы

---

[1]) См. справку мин. ин. дел. «Соглашение с Францией 1917 года».

в определении ее будущих границ с Германией и Австро-Венгрией, а также на отмену постановлений о невооружении Аландских островов [1]).

Вопрос о западных границах России связан был с вопросом о судьбе Польши, который глубже всего интересовал французское правительство, с точки зрения обеспечения преобладающего положения Франции в отношении государств центральной и восточной Европы. Сообщая о затруднениях, встреченных пожеланием Покровского, Извольский передает слова осторожного Камбона, обошедшего молчанием вопрос о Польше, но выразившего «недоумение политических кругов Франции», почему, когда «мы потребовали и добились присуждения нам Константинополя, французское правительство не потребовало формального закрепления прав Франции на Эльзас и Лотарингию; это считается крупным промахом, в котором обвиняется Делькассэ, и весьма возможно, что этот взгляд, разделяемый некоторыми министрами, отразился на отношении их к возбужденному ныне вопросу» [2]).

Между тем, 14 (1) февраля состоялся обмен писем между Палеологом и Покровским, не решившимся ждать результата просьбы своей о предоставлении России «свободы определения» своих западных границ. Таким образом, рейнская программа Франции получила полностью признание именно в порядке компенсации за «присуждение» России Константинополя и Проливов. Известие о состоявшемся обмене писем было получено в Париже после того, как Извольскому сообщен был проект соглашения, выработанный во французском совете министров.

Проект этот [3]) начинается заявлением, что оба правительства желают «утвердить во всей их силе соглашения, заключенные между ними в 1915 г. в целях разрешения при окончании войны вопроса о Константинополе и Проливах, согласно вековым стремлениям России». Это показывает, что французские министры прекрасно понимали политику Делькассэ, сделавшего из «русских» целей войны краеугольный камень всех последующих соглашений. Покровский, сославшись на то, что он согласился на обмен писем с Палеологом, «в предположении и под условием обещания нам правительством республики таковой же поддержки в деле проведения западной границы России», — настаивал на том, что парижский проект соглашения не отпал, и что между Брианом и Извольским должен состояться обмен писем в редакции, выработанной французским правительством, т.-е. с обязательством «в момент мирных переговоров оказывать друг другу взаимную поддержку для обеспечения восточным границам Франции и западным границам России таких пределом, которые, отвечая всем пожеланиям французского и русского народов, были бы в состоянии предоставить им, — с точки зрения военной и промышленной, — все необходимые гарантии безопасности и экономического развития обоих народов».

Если принять во внимание, что русское правительство обещало представить, со своей стороны, детализированные пожелания в отношении западных

---

[1]) Телеграмма Покровского Извольскому 12 февраля/30 января 1917 г. № 507.

[2]) Телеграмма Извольского 13 февраля (31 января) 1917 г.

[3]) См. телеграмму Извольского 17/4 февраля 1917 г.

границ России (исходя при этом из положения, что вопрос о Польше является «внутренним» вопросом России), то станет понятной неопределенная парижская редакция, имевшая целью уклониться от признания конкретной территориальной программы русского правительства. Включить предупреждение о предстоящей детализации этой программы в текст соглашения Извольский, однако, затруднился, опасаясь, очевидно, что при данных условиях малейший предлог может сорвать дополнительное соглашение. Действительно, подписание его оттягивалось со дня на день, а в последний момент Бриан предложил измененную, еще более краткую форму его. Эта форма, не упоминая о французских пожеланиях, «признает за Россией полную свободу в определении ее западных границ», и Бриан объяснял ее воздействием Думерга, предостерегшего правительство от возбуждения в России «неприятных чувств». Во всяком случае, состоялось, таким образом, два отдельных обмена письмами, т.-е. вопрос о восточных границах Франции и вопрос о западных границах России получили два отдельные, формально независимые, решения.

XIII. Вопрос о Константинополе и Проливах при временном правительстве.

Оставляя в стороне справку, составленную для временного правительства и информирующую его о завещанном ему павшим режимом дипломатическом наследстве, документы наши начинаются циркулярной телеграммой министра ин. дел Милюкова дипломатическим представителям России от 4/17 марта.

«В области внешней политики, — заявлял новый министр ин. дел, — кабинет, в котором я принял портфель министра ин. дел, будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом, верный обещаниям, данным Россией». Мысль эта развивается далее в духе прежней военной пропаганды о «завоевательных замыслах хищнической расы, увлеченной мечтой об установлении недопустимой гегемонии над соседними народами» — и т. д. [1]).

В дополнение к этой декларации, предназначенной для передачи соответствующим правительствам, послана была 8/21 марта телеграмма о том, что «содержащееся в нашей циркулярной телеграмме заявление об обязательности для нового российского правительства международных договоров и вытекаю-

[1]) Об этой телеграмме, «говорившей» о чуде русской революции», Ленин писал в «Письме издалека» в «Правде» 21 и 22 марта:

«Чудес в природе и истории не бывает... Если революция победила так скоро..., то лишь потому, что... слились совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К-о к захвату власти, в интересах продолжения империалистической войны... для получения Константинополя — Гучковыми, Сирии — французскими, Месопотамии — английскими капиталистами и т. д., — с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное... движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу». Разбивка подлинника).

щих из них соглашений, заключенных при прежнем государственном строе, само собою разумеется, касается также всех соглашений, заключенных с союзными державами со времени нынешней войны. Вследствие сего было бы желательно, чтобы союзники в ответах своих на наше извещение, равным образом, подтвердили обязательность для них всех ранее заключенных с Россией соглашений»... Происхождение этой циркулярной телеграммы легко уяснить себе из относящихся к этому моменту записей Палеолога. Прочтя декларацию («длинный, многословный, напыщенный документ»), он «тотчас» отправился к Милюкову и заявил, что он «возмущен» ею, хотя лучшего и не ожидал. «Не заявлена даже решимость продолжать войну до полной победы. Германия даже не названа. Ни малейшего намека на прусский милитаризм. Ни малейшего упоминания о наших целях войны... Милюков слушал меня очень бледный, совершенно смущенный... Он возражает мне, что декларация предназначена специально для русского народа... пытается привести, по крайней мере, смягчающие обстоятельства: трудность внутреннего положения и проч. И в заключение говорит: «Дайте мне время». Но так как Палеолог не дает ему времени и требует «скорого ответа», то Милюков обещает в ближайшем будущем «успокоить нас». Очевидно, дополнительная телеграмма и явилась ответом на этот грубый, хозяйский окрик французского посла.

Телеграмма Набокова (9/22 марта) отмечает момент выступления Керенского со своей программой: война до победного конца, без всяких завоевательных целей, т.-е. возвращение к программе царских манифестов до вступления в войну Турции, по вопросу о Константинополе и Проливах он противопоставил «бестактности» Милюкова в этом вопросе «свободу плавания» в Проливах, гарантированную их интернационализацией. Выступление это состоялось в беседе с английским военным агентом и английским журналистом и должно было, очевидно, чрезвычайно понравиться английским правящим кругам. В Англии в это время печатались специальные исследования [1]), имевшие целью пропагандировать этот способ решения вопроса о Проливах. Еще в сентябрьской книжке 1916 г. «National Review» напечатана была типичная для настроения английской буржуазии статья, пропагандировавшая раздел Турции по вопросу же о Константинополе и Проливах заявлявшая лишь, что Турции придется навсегда открыть ворота в Черное море и срыть укрепления на берегах Босфора и Дарданелл. Но неужели, — недоумевал в заключение автор статьи, — Россия намерена настаивать на осуществлении своих замыслов в Царьграде? В то же время депутаты рабочей партии требовали на митингах от правительства отчета о целях войны, спрашивая (наприм., Сноуден) неужели Англия потеряла столько своих сынов и ввела у себя воинскую повинность только ради того, чтобы *России* достался Константинополь?!..

22 марта Бьюкенен вручил Милюкову ноту, содержащую уведомление о признании великобританским правительством временного правительства:

---

[1]) Например, «The question of the Bosphorus and Dardanelles», by C. Phillipson and N. Buxton, London, Stevens and Haynes, 1917.

«Мое правительство, узнав, что вновь образовавшееся временное правительство России готово соблюдать обязательства, принятые на себя его предшественниками вместе с союзными правительствами и особенно касающиеся продолжения войны до победного конца, уполномочило меня признать его». Форма эта, несомненно, свидетельствует об «условности» признания; временное правительство признавалось постольку, поскольку оно было готово продолжать войну до победного конца.

Итальянский посол в своей ноте о признании дословно воспроизвел английскую формулу, что свидетельствует о предварительном соглашении между Лондоном и Римом.

Французская же «заметка без подписи», по выражению Милюкова, не заключала в себе ни малейшего упоминания о признании, ограничиваясь «пожеланиями счастья и величия» и выражением надежды на продолжение войны «честно и неутомимо до окончательной победы», и еще 31 марта Рибо, глава нового французского кабинета, «не имея известий от Палеолога об исполнении им предписания касательно заявления о признании», вновь, по просьбе Извольского, телеграфировал ему исполнить это предписание. С другой стороны, французское правительство первым откликнулось на просьбу подтвердить прежние соглашения между Францией и Россией, несмотря на то, что Соннино проектировал уже общий, идентичный ответ русскому правительству со стороны Италии, Англии и Франции.

30 марта Бальфур ответил также нотой, подтверждавшей взаимную обязательность прежних соглашений.

29 (16) марта Милюков поручает К. Д. Набокову [1]): разъяснить в печати, что «в *его* заявлениях не было никаких указаний на сокращение притязаний России», в виду того, что, как сообщал Набоков, английская печать приписала ему заявление Керенского о бескорыстном продолжении войны [2]), 22 (9) марта он сам дал соответствующее разъяснение в интервью с иностранными корреспондентами. Но уже 9 апреля (27 марта) за подписью кн. Львова была опубликована декларация временного правительства, на основании решения последнего «прямо и открыто сказать народу всю правду». «Предоставляя воле народа, в тесном единении с нашими союзниками, окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войною, временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России—не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своею целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе. Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы

---

[1]) После смерти Бенкендорфа оставшемуся поверенным в делах в Лондоне.

[2]) Во французской печати «отказ» Керенского был также радостно встречен, с выводом, что все остальные соглашения остаются в силе,—за исключением русских притязаний. См. телеграмму Севастопуло 13 апреля (31 марта).

униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики временного правительства, неуклонно проводящей волю народную и ограждающей права нашей родины, при полном соблюдении всех обязательств, принятых в отношении наших союзников». В заключение следовало объявление государства «в опасности».

В телеграмме от 14 (1) апреля лондонскому и парижскому представителям Милюков обращает внимание на факт появления в английской и французской печати статей, делающих выводы на основании «некоторых заявлений отдельных членов временного правительства и в связи с выступлениями крайних левых партий [1]), в смысле, будто-бы, нашего отказа от соглашения 1915 г. о Константинополе и Проливах. Последняя декларация временного правительства об основных началах нашей внешней политики упоминает, между прочим, о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников». В виду того, что эти обязательства являются двусторонними, мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях. Кроме крайних соц.-дем. органов, агитация которых в настоящее время в значительной мере ослаблена и подорвана означенной декларацией, вся серьезная печать и широкие общественные круги России стоят на вышеуказанной нашей точке зрения, находящей себе также сочувственный отклик в армии». Успокоительная телеграмма Севастопуло о том, что в Париже «отлично сознают, что все, что будет заявляемо ныне, не может иметь окончательного характера»,— производит в чтении весьма двусмысленное впечатление, но 24 (11) апреля Рибо заверил Извольского, что «Франция останется верной своему обещанию». Обсуждая шансы на скорое заключение мира, он добавил, что «даже если бы Россия отказалась от Константинополя и если бы Германия обязалась возвратить ей все занятые ею части ее территорий, то и это вряд ли подвинуло бы дело мира, ибо... Франция не могла бы удовлетвориться даже возвращением ей Эльзаса и Лотарингии, а обязана требовать достаточно гарантий для будущего». Это ясно говорило о том, что о заключении общего мира до полного разгрома Германии, а также о пересмотре целей войны — не могло быть и речи. В отличие от этого, Набоков телеграммой 17 (4) апреля сообщил, что указание декларации на то, что Россия «не лишит народы их национального достояния и не займет силою иностранной территории» толкуется английским правительством и печатью, как «отказ от права на Константинополь и иные территориальные приобретения, выговоренные соглашением, и указание на готовность России заключить мир «без аннексий». Между тем (продолжает Набоков) представляется несомненным, что ни Англия, ни Франция, ни Италия не могут принять этого принципа и отказаться от сохранения за собою земель, уже завоеванных, или тех, которые они хотят оставить за собою по мирному договору»... Набоков считает нужным «вполне определенное заявление правительства о том, что Россия твердо намерена, в согласии с союзниками, обеспечить безопасность Черного моря

---

[1]) Речь Ю. Стеклова, 4 апреля, в Таврическом дворце: «мы все-таки заставили временное правительство отказаться от аннексий».

и свободный выход через Проливы», чтобы «вселить уверенность, что принцип «мира без аннексий» принимается нами не безусловно», — иными словами, — для успокоения союзников в отношении их собственных аннексионистских предположений.

Впрочем, основной источник тревоги их был не здесь, а — в состоянии русской армии. Союзные послы не оставляли ни на один день членов временного правительства без напоминаний об обязательном весеннем наступлении. 16 апреля Бьюкенен, — как он сам рассказывает, — посетил кн. Львова для того, чтобы объявить ему, что он не верит больше правительству, что его собственная информация убеждает его в полном разложении армии. Он требовал запрещения «социалистическим агитаторам» доступа в прифронтовую полосу, на что Львов отвечал ему уверениями в отличном состоянии армии и преданности временному правительству петроградского гарнизона, предлагавшего, будто бы, разогнать Совет Рабочих Депутатов. Керенский, за завтраком в английском посольстве, уверял также Бьюкенена и О'Грэди в том, что лишь ничтожная часть армии на стороне советов, что война будет сделана национальной и т. д.

Приезд Альбера Тома должен был, как известно, вдохновить русскую революцию примером революции французской, и временно,—до прибытия Нуланса, — заменить великосветского посла бывшим социалистом, способным найти общий язык с новыми людьми в России. Телеграммой к Извольскому от 30 (17) апреля Милюков сообщает о своей «частной и конфиденциальной беседе» с Тома, через которого он попытался повлиять на Керенского, Чернова и др., с целью заставить их отказаться от мысли «превратить воззвание к гражданам о целях войны в дипломатический документ, который послужил бы поводом к пересмотру взглядов союзников на задачи войны». Тома обещал объяснить Керенскому невозможность пересмотра целей войны, с точки зрения французского правительства, и сделал это, но без практического результата. К этому моменту относится телеграмма в Париж Палеолога, упоминаемая и Милюковым, которую Палеолог воспроизводит в своих мемуарах:

«Если, как я того боюсь (Палеолог узнал «стороною о происходящих трениях»,—говорится в телеграмме Милюкова), русское правительство будет от нас добиваться пересмотра наших соглашений о принципах мира, — мы, по моему, должны без колебания заявить ему, что мы энергично стоим за сохранение этих соглашений и что мы решили продолжать войну до окончательной победы. Если мы не отклоним переговоров, к которым вожди соц.-дем. партии и даже г. Керенский надеются нас склонить,—последствия этого могут оказаться непоправимыми». Первым из них будет то, что патриотические друзья Франции, как Милюков, Львов, Гучков и др., уйдут из временного правительства. «Решительный тон, который я позволяю себе рекомендовать Вам, конечно, рискует привести, как к крайнему последствию, к разрыву франко-русского союза. Но как ни важна эта возможность, я предпочитаю ее последствиям двусмысленных переговоров, которые социалистическая партия готовится, как мне говорили, предложить нам. В самом деле, *в случае, если бы мы вынуждены были продолжать войну без участия России, мы могли бы*

извлечь из победы за счет нашей отпадающей союзницы совокупность в высшей степени ценных выгод».

Время для заявления, предложенного Палеологом в этой его,—«бессмертной», надеемся, — телеграмме, по мнению Милюкова, упущено. «В виде компромисса, — продолжает информировать Извольского Милюков, — Тома предложил мне передать воззвание правительства союзным государствам. Я ответил, что сделаю это лишь в том случае, если буду уверен, что содержание воззвания не вызовет никаких недоразумений, в частности относительно нашего согласия, будто-бы, отказаться от Проливов». В заключение Милюков сообщает, что он остановился на мысли прибегнуть к прежнему способу, т.-е. передать воззвание союзникам с «препроводительной бумагой, которая устранит возможность истолкования воззвания во вред нам», — обращая, вместе с тем, внимание Извольского на вред, принесенный «беседами Тома с нашими левыми элементами».

Сопроводительная циркулярная телеграмма 1 мая (18 апреля) заключает в себе текст заявления, которое должны были передать дипломатические представители России союзным правительствам одновременно с текстом декларации. Последняя здесь истолковывалась, как проявление того высокого понимания целей войны, которого «правительство старого режима, конечно, не было в состоянии усвоить», она не дает ни малейшего повода думать, что революция ослабила роль России в общей борьбе. «Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось, благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого... Само собою разумеется, временное правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников» [1]).

---

[1]) «Карты раскрыты, — писал Ленин в «Правде» от 21 апреля. — Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах.... Коротко и ясно. Война до решительной победы. Союз с английскими и французскими банкирами священен... Кто заключал этот союз с «нашими» союзниками, т.-е. с англо-французскими миллиардерами? Царь, Распутин, царская шайка, конечно, Но для Милюкова и К-о договор этот — святыня. Почему? Некоторые отвечают: потому, что Милюков — неискренний человек, что он хитрец и т. п. Дело совсем не в этом. Дело в том, что Гучков, Милюков, Терещенко, Коновалов, — представители капиталистов. А капиталистам захваты чужих земель нужны.

«...Новая нота временного правительства подольет масла в огонь. Она может только разжечь воинственные настроения в Германии. Она помогает Вильгельму-разбойнику дальше обманывать «своих» рабочих и солдат и тянуть их на войну «до конца».

«... Нынешний Совет Р. и С. Депутатов поставлен перед выбором: проглотить пилюлю, поднесенную ему Гучковым и Милюковым, значило бы раз навсегда отказаться от самостоятельной политической роли — завтра Милюков положит «ноги на стол» и сведет Совет к круглому нулю; дать отпор на ноту Милюкова значит порвать со старой политикой доверия и перейти на путь, предлагаемый «Правдой». Можно, конечно, найти и гнилую середину. Но—надолго ли?

«Рабочие, солдаты, скажите теперь во всеуслышание: мы требуем, чтобы у нас была единая власть, — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Временное правительство, правительство кучки капиталистов, должно очистить место названным Советам».

Нота эта вызвала трехдневные волнения, массовые бурные демонстрации полков, фабрик и заводов на Мариинской площади против «министров-капиталистов» и, в особенности, против Милюкова. В результате этих демонстраций и обсуждений положения в Совете Р. и С. Д. и во временном правительстве, выпущено было правительственное сообщение, разъяснявшее «в виду возникших сомнений по вопросу о толковании ноты министра ин. дел», что нота была одобрена министрами единогласно, что она, «говоря о решительной победе, имела в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта», что слова ноты «санкции и гарантии прочного мира» означают ограничение вооружений, международные трибуналы и проч.

Первым ответом на эту ноту был итальянский, за подписью Соннино. Итальянское правительство принимало к сведению, с живейшим удовлетворением, «это новое доказательство непоколебимой воли, воодушевляющей славную русскую нацию довести мировую войну до решительной победы», и решимости России «усугубить свои усилия к освобождения отечественной территории и к восстановлению Польши». В заключение говорилось, что «Италия вступила в войну во имя торжества священных принципов свободы народов и обеспечения своей независимости. Всякий дух завоевания и властвования исключен из ее политики». Она «радостно приветствует» русскую декларацию и «высказывает твердую веру в конечную победу над нашими общими врагами».

Французское правительство пожелало иметь дополнительную информацию и при том с обеих точек зрения: и «друга» старой России Палеолога, и «друга» новой — А. Тома. Дело свелось к тому, что Палеолог излагал первую часть проекта «извлечения выгод за счет отпадающей России» путем «очень конспиративных» переговоров с Турцией о мире, с одновременным отказом в каком-либо ответе на ноту русского правительства, а Тома смягчал выражения Палеолога, вполне присоединяясь к его турецкому проекту, — если только (что *более, чем сомнительно, ибо через несколько недель начались конспиративнейшие брановские переговоры в Бельгии об условиях мира с Германией)* проект ограничивался Турцией.

Кризис, поводом к которому явилась нота Милюкова, временно разрешился уходом последнего (и Гучкова) и образованием коалиционного правительства, с министрами-социалистами Пешехоновым, Скобелевым, Черновым и Церетелли, прежним председателем кн. Львовым и, ставшим из министра финансов министром иностранных дел. М. И. Терещенко.

Точку зрения правительства на «больной» вопрос Терещенко изложил Бьюкенену в частном разговоре: лично он никогда не был сторонником русской оккупации Константинополя и не верил в ее возможность. Точно так же и кн. Львов никогда не разделял аннексионистских взглядов Милюкова [1]), однако, общее мнение правительства, — что «жизненные интересы» России находятся в Армении и Курдистане. На замечание Бьюкенена, что чем ско-

---

[1]) «Светские информаторы Палеолога уверяли последнего, что во всей России остался один человек, думающий еще о Константинополе, св. Софии и Золотом Роге; это — Милюков, да и то «потому, что он историк».

рее Россия заявит о своем отказе от Константинополя, тем «будет лучше». Терещенко ответил, что по этому вопросу должен высказаться русский народ.

В основу декларации от 19 (6) мая «преобразованного и усиленного новыми представителями революционной демократии» временного правительства, в отношении внешней политики, положено было: 1) отрицание сепаратного мира, 2) как «открытая цель», «достижение всеобщего мира», «мира без аннексий и контрибуций», для чего «временное правительство предпринимает подготовительные шаги к соглашению с союзниками», 3) недопущение того, чтобы «германские войска разгромили наших союзников на Западе и обрушились всей силою своего оружия на нас» [1]).

Бьюкенен сообщал в Лондон по поводу образования коалиционного правительства, что оно явилось выходом из положения, характеризовавшегося кн. Львовым словами: правительство имеет авторитет, но не имеет силы, Совет имеет силу, но не имеет авторитета. Ослабление «умеренных», вследствие ухода Милюкова, компенсировалось, по мнению Бьюкенена, тем, что Милюков был так поглощен мыслью о Константинополе, что никогда не отражал мнения и взглядов всего правительства [2]).

Полученный уже Бьюкененом ответ английского правительства, по мнению посла, не представлялось возможным опубликовать, не вызвавши этим новых осложнений и нового наступления со стороны Совета. Обсудивши этот вопрос с А. Тома Бьюкенен пришел с ним к заключению, что лучше всего было бы им двоим сделать ответное заявление от своего имени, ибо «если мы хотим добиться от одержавших победу социалистов поддержки в пользу ведения войны до конца, мы должны попытаться завоевать их симпатии. Новые социалистические министры, конечно, ознакомятся с содержанием русских секретных договоров, *а если русские солдаты узнают, что они должны продолжать сражаться до тех пор, пока цели этих договоров не будут осуществлены, они потребуют сепаратного мира.* Я посоветовал бы поэтому добавить абзац в нашем ответе, объясняющий, что наши соглашения о Малой Азии были внушены желанием преградить дорогу германскому проникнове-

---

[1]) «Вы хотите революционного энтузиазма в войске, граждане Чернов и Церетелли, — писал по поводу этой декларации Ленин в «Правде», 6 мая. — Вы не сможете создать его, ибо революционный энтузиазм народных масс рождается не от смены «вождей» в министерствах, не от пышных слов в декларациях, не от обещаний сделать шаги к пересмотру договора с английскими капиталистами, — а только от всех и каждому видных повседневных, повсеместных фактов революционной политики против всевластия капитала, против извлечения им прибылей от войны,—политики, на деле улучшающей радикально условия жизни для массы бедных...

«Вы хотите наступления, граждане Чернов и Церетелли? Вы не можете побудить армию к наступлению, ибо насилие над народом сейчас невозможно. А без насилия над народом он пойдет на наступательную войну лишь в великих интересах великой революции против капитала всех стран и при том революции не обещанной только, не провозглашенной только, а уже осуществляемой на деле»....

[2]) Когда Милюков во время патриотической демонстрации говорил речь с автомобиля перед британской миссией, это навело Бьюкенена, по его словам, на мысль об «услужливых друзьях» из известной басни.

нию, но что, если эта цель может быть достигнута другими средствами, мы, готовы были бы пересмотреть этот вопрос, когда наступит момент, удобный для обмена мнений об эвентуальных условиях мира» [1]).

В этой ответной на «прокламацию» и ноту русского правительства о целях войны ноте английского посольства, от 24 (11) мая, выражается «сердечная радость» британского правительства по поводу намерения свободной России освободить Польшу, не только Польшу русскую, но и германо-австрийскую. «В этом предприятии британская демократия желает России божьей помощи». Не менее радуется британское правительство «раскрепощению обширных частей Армении из-под отвратительного [2]) турецкого управления *и верит, что целокупная Армения равным образом освобождена будет от гнета*». Внушая временному правительству эту благородную мысль, т.-е. подбираясь уже к целям, открыто поставленным позже английским дипломатам и вооруженным силам на Кавказе, нота ссылается в оправдание этой надежды на то, что «арабы Геджаса освободились собственными усилиями, а те, которые населяют Месопотамию, обязаны своим освобождением британскому оружию». [3]). «Никто не может желать, чтобы народы эти стали снова подчиненными турецкой власти», и «почти столь же прискорбно было бы, если бы туземные населения германских колоний, занятых британскими силами, возвращены были германскому правительству, со всею его военною надменностью и жестокостью».. «В Европе у британского правительства нет территориальных вожделений, но оно признает претензии своих союзников», и «те провинции, население коих связано с нашими союзниками узами происхождения и симпатий, подлежали бы воссоединению с ними».. «Одним словом, британское правительство сердечно объединяется с русским своим союзником в своем принятии и одобрении принципа, который изложен» Вильсоном в известном его послании. Британское правительство считает, что союзные соглашения «в общих чертах сообразуются» с этим принципом... «Но, если русское правительство того желает, британское правительство совершенно готово со своими союзниками исследовать и, если нужно, пересмотреть эти соглашения».

Эту ноту временное правительство все же опубликовало (8 июня/26 мая), несмотря на то, что добавления, проектированного Бьюкененом и которое, несомненно, еще более украсило бы этот классический документ, мы в нем не находим. Но временное правительство нашло другой, более радикальный и простой выход из положения; оно исключило, по соглашению с английским правительством, из напечатанного текста все наиболее «неудобные» места—об Армении, Геджасе, Месопотамии, германских колониях, территориальных претензиях союзников в Европе, «симпатизирующих» им провинциях и т. д., т.-е. всю среднюю «деловую» часть, оставивши благочестивое вступление и утешительный конец. Так как эта неопубликованная часть ноты

[1]) Sir George Buchanan, «My Mission to Russia etc.», vol. II, p. 129.

[2]) Мы пользуемся здесь, как и «в документальной части», нескладным в отношении языка, но очень точным переводом этого документа, сделанным в министерстве иностранных дел.

[3]) Об этом «освобождении» см. «Раздел Аз. Турции».

исключала из пересмотра все претензии союзников России, то выраженная в заключение готовность к пересмотру соглашений, сводилась, очевидно, к готовности освободиться от балласта претензий русского правительства. Не мешает обратить внимание на то, что в этих изъятиях перечислены территории, из которых «должен быть изгнан завоеватель», — Франции и Румынии, а также поставлено условие «возмездия» за Бельгию, Сербию и Черногорию, но — кроме Польши—прочие оккупированные российские территории были обойдены молчанием.

Ответная нота французского посольства (от 26/13 мая), заявляла [1]), что французское правительство верит в успех мер, «имеющих целью улучшить условия, при которых русский народ намерен продолжать войну до победы над врагом», и что оно «счастливо чувствовать себя вполне солидарным с русским правительством и народом в принципах, которые вдохновляли русскую политику во время настоящего конфликта. Франция не помышляет притеснять ни одного народа, ни одной национальности, находящейся даже в числе ее врагов». У нее нет «захватных корыстных помыслов», и она «никогда не захочет отнять у законных обладателей их территории», — она хочет только «уничтожения гнета» и «наказания» за «преступления, покрывшие позором наших врагов в этой войне». Франция вступила в войну только во имя самозащиты и «свободы народов». Она, конечно, принимает к сведению, что «Россия провозгласила восстановление полной независимости Польши»... Для себя она желает возвращения Эльзаса и Лотарингии, и «будет сражаться со своими союзниками до победы, дабы обеспечить за Эльзасом и Лотарингией полное восстановление их территориальных прав, а также политической и экономической самостоятельности (?); кроме того, она желает возмещения убытков..., а также необходимых гарантий «против своих врагов»... «Только после победной борьбы союзники смогут создать прочный и длительный мир на основах права. Российское временное правительство может быть уверено, что французское правительство исполнено желания прийти с ним к соглашению не только по вопросу о способах продолжения войны, но также и об ее окончании, путем изучения и установления, с общего согласия условий, при которых союзники могут рассчитывать на достижение окончательного решения, согласованного с теми идеями, которыми они руководились при ведении настоящей войны».

Эта нота была подвергнута, повидимому, той же операции, что и английская. Смысл ее также не оставлял сомнений: в пределах не только воссоединения Эльзаса и Лотарингии, но и возмещений и гарантий, а, главное, при условии «победной борьбы», французское правительство готово было сначала согласиться насчет «способов продолжения войны», а затем изучить условия «достижения окончательного решения», которое, во всяком случае, должно быть согласовано с «идеями», руководившими союзниками при ведении войны.

Что скрывалось за более или менее удачно скомпанованной риторикой официальных ответов русскому правительству, показано наглядно телеграммой итальянского министра иностранных дел Соннино итальянскому послан-

---

[1]) Цитируем этот документ также по переводу министерства ин. дел.

нику в Румынии от 3 июня, — телеграммой, которую удалось расшифровать в министерстве ин. дел временного правительства. Итальянское правительство, — коротко и ясно говорит Соннино, — «не может допустить никакого пересмотра заключенных ранее с союзниками договоров, который отразился бы на преимуществах, по праву приобретенных им фактов своего вступления в войну» [1])...

Таковы были политические последствия «лояльного» дипломатического выступления временного правительства по вопросу о пересмотре целей войны.

Но опасения, которые начала уже внушать русская революция за границей правящим кругам, с одной стороны, и движение, пробуждавшееся в рабочих массах, с другой, — дают чувствовать себя во Франции «агитацией против президента республики» и «весьма нервным» настроением Пуанкарэ [2]).

В России поставлен был со всею остротою вопрос об опубликовании тайных соглашений, заключенных при старом режиме с союзными правительствами. Народная совесть, смятенная сознанием того, что России навязана пагубнейшая из войн из-за чуждых ей, преследовавшихся правящими верхами целей, при продолжавшейся под флагом революции военной пропаганде, отождествлявшей это сознание с изменой и предательством революции и России, — требовала раскрытия действительных поводов к участию в войне 1914 года.

Министру иностранных дел временного правительства пришлось высказаться по этому вопросу. Заявивши о невозможности опубликовать соглашения, заключенные царским правительством, он обосновал это заявление опасностью разрыва между союзниками и Россией и последующего изолирования России. Заявления этого было достаточно, чтобы во Франции факт существования столь неудобных для опубликования договоров вызвал «агитацию» против Пуанкарэ. Ему предъявлено было обвинение в том, что он помимо парламента заключил с русским царем соглашение, способствовавшие возникновению войны. Что не защита слабой Сербии, а надежда на получение Константинополя была «идеей», руководившей при ведении войны царским правительством, и что именно эта «идея» связала судьбы Франции и императорской России — было открытием, нанесшим первый удар французской «военной психологии». Требование опубликования секретных договоров, брошенное из России, нашло, таким образом, отклик и во Франции. Оно заронило и в Англии первые семена того протеста против «тайной дипломатии», которое привело к известному решению английских трэд-юнионов об участии в стокгольмской конференции [3]), к резолюциям и парламентским

---

[1]) В начале мая через «Новое Время» стало известным содержание междусоюзнических соглашений в части, касавшейся «выгод», обещанных Италии. Печать различных направлений обрушилась, в связи с этим, на разоблаченный итальянский империализм.

[2]) Телеграмма Извольского от 16/29 мая 1917 года.

[3]) «Первая трещина в национальном единении Великобритании», по определению стоявших на противоположных точках зрения на эту конференцию «Нов. Жизни» и «Правды».

дебатам о контроле над дипломатической деятельностью британского правительства.

Как это явление воспринималось дипломатическими представителями временного правительства, показывают телеграммы опального Извольского, его заместителя, Севастопуло, и лондонского Набокова, который, в отличие от первых двух, порывался во что бы то ни стало заговорить «от имени сознательной России». В то время, как трагедию, переживавшуюся революционной Россией, прекрасно понимали даже такие убежденные враги ее, как Палеолог, — русский дипломат сводил все вопросы к «недоверию русской демократии к нашей благородной союзнице» и преподносил такое определение английских целей войны: «миллионы английских войск» сражаются во Франции единственно «ради освобождения Бельгии и северной Франции от гнусного ига надругательства Германии»; в Салониках и в Галлиполи Англия преследовала цели, «бескорыстие которых не подлежат спору»; в Малой Азии Англия «оперирует.... не ради территориальных приобретений, а ради освобождения подвластных Турции и терпящих зверские насилия народов»; что же касается Африки, то «нет сомнения, что включение отторгнутых германских колоний в сферу независимых владений великобританской империи для этих самых колоний предпочтительнее, нежели грубая немецкая эксплуатация». «Фактически Англия борется всеми силами... во имя тех же идеалов свободы и самоопределения, которые служат светлым лозунгом русской демократии». Последний аргумент — «неужели кто-нибудь поверит, что Австралия, Канада, Индия отозвались бы на призыв Великобритании с тем удивительным энтузиазмом, который они проявили, если бы не ясен был подлинный смысл этой войны и ее подлинные цели». Поэтому дипломат этот, с одной стороны, не видел, «почему Англия могла бы колебаться ясно высказать свои цели в форме, приемлемой для нас», а с другой, — в согласии со статьями в лондонских «руководящих органах печати», он убежден, что и «в русских формулах нет ничего такого, чего Англия могла бы бояться» [1]).

На русском фронте в это время происходила деятельная подготовка к памятному наступлению в Галиции. Невозможно, конечно, установить по документам архива министерства иностранных дел, была ли посланная в связи с надеждами на успех этой операции, Набокову телеграмма за подписью Терещенко от 6 июня (24 мая) за № 2366 результатом какого-нибудь частного обсуждения или же она была одобрена всеми министрами. Во всяком случае, она имела целью парализовать отмеченный выше, — по меньшей мере, скромный — дипломатический успех выступления временного правительства по вопросу о целях войны:

«В виду принципиального согласия английского правительства на обсуждение вопроса о целях войны, мы считаем, что в настоящую минуту нашим интересам не отвечало бы вызвать немедленный обмен взглядов с союзниками по этому вопросу. Такой момент наступит после того, как увенчаются успехом, как мы твердо верим, нынешние усилия временного правительства восстановить положение на нашем фронте». Кончается эта телеграмма выраже-

---

[1]) Телеграммы Набокова 3 и 6 июня нов. ст.

нием надежды на то, что «в свое время у нас будет достигнуто с Англией единомыслие относительно конечных целей, которые мы стремимся осуществить».

Через неделю (13 июня/31 мая) тот же Терещенко вручил А. Тома, при посещении им членов временного правительства, ноту, заключительная часть которой гласила: «Оставаясь непоколебимо верной общему союзному делу, русская демократия приветствует решение тех союзных держав, которые изъявили готовность пойти навстречу желаниям русского временного правительства подвергнуть пересмотру соглашения, касающиеся конечных задач войны. Мы предлагаем созвать для этой цели конференцию представителей союзных держав, которая могла бы состояться *в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия*»... Последние, мало гармонирующие между собою два определения времени созыва конференции указывают, повидимому, на «коалиционное» происхождение этого документа.

Итальянское правительство как бы оставлялось в стороне, но, со своей стороны, не намерено было отмалчиваться. 20 июня, при открытии парламента, Соннино выступил с речью, в которой критиковал формулу «мир без аннексий и контрибуций» в обычном духе, что вызвало по установленному церемониалу личное письмо Гирса, также «говорившего от имени сознательной России» в Риме, и письменное объяснение Соннино, различавшего, как оказалось, «простую» или «безотносительную» формулу «ни аннексий, ни контрибуций»—от той же формулы «без аннексий и без контрибуций», но с некоторыми «объяснениями и оговорками». Терещенко в этой дискуссии решительно стал на сторону Соннино против Гирса, разъяснивши последнему, что и временное правительство принимает эту формулу только с добавлением «самоопределение народов».

Неудача июньского наступления повлекла за собой крушение правительственной коалиции. В декларации «переустроившегося временного правительства» [1]) заявлялось, что последнее, «осуществляя начала внешней политики, возвещенные в декларации правительства 6 мая, имеет в виду предложить союзникам собраться на союзную конференцию в течение августа для определения общего направления внешней политики союзников и согласования их действий при проведении принципов, провозглашенных русской революцией».

С этого момента временное правительство перестает интересовать союзные правительства. Петроградский Совет пытается приспособить свою прежнюю политическую линию к положению, созданному июльским крахом, при посредстве стокгольмской конференции. Министру же иностранных дел временного правительства остается лишь отписываться по вопросам, возбуждавшимся скорее по привычке, чем по действительной надобности, его дипломатическими представителями. Исключение составляет вопрос об опубликовании секретных договоров поднятый на этот раз германским канцлером в конце июля и на который глава французского кабинета, Рибо, без стеснения, ответил, что Франция не против этого опубликования, не согла-

---

[1]) Выражение, употребленное в этой декларации, датированной 8/21 июля

шается же на него *Россия*. На сообщение об этом выступлении Рибо, Терещенко ответил, что «если бы Франция и ныне поддерживала в полном объеме свои требования, то это, без сомнения, произвело бы неблагоприятное впечатление на русскую демократию... На это обстоятельство я считаю нужным обратить внимание Рибо ранее оглашения февральского соглашения». Предостерегши, таким образом, Рибо от неосторожного шага, Терещенко просит затем, если Рибо найдет нежелательным опубликовать соглашение о восточных границах Франции, чтобы он сделал «новое гласное заявление» о том, что он сам, Рибо (или Франция), не желает этого опубликования.

Российский поверенный в делах в это время, повидимому, не часто видит французского премьера и в ответе своем вынужден ограничиться информацией, почерпнутой «из частных разговоров в министерстве иностранных дел». Вывод его из этой информаиции таков, что российскому министру иностранных дел лучше всего было бы, если только впечатление от заявления Рибо было «не особенно сильно», отказаться от своего требования: «это могло бы быть представлено здесь, как существенная услуга французскому правительству» [1])... Соблазненный министр временного правительства подтверждает, что вопрос этот, «действительно, утратил острый характер» и что он «охотно готов не настаивать на ответе Рибо по этому поводу».

После этого Рибо, отвечая на запрос в палате по поводу того, что он не сдержал обещания опубликовать секретные документы, — *повторил* свое заявление, что возражает против этого опубликования русское правительство, которому он не хотел бы чинить какие-либо затруднения [2]). На этот раз Севастопуло добился уже не частного разговора, а официального свидания с директором департамента, и смело указал ему, что Рибо мог сослаться на «союзников вообще, не указывая в частности на нас», но получил неопределенный ответ, что Нулансу поручено переговорить по этому поводу с Терещенко. Последующие сообщения Севастопуло свидетельствуют, что либо он о действительных настроениях во французских правительственных кругах ничего не знал, либо считал излишним информировать о них Терещенко. Как теперь известно, в течение июля происходили упоминавшиеся нами «частные» переговоры Бриана с Германией через Бельгию об условиях мира. Переговоры эти были прекращены по требованию Рибо, несмотря на то, что они, и по теперешнему убеждению Бриана [3]), сократили бы год бедствия войны. Очевидно, французское правительство в это время твердо рассчитывало на близость победы, и предположение Севастопуло о готовности французского правительства опубликовать «все наши соглашения», в том числе и февральское, с оговоркой о его недействительности, — было верхом наивности или небрежности.

Это обнаружилось в полной мере при свидании его с Рибо, заявившим, что Терещенко будто бы говорил Нулансу о затруднительности опубликовать февральское соглашение, как связанное с соглашением о Проливах, — в отно-

---

[1]) Телеграмма Севастопуло от 12 августа (30 июля).

[2]) Севастопуло 6/19 сентября.

[3]) Заявление его на суде по делу барона Corrée (Коппе).

шении действительности которого пришлось бы высказаться, в свою очередь, временному правительству [1]).

Терещенко ответил, что он ничего такого не говорил Нулансу, а во французском министерстве иностранных дел показывали Севастопуло телеграмму Нуланса, в которой Нуланс сообщал этот свой разговор с Терещенко. Последний, впрочем, и на этот раз «не намерен создавать в настоящем деле *затруднений Франции и ставить Рибо в еще более неловкое положение*». Поэтому он ограничивается «официальным заявлением», что «со стороны России не встречается возражений против оглашения всех вообще соглашений, заключенных как до, так и во время войны, если на это последует согласие со стороны прочих заинтересованных союзников» [2]). Затем он, совершенно не понявши телеграммы Севастопуло, передавшего слова Камбона, что соглашение о Малой Азии стоит «особо» (как «не окончательное», а потому-де не подлежащее опубликованию), пространно возражает против воображаемого мнения Рибо, доказывая, что малоазиатское соглашение нельзя отделить от константинопольского. Эта телеграмма [3]) показательна для внутреннего состояния временного правительства в такой же мере, как сообщение Севастопуло от 1 октября (18 сентября) характерно для внешнего положения этого правительства: когда Севастопуло передал французскому министру иностранных дел заявление российского министра иностранных дел и вручил ему записку о неимении возражений со стороны временного правительства против опубликования всех договоров, заключенных как до, так и во время войны, то французский «министр сказал... что он, в случае надобности, не преминет руководствоваться указаниями, содержащимися в ней». И, продолжая явно издеваться, он добавил, что, «насколько он понимает, эта записка не подлежит опубликованию». Судя же по тому, что Севастопуло стяжал также репутацию не простака, он не мог не усмехнуться (почтительно, конечно), отвечая на это «утвердительно». Наконец, надо думать, к этой телеграмме уже совсем под веселую руку было им приписано: «В случае, если бы я Вас в этом последнем отношении не понял, не откажите мне телеграфировать для сообщения министру».

За два дня до этого в Ташкенте местный Совет взял власть в свои руки, а в Центральном Комитете Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) уже лежали тезисы Ленина под общим заголовком «Большевики должны взять власть».

Е. А. АДАМОВ.

---

[1]) Севастопуло 21 (8) сентября.

[2]) Телеграмма Терещенко 24 (11) сентября.

[3]) 25 (12) сентября.

ДОКУМЕНТЫ.

ПОЯСНЕНИЕ.

Скобки: кривые скобки ( ) принадлежат подлиннику, прямые [] — редакции.

Многоточие соответствует пропуску слова или слов в подлиннике; в тех случаях, когда можно точно установить на основании документа количество пропущенных или неразобранных телеграфных групп (например, в перехваченных телеграммах иностранных правительств и посольств в Петрограде), число отмечается в примечании.

Документам сообщены заголовки, отсутствующие в подлиннике. Вместо стереотипной фразы — «Секретная телеграмма посла...» или «министра иностранных дел» — указано имя отправителя и адресата. Пункт отправления особо отмечается нами только в том случае, когда он является необычным для отправителя (например, Ставка, и т. д.).

В датах русских документов сохраняем 2 стиля (старый и новый); в датах иностранных — один новый.

Слова, подчеркнутые в подлиннике, печатаются курсивом. Карта предполагаемой зоны русской аннексии составлена на основании данных, содержащихся в документах, печатаемых ниже, а также ранее опубликованных в «Разделе Азиатской Турции».

I.

Соображения царского правительства по вопросу о Константинополе и Проливах.

I.

Российский посланник в Белграде кн. Г. Н. Трубецкой послу в Константинополе М. Н. Гирсу.

(С копии письма).

7/20 августа 1914 г.

Не знаю, как и когда дойдет до Вас это письмо. Пользуюсь случайно выпавшею свободною минутою, чтобы поделиться с Вами следующими соображениями:

Если бог даст нам успех, то станет вопрос о выгодах, которые нам желательно извлечь из войны, требующей столь громадного напряжения всех сил страны.

То, что мы можем приобрести на наших западных границах, есть скорее выполнение неизбежного исторического долга, чем наша прямая выгода. Только устья Немана для нас и Висла для Польского края явились бы серьезной компенсацией. Но, конечно, невольно прежде всего мысль обращается к Проливам.

В ту минуту, как я Вам пишу, положение Турции не определилось еще бесповоротно. Помимо того, мы находимся лишь в начале войны, и кто может предугадать, сколько времени она продлится и какого напряжения сил она будет стоить. Нельзя также заранее учесть политической обстановки, при которой будет заключен мир. Поэтому теперь приходится представить себе целую скалу возможностей и того, чего нам добиваться, при тех или иных условиях.

Исходя из этих общих соображений, я представляю себе, в грубых чертах, следующие положения:

1) Турция остается нейтральной. Ее территориальная неприкосновенность гарантирована тремя державами. Все же в этом случае, по заключении мира, нам необходимо оговорить преимущественное для прибрежных государств Черного моря право прохода военных судов через Проливы.

2) Турция принимает меры либо против балканских государств, либо против нас. В этом случае трудно установить определенную градацию. Же-

лательно было бы, однако, определить то обеспечение нашего контроля над Проливами, которое менее всего встретило бы сопротивление Англии и явилось бы вообще наиболее осуществимым.

Нельзя ли мыслить такое положение: все турецкие укрепления на Босфоре и Дараданеллах уничтожаются, мы же завладеваем укрепленными пунктами на обоих побережьях у выхода Босфора и у выхода Дарданелл, при чем, быть может, самым существенным было бы обладание Галлиполийским полуостровом, ибо оно могло бы быть отграничено, дабы не давать повода к подозрениям в более широких замыслах, и в то же время представило бы нам серьезные гарантии.

Не представят ли такие опорные пункты, при наличии флота в Черном море, достаточное стратегическое для нас обеспечение свободы Проливов?

Что касается более радикального решения, предполагающего занятие Константинополя, то подобное решение сейчас трудно ставить иначе, как академически. Война только что начинается. Далее, надо заранее стремиться избежать повторения ошибки Германии, вооружившей всех против себя своим явным стремлением поколебать равновесие в Европе.

Я извиняюсь за спешность моего изложения по столь важным вопросам. Мне хотелось лишь поделиться с Вами теми вопросами, которые у нас встают здесь и которые требуют самого внимательного обсуждения с точки зрения политической и военно-морской. Крайне был бы Вам признателен, если не откажете в сообщении Вашего мнения, а пока прошу Вас верить и т. д.

II.

Памятная записка вице-директора канцелярии российского министерства иностранных дел Н. А. Базили:

«О целях наших на Проливах» [1]).

Исторический вопрос о Проливах имеет для России экономическое, стратегическое и общеполитическое значение.

§ 1.

Морской путь через Проливы является для нас важнейшей торговой артерией. О значении ее для нашего вывоза свидетельствуют нижеследующие цифры:

Вывоз из России в миллионах рублей:

	Через Дарданеллы:	Весь вывоз из империи:
1903	410	1.001
1904	410	1.006
1905	406	1.077
1906	378	1.094

[1]) Заголовок подлинника.

	Через Дарданеллы:	Весь вывоз из империи:
1907	386	1.053
1908	345	998
1909	565	1.427
1910	565	1.449
1911	568	1.591
1912 [1])	433	1.518

В среднем за это десятилетие вывоз через Дарданеллы составляет 37% всего вывоза из империи.

Морская перевозка наших грузов, вывозимых через Проливы, не может быть заменена сухопутным транзитом. Последний обходится, в среднем в 25 раз дороже перевозки морем, вывоз же наш из Черного моря состоит из хлеба и вообще сырья, т.-е. грузов, не выдерживающих высокого фрахта.

Первостепенная важность для нас торгового пути через Проливы явствует и из того, как тяжело отразилось на всей нашей экономической жизни даже временное закрытие их Турцией в 1912 г. и 1913 г. [2])

Причиненный нам этим ущерб исчисляется свыше 30 миллионов рублей за каждый месяц. Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи на 1914 год, торговый баланс России в 1912 году был на сто миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие 3 года. Причина этого усматривается в недостаточно удовлетворительной реализиции урожая; затруднения в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошли вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов. Примером того, как глубоко затрагивает нашу экономическую жизнь всякий перерыв движения через Проливы, может служить вызванное этим повышение весною 1913 года государственным банком учета на ½% для трехмесячных векселей.

Значение для России морского торгового пути через Проливы в будущем, несомненно, еще во много раз увеличится. Экономическое развитие нашего юга происходит особенно скоро и успешно. Можно ожидать, что, благодаря обилию железа и угля и близости моря, наши южные губернии превратятся в богатый промышленный район. Это не сможет не вызвать роста черноморской торговли. Такое же влияние окажет и развитие путей сообщения и эксплуатации богатств экономического Hinterland-а Черного моря и, в частности, Персии.

Свобода морского торгового пути из Черного моря в Средиземное и обратно является, таким образом, необходимым условием правильной экономической жизни России и дальнейшего развития ее благосостояния [3]).

---

[1]) Уменьшение вывоза через Дарданеллы в 1912 году является следствием временного закрытия их во время итало-турецкой войны. Приведенные цифры исчислены на основании данных министерства торговли и промышленности. (Прим. подлинника).

[2]) Во время итало-турецкой и балканской войн 1911 — 1912 — 1913 г.г.

[3]) Примером того, как давно сознается эта истина, могут служить следующие слова, написанные французским публицистом Фавье в 1773 году: «Война Рос-

Между тем, при существующем положении беспрепятственность торгового движения через Проливы не может считаться для нас обеспеченной. События последних лет показали, что, когда Турции оказывалось выгодным, она закрывала Проливы, и даже на продолжительное время, не считаясь с нашими интересами. Если минирование Проливов во время итало-турецкой и греко-турецкой войн [1]) вызвано было соображениями оборонительного свойства, то закрытие Проливов в середине сентября 1914 г. [2]), когда Турция ни с кем не воевала, является не чем иным, как грубым злоупотреблением.

Зависимость этого важнейшего для нас торгового пути как от произвола чужой территориальной власти, так и от состояния ее международных отношений нельзя не признать не только противоречащей нашим первостепенным государственным интересам, но и унизительной для нашего престижа.

С экономической точки зрения целью нашей в отношении Проливов должно поэтому быть установление гарантий беспрепятственного пользования этим морским путем для нашей торговли.

Гарантии эти должны быть реальными. Одни юридические обеспечения не могут здесь быть достаточными. Они имели бы значение лишь на время мира. В случае же войны действительность их зависела бы от ограждения их силою. Без санкции гарантии эти не могут поэтому иметь цены.

Такие гарантии могут явиться вполне прочными лишь в случае подчинения всего морского пути через Проливы в той или иной форме нашей власти. Лишь в случае, если охрана этого пути будет в наших руках, мы можем иметь уверенность, что он будет огражден во всякое время от чьих бы то ни было посягательств. Менее полные гарантии дадут, конечно, и меньшей цены обеспечение.

Необходимо, однако, иметь в виду, что даже установление нашего господства над Проливами не даст нам безусловного обеспечения экономического выхода нашего в Средиземное море. Оно не устранит возможности для державы, располагающей в Средиземном море достаточными морскими силами, в случае войны с нами, объявить и осуществить блокаду Проливов.

§ 2.

Стратегическое значение Проливов заключается в возможности для государства, господствующего над ними, по своему усмотрению без значительных морских сил препятствовать прохождению военных судов из Средиземного моря в Черное и обратно. Кроме того, Проливы являются пре-

---

сии с Турцией является прежде всего торговой войной, ибо для России черноморская торговля имеет столь же важное значение, как для Франции, Испании и Англии — торговля американская. (Прим. подлинника).

[1]) Имеется в виду итало-турецкая война 1911 — 1912 г. и 2-ая балканская война 1912—1913 г.

[2]) 14/27 сентября 1914 г. Турция закрыла Проливы, ссылаясь на предписание, полученное английской эскадрой, «не выпускать ни одного турецкого судна из Дарданелл и стрелять по нему в случае выхода». (Телеграмма российского посла в Константинополе Гирса от 14/27 сентября 1914 г., № 1228).

красной оперативной базой для действий флота как в Средиземном, так и в Черном море.

Так как Проливы представляют из себя два последовательных дефиле — Босфорский и Дарданелльский проливы, — то господство над обоими обеспечивает возможность свободно проводить суда из одного моря в другое, господство же только над одним из них позволяет не допускать выхода судов в прилегающее к нему море.

Говоря о Дарданелльском дефилэ, нужно разуметь под ним не только самый Дарданелльский пролив, но и морское пространство между ним и прилегающей к нему группою Эгейских островов, — Тенедос, Имброс, Самофракия и Лемнос. Острова эти настолько близко расположены к Дарданеллам, что могут быть в большей или меньшей степени использованы для воспрепятствования выходу из этого пролива.

Современная военная техника дает различные средства для преграждения чужому флоту пути через дефилэ.

В смысле узости водного пути и глубины его, Босфор и Дарданеллы отвечают условиям, при которых закрытие их может быть осуществлено следующими средствами:

1) установкою береговых батарей,
2) установкою на берегу минных аппаратов,
3) заграждением водного пути подводными минами,
4) действием в Проливах подводных лодок.

Все эти средства могут быть применены лишь в случае господства над берегами Проливов. Нечего и говорить, что это является необходимым условием для установки на берегу артиллерии или минных аппаратов. Подводные минные заграждения будут действительны лишь, если будут защищены артиллерией, дабы они не могли быть удалены противником при помощи тралеров [1]). Подводные же лодки могут действовать в Проливах лишь в случае отсутствия для них опасности с берега, так как, в виду необходимости показывать перископ, они могут быть уничтожены огнем береговой артиллерии.

Нахождение Проливов в чужих руках имеет для нас, с военно-морской точки зрения, следующие невыгодные последствия.

Обладание Дарданелльским дефилэ (включающим, как выше указано, и лежащие впереди его теснины между островами) дает государству, им владеющему, возможность препятствовать выходу наших военных судов из Черного моря в Средиземное, а также не допускать прохода наших военных судов из Средиземного моря в Черное либо для усиления нашего черноморского флота, либо для укрытия в наших черноморских портах.

Владея еще и Босфором, государство это может проводить из Средиземного моря в Черное враждебные нам морские силы — собственные или чужой державы. Разительным примером создаваемой таким положением

---

[1]) Запереть же Проливы, не владея берегами, неожиданным забрасыванием мин можно лишь на короткое время, пока мины эти не будут вытралены. Этому можно помешать с помощью флота лишь в том случае, если государство, владеющее Проливами, не озаботилось созданием достаточных средств обороны их. (Прим. подлинника).

опасности для обороны нашего южного побережья может служить появление в Черном море «Гебена» и «Бреслау» [1]).

Соответственно сему стратегические задачи наши на Проливах могут быть двоякого рода.

Стремления наши могут ограничиться созданием такого положения, которое давало бы нам возможность не допускать проникновения в Черное море чужих морских сил. Задачу эту можно назвать пассивной.

Установление такого положения в высокой степени укрепило бы и упростило бы оборону нашего черноморского побережья. Оно позволило бы нам в значительной степени сократить в Черном море наши морские силы, задачи коих ограничились бы борьбой с флотами государств, прибрежных к Черному морю.

В противоположность этой чисто оборонительной задаче, перед нами на Проливах может ставиться и более широкая, — так сказать, активная, — а именно обеспечения во всякое время, следовательно, и во время войны, беспрепятственного движения наших военных судов через Проливы и свободного их выхода в Средиземное море. Такое решение, очевидно, требует подчинения нашей власти всего морского пути из Черного моря в Средиземное.

Необходимо, однако, оговориться. Господство наше над морским путем этим, даже в случае распространения его на лежащую впереди Дарданелл группу Эгейских островов, еще не может при всяких обстоятельствах дать нам уверенность в свободе нашего доступа в Средиземное море. Противник, располагающий морским господством в этом море, очевидно, всегда будет в состоянии не пустить в него наших судов. Такое положение неизбежно создастся в случае борьбы нашей с первостепенною морскою державою, при условии, однако, что флот ее не будет оттянут в другом направлении, как, например, в случае одновременной войны ее с другой крупной морской державою.

При обеспечении выхода наших военных судов в Средиземное море, значение черноморского флота совершенно изменилось бы. Деятельность его не была бы ограничена одним Черным морем. Мы получили бы возможность использовать его и в других морях. Нам не приходилось бы содержать, как теперь, на нескольких морях значительные морские силы, что так тяжело ложится на наш бюджет. Мы могли бы в таком случае иметь лишь один «флот открытого моря» на Черном море, ограничиваясь на других морях морскими силами, предназначенными исключительно для оборонительных задач.

Сокращение морской сметы, которое получится в таком случае, до известной степени компенсировало бы те материальные жертвы, которые неизбежно вызвало бы укрепление нашей власти на Проливах.

Затем свобода плавания наших военных судов через Проливы дала бы нам возможность грозить нашим флотом в Средиземном море, что при усло-

---

[1]) В начале мировой войны германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау» попытались напасть на французские транспорты, а затем направились на соединение с австрийским и итальянским флотами. Получив инструкцию итти в турецкие воды, крейсеры прибыли в Константинополь 10 августа 1914 г. Здесь они были куплены турецким правительством и получили имена: «Султан Явус» и «Медилли».

вии обладания внушительными морскими силами могло бы в высокой степени усилить наше влияние в мире. Как уже было указано, Проливы являются прекрасной оперативной базой для флота в Средиземном море.

Значение этих доводов может быть, конечно, сильно оспорено. В частности, сомнению может быть подвергнута польза для нас широкой наступательной морской политики, по крайней мере, в настоящее время.

Главным аргументом в пользу разрешения вопроса о Проливах, в смысле обеспечения выхода наших военных судов в Средиземное море, служит то соображение, что свобода выхода из Проливов торгового флота в военное время определяется теми же условиями, что и для военного флота.

Действительно, если какой-либо державой создана будет фактическая невозможность плавания из Черного моря в Средиземное, например, путем минирования Дарданелл, то не пройдут в Средиземное море не только военные суда наши, но и торговые суда всех наций. Суда эти окажутся в одинаковом положении с военными и в случае объявления о блокаде Дарданелл. Лишь недопущением последней может быть ограждена свобода торгового движения.

Активная стратегическая задача на Проливах требует, таким образом, того же решения, как и задача обеспечения экономического выхода нашего в Средиземное море, поскольку обеспечение это признается необходимым распространить и на случай войны.

§ 3.

Владение Проливами позволяет пользоваться ими для воспрепятствования плаванию из Черного моря в Средиземное и обратно. Пока они находятся в руках Турции, выход наших военных судов из Черного моря неизбежно фактически подчинен ей.

Но при существующем положении выход из Черного моря закрыт для нашего флота и независимо от отношения к этому Турции. Действующими договорными постановлениями установлено запрещение прохождения военных судов всех наций через Босфор и Дарданеллы.

Запрещение это оценивалось различным образом с точки зрения наших интересов.

В пользу признания невыгодности для нас юридического закрытия Проливов говорят следующие соображения.

Во-первых, закрытие Проливов лишает Россию во всякое время, и в частности даже при мире с Турцией, возможности, по мере надобности, свободно перебрасывать свои морские силы из Черного моря в другие моря и обратно. Постановление о закрытии Проливов явилось в 1914 г. помехой использованию наших черноморских морских сил в войне с Японией, что могло бы, быть может, существенно отразиться на исходе этой войны [1]).

[1]) Секретной статьей (ст. 7) англо-японского союзного договора 1902 г. Англия обязалась: «Охранять соблюдение всех существующих трактатов, имеющих общее или особенное для Японии значение». Во исполнение этой статьи, с 1903 г. Англия стала оказывать энергичное давление на Турцию, требуя от нее ограничения права выхода для судов русского добровольного флота и транс-

Во-вторых, при закрытии Проливов Россия стеснена в пользовании своими черноморскими верфями для общей надобности своих флотов, в виду невозможности вывести в другие моря построенные в Черном море суда.

В-третьих, закрытие Проливов не позволяет России усиливать, в случае необходимости, свой черноморский флот иначе, как сооружением новых судов на наших черноморских верфях. Это ставит нас на Черном море в положение неравенства с возможными нашими противниками в этом море. Покупка Турцией готовых боевых единиц в других странах может надолго изменить в ее пользу соотношение наших и турецких морских сил в Черном море, в виду невозможности для нас ответить на усиление турецкого флота иначе, как закладкой на наших черноморских верфях новых кораблей, сооружение которых требует не мало времени. Турция может также получить преимущество над нами, благодаря возможности заказывать свои суда на западных верфях, как известно изготовляющих суда гораздо скорее, чем наши заводы. Создаваемая таким положением беспомощность наша представилась с полной очевидностью, когда зашла речь о приобретении Турцией бразильского дредноута «Рио-Жанейро» и о заказе ею в Англии дредноута «Решадие» [1]).

Против допущения прохода через Проливы военных судов всех наций приводятся следующие доводы.

Указывают, что, соглашаясь на доступ в Черное море чужих флотов, мы сами отказываемся от исключительного положения в этом море и теряем один из способов постоянного воздействия на Турцию в смысле достижения наших политических целей на Ближнем Востоке.

Затем с открытием Проливов становится возможным появление постоянных иностранных эскадр в Черном море, чем могут воспользоваться недружелюбно относящиеся к нам державы для создания нам постоянной угрозы.

Высказывается еще мнение, что открытие Проливов требует предварительного создания нами могущественного флота в Черном море. Соображе-

---

портов с военным снаряжением и войсковыми частями из Проливов. Зимой 1904 г., когда возник вопрос о посылке отряда черноморских броненосцев на Дальний Восток, Англия указывала Порте, что выход русских судов из Черного моря явился бы недопустимым нарушением международных трактатов о Проливах. (Дело архива б. министерства иностранных дел «О выходе русских судов в Черное море» 1904 г. см. Оранжевую книгу, изданную министерством: «Записка по поводу направления на Дальний Восток судов русского черноморского флота»).

[1]) В 1913—1914 г.г. русский черноморский флот состоял из пяти линейных кораблей постройки 1893—1910 г.г., двух крейсеров и 17 миноносцев. Все суда эти были устарелого типа. Кроме того, в Николаеве строились три дредноута, готовность которых определялась 1916—1917 г.г., два крейсера и 9 миноносцев. С турецкой стороны этим судам противопоставлялись 2 линейных корабля, 2 крейсера и 12 миноносцев. Осенью 1914 г. турецкий флот должен был усилиться двумя дредноутами: «Решадие», строившимся в Англии, и купленным у Бразилии «Рио-Жанейро» («Султан Осман I»). Это усиление давало туркам фактическое преобладание на Черном море до 1916—1917 г.г., когда должны были вступить в строй черноморские дредноуты. В связи с этим, в 1913—1914 г.г. русским морским ведомством был поднят вопрос о посылке в Севастополь бригады балтийских дредноутов и о покупке в Англии и в С.-А. С. Штатах кораблей, строившихся для южно-американских республик. (Дело архива б. министерства иностранных дел «Проливы и военно-морское положение в черноморском районе», 1914 г.).

ние это нельзя признать основательным. Оно исходит из ложной уверенности, что единственным нашим противником в Черном море, благодаря договорам о закрытии Проливов, может быть Турция. Появление такой точки зрения нужно скорее признать одним из опасных последствий закрытия Проливов.

В целях сочетать выгоды отмены для нас закрытия Проливов с выгодами недопущения в Черное море чужих флотов, предложено было разрешить прохождение через Проливы лишь военным судам прибрежных к Черному морю государств. Решение вопроса о плавании военных судов через Проливы в этом смысле необходимо, конечно, считать наиболее желательным с нашей точки зрения. Такое принципиальное признание неравенства между судами, плавающими под разными флагами, имеет, однако, мало шансов на успех.

Взвешивая соображения за и против открытия Проливов, приходится признать, что выгоды, даваемые нам правом проводить наши военные суда через Проливы, значительно превышают невыгоды допущения в Черное море чужих флотов. Невыгоды эти, впрочем, совершенно отпадают в случае подчинения нашей власти выхода из Босфора в Черное море.

§ 4.

Как уже было упомянуто, лежащая впереди Дарданелльского пролива группа Эгейских островов — Тенедос, Имброс, Лемнос и Самофракия — могут быть использованы для облегчения операций против этого пролива.

Стратегическая задача обеспечения нашего выхода в Средиземное море не может быть поэтому разрешена безотносительно к судьбе этих островов.

Тактическое значение их не одинаково. Свобода выхода из всякой узкости обеспечивается созданием впереди ее плацдарма, позволяющего развернуться флоту, совершающему операцию входа или выхода из узкости.

Острова Имброс и Тенедос находятся в таком небольшом расстоянии от устья Дарданелльского пролива, что лежат в пределах требуемого по современным условиям плацдарма. Вполне удовлетворительная организация защиты Дарданелл требует поэтому, чтобы эти два острова могли быть использованы в этих целях, а именно образовали бы морской фронт крепости, призванной обеспечить устье Проливов от действия с моря. В противном случае, опираясь на эти острова, даже сравнительно небольшой флот мог бы заблокировать Дарданеллы против весьма сильного противника. Кроме того, на островах этих может быть установлена артиллерия для обстрела устья Проливов.

Если Имброс и Тенедос непосредственно господствуют над устьем Дарданелльского пролива, то Лемнос и Самофракия командуют над лежащим впереди его морским пространством, образующим вышеозначенный плацдарм. В частности, Лемнос, обладающий превосходными бухтами, как, например, Мудрос, может послужить очень ценной базой для теснейшей блокады того же плацдарма. Отсюда следует, что защита устья Дарданелльского пролива может быть удовлетворительно организована лишь при условии, что острова

Лемнос и Самофракия не могли бы быть использованы для действий против Проливов.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что значение Лемноса с этой точки зрения несравненно выше, чем Самофракии. Лемнос непосредственно господствует над плацдармом, лежащим впереди Дарданелл; Самофракия же командует лишь над северными подступами к этому плацдарму, оставляя свободными остальные подступы. Она, таким образом, не входит в цепь трех островов, от которых непосредственно зависит морской путь из Дарданелл [1]).

§ 5.

Обладание Проливами Турцией долго считалось для нас сравнительно удовлетворительным положением. Указывалось, что Турция — государство недостаточно сильное, чтобы быть способным нам угрожать, и что она вынуждена поэтому считаться с нашими интересами; вместе с тем владычество ее на Босфоре и Дарданеллах снимает с нас заботы по охране Проливов. Если такая точка зрения, несомненно, имела многое за себя, то за последнее время она стала мало защитимою. Внутреннее разложение Турции пошло настолько далеко, что правительство ее стало орудием внешних влияний. Она вошла в орбиту враждебной нам группы держав. Под их влиянием она стала развивать свои вооруженные силы и заняла угрожающее нам положение. Стратегические преимущества, даваемые Турции владением Проливов, сделались крайне ощутительными для нашего положения в Черном море. Повторным закрытием Проливов, несмотря на наши протесты, Турция воочию доказала, насколько хозяйничание ее на Босфоре и Дарданеллах противоречит нашим интересам.

Но вопрос о дальнейшей судьбе Проливов выдвигается и помимо нашей воли силою вещей, в виду все более очевидной неспособности Турции возродиться и удержать в своих руках свои владения.

Если мы более не можем мириться с владычеством Турции на Проливах, по крайней мере в неограниченной форме, то переход их в руки сильного государства для нас тем более недопустим.

Можно с уверенностью сказать, что господство над Проливами всякого государства, способного оказать сопротивление нашим требованиям, неизбежно должно привести к резкому антагонизму между ним и Россией.

Причины этого лежат не только в том, что обладание Проливами таким государством равносильно подчинению ему экономической жизни нашего юга; они не ограничиваются и стратегическими преимуществами, заключающимися во владении ключами Черного моря. Географическое положение Проливов дает владению ими еще большую ценность. Господство над Босфором и Дарданеллами не только открывает двери влиянию на бассейн Черного и Средиземного морей, но является еще источником преобладания над балкан-

---

[1]) Более подробное освещение вопроса о военно-морском значении островов Эгейского архипелага, прилегающих к Дарданелльскому проливу, заключается в прилагаемой при сем записке капитана II ранга А. Д. Бубнова. (Прим. подлинника).

ским миром и передней Азией, т.-е. над странами, в судьбе которых Россия исторически наиболее заинтересована.

Мы не можем, очевидно, не относиться ревниво к унаследованию такой важнейшей для нас политической позиции. Естественно поэтому в России сложилось убеждение, что великодержавное развитие ее не может быть завершено иначе, как установлением русского господства над Босфором и Дарданеллами, и что только таким может быть окончательное разрешение вопроса о Проливах.

§ 6.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что полное разрешение вопроса о Проливах возможно только путем непосредственного утверждения нашей власти на Босфоре и Дарданеллах с частью Эгейских островов и с достаточным Hinterland-ом, чтобы владение ими было прочным. Только таким решением могут быть достигнуты в твердой и окончательной форме все наши задачи на Проливах, т.-е. экономическая и обе стратегические — активная и пассивная; оно одно соответствует нашей великодержавности, давая нам новое средство к расширению мирового значения нашего отечества.

Установление нашего непосредственного господства может быть ограничено и одним Босфором или вообще территориями, нужными нам для разрешения только пассивной стратегической задачи.

Первое решение можно назвать активным, второе — пассивным.

Оценивая значение подчинения нашей власти Проливов, нельзя упускать из виду, так сказать, оборотную сторону дела.

Если владение Проливами поставит в лучшие условия охрану нашего южного побережья, то в общей системе нашей обороны приобретение это ляжет тяжелою обузою.

Проливы представляют из себя с суши весьма уязвимую позицию. Организация их защиты потребует поэтому очень значительных сухопутных средств.

По мнению компетентных лиц, можно с уверенностью сказать, что для обороны нами Босфора необходимо было бы не менее 150-200 миллионов рублей на сооружение крепости и постоянный гарнизон в размере не менее двух корпусов; в случае завладения еще и Дарданеллами расход этот в деньгах и людях пришлось бы удвоить.

Оправдываются ли эти жертвы ценностью приобретения?

Не предрешая ответа на этот многосложный вопрос, необходимо, однако, указать на то, что он должен быть разрешен с разных точек зрения, смотря по тому, ставится ли он по поводу активного решения вопроса о Проливах или по поводу пассивного его решения.

Обеспечением нашего выхода в Средиземное море имеется в виду приобретение весьма значительных выгод и в экономическом, и в военном, и в политическом отношениях. Достижение этих целей может считаться требованием нашей великодержавности. Поэтому лишь с высшей общегосударственной точки зрения может быть решен вопрос, оправдываются ли жертвы,

необходимые для проведения активного решения задачи о Проливах, и соразмерны ли эти жертвы с силами и средствами России.

Вопрос значительно суживается при рассмотрении пассивного решения. Цель наша в таком случае ограничивается недопущением враждебных нам флотов в пределы Черного моря. Оборона нашего южного побережья значительно от этого выиграет, но она может быть организована и другими средствами, например, усилением черноморского флота и его вспомогательных средств, с береговыми укреплениями и пр. Затем, как ни желательно наилучшим образом обезопасить наши черноморские берега, задача эта остается частной в общей системе нашей обороны. Все это необходимо иметь в виду, чтобы не переоценить пассивного решения вопроса о Проливах. Если решение это имеет лишь ограниченное значение, а осуществление его требует очень крупных жертв, то целесообразность их может вызвать большие сомнения.

По поводу жертв, потребных на охрану нашего господства над Проливами, возникает вопрос, не окупится ли трата войск на этот предмет, хотя бы до известной степени, возможностью ослабить наши военные силы в наших южных областях. На вопрос этот приходится ответить отрицательно. Количество войск, расположенных в Одесском округе, нельзя уменьшить, в виду соседства Румынии. Присутствие же на Кавказе значительных сил вызывается не только потребностями обороны нашей турецкой границы. Оно является необходимым условием обеспечения порядка в крае, особенно в виду вредного в этом отношении влияния близости Персии. Ограждение крупных наших интересов в этой стране от всегда возможных там смут также требует наличия достаточного числа войск на Кавказе. Уже по этим причинам не представляется возможным оставить на Кавказе менее содержимых там трех корпусов. Что же касается угрожаемости нашей кавказской границы, то она зависит от будущей судьбы Турции. Если, с потерей своих последних европейских владений и Проливов, империя Османов не распадется, то, продолжая черпать свои силы из Анатолии, являющейся источником ее средств, она будет не в меньшей, чем теперь, степени в состоянии угрожать нашей кавказской границе, а внимание ее будет, вероятно, в большей, чем теперь, степени отвлечено в эту сторону. В случае же отпадения южных ее владений—Сирии, Месопотамии и Аравии,—мощь Турции неизбежно ослабнет. И политические и военные задачи ее изменятся. С выделением же армянских областей Турции может даже исчезнуть общность нашей с ней границы.

В виду трудностей и жертв, связанных с непосредственным подчинением Проливов вашей власти, предложен был ряд менее полных решений. Самое установление нашего господства над морским путем этим также мыслимо в нескольких видах. Необходимо оценить все эти комбинации в отдельности с точки зрения наших интересов, указав, до какой степени они удовлетворяют вышеизложенным целям нашим на Проливах.

§ 7.

Часто, в особенности за границею, высказывалась мысль, что вопрос о Проливах может быть улажен, так называемой, их нейтрализацией. Послед-

няя заключается в установлении, путем заключения международного договора, взаимного обязательства держав не нарушать свободного пользования путем через Проливы ни в мирное, ни в военное время. Плавание через Проливы в таком случае предполагается поставить в правовые условия, сходные с установленными Константинопольским договором 1888 г. для Суэзского канала [1]). При таком решении вопрос о владении берегами Проливов совсем не затрагивается. Они могут остаться под властью Турции или либо полностью, либо в части перейти в обладание Болгарии или Греции. На государство, владеющее берегами, налагается лишь обязательство срыть все находящиеся на них укрепления и не возводить новых. Подобный сервитут распространяется и на командующую над Дарданеллами группу Эгейских островов.

Если бы нейтрализация Проливов на самом деле обеспечивала свободу пользования этим морским путем при всяких условиях, решение это нельзя было бы не признать заманчивым. Осуществление его достижимо без каких бы то ни было изменений территориального status quo. С нашей стороны, оно не требует ни забот, ни жертв, связанных с занятием Проливов.

Решение это имеет, однако, более кажущееся, чем действительное значение.

Международные гарантии ненарушимости плавания через Проливы создадут лишь некоторую чисто моральную преграду для государства, которое пожелает закрыть их или использовать их во враждебных нам целях. Но сами по себе никакие юридические гарантии перед силою не действительны, и потому во время войны не имеют никакой цены, если они не будут поддержаны той же силою. Самым красноречивым доказательством этого может служить недавнее нарушение Германией нейтралитета Бельгии.

---

[1]) Режим Суэзского канала был установлен особой международной конвенцией от 29 октября 1888 г. В виду того, что на него нередко ссылались французские и английские дипломаты, в связи с вопросом о судьбе Константинополя и Проливов, приводим отдельные статьи этой конвенции. Ст. 1-ой Суэзский канал признавался «свободным и открытым» для всех коммерческих и военных судов, без различия флага, как в мирное, так и в военное время. К нему никогда не могло применяться право блокады. Ст. ст. 2 и 3 касались вопроса о неприкосновенности канала и его материальной части. Ст. 4-ой договаривающиеся стороны установили, что «никакие действия, допускаемые войной, и никакие действия, враждебные или имеющие целью нарушение свободного плавания по каналу, не будут допускаться в канале и в его входных портах, равно как и в районе трех морских миль от этих портов». Пребывание военных судов воюющих держав и их снабжение допускались лишь «в пределах строгой необходимости». Ст. 5 запрещала воюющим державам в военное время «высаживать и принимать на суда в канале и его входных портах войска, снаряды и военные принадлежности». Ст. 7 предоставляла державам право иметь во входных портах Порт-Саиде и Суэзе «военные суда, числом не более двух для каждой державы». Ст. ст. 8, 9, 10 возлагали обязанность наблюдать за исполнением конвенции на дипломатических агентов держав в Египте и на египетское правительство. Наконец, ст. 12-ой державы соглашались «не домогаться территориальных или коммерческих выгод и привилегий в международных соглашениях, кои могут состояться относительно канала». Как известно, этой конвенции никто не придавал никакого практического значения, и с первого дня войны 1914 г. не было даже разговоров о судьбе ее.

Самый образец нейтрализации, на который ссылаются, предлагая применить ее к Проливам, — нейтрализация Суэзского канала, — показывает, что она имеет лишь фиктивное значение. Фактическим хозяином Суэзского канала является Англия. Владея морем, она в любой момент может своим флотом занять канал и положить конец всяким международным гарантиям.

При нейтрализации Проливов захват их с моря будет даже облегчен, благодаря срытию укреплений.

Беззащитность Проливов поставит их прежде всего под удары государства, располагающего морским господством. Но при взятии в свои руки инициативы овладение ими окажется возможным и для державы, в морском отношении более слабой, чем ее противник.

Если она успеет ввести свой флот в Проливы, она может запереть их, заняв артиллерийскую позицию главными силами своего флота, поставив минные заграждения, выставив подводные лодки и выдвинув отряды миноносцев; затем, высадив под защитою артиллерии флота десант, она может закрепить за собою эту позицию даже против более сильного флота, находящегося по ту сторону Проливов.

Если мы сами не осуществим этой операции в случае войны, она может быть выполнена нашими противниками в лице не только какой-либо крупной, но и второстепенной средиземноморской державы.

Запрещение укреплять берега Проливов не помешает и владеющему ими государству использовать их для закрытия Проливов и для борьбы с нами. Оно лишь устранит возможность для этого государства иметь на Проливах долговременные форты и вообще те средства обороны, которые могут быть созданы лишь при условии долголетней работы. Но владение берегами позволяет в любую минуту выставить на них пушки, установить у воды минные аппараты и поставить в водах Проливов минные заграждения. Своевременными мерами, помешать которым весьма затруднительно, могут даже быть приготовлены платформы для тяжелых орудий и проч. Опасность такого использования берегов Проливов будет, очевидно, большая, если ими будет владеть государство сильное. Можно поэтому думать, что Болгария или Греция оказались бы для нас в этой роли опаснее, чем Турция.

Цены не имело бы и обязательство не блокировать Проливы. Оно было бы действительным лишь, поскольку такая блокада направлена была бы против государства, могущего, в силу своего господства на море, такую блокаду не допустить.

Нейтрализация Проливов могла бы получить реальное значение лишь при условии ограждения ее силою.

Подобная охрана, по крайней мере при последовательном проведении идеи нейтрализации, мыслима лишь в случае организации ее на международных началах. Но на таких основаниях создать сколько-нибудь действительную санкцию представляется недостижимым.

Высказывалось мнение, что охрана Проливов могла бы быть поручена международной эскадре. Прежде всего нельзя предположить, чтобы все державы согласились пожертвовать значительными морскими силами для несения постоянной сторожевой службы в Проливах. По всем вероятиям, они

ограничились бы содержанием в Проливах небольших стационеров, сила которых не представила бы серьезных гарантий. Затем, из кого бы ни состояла эта международная эскадра — из небольших стационеров или из больших дредноутов, — она не будет отвечать своему назначению, как только наступят международные осложнения. Суда противников, очевидно, будут преследовать свои военные цели, забыв о международных гарантиях. Стоя в Проливах, они даже могут быть использованы для военно-наступательных задач в этих самых проливах, могут неожиданно разбросать в них мины и проч. Суда же не находящихся в конфликте держав выступят лишь в том случае, если свобода плавания через Проливы представляет достаточно мощный для них интерес, чтобы заставить их нарушить свой нейтралитет. Следовательно, если бы такое выступление состоялось, то оно произошло бы и без всякой нейтрализации Проливов.

Таким образом нейтрализация без санкций или с международной санкцией не может быть признана действительным средством обеспечения свободы Проливов. Она не устраняет возможности нарушения ее в случае войны, и даже такой, в которой Россия участия не принимает. Затем, нейтрализацией совершенно не решается и задача обороны Черного моря. Это возражение против нейтрализации отпадает, если она ограничивается лишь Дарданеллами, при одновременной отдаче Босфора в наши руки. Наконец, формальным признанием международного значения Проливов создаются преграды к достижению в дальнейшем решения, более отвечающего нашим исключительным интересам на Босфоре и Дарданеллах.

§ 8.

Совершенно особо следует поставить нейтрализацию с отдачею охраны ее в руки не всех держав, а лишь наших союзников Франции и Англии, совместно с нами. Это решение предлагается применить по отношению к Дарданеллам, тогда как Босфор в той или иной форме подчинен был бы исключительно нашей власти.

Если установление нашего господства над Дарданеллами почему-либо считается недостижимым или невыгодным, то комбинацию эту нельзя не признать заманчивой.

Пассивная наша стратегическая задача получает решение отдачею нам Босфора. Свобода же выхода в Средиземное море военных и торговых судов обеспечивается занятием Дарданелльского дефиле морскими силами Англии, Франции и России.

В виду грозной морской силы, которою располагает эта группа держав, возможность какого бы то ни было нападения на Проливы со стороны Средиземного моря исключается. Несмотря на отсутствие укреплений на берегах Дарданелл, морские силы союзников воспрепятствуют овладению ими и с суши, по крайней мере, пока эти берега не будут заняты десантом, который нам не трудно будет подвезти благодаря владению Босфором [1]).

[1]) Операция обороны Проливов морскими средствами подробнее описана при рассмотрении предположения о «занятии Проливов морскими силами». (Прим. подлинника).

Слабая сторона такого решения вопроса о Проливах заключается в том, что защита наших интересов отдается им в чужие руки. Оно предполагает неизменность существующей международной группировки и, кроме того, решимость со стороны союзных нам держав счесть всякое действие против Проливов с чьей бы то ни было стороны за casus belli. Как только в том или другом допускается сомнение, падает цена всей комбинации. При огромном значении для нас вопроса о Проливах, мы не можем не стремиться поставить решение его вне зависимости от чужой воли и построить его на основаниях более прочных, чем те, которые в данную минуту даются нам постоянно изменяющеюся международной обстановкою.

§ 9.

Разрешение вопроса о Проливах возможно искать и в направлении нашего союза с Турцией. Известна сделанная в этом направлении попытка заключением Ункиар-Скелессийского договора [1]). Такое решение предполагает принятие на себя Турцией обязательства оградить свободу нашего выхода, военного и торгового, в Средиземное море, и закрывать Проливы чужим флотам по нашему требованию. Оно не может, очевидно, иметь цены, если нам не будут даны средства обеспечить себя от нарушения с чьей бы то ни было стороны наших интересов на Проливах, насколько это возможно при отсутствии непосредственного нашего над ними господства. Это может быть достигнуто предоставлением нам контроля над обороною Проливов и над турецким флотом. В укрепления на Проливах под видом инструкторов должны быть введены наши офицеры и унтер-офицеры. План защиты Проливов должен зависеть от нашего генерального штаба. Подчинение же русской морской миссии турецкого флота представляется необходимым условием, потому что при самостоятельности его контроль наш над Проливами сведется к нулю. Стоя в Проливах, турецкие суда смогут в любую минуту обстрелять с тыла босфорские и дарданелльские форты и этой угрозою подчинить их себе. К тому же трудно ожидать, чтобы нашим офицерам удалось бы с помощью турецких солдат действовать против турецкого флота.

Для придания большей прочности нашему влиянию надлежало бы распространить наш контроль на всю турецкую армию в виде общей военной миссии. Вполне независимая от нас турецкая армия могла бы сделаться орудием враждебных нам влияний. Введение русского инструкторства могло бы уменьшить эту опасность.

---

[1]) По Ункиар-Скелессийскому договору от 26 июня/8 июля 1833 г. Россия и Турция заключали оборонительный союз сроком на 8 лет, при чем Турция обязалась, взамен неограниченной военной помощи ей со стороны России, — закрывать по требованию последней Проливы. Договор являлся вынужденным для Турции, обратившейся за помощью к Николаю I, в связи с восстанием, поднятым против султана Махмуда II египетским пашей Мегмедом-Али. Ункиар-Скелессийский договор был заменен, под давлением, главным образом, Англии, Лондонской конвенцией 1841 г. о Проливах.

Соображения, приводимые в пользу подобного решения, заключаются в том, что оно резко не нарушает существующего положения, не затрагивает вопроса о Константинополе и не требует с нашей стороны жертв, связанных с овладением берегами Проливов.

Решение это приходится, однако, признать полумерою. Как бы ни был обставлен контроль, основанное на нем положение не может не быть шатким. Это обязывает нас при таком решении быть всегда готовыми самим выступить для охраны наших интересов на Проливах и выполнить для этого стратегическую операцию завладения ими. Нам придется в таком случае постоянно содержать потребные для этой операции военные и морские силы и транспортные средства.

Лишь наличность такой постоянной угрозы может удержать Турцию под нашим влиянием, так как слишком много сил будет толкать ее к уничтожению зависимости ее от нас. Если турецкое правительство и не сможет открыто к этому стремиться, эту цель будут преследовать разные турецкие партии и организации при деятельной поддержке извне.

Затем самое осуществление контроля представляет весьма нелегкую задачу. Успешность его требует неослабной бдительности и в высокой степени зависит от практических приемов его применения. При создаваемой им трудной и щекотливой обстановке, призванный осуществлять его персонал должен обладать надлежащими качествами такта, способности приспособления и опыта. Позволительно сомневаться, окажемся ли мы в состоянии удовлетворительно организовать это дело. Опыты нашего инструкторства в Болгарии [1]), в Корее [2]) и пр. не дают оснований к благоприятным в этом отношении выводам.

§ 10.

В целях избегнуть сооружения укреплений на берегах Проливов и неизбежного в таком случае овладения ими, предложено было решение, которое может быть названо «занятием Проливов морскою силою». Вопрос о Проливах имеется при этом в виду разрешить в активном смысле.

Берега Проливов при этом решении могут оставаться во власти Турции. Последняя обязуется лишь срыть на них все укрепления и не возводить новых.

---

[1]) После окончания русско-турецкой войны 1877—1878 г. и признания державами принца Александра Баттенбергского князем болгарским русские экспедиционные войска покинули Болгарию; остались одни только офицеры-инструкторы. Деятельность их, руководимая генералами Паренсовым, Соболевым, Эрнротом и др., вследствие постоянного вмешательства российского правительства в политическую жизнь Болгарии, была довольно неуспешной. Тем не менее, русским инструкторам удалось положить основание регулярной болгарской армии.

[2]) Посылка русской военной миссии в Корею относится к 1896 г. План организации корейской армии в размере 250.000 человек был выработан русским военным ведомством. Деятельность миссии не дала положительных результатов; в критический момент (начало 1898 г.) корейское правительство (русской ориентации) не могло опереться на руководимые ею батальоны и по его желанию русские офицеры были в марте 1898 г. отозваны из корейской армии.

Она, кроме того, предоставляет нам право держать в обоих Проливах наш флот и иметь в них для него маневренные опорные пункты, не нуждающиеся, впрочем, в сухопутной обороне и представляющие собою лишь якорные стоянки с угольными и др. складами. Сверх того, было бы полезно получить право пользоваться, как опорным пунктом, еще и островами Мармара, где наши морские силы были бы менее уязвимы с суши. Оперативная же база нашего флота остается на нашем черноморском побережьи.

Основная мысль этого проекта заключается в использовании флота как крепости, пока берега не будут заняты десантной армией.

Берега Проливов, действительно, возможно в районе около 20-ти верст оборонять средствами флота. Но такая оборона берегов может быть лишь временная, так как систематическими операциями осадно-крепостного характера возможно будет с суши выбить флот из Проливов. Примером такой борьбы осадной артиллерии с флотом могут служить действия японцев в Порт-Артуре против нашей эскадры, которая была одиннадцати-дюймовыми японскими орудиями сначала выбита из порта, а затем по возвращении в него уничтожена. Дабы помешать противнику выставить против флота тяжелую артиллерию и укрепиться на берегах Проливов, нам необходимо будет предупредить это завладением, путем десантной операции, достаточным пространством на берегах Проливов для обороны их средствами полевой войны. Присутствие флота в Проливах даст нам достаточно времени и удобства для выполнения десантной операции. Поэтому при таком решении мы должны будем всегда иметь наготове десантную армию и потребные для перевозки ее транспорты, а также артиллерийские и инженерные средства для устройства укрепленного района (с сооружениями временного типа), обеспечивающего владение Проливами.

В случае действий против Проливов с моря, в них останется лишь часть флота — резервная эскадра, которая будет защищать берега их; перволинейные же силы флота будут выдвинуты вперед для чисто морской операции.

Как уже было объяснено, поскольку на Проливах перед нами ставится задача, идущая далее чисто оборонительных целей, и имеется в виду обеспечить свободу выхода в Средиземное море, необходимо, чтобы лежащая впереди Дарданелл группа Эгейских островов не могла быть использована ни как морская база для тесной блокады Проливов, ни как укрепленная позиция, запирающая выход из них.

При решении вопроса о Проливах только морскими средствами, условие это может быть достигнуто лишь в известной степени, а именно установлением в отношении этих островов сервитута, которым воспрещены были бы всякие подготовительные меры к использованию их в военно-морских целях. Это может быть дополнено предоставлением нам права иметь якорную стоянку на Тенедосе или на Имбросе. Указывалась еще возможность создания нами на одном из этих островов укрепленной морской базы. Предположение это должно быть признано мало целесообразным, так как при отсутствии владения берегами Проливов связь такой базы с тылом не была бы в достаточной мере обеспеченной.

По отношению к Турции такое решение дает нам сильный способ давления в виде постоянной угрозы нашего флота Константинополю. На всякий случай предпочтительно, однако, поставить турецкие морские и сухопутные силы под наш контроль, дабы они не могли усложнить наших операций внутри, а также вне Проливов.

Занятие Проливов морскою силою могло бы быть лишь предварительным решением вопроса. Оно не освобождает нас от необходимости в случае осложнений завершить его закреплением за нами берегов Проливов и налагает на нас обязанность всегда быть готовыми к исполнению десантной операции. Оно не вполне обеспечивает наше господство над Проливами. Быстрыми действиями противник может при удаче заставить наш флот очистить Проливы раньше, чем прибудет наша десантная армия, а после высадки ее может еще надеяться на успех полевой войны. Нельзя рассчитывать создать наспех сколько-нибудь прочную оборону на берегах Проливов. При мощности современной артиллерии укрепления могут считаться надежными лишь при наличности бетонных сооружений, создание которых, очевидно, возможно лишь при условиях долговременного владения обороняемой территорией. Решение это не может также считаться способом избегнуть крупных материальных жертв. Оно предполагает постоянную готовность десантной армии и транспортных для нее средств и приковывает к Проливам значительные морские силы.

Необходимо заметить, что идея «занятия Проливов морскою силою», примененная только к Дарданелльскому дефилэ, может явиться полезным дополнением к решению, ограничивающему более прочное наше господство одним Босфорским проливом. Это позволит, хоть до известной степени, сочетать с таким решением осуществление активных наших задач в Проливах. При условии прочной базы в ближайшем тылу Дарданелл, занятие их морскими силами сделается также более действительным.

§ 11.

Переходя к решениям вопроса о Проливах, связанным с непосредственным овладением нами территорией на берегах этого морского пути, следует сначала рассмотреть предположения, имеющие в виду лишь обеспечение обороны Черного моря, т.-е. пассивную стратегическую задачу.

Здесь представлялось бы прежде всего уместным упомянуть о высказываемой иногда мысли, что оборона Черного моря может быть обеспечена, вместо занятия берегов Босфора, приобретением морской базы на черноморском берегу вблизи этого пролива. В таком случае, как указывается, возможно было бы осуществить теснейшую блокаду устья Босфора, что теперь для нас затруднительно в виду большой отдаленности Севастополя от входа в Черное море.

Владение такою базою, действительно, значительно улучшило бы стратегическое положение нашего черноморского флота. Оно дало бы ему постоянное наблюдение за устьем Босфора и не позволило бы неприятельским судам выйти в Черное море без боя. Пока впереди Босфора соответственными

фортификационными работами не создано будет удовлетворительного плацдарма, бой у устья Босфора представит для нашего флота значительные тактические выгоды.

Но оборона Черного моря остается при таком положении исключительно в зависимости от морского боя, исход которого всегда гадателен, и не может, поэтому, считаться вполне обеспеченной. Мысль о таком решении вопроса должна быть оставлена и потому, что устройство базы вблизи Босфора повлекло бы за собой сооружение обширной крепости для охраны ее, а, следовательно, такие жертвы, которые могли бы быть оправданы лишь при более удовлетворительном решении задачи закрытия Черного моря. Затем единственные две бухты, расположенные вблизи Босфора, — Иниадская и Эреглийская (Бендер-Эрегли), — не могут быть использованы в качестве морской базы — первая, вследствие неблагоприятных условий стоянки, вторая же по малым своим размерам.

В целях дать возможно меньшее развитие нашей оккупации и избежать распространения ее на Константинополь, предложено было, хотя бы на первых порах, решить вопрос предоставлением нам группы островов Мармара [1]), а также по возможности полуострова Артаки (или Капу-Даг), при условии срытия всех укреплений на Босфоре. Оборона Черного моря была бы в таком случае перенесена на линию, соединяющую северное побережье Мраморного моря с южным и проходящую через острова Мармара. На этих островах надлежало бы соорудить укрепленную морскую базу. Оборона осуществлялась бы живою силою флота. Выгоды этой позиции, представляющие возможность широко использовать подводные лодки, минные заграждения и береговые батареи на острове Мармара, позволили бы нашему флоту выдержать натиск со стороны даже превосходных морских сил. Срытие укреплений Босфора, а, главное, возможность в любую минуту угрожать с моря турецкой столице обезопасили бы в известной степени сообщение с Черным морем и нашими портами.

Решение это, как видно, представляет много общего с предположением о «занятии Проливов морскою силою» и может явиться его дополнением. Оно имеет общие с ним слабые стороны. Оно также не освобождает нас от необходимости десантной операции в случае угрозы с суши. Оно также не гарантирует в удовлетворительной степени нашего положения. Для враждебного флота не исключена возможность при удаче прорваться через оборонительную линию в Мраморном море. Оборона Черного моря при таком решении не может считаться в достаточной мере обеспеченной. То же можно сказать и о связи нашей базы с тылом.

Преимущество этого решения перед уже рассмотренными заключается лишь в том, что оно дает нам несколько более прочное положение, благодаря получению нами укрепленной позиции в Проливах, хотя и не в достаточной мере отвечающей возложенной на нее задаче.

---

[1]) Под этой группой островов здесь разумеются острова Мармара, Афизия, Алони (или Паша Лиман) и прилежащие к ним более мелкие. (Прим. подлинника).

Рассматриваемое решение может быть допущено лишь в случае невозможности достигнуть завладения берегами Босфора.

Оборону Черного моря в свое время считалось возможным обеспечить занятием нами лишь Верхнего Босфора. В этом смысле правительственными кругами нашими в девяностых годах минувшего столетия предполагалось решить вопрос о Проливах [1]). Пределы нашей оккупации имелось в виду ограничить прилежащими к Босфору позициями до Бейкоса на азиатском берегу и до Киречь-Бурну на европейском берегу. Такое решение имело бы ту заманчивую сторону, что позволило бы оставить вопрос о Константинополе нетронутым. В настоящее время, однако, овладение одним только Верхним Босфором оказывается безусловно недостаточным. При дальности действия современной артиллерии несколько фортов на побережьи Верхнего Босфора были бы снесены в первые же дни войны.

Господство над Босфором может быть прочным образом закреплено за нами лишь в случае овладения обоими берегами всего пролива с территорией достаточной глубины для создания большой крепости, отвечающей всеми требованиями современной техники.

По топографическим условиям местности наилучшими позициями для обороны Босфора должны быть признаны со стороны Фракийского полуострова чаталджинская позиция [2]), простирающаяся от залива Буюк-Чекмедже до Деркосского озера, и со стороны Вифинийского полуострова—позиция, командующая над озером Сабанджа-Гель и долиною реки Сакирии и идущая от устья этой реки до Исмида. Эти оборонительные линии должны были бы образовать фронт долговременных укреплений нашей крепости. Непременным условием удовлетворительной организации обороны ее является еще занятие полосы достаточной ширины за этими пределами. Владение полосой впереди крепостного фронта необходимо, дабы подчинить наблю-

---

[1]) Базили, повидимому, говорит о попытке решить вопрос о Константинополе и Проливах в желательном для России смысле в 1896—1897 г.г. В 1895 г., в связи с армянскими событиями, великобританский премьер-министр и статс-секретарь по иностранным делам лорд Сольсбери предложил державам ввести в Проливы международную эскадру. Учитывая создавшуюся благоприятную обстановку, российский посол в Константинополе Нелидов представил 18/30 ноября 1896 г. на высочайшее рассмотрение памятную записку, в которой предлагал использовать турецкий кризис для русской десантной операции на Босфоре. За этим, по мнению Нелидова, должен был последовать международный конгресс для решения судьбы Оттоманской империи. На основании этой записки, 23 ноября/5 декабря 1896 г. Николаем II было созвано особое государственное совещание, на котором было решено принять экстренные меры для обеспечения русских прав в районе Константинополя и Проливов и «ограждения прохода в Черное море навсегда» (Последнее слово было приписано рукою Николая II и два раза подчеркнуто). Весною 1897 г. проект этот предполагалось привести в исполнение, однако, вынуждены были от него отказаться, в виду отсутствия транспортных средств и изменения политической обстановки. (Дело архива б. министерства иностранных дел «Проливы», I, 1879—1908 г.г. См. также «Мемуары гр. С. Ю. Витте», том I, гл. 6, стр. 82—92 и «Русско-германские отношения», изд. Центроархива, Москва, 1922 г. стр. 152—162).

[2]) Макрикийская позиция менее благоприятна для обороны и безусловно недостаточно выдвинута вперед. (Прим. подлинника).

дению зону, с которой возможен обстрел крепости, и дабы обеспечить впереди нее плацдарм для развертывания защищающей ее армии, свободы тактического маневрирования этой армии, использования удобных для боя передовых позиций, одним словом, для придания обороне возможно большей активности, а, следовательно, продолжительности и успешности. Ширина этой полосы ни в коем случае не могла бы быть менее 20-ти верст, но в предвидении успехов техники предпочтительно было бы дать ей бо́льшую глубину. Крепостной район у нас ныне, вообще, принято распространять на 30 — 40 верст впереди линии укреплений. В пределы оккупации должны были бы войти и Принцевы острова. Их надлежало бы включить в морской фронт крепости. Хотя они и не расположены вполне благоприятно, как позиция, прикрывающая плацдарм перед устьем Босфора, все же они до известной степени могут облегчить операцию выхода флота в Мраморное море.

Как уже было упомянуто, приблизительная стоимость подобной крепости может быть исчислена в 150 — 200 миллионов рублей, трату же людей на гарнизон ее нужно оценивать не менее, чем в два корпуса.

Созданием нами обширной крепости, охватывающей Константинополь, не предрешается еще необходимость полного подчинения нам этого города в административном отношении. Гражданское управление в черте города могло бы быть организовано на началах автономии, и вмешательство наше могло бы ограничиться областью наших специально военных интересов. Лишь в случае приведения территории нашего занятия в осадное положение на Константинополь надлежало бы распространить наше военное управление. Предоставление городу Константинополю самоуправления уменьшило бы трения, неизбежно связанные с подчинением непосредственному влиянию нашему такого крупного центра, в котором сосредоточиваются столько финансовых, национальных, религиозных и других интересов; оно могло бы явиться некоторым удовлетворением эллинизму, так ревниво относящемуся к нашему движению на этот исторический город.

Занятие наше не должно было бы ограничиться одною стороною Босфора. Создание крепости, охраняющей лишь один берег этого пролива, вызвало бы не меньшие расходы и не меньшую трату войск, чем при сооружении крепости, простирающейся на оба берега Босфора до вышеуказанных двух благоприятных линий обороны. Между тем, при владении одним лишь берегом достигаемые результаты в смысле надежности обороны значительно уступают тем, которые даются занятием обоих берегов. Не закрепленная за нами сторона Босфора может быть использована противником, как удобная позиция для действия против нашей крепости. Затем, при владении лишь одним берегом морской путь будет находиться под возможными ударами противника, и флот наш лишится базы. Поддержка крепости флотом со стороны Мраморного моря станет невозможною. Появится опасность прорыва враждебного флота в Черное море, что, в свою очередь, составит угрозу тыловым сообщениям крепости. По этим причинам, в случае опасности, все равно пришлось бы занять неукрепленный берег Босфора, оборона же его средствами полевой войны была бы затруднительнее, чем в случае включения его в черту крепости.

Для придания большей прочности обороне Босфора сооружение крепости на берегах его было бы весьма желательно дополнить занятием островов Мармара с присоединением к ним, по возможности, полуострова Артаки (или Капу-Даг). Острова Мармара представляют из себя удобную позицию для действий против Босфора. В случае устройства нами крепости на этом проливе необходимо, чтобы мы были обеспечены от возможности использования этих островов во враждебных нам целях. С другой стороны, владение островами Мармара, как выше указано, позволяет создать впереди пролива морскую оборонительную линию, ограждающую восточную часть Мраморного моря от проникновения в нее враждебных нам флотов. Возможность не допускать к веркам Босфора неприятельских морских сил явилась бы гарантией от обстрела с моря флангов сухопутного фронта нашей крепости и, в частности, чаталджинской позиции. Отдаление морского фронта от Босфора обезопасило бы от бомбардировки и Константинополь, который, даже в случае предоставления ему автономии, считался бы под покровительством нашей военной мощи. Создание форпоста крепости на островах Мармара было бы также наиболее удовлетворительным разрешением задачи обеспечения нашему флоту выхода из Босфора в Мраморное море.

Если пассивное решение вопроса о Проливах требует для своей полноты распространения нашего занятия не только на Босфор, но и на острова Мармара, то остается только один шаг, чтобы перейти к активному решению. Сделать же этот шаг будет тем легче, что приносимые активным решением выгоды неизмеримо превосходят результаты, даваемые пассивным решением.

§ 12.

Активное решение вопроса о Проливах может быть обеспечено лишь подчинением нашей власти Дарданелльского дефиле. Последнее, как уже указано, обнимает не только узкость между Галлиполийским и Троянским полуостровами, но и водное пространство между ними и островами Тенедос, Имброс, Лемнос и Самофракия. Овладение всеми территориями, окаймляющими Дарданелльское дефиле, и обращение их в обширный укрепленный район было бы, конечно, идеальным способом установления нашего над ним господства. Разрешение задачи в таких обширных рамках представляется, однако, трудно достижимым.

Оборона Дарданелльского пролива с суши была бы, несомненно, поставлена в наилучшие условия, если бы узкость эта находилась в тылу крепости, охватывающей оба ее берега. Но вследствие конфигурации азиатского берега Дарданелл и топографических условий его поверхности, южный фронт крепости пришлось бы вынести далеко вперед, включив в нее весь Троянский полуостров. Сооружение крепости столь значительной периферии вызвало бы чрезмерные жертвы. Поэтому представлялось бы целесообразнее ограничиться сооружением мощной крепости на Галлиполийском полуострове. Южный фронт этой крепости, совместно с флотом и при содействии гарнизона ее, оградил бы пролив от посягательств со стороны Малой Азии. Отказ от укрепления южного берега Дарданелл мог бы до известной степени компенсиро-

ваться созданием таких условий, при которых деятельность на нем противника была бы затруднена. Для этого необходимо было бы распространить наше право военного использования и на южный берег Дарданелл, и при том, по возможности, на весь Троянский полуостров до линии Адрамити-Пандерма. Овладение азиатским берегом пролива обеспечило бы нам также возможность подготовить плацдарм для ограждения подступов к нему со стороны Малой Азии средствами полевой войны. В худшем случае можно было бы удовольствоваться ограничением чужого территориального верховенства над этим берегом, по крайней мере, до мыса Эски-Стамбул, в смысле обязательства срыть все укрепления и запрещения возводить какие-либо военные сооружения, проводить стратегические дороги и пр. и, вообще, всякого использования этой территории в военных целях, при чем нам было бы предоставлено право наблюдения за выполнением подобной нейтрализации.

Защита Галлиполийского полуострова с суши была бы вполне обеспечена укреплением прекрасной Булаирской позиции. За пределами ее занятие наше надлежало бы распространить еще на полосу, шириною не меньше 20-ти верст, а лучше 30 или 40 верст, для образования впереди крепостного фронта плацдарма, необходимого по тем же причинам, как и в случае создания крепости на Босфоре.

Как было указано при рассмотрении тактического значения группы Эгейских островов, прилегающих к Дарданеллам, крепость, призванная обеспечить выход из этого пролива, не может быть сколько-нибудь удовлетворительным образом организована без включения в линию приморского фронта ее островов Имброса и Тенедоса и сооружения на них батарей. Владение островами этими является таким образом необходимым условием [1]).

Что же касается Лемноса [2]) и Самофракии, то по изложенным выше соображениям использование этих островов позволяет угрожать плаванию на путях, ведущих от устья Дарданелл в море. Опасность эта может быть наилучшим образом устранена предоставлением нам обоих островов. Особенно желательно получить в наши руки Лемнос, представляющий более важную позицию, чем Самофракия. В таком случае мы стали бы полными хозяевами

---

[1]) Владение Тенедосом предполагает, очевидно, распространение нашего занятия и на лежащий между ним и Дарданеллами островок Раббит, могущий также быть использованным в военных целях. (Прим. подлинника).

[2]) Остров Лемнос был занят греками во время второй балканской войны вместе с другими турецкими островами Средиземного моря. В 1913—1914 г.г. между Грецией и Турцией были начаты переговоры об очищении греками занятых ими Эгейских островов, при чем турки под давлением великих держав соглашались уступить Греции большую их часть, но оставляли за собою острова Имброс, Тенедос, Хиос и Митилену. Россия, в принципе признавшая права Греции на занятые ею острова, за исключением Имброса и Тенедоса, выделяла вопрос о Лемносе. Против предоставления его грекам особенно возражало морское ведомство, предпочитавшее, чтобы остров оставался турецким до окончательного решения вопроса о Проливах. Тем не менее, Сазонов во всеподданнейшей записке от 5/18 января 1914 г. указывал, что переход Лемноса в руки греков вполне допустим, при условии известных компенсаций. Упоминаемый в прим. 1 остр. Раббит—Кроличьи острова. (Дело архива б. министерства иностранных дел «Докладные записки Сазонова» 1914 г.).

в северо-восточном углу Эгейского моря, и блокада Проливов сделалась бы настолько сложной операцией, что была бы мало действительной. Владение Лемносом было бы для нас полезно и без создания на нем крепости. Использование этой позиции для собственно морских операций позволило бы расширить до высшего предела активные операции флота в Эгейском море и, следовательно, поставило бы в наиболее выгодные условия оборону нашей позиции. Отказ от Лемноса допустим, поэтому, лишь под давлением необходимости. В случае невозможности для нас получить Лемнос и Самофракию, можно было бы помириться с владением ими второстепенной державой, — например, Грецией, уже занимающей их,—при непременном, однако, условии нейтрализации этих островов, т.-е. обязательства не укреплять их и запрещения оборудования их в военно-морских целях. Такое положение, в крайнем случае, не помешало бы нам временно захватить остров Лемнос и использовать его в наших целях. Переход же Лемноса в руки великой державы и обращение его в стоянку могучего флота сильно ослабило бы значение дарданелльской крепости. По этому поводу высказано было мнение, что только утверждение на Лемносе первостепенной морской державы могло бы считаться для нас допустимым, так как мы все равно не смогли бы вступить с ней в борьбу на море, ни оградить от нее нашу торговлю. Соображение это, как уже было указано, имеет цену лишь при условии, что флот такой державы не занят в другом месте. В таком случае блокада обширного морского района, прикрываемого Лемносом, может оказаться и для нее неосуществимой.

Значение Лемноса, как позиции, угрожающей морскому пути из Проливов в море, могло бы быть уменьшено прорытием канала через Галлиполийский полуостров. В таком случае Самофракия приобрела бы отчасти стратегическую ценность, принадлежащую в настоящее время Лемносу. Занятие нами Самофракии, в связи с созданием нового выхода в море через Ксеросский залив, могло бы до известной степени компенсировать обращение Лемноса в чужую морскую базу.

Согласно приблизительным расчетам, сооружение крепости на Галлиполийском полуострове, с приданием ей морского фронта в виде батарей на Имбросе и на Тенедосе, обойдется около 150 — 200 миллионов рублей; для обороны же ее потребуется постоянный гарнизон в размере не менее двух корпусов.

Создание нами укрепленной позиции на Дарданелльском дефиле требует надлежащего обеспечения связи ее со служащим ей тылом черноморским побережьем нашим. Ценность этой крепости и многочисленность ее гарнизона придают безопасности ее сообщений особенную важность. Занятие Дарданелльского пролива без укрепления Босфорского должно быть признано поэтому неудовлетворительным решением. Владение обоими берегами Босфора в данном случае особенно необходимо для достижения полной безопасности морского сообщения из Мраморного моря в Черное. В целях улучшения связи надлежало бы занять еще и острова Мармара с полуостровом Артаки (или Капу-Даг), чем также устранена была бы возможность использования во враждебных нам целях этих островов, как позиции, командующей

над выходом из Дарданелл в Мраморное море. Устройство на этих островах базы для флота было бы, несомненно, удобнее, чем в Дарданелльском проливе, особенно при условии укрепления лишь одного из его берегов.

Нельзя не упомянуть здесь о существовании мнения, что укрепление наше на Дарданелльском проливе, будучи гораздо более важным для нас, чем занятие Босфорского, может быть осуществлено и без владения последним, при наличности обстановки, создающей малую вероятность опасности нашим сообщениям между Дарданеллами и Черным морем. Для этого предполагается необходимым, чтобы берега Босфора и Мраморного моря не перешли в руки более сильного государства, чтобы столица Турции осталась в Константинополе и была, следовательно, под ударами нашего флота, чтобы на берегах Босфора не было укреплений, чтобы турецкий флот был либо выведен на запад от Дарданелл, либо поставлен под наш действительный контроль, чтобы мы владели островами Мармара и, наконец, чтобы осталось в силе запрещение прохода через Проливы флотов всех держав, с изъятием лишь в пользу держав, владеющих берегами Черного моря. При этом, в случае опасности для наших сообщений, мы должны были бы немедленно занять берега Босфора путем отправки туда десантной армии. Трудно согласиться, чтобы при таких условиях связь дарданелльской позиции с черноморскими портами могла считаться в достаточной мере надежной.

Оборона дарданелльской и босфорской позиции может быть поставлена в условия еще большей надежности в случае распространения нашего занятия на все побережье Мраморного моря, южное и северное или только одно из двух. Обеспечение обширного плацдарма позволило бы придать обороне большую активность и вместе с тем установить сухопутную связь между обеими крепостями. Помимо политических затруднений, которые могло бы вызвать подобное расширение нашего занятия, оно имело бы еще ту отрицательную сторону, что, в соответствии с растяжением фронта, потребовалось бы увеличение нашей оккупационной армии.

В виду большей угрожаемости Проливов с европейской стороны, расширение нашей оккупации было бы полезнее всего в этом направлении. Идеальным решением было бы включение в область нашего занятия всей Фракийской равнины с Адрианополем. Вполне благоприятное положение для обороны получилось бы и в случае распространения нашего занятия до линии, идущей от Эноса по рекам Марице и Эркене, приблизительно, до Люле-Бургаса и оттуда на Мидию. В таком случае в нашем распоряжении оказался бы ряд параллельных оборонительных позиций на пологих отрогах между руслами притоков Эркене.

В случае невозможности распространения нашего завладения на все побережье Мраморного моря или в случае признания его нежелательности, необходимо будет обезопасить наши морские сообщения от возможности угрозы со стороны чужих морских сил. Даже незначительный флот, располагающий базою в ближайшем расстоянии между обоими Проливами и укрывающийся под защиту ее фортов, мог бы явиться для нас серьезною помехою. Поэтому чужое территориальное верховенство над берегами Мраморного моря может быть допущено только при условии, что на берегах его не будет

чужой укрепленной морской базы, а также, что в водах его не будет постоянного чужого флота или, по крайней мере, состав его будет ограничен.

Если мы сами не займем северное побережье Мраморного моря, может возникнуть вопрос об отдаче его Болгарии в виде компенсации за ее содействие. Предоставления Болгарии доступа на Мраморное море предпочтительно было бы избегнуть, так как она представила бы для нас лишнюю угрозу на этом море. Однако, при ограничении прав Болгарии на побережьи его и в водах его в вышеуказанном смысле, можно было бы в крайнем случае согласиться на подобную уступку. В случае занятия нами одного только Босфора, предоставление Болгарии выхода на Мраморное море должно быть признано безусловно нежелательным. Родосто мог бы сделаться в ее руках орудием не только для действий против Босфора, но и против нашего плавания через Дарданеллы. Опасность для нас еще увеличилась бы в случае сближения Болгарии с враждебной нам крупной морской державой.

При составлении настоящей записки, по вопросам военного характера я получал указания от генерал-квартирмейстера генерал-от-инфантерии Ю. Н. Данилова; по вопросам же военно-морского характера много данных сообщили мне начальник черноморской оперативной части морского генерального штаба капитан 2-го ранга А. В. Немитц и капитан 2-го ранга А. Д. Бубнов. Кроме того, я пользовался военно-географическими изданиями генерал-майора Хольмсена и полковника Гудим-Левковича, а также различными материалами, имеющимися в морском генеральном штабе и в министерстве иностранных дел [1]).

Н. Базили.

Ноябрь 1914 года.

III.

Памятная записка начальника черноморской оперативной части морского генерального штаба кап. 2-го ранга А. В. Немитца [2]).

Совершенно секретно.

Предварительные соображения константинопольской операции.

§ 1. *Политические цели настоящей войны.*

Балканский кризис 1912 — 1913 г.г. поставил на близкую очередь конечное решение «восточного вопроса». В эти годы Европа, единодушно стремясь избежать всеобщего кровопролития, осуществила попытку еще раз,

[1]) В качестве приложения при документе имеется докладная записка кап. 2-го ранга Бубнова: «Военно-морское значение островов Эгейского архипелага, прилегающих к Дарданелльскому проливу». Записка эта политического значения не имеет и нами опускается. С внешней стороны памятная записка Базили представляет собою книгу в твердом сером переплете, с заголовком «О целях наших на Проливах» и с пометкой «секретно».

[2]) Памятная записка Немитца состоит из 2 частей: а) политической и б) стратегической. Здесь мы печатаем только первую часть записки (§§ 1 — 3), по соображениям, указанным в предисловии.

хотя бы на время, отложить решение этого, грозного для нее, вопроса. Но его новая эволюция, неизбежно вышедшая из последнего балканского кризиса, привела две союзные немецкие империи к роковому для европейского мира сознанию, что тем их «империалистическим» стремлениям, которые они почитали своими, так называемыми, «жизненными» интересами, грозит полный крах, если только обще-немецкой политике не удастся безотлагательно остановить, а затем и решительно разрушить начавшееся национальное возрождение — объединение и освобождение — южных и западных славянских народностей.

Руководимые этим сознанием, Австрия и, в особенности, Германия проявили исключительное напряжение в своих вооружениях, и, раньше, чем соседние державы успели провести в жизнь свои соответственные меры, сами ребром поставили общий славяно-немецкий вопрос.

«Сербия должна добровольно подчиниться поглощению Австрией; Европа, раз и навсегда, должна признать, что западные и южные славяне вообще, а балканские—в частности, предназначены служить только «этнографическою подстилкою» для немецкой культуры и промышленности и немецкой, т.-е. германо-австрийской, государственности». — «Если же это не будет признано добровольно, то Сербию принудит к тому силою Австрия, а Европу — вооруженный союз Германии и Австрии».

Такая наглая постановка вопроса задевала существенным образом почти все великие державы Европы, тем не менее они начали искать политических компромиссов, по возможности, спасающих несчастную Сербию и удовлетворяющих Австрию и Германию, лишь бы только избегнуть беспримерного кровопролития общеевропейской войны.

Конечно, найти компромисс, который примирил бы законное желание Сербии сохранить свою самостоятельность с открыто заявленным намерением Австрии лишить ее этой самостоятельности, было невозможно.

Среди великих держав была одна, которая дерзким немецким выступлением была поставлена в положение полной безнадежности искать в какой-либо степени приемлемое для нее компромиссное решение сложившейся великой политической задачи.

Эта великая держава — Россия.

России всегда было ясно действительно жизненное для ее империи значение ее политического положения на Балканском полуострове и в Проливах, ведущих от «Царьграда» на восток и на запад. Для ее лучших государственных людей никогда не подлежало сомнению, что турки рано или поздно будут с этой «мировой» позиции согнаны, и их место должна занять власть новой великой восточной империи — государственная власть нашего отечества. Только став прочной ногой на Босфоре и Дарданеллах, Россия, действительно, сможет выполнить свое историческое призвание, которое заключается в государственном объединении, внутреннем умиротворении и в даровании «европейской» культуры народам всей восточной Европы и большей части Азии.

Идея эта руководила внешнею политикою России в ее лучшие эпохи.

Она была во всю свою ширину поставлена для обсуждения государственных людей отечества в прошлом, 1913 году, во-первых, фактами балканской войны, засвидетельствовавшими неотложность разрешения «восточного» вопроса, во-вторых, личной инициативой министра иностранных дел [1]), морского министра и морского генерального штаба [2]).

Тогда всестороннее обсуждение этого большого вопроса привело к следующим положениям:

I. Морской торговый путь из Черного в Средиземное море представляет собою главную русскую торговую артерию, на свободном и спокойном функционировании которой, как на своей фундаментальной основе, покоится экономическое равновесие России. Безусловная безопасность этого торгового пути должна быть отечеству обеспечена при всяких обстоятельствах. Во всеподданнейшей записке от 23 ноября 1913 года министр иностранных дел выразил эту мысль следующими словами: «Проливы в руках чужого государства — означают подчинение всего юга России этому государству».

II. С точки зрения стратегической — надежное обеспечение черноморского побережья возможно лишь при условии нашей сильной оборонительной позиции на Босфоре и, в особенности, на Дарданеллах; для обороны же только что упомянутого нашего главного торгового пути, составляющего жизненный нерв всей нашей экономической жизни, наша военная позиция на Дарданеллах и Босфоре абсолютно необходима.

III. С намеченных двух точек зрения становится ясно, что Парижская конвенция о турецких Проливах [3]) поставила Россию в положение невозможности надежно охранять свои жизненные экономические интересы и надежно оборонять свое собственное побережье, т.-е. в положение, какого не потерпела бы ни одна «великая» держава в силу лишь своих материальных потребностей, не говоря уже о ее державном достоинстве; ибо, очевидно, не соответствует достоинству России жить под запрещением ходить из Средиземного в Черное море и, в особенности, потому, что официальным стражем запрещения поставлен турецкий султан.

Мысль эта о политическом значении для России морских ворот у Константинополя получила выражение в следующих словах названной раньше всеподданнейшей записки министра иностранных дел: — «Для России переход Проливов Босфора и Дарданелл из рук

---

[1]) 23 ноября/6 декабря 1913 г., (см. вступ. статью), Сазоновым была подана памятная записка, в которой, указывая на необходимость разрешить в ближайшем времени вопрос о Константинополе и Проливах, он испрашивал высочайшее соизволение на созыв особого государственного совещания.

[2]) В 1913 г., в связи с усилением турецкого флота, морской мин. адм. Григорович и начальник морского генерального штаба в.-адм. Ливен вступили в обмен мнений с Сазоновым о способах «облегчить положение русских морских сил на Черном море». (Дело архива б. министерства иностранных дел «Военно-морское положение в черноморском районе» 1914 г.).

[3]) 18/31 марта 1856 г.

Турции в обладание другого государства недопустим, и не только по причинам экономического характера, но и с точки зрения чисто политической».

IV. Наконец, утверждение России в воротах из Черного в Средиземное море и из Европы в Азию имеет еще одно значение — значение национальное, в широком мысле этого слова.

«Братоубийственные» войны между болгарами и сербами и ряд других «вопиющих» фактов, особенно многочисленных в последнее время, громко говорят о значении для благоденствия славянских и некоторых других народностей—России, в качестве общего их политического центра. Русская «практическая» политика, вполне справедливо, очень далека от мысли государственного объединения ныне самостоятельных или отчасти самостоятельных славянских народов; руководящая политика России вовсе не стремится к идее «слияния в русском море—славянских рек», наоборот, эта политика справедливо полагает, что для русского народа тем лучше, чем больше славянских народов будут жить самостоятельно. Но, с другой стороны, несомненно и то, что целая группа небольших народов нуждается в общем для них политическом центре, в качестве которого оказались негодными, — и потому рукою судьбы убираются с исторической сцены, — монархия Габсбургов и империя Османов.

Россия, конечно, может, если захочет, уклониться от тяжелой и ответственной роли арбитра и покровителя славянских народов, но тогда окажутся неизбежны, и надолго, политические потрясения среди целой группы народов, некогда объединявшихся Турцией и Австрией.

Не вкусы отдельных политических деятелей и не мечтания отдельных политических мыслителей, а исторические судьбы, т.-е. призвание провидения, делают Россию вождем, руководящим центром и защитником славянства: ибо среди него только русское племя нашло в себе государственное дарование создать в лице своей верховной власти объединяющую силу мирового значения.

И верховная власть России подтвердила недавно свое общеславянское значение.

В последнюю минуту перед сербо-болгарским разрывом государь император обратился к враждовавшим со словами увещания, которые прогремели по всему миру: — «Я признаю необходимым заявить, что государство, которое начало бы войну, будет ответственно за это перед славянством».

Эти слова сказаны от имени «славянства», и не внявшая им Болгария тяжело отвечает за свою непокорность.

После этого для всякого ясно, что Россия не уклоняется от роли руководящего центра славянства, хотя и не стремится к государственному поглощению самостоятельных славянских народов.

Та же идея обще-славянской миссии России совсем недавно получила новое громогласное подтверждение в воззваниях верховного главнокомандующего к полякам и к народам Австро-Венгрии, — в воззваниях, сделанных

от имени государя императора и с восхищением принятых всем русским обществом [1]).

Россия невольно идет к выполнению своей исторической миссии, а это выполнение, как одного из необходимых своих условий, требует прочного обоснования ее на Проливах между Черным и Средиземным морем и в Константинополе.

V. Все эти первостепенной важности соображения, которые кратко очерчены выше, в настоящее время остро чувствуются в широких слоях русского народа, и потому необходимость удачного разрешения ближне-восточной проблемы становится еще и внутренне-политическим вопросом России. Мы должны вернуться с войны с чем-нибудь, ясно говорящим всякому русскому сердцу и при том действительно важным для отечества, иначе эта чудовищная война родит внутри России не сплочение, а раздор.

Итак, в 1913 году ряд соображений первостепенной важности привел к необходимости признать, что в ближайшее время в случае крупных европейских потрясений русская политика и стратегия должны упрочить за отечеством господствующее положение в Константинополе и на ведущих к нему Проливах.

Этот вывод был представлен на одобрение государя императора министром иностранных дел в качестве руководящей политической и военной идеи, относительно которой единомысленны министерства иностранных дел, морское и военное. Идея эта удостоилась тогда полного одобрения и утверждения его императорского величества [2]).

Таким образом, в прошлом году русская государственная власть приняла решение в случае крупной европейской войны разрешить «восточный» вопрос в пользу России, т.-е. с установлением ее господства в Константинополе, в Босфоре и Дарданеллах.

Принятое таким образом решение России в значительной степени придало твердости ее поведению в том тяжелом и сложном политическом конфликте, который предшествовал настоящей войне, так как русская политика отчетливо видела, что победа Австрии и Германии в сербском вопросе поставит почти непреодолимые препятствия на пути России к Проливам и к руководящей роли в славянской семье народов. И Россия решилась на войну.

В итоге мы должны, следовательно, признать, что Россия ведет свою вторую отечественную войну с такими положительными политическими целями: 1) разрешить справедливо по отношению к западным и южным славянам общий «славяно-германский» вопрос; 2) разрешить соответственно русским интересам «восточный» вопрос.

---

[1]) Воззвания Николая Николаевича к полякам и к народам Австро-Венгрии от 1/14 августа и 3/16 сентября 1914 г.

[2]) Заключения особого совещания 8/21 февраля 1914 г. опубликованы в № 7 «Сборника секр. документов из архива б. мин. ин. дел», изд. Н. К. И. Д. 1918, и М. Н. Покровским в «Вестнике Н. К. И. Д.» — 1919 г. № 1. См. вступит. статью настоящего издания.

Чрезмерная германская любовь к внешнему властвованию и к, так называемому, «блестящему» вооружению заставляет Россию и ее союзников присоединить к этим двум положительным целям войны две другие — отрицательные: 1) силою оружия избавиться от постоянных попыток Германии и Австрии задевать и колебать престиж России, как великой державы, и 2) привести себя и Европу к возможности избавиться от гипертрофированного милитаризма последних десятилетий.

Наконец, помимо какого-либо активного желания России, факты войны заставляют ее радикально разрешить и армянский вопрос.

§ *2. Главные условия достижения Россиею второй цели настоящей войны.*

На пути к Проливам Россия имела два главных препятствия—противодействие Германии и Великобритании. Если Германия будет в происходящей войне побеждена, то первое препятствие окажется преодоленным. Блестящая политика русского министра иностранных дел обеспечила нам не только чрезвычайно выгодную международно-политическую конъюнктуру войны, но, повидимому и принципиальное согласие наших «великих» союзников на радикальное решение восточного вопроса в полном согласии с русскими интересами. Таким образом и второе главное препятствие на пути России к Проливам — противодействие Великобритании — устранено. Сейчас вопрос о Константинополе и Проливах представляет собою для России лишь вопрос стратегического момента и способа овладения этим объектом и политической формы закрепления его за Россией.

Что касается стратегического момента, в который мы могли бы осуществить требуемые для овладения этим объектом стратегические операции, то на этот счет вряд ли могут быть два мнения. Потребные для константинопольской стратегической операции сухопутные силы, несомненно, будут даны не раньше, чем окончательно будет сломлена сила германской армии на главном театре войны. Та сухопутная стратегическая операция, которая понадобится для овладения Босфором, Константинополем и Дарданеллами, потребует такого количества войск, взять которое с нашего западного фронта не представится возможным до тех пор, пока германская армия не потерпит решительного разгрома. Момент этот стратегически, конечно, очень трудно предвидеть, но приблизительно можно предполагать, что германская армия, вероятно, почувствует себя не в состоянии сопротивляться союзникам лишь тогда, когда война будет бесповоротно перенесена в пределы Германии и доведена до взятия союзниками оборонительных линий рек Одера — на востоке и Рейна — на западе. Даже если миллионная германская армия будет в этой обстановке еще существовать и находиться в момент ее наступления в боеспособном состоянии, она вскоре после наступления этого момента морально и материально лишится своей боеспособности и окончательно «сдаст» перед своими противниками. Попав между «молотом» французской армии и «наковальней» — русской, вероятно лишившись тогда своей столицы и главных своих снабжающих баз (хлебных, промышленных,

военно-технических) — Прирейнских провинций, Силезии и Восточной Пруссии — она не сможет долго сражаться.

Весьма можно надеяться, что когда русская армия прорвет реку Одер и будет угрожать Берлину, а французская прорвет Рейн и будет овладевать прилегающими к нему немецкими областями, — Германия заговорит о мире на условиях победителей; серьезные же попытки к миру, но недостаточно еще покорные воле союзников, будет делать и раньше.

Доведя войну до этого [1]) стратегического и политического момента, мы достигнем того решительного разгрома Германии, которого требуют и интересы России, и русский народ, и наши союзники. Доведя свои стратегические операции на главном театре до этого момента, мы сможем приступить к осуществлению наступательной константинопольской операции [2]).

Имея в виду, что от прелиминарного с Германией мира до заключения общего мира в Европе пройдут месяцы, — мы успеем достаточно подвинуть константинопольскую операцию, раньше чем европейский конгресс окончательно ликвидирует великую европейскую войну, что в данном случае нам и требуется достигнуть.

При уяснении момента трактуемой сейчас стратегической операции необходимо иметь в виду следующее решающее соображение. Все вооруженные силы империи находятся сейчас в распоряжении верховной главной квартиры. Она же, несомненно, не найдет возможным отделить необходимые корпуса для константинопольской операции, пока не достигнет решительного и полного успеха на западном фронте. Так как никто, кроме нее, не может взять на себя ответственности за исход наших стратегических операций на главном театре, а они ведутся к решительной победе над Германией, то, очевидно, приходится принять в качестве основного условия выполнения константинопольской наступательной операции вышеочерченное общее стратегическое положение на главном театре военных действий.

Но наступит ли в действительности такой блестяще-выгодный для союзников стратегический момент?

Если воля правительственных людей Великобритании, России и Франции не ослабнет, то он наступит с полной неизбежностью.

Германия обнаружила в течение этой войны блестящие стратегические преимущества. 70-ти миллионный германский народ выставил в поле (т.-е. не считая запасных батальонов, ландштурма и внутренних гарнизонов) 75 корпусов войск. Германская стратегическая сеть железных дорог, система крепостей и вся вообще инженерная подготовка театра войны, будучи несравненно выше нашей, ставит наши военные операции в тяжелые условия; германский стратегический маневр, как убеждает уже большой

---

[1]) Если воля Германии будет сломлена раньше этого момента, тем лучше для России. Реванша же не следует бояться в отношении константинопольской операции; он не может быть осуществлен очень скоро, и для обеспечения себя от него возможны действительные меры политического характера. (Прим. подлинника).

[2]) Вернее, целой кампании. (Прим. подлинника).

опыт настоящей войны, весьма искусен—результат высокой стратегической школы в армии. Одним словом, все, в пределах от главнокомандующего группой армий до тактики родов оружия, у них очень хорошо, подготовка же резервов—армий второй и третьей линии — выше нашей и французской подготовки. Тактика родов оружия наша, германская и французская приблизительно равны, и совершенно равны доблесть, стойкость и выносливость солдат. Таким образом армия Германии имеет блестящие преимущества в области своей подготовки к войне, не уступая, вместе с австрийскою, даже численно союзным армиям Франции, Англии и России.

И тем не менее поражение Германии неизбежно, если только воля Тройственного Согласия не ослабнет.

В этом случае Германия будет разбита, и самым решительным образом, потому что, во-первых, то напряжение борьбы, которое испытывает Германия (страна в своем целом) является уже предельным, между тем, как Франция, а в особенности Россия и Англия далеко не дошли до крайнего своего возможного напряжения; оно может быть значительно увеличено, и постепенно растет все больше. Германия не сможет выдержать такого напряжения долго и «сдаст», сдаст в своем целом страна, а также и армия, если союзники перенесут войну в ее пределы, отчего напряжение страны сразу увеличится. По той же причине армии союзников, хотя медленно, но непрерывно растут, а германская больше расти не может. Во-вторых, германскому народу и германской армии не хватает морального воодушевления, ибо для них становится ясным, что разбить (сломить) сразу три великие державы не удастся, а в лучшем случае удастся лишь от них отбиться, но из-за этого не стоит воевать, и потому еще, что вина за кровопролитие, несомненно, падает на Германию и Австрию. Но главная причина, вследствие которой поражение Германии неизбежно, это — доказываемая фактами бездарность ее политики и высшей стратегии (стратегии императора): война начата при самой неблагоприятной обстановке, ни одна генеральная (крупная) стратегическая операция не доведена до конца, и нарушен основной принцип военного искусства, принцип сосредоточения сил; громадные силы разбросаны, и ни на одном фронте не достигнуто сосредоточение превосходных сил, но они поделены поровну (45 и 50 корпусов) [1]). Так нельзя победить ни русских в Польше и Галиции, ни французов в Бельгии и Люксембурге. На стороне союзников гениальная политика и высшая стратегия, имевшая превосходные марнскую и вислянскую операции [2]).

Высшая стратегия и политика союзников неизмеримо талантливее, и внутренние рессурсы их несравненно больше: если они не бросят борьбу раньше времени, Германия будет побеждена.

---

[1]) Считаем с австрийскими и, переведя их на двухкорпусный [?] состав, 40 дивизий—20 корпусов. (Прим. подлинника).

[2]) Марнская операция — победа французов на р. Марне в сентябре 1914 г., результатом чего явилось прекращение наступления германских войск на Париж и отход их на линию р. Эн. Вислянская операция — удачное отражение австро-германского наступления на Варшаву в октябре—ноябре 1914 г., после чего русские войска продвинулись до Кракова.

Итак, тот блестящий стратегический момент, который мы выше наметили, как исходный для константинопольской кампании, повидимому, б у д е т иметь место в действительности. Но тогда является другой вопрос: понадобится ли в такой момент наступательная военная кампания против Турецкой империи для достижения намеченной нами политической цели, или, быть может, Турция, убедившись в разгроме Германии, не сочтет возможным бороться с Тройственным Согласием и без военной борьбы отдаст им то, что они хотят.

Несмотря на все неравенство сил, Турция добровольно не подчинится решению о ее судьбе России, Англии и Франции, ибо это решение есть не что иное, как расчленение Турецкой империи. Без борьбы никакое турецкое правительство не сможет отдать Константинополя, Проливов и всего остального, что от нее потребуют союзники.

Итак, константинопольская стратегическая операция во всяком случае понадобится.

Эта операция в мирное время нами подготовлена не была. Поэтому теперь очень важно решить, когда может наступить момент ее начала, чтобы ее хорошо подготовить.

Когда может наступить тот момент, что германское военное сопротивление окажется сломанным, сказать теперь, конечно, очень трудно, ибо военные действия представляют собою такого рода стихийно-психологическое явление, относительно которого редко кому удавалось удачно пророчествовать. Можно лишь в самых грубых чертах определить некоторые пределы, дольше которых и скорее которых вряд ли протянется война.

Война с Германией вряд ли протянется больше двух лет, потому что настоящее колоссальное экономическое, военное и нравственное напряжение германские народы вряд ли смогут выдержать дольше 2 лет. Война вряд ли протянется меньше 4—6 месяцев, ибо если даже операции русской и французской армий будут протекать с не меньшим (конечным, общим) успехом, с каким они шли от Марны и Вислы, то до прорыва оборонительных линий Рейна и Одера французам придется сражаться с немцами (говоря в грубых чертах) на теперешних позициях, на линии Мааса и на линии Рейна, а русским—в Польше перед Вислой, на линии крепостей Познань—Краков и на Одере (не считая частных операций), т.-е. грубо говоря, даже при удаче каждой союзной армии надо будет сделать три крупных стратегических скачка, выполнить три крупные общие стратегические операции, чтобы очутиться за Рейном и за Одером. А так как о б щ а я операция массовой армии (по опыту текущей войны) отнимает $1^1/_2$—2 месяцев времени, то к р а т ч а й ш и й срок для наступления момента начала константинопольской операции следует считать через 4—6 месяцев (при указанном выше н а и б о л ь ш е м сроке).

Следует иметь в виду, что сепаратный мир с Австрией придвинул бы этот момент от наиболее далекого к наиболее близкому пределу.

Так как разработка и подготовка константинопольской операции потребует нескольких месяцев времени, то за нее необходимо приниматься немедленно.

§ 3. *Основное задание для составления плана константинопольской операции и ее стратегической подготовки.*

Вопрос о занятии Россией Проливов и Константинополя находится, следовательно, сейчас в стадии начала своего практического осуществления. Необходимо начинать систематическую подготовку соответственных стратегических операций флота и армии — соответственной военной кампании. Эта подготовка, вообще говоря, слагается из: 1) выбора вождя и организации высшего командования [1]; 2) разработки плана кампании; 3) выполнения подготовительных стратегических операций.

Оставляя пока открытым вопрос о вожде и организации высшего командования [2]), здесь необходимо указать, что выполнить подготовительные операции нельзя без готового плана кампании, а разработать последний нельзя без определенного в конкретных чертах политического решения о цели данной военной кампании.

Поясним только что сказанное примером. При десантной операции флоту придется оборудовать маневренную базу для операции прикрытия десантной высадки армий, но это оборудование нельзя подготовить, если неизвестны пункты высадки, ибо оно зависит от топографических и гидрографических свойств; характер технической подготовки перевозочных средств всецело зависит от состава войск, намеченных десантных армий (сколько горной и осадной артиллерии, количество кавалерии, парков и обозов и пр.); в свою очередь, этот состав армий зависит от избранных операционных путей (от каких и к каким пунктам будут армии двинуты после высадки) и т. п. Другими словами, наметить подготовительные стратегические операции нельзя достаточно точно и полно, не разработав плана кампании; а план кампании, в свою очередь, не поддается установлению до тех пор, пока не принято определенное в достаточно конкретных чертах политическое решение задачи.

Итак, в подготовке нашей военной кампании, которая будет иметь целью овладение Константинополем и Проливами, в подготовке, к которой необходимо приступать немедленно, первым шагом должно быть установление определенного решения, в какой именно конкретной форме и в каких пределах мы хотим утвердить господство России в Константинополе, Босфоре, Дарданеллах и других, соприкасающихся с этим, районах. Это и нужно прежде всего вырешить и, решивши, получить утверждение его императорского величества, чтобы можно было всю подготовку будущей военной кампании поставить на прочное основание и дать стратегии возможность эту подготовку, а затем и самую кампанию выполнять систематически, т.-е. в кратчайший срок и с наименьшими жертвами.

---

[1]) Т.-е. штаб вождя и подчиненные ему непосредственно частные начальники. (Прим. подлинника).

[2]) См. последний §. (Прим. подлинника). § 13 записки Немитца озаглавлен «Организация высшего командования».

Здесь важно установить определенную точку зрения, с которой только что названный вопрос должен разрешаться для настоящего момента. Эта точка зрения представляется следующей.

В силу условий характера экономического, стратегического, политического и широких наших национальных стремлений, которые кратко были очерчены вначале, России необходимо занять в Проливах такое военное положение, при котором морской путь из Средиземного моря в Черное находился бы под надлежащей охраной русского флота и русской крепости. Это то, что России в Проливах н е о б х о д и м о. С другой стороны, государственная мудрость велит вдуматься, почему этот вопрос еще недавно и многие десятилетия раньше оказывался очень трудно разрешимым. Громадные интересы «мирового» значения с давних пор находят себе место и чрезвычайно сложно и тонко сплелись в Константинополе (в древней Византии, во «втором» Риме) — в «мировом» городе, который все равно никогда и ни при каких условиях не станет городом какой-либо о д н о й национальности. В Константинополе, как в центре соприкосновения западной Европы с передней Азией, живут и деятельно взаимодействуют мировые силы: 1) религиозные — католическая церковь с громадной сетью ее учреждений, греко-православный патриархат, религиозный центр всемирного магометанства и проч.; 2) экономические—колоссальный капитал во всевозможных формах, вложенный в турецкие и другие предприятия французами, англичанами и другими нациями; 3) политические — интересы великих держав на Ближнем Востоке и различные стремления балканских народов и проч.

Власть Турции собственно в Константинополе давно фиктивна, и все отмеченные факторы сталкиваются и живут почти свободно с о б с т в е н н о й жизнью, р у к о в о д и м ы е и п о д д е р ж и в а е м ы е из к р у п н ы х е в р о п е й с к и х и д р у г и х м и р о в ы х ц е н т р о в.

Та государственная власть, которая овладеет Константинополем силой, немедленно войдет в соприкосновение и в столкновение со всеми этими крупными факторами, за спиною которых стоят все великие державы мира и прежде всего наши союзники, и, если у нее не окажется с о в е р ш е н н о и с к л ю ч и т е л ь н о й тонкости и культурности, чтобы между всеми этими факторами удачно обращаться,—а о в л а д е т ь ими невозможно, потому что это значило бы через них проявлять свою волю во всех европейских крупных центрах, — то она с полной неизбежностью поставит себя с первых же шагов в положение необходимости принять одну из двух частей следующей дилеммы: или эта власть не войдет в противоречивые столкновения с мировыми силами, но тогда она окажется такой же фиктивной, как и власть турецкого султана в Константинополе, или она станет со всеми или с некоторыми из них бороться, и тогда то государство, которое оно собою представляет, очень скоро окажется в тяжелых, острых и затяжных конфликтах со многими великими европейскими державами и, в конце концов, или будет вынуждено склониться перед волей европейской коалиции, или силою оружия будет принуждено отступить с «мировой» константинопольской позиции, подобно тому, как на наших глазах к этому принуждается Турция.

Очевидно, сознательный русский патриот не может желать своему отечеству ни фиктивного господства в Константинополе, ни конфликта с Европою и, следовательно, очень должен призадуматься над формою осуществления русского господства в этом городе.

В силу вышеизъясненных условий, России необходимо, как сказано, господствовать своею военною силою в районе Константинополя и его Проливов, но форма этого господства должна быть избрана такою, чтобы, обеспечивая русские интересы, она дала бы в то же время возможность России не только не ослабить, но укрепить свою международную позицию: еще теснее сблизиться с ее «великими» союзниками и еще теснее приблизить к себе балканские государства.

Достигнуть этого будет абсолютно невозможно даже при самых тонких (дипломатически-искусных) представителях администрации, если бы Россия по-просту присоединила к себе, в качестве новой губернии, район Константинополя. «Царьград» не может быть губернским городом России, ибо в нем сталкиваются мировые интересы, и взаимно разграничивать эти интересы не сможет простой администратор. Здесь понадобится особый представитель государя императора и особая форма обладания городом.

России надо взять то, что ей необходимо, но взять так, чтобы не ослабить, но укрепить узы с Францией, Англией и преобразованной Германией и с Румынией, Болгарией, Сербией, Грецией и Италией.

С этой точки зрения представляется необходимым, но и достаточным, нижеследующее:

Во-первых отделить [1]) вопрос о Проливах от вопроса о Константинополе, и утвердить, что Проливы нам безусловно необходимы, ибо по ним проходит наш главный торговый путь и проч., Константинополь же, как город, нам совершенно не нужен, ибо он не даст нам никакой реальной выгоды, а грозит крупнейшими политическими осложнениями. Во-вторых, отделить вопрос об обладании Проливами Босфора и Дарданелл (в смысле обороны проходящего по ним нашего морского пути и ворот в Черное море) от вопроса об обладании фракийским и малоазиатским побережьями Мраморного моря, которые нам не нужны и грозят политическими трениями в области славяно-балканских отношений и лишними военными расходами.

Разграничив таким образом вопросы, мы получаем следующую форму господства России в Проливах и Константинополе.

На правах полного государственного обладания Россия приобретает оба берега Босфора в пределах, необходимых для устройства первоклассной морской и сухопутной крепости, которая была бы очень сильна с суши и с моря и являлась бы хорошей базой для русской эскадры. Для этого на фракийском берегу мы должны получить весь район от Босфора до чаталджинской укрепленной позиции с необходимым развертывающейся на этой позиции армии пространством (20-тиверстным плацдармом). На Вифинийском полуострове — от Босфора до позиции реки Сакарии вместе с терри-

---

[1]) Как это всегда и делал морской генеральный штаб. (Прим. подлинника).

ториальными водами Исмидского залива и 20-тиверстным плацдармом для развертывания армии на упомянутой позиции. Группу Принцевых островов, как входящих в тактический район Босфора; Ксеросский полуостров (Галлиполийский) для устройства на нем морской крепости, господствующей над Дарданеллами, т.-е. по Булаирскую позицию (с 20-тиверстным плацдармом), и острова Тенедос и Имброс, тактически господствующие над Эгейским выходом Дарданелльского пролива.

Остров Лемнос был бы нам также чрезвычайно важен в полное владение, ибо он стратегически запирает Дарданеллы, но, имея в виду сказанное выше об авторитете среди балканских народов, можно допустить, при известных ограничениях, завладение им Грецией. Это необходимо допустить потому, что мы уже дали согласие на это приобретение. Согласие это было дано не только с одобрения, но по прямой инициативе морского генерального штаба, поэтому требовать теперь овладения Лемносом не приходится [1]). Греция может получить этот остров с ограничением не возводить на нем военных укреплений и сооружений и не держат на нем флота, и при праве России выбрать на нем любую бухту для устройства в ней своего военного порта [2]).

В аналогичном положении находится вопрос об азиатском побережьи Мраморного моря и Дарданелл. Взять нам его нельзя, во-первых, потому, что союзники нам его не предлагают [3]), и потому еще, что, овладев азиатским берегом от Черного моря до Средиземного, мы получим узкую полосу земли, которая нам совершенно не нужна ни в экономическом отношении, ни в политическом и которая, однако, по своей длине не может быть защищена одной крепостью, а потребует либо ряда крепостей, либо содержания на ней большой армии, что при бесплодности для нас этой полосы в смысле материальных выгод окажется лишним бременем на нашем военном бюджете.

Не нужно нам и азиатского берега Дарданелл, ибо, владея Ксеросским полуостровом, мы будем господствовать над всем проливом с одного берега, раз только устроим на нем сильную крепость. Однако, нам необходимо, чтобы азиатский берег Дарданелл не перешел в третьи и свободные руки, т.-е. он должен остаться турецким и быть поставлен под запрещение не возводить на нем в мирное время военных сооружений и не держать флота.

Вопрос о европейском побережьи Мраморного моря ставит нас в такое же положение относительно Болгарии, в какое мы становимся в отношении Греции с «лемносским» вопросом. Занимать здесь полосу, именуемую «линия Мидия — Энос», нам не желательно ни в политическом, ни в стратегическом отношениях. Занимая эту узкую полосу земли между Черным и Средиземным морем, мы лишаем себя возможности ограничиться для обороны своей тер-

---

[1]) Немитц освещает вопрос о Лемносе несколько иначе, чем Сазонов. (См. прим. 2 на стр. 178). Возможно, что данные, приводимые им, относятся к более ранней стадии вопроса.

[2]) На подлиннике против слов: «этот остров..... для устройства в ней своего военного порта» на полях карандашем поставлен знак вопроса.

[3]) В подлиннике слова: «нам его не предлагают» подчеркнуты карандашем. Против них на полях поставлен знак вопроса.

ритории одной лишь крепостью на Проливах, но принуждены будем иметь или несколько крепостей, или специальную армию, содержание которой увеличит военный бюджет, в то время как сама полоса земли экономически и политически России совершенно не нужна. Другими словами, вместо того, чтобы оборону длинного черноморского побережья свести к одной точке в Босфоре и тем улучшить свою военную границу, мы поставим себя в необходимость защищать трудно защитимый узкий сухопутный корридор, чем ухудшаем свою военную границу. В то же время политически Россия сейчас поставлена в такое положение, что ей необходимо иметь в руках территориальные залоги, посредством которых она могла бы облегчить себе примирение интересов балканских государств. Но главным, однако, все же действительным залогом такого рода может быть Мраморное побережье Фракии. Пусть наши «большие» союзники отдадут нам эту полосу земли, также как и остров Лемнос. Россия сама отдаст Болгарии Мраморное побережье от Чаталджи до Булаирской линии, на котором находится столь желанное Болгарии Родосто, а Греции—Лемнос.

Появление болгарского порта и хотя бы даже болгарского военного флота в Мраморном море нам не опасно [1]), потому что это море будет заперто нашею морскою крепостью с обеих сторон, и, следовательно, даже враждебный нам флот Болгарии (который всегда будет гораздо слабее нашего) обречен на гибель, если рискнет не уйти заблаговременно из Мраморного моря в случае войны [2]). Появление этого флота не составляет для нас никакого значения еще потому, что после нынешней войны, кто бы ни был господином Проливов, Парижская конвенция о них во всяком случае перестанет иметь силу, и, следовательно, болгарский флот будет совершенно незаметной величиной среди других, имеющих право плавать в Мраморном море и стоять в Родосто. Между тем в Родосто Болгария получит коммерческий выход к Средиземному морю, важный потому, что Родосто по естественным условиям годится для коммерческого порта, между тем, как все побережье, данное Болгарии после балканской войны на Эгейском море, не имеет ни одной годной для порта бухты, отчего Болгария в свое время так и стремилась получить Родосто или Кавалу.

То же самое следует сделать с Грецией в отношении Лемноса. Греция будет чувствовать себя обиженной уж фактом нашего обладания Дарданеллами. Получение ею из рук России Лемноса облегчит нашу политику в работе тесного с Грецией единения.

Теперь поставим вопрос о самом Константинополе, как городе.

---

[1]) Отношение Немитца к болгарскому флоту вполне понятно. К началу мировой войны 1914 г. болгары располагали всего шестью миноносцами (постройки 1907 — 1908 г.г.), одним учебным судном (постройки 1898 г.) и двумя яхтами. При таких ничтожных силах рассчитывать на активную роль на Черном море, конечно, не приходилось, хотя болгарский флот и проявил некоторую боеспособность в 1912 г., подорвав турецкий крейсер «Гамидие».

[2]) На подлиннике на полях пометка карандашем: «А подводные лодки?!», возможно, рукою Базили.

Если Россия господствует на Босфоре и Дарданеллах своею вооруженною силою, то сила господства, несомненно, принадлежит ей в Константинополе, но вследствие вышеуказанных причин, дабы собственной неловкостью не испортить в корне дела в момент его наивысшего успеха [1]), мы не должны присоединять Константинополя к владениям Российской империи на правах полного обладания. Здесь необходимо применить более тонкую и одухотворенную форму, которая потребует одновременно и более уполномоченного лица в Константинополе, а не простого губернатора. Там должен быть уполномоченный Россиею «консул» (наместник) с громадными полномочиями, ибо задача его будет сложная—административная, военная и политическая. Фактически господствуя своею военною силою в Проливах и Константинополе и имея своего уполномоченного, поставленного во главе армии и флота и административного и политического механизма, Россия должна в то же время избрать такую форму господства, при которой нам не приходилось бы входить и разбираться в различных перекрещивающихся и сталкивающихся интересах великих и малых держав и религиозных и интернациональных организациях мира; России самой следует выделить Константинополь с прилегающим к городу районом в вольный и нейтральный город с самоуправляющеюся городскою общиной, организацию которой предоставить установить Европе. В целом, России необходимо только получить контроль над городом в том отношении, чтобы никто не сооружал на территории Константинополя, непосредственно примыкающей к нашей босфорской крепости, никаких военных сооружений, и чтобы от нашего наместника зависело самостоятельно принимать соответствующие меры. Кроме того, от России, конечно, будет зависеть указать, какие места побережья и города должны быть совершенно выделены из его плана и составить полное обладание России в качестве пунктов, необходимых для сооружения ее крепости.

Приведенное решение стоящей перед нами политической проблемы отвечает вышепоставленному условию: Россия получит все ей необходимое и не ослабит своей, в настоящее время выгодной, международной позиции—ни в отношении великих, ни в отношении балканских держав. При этом решении, конечно, должно получить удовлетворение и наше особое национальное чувство — собор Святой Софии в Константинополе восстановит свой христианский образ и свою христианскую деятельность...

Капитан 2-го ранга А. В. Немитц.

1/14 декабря 1914 г.

IV.

Памятная записка товарища министра иностранных дел России А. А. Нератова.

Глубоко-народное значение нынешней войны, сопряженной с неисчислимыми жертвами для страны, ставит, казалось бы, единственно допустимым ее окончанием желательное для России разрешение наиболее жизненных

[1]) Как это было на Дальнем Востоке с Артуром и Ляодуном и с общей политикой России перед крымской кампанией. (Прим. подлинника).

вопросов, относящихся к области внешней политики. Из числа этих вопросов на первом месте должен быть поставлен вопрос о Проливах, на неотложность коего указывает общий голос.

На международной почве вопрос о Проливах не рассматривался доныне, как чисто русский. На этой точке зрения стояли западные державы, отмечавшие его обще-европейский характер. Но сложившаяся теперь обстановка войны побуждает наших союзников выдвигать свои собственные интересы и стремиться обеспечить их, опираясь на солидарные действия и решения по взаимному соглашению участников войны. Таким образом и для России представляется возможность использовать благоприятную обстановку для решения вопроса о Проливах. Со стороны Франции и Англии уже выражена готовность пойти навстречу желаниям России.

Вследствие сего надлежит обсудить возможные способы выполнения поставленной задачи.

Можно ли достигнуть цели единственно дипломатическими средствами? Следует полагать, что это едва ли осуществимо. Несмотря на победоносное окончание войны против Германии и Австро-Венгрии и несмотря даже на вынужденное согласие этих двух держав, Турция, очевидно, будет до последней крайности бороться за обладание Проливами и Константинополем, и подчинится лишь силе, т.-е. фактическому овладению Проливами, со стороны России.

Обсуждение возможных военных операций для занятия Проливов выходит из компетенции министерства иностранных дел, но, в видах направления дипломатических переговоров, необходимо освещение дела с военной точки зрения.

Трудности похода от кавказской границы чрез всю Малую Азию, казалось бы, исключают возможность овладения Проливами сухим путем с востока.

Морской поход с десантными операциями на турецкой территории представляется также мало осуществимым, как в виду достаточной подготовленности Турции к отражению десантов на берегу, так и риска, сопряженного с передвижением по морю больших масс войска, в количестве не менее 300.000 человек, при наличии турецких крупных и мелких военных судов в Черном море.

Легче могут быть, вероятно, выполнены военные операции против Константинополя с запада — от болгарской границы, при предварительной высадке наших войск на болгарском побережьи. Но и в этом случае риск морской перевозки войск представляется значительным, пока не прекратится совершенно деятельность турецкого флота.

Если бы, вследствие этого, признано было нужным не ограничиваться только предположениями морских операций с высадкой на иностранном берегу, а подготовить и иной способ действий, то необходимо подробно обсудить возможность прибегнуть к передвижению войск по суше через румынскую территорию. Соглашение с Румынией по этому предмету не является недостижимым. Следует лишь установить минуту, когда было бы наиболее удобным договориться о пропуске наших войск.

Румыния уже выразила намерение выступить против Австро-Венгрии в будущем феврале [1]), войдя таким образом в союзные отношения с нами. На первый взгляд казалось бы, проще всего дождаться конца европейской войны и, по заключению мира с Германией и Австро-Венгрией, войти в особое соглашение с Румынией для дальнейших военных действий против Турции. Но, в этом случае, нужно иметь в виду, что Румыния, получив уже удовлетворение своим домогательствам на Трансильванию, отнесется, вероятно, с большей сдержанностью ко всякому дальнейшему своему участию в войне, если таковое участие не будет куплено дорогой ценой. В то время добиться пропуска от нее наших войск к Константинополю будет труднее, чем теперь, когда она нуждается в санкции державами Согласия ее предполагаемых приобретений. Франция же и Англия, утомленные продолжительной войной, будут стремиться к заключению мира, как только обеспечены будут их собственные вожделения в борьбе с Германией, и смогут отнестись равнодушно к продолжению войны с Турцией.

Поэтому представлялось бы правильнее теперь же заручиться обязательством Румынии не препятствовать проходу русских войск через ее территорию, не предрешая времени, когда таковой проход был бы осуществлен по военным соображениям. Весьма вероятно, что румынское правительство усмотрит в нашем домогательстве основание для возбуждения каких-либо притязаний со своей стороны. В виду важности дела, казалось бы возможным пойти ему навстречу, расширив несколько наши данные уже ему обеща-

---

[1]) Вскоре после начала мировой войны между Россией и Румынией состоялись переговоры о совместных действиях против Австрии, при чем Россия, в качестве компенсации, предлагала Румынии Трансильванию. Румыны настаивали на гарантии своей территориальной неприкосновенности, ссылаясь на опасность со стороны Болгарии. Выработанный в Петрограде проект конвенции, предусматривавший немедленное выступление Румынии и незаключение ею сепаратного мира, не был подписан Братиано. После этого начались переговоры, приведшие 18 сентября/1 октября 1914 г. к обмену нот между Сазоновым и румынским посланником в Петрограде Диаманди, по которому: a) Россия обязалась противиться посягательствам на целость Румынии; b) признавала право Румынии на присоединение австро-венгерских областей с румынским населением, при чем разграничение в Буковине должно было быть произведено особой смешанной комиссией; c) Румынии предоставлялось право занять эти земли, когда она сочтет это удобным; d) Россия бралась получить на это согласие французского и великобританского правительства; e) взамен этих компенсаций Румыния обязалась соблюдать по отношению к России благожелательный нейтралитет. По устному соглашению Сазонова с Диаманди, Россия под «противодействием посягательствам на целость Румынии» понимала только дипломатическое воздействие, а под «благожелательным нейтралитетом»—прекращение провоза военного снаряжения для центральных держав через румынскую территорию и пропуск военных материалов из России в Сербию. (Дело архива б. министерства иностранных дел. «Соглашение с Румынией 18 сентября 1914 г.»). В дальнейшем переговоры были перенесены в Букарест, при чем председатель румынского совета министров Братиано, не давая окончательного ответа на русские предложения, допускал возможность выступления Румынии на стороне держав Согласия в феврале 1915 г. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за август — декабрь 1914 г.). Как известно, Румыния вступила в войну 27 (14) августа 1916 г.

ния, в смысле, напр., обеспечения в мирном договоре присоединения Трансильвании с преобладающим румынским населением, участия Румынии в получении военной контрибуции, или же признания за нею суверенитета в территориальных ее водах Дуная с уничтожением европейской дунайской комиссии [1]). К этому можно было бы добавить гарантию свободного плавания через Проливы.

Таковые наши обязательства в связи с появлением русских войск в Добрудже получили бы значение гарантии румынам против нападения Болгарии, которая должна была бы быть своевременно поставлена в известность о состоявшемся соглашении и о согласии Румынии уступить ей новую Добруджу до границ, установленных Петроградским протоколом [2]).

Вышесказанные обязательства наши могли бы быть, в свою очередь, обусловлены скорейшим выступлением Румынии против Австро-Венгрии, по плану, который был бы выработан нашим штабом действующей армии.

Соглашение с Румынией могло бы в конце концов состояться на следующих основаниях:

Обязательства Румынии.

1) Свободный пропуск русских войск через румынскую территорию во время войны.
2) Открытие военных действий против Австро-Венгрии в союзе с Россией по плану русского штаба действующей армии.
3) Восстановление границы с Болгарией по окончании войны на основании Петроградского протокола 191. . . [3]) года.

Обязательства России.

1) Присоединение к Румынии австро-венгерских территорий с преобладающим румынским населением.
2) Участие Румынии в контрибуции.
3) Установление суверенитета Румынии на дунайских территориальных водах.

Не нужно скрывать от себя, что румыны, предвидя приобретение Россией обширной территории в соседстве с Проливами, — будут, быть может,

---

[1]) «Европейская дунайская комиссия», учрежденная в силу ст. ст. 15—19 Парижского трактата 1856 г. для наблюдения за судоходством по Дунаю. Особые права и привилегии ее определяются трактатами: Парижским 1856 г., Лондонским 1871 г., Берлинским 1878 г. и Лондонским 1883 г., а также дополнительными актами 1865 г. и 1881 г. Представляя собою постоянное международное учреждение с собственной юрисдикцией и собственным бюджетом, «Европейская дунайская комиссия» имеет задачей обеспечить свободу торговли по Дунаю. Местопребывание комиссии г. Галац. Реорганизована договором в Нейи 27 ноября 1919 г.

[2]) Нератов, повидимому, имеет в виду постановление конференции послов в Петербурге 1913 г., в силу которого Румынии была предоставлена Силистрия.

[3]) Многоточие в подлиннике.

втайне надеяться на ее великодушие в смысле согласия на одновременное некоторое исправление своей границы в сторону Бессарабии. В их мыслях пример России, отняв у сербов повод оспаривать уступку ими македонских земель Болгарии, способствовал бы окончательному разрешению, сербо-болгарского спора и водворению общего, прочного мира на Балканах, как одной из задач русской политики. Но, само собою разумеется, что подобная мысль не могла бы даже обсуждаться без установления теснейшего единения между Россией и Румынией и согласования румынской политики на будущее время с предначертаниями России.

Нератов.

14/27 декабря 1914 года.

V.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 201.

13/26 февраля 1915 г.

Личная. — Продолжение № 200. [1]).

Хотя вопрос о Проливах выходит из нынешней моей компетенции, однако, важность минуты и долголетний опыт на..... [2]) побуждают меня представить на Ваше усмотрение следующие соображения. — Захват Константинополя и Проливов для наших союзников представляется вопросом средства в общем плане военных операций. Разрешая вопрос морских сообщений, оказывая сильнейшее воздействие на Болгарию и на Румынию, занятие Проливов может, несомненно, весьма способствовать скорейшему одолению наших общих противников, что для французов и англичан является конечною целью не только военною, но и политическою. Между тем, Проливы для нас не только средство, но и конечная цель, коею осмысливается вся нынешняя война и приносимые ей жертвы. Для меня борьба с Германией и Австрией и союз с Францией и Англией только средства для достижения этой народной цели. С этой точки зрения не может быть безразлично, мы или наши союзники завладеем Проливами. Одно участие их с нами в (этом) деле является уже прискорбным, ибо создает им опасные для нас права в конечном разрешении вопроса. Завладение же Проливами без нас было бы прямо пагубно, и в этом случае Константинополь стал бы в будущем могилою нынешнего нашего союза. Между тем, не будучи посвящен в нынешнее положение, я все

---

[1]) См. стр. 583.

[2]) Вероятно, следует читать: «на Ближнем Востоке», или «на Балканах».

же сомневаюсь, возможно ли в настоящую минуту наше деятельное участие в занятии Проливов. Если не ошибаюсь, с точки зрения военно-морской форсирование Босфора, при данном соотношении морских сил наших и турецких, является операцией трудно осуществимою. Не менее трудною представляется возможность десантной операции, по недостаточности как перевозочных средств, так и свободных войск. Впрочем, в этом последнем отношении положение, вероятно, изменилось, ибо, если у нас находятся войска для посылки в Сербию [1]), значит, найдутся и для разрешения нашей важнейшей задачи, ибо едва ли можно рисковать посылкой в Сербию войск худшего качества, которые считались бы неприменимыми против турок. В этом случае, однако, казалось бы, что наши войска крайне нежелательно употреблять в качестве лишь диверсии, способствующей англо-французскому движению на Константинополь. Наоборот, мы сами легче произвели бы десант в свое время, как только турецкие войска будут оттянуты нашими союзниками. Это было бы только справедливо, ибо на западном фронте мы уже достаточно послужили оттягиванием на себя сил. Относительно конечного разрешения вопроса, категорически должен вновь высказать глубокое убеждение, что только полный и всецелый контроль наш над (обоими) Проливами может быть признан действительным разрешением задачи, допущение же участия наших союзников в контроле над Дарданеллами, хотя бы под видом их нейтрализации, может послужить началом конца наших взаимных отношений и установить для нас режим менее обеспеченный, чем при слабых турках. Поэтому, если невозможно разрешить вопроса всецело в нашу пользу, то-есть присуждением нам границы Мидия—Энос, то наименее плохим из последующих решений было бы оставление на Проливах Турции с установлением нашего военно-морского контроля на Проливах. Это фактически привело бы Турцию к положению Бухары и в то же время оградило бы финансовые и экономические интересы союзников, не встречая, вероятно, непреодолимых препон в их общественном мнении. Во всяком случае, только исчерпывающий обмен мнений с ними теперь же способен предотвратить самые опасные осложнения в ближайшем будущем. Все это позволяю себе высказать, исходя из предположения, что наши союзники разрешили [2]) довести дело до конца. В противном случае неудачная попытка десанта в Галлиполи может лишь укрепить нежелательное настроение нейтральных.

Трубецкой.

---

[1]) В январе 1915 года сербским правительством был поднят вопрос о посылке русского отряда в Сербию. Первоначально ставка верховного главнокомандующего отказала, но затем, в виду настоятельных требований сербского командования, согласилась предоставить в распоряжение сербов бригаду ополченцев. В феврале—марте 1915 г., в момент операций на Проливах, отряду этому было дано специальное назначение войти в состав войск, предназначенных для действий на Босфоре. Вторично вопрос о посылке русского отряда в Сербию возник осенью 1915 г. и был решен в отрицательном смысле. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел, за 1915 г.).

[2]) Решили?

VI.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

Ниш, 24 февраля/9 марта 1915 г.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич,

Пользуюсь верным случаем, чтобы направить Вам эти строки. Здесь за последнее время не произошло ничего особенного, заслуживающего быть отмеченным. Все взоры напряженно направлены в сторону Дарданелл [1]). Весь свет чувствует, что наступила самая драматическая минута, от исхода которой зависит не только направление военных действий, но и отношений между собою всех держав.

Кризис в Греции [2]), предстоящий, может быть, кризис в Болгарии [3]) — все это еще малые отражения мирового значения того, что сейчас происходит

---

[1]) Предварительная атака Дарданелл союзным флотом была начата 19 февраля 1915 г.

[2]) В январе 1915 года, по поручению союзников, Англия обратилась к греческому правительству с предложением выступить на помощь Сербии, обещая ему территориальные приобретения в Малой Азии. Председатель греческого совета министров Венизелос, и раньше стремившийся к созданию блока балканских держав, в ряде секретных меморандумов убеждал короля Константина греческого присоединиться к союзникам в их операциях на Проливах. Представив королю проект образования «великого греческого государства», Венизелос советовал пойти на известные территориальные уступки Болгарии, отдав ей Кавалу, взамен чего греки могли бы получить от союзников более ценный район Смирны. Когда союзниками была начата предварительная атака дарданелльских фортов морскими силами, в Афинах был созван чрезвычайный коронный совет из прежних греческих премьеров (5 марта). Венизелос настаивал на посылке к Дарданеллам греческого флота и хотя бы одного сухопутного корпуса, но встретил энергичное противодействие со стороны пом. начальника греческого генерального штаба полк. Метаксаса, указывавшего на опасность, грозящую Греции в случае увода войск с болгарской границы. На новом коронном совете (6 марта) к мнению Венизелоса присоединились даже такие убежденные сторонники нейтралитета, как Раллис и Теотокис. Это, однако, не помешало королю Константину принять обратное решение, последствием чего была отставка Венизелоса (6 марта), роспуск палаты и образование кабинета Гунариса, объявившего, что Греция в будущем намерена придерживаться политики строгого нейтралитета, хотя и не скрывает своих симпатий к Сербии. (См. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны»).

[3]) Февраль и март 1915 г. были отмечены в политике Болгарии большой неустойчивостью. С одной стороны, болгарское правительство опасалось, что сохранение им нейтралитета в случае прорыва союзного флота через Дарданеллы лишит его права принять участие в разделе Турции. С другой, постоянное давление центральных держав на царя Фердинанда и его личная неприязнь к России делали

в Проливах. Нужно ли Вам говорить, что денно и нощно я только и думаю об этом и молю бога, чтобы он помог Вам справиться с этой задачею так, как этого ждет от Вас вся Россия. Потому что нельзя делать себе иллюзий. Неудачное разрешение этого вопроса отразилось бы у нас не такими последствиями, как какой-нибудь министерский кризис. Вся Россия потребовала бы отчета в том, за что проливается кровь наших близких, и одна опасность и неуверенность в настоящем решении этого вопроса может подорвать все одушевление, являющееся двигателем войны.

Отсюда, из моего угла, я чувствую, что могу говорить и писать невпопад. Может быть, и дай то бог, все мои опасения лишены основания, и Вы уже до всего договорились с союзниками. Но, в таком случае, успокойте всех в России какой-нибудь общей формулой, которая всем бы дала понять, что интересы России в этом вопросе вполне обеспечены. Пока же этого нет, а по всему свету разносятся уклончивое заявление Грэя [1]) и отзывы французских и английских газет, которые толкуют о равенстве интересов и прав великих и малых держав в Проливах. Это дает возможность укореняться в общественном мнении опасным для нас представлениям. Я счел не лишенным интереса сообщить Вам сегодня по телеграфу впечатление по этому поводу Пашича, в виду того, что сербы действительно искренно желают нашего утверждения в Проливах, ибо тогда они могут не беспокоиться на счет Болгарии.

Когда это письмо дойдет до Вас, решение Болгарии, может быть, уже выяснится, и дай бог, чтобы оно выяснилось в единственном для них и для нас правильном смысле. Бомбардировка Дарданелл, видимо, заставила их задуматься. Фердинанду, при его мегаломании, конечно, трудно примириться с мыслью, что с утопией коронования в Святой Софии ему приходится расстаться. Может быть, его мечты о победе наших противников были связаны именно с этой утопией [2]). Ведь он весь соткан из мелкого актерского тщеславия. Я еще на днях получил из Софии посылку с двумя почтовыми марками, и обе они — выражение смешных притязаний. На одной Фердинанд изображен в порфире и короне византийского императора с жезлом в руках

для Болгарии невозможным всякое выступление на стороне союзников. Несмотря на ожесточенную борьбу между представителями различных течений, кабинет Радославова остался у власти. Чтобы затянуть время, было решено отправить одного из наиболее убежденных сторонников сохранения нейтралитета, Генадиева, в Рим для выяснения позиции Италии. В то же самое время болгарское правительство не переставало вести секретные переговоры с центральными державами и с Турцией.

[1]) Заявление Грэя в палате общин 12/25 февраля 1915 г. (см. стр. 242).

[2]) Я припоминаю, как в начале балканской войны, когда Сербия и Болгария вместе одерживали успехи, австрийский посол Турн однажды завел со мной разговор на такую тему: России и Австрии надо размежеваться. Если мы предоставим Австрии западную часть Балканского полуострова, Австрия не станет вмешиваться в вопрос о Проливах, иначе она будет толкать туда болгар. «Впрочем, — сказал Турн, — мы тем охотнее не будем мешать Вам в Проливах, что это за нас сделает Англия и Франция». (Прим. подлинника).

и лицом, прилаженным под аскета из старой иконы. На другой марке — тот же Фердинанд, упитанный адмирал, скопированный с покойного короля Эдуарда, и на обеих выглядывает все та же ворона в павлиньих перьях! Поймет ли такой человек, что приспел час бросить актерский грим, или хотя бы разыграть покаянную перед нами. К сожалению, он потому может куражиться над Болгарией, что эта несчастная страна совершенно деморализована, и в оппозиции не видать мужественного решения положить предел этой игре судьбами своей родины. А между тем, даже такие люди, как Чапрашиков, понимают, что надо делать. Это все-таки дает кое-какую надежду.

Я надеюсь, Вы на меня не сердились, что я по телеграфу сообщил Вам соображения свои по вопросу о Проливах. Я знаю, что ничего нового Вам сказать не могу, но в такую минуту я хотя бы потому счел себя в праве представить Вам свои соображения, что я поступил на дипломатическую службу и вернулся на нее и все время служил только с этой одной мыслью о том, что Проливы должны быть наши. Для меня в этом средоточие всех внешних задач России, смысл и завершение вековых усилий. Можем мы это получить с Францией и с Англией против Германии, тем лучше. Не можем, тогда лучше то же получить с Германией против них.

Поэтому также, мне кажется, для нас допустимы только два решения. Одно полное, т.-е. линия Мидия—Энос, а в Азии береговая полоса, достаточная с точки зрения военно-технической, и острова Имброс и Тенедос, составляющие естественное продолжение Проливов, что признано нашими союзниками; я помню английский aide mèmoire в этом смысле прошлой осенью [1]).

Если, по нашим грехам, нам сейчас нельзя надеяться на это решение, тогда возможно пока такое, которое служило бы ему этапом и ничего не портило бы в будущем. Это решение было бы установление военно-морского контроля России в районе Проливов. Я это представляю себе так. Прежде всего придется определить, что разумеется под районом Проливов. В Европе— это, разумеется, вся территория по линию Энос—Мидия (если до этой линии дойдет Болгария). В Азии—это полоса на столько то верст в глубь страны. Конечно, это была бы объемом та же самая территория, какую мы намечали бы в случае завладения, включая острова. Численность турецкой армии должна была бы быть сведена к минимуму и она не имела бы права переступать границу охраны Проливов без нашего разрешения. А весь крепостной район Проливов был бы занят нашими войсками и флотом, при чем город Константинополь и, может быть, другие населенные места, не имеющие стратегического значения, могли бы пользоваться известной автономией. В сущности, это был бы вопрос не существа, а титула владения, при чем мы могли бы впоследствии выбрать удобную минуту, чтобы из военного занятия сделать присоединение. Некоторые удобства такого решения состояли бы, главным образом, в том, что его легче, может быть, переварило бы общественное мнение союзников, а также в возможности обеспечить лучше экономические интересы держав в Константинополе.

---

[1]) См. стр. 233.

Что мне представлялось бы крайне опасным,—это нейтрализация Проливов, или хотя бы только одних Дарданелл. Пример Бельгии на лицо, чего стоит нейтралитет без санкции силы. Нейтрализация Проливов — это наверняка ссора с союзниками, и вся Россия затаит на них справедливый гнев за то, что они выезжали на наших спинах, а наших прав и интересов не признали. Еще, что, мне кажется, не следует допускать ни под каким видом, это доступа Болгарии и Греции на побережье Мраморного моря. Если б на этом настаивали наши союзники, следует, мне кажется, категорически этому воспротивиться, ибо это привело бы в ближайшем будущем к необходимости силою оружия выставить то государство, которое сунулось-бы туда, где ему не место.

Пишу все это, и представляю себе живо все трудности, дипломатические, военные и морские, с которыми Вам приходится иметь дело. Дай Вам бог помощи, дорогой Сергей Дмитриевич. Ваше счастье — это Ваша прямота и что Вам верят в Лондоне и Париже. Поэтому Вам легче им все сказать на-чистоту; в такие минуты иначе невозможно. Им же хуже будет потом, если сейчас согласие между нами окажется возможным лишь замазкой глубоких трещин, а не спайкою жизненных интересов.

Сердечно Вам преданный Григорий Трубецкой.

VII.

Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

3/16 сентября 1915 г.

Лично.

Позволяю себе высказать перед Вами следующее личное мнение: после громадных жертв нынешней войны не только наши образованные слои, но и весь народ русский будет ожидать великого вознаграждения. А таковым ощутительным и всякому понятным может явиться лишь обладание Константинополем и Проливами. Поэтому, если только военное положение наше не слишком опасно и если есть надежда на взятие Дарданелл нашими союзниками, то лучше понести новые жертвы, но не итти на (хромые) сделки с Турцией.

Неклюдов.

VIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Стокгольме А. В. Неклюдову.

Телеграмма.

4/17 сентября 1915 г.

Лично.

Ваша телеграмма № 336 получена.

Считаю полезным успокоить Вашу тревогу. Императорское министерство никогда не теряло из виду необходимости осуществления исторических задач России.

Сазонов.

IX.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

Могилев, 10/23 сентября 1915 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Из довольно продолжительного разговора, который я имел третьего дня с генералом Алексеевым, я мог вывести общее заключение, что положение наше им признается безусловно тяжелым и что из него не так скоро можно надеяться выйти. Особенно тяжело ближайшее время, ближайшие дни, когда окончательно выяснится результат недавнего молниеносного набега немцев на Вилейку и происшедшей отсюда оттяжки наших войск, повлекшей за собою уход наш из Вильны [1]). Теперь много говорят об отъезде государя в Царское, но никто, даже гр. Фредерикс, не знает, когда этот отъезд состоится. Я поэтому думаю, что он находится в связи с ликвидациею смелого набега немцев на восток от Вильны.

По поводу тяжелого, чтобы не сказать безвыходного, положения англичан в Дарданеллах [2]) я спросил ген. Алексеева, что́ бы наиболее соответствовало нашим военным интересам, чтобы англичане ослабили французский фронт и высадили еще войска в Проливах или же поддержали французов для активных действий на западном фронте. Генерал на это ответил приблизительно так: для нас ликвидация дарданелльской операции, конечно, самая важная задача, ибо, разрешись она, *можно будет заключить сепаратный мир с Турциею* и перебросить кавказскую армию против Германии, а это может решить участь войны в нашу пользу, так как и немцы устали, и появление свежих сил может сразу все изменить. Впрочем, заметил генерал, активное действие французов возможно и теперь, для нас оно очень желательно, ибо все усилия, все пополнения германцев направлены на нас, и мы уже сплошь 5 месяцев выдерживаем всю тяжесть войны. Если бы французы немного энергичнее повели войну на их фронте, мы бы сейчас почувствовали значительное облегчение [3]). Войск германцы перекидывать на запад не будут, но они лишены будут возможности пополнять свои потери на нашем фронте так быстро и обстоятельно, как они это делают теперь. При ослаблении же их натиска на нас мы не только сможем их остановить, но и начать выгонять их обратно

---

[1]) Кудашев имеет в виду прорыв германцами русского фронта в районе Свенцяны — Вилейка — Молодечно, вынудивший русские войска 5/18 сентября очистить район Вильны. Прорыв этот был ликвидирован в конце сентября.

[2]) Имеется в виду неудача предпринятого союзными войсками наступления на Галлиполийском полуострове в августе 1915 г.

[3]) В конце сентября 1915 г. союзные войска перешли в наступление на западном фронте в Шампани и Артуа. Наступление это, однако, в скором времени было приостановлено в связи с упорным сопротивлением, оказанным германцами, перешедшими в октябре в контр-наступление.

на запад. Это, впрочем, во всяком случае немыслимо ранее 5-6 недель, когда придут ожидаемые военные запасы.

Алексеев считает, что побуждение французов к большей активности весьма желательно. Про итальянцев он заметил, что если они теперь ничего не сделают, то по наступлении холодов их продвижение в горах окончательно должно будет прекратиться, и тогда стоящие против них войска (австрийские) будут снова направлены против сербов. Я выше подчеркнул несколько слов из сказанных мне ген. Алексеевым, так как они меня наводят на мысль о скептицизме его относительно возможности завладения нами Константинополем. Я, впрочем, не предложил ему прямо этого вопроса, но думаю, что едва ли можно себе представить сепаратный мир с турками, по которому последние согласились бы уступить свою столицу кому бы то ни было. При первой возможности я постараюсь ближе узнать его взгляд на константинопольский вопрос.

Прошу Вас, многоуважаемый Сергей Дмитриевич, верить чувствам глубокого моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

Здесь были несколько озадачены желанием Палеолога лично представить государю ген. д'Амада: его ждут с *нетерпением,* а заезд в Петроград только оттянет время свидания с ним. К тому же все распоряжения сделаны, чтобы его встретить в Унгени и сразу привезти: сюда, — если государь будет здесь, в Царское,—если государь будет уже там. Этим объясняется ответ Фредерикса на Ваш запрос.

X.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

8/21 октября 1915 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Положение, созданное решением Болгарии присоединиться к нашим врагам [1]), считается ген. Алексеевым настолько серьезным, что он мне категорически заявил, что мы из него не выйдем, если не заключим мира с Турцией. На мое замечание, что такой мир, даже если бы его удалось заключить (к чему имеются почти непреодолимые технические трудности), обозначал бы крушение всех наших надежд на разрешение больного константинопольского вопроса, ген. Алексеев ответил: «Что же делать? С необходимым приходится мириться».— Из дальнейшего разговора вот что могу заключить о мнении генерала по этому вопросу.

---

[1]) Манифест об объявлении Россией войны Болгарии был подписан 5/18 октября 1915 г. и опубликован 7/21 октября. Англия объявила войну 2/15, Франция и Италия 3/16 и 4/17 октября. Фактически война началась несколькими днями раньше, когда произошло вторжение болгарских войск в Сербию.

Если Германии удастся пробиться через Сербию и подать руку помощи Турции, то и Турция ей отплатит за это и даст ей именно то, что у нее, Германии, все-таки постепенно истощается: пищу, сырье, людской материал. Мы и теперь никак не можем справиться с Германией, что же будет, когда ее рессурсы увеличатся? Если же мы примиримся с Турцией, то мы не только ослабим источник этих новых рессурсов наших врагов, но сами получим новые рессурсы: освободится наша кавказская армия (а у наших союзников их галлиполийский десант) [1]), откроется путь для подвоза боевых снаряжений и возможность вывезти наш хлеб, т.-е. облегчение нашего экономического и финансового положения. Т.-е. создастся положение, при котором разумно можно будет рассчитывать на достижение цели войны: изгнания врага из наших пределов и сокрушения опасной для нашего существования военной мощи Германии. Преследовать иные цели — значит гоняться за миражем...

Все это генерал Алексеев просил меня довести до Вашего сведения. На это я заметил, что лучше было бы, чтобы он сам Вас поставил в известность о его точке зрения на цели войны, так как она опирается на соображение исключительно военного свойства; Алексеев с этим согласился и поручил мне составить письмо к его подписи в указанном смысле. Вчера я в третий раз его спросил, прочел ли он посланный ему проект письма [2]), но он опять сослался на количество работы, мешающей ему заняться этим делом. Принимая во внимание, что инициатива разговора на тему мира с Турцией принадлежала *ему*, а отнюдь *не мне* [3]), что свои убеждения он высказывал с большим жаром, — я думаю, что задержка в подписании письма должна иметь другое объяснение, — возможно, что генерал имел случай убедиться в несочувствии его мысли самого государя. Вчера он меня спросил, не собираетесь ли Вы сюда. Я ответил, что Вы приезжаете не иначе, как по специальному приглашению, и что мне неизвестно, чтобы таковое последовало. Генерал покачал головою: «Ах, как жалко! На словах гораздо легче можно было бы все обсудить. А мне так важно договориться по всем вопросам с Вашим министром»... Слова эти я привожу в надежде, что они послужат, быть может, предлогом для нового посещения Вами Ставки [4]).

Конечно, есть много вопросов, которые хорошо было бы обсудить непосредственно Вам с Алексеевым. В оценке настроения Румынии он видит совершенно ясно и никаких иллюзий себе не делает. Он довольно скептически отнесся к поездке кап. Бубнова в Букарест, о коей я телеграфировал Вам вчера [5]). Ничего нового Бубнов не узнает. Но хорошо, что он отправился

---

[1]) Галлиполийский десант — десантная армия, высаженная в мае 1915 г. на Галлиполийском полуострове. В течение всей летней кампании 1915 г. она безуспешно пыталась овладеть подступами к Константинополю и в январе 1916 г. была эвакуирована в Салоники, где образовала ядро балканской союзной армии.

[2]) В делах архива б. министерства иностранных дел этот проект письма отсутствует.

[3]) Зная настроения, господствующие в министерстве, я бы не возбудил сам этого вопроса. (Прим. подлинника).

[4]) Сазонов приехал в Ставку 3/16 ноября 1915 г.

[5]) В октябре — ноябре 1915 г. в связи с тяжелым положением, создавшимся на Балканском полуострове, вследствие вмешательства в войну Болгарии, союзники

для обозрения положения под эгидою Поклевского, к которому я дал ему рекомендательное письмо [1]).

Прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, верить чувствам глубокого моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

XI.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

8/21 октября 1915 г.

Лично. № 2.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич,

Мнение генерала Алексеева (о котором я Вам писал в моем последнем письме), что мы не в состоянии продолжать войну на всех фронтах одновременно и что нам поэтому необходимо заключить мир с Турциею, особенно убедительно в предположении разгрома Сербии и установления непосредственного соприкосновения и связи Австро-Германии с Турцией. Поэтому вопрос о спасении Сербии и о предотвращении торжества германского замысла должен быть тщательно разработан с военной точки зрения и принятые решения приведены в исполнение энергично. — Пока французы с англичанами только

пытались добиться выступления Румынии на помощь Сербии. Румыны, испуганные размерами австро-германских успехов, уклонялись от прямого ответа, хотя и ссылались на то, что по договору 1914 г. (см. прим. 1 на стр. 197) они имеют право получить предложенные им союзными державами территории Австро-Венгрии за простое сохранение нейтралитета. Тем не менее, под давлением союзников, Россия требовала от Румынии пропустить русские войска для нападения на Болгарию. С этой целью в Бессарабии была сосредоточена 7-ая армия под начальством ген. Щербачева. Когда выяснилось, что на предъявленные ей требования Румыния ответит отказом, армию эту вместе с другими армиями юго-западного фронта было решено использовать для операций в Буковине. Разыгравшееся в декабре 1915 г. «буковинское сражение» не дало никаких результатов, и только убедило румын в правильности занятой ими позиции.—Кап. 2-го ранга Бубнов, являясь одним из старших чинов военно-морского отдела Ставки, был направлен в Румынию для выяснения степени боеспособности румынской армии и пригодности румынских портов для десанта.

[1]) Поклевский-Козелл был российским посланником в Бухаресте. Кудашев, повидимому, говорит о той роли, которую играл в Румынии флиг.-ад. Веселкин, личный друг Николая II; направленный в г. Рени в качестве начальника особой экспедиции по снабжению Сербии, Веселкин, не ограничиваясь своими прямыми обязанностями, полагал, что ему поручено вести переговоры с румынским правительством о вступлении Румынии в войну на стороне союзников. На этой почве у него возникали постоянные недоразумения с Поклевским. Пользуясь своим влиянием, Веселкин сумел убедить Николая II в необходимости удалить Поклевского и только по ходатайству великобританского статс-секретаря по иностранным делам Грэя за посланником было сохранено его место. (Дело архива б. министерства иностранных дел «Особая экспедиция флиг.-ад. Веселкина»).

додумались послать 200.000 в Салоники [1]), которые еще туда не доехали и которые окажутся недостаточными, если до их соединения с сербами последних успеют уничтожить. Хотя я всегда отношусь очень осторожно к вспышкам воображения таких талантливых людей, как, напр., капитан Бубнов, у которых талант переплетается с подчас неудержимым увлечением, я думаю, что он проводит правильную мысль в поданной им по начальству секретной записке, содержание которой мне известно и которое сводится к следующему [2]): стремясь на соединение с Турциею, Германия, конечно, главным образом стремится к Азиатской Турции, источнику всего того, что Германии надо (пища, сырье, люди). Поэтому главным объектом ее стратегии должен быть *Босфор* (не Дарданеллы). В их руках (германцев) он станет неуязвимым, и немцы оттуда станут вечной угрозою не только для нас, но и для англичан и для французов. Посылка отряда в Салоники не даст нам ничего: еще будут вестись переговоры о их посылке, когда немцы дойдут до Константинополя. Отсюда следует необходимость их предупредить на Босфоре, с целью разсбщения Малой Азии, для чего достаточна только морская оккупация. Другими словами, *необходимо,* чтобы союзники, хотя бы ценою громадных жертв, прорвались через Дарданеллы, помогли нашему флоту прорваться (тоже ценою крупных жертв) сквозь Босфор и затем, хотя бы базируясь только на Севастополь, окончательно обезвредили появление в Константинополе немцев из Болгарии. Если это невозможно, то судьба Константинополя, несмотря ни на какие десанты в Салониках, решена окончательно, притом против нас *и против наших союзников.* Ибо Босфор в руках Германии—такая же угроза для Англии (Египта, Индии) как и для нас. Конечный вывод Бубнова: надо убедить союзников, особенно англичан, в необходимости принести в жертву хотя бы ½ их эскадры, но прорваться чрез Дарданеллы.

С этим я вполне согласен. Записка Бубнова пока известна только адм. Ненюкову и Алексееву. Она должна быть сегодня подана на высочайшее благовоззрение. Не знаю, последует ли затем по ней «исполнение». Лично я думаю, принимая во внимание оценку военного положения Алексеева, что если бы такой прорыв удался, то появление флотов пред Константинополем было бы единственным удобным моментом для заключения мира с турками на основании: сохранения за ними их столицы и какой-нибудь русско-француз-

---

[1]) Еще зимой 1914 — 1915 г.г. великобританский военный министр Китченер несколько раз возбуждал вопрос о посылке британской дивизии через Салоники в Сербию. Мысль о создании специальной союзной балканской армии возникала и во французских политических кругах, где ее поддерживали ген. Галльени и Бриан. Однако, операция, предпринятая союзными силами на Проливах, отвлекла внимание союзного командования от балканского фронта. Когда в августе 1915 г. сделалось очевидным, что галлиполийскому десанту не удастся проникнуть в Константинополь, вопрос об образовании особой балканской армии был окончательно решен. Пока между Парижем и Лондоном шли переговоры (совещание в Калэ), австро-германцы начали наступление против Сербии и, при помощи болгарских войск, добились крупных успехов. В связи с этим, союзникам не оставалось ничего другого, как перебросить в Салоники часть галлиполийского десанта.

[2]) Записка капит. 2-го ранга Бубнова в делах архива б. министерства иностранных дел отсутствует.

ско-английской опеки, обеспечивающей нам свободное пользование Проливами. При установлении гарантий свободного по ним судоходства, Англию и даже Румынию можно было бы привлечь к такому решению вопроса.

К сожалению, все это легче было бы осуществить, если бы уже функционировал тот объединяющий командный орган [1]), над созданием которого работает Жоффр и которому очень сочувствует Алексеев. Последний предложил государю четыре имени генералов, которых Алексеев предлагает на пост представителя нашей армий в этом высшем военном совете союзников. Но до сих пор государь не назначил никого. Я должен засвидетельствовать редкую ясность мышления у нового начальника штаба и отрадную ширину взглядов, облегчающую решение мелких вопросов, по которым мне приходится к нему обращаться.

Прошу Вас верить чувствам искреннего моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

XII.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

Лично.

18/31 октября 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич,

Бубнов вернулся вчера из Букареста, и то, что он рассказывает о своих впечатлениях, в сущности им уже изложено в его телеграмме, суть которой Вам передана ген. Алексеевым 15 октября за № 433 [2]). К сказанному в этой телеграмме Бубнов прибавляет одно интересное соображение, которым румынам приходится руководствоваться при определении своих решений: неготовность армии, вследствие всяких злоупотреблений и воровства. Оказывается, что это элемент не последней важности и что им объясняется нерешительность румын и их желание примкнуть к сильнейшей стороне, когда, наконец, придется встать на ту или на другую сторону.

Я не имел случая разговаривать с ген. Алексеевым после получения Вашей телеграммы государю императору о сообщении Вам срока, когда могут

---

[1]) Объединяющий командный орган — верховный союзный военный совет, руководивший действиями союзников на всех театрах войны. Русским представителем в совете был ген. Жилинский, б. командующий варшавским военным округом и сев.-западным фронтом, устраненный от командования, в связи с неудачами 1-ой и 2-ой армий в Восточной Пруссии. Назначение его состоялось в октябре 1915 г.

[2]) Телеграммой за № 433 от 15/28 октября 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Алексеев передает Сазонову сведения о положении в Румынии на основании данных, добытых кап. 2-го ранга Бубновым.

сосредоточиться на юге достаточные силы, чтобы придать вес нашим домогательствам втянуть Румынию на нашу сторону [1]). Но мне говорили офицеры, что 2 корпуса уже перевозятся — это, впрочем, я уже знал и от Алексеева,— а о дальнейшей посылке войск на юг не слышно [2]). Но, быть может, теперь она решена, вследствие Вашей телеграммы. — Алексеев, конечно, понимает, как важно сделать все возможное в скорейшем времени; но он все повторяет, что все зависит от винтовок. Впрочем, отлично понимает также, что итальянские винтовки попадут в руки наших солдат не раньше февраля месяца [3]).— Насколько остро ощущается недостаток ружей, видно из того, что в некоторых полках имеется всего 1.500 человек с оружием, а 2.500 человек отведены назад на несколько верст и ждут с пустыми руками, чтобы им прислали или винтовки, или чтобы отправили из их числа вперед на фронт для замены места тех раненых или убитых, у которых сохранилось оружие. Людей обученных у нас теперь уже много, но использовать их за недостатком ружей — нельзя. Это тем более досадно, что немцы увели очень большие силы с нашего фронта. По расчетам штаба, германцы увели: на французский фронт 7 дивизий, а на сербский—9, всего, значит, *8 корпусов,* есть даже основание предполагать, что уведены еще кое-какие полки. Тем не менее, мы не можем, повидимому, использовать такое ослабление противника, чтобы нанести ему где бы то ни было удар. Под Барановичами мы имели блестящий успех, но и его не могли развить за недостатком вооружения [4]). Немцы это хорошо понимают и приняли мудрое решение воспользоваться свободным временем и свободными силами, чтобы ликвидировать войну на Балканском полуострове. Весною же, я не сомневаюсь, что они снова нажмут на нас... Лишь бы мы не пропустили это время и подготовили необходимые запасы!

На днях вернулся в Ставку ген. Петрово-Соловово, командированный для обозрения тыла. Он вынес самое отрицательное впечатление от всего виденного, о чем должен был вчера сделать доклад государю.

Пока отрадное и бодрящее одно только: энергия англичан и их *нравственная поддержка.* (Материальной они оказывают нам пока не очень

---

[1]) Всеподданнейшей телеграммой от 16/29 октября 1915 г. за № 5372 Сазонов, передавая полученные им из Бухареста сведения об уклончивой позиции, занятой румынским правительством, запрашивает Ставку, когда может состояться концентрация в Бессарабии 3 русских корпусов, необходимых для привлечения Румынии на сторону союзников.

[2]) Операции на юге. — См. прим. 5 на стр. 207. Переброшенные на юг корпуса—2 и 5 кавказский.

[3]) Речь идет о винтовках, заказанных русским военным ведомством в Италии осенью 1915 г. Медлительность, проявленная в этом случае итальянским правительством, вызывала сильное раздражение в русском штабе, где одно время был поднят даже вопрос о передаче заказа английским заводам. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за сентябрь—октябрь 1915 г.).

[4]) Вероятно, Кудашев имеет в виду удачную ликвидацию германского прорыва в районе Молодечно—Вильна в сентябре 1915 г. и последовавшие за этим успешные для русских войск бои на фронте Барановичи—Пинск—Ровно.

много) [1]). Мне нравится, что, несмотря на безнадежность, ими самими же признаваемую, операции в Галлиполи,—они не падают духом и работают вовсю [2]). Удивительно и достойно преклонения мастерство, с которым они одолели немцев на море, переловив большинство германских подводных лодок!

О сепаратном мире с Турциею Алексеев больше со мною не говорил. Я думаю, что он убедился в невозможности такого мира теперь.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, верить чувствам глубокого моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

XIII.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

5/18 марта 1916 г.

Лично.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Вчера, по приглашению генерала Алексеева, я обсуждал с ним вопрос о том, каким образом всего выгоднее использовать взятие нами Эрзерума [3]).

Несомненно, что таким успехом определяется известный психологический момент, и его упускать не следует. Если бы было признано выгодным заключить мир с турками, то надо иметь в виду, что такой благоприятный момент не скоро снова представится, и что всегда выгодно вести переговоры под впечатлением удачи, так как за ней павший духом противник предполагает дальнейшую для себя катастрофу, даже тогда, когда таковой и быть не может.

Блестящий успех нашей кавказской армии можно, конечно, использовать и исключительно в смысле дальнейшего его военного развития. Но это,

---

[1]) Красноречивые данные о «материальной поддержке» англичан приводит в своих воспоминаниях б. великобританский военный агент в Петрограде ген. Нокс. Несмотря на то, что заказы на военное снаряжение русским военным ведомством были сданы английским фирмам еще в начале 1915 г., до осени того же года ни один из этих заказов не был выполнен. «Нравственная поддержка» англичан была также невелика, так как в русской армии никто не обманывался насчет союзной помощи, а бездействие англо-французских войск на западном фронте вызывало открытое возмущение среди русского офицерства. (См. Sir Al. Knox «With the russian army», I, ch. ch. VII, IX, p.p. 267—279, 324—353).

[2]) Осенью 1915 г. после неудачи августовского наступления никаких крупных операций на Галлиполийском полуострове не велось. Упорство союзников объяснялось не стремлением пробиться к Константинополю, а необходимостью скрыть от противника подготовлявшуюся эвакуацию десантного корпуса на Мальту или в Салоники.

[3]) Эрзерум был взят штурмом 3/16 февраля 1916 г. О впечатлении, произведенном этой неудачей на турецкое командование, говорит в своих воспоминаниях фактический руководитель турецкой армии ген. Лиман ф.-Сандерс. (См. Liman v. Sanders «Fünf Jahre Türkei», Berlin, 1919, S. S. 160—161). По его словам, турецкий штаб в течение нескольких месяцев скрывал это известие не только от народа, но и от самого султана.

как оказывается, не так легко, в виду незначительности для операций в широких размерах наших сил на кавказском фронте, все же почитаемом второстепенным, и невозможности, по словам генерала Алексеева, ни единого солдата снять с главного театра военных действий [1]).

Нисколько не желая выступать адвокатом непременного примирения с Турцией, генерал Алексеев поручил мне передать Вам некоторые его мысли по этому поводу, дабы положение, созданное нашим успехом, было тщательно продумано и использовано в наивыгоднейшем для нас объеме. Самым важным является более определенное и точное выяснение объекта войны с нашей русской точки зрения. Выяснению этому может помочь то или другое мнение начальника штаба, но окончательно оно может принадлежать лишь компетенции самого правительства.

Рассуждения на эту тему привели к следующим выводам. Каковы бы ни были наши надежды и расчеты на использование вмешательства в войну Турции, чтобы вознаградить себя за ее счет при заключении мира, мы должны признать, что эти расчеты не оправдались, и едва ли могут оправдаться в течение этой войны. Чем дольше длится она, тем труднее для нас какие-либо новые особые предприятия после ее окончания. Завладение Проливами, несомненно, явится таким новым, *особым* предприятием. В этом вопросе мнения генералов Данилова и Алексеева вполне сходятся. (О мнении Данилова вспомните мои письма от декабря 1914 г. и января 1915 г.) [2]). Для нас важно достижение главной цели, а главной целью войны должна быть победа над главным неприятелем, над тем, от которого зависит восстановление нашей государственной границы, возвращение утраченной территории. Главный наш противник — Германия и, так как несомненно, что для нас несравненно важнее вернуть, например, Курляндию, нежели приобрести Проливы, то первым и главным делом должно быть сокрушение Германии. Задача эта настолько трудная, что для ее выполнения требуются все усилия и все жертвы. Одною из таких жертв должен быть отказ от некоторых наших надежд. Что же нам может дать сепаратный мир с Турцией? Предложить ей таковой мы могли бы без ущерба для наших реальных интересов (и лишь откладывая на новый срок завладение Проливами) на основании: «status quo ante bellum», с восстановлением капитуляций и всех прочих наших договорных прав. При этом пришлось бы потребовать удаления германцев, взамен чего обещать защитить Турцию от Германии в случае репрессалий последней. Если бы мир с Турцией

---

[1]) Удар русских войск по 3-ей турецкой армии явился настолько неожиданным для турецкого командования, что на фронте не оказалось ни главнокомандующего Махмуда Киямиля-паши, ни немецкого руководителя его штаба. Уже после того, как русские овладели Эрзерумом, прибывшему из Константинополя Махмуду Киямилю удалось остановить паническое отступление турецких войск на линии реки Ефрата у г. Мамахатуна. Незначительность сил кавказской армии вынудила ее временно приостановить наступление. Тем не менее, русское командование стало почти тотчас же готовиться к новой операции по завладению Трапезондом. (См. Liman v. Sanders «Fünf Jahre Türkei», Berlin, 1919, Cap. 11, S. S. 158 — 168).

[2]) Письма Кудашева Сазонову от 15/28 декабря 1914 г. и 12/25 января 1915 г. Печатаются нами в соответственном отделе II тома настоящего издания.

был восстановлен на таких началах, у нас бы освободилась вся кавказская армия, покрытая славою, окрыленная одержанными победами и готовая совершить новые чудеса. Ее можно бы перевести в Бессарабию и этим (кто знает?) увлечь Румынию, или, если Турция будет о том просить, послать ее защищать Константинополь. Англия вздохнет свободнее, когда исчезнут опасности египетского похода и мусульманского движения. Она тогда сможет отправить свою египетскую армию (9 дивизий) в Солунь и Кавалу, окончательно сдержать болгар и вместе с восстановленной сербской армией, французами и итальянцами освободить Сербию. Выход Турции из числа наших врагов перевернет все на Балканах в нашу сторону, даст нам соприкосновение с нашими союзниками, откроет нам южный путь в Европу. Словом, благоприятные последствия мира с Турцией неисчислимы. В конечном же итоге явится сокрушение силы Германии, т.-е. достижение единственного общего для всех союзников реального объекта войны. Конечно, и им и нам придется пожертвовать некоторыми прекрасными мечтами... Но никто не мешает нам продолжать лелеять эти мечты в будущем и для будущего. Продолжая войну с Турцией, мы выгадываем только то, что обманываем себя надеждой на осуществление в близком будущем чарующей нас иллюзии. Прекращая же войну с Турцией, мы осуществление наших иллюзий откладываем на новый срок, зато достигаем победы над Германией, т.-е. того, к чему стремимся и мы, и все наши союзники, что одно только обеспечит нам всем прочный мир, а лично нам наше политическое, военное и нравственное положение в Европе. Если победою над Германией мы достигнем положения, похожего на то, которое мы имели после наполеоновских войн, то почему бы впоследствии не повториться и серии славных договоров: Адрианопольского, Ункиар-Скелессийского [1]) и пр., которые, надо надеяться, будут заключаться так, чтобы не сталкивать нас снова с западными державами, но разумно удовлетворять действительные нужды России...

Я вижу, что немного переплел мысли генерала Алексеева с собственными, при чем очень определенно высказал последние. Хотя генерал Алексеев настойчиво заявляет, что отнюдь не желает выступать поборником и инициатором идеи мира с Турцией, в глубине души я убежден, он считает такой мир наиболее выгодным для нас делом.

Затруднений для заключения этого мира, конечно, будет не мало. Но какое большое дело творится без затруднений? Придется объяснять общественному мнению, что всего сразу сделать нельзя: спасать Россию от германской гегемонии, отвоевывать Балтийское побережье и русские земли и одновременно приобретать Константинополь, приступать к сложнейшим задачам, политическим, даже духовным, связанным с нашим завладением Царьграда. Придется уламывать и турок. Но на них можно действовать убеждением логики и денег. Я убежден, что если отпадет вопрос об утрате ими их столицы, то убедить их в том, что их руками немцы жар загребают, будет не

---

[1]) Адрианопольский мир был заключен между Россией и Турцией 2/14 сентября 1829 г. Об Ункиар-Скелессийском договоре от 26 июня/8 июля 1833 г. см. прим. 1 на стр. 170.

трудно. А кто не поймет силу довода, поймет традиционный в Турции довод материальной выгоды.

Но об этих подробностях рано говорить. Теперь самое главное: 1) уяснить настоящий объект войны; 2) в связи с выяснением этого объекта решить, не упуская выгодного момента, вопрос о сепаратном мире с турками; 3) подготовить общественное мнение (государственная дума собирается послезавтра) и наших союзников к такому обороту дела.

В заключение этого длинного письма, могу только прибавить, что как генерал Алексеев, так и я сам всецело разделяем те чувства по отношению к Константинополю, которыми вдохновлены все русские, и что не равнодушие к разрешению восточного вопроса в согласии «с историческим призванием России» руководит нашими мыслями, а искреннее желание выяснить, что практически возможно и что пока (будем надеяться, что только *пока)* невозможно, и в политическом вопросе стараться подчинять чувство выводам рассудка.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, верить чувствам искреннего моего уважения и преданности.

Н. Кудашев [1]).

XIV.

Памятная записка исп. об. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили [2]).

Соображения и сведения, доложенные министру.

Предположение о перевороте в Болгарии.

Призвав меня к себе 3 апреля, генерал Алексеев просил передать министру нижеследующее: со стороны вполне серьезного лица — генерала, деловитость которого уже не раз была доказана [3]), — сделано предложение устроить в Болгарии государственный переворот. Предложение это заключается в том, чтобы при содействии некоторых болгарских государственных

---

[1]) Опубликовано в «Сборнике секретных документов из архива б. министерства иностранных дел», изд. Наркоминдела, Петроград, 1917 г., вып. I, № 5, стр. 12 — 14, под заглавием «Попытки дипломатов заключить сепаратный мир с Турцией».

[2]) Памятная записка Базили, доложенная им российскому министру иностранных дел во время его поездки в Петроград 4 — 8 апреля 1916 г., состоит из следующих пунктов: 1) предположение о перевороте в Болгарии; 2) Румыния; 3) вопрос о разделе Малой Азии; 4) польский вопрос; 5) результаты переговоров полк. Татаринова в Бухаресте; 6) вопрос о румынском урожае; 7) положение на Рижском заливе; 8) общее наступление; 9) военный совет в Ставке и 10) указания, полученные от министра по поводу проекта переворота в Болгарии и переговоров с Румынией. В настоящем издании мы печатаем только те пункты записки Базили, которые непосредственно касаются Проливов и общего положения на Балканах и в Турции.

[3]) Возможно, болгарский генерал Радко Дмитриев, в начале войны перешедший на русскую службу. В апреле 1916 г. он командовал 12 армией, расположенной на северном фронте.

деятелей организовать низложение и даже «устранение» Фердинанда болгарского. Указанным болгарским деятелям, по словам упомянутого генерала, надлежит обещать: 1) присоединение к Болгарии Македонии до Вардара, 2) присоединение к Болгарии Фракии по линии Энос—Мидия и 3) отнятие от Греции Салоник и образование из них с прилегающей территорией нейтральной области. В осуществлении изложенного плана имеют принять участие чехи. Проведение его потребует, очевидно, больших денег. Генерал Алексеев желал бы знать, как С. Д. Сазонов отнесется к этому плану в принципе, считает ли целесообразной попытку отторжения Болгарии от наших врагов в настоящей обстановке и не имеет ли препятствий к вышеизложенным территориальным изменениям в пользу Болгарии в случае перехода ее на нашу сторону. Если министр иностранных дел одобрит в принципе указанное предположение, начальник штаба возьмет на себя дальнейшее направление дела, при чем, конечно, политическую сторону передаст затем всецело в руки министра иностранных дел. Ген. Алексеев прибавил, что изложенная комбинация представляется ему, при настоящих условиях, особенно достойной внимания, в виду того, что ею разрешается вопрос о борьбе с Турцией, что вносимое ею изменение в балканской обстановке выгоднее для нас, чем выступление Румынии на предлагаемых ею условиях (смотри далее) и что желательность введения нового фактора в войну тем более велика, что «надежда на наших союзников плохая».

На мой вопрос, не грозит ли этот план неуспехом и опасностью огласки, генерал Алексеев ответил, что, конечно, риск всегда есть, но предложение вполне серьезное. Я заметил, что в Болгарии обстановка весьма мало благоприятна для поворота в нашу сторону; в Румынии же относятся весьма ревниво к нашим отношениям в Болгарии, и если изложенный план сделается там известным, это неминуемо отразится на румынской политике. Что же касается изложенных территориальных притязаний, то, насколько мне известно, они не встретят возражений, так как союзники в свое время предполагали, приблизительно, на тех же основаниях привлечь на свою сторону болгар. Сообщенное мне начальником штаба я обязался лично доложить министру [1]).

Румыния.

Выступление Румынии на предлагаемых ею условиях начальник штаба считает для нас «тяжелее, чем войну с нею». Действительно, Румыния за свое выступление требует от нас больших жертв: она требует прикрытия нашими войсками правого фланга румынской армии и отправления русской армии в Добруджу. Помимо количественного расхода войск, подобное требование румын создает опасность для целости наших армий. Румыны подвинут все свои силы в Трансильванию, согласно плану румынского штаба, и нельзя быть уверенным, что австро-германцам не удастся использовать увлечение румын

[1]) Генералу Алексееву вообще хотелось бы избегнуть пролития нами болгарской крови. По его мнению, не надо рыть пропасти между нами и болгарским народом. В будущем болгары могут быть нам нужны, особенно на Проливах. (Прим. подлинника).

наступательными операциями в землях, составляющих предмет их национальных вожделений, для того, чтобы обойти главные силы румынской армии и либо зайти в тыл нашего буковинского фронта, либо, что еще вероятнее, отрезать нашу армию в Добрудже [1]). Вывезти эту армию в таком случае морем может для нас оказаться весьма затруднительным из-за неприятельских подводных лодок, которым легко будет действовать у побережья Добруджи, базируясь на Варну. Вообще положение нашей армии в Добрудже будет весьма затруднительным из-за слабости путей сообщения, связующих ее с Россией. Наконец, связанное с выступлением Румынии удлинение фронта не пропорционально увеличению сил. Начальник штаба, впрочем, уверен, что Румыния не выступит, пока участь кампании не выяснится [2]).

Я высказал генералу Алексееву, что таков же и взгляд министра иностранных дел.

Я сообщил генералу Алексееву, что в министерстве намерены не обнаруживать по отношению к румынам чрезмерной предупредительности и заискивания, дабы не создавать этим впечатления слабости. Начальник штаба определенно одобрил такой образ действий.

Исходя из этих соображений, начальник штаба решил, не отказывая просьбам румын о предоставлении ей [Румынии] или провоза в нее нужных румынской армии предметов снабжения, не выдавать им означенных предметов, а вместо того все складывать около Елисаветграда до времени румынского выступления. Я на это заметил начальнику штаба, что не премину выяснить отношение министра иностранных дел к этому предположению.

Вопрос о разделе Малой Азии.

Согласно указаниям министра я ознакомил начальника штаба с сущностью переговоров, происходящих в Петрограде, о предполагаемом разделе Малой Азии между Англией, Францией и Россией [3]). Начальник штаба выра-

---

[1]) Обстановка, сложившаяся на румынском фронте осенью 1916 г., вполне подтвердила опасения Алексеева. Наступательные операции, предпринятые румынским командованием в Трансильвании, значительно облегчили австро-германским войскам форсирование линии р. Дуная, результатом чего явился отход румынских армий и потеря ими Добруджи и Валахии.

[2]) По словам генерала Алексеева, с румынами следует говорить, но не договариваться. (Прим. подлинника).

[3]) В феврале 1916 г. между Англией, Россией и Францией были начаты переговоры о разделе Азиатской Турции. Они сопровождались рядом секретных совещаний, на которых представители отдельных русских ведомств обсуждали вопросы, связанные с будущими приобретениями России в Малой Азии. Особенные споры возбудил при этом вопрос о западной границе новых русских владений. Тогда как Сазонов полагал, что граница эта должна проходить к западу от г. Трапезонда, морское и военное ведомства настаивали на г. Синопе, как крайнем пункте русской территории. Вопрос этот так и остался нерешенным, и в тексте тождественных нот, которыми обменялись французское и российское правительства 13/26 апреля 1916 г., 1-ый пункт читается: «Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезонда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережьи Черного моря к западу от Трапезонда». Николай II присоединился к точке зрения военного и морского ведомств. На телеграмме российского посла в Лондоне

зил полное одобрение тому руководящему принципу, который, по мнению министра, должен быть положен в основу нашей будущей политики в этом направлении: а именно, что нам надлежит расширить свою территорию за счет Турции, лишь поскольку это может быть оправдано стратегическими соображениями. С этой именно точки зрения начальник штаба, на первый взгляд, считает границу, отмежеванную Франции, согласно помянутым переговорам, крайне для нас выдвинутой: начальник штаба с опасением относится к обострению в наших пределах армянского вопроса. Я затем ознакомил начальника штаба с высказанным морским ведомством требованием о включении в наши пределы малоазиатского побережья до Синопа и прибавил, что, не считая себя компетентным высказываться по вопросам стратегическим, Сергей Дмитриевич Сазонов, хотя и неохотно, должен был уступить перед настояниями морского ведомства, поддержанного генералом Беляевым. Начальник штаба не скрыл своего несочувственного отношения к этому проекту, теряющему, по его мнению, всякое разумное основание в случае решения вопроса о Проливах в согласии с нашими надеждами. Я объяснил начальнику штаба, что вопрос о Синопе остается вне содержания происходящих переговоров с союзниками, и вынесенное ныне принципиальное решение о необходимости его присоединения получит практическое значение лишь ко времени нашего разграничения с Турцией, а до тех пор многое изменится. Самое содержание соглашения с союзниками о Малой Азии вряд ли когда-либо будет осуществлено в той форме, в коей оно ныне намечается...

Указания, полученные от министра, и сведения, сообщенные в министерстве. Предположения о перевороте в Болгарии.

Ознакомившись с предположениями генерала Алексеева, министр отнесся к означенному плану с значительным опасением. Он усматривает в возможной огласке его большую опасность скомпрометирования нашего правительства. Если генерал Алексеев решится дать движение указанному плану, необходимо будет довести до минимума риск обнаружения участия в намеченном деле России, и особенно русского правительства. Не следует упускать из виду, что огласка нашего уговора с болгарами может толкнуть Румынию в объятия немцев. Во всяком случае необходимо, чтобы связанные с этим планом переговоры не носили характера территориальной негоциации: в обратном случае переговоры эти неизбежно сделаются известными. Затем не надо забывать, что «устранение Фердинанда» само по себе не будет иметь последствием перехода Болгарии в наш лагерь. Оно, вероятно, приведет лишь к занятию австро-германцами Болгарии. Наконец, не надо себе делать иллюзий в отношении питаемых Болгарией к нам чувств. Среди болгар, особенно в руководящих кругах, у нас совершенно нет сторонников. Те, которые

Бенкендорфа, от 17/30 мая 1916 г. за № 289, им была поставлена следующая резолюция: «Согласен, кроме первой статьи. Если нашей армии удастся дойти до Синопа, там и должна будет пройти наша граница». Царская ставка, 22 мая 1916 г. (см. «Раздел Азиатской Турции», стр. 154 — 200).

выдавали себя за таковых, нам решительно изменили. В отношении Салоник нам необходимо лишь одно: недопущение немецкого или австрийского внедрения в явной или скрытой форме. Уступка Салоник болгарам поэтому, с точки зрения наших интересов, допустима лишь, поскольку можно будет иметь уверенность, что этот важный пункт не сделается в болгарских руках оружием наших противников. То же опасение не позволяет нам обратить Салоники в международную территорию. Более удовлетворительным решением вопроса было бы образование Салоник самоуправляющейся областью под контролем союзников, или же предоставление их совместно балканским народам. Сергей Дмитриевич Сазонов, несмотря на свои опасения, не считает себя, однако, в праве противиться осуществлению предположений генерала Алексеева, раз последний имеет основания считать сделанные ему предложения вполне серьезными. Связанные с этими предположениями территориальные условия в общем для нас приемлемы. Однако, при переговорах министр просит начальника штаба ограничиться общим заверением, что на изложенных основаниях Россия и союзники без труда сговорятся с болгарами в случае их перехода в наш лагерь.

Румыния.

Намерение генерала Алексеева не выдавать румынам предметы снабжения, а складывать их у нас до времени их выступления, не представляется С. Д. Сазонову практически соответственным. По его мнению, подобная мера вызовет со стороны румын раздражение. Если поэтому мы считаем необходимым не выдавать румынам известных предметов снабжения, то предпочтительно, не отказывая в их выдаче, лишь оттягивать тем или иным способом фактическую передачу их румынам.

По словам Петряева, образованное в Петрограде междуведомственное совещание для разрешения вопросов о вывозе товаров в Румынию в связи с последним германо-румынским соглашением, изменило свое отношение к просьбам румын [1]). Вывозимые в Румынию из России товары можно разделить на три категории: 1) предметы, запрещенные к вывозу; 2) предметы, могущие понадобиться для наших военных нужд; 3) продукты, вывоз коих в Германию противоречит нашим интересам. Просьбы о вывозе в Румынию обращены к нам либо от лица румынской армии, либо от лица наших союзников или их подданных для нужд принадлежащих им в Румынии промышлен-

---

[1]) 21 марта 1916 г. между Румынией и центральными державами было заключено особое соглашение, по которому румыны обязались вывезти в Австрию и Германию 100.000 ваг. кукурузы и 40.000 ваг. пшеницы. 1 апреля того же года состоялось отдельное румыно-германское соглашение, предусматривавшее широкий обмен продуктами производства, за исключением предметов военного снаряжения. Всего до августа 1916 г. центральными державами из Румынии и в Румынию было вывезено и ввезено 35½ миллионов клг. различных товаров на общую сумму 28.000.000 рум. лей. 20 августа 1916 г. между Румынией и теми же державами был заключен новый договор на поставку овса и ржи.

ных предприятий, либо от лица частных лиц румын для нужд их или румынской промышленности. До сих пор для нужд румынской армии отпускалось все, кроме, конечно, предметов, воспрещенных к вывозу. Для частных же потребностей выдавались разрешения на вывоз приблизительно половины просимого и притом лишь из числа продуктов, не подлежащих транзиту в Германию. В виду известия о торговом соглашении Румынии с нашими противниками, временно приостановлена выдача разрешительных свидетельств на вывоз в эту страну.

Базили.

II.

Переговоры между Россией, Англией и Францией 1914—1916 г.г.

§ 1. Предварительные переговоры и признание Англией притязаний царского правительства на Константинополь и Проливы 1914 г.

XV.

Французский посол в Петрограде М. Палеолог министру иностранных дел Т. Делькассэ.

Шифрованная телеграмма [1]).

26 сентября 1914 г.

Секретно.

Только для министра.

Министр земледелия г. Кривошеин, — который, благодаря своему личному влиянию и тому доверию, которое он имеет у императора, является истинным председателем совета [министров], — пришел ко мне вчера, чтобы изложить мне частным образом свои взгляды на те изменения, которые державы Тройственного Согласия должны ввести в государственное устройство Европы по окончании войны.

Ниже я резюмирую его заявления:

1) Военные действия могут еще долго продолжаться, но было бы неразумно допустить, чтобы по причинам, чуждым стратегии, они могли закончиться в более короткий срок. Правительства Тройственного Согласия не должны дать застигнуть себя врасплох мирными предложениями; они заинтересованы в том, чтобы, не откладывая, установить свои общие намерения.

[1]) Перев. с фр.

2) Относительно изменений, которые надлежит ввести в конфигурацию Европы, г. Кривошеин только воспроизвел программу, предусмотренную г. Сазоновым 14 сентября [1]).

---

[1]) Заявление Сазонова было передано Палеологом Делькассэ телеграммой от 14 сентября 1914 г., № 603, следующего содержания: «Секретно. Только для министра. Во время весьма дружественной беседы г. Сазонов изложил сэру Дж. Бьюкенену и мне свое частное мнение относительно той линии поведения, которой должны придерживаться Россия, Англия и Франция в случае, если настоящий успех их армий увенчается окончательной победой. «Мы должны, — сказал он нам, — немедленно выработать соответствующий проект». Я сказал, что, по моему мнению, министры иностранных дел России, Англии и Франции должны пока еще втроем договориться между собою для определения общих основ нового порядка, который следует установить в Европе. Они сообщат эти основные положения своим второстепенным союзникам — Бельгии, Сербии и Черногории. Затем они коллективно известят о них Германию и Австрию. Этот проект установит только основные положения для определения условий мира и для устранения затруднений. Г. Сазонов, со своей стороны, одобрил эту точку зрения. Идя дальше в изложении своих интимных мыслей, г. Сазонов рассказал нам в общих чертах, как он понимает те изменения, которые, в интересах трех союзников, следовало бы внести в карту и устройство Европы:

1. Основной целью трех союзников должно быть уничтожение германской мощи, а также притязаний Германии на военное и политическое господство.

2. Территориальные изменения должны определяться принципом национальностей.

3. Россия аннексирует нижнее течение Немана и восточную часть Галиции. Она аннексирует для польского королевства восточную Познань, Силезию (пропуск одного слова) и западную часть Галиции.

4. Франция вернет себе Эльзас-Лотарингию, с добавлением в желательных для нее размерах части рейнской Пруссии и Палатината.

5. Бельгия получит в (пропуск двух слов) значительное увеличение территории.

6. Шлезвиг-Голштейн будет возвращен Данни.

7. Ганноверское королевство будет восстановлено.

8. Австрия образует триединую монархию, составленную из австрийской империи, чешского королевства и венгерского королевства. Австрийская империя включит в себя только «наследственные провинции». Чешское королевство включит в себя теперешнюю Чехию (карандашем приписано сверху—Словаков) и Моравию. Венгерское королевство должно будет договориться с Румынией по вопросу о Трансильвании.

9. Сербия аннексирует Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную Албанию.

10. Болгария получит от Сербии компенсацию в Македонии.

11. Греция аннексирует южную Албанию, за исключением Валоны, которая будет передана Италии.

12. Англия, Франция и Япония разделят между собою германские колонии.

13. Германия и Австрия заплатят военную контрибуцию.

Г. Сазонов настойчиво просил нас, сэра Дж. Бьюкенена и меня, не придавать никакого официального значения «этому эскизу картины, полотно для которой еще не соткано». Но на основании нескольких слов, которые он бросил в отдельном разговоре со мною, я понял, что он уже теперь стремится посвятить нас в свои взгляды и что он больше, чем когда-либо, придает значение тесному контакту с нами. (Перев. с фр.).

На подлиннике этой телеграммы имеется пометка Николая II (черта и две точки).

3) Относительно Проливов г. Кривошеин считает, что они должны быть . . . . . [1]), что турки должны уйти в Азию и что Константинополь должен стать нейтральным городом с режимом, аналогичным режиму Танжера [2]).

Я слушал г. Кривошеина, не формулируя никакого мнения, кроме мнения по вопросу о Константинополе: «Это как раз тот вопрос, — сказал я ему, — который вызовет со стороны Англии сильные возражения».

Г. Кривошеин спросил меня, знаю ли я что-нибудь о Ваших намерениях. Я ему ответил, что я абсолютно ничего не знаю. Со своей стороны, я его спросил, имел ли он случай изложить свои соображения императору. «Да, вчера, — ответил он, — но я Вас уверяю, что эти мои соображения носят исключительно личный характер».

Сегодня утром в присутствии английского посла я передал г. Сазонову мою беседу с г. Кривошеиным. Сэр Дж. Бьюкенен высказался так же, как и я, по вопросу о Константинополе.

Г. Сазонов тогда нам ответил: «Относительно судьбы Константинополя я не вполне согласен с г. Кривошеиным, но я думаю, как и он, что в момент мира мы должны обеспечить себе навсегда свободный проход через Проливы».

Весьма решительным тоном он продолжал: «Турки должны остаться в Константинополе и окрестностях. Что касается свободы Проливов, то она должна быть нам гарантирована и притом тремя условиями: 1) никакие

---

[1]) В подлиннике после слов «должны быть» пропуск и знак вопроса карандашем. На полях неизвестным почерком приписано «libres» («свободны»), также со знаком вопроса.

[2]) Впервые вопрос об особом положении г. Танжера был поднят в эпоху франко-испанских переговоров 1904 г. Ст. 9 договора от 3 октября 1904 г. было признано, что «город Танжер сохранит специальный режим, связанный с присутствием в нем дипломатического корпуса, а также свои муниципальные и военные установления». Эта статья была подтверждена ст. 1 нового франко-испанского соглашения от 1 сентября 1905 г., при чем полицейские обязанности по охране Танжера было решено возложить на франко-испанский корпус жандармов. Эти постановления не были существенно изменены алжезирасским актом от 7 апреля 1906 г. и франко-германской декларацией и соглашением от 9 февраля 1909 г. и 4 сентября 1911 г. Ст. I франко-марокккского соглашения от 3 марта 1912 г. было снова подтверждено, что «город Танжер сохранит свой специальный режим, который был за ним признан и определен его муниципальной организацией», а ст. 7 франко-испанского договора от 27 сентября 1912 г. было решено, что специальный режим будет распространен как на самый город, так и на его окрестности. Самый режим должен был быть установлен позднее. В 1913 и 1914 г.г. над установлением его работала специальная комиссия, но окончательное его применение не состоялось в виду требований, предъявленных Испанией. После мировой войны вопрос о Танжере возбуждался неоднократно, при чем к разрешению его стремилась, главным образом, Англия. В 1922 г., когда ею была признана независимость Египта, между английским и французским правительствами были начаты по поводу Танжера переговоры, не приведшие, однако, ни к каким положительным результатам. Новая конференция о Танжере была созвана сначала в Лондоне, а затем в Париже осенью 1923 г. и закончилась 18 декабря принятием статута, по которому город Танжер подчинен «постоянному режиму нейтралитета» (ст. 3).

укрепления не будут возводиться на берегах Дарданелл, 2) комиссия, располагающая морской силой, будет осуществлять полицейский надзор в Дарданеллах и Мраморном море, 3) Россия будет иметь при входе во внутреннюю часть Босфора, — напр., в Буюкдере... [1]) станцию.

Этот вопрос для нас имеет жизненный интерес. Невозможно дольше откладывать его решение».

У сэра Дж. Бьюкенена и у меня создалось впечатление, что, говоря таким образом, г. Сазонов доверил нам не простой проект, но свое решение.

XVI.

Турецкий посол в Берлине Мухтар-паша великому визирю Саид-Халиму-паше.

Шифрованная телеграмма [2]).

17 октября 1914 г.

«Norddeutsche Allgemeine Zeitung» публикует официозным образом донесение, посланное из Петрограда 26 мая 1914 г., где говорится о морской конвенции, которую предположено было заключить между Россией и Англией. Там сказано:

«Со стратегической точки зрения следует делать различие между морскими операциями Черного и Северного морей. Россия должна получить компенсацию со стороны Англии за привлечение против себя части немецкого флота в Балтийском море. Что касается Проливов Босфора и Дарданелл, то временные операции России против Проливов должны рассматриваться, как операции стратегические» [3]).

Из вышеизложенного следует, что вопрос о Проливах, повидимому, уже разрешен в положительном для России смысле. Но операции против Босфора и Дарданелл квалифицируются, как операции временные и как операции стратегические. Это указывает, с одной стороны, на то, что между Англией и Рос-

---

[1]) В подлиннике пропуск одного слова. Буюкдере—местечко, расположенное на европейском берегу Босфора, вблизи входа в него из Черного моря, летняя резиденция российского посольства в Константинополе.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Весной 1914 г., во время пребывания английского короля Георга V в Париже, между русским, французским и английским правительствами были начаты переговоры о присоединении России к англо-французской морской конвенции. Хотя до возникновения мировой войны между Россией и Англией по этому поводу и не было достигнуто соглашения, тем не менее к маю 1914 г. были установлены следующие русские пожелания: a) на северном фронте Англия должна была удержать большую часть германского флота в Немецком море, для облегчения России десантной операции в Померании; b) в Средиземном море Англия должна была сосредоточить количество судов, достаточное для того, чтобы помешать прорыву австро-итальянских судов в Черное море; c) операции у Проливов должны были носить военный характер и не затрагивать «политического вопроса» о Босфоре и Дарданеллах. (Заключение особого совещания от 13/26 мая 1914 г.). Окончательный обмен мнений был отложен до августа 1914 г., когда Петербург должен был посетить первый лорд адмиралтейства принц Л. Баттенберг-ский. (Дело архива б. министерства иностранных дел «О более тесном привлечении Англии к франко-русскому союзу» 1914 г.).

сией не состоялось окончательного соглашения по этому вопросу, а с другой стороны, отсюда можно вывести заключение, что англичане в принципе допускают овладение Россией Проливами, оставляя открытым вопрос о компенсациях.

Для Англии было бы желательно, чтобы Россия не властвовала на Проливах, но, принимая во внимание те преимущества, которые Англия надеется извлечь из общих результатов соглашения, она в крайнем случае сможет принудить себя пойти на эту невыгодную уступку, которую как-нибудь она сумеет смягчить. Под этим углом зрения, вот что обращает на себя внимание: английский флот, дав возможность немецким судам спастись и укрыться в Мраморном море [1]), с макиавелизмом, характеризующим Foreign Office, лишил всякого значения эту статью [2]) англо-русской конвенции. Действительно, следует предположить, что операции России против Проливов должны

---

[1]) Германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау» были отправлены в Средиземное море в эпоху второй балканской войны. Официальным поводом к их посылке послужили осложнения на Балканах, неофициальным — необходимость усилить австрийский и итальянский флоты быстроходными судами. До начала мировой войны оба крейсера входили в состав международного отряда, собранного у берегов Албании. О возможности перехода их в руки турок в русских военных и дипломатических кругах знали задолго до мирового кризиса. В подтверждение приводим телеграмму российского поверенного в делах в Константинополе Гулькевича от 8/21 января 1914 года № 29: «Наш морской агент доложил мне, что, в виду настойчивых слухов об уступке Германиею крейсера «Гебена», он имел доверительную беседу с майором Штремпелем, бывшим германским здесь военным агентом, ныне начальником штаба генерала Лимана, который сказал дословно следующее: германский император уже однажды соглашался на продажу Турции крейсера «Мольтке». Продажа эта не состоялась вследствие высокой цены, протеста семьи Мольтке и изменившихся политических условий. Если Россия, вопреки данному, будто бы, Германии обещанию не противиться заключению турецкого займа во Франции, помешает таковому, то нельзя поручиться в том, что император не отдаст «Гебена» Турции. Уступка эта, по словам Штремпеля, даже якобы весьма вероятна, тем более, что Россия, повидимому, еще не считает себя удовлетворенною в деле Лимана. Штремпель просил нашего морского агента не называть его фамилии. Посетивший по этому поводу капитана Щеглова французский военный агент считает, что если бы слухи о продаже «Гебена» подтвердились, то таковую можно было бы считать как подготовку Германией обще-стратегической обстановки. Капитан Щеглов просит сообщить сказанное морскому генеральному штабу. Со своей стороны, ссылаясь на телеграмму мою № 27, решаюсь высказать убеждение, что слова Штремпеля следует приписать его возбужденности и желанию его блюфировать, так как не вижу основания к такой откровенности немецкого офицера; тем не менее, счел долгом довести вышеизложенное до сведения вашего высокопревосходительства в виду просьбы Щеглова и положения, занимаемого Штремпелем. Турки продолжают отрицать покупку какого бы то ни было дредноута». — На телеграмме имеется пометка Николая II: «Это все-таки поучительно и доказывает, как мало можно доверять заявлениям Германии». Царское Село, 11 января 1914 года. Тем более примечательным представляется поведение английского адмиралтейства и командующего средиземноморской эскадрой адм. Мильна, особенно, если мы примем во внимание, что инспектором турецкого флота был английский же адмирал Лимпус, несомненно, осведомленный о переговорах относительно покупки иностранных судов Турцией.

[2]) В подлиннике «cohésion»; повидимому, ошибка,—следует читать «clause».

были начаться одновременно с войной против Тройственного Союза и независимо от позиции, которую заняла бы Турция. Если принять во внимание неудовольствие и затруднения, которые породило бы в Англии русское нападение на Константинополь и халифат, то станет ясным, что присутствие «Гебена» и «Бреслау» в Босфоре не стесняло ни в чем Англию и устраняло вмешательство Турции [1]).

XVII.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 571. 29 октября 1914 г.

Российское правительство получило сведения о потоплении русского стационера в Константинополе [3]) и русской канонерской лодки в Одессе, а также относительно бомбардировки Феодосии турецким флотом. Турецкие

---

[1]) В деле архива б. министерства иностранных дел «Сношения с иностранными представителями, 1914 г.» имеется копия следующей недатированной телеграммы Палеолога:

«Я не считаю возможным примкнуть к мнению, высказанному моим константинопольским коллегой. Вся история Оттоманской империи доказывает, что на нее можно оказать воздействие, только проявляя или даже применяя силу.

У меня сложилось убеждение, что с начала войны мы идем по ложному пути, поскольку дело касается Турции.

Когда с самого начала российское правительство предложило нам предпринять энергичные шаги в Константинополе, чтобы привлечь Порту на нашу сторону, предложив ей, в свою очередь, положительные выгоды, г. Бомпар высказал мнение, что не должно ничего предпринимать и что следует ограничиться «возбуждением аппетитов» турецкого правительства.

Когда вслед за тем германские крейсеры приблизились к Дарданеллам, мы настаивали перед г. Сазоновым на том, чтобы российское адмиралтейство не допустило появления ни одного военного судна у северного входа в Босфор, чтобы не внушить опасения турецкому правительству. Несколькими днями позже, несмотря на приход германских крейсеров в Мраморное море, мы все еще прилагали усилия, чтобы не вызвать недоверия Порты и пощадить ее самолюбие. Эта политика уступчивости по отношению к Турции в результате своем привела к тому, что германские крейсеры все еще находятся в Мраморном море, что инструкторы германской миссии были посланы в Армению, чтобы там руководить широкими военными приготовлениями, что группа германских офицеров только что направлена в Константинополь, что фанатическое движение распространяется во всей восточной Анатолии.

Теперь наступило время остановить Порту на этом пути, который становится опасным для нашей союзницы, и мы только в том случае можем рассчитывать, что наш голос будет услышан в Константинополе, если мы будем там говорить повелительным тоном. Я прошу правительство республики отнестись со всем вниманием к этим соображениям». Палеолог (перев. с фр.).

[2]) Перев. с англ.

[3]) В подлиннике слова «о потоплении русского стационера» подчеркнуты На полях знак вопроса карандашем. Стационер в Константинополе турками потоплен не был. Канонерская лодка, взорванная в Одессе турецкими миноносцами в ночь на 16/29 октября,—«Донец».

офицеры были посланы на берег потребовать сдачи Новороссийска; были арестованы... [1]) и судно ушло в море, воздержавшись от дальнейших действий [2]).

Г. Сазонов, который несколько возбужден вмешательством Турции в войну, заявил мне, что Россия будет придерживаться оборонительного образа действий, и что никаких войск с германской границы уведено не будет [3]). По его словам, Россия располагает 200.000 войск на Кавказе. Выступление Турции, — сказал он, — поставит на очередь ближне-восточный вопрос в целом и повлечет за собою окончательное решение вопроса о Проливах.

Есть много оснований полагать, что война с Турцией должна быть встречена сочувственно широкими кругами русского общества, убежденными, что Россия из войны с Германией и Австрией не извлечет никаких значительных выгод.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

XVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [4]).

№ 649. 27 октября/9 ноября 1914 года.

Получил Ваш № 3656 [5]).

Поздравив меня с нашими успехами в Польше [6]) и отметив значение их для обоих театров войны, Грэй сказал мне по поводу сообщения о Персии, сделанного мною Никольсону, согласно Вашим инструкциям, что он готов приложить все свои усилия, чтобы заставить Персию высказаться. Он счи-

---

[1]) В подлиннике пропуск одного слова.

[2]) Бомбардировка Феодосии и Новороссийска турецкими крейсерами 16/29 октября 1914 г.

[3]) Возможность переброски русских войск с германского фронта на Кавказ в случае вмешательства Турции в войну, сильно тревожила английские политические круги и служила предметом телеграмм Грэя к Бьюкенену. Причина этого вполне ясна, так как в Англии постоянно опасались перехода русских войск на германском фронте от нападения к обороне, что значительно повысило бы активность неприятеля на западном театре войны. (Дело архива б. министерства иностранных дел «Dossier spécial» август — декабрь 1914 г.).

[4]) Перев. с фр.

[5]) В телеграмме № 3656 от 24 октября/6 ноября 1914 г. Сазонов, указывая на неизбежность нарушения русскими войсками персидского нейтралитета в связи с операциями против турок в Азербейджане, предлагает великобританскому правительству «убедить Персию стать, ради собственного престижа и достоинства, на сторону держав Согласия»; взамен этого последние могли бы гарантировать ей «целость ее владений» и обещать «при удачном исходе борьбы с Турцией вознаграждение в виде шиитских святынь Неджефа и Кербелы».

[6]) Имеется в виду удачное отражение австро-германского наступления на Варшаву в октябре—ноябре 1914 г.

тает это дело очень трудным, но, может быть, все-таки возможным, при условии значительной финансовой поддержки, на которую он готов. По его словам, уступка Неджефа и Кербелы встретила бы непреодолимую оппозицию со стороны правительства Индии, так как подобного рода уступка шиитам вызвала бы враждебные чувства среди суннитов в Индии, а также в Египте. Я сказал, что, может быть, возможно какое-нибудь другое исправление границ. Он ответил: пожалуй, но его трудно найти. Грэй прекрасно понимает трудность нашего военного положения и говорит, что если Турция нарушит персидскую границу, все упростится, но что простой факт нарушения границы нами неминуемо вызовет на Востоке настолько сильное возбуждение, что оно, несомненно, отзовется на усилиях, делаемых в настоящее время Англией во Франции, которые, оказав уже ценные услуги, несмотря на скромные размеры английских сил, через немного месяцев будут очень серьезными. Он добавил: нам следует принять серьезные меры предосторожности. Он также сказал, что основной целью войны остается разгром Германии, который лучше всего подготовляется нашими победами, что во Франции положение не ухудшается, но что необходимо затратить значительные усилия, результат которых был бы сомнителен в случае уменьшения английской помощи.

По его словам, до сих пор известия из Индии были исключительно благоприятны, но опасность существует, и наше вторжение в нейтральную мусульманскую страну могло бы легко подать сигнал [к вспышке]. Грэй Вас просит обратить серьезное внимание на его общие соображения о ведении войны союзниками. Он сказал, что с того момента, как Турция определила свою позицию, ее участь зависит от победы над Германией. В случае, если Турция или Россия не нарушили бы персидской границы и если бы все усилия заставить Персию принять решение оказались тщетными, не достаточно ли было бы, — спрашивает он себя, — нападения России со стороны Кавказа или хотя бы даже более выжидательной тактики на этом фронте, так как (сказал он мне), если Германия будет раздавлена, — судьба Проливов и Константинополя не может быть решена на этот раз иначе, как сообразно с нашими выгодами [1]). Я спросил Грэя, не поручил ли он Бьюкенену довести до Вашего сведения об этом [его] заключении. Он сказал мне: «Я намекнул ему, хотя и не в такой ясной форме: однако это так, и я не откажусь повторить это». Он сказал мне, что он не считает себя компетентным в вопросе военных операций, но что военные действия русских в Турции уже и раньше предпринимались со стороны одного Кавказа. Я ответил Грэю, что понимаю важное значение его слов и что я Вам передам их самым точным образом, но что не следует забывать, что русское общественное мнение так настоятельно требует энергичных действий против Турции, что противиться ему едва ли было бы возможно. Он мне ответил, что он это понимает, но что не следует, чтобы это обстоятельство повлияло на общий ход военных операций союзников против Германии, которые всегда останутся самым важным

---

[1]) В подлиннике: «convenances».

делом. Он мне сказал, что протелеграфирует Бьюкенену, но что пока он хотел объясниться со мною по этому поводу, и что, повидимому, возможны два благоприятных исхода: либо заставить Персию определить свою позицию, либо Турция нарушит персидский нейтралитет. Последнее он считает мало вероятным; Германия не допустила бы этого, чтобы все последствия этого нарушения обратить против нас. На случай, если бы не осуществились обе эти возможности, Грэй обращается к императорскому правительству с призывом действовать с чрезвычайной осторожностью и предусмотрительностью в этом вопросе, так как даже блестящие успехи наших войск не могли бы возместить ущерб, нанесенный общему делу в других областях. До этого свидания Никольсон выразил мне те же опасения и спросил меня, что мы рассчитываем в действительности делать. Я ответил ему, что у меня нет никаких данных для его осведомления. Я полагал, что дело идет об Азербейджане [1]), но я не могу утверждать, что вопрос касается только этой провинции, так как всегда возможно нападение Турции со стороны Урмии. И тот, и другой выразили надежду, что наши армии, направленные против Германии, не будут ослаблены переброской на Кавказ.

На самом деле я полагаю, что правительство, будучи совершенно спокойно относительно Египта и Африки, не так уверенно в положении на индийской и афганской территории, что, в действительности, весьма серьезно осложняет положение. Ни Грэй, ни Никольсон ничего не говорили мне об аресте консулов в Тавризе [2]), но я знал, что эта мера очень беспокоит министерство иностранных дел, особенно если дело идет о необходимости добиться решения от персидского правительства.

Бенкендорф.

---

[1]) Азербейджан, сев. зап. провинция Персии, граничил с Турцией на западе и с Россией на севере. Это давало возможность превратить Азербейджан в базу для стратегического обхвата противника,—обстоятельство, которое было учтено в эпоху, предшествовавшую мировой войне, как в России, так и в Турции. Русские войска были введены в Азербейджан еще в 1909 г., при чем официальным поводом выставлялась необходимость «восстановления и поддержания порядка в смежных с русскими владениями местностях». С началом военных действий, в октябре 1914 г., пользуясь беспомощностью Персии, как Россия, так и Турция поспешили использовать стратегические выгоды, представляемые Азербейджаном. Русско-турецкий фронт проходил в районе Урмийского озера, при чем турки прочно держали в своих руках главные пункты по турецко-персидской границе. Русское командование, предприняв наступательную операцию, сумело в октябре—декабре 1914 г. отбросить турецкие войска к Вану. Однако, после того как к туркам примкнули курдские племена, туркам удалось принудить русских к отступлению и захватить Тавриз и Урмию. Вслед за тем турецкие войска двинулись в сторону Джульфы, но были отброшены русским отрядом, снова занявшим Тавриз.

[2]) В связи с началом военных действий с Турцией, по инициативе Сазонова в Тавризе 21 октября/3 ноября 1914 г. были задержаны австрийский консул, турецкий генеральный консул и его секретарь, которые были высланы в Джульфу. Германский консул, Литтен, укрылся в американское консульство и отказался покинуть Тавриз.

XIX.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1004. 10 ноября 1914 г.

Вопрос об Имбросе и Тенедосе [2]) касается Проливов, и я признаю, что русские интересы и пожелания должны быть приняты во внимание: я не сделаю никакого предложения без согласия российского правительства.

Додеканез [3]) оккупирован Италией, и я согласен, что решение, к которому Россия, Франция и Греция придут, в конце концов, на его счет, зависит до известной степени от позиции, которую займет Италия по отношению к нам в течение войны.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Имброс и Тенедос, острова Эгейского моря, до мировой войны принадлежавшие Турции, господствуют над входом в Дарданеллы. Во время балканской войны 1912—1913 г.г., вместе с другими островами Эгейского моря, они были заняты греками. Соглашаясь на уступку части этих островов Греции, Турция не отказывалась от своих прав на Имброс и Тенедос и требовала сохранения за нею остр. Хиоса и Митилены. Согласно ст. 5 Лондонского договора от 30 мая 1913 г., судьба турецких островов Эгейского моря должна была быть решена 6 великими державами. Букарестский мир от 10 августа 1913 г. не внес существенных изменений в вопрос об островах. Нотой от 14 февраля 1914 г. 6 великих держав согласились признать греческий суверенитет над занятыми Грециею островами, за исключением Имброса, Тенедоса и Кастелорицо. Накануне мировой войны весною 1914 г., вопрос об островах послужил поводом для нового греко-турецкого конфликта. По окончании войны ст. 84-й Севрского договора от 10 августа 1920 г. острова Имброс и Тенедос были признаны за Грецией. По ст. 14 Лозаннского договора от 24 июля 1923 г. они снова были переданы Турции, при условии учреждения специальной администрации из местных элементов, обеспечивающей интересы не-мусульманского населения островов.

[3]) Во время итало-турецкой войны 1912 г. Италией были оккупированы острова Родос, Кос и другие острова Додеканеза. По мирному договору в Лозанне от 10 октября 1912 г., Италия обязалась эвакуировать острова, как только Турция уведет свои войска из Триполи, но обязательства этого не выполнила. В марте 1914 г. между Италией и Турцией состоялось соглашение, в силу которого Италия соглашалась очистить «двенадцатиостровье», но требовало уплаты оккупационных расходов и амнистии местному населению. Турция отказывалась уплатить издержки, но взамен предоставляла Италии железнодорожные концессии в Малой Азии. К моменту вступления Италии в войну в 1915 г. острова ею очищены не были. Статьей 122 Севрского договора от 10 августа 1920 г. они были признаны за Италией, но в тот же день по итало-греческому соглашению были переуступлены ею Греции, при чем Италия оставляла за собой острова Родос и Кастелорицо. По ст. 15 Лозаннского договора от 24 июля 1923 г., острова Додеканеза были предоставлены Италии.

XX.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Сэр Эдуард Грэй признает, что пожелания и интересы России в вопросе об Имбросе и Тенедосе должны быть приняты во внимание, и он не намерен выступать с предложениями [2]) без предварительного соглашения с российским правительством.

В виду того, что Италия занимает в настоящее время Додеканез, сэр Эдуард Грэй полагает, что позиция, которую займет эта держава по отношению к союзникам в течение войны, окажет влияние на их решение относительно этих островов.

12 ноября 1914 г.

XXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [3]).

№ 663. 31 октября/13 ноября 1914 г.

Лично.

Секретно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 664 [4]).

Еще до возбуждения вопроса о движении наших войск в Персию, король удостоил меня аудиенцией. Я нашел короля сильно озабоченным громадными потерями, понесенными английской армией при Ипре [5]). Он мне сказал, что в течение 4 дней один из английских армейских корпусов, не будучи окруженным, оказывал сопротивление 2½ немецким корпусам, но что полки «Goldstreams», «Life» и «Irish Guards», так же, как и часть 7-ой дивизии, уничтожены. Король очень заинтересован победой наших войск. Затем он стал говорить об условиях будущего мира, не сказав, впрочем, ничего... ни особенно интересного, если не считать, что... мысли его величества... прежде всего к окончательному уничтожению могущества Пруссии в Гер-

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) В подлиннике: «he will make now proposals» — очевидная ошибка; следует читать: «he will make no proposals». Ср. предшествующий документ.

[3]) Перев. с фр.

[4]) См. стр. 232.

[5]) Имеется в виду сражение при Ипре в октябре — ноябре 1914 г., завязавшееся после оставления бельгийской армией Антверпена, на территории между Диксмюденом и северным морем. Сражение это отличалось большой кровопролитностью, при чем особенно пострадал 4-ый английский корпус в составе 7-ой пех. и 3-ьей кав. дивизии.

мании..., не отдает себе отчета в возможном будущем устройстве Германии, стремясь к наименьшему вмешательству и рассчитывая на оппозицию, которую встретит преобладание Пруссии в самой Германии после поражения армии и политики современной Германии.

Возвращаясь к восточному вопросу, король мне неожиданно заявил: «Что касается Константинополя, то ясно, что он должен быть вашим» [1]). Это доказывает, что еще до того, как Грэй мне сказал об этом, вопрос этот был обсужден и окончательно решен, без чего, конечно, король бы мне этого не сказал. Не откажите сохранить в тайне этот разговор, как и все частные беседы с его величеством.

Бенкендорф.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Знаменательно».

4/XI 1914 г.

XXII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 664. 31 октября/13 ноября 1914 г.

Никольсон показал мне вторую телеграмму, адресованную Бьюкенену, по вопросу о передвижении наших войск в Персии и содержащую аргумент, на котором Грэй особенно настаивает. Становится все более и более очевидным, что принципом, лежащим в основе политической гармонии между тремя союзными державами Согласия, является охрана неприкосновенности и нейтралитета держав второго ранга; общественное мнение всюду всецело проникнуто этим сознанием. Этот принцип равным образом является наисущественнейшим залогом сохранения этой полной гармонии и в момент будущих переговоров, имеющих в высшей степени важное значение с точки зрения наших непосредственнейших интересов. Соблюдение этого принципа представляется тем более существенным, что гармония между группами держав противного нам лагеря уже нарушена [3]) и будет нарушаться еще более в будущем. Отказаться от этого принципа означало бы, что мы, по примеру Германии, придаем ему только относительное значение. Это со-

---

[1]) В подлиннике: «Quant à Constantinople il est clair it must be yours».

[2]) Перев. с фр.

[3]) Повидимому, имеется в виду позиция, занятая Италией в начале мировой войны. 3 августа 1914 г. итальянское правительство объявило о своем нейтралитете. Мотивы, которыми оно при этом руководилось, были следующие: 1) Австрией не было выполнено обязательство Тройственного Союза о предупреждении входящих в него держав о предпринятых ею действиях, затрагивающих общие интересы. 2) Австрийский ультиматум Сербии не был предварительно сообщен Италии. 3) Италия не была обязана поддерживать своих союзников в их агрессивной политике, так как Тройственный Союз преследовал, главным образом, оборонительные цели. 4) Не будучи предупреждена о намерениях своих союзников, Италия не могла сделать необходимых военных приготовлений.

здало бы положение, во всех отношениях благоприятное для Германии, даже в случае ее поражения. Грэй не пойдет дальше умеренных заявлений [1]). Но я полагаю, что ему [не] следовало бы предавать и это заявление гласности. Отсюда проистекло бы опасение перед военной гегемонией, заступающей место германской гегемонии, — опасение, не вполне устраненное и способное создать величайшие трудности на пути к осуществлению наших пожеланий в отношении Дарданелл и Константинополя, не встречающих более в настоящее время серьезной оппозиции в Англии. Эти соображения, по моему мнению, должны быть самым серьезным образом рассмотрены императорским правительством; вот почему я позволяю себе их Вам представить [2]).

Бенкендорф.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

XXIII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

Сэр Эдуард Грэй надеется, что г. Сазонов признает, что пожелание правительства его королевского величества о ненарушении персидского нейтралитета вызвано затруднениями, которые возникли бы, если бы могла быть проведена аналогия между действиями Германии в Бельгии и нашими действиями в случае нападения на Турцию на персидской территории. Вот почему сэр Эдуард Грэй желал бы провести в жизнь мысль г. Сазонова о привлечении Персии к сотрудничеству с нами.

Присутствие же русских войск в Азербейджане для поддержания там порядка не может повредить положению, так как Персия сама сделать это неспособна. В случае же нарушения Турцией персидского нейтралитета российское правительство и правительство его британского величества имели бы право предпринять всякие шаги, которых могли бы потребовать их интересы.

Сэр Эдуард Грэй всецело разделяет взгляд, которого, как ему известно, придерживаются русские военные власти, о необходимости сосредоточения

---

[1]) В подлиннике: «proclamations modérées».

[2]) 22 ноября 1914 г. персидское правительство объявило о своем нейтралитете, несмотря на усиленные стремления русских и английских дипломатов привлечь Персию на сторону держав Согласия. Персидский нейтралитет был, несомненно, вынужденным, так как в самой стране намечалось два противоположных течения: германофильское и в пользу союзников. Что касается воюющих сторон, то они с интересами персидского правительства совершенно не считались. Не говоря уже о борьбе за Азербейджан между турками и русскими осенью—зимой 1914 г., следует отметить одновременное занятие английскими войсками Ахваза на персидской территории. В 1915 г., а особенно в 1916 г., Персия превратилась в театр постоянных военных действий, что вынудило шаха попытаться урегулировать вопрос путем соглашения с союзниками.

[3]) Перев. с англ.

всех наших усилий против германцев, даже рискуя в данный момент остаться в более или менее оборонительном положении по отношению к Турции. По этой же причине временами оставалось только 2 батальона регулярных войск в Англии, и возможно меньшее количество сил держалось на Востоке для наступательных операций против Турции.

Но сколько бы Россия и Великобритания ни ограничивались в своих действиях против Турции обороной вплоть до благоприятного исхода борьбы с Германией, — от которого зависит все остальное, — сэр Эдуард Грэй полагает, что поведение турецкого правительства сделало неизбежным решение турецкого вопроса во всем его объеме, включая вопрос о Проливах и Константинополе, в согласии с Россией. Разрешение этого вопроса, конечно, будет достигнуто после германского поражения, независимо от того, будет ли фактически низвергнута в ходе ныне осуществляемых военных операций турецкая государственность.

14 ноября 1914 г.

XXIV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3802. 3/16 ноября 1914 г. (1 ч. 30 м. дня).

Благоволите выразить сэру Эдуарду Грэю искреннюю мою признательность за сделанное Вам заявление, что, в случае поражения Германии, вопрос о судьбе Проливов и Константинополя не мог бы быть разрешен иначе, как согласно нашим пожеланиям.

Доверительно. — Переданная мне великобританским послом памятная записка о Проливах и Константинополе, действительно, более сдержанна в выражениях. В виду данного Вам Грэем обещания, считал бы весьма желательным, чтобы Бьюкенену было поручено повторить мне сделанное сообщение, но в словах, более близких к тем, в которых Грэй высказался вам.

Сазонов.

XXV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3861. 5/18 ноября 1914 г.

Сообщается в Бордо.

Великобританский посол сообщил мне о намерении Англии присоединить Египет [1]), так как при создавшемся положении только такое присоеди-

[1]) Египет был оккупирован англичанами в 1882 г. В 1897 — 1898 г.г. англо-египетскими войсками был вновь завоеван отложившийся от него в 1882—1885 г.г. Судан, над которым соглашением от 19 января 1899 г. был установлен англо-еги-

нение может обеспечить английские интересы. Я ответил, что не встречаю вообще препятствий к осуществлению означенного намерения, но что теперь, в виду последовавшего со стороны Англии согласия на разрешение вопроса о Проливах и о Константинополе, я с особенным удовольствием заявляю о согласии императорского правительства на предположенное присоединение Англиею Египта. — Благоволите высказаться в этом смысле Грэю.

Сазонов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Отлично».
Царское Село, 6 ноября 1914 г.

XXVI.

Российский поверенный в делах в Лондоне Н. С. Эттер министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 680. 6/19 ноября 1914 г.

Получил Ваш № 3861.

Грэй с благодарностью осведомился через Бьюкенена о дружественном ответе вашего высокопревосходительства на его сообщение касательно Египта. По всестороннему обсуждению вопроса, английское правительство намерено, однако, временно, во всяком случае, ограничиться протекторатом Египта.

Доверительно. — Никольсон формальным образом сказал мне, что Грэй намерен дополнительно телеграфировать Бьюкенену относительно вопроса о Проливах и Константинополе.

Эттер.

петский кондоминиум. В 1904 г. Франция признала свою незаинтересованность в Египте при условии, что Англия не изменит его политического положения. В связи с объявлением войны Турции, 18 декабря 1914 г. Англия заявила об установлении над Египтом своего протектората, а 19 декабря египетский хедив Абас-Хильми, находившийся в Константинополе, был объявлен низложенным и заменен на престоле Гуссейном-Камилем-пашею, с присвоением последнему титула египетского султана. Статьею 101 Севрского договора от 10 августа 1920 г. Турция отказалась от своих суверенных прав над Египтом и признала английский протекторат, а статьей 113—англо-египетское соглашение о Судане 1899 г. Вспыхнувшие в 1919—1921 г. в Египте беспорядки заставили Англию снова пересмотреть египетский вопрос. 28 февраля 1922 г. Англия особой декларацией объявила Египет независимым суверенным государством, оставляя за собой право: 1) охраны принадлежащих англичанам путей сообщения в Египте, 2) защиты Египта от иностранного нападения или от вмешательства в его дела, 3) защиты иностранных интересов и интересов меньшинств и 4) свободы действия в Судане. Заявление, о котором говорит в своей телеграмме Сазонов, было облечено в форму памятной записки английского посольства в Петрограде от 18 ноября 1914 г.

XXVII.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова великобританскому послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену [1]).

Императорское правительство приняло к сведению намерение правительства его британского величества аннексировать Египет, как только внутреннее положение этой страны сделает это необходимым, о чем сэр Джордж Бьюкенен сообщил ему в памятной записке от 5/18 ноября 1914 г. [2]).

Императорское правительство после заявления, сделанного его превосходительством сэром Эдуардом Грэем графу Бенкендорфу относительно судьбы Проливов и Константинополя, спешит заявить со своей стороны правительству его британского величества, что оно признает отныне и впредь аннексию Египта Великобританией.

7/20 ноября 1914 г.

XXVIII.

Японский посол в Петрограде бар. И. Мотоно министру иностранных дел бар. Т. Като.

Шифрованная телеграмма [3]).

23 ноября 1914 г.

21 ноября здешний французский посол имел аудиенцию у государя императора [4]). На следующий день я его посетил и спросил о результатах аудиенции, и он мне сообщил следующее:

Государь сказал: Вам сообщили, что недавно в политических кругах некоторые лица утверждали, что Россия в настоящее время желает мира. Я, император России, Вам теперь категорически заявляю, что Россия в настоящее время не желает мира и будет продолжать войну, пока германский милитаризм будет сокрушен, и прошу Вас сообщить об этом французскому правительству. (Как французский посол заметил, император не сделал прямого указания, но под «некоторые лица» и т. д. следует понять Витте и..... [5]). Особенно Витте в разговорах со мною высказался в том смысле, что война против Германии нецелесообразна).

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. прим. 1 на стр. 234.

[3]) Перевод с японского, сделанный в министерстве иностранных дел.

[4]) 8/21 ноября 1914 г. французский посол в Петрограде Палеолог был принят в Царском Селе и имел продолжительную беседу с Николаем II об условиях мира. Между прочим, разговор коснулся будущей судьбы Константинополя, Армении, Сирии и Палестины. В архиве б. министерства иностранных дел имеется особое дело, озаглавленное «Аудиенция французского посла», составленное из перехваченных и расшифрованных телеграмм иностранных посольств в Петрограде. В виду того, что в этом деле отсутствует дешифрант телеграммы Палеолога, воспроизводящий часть его беседы с Николаем II относительно Турции, отсылаем читателя к цитированному выше месту из мемуаров Палеолога.

[5]) В подлиннике пропуск одного слова.

Затем государь заявил, что когда эта задача будет вполне осуществлена и мир обеспечен, в целях сохранения мира на продолжительное время Япония должна присоединиться к Англии, Франции и России, и эти четыре державы должны совместно... [1]). Кроме того, необходимо, чтобы до заключения мира каждая из держав представила свои требования. Россия потребует часть Восточной Пруссии и разрешения вопросов о германской Польше, Галиции и Проливах, и Франция, Англия и Япония решат участь колоний. Затем он спросил, каковы требования Франции. Французский посол ответил, что французское правительство не замедлит удовлетворить требование России, что ему неизвестно, какие требования французское правительство предъявит, кроме возврата Эльзаса, и что необходимо требовать расширения территории Бельгии.

Во всяком случае ясно, что Россия не намерена сложить оружие раньше достижения своих целей, направленных на поддержание мира.

На мой вопрос относительно Проливов французский посол ответил, что, по его убеждению, по этому поводу нет надобности опасаться возникновения затруднений между Россией и Англией.

XXIX.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 3996. 14/27 ноября 1914 г.

Лично.

Для личного Вашего сведения.

27-го минувшего октября сэр Эдуард Грэй сказал графу Бенкендорфу, что, в случае поражения Германии, вопрос о судьбе Проливов и Константинополя не мог бы быть разрешен иначе, как согласно нашим пожеланиям. Я поручил графу Бенкендорфу поблагодарить Грэя и передать ему, что мы с удовольствием приняли к сведению его заявление.

Сазонов.

§ 2. Соглашение о Константинополе и Проливах 1915 г.

XXX.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 115. 7/20 января 1915 г.

Серафимов [2]) телеграфирует из Константинополя, что некоторые члены комитета попытаются завести с ним сношения в целях обеспечить личные

---

[1]) В подлиннике пропуск двух слов.

[2]) Серафимов, 3-й драгоман российского посольства в Константинополе, после объявления Россией войны Турции в ноябре 1914 г. был прикомандирован

интересы младотурок. Серафимов добавляет, что, в случае уклонения его от переговоров, комитет обратится к французам и англичанам.

В виду того, что между нами и турками стоит вопрос о Проливах, имеющий жизненное для России значение, и что всякие переговоры могли бы лишь затормозить его разрешение, — предписываю Серафимову воздержаться от вступления в какие бы то ни было сношения с членами комитета.

Надеюсь, что и правительство, при котором Вы аккредитованы, даст тождественное указание своему негласному представителю в Константинополе.

Сазонов.

XXXI.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Сэр Эд. Грэй узнал чрез российское посольство в Лондоне, что к чиновнику [российского министерства иностранных дел], который был оставлен для охраны [имуществ] российского посольства в Константинополе, младо-турки обратились с просьбой завязать сношения между ними и Петроградом. Русский чиновник отказался, и тогда эмиссары заявили, что они попробуют обратиться к Великобритании и Франции.

Посольству его величества поручено уведомить г. Сазонова, что сэр Эд. Грэй, конечно, не вступит ни в какие сепаратные переговоры, исходящие от турок. Хотя Турция вступила в войну только в октябре, сэр Эд. Грэй считает, что союзное соглашение 5 сентября [2]) применимо к ней так же, как и к Германии и Австрии.

27 января 1915 г.

XXXII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эдуард Грэй послу в Петрограде сэру Джорджу Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 206. 10 февраля 1915 года.

Телеграмма Эллиота № 71.

Я обсудил вопрос с Делькассэ и указал, что, по моему мнению, нам не следовало бы пренебрегать движением [4]), которое могло бы повести к раз-

---

к итальянскому посольству, официально для наблюдения за остающимися в Константинополе имуществами российского посольства, в действительности же—в качестве секретного осведомителя российского правительства.

[1]) Перев. с англ.

[2]) Лондонское соглашение от 23 августа/5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира.

[3]) Перев. с англ.

[4]) Имеется в виду предложение, сделанное Венизелосу командиром расположенного в Константинополе 1-го корпуса Мехмедом-Али-пашею через состоящего при греческой миссии в Турции Николаидиса. Мехмед-Али-паша предлагал «совер-

рыву между комитетом [1]) и германскими союзниками. В то же время мы не можем дать гарантии в..... [2]) самими турками. Я предположил бы ответить в общих выражениях, что, в случае принятия мер, способных привести турецкое правительство к заключению мира с союзниками, последние были бы согласны рассмотреть условия [мира], при предварительном соглашении, что будут обеспечены гарантии против повторения случившегося, в частности против закрытия Проливов в будущем. Державам предстояло бы обсудить, каким образом эти существенные условия могли бы быть наилучшим образом обеспечены, а также установить, какие меры должны быть приняты для защиты их политических и экономических интересов в Малой Азии и других местах.

Не откажите выяснить с г. Сазоновым, согласится ли он на это. Весьма важно знать, в предвидении этой возможности, каково могло бы быть решение вопроса о Проливах.

Если германская партия в Константинополе не [3]) будет смещена партией, расположенной к заключению мира, я не предполагаю настаивать на моих условиях, могущих противоречить или итти в разрез с намерениями г. Сазонова по вопросу о Проливах и Константинополе, после нападения Турции на Россию.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

XXXIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [4]).

№ 85. 29 января/11 февраля 1915 г.

Грэй мне говорил сегодня о предложениях, с которыми обратился к Венизелосу командир 1-го турецкого армейского корпуса. Не придавая им серьезного значения, Грэй считает, что не следует совершенно отталкивать эти попытки, которыми в благоприятную минуту можно будет воспользоваться, особенно в отношении Азиатской Турции, что следует только воздержаться от всякой мысли дать туркам гарантии, и он не предполагает вносить никаких изменений в то, что им, Грэем, было сказано о Проливах; решение

шить государственный переворот и покончить с немцами при условии, чтобы державы Тройственного Согласия поручились за сохранение в целости Оттоманской империи». (Телеграмма российского посланника в Афинах Демидова от 27 января/9 февраля 1915 г. № 45).

[1]) Партии «Единения и Прогресса».

[2]) В подлиннике пропуск одного слова.

[3]) В подлиннике слово: «не» вставлено карандашем со знаком вопроса; очевидно, слово «не» здесь логически необходимо.

[4]) Перев. с фр.

этого вопроса он считает в момент общих мирных переговоров необходимым для прочного мира.

Бенкендорф.

XXXIV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 592. 1/14 февраля 1915 г. (1 ч. дня).

Великобританский посол сообщил мне, что, по мнению Грэя, не следовало бы отталкивать турецкую либеральную партию, предложившую устроить переворот в Константинополе и изгнать немцев. Одновременно Грэй поручил послу заверить меня, что даже при торжестве турецкой либеральной партии, ставящей, однако, условием сохранение в целости Оттоманской империи, он не изменит своему слову, касательно Константинополя и Проливов, данному мне после нападения Турции на Россию. — Я ответил послу, что не возражаю против переговоров, но в самых общих выражениях, с либеральною партиею, ибо требования нашего общественного мнения идут далее моих первоначальных предположений, как это наглядно сказалось в заявлениях членов государственной думы по поводу моей речи [1]).

Сазонов.

---

[1]) Имеется в виду речь, произнесенная Сазоновым в государственной думе 27 января/9 февраля 1915 г., в которой, между прочим, им было сказано следующее: «Совершившиеся на русско-турецкой границе события, надеюсь, откроют глаза туркам и помогут им понять, что германская опека неудержимо ведет их к погибели. События эти не только увенчали новой славой наше оружие, но и приблизят минуту разрешения экономических и политических задач, связанных с выходом России в свободное море». В ответной речи член государственной думы Милюков заявил: «Мы с удовлетворением выслушали сообщение руководителя нашей внешней политики и узнали из него, что осуществление наших национальных задач стоит на верном пути. Мы уверены, что выполнение главнейшей из этих задач—приобретение Проливов и Константинополя—будет совершенно обеспечено как дипломатическими, так и военными средствами». В том же смысле высказались говорившие от имени различных фракций члены государственной думы Шидловский (лев. окт.), Савенко (русская нац. фр.), Львов (гр. центра) и Левашев (фр. правых). От социал-демократической фракции выступил Чхеидзе, заявивший, что «социал-демократическая фракция присоединяется к выраженному на социалистической конференции в Копенгагене пожеланию немедленно приступить к содействию скорейшему прекращению войны и заключению европейского мира, который должен быть выражением воли народа воюющих стран, но не воли безответственных дипломатов. Мир этот необходим для предотвращения захвата чужих территорий и свободного самоопределения национальностей, для ограничения вооружений, введения народной милиции и учреждения третейских судов для решения международных конфликтов».

XXXV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 86. 10/23 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Делькассэ сказал мне, что из сообщенного ему Палеологом факта посылки нашим морским министерством капитана Смирнова к начальнику французской эскадры [1]) он заключает, что у нас решено действовать нашим черноморским флотом против Босфора, одновременно с действиями англо-французского флота против Дарданелл. Он поручил французскому посланнику в Нише, при проезде капитана Смирнова, посоветовать ему ехать прямо к английскому адмиралу, командующему англо-французской эскадрой у Дарданелл, ибо адмирал Буэ-де-Лапейрер сейчас, вероятно, находится в Адриатическом море. Делькассэ высказал мне еще раз надежду, что не только наш флот, но и наши сухопутные войска подойдут к Константинополю не позже, нежели англо-французские силы. Здешняя печать проявляет большой интерес к операциям против Дарданелл и обсуждает вопрос о будущем режиме Константинополя и Проливов, при чем выражаются различные комбинации международного характера. — Что касается французского правительства, то я, конечно, не имею никакого основания подозревать его в желании пренебречь нашими правами и интересами, но, не будучи точным образом осведомлено о наших видах, оно легко может пойти по ложному пути. Из телеграммы Вашей № 592 видно, что под влиянием требований нашего общественного мнения возможно, что мы пойдем далее наших первоначальных предположений. Для меня было бы, поэтому, весьма важно иметь определенные указания по настоящему вопросу, как в виду моих разговоров с Делькассэ, также и для соответствующего воздействия на печать.

Извольский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Нужно поставить наших послов в известность относительно будущности Проливов».

XXXVI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 122. 12/25 февраля 1915 г.

Грэй сказал мне утром, что сегодня в палате ему будет предложен запрос, цель которого выяснить, были ли слова, приписываемые Вам в Вашей

[1]) Капитан 2-го ранга Смирнов в январе 1915 г. был направлен в качестве офицера связи к командующему союзным флотом в Дарданеллах и 10/23 февраля выехал из Одессы по назначению.

[2]) Перев. с фр.

речи в думе [1]), что «Россия имеет в виду навсегда занять Константинополь», согласованы с мнением великобританского правительства и получили ли его одобрение. Грэй вручил мне свой проект ответа, который передаю за № 133. Я ответил, что, по моему личному мнению, публично произнесенная им по этому поводу речь представляется мне весьма важной, что сделанное им мне и повторенное Вам Бьюкененом заявление известно только министерству иностранных дел, что я полагал бы весьма важным, чтобы английское и русское общества были посвящены в тайну [переговоров] и что я ожидаю от этого самого благоприятного результата в России.

Бенкендорф.

XXXVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 133. 12/25 февраля 1915 г.

«Я не усмотрел и не могу найти во всех дошедших до меня отчетах о речи г. Сазонова заявления, приписываемого ему уважаемым членом. Заявление, которое я видел, гласит, что события на русско-турецкой границе приблизят Россию к осуществлению ее политических и экономических задач, связанных с вопросом о доступе России к открытому морю (слушайте, слушайте); это — стремление, которому мы вполне сочувствуем. Точная форма, в которой оно осуществится, несомненно, будет установлена условиями мира» [3]).

Бенкендорф.

XXXVIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 815. 13/26 февраля 1915 г. (1 ч. ночи).

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 86 [4]) получена.

Целью нашего утверждения на Проливах является исключительно обеспечение для России выхода в свободное море как в мирное, так и в военное время. Недавние примеры попрания Германиею актов, обязывавших ее к ува-

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 240.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Очевидно, приводимый Бенкендорфом текст является не «проектом ответа» Грэя, как сказано в предшествующей телеграмме посла и повторено им 3 марта, а выпиской из стенографического отчета о заседании палаты общин, чем только и можно объяснить нахождение слов в скобках («слушайте!»), ускользнувшее от внимания нашего дипломата.

[4]) См. стр. 241.

жению нейтралитета [1]), а также меры, принимавшиеся Турциею за последние годы в Проливах [2]) с громадным ущербом для нашей торговли, служат доказательством, что только прочное основание наше на Проливах сможет служить гарантиею того, что мы будем в состоянии отразить всякую попытку запереть нас в Черном море. Никаких земельных приращений, ради увеличения нашей территории, мы не ищем. В виду этого правительство озабочено определением того минимума земель, присоединение коих необходимо для достижения намеченной выше цели. Работа эта еще не окончена и сводится покамест: к следующему на европейском берегу должен быть положен конец турецкому владычеству, и линия Энос—Мидия должна служить границею между нами и Болгариею. На азиатском берегу пограничная линия должна, примерно, итти по реке Сакарии, а засим должно быть обеспечено наше положение в Проливах со стороны южного берега Мраморного моря. Экономические интересы как Румынии, Болгарии, вероятно остатка Турции, а также интересы международной торговли будут приняты нами во внимание.

Сазонов.

XXXIX.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 283. 28 февраля 1915 г.

Один из дружественных нам послов доверительно сообщил мне, что английское правительство намерено обусловить торжество русской точки зрения по вопросу о Проливах усилиями этой последней державы в войне. В случае, если Константинополь окажется в руках России, англичане не будут возражать против этого. Приготовления к операции с Черного моря против Турции здесь продолжаются. Три дредноута в постройке [4]), один будет спу-

---

[1]) Имеется в виду нарушение Германией Лондонского договора от 16 апреля 1839 г., заключенного между Россией, Англией, Австрией, Францией, Пруссией и Бельгией; по ст. 7 приложения к этому договору, Бельгия образует «независимое и вечно-нейтральное государство».

[2]) В эпоху, непосредственно предшествовавшую мировой войне, Турция трижды закрывала Проливы: во время итало-турецкой войны 1911—1912 г.г., балканской войны 1912—1913 г. и в сентябре 1914 г. В первых двух случаях закрытие Проливов мотивировалось соображениями военного характера — необходимостью поставить минные заграждения для предохранения Константинополя от нападения с моря; в сентябре 1914 г. закрытие Проливов было принято в Петербурге за шаг, направленный против России.

[3]) Перев. с фр.

[4]) Три дредноута, строившиеся в Николаеве — «Имп. Мария», «Имп. Александр III» и «Имп. Екатерина II» — судостроительной программы 1911 г. Первые два из них строились на верфях «Русского судостроительного общества» под наблюдением английской фирмы Броуна; третий—на Николаевском судостроительном заводе, при ближайшем участии Виккерса. До войны предполагалось, что они будут закончены только в 1916 г. Однако, в связи с ходом военных событий ра-

щен на воду через месяц, второй и третий—позднее. Операция..... [1]) предпринятая..... [2]) одновременно с англичанами у Дарданелл, в настоящее время приостановлена.

XL.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 865. 16 февраля/1 марта 1915 г.

Ссылаясь на мою телеграмму № 815 и на Вашу № 122 [3]).

Ответ Грэя, переданный Рейтером, вызвал недоумение в нашей печати и произвел не совсем благоприятное впечатление в думских кругах. Было бы весьма полезно, если бы Грэй признал возможным воспользоваться первым удобным случаем, чтобы сделать новое заявление, ближе подходящее к данным нам великобританским правительством заверениям.

Сазонов.

XLI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 879. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Продолжение моей телеграммы № 815 [4]).

Благоволите иметь в виду при Ваших объяснениях с министром иностранных дел что для обеспечения нами свободы международной торговли через Проливы, помимо областей, указанных в № 815, нам необходимо получить острова Мраморного моря, а также Имброс и Тенедос. Острова эти, признанные лондонским собранием послов за Турциею [5]), в виду первостепенного их значения для обороны Дарданелл, должен, как наследие Турции, перейти в наше владение.

Сазонов.

боты по сооружению дредноутов были ускорены, и «Имп. Мария» вступила в строй уже в июле 1915 г. В операциях против Проливов суда эти участия не принимали, но оказали деятельную помощь русским войскам при занятии ими Трапезонда в 1916 г.

[1]) В подлиннике пропуск одного слова.

[2]) В подлиннике пропуск двух слов.

[3]) См. стр. 242 и 241.

[4]) См. стр. 242.

[5]) См. прим 2 на стр. 230.

XLII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Лондоне и Париже, гр. А. К. Бенкендорфу и А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 887. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Успешные действия союзников в Дарданеллах [1]) вызывают необходимость подготовить общественное мнение Франции и Великобритании к признанию наших прав на Проливы и Константинополь. Являясь отдельным театром войны, на котором действуют наши союзники, указанная область может быть ими занята без прямого нашего содействия. В предвидении этой возможности правительству, при коем Вы аккредитованы, надлежит безотлагательно провести в сознание общественных кругов, что все союзники в равной мере способствуют общей цели и что поэтому насущные интересы каждого из них должны найти полное удовлетворение при распределении выгод войны.

Сазонов.

XLIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 107. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Вашу телеграмму № 815 [2]) получил.

Личная. — В разговоре с Делькассэ я в самой осторожной форме и от собственного имени коснулся вопроса о Проливах. Сославшись на ответ, данный Вами великобританскому послу,—Ваша телеграмма № 592 [3]),—я высказал ему, что наше общественное мнение требует вполне прочного обеспечения выхода России в свободное море и безопасности нашего черноморского побережья, но что, хотя мне в точности и не известно, в чем именно

---

[1]) Действия союзного флота у Проливов сначала, действительно, были успешны. За бомбардировкой линии внешних фортов 19 февраля (н. ст.) 1915 г. последовала усиленная деятельность тралеров, продолжавшаяся до первых чисел марта. 5 и 7 марта (н. ст.) обстрел продолжался, но теперь огонь был перенесен на внутренние форты. Генеральная атака Проливов 16-ю линейными кораблями была назначена на 18 марта и сопровождалась крупными неудачами: союзники потеряли 3 лин. корабля, и ряд судов их флота был выведен из строя. После этого стало очевидным, что овладеть Проливами со стороны моря чрезвычайно трудно, и операции приняли затяжной характер.

[2]) См. стр. 242.

[3]) См. стр. 240.

будут заключаться наши требования, я не могу не ожидать, что мы должны будем пойти и в настоящем вопросе далее наших первоначальных предположений. Видимо встревоженный моими словами, Делькассэ ответил мне, что до сих пор он всегда думал на основании собственных разговоров с Вами и донесений Палеолога, что мы допускаем для Константинополя и его ближайших окрестностей международную организацию и желаем лишь присоединения части Фракии до будущей границы с Болгарией; относительно же Проливов, что мы стремимся лишь к обеспечению в них нашей коммерческой свободы и к установлению достаточных международных гарантий против их закрытия для нашей торговли. Недавний ответ Грэя в парламенте [1]) показывает, что в Лондоне именно так понимают наши пожелания в этом последнем вопросе. Слова, сказанные Вами великобританскому послу, он, Делькассэ, понял в том смысле, что ныне мы (может быть) стремимся к обладанию и Константинополем, что он лично считает вполне естественным. Но (так как) оказалось, что мы хотим утвердиться не только на европейском, но и на азиатском берегу Проливов, то он должен ожидать, что подобное стремление вызовет энергичный отпор со стороны лондонского кабинета и всего европейского общественного мнения. На различные мои возражения он высказал мнение, что нынешние воззрения на свободу морей исключают переход в полное обладание какой-либо державы какого-либо пролива, имеющего значение с точки зрения общих международных интересов. В виде примера он привел мне Гибралтарский пролив [2]), где Франция ни в каком случае не допустила бы утвердиться Великобритании на обоих берегах, то есть и в Гибралтаре, и в Танжере. Наше утверждение политическое и даже военное на европейском берегу Проливов, по его мнению, может быть оправдано, и он лично готов ему содействовать. Но захват нами обоих берегов неизбежно встретит самое серьезное затруднение. В заключение Делькассэ сказал мне, что было бы крайне желательно подвергнуть всестороннему обсуждению между Россией и Францией как настоящий, так и многие другие вопросы и что он не задумался бы предпринять с этой целью путешествие в Петроград, если бы он не был абсолютно связан парламентской сессией. В виду вышеизложенного, позволяю себе еще раз возвратиться к мысли о Вашей встрече с Делькассэ и Грэем в Париже, ибо лишь этим способом, мне кажется, возможно избежать недоразумений при разрешении назревающих серьезных вопросов.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 242.

[2]) Режим Гибралтарского пролива установлен 7-ой ст. англо-французской декларации от 8 апреля 1904 г., подписанной в Лондоне. По этой статье оба государства «в целях обеспечить свободный проход через Гибралтарский пролив пришли к соглашению о недопущении сооружений фортификационных и стратегических работ на побережьи Марокко между Мелилой и вершинами, господствующими над правым берегом реки Сэбу, за исключением, однако, обоих указанных пунктов». Условие это не распространялось на территорию мароккского побережья Средиземного моря в пределах испанской оккупации.

XLIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 146. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Я нашел Грэя под сильным впечатлением последних известий о военном положении в Польше [2]) и более оптимистично настроенным, чем до сих пор. Он выразил мне свое крайнее удовлетворение приемом, оказанным палатою его декларации относительно видов России на Проливы, сказав, что ему аплодировали все партии оппозиции, что было важно для него. Затем он перешел к вопросу об операциях в Дарданеллах, представляющихся достаточно удовлетворительными, и повторил мне, что адмиралтейство тотчас же отправило 10.000 человек морской пехоты, что французское правительство посылает 4.000 человек для непосредственных потребностей на побережьи, что 30.000 человек египетской армии находятся в распоряжении Кардена, что французская дивизия будет сосредоточена в Бизерте для последующих надобностей и что, в случае необходимости, за ней может последовать английская дивизия из Англии, если только непредвиденные обстоятельства не заставят отправить ее во Францию [3]). По его словам, необходимо предвидеть, что турецкий флот может быть принужден искать спасения в Черном море, прежде чем он будет настигнут английским флотом, но, лишенный надежной базы, он должен сделаться добычей императорского флота; тогда при свободном Черном море ничто не помешает высадке русских сил там, где императорское правительство сочтет это наиболее подходящим. Он сказал мне, что сосредоточение в данную минуту более значительных англо-французских сил встретило бы затруднение, так как Лемнос слишком мал и трудно подыскать достаточно близко другую базу. Я с ним говорил об

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Имеются в виду официальные сообщения ставки верховного главнокомандующего от конца февраля (н. ст.) 1915 г. о победе русских войск под гор. Прасныш.

[3]) Возможность наступления со стороны Турции на Египет возбуждала сильную тревогу в Англии. В виду этого еще в ноябре 1914 г. в Египет были доставлены войска из Индии. Когда угроза турецкого нападения сделалась очевидной, войска эти были усилены 42-й восточно-ленкаширской территориальной дивизией, а позднее—ново-зеландцами и австралийцами. После того, как вопрос об атаке Дарданелл был окончательно решен английским командованием, а нападение Джемаля-паши на Суэзский канал было отражено, армия эта была двинута по направлению к Проливам, при чем базой для ее сосредоточения был избран остров Лемнос. Вместе с тем английское командование решило перебросить на константинопольский фронт 29-ю дивизию из Англии и бригаду морской пехоты, а французское командование—направить туда же 2 дивизии из Африки. После неудачной попытки прорваться силами одного флота через Дарданеллы в марте 1915 г., новый командующий союзными силами на Ближнем Востоке ген. Гамильтон решил отложить десантную операцию, избрав базой для реорганизации армии Александрию, где и были вновь сосредоточены эти войска.

условиях перемирия в случае, если Турция запросит мира [1]). Он мне сказал, что только что получил телеграмму по этому вопросу от Бьюкенена, но еще ее не рассматривал. Он думает, что в данную минуту было бы своевременно, если бы Вы вступили в переговоры с болгарским правительством о линии Энос—Мидия [2]). Грэй больше, чем когда-либо, настаивает на румынском и греческом вмешательстве, между прочим для спасения Сербии. Он думает, что Румыния вовлекла бы в войну Италию.

Вся эта последняя часть беседы сообщается в виде простых размышлений.

Бенкендорф.

XLV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [3]).

№ 147. 18 февраля/3 марта 1915 г.

Лично.

«Times» опубликовал телеграмму из Петрограда, сообщающую, что ответ Грэя в палате произвел в России дурное впечатление. Насколько я знаю, в действительности вопрос этот был поднят в палате без участия Грэя, который ни вызвал его, ни подготовил его форму. Поэтому ему пришлось прежде всего ответить на самую форму запроса, что он и сделал в первой фразе, и если эта фраза вызвала дурное впечатление в России, то впечатление это совершенно ошибочно. Впоследствии Грэй сказал мне, что, по своему обыкновению, он поспешил предать гласности обязательства, оставшиеся до сих пор секретными. С своей стороны, я полагал, что это отвечало требованиям нашего общественного мнения. Грэй воспользовался первым удобным случаем, чтобы это сделать, и тем самым подтвердил полное сочувствие британ-

---

[1]) Документы, касающиеся вопроса о заключении перемирия с Турцией, печатаются нами во II томе настоящего издания.

[2]) В январе 1915 г. между державами Тройственного Согласия были начаты переговоры по поводу одновременного дипломатического выступления в Софии и Нише. Для привлечения Болгарии на сторону Согласия предполагалось гарантировать ей территориальные компенсации в южной Македонии. Однако, это выступление было отложено, в виду высказанного Грэем мнения об его несвоевременности. (Телеграмма Сазонова Извольскому и Бенкендорфу от 1/14 февраля 1915 г. № 594). В марте—апреле того же года переговоры возобновились, при чем в качестве компенсаций Болгарии намечались «Македония в границах 1912 г., с Монастырем включительно, а также Фракия до линии Энос—Мидия». (Тел. Сазонова посланнику в Софии Савинскому от 23 марта/5 апреля 1915 г. № 1539). Но и на этот раз переговоры не привели к положительному результату, в связи с нападением болгарских чет на территорию Сербии (Валандовский инцидент), и выступление было отложено до заключения соглашения с Италией и Грецией. (Входящие и исходящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за январь—апрель 1915 г.).

[3]) Перев. с фр.

ского правительства русским стремлениям. Он точнее определил их, как было сказано, оставляя последней фразой ответа вопрос об окончательном разрешении этой проблемы открытым. Ожидать, чтобы Грэй сказал больше, нежели то, что между ним и Вами было до сих пор установлено, мне представляется неосновательным. Он опирался также на Ваши слова в думе в том виде, как они до него дошли. Не следует ошибаться в его намерении: целью его было показать прежде всего, что в этом вопросе принципы английской политики потерпели значительное изменение и что Англия отказалась от ныне устарелых традиций. Он намеревался также вызвать одобрение палатой этой перемены политики. Это ему удалось — очень крупный достигнутый успех. Он надеялся, и, по моему мнению, не без основания, что это публичное заявление произведет в России благоприятное впечатление. Я тем более должен исправить произведенное у нас впечатление, как оно до меня дошло, что Грэй, прежде чем дать ответ, сообщил мне его текст. В виду положения вопроса мне нечего было возражать, так как я не видел в этом никаких препятствий к осуществлению наших намерений, а, напротив, увидел открытые двери для точного определения вопроса, которое в ближайшим будущем сделается необходимым. Таким образом я сам ожидал более благоприятного впечатления в России. В виду этого обстоятельства я в особенности не желал бы неправильного понимания со стороны его императорского величества, и Вы меня очень обяжете, соблаговолив представить настоящую телеграмму на высочайшее благовоззрение.

Бенкендорф.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Понимаю, теперь это не имеет значения».

Царское Село, 20 февраля 1915 г.

XLVI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 151. 18 февраля/3 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Продолжение моей телеграммы № 147.

Вчера я получил частную записку Грэя, в которой он сообщил мне, до какой степени он был огорчен впечатлением, произведенным в России его ответом, и просил меня зайти сегодня. Я нашел его в отчаянии. Я прочел ему 2 отрывка из моей личной телеграммы № 147, а именно отрывок, в котором я Вам объясняю, как все произошло, включая и мой комментарий к последней фразе его ответа. Грэй сказал, что я отлично понял его мысль. Затем я прочел ему отрывок о намерениях, которые он имел, давая ответ,

[1]) Перев. с фр.

о глубоких изменениях в английской политике, об отказе от устарелых принципов, о намерении его получить одобрение палаты и о значении достигнутого в этом направлении результата. Он ответил, что вполне одобряет мое объяснение, и что с начала войны он был поражен совершенно ненормальным явлением, чтобы такая огромная империя, как Россия, могла не иметь выхода к морю, кроме Архангельска и Владивостока; такое явление, по его мнению, не может долее продолжаться, и вопрос о Проливах должен быть разрешен сообразно нашим политическим и экономическим интересам, а соответствующая точная форма его решения будет найдена в эпоху мира. Я указал ему на новые и непреодолимые требования нашего общественного мнения. Уже вчера в форме доверительного сообщения я указал ему в общих чертах зону, где утверждение России является необходимым. Сегодня я показал ему на карте линии Энос—Мидия и Сакарии и добавил, что нужно будет найти гарантии на юге Мраморного моря. Я сказал ему, что, по моему, иллюзий строить не приходится и что утверждение России, на мой взгляд, означает аннексию. Я сказал ему, что, как мне представляется, английское общественное мнение к этому подготовлено. Он мне ответил, что он не может высказаться сейчас же, но он согласился, что мало осталось англичан, считающих принципиально невозможным отдать России Константинополь. Он не формулировал определенных возражений, но добавил, что прежде, чем высказаться, великобританское правительство должно ознакомиться с мнением Франции. Даже в этом случае, немедленное возбуждение этого вопроса в палатах заставило бы прежде всего поднять вопрос об экономических условиях. Территориальное приращение России вызвало бы, кроме того, вопрос о разделе всей Турции, что пробудило бы аппетиты многих держав. Он сказал мне, что Англия не имеет никаких видов на какую-либо часть Малой Азии или Сирии, за исключенем некоторых пунктов в районе Персидского залива, и что он против придания огласки мысли о разделе, так как Турция еще не побеждена; поэтому он не может выступить в палате с новой декларацией, определение которой было бы преждевременным. К этому он мне добавил, что на каком бы театре войны ни действовала каждая держава, в момент мира в соображение будет принята только совокупность прав каждого, при чем местонахождение русских интересов не подлежит сомнению. Я ему сказал, что понимаю трудность выступления с новым заявлением в дополнение к уже сделанному, но что более конкретные заверения относительно нашей программы, о которой я ему сообщил доверительно, становятся все более и более желательными. Не делая прямых возражений, он сказал, что не обменялся еще ни словом по этому вопросу с французским правительством и что, без предварительного обсуждения с Францией, это было бы слишком трудно сделать. Так как я нашел его очень довольным военным положением как в связи с продвижением в Польше, так и по последним известиям из Дарданелл, я воспользовался случаем, чтобы сказать ему, что, на мой взгляд, не приходится терять времени. Этот разговор носил строго доверительный характер. В результате его окрепли мои впечатления, что, если бы и встретились препятствия нашим видам на Константинополь, они скорее исходили бы из Парижа, чем из Лондона, и что именно эта сторона вопроса весьма

осложняет положение Грэя. Со стороны Англии следовало бы скорее ожидать требований экономических гарантий [1]).

Бенкендорф.

XLVII.

Японский военный агент в России Одагири начальнику генерального штаба виконту Хазегава.

Шифрованная телеграмма [2]).

3 марта 1915 г.

Часть речи министра иностранных дел в государственной думе, касающаяся Константинополя [3]), вызвала в Румынии антирусское настроение и увеличила также нервность в Англии и Франции. Передают, что действия против Дарданелл предприняты Англией и Францией для того, чтобы не допустить перехода Проливов во власть России.

В районе Прасныша русская армия преследует отступающую германскую армию. И на остальных театрах военные действия приняли благоприятный оборот и атаки немцев встречают сильный отпор, но невозможно знать, какие перемены произойдут в дальнейшем.

XLVIII.

Всеподданнейшая записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

Приемлю смелость поднести у сего на всемилостивейшее благовоззрение памятную записку о Проливах, составленную мною сегодня во исполнение высочайших указаний, по обмене взглядов с великобританским и французским послами.

Полагая, что в записке сей исчерпывающим образом определяются общие основания для разрешения насущнейшего для империи вопроса, долгом своим почитаю всеподданнейше доложить, что содержание ее, вместе с сим, сообщается великобританскому и французскому правительствам.

Смею думать, что вашему императорскому величеству угодно будет одобрить изложенные в ней положения.

Сазонов.

Петроград,
19 февраля/4 марта 1915 года.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Вполне одобряю».
Царское Село, 19 февраля 1915 г.

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 115.
[2]) Перев. с японского, сделанный в министерстве иностранных дел.
[3]) См. прим. 1 на стр. 240.

XLIX.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде, М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [1]).

Ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос—Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и в виду стратегической необходимости, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Франции и Великобритании в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться.

Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно обоими союзными правительствами. Упомянутые союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам [2]).

Сазонов.

19 февраля/4 марта 1915 г.

L.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 942. 19 февраля/4 марта 1915 г. (8 ч. веч.).

Ваша телеграмма № 107 [3]) получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 937. [4]).

Чисто теоретическое мнение Делькассэ о недопустимости нашего утверждения на обоих берегах Проливов опровергается фактическими данными о невозможности для нас обеспечить иначе свободу прохода в Босфор.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Текст этой памятной записки был передан Сазоновым российским послам в Париже и Лондоне, Извольскому и Бенкендорфу, телеграммой от 19 февраля/4 марта 1915 г за № 937 (опубл. в «Разделе Азиатской Турции», стр. 118—119).

[3]) См. стр. 245.

[4]) См. прим. 2.

Малоазиатский берег пролива командует над европейским; последний находился бы под постоянною угрозою турок, если бы за ними он был оставлен.

Сазонов.

LI.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Сэр Джордж Бьюкенен не преминул сообщить сэру Эдуарду Грэю, что г. Сазонов выразил надежду, что первый статс-секретарь его величества по иностранным делам, воспользовавшись ближайшим случаем, сделает заявление, свидетельствующее о благосклонном отношении правительства его величества к разрешению вопроса о Проливах и Константинополе, согласно стремлениям русского народа и взглядам российского правительства.

Сэр Эдуард Грэй теперь ответил на это, что, по его мнению, его недавнее выражение восхищения и полного сочувствия речи, произнесенной г. Сазоновым в думе [2]), должно было вполне удовлетворить русское общественное мнение. Он был очень огорчен недовольством, вызванным в России его последним заявлением в палате общин [3]). Ограничительного толкования это заявление не встретило в Англии [4]), где оно было принято исключительно доброжелательно. Сэр Эдуард Грэй добавил, что нельзя ожидать от него, чтобы он был более русским, чем сами русские.

Сэр Эдуард Грэй надеется, что это будет незамедлительно разъяснено императору.

Сэр Эдуард Грэй полагает, что если требуют от него более определенного заявления, чем то, которое он уже сделал публично или г. Сазонову, вопрос должен быть обсужден также и с французским правительством. Обсуждение одного из главных условий мира, долженствующих быть установленными в целом сообща, не может быть ведено помимо французского правительства.

Сэр Эдуард Грэй полагает, что, сказав так много о Проливах и Константинополе, как он сказал, без предварительного обсуждения с французским правительством, он уже зашел, пожалуй, далеко. Однако, так как Великобритания в давно прошедшие времена брала на себя руководящую роль в противодействии русским стремлениям, сэр Эдуард Грэй сознает, что нам должна принадлежать инициатива выражения нашего сочувствия этим стремлениям теперь, когда наши взгляды коренным образом изменились.

4 марта 1915 года.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) См. прим. 1 на стр. 240.

[3]) См. стр. 242.

[4]) В подлиннике: «No narrow construction was placed upon that construction in England».

LII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 113. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Ваши телеграммы №№ 879 и 887 [1]).

Из телеграммы моей № 107 [2]) Вам уже известно о настроении Делькассэ по отношению к вопросу о Проливах и Константинополе. При таких условиях едва ли можно ожидать, чтобы здешнее правительство ныне же повлияло на общественное мнение в направлении, вполне согласном с нашими пожеланиями. Разговору моему с Делькассэ я придал вполне частный и общий характер и не коснулся в нем конкретных наших требований; мне кажется, что покуда я не буду уполномочен вполне точно и подробно изложить ему эти требования, а главное разъяснить, какие именно гарантии мы намерены предоставить международной торговле, дальнейший обмен мыслей с ним был бы лишь опасен, ибо он может преждевременно вызвать обсуждение этого вопроса в здешнем совете министров и переговоры с Лондоном. Я имею основание думать, что слова, сказанные мне Делькассэ, являются отголоском его недавнего разговора с английскими министрами и политическими деятелями, и я более, чем когда либо, сожалею, что до поездки в Лондон [3]) он не имел случая видеться с Вами. Несомненно, что узел вопроса находится не здесь, а в Лондоне. Если, как приходится, увы, заключить из Вашей телеграммы, занятие Константинополя и Проливов может совершиться без нашего участия, это создаст крайне неблагоприятные условия для разрешения в нашу пользу столь громадной важности вопроса. При такой обстановке мне кажется, что обыкновенные дипломатические пути могут оказаться недостаточными, и я продолжаю думать, что настоящие чрезвычайные обстоятельства настойчиво требуют непосредственных объяснений между Вами, Делькассэ и Грэем о будущности не только Константинополя и Проливов, но и Малоазиатской Турции. Во всяком случае, до получения от Вас точных указаний, я воздержусь от дальнейших разговоров с Делькассэ о настоящем предмете [4]).

Извольский.

---

[1]) См. стр. 244 и 245.
[2]) См. стр. 245.
[3]) В январе — феврале 1915 г.
[4]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 116.

LIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 115. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Сегодня Делькассэ по собственному почину заговорил со мною о Константинополе и Проливах. Он сказал мне, что им получена от Палеолога телеграмма, из коей он заключает, что у нас произошла существенная перемена во взглядах на разрешение этого вопроса; еще весьма недавно и здесь, и в Лондоне предполагали, на основании весьма определенных сообщений из Петрограда, что мы согласны на международное управление Константинополя и на нейтрализацию Проливов. Заявление Грэя, что Англия со своей стороны согласна на разрешение этих вопросов в смысле наших пожеланий, последовало именно в ответ на сказанные сообщения. Ныне следует ожидать серьезных возражений со стороны лондонского кабинета против наших новых планов. — «Вы не можете сомневаться, — присовокупил Делькассэ, — в моей искренней готовности сделать все, что от меня зависит, чтобы поддержать Ваше историческое стремление обладать Константинополем, но, по моему убеждению, осуществление этого желания будет зависеть главным образом от того, будет ли предварительно разрешен вопрос о Проливах в смысле полной их свободы». На мой вопрос, что именно он понимает под выражением «полная свобода», Делькассэ ответил, что это означает воспрещение кому бы то ни было укреплять Проливы и подчинение их международной организации, на подобие дунайской комиссии. При этом на сей раз он уже не делал принципиальных возражений против обладания нами обоими берегами Проливов и, как будто, допускал возможность подобного обладания, ограничившись лишь замечанием, что утверждение наше на азиатском их берегу зависит от разрешения уже другого вопроса, — а именно вопроса о разделе азиатских владений Турции. (В разговоре) он выразил, между прочим, мысль, что если мы будем обладать хотя бы одним берегом Проливов, а тем более обоими, то, несмотря на воспрещение укреплять самые Проливы, мы, конечно, будем иметь фактическую возможность с помощью наших войск и флота в любую минуту закрыть Проливы; против этого не может быть сделано никаких принципиальных возражений. В заключение Делькассэ высказал мне еще раз живейшее желание лично обсудить с Вами все эти вопросы и сожалел, что парламентская сессия не позволяет ему съездить в Петроград. Весьма вероятно, что он возобновит Вам чрез Палеолога предложение съехаться в Париже с ним и Грэем. [1]).

Извольский.

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 117.

LIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 153. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Лично.

Настроение русской печати и ряд других симптомов заставляют меня думать, что русское общество не отдает себе ясного отчета в быстро прогрессирующей эволюции в пользу России английского общественного мнения, а также и в достигнутых результатах. Последние слишком значительны, и я не могу воздержаться от сообщения их, даже по телеграфу. Движение общественного мнения в нашу пользу носило до войны характер, главным образом, политический, следовательно, могло оспариваться и оспаривалось меньшинством теоретиков германофильской тенденции. Постепенно и неуловимо этот политический характер движения расширяется, углубляется и явно уступает место непосредственно объективному интересу. Пресса всех направлений, митинговые речи и т. д. стремятся к пересмотру предвзятых мнений и открыто призывают полнее ознакомиться с национальными стремлениями и заявлениями. Если по некоторым специальным вопросам и существует еще сомнение, то желание уяснить себе и рассеять эти сомнения ясно проявляется даже среди радикальных партий. Эволюция органов либеральной партии, некогда придерживавшихся германофильских тенденций, завершилась. То же можно сказать и об организациях крайних тори, где до сего времени имевшие вес традиции Дизраэли уступают место воззрениям лорда Сольсбери [2]). Я хочу сказать, что в отношении симпатий в английском характере, столь

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Дизраэли л. Биконсфильд (1804—1881 г.) и л. Сольсбери (1830—1903 г.)— английские государственные деятели второй половины XIX века. Неизменно враждебное отношение л. Биконсфильда к России особенно ярко сказалось в эпоху балканской войны 1877 — 1878 г.г. и последующего за ней Берлинского конгресса. Что касается л. Сольсбери, то в 1878 г. он занимал позицию, по существу тождественную с позицией л. Биконсфильда, а позднее упорно боролся с распространением влияния России в сторону Индии,—(афганский конфликт 1885—1886 г.г.), однако, во время армянского кризиса 90-х годов XIX-го столетия он теоретически соглашался разрешить турецкий вопрос в духе, близком стремлениям русского правительства. Еще более показательными в этом отношении были русско-английские переговоры 1898 г., начатые в Петербурге по инициативе Англии. Лондонский кабинет, признавая специальную заинтересованность России в областях Оттоманской империи от Эгейского и Черного морей до Багдада, требовал аналогичного признания интересов Англии в турецкой Африке, Аравии и в долине Ефрата к югу от Багдада. Переговоры предусматривали разграничения сфер влияния и на Дальнем Востоке, при чем русской активности предоставлялась территория Северного Китая, а английской — область реки Янцзы. (Дело архива б. мин. ин. дел «Переговоры с Англией 1898 г.», нота великобританского посла в Петербурге О'Коннора от 12 февраля 1898 г.).

определенном и столь медленно меняющемся, желание довериться России и более здраво ее оценивать, путем серьезного изучения, усиливается день ото дня и уже успело заставить замолчать и обезвредить слепую и непримиримую группу оппозиции. В начале войны популярность союза с Россией видимо стушевывалась перед популярностью, отличавшей союз с Францией. Только боязнь впасть в преувеличение удерживает меня сегодня от утверждения обратного. Об этом свидетельствует множество речей, и я должен отметить выдающуюся речь, произнесенную в воскресенье Ллойд-Джорджем, в которой он, остановившись долго на России, говорил так, как до сего времени ни один ответственный английский оратор никогда не высказывался [1]). Я уж имел случай отметить впечатление, произведенное правильным ходом нашей мобилизации [2]), опубликованием наших дипломатических документов [3]), нашим манифестом о Польше [4]) и мерами, принятыми против алкоголизма. Результаты, достигнутые той последней мерой, которую Ллойд Джордж представил как пример, достойный подражания, все более

---

[1]) 15/28 февраля 1915 г. английский министр финансов Ллойд Джордж в речи, произнесенной в Бэнгоре, говоря о причинах, почему союзники, располагая вдвое большим количеством сил, чем у противника, не сразу их выставили, между прочим, заявил: «Причины этого следует искать в том, что Германия объявила войну потому, что она была подготовлена к ней и имела переполненные арсеналы, тогда как Россия прежде всего желала мира. Россия представляла собой миролюбивую страну, и вел. кн. Николай Николаевич был наиболее убежденным сторонником мира в Европе. Германия знала это и поэтому заблаговременно подготовилась к тому, чтобы всадить кинжал в сердце России прежде, чем последняя успеет защитить себя панцырем». Повидимому, эти слова Ллойд Джорджа и имеет в виду Бенкендорф.

[2]) До мировой войны предполагалось, что вполне мобилизованной и способной к активным действиям русская армия окажется только на 20-й, 30-й день войны. Этот пункт был тщательно оговорен в союзных военных конвенциях. Следует отметить, что еще в 1911 году в эпоху агадирского кризиса на секретном заседании «Комитета защиты империи» 23-го августа в Лондоне начальник стратегического отдела английского генерального штаба ген. Вильсон, подробно излагая план будущих совместных операций английской и французской армий во Франции и Бельгии, подчеркивал, что на Россию в первые дни войны особенно рассчитывать не приходится, поэтому сдержать противника можно только энергичным контр-наступлением. Действительность, однако, опрокинула все расчеты. Движение, предпринятое ген. Жоффром против левого фланга германских войск в Эльзас-Лотарингии, едва не закончилось катастрофой, и положение было спасено только русской армией, которая закончила свою мобилизацию на 17-ый день, т.-е. ранее предположенного срока, и вступила в бой, не дождавшись окончательного завершения мобилизации и концентрации, вследствие настоятельных требований союзного командования. Последнее обстоятельство и явилось одной из причин гибели 2-ой армии ген. Самсонова (см. по этому поводу мемуары Нокса «With the Russian Army», t. I, c.c. 1, 2 и след.).

[3]) Бенкендорф имеет в виду следующие сборники дипломатических документов («Оранжевые книги») российского министерства иностранных дел: 1) «Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г.», изд. 1914 г. и 2) «Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией», изд. 1914 г.

[4]) Манифест б. вел. кн. Николая Николаевича польскому народу от 1/14 августа 1914 г. Манифест этот обещал полякам воссоединение Польши «под скипетром русского царя» на основе широкой автономии.

и более вызывают восхищение Англии. В начале поводом были наши победы над Австрией, но первое наше отступление все же произвело еще некоторое охлаждение к нам общества [1]. Не безинтересно отметить, что во время нашего последнего отступления из Восточной Пруссии [2]) произошло обратное явление — уже упрочившееся настроение общественного мнения проявилось в еще более яркой форме. В заключение полагаю нужным указать два важных исторических факта симптоматического характера, имевшие место в палате общин. Во-первых, прием, оказанный всей палатой объяснениям, представленным лордом казначейства по парижскому финансовому соглашению. Дело шло, главным образом, о России, и голоса палаты были преимущественно в ее пользу [3]). Во-вторых, и что самое главное — прием,

---

[1]) Оккупация восточной части Западной Галиции русскими войсками и одновременное с этим поражение армий ген. Самсонова и Реннекампфа в Восточной Пруссии в августе — сентябре 1914 г.

[2]) Отступление из Восточной Пруссии — так называемое «Зимнее сражение у Мазурских озер»,—веденное силами трех германских армий (8, 10 и ген. Гальвица), началось 8 февраля 1915 г. Инициатива его принадлежала германскому командованию, поставившему своей задачей окружение группы русских войск в районе гор. Лык; хотя цель эта достигнута не была в виду упорного сопротивления, оказанного 3-им сибирским корпусом, тем не менее германцам удалось нанести крупное поражение 10-й русской армии, потерявшей 100 тысяч пленными и около 300 орудий. Наиболее ярким моментом этой операции было окружение частей 20-го корпуса ген. Булгакова в Августовских лесах. Стратегическим результатом сражения было очищение русской армией сильно укрепленных Летценских позиций и отступление из Восточной Пруссии к Осовцу и Гродно. Последующая часть операции германцев в общем направлении на Варшаву была менее удачна и закончилась довольно крупным успехом русских войск под гор. Праснышем в 20-х числах февраля 1915 г.

[3]) В январе — феврале 1915 г. Барк ездил за границу для участия в совещании министров финансов союзных держав в Париже. На совещании было решено: 1) объединить до окончания войны финансовые рессурсы Франции, России и Англии; 2) принять участие в равной доле в ссудах, выданных и выдаваемых государствам, воюющим на стороне держав Согласия, или тем, которые в будущем присоединятся к анти-германской коалиции; 3) урегулировать путем специального соглашения вопрос об эмиссии союзнических банков; 4) производить сообща военные закупки в нейтральных странах и 5) облегчить России возможность экспорта и восстановить паритет ее вексельного курса. Соглашение было подписано 23 января/5 февраля 1915 г.; кроме того, французский и английский министры финансов обещали «ссудить русскому правительству», до того времени, когда представится возможным разместить необходимый заем, 50 милл. ф. стерл. Во время пребывания Барка за границей было подписано соглашение о предоставлении английским банком кредита России на 40 м. ф. стерл. под краткосрочные свидетельства русского казначейства. Заем этот подлежал погашению или в фунтах ст. или золотом и должен был пойти на военные заказы, главным образом, у английских фирм. На совещании также обсуждался вопрос о вывозе русского хлеба. Давая отчет в палате общин о результатах парижских переговоров и сообщая об успешности открытой англ. госуд. банком подписки на русский заем, Ллойд Джордж, между прочим, заявил, что Англия согласна «предоставить России необходимые гарантии с тем, чтобы последняя делала необходимые ей военные заказы, не опасаясь денежных затруднений». (О поездке Барка за границу см. «Красный Архив», Москва, 1924 г., т. V, стр. 50 — 69).

оказанный палатой ответу Грэя относительно Проливов. Никто не ошибся в истинном смысле этого ответа. Еще не так давно ни один министр иностранных дел не мог бы дать такого объяснения, не встретив оппозиции в палате, в прессе и в большей части населения. Сегодня происходит обратное; это — конец старых традиций. Я считаю это самым знаменательным признаком прогрессирующей популярности в Англии фактического и прочного англо-русского соглашения. Весьма важно, чтобы наше общественное мнение отдало себе в этом отчет и судило бы о положении вещей с этой точки зрения.

Бенкендорф.

LV.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Посольство его королевского величества получило от сэра Эдуарда Грэя следующую телеграмму:

«Российский посол высказал мне 4-го марта свое впечатление по поводу заявления, сделанного мною 25-го февраля в палате общин. По его мнению, моим намерением было ясно показать в этом вопросе, что английская политическая точка зрения претерпела коренное изменение и что традиционные взгляды ныне устарели. Он отметил, что я хотел добиться одобрения палатой общин этой перемены, что этот важный факт ныне обеспечен и что я надеялся, не без основания, на благоприятное впечатление, которое произведет это публичное выступление в России. Он не усмотрел в моем ответе препятствий к осуществлению русской политики; напротив, он полагал, что мой ответ дал полную возможность к более точному определению вопроса, которое скоро сделается необходимым. Я сказал, что посол дал точную и ясную оценку моей позиции в данном вопросе, и подтвердил выраженные им взгляды».

5 марта 1915 г.

LVI.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

Посол его королевского величества получил инструкции заявить г. Сазонову, что только исходя из соображений пользы общего дела, правительство его величества предприняло операции в Дарданеллах. Великобритания не извлечет из них для себя никакой прямой выгоды: она сама не намерена там обосноваться. Правительство его королевского величества рискует своими солдатами, своими матросами, своими судами, стремясь Турцию сделать бесполезной, в качестве союзницы для Германии, сокрушить ее наступательную силу против России и Великобритании (великий князь верховный главнокомандующий подчеркнул сам важность этой задачи в интересах русских воен-

[1]) Перев. с англ.

[2]) Перев. с англ.

ных операций), а также и для того, чтобы побудить нейтральные балканские государства к сотрудничеству с союзными державами.

Поскольку это касается будущности Проливов и Константинополя, сэр Эдуард Грэй подтвердил сказанное г. Сазоновым в государственной думе и хотя, в соответствии с конвенцией от 5 сентября [1]), всякое окончательное и формальное соглашение должно быть подвергнуто обсуждению с Францией и, вероятно, не может быть заключено ранее окончательных мирных условий, сэр Эдуард Грэй не сделал никаких возражений против того, что было сказано по этому поводу г. Сазоновым сэру Джорджу Бьюкенену.

Помощь, и особенно военная помощь Греции, на Галлиполийском полуострове может представиться важной и существенно необходимой для полного успеха операций, и при данных условиях было бы неразумно и невозможно затруднять их, отклонив эту помощь, если бы она была предложена.

Императорское правительство должно принять во внимание, что неудача дарданелльской операции повлекла бы за собой очень тяжелые последствия.

Правительство его королевского величества никогда не рассматривало вопроса об аннексии в пользу Греции какой-либо части Проливов. Смирна — как раз та часть турецкой территории, которая рассматривалась, как компенсация Греции [2]). Правительство его королевского величества охотно допускает, что Греция не должна иметь точки опоры на Проливах, что противоречило бы русским интересам. Правительство его королевского величества согласно с русским и французским правительствами по этому вопросу, хотя интересы правительства его величества в настоящее время в Малой Азии ограничиваются вопросом о Смирна-Айдинской жел. дороге [3]). В целях побу-

---

[1]) Так называемое Лондонское соглашение между Россией, Францией и Великобританией от 23 августа/5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира.

[2]) В январе 1915 г. державы Согласия, стремясь привлечь Грецию на свою сторону, в числе других компенсаций предлагали ей территориальные приобретения в Малой Азии, при чем в руки греков должны были перейти город Смирна и ее хинтерланд. Это предложение было повторено державами в октябре 1915 г., в момент вступления Болгарии в войну. В обоих случаях предложение не было принято греческим правительством, желавшим сохранить свой нейтралитет. В 1916 г., в связи с сообщением Италии англо-франко-русского соглашения о разделе Азиатской Турции, итальянское правительство выставило свои притязания и в числе других областей Малой Азии потребовало себе Смирнский вилайет. По Лондонскому соглашению от 21 августа 1917 г., это желание Италии было удовлетворено, при чем Италия обязалась учредить в Смирне порто-франко. Однако, Севрским договором от 10 августа 1920 г. вопрос о Смирне был перерешен: хотя она и была номинально признана входящей в состав Оттоманской империи, но фактически была передана в руки греков (ст. 65 — 83). В сентябре 1922 г. Смирна и ее окрестности снова были заняты турками, что и было формально закреплено Лозаннским договором от 24 июля 1923 года.

[3]) Первичная концессия на Смирна-Айдинскую ж. д. была выдана в 1856 г. английской строительной компании. В 1914 г. между компанией и оттоманским правительством состоялось соглашение, в силу которого Турция отказалась от права выкупа, и компания получила наименование Société Anonyme. Срок концессии был продлен до 1999 г., и компании были выданы концессии на сооружение

дить Грецию присоединиться, правительство его королевского величества готово поступиться каким-либо из своих притязаний.

Посол его королевского величества должен повторно указать, что операции, предпринятые ныне в Дарданеллах, преследуют общую цель самым бескорыстным образом по отношению к притязаниям России в этом районе и с полным сознанием, что непосредственные их результаты будут выгодны не для нас, а для России.

Поэтому в настоящих условиях королевское правительство не должно быть лишено помощи в той части операций, где последняя могла бы быть полезной. Само собой разумеется, что всякая помощь, которая могла бы быть дана, не должна зависеть от какого-либо условия или устанавливать какие-либо притязания, за исключением тех, на которые могли бы согласиться три союзных правительства.

Из предшествующих сообщений вполне ясно, что королевское правительство с первой же минуты жаждало деятельного участия русских судов и войск для доведения этих операций до успешного конца [1]).

6 марта 1915 г.

LVII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 120. 21 февраля/6 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Ваша телеграмма № [2]).

Телеграмму (Демидова) № 83 [3]) получил.

Делькассэ прочел мне телеграмму Палеолога, в которой изложены Ваши аргументы против участия Греции в союзнических операциях против Дарданелл и Константинополя. С другой стороны, ему известно, что лондонский кабинет высказывается в пользу подобного участия. Вполне оценивая Ваши доводы, Делькассэ думает, однако, что по соображениям как военно-техническим, так и политического характера, вряд ли благоразумно ответить Греции отказом. Участие греков может до известной степени облегчить весьма трудные операции на суше и на море и отнюдь не предрешает тех или иных политических последствий. То же самое можно сказать о вме-

---

329 верст рельсового пути, а также преимущественные права судоходства на озерах Эгердир и Бейшеир.

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 119.

[2]) В подлиннике номер отсутствует.

[3]) Телеграмма российского посланника в Афинах Демидова министру иностранных дел Сазонову от 20 февраля/5 марта 1915 г. о переговорах держав Согласия с Венизелосом относительно участия греческих войск в операциях против Проливов. Этот документ печатается нами в соответственном отделе II тома настоящего издания.

шательстве болгар. Делькассэ продолжает считать крайне желательным не отталкивать итальянцев, помыслы коих ныне, повидимому, всецело направлены на восток. Этим путем все сказанные нации будут вовлечены в общие действия с союзниками против Австро-Германии, что, при нынешних обстоятельствах, имеет громадное значение и вряд ли может особенно повлиять на окончательное решение интересующих нас вопросов, ибо главная роль будет во всяком случае принадлежать России, Франции и Англии.

Извольский.

LVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 121. 21 февраля/6 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Ваши №№ 937 и 942 [1]).

Я нашел сегодня Делькассэ под сильным впечатлением только что полученного им от Палеолога текста Вашей памятной записки [2]). Он повторил мне приблизительно те же соображения, которые изложены в моей телеграмме № 115 [3]). При этом главную свою аргументацию он сосредоточил на том обстоятельстве, что в Вашей записке обходится молчанием вопрос, который, по его убеждению, является ключом всего положения—а именно вопрос об обеспечении «свободы Проливов». До сих пор предполагалось, что мы согласны на воспрещение укреплять Проливы и на подчинение их надзору европейской комиссии. Если вопрос этот будет решен в таком именно смысле, то это в значительной степени облегчит разрешение в нашу пользу вопроса об обладании Константинополем и обоими берегами Босфора. «Во всяком случае, — прибавил Делькассэ, — Вы ставите ныне вопрос, который не только сам по себе имеет громадную важность, но затрагивает также целый ряд других вопросов, касающихся как Европы, так и Азии. Вопросы эти очень трудно обсуждать при помощи обмена телеграмм, и было бы чрезвычайно желательно подвергнуть их непосредственному совместному обсуждению трех министров иностранных дел». — В заключение Делькассэ высказал, что крайне важно соблюдать в настоящем деле абсолютный секрет, ибо, если бы наши планы сделались известными в Бухаресте, это могло бы побудить Румынию сейчас же присоединиться к враждебному лагерю.

Извольский.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 252 и стр. 252.
[2]) См. стр. 252.
[3]) См. стр. 255.

LIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 155. 21 февраля/6 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 107 [2]).

Лично. Я полагаю, что Делькассэ заблуждается как в оценке позиции Англии в отношении Константинополя, так и в мнении, высказанном им по поводу заявления Грэя. Я полагаю, что Англия в общем примирилась с мыслью, что Константинополь силою вещей должен достаться России. Я Вам телеграфировал мои комментарии к заявлению, которые Грэй одобрил. Заявление Грэя ни в коем случае не является конечным выражением английской точки зрения, напротив, оно может служить основой для дальнейшего ее развития. Многое неизбежно должно зависеть от обстоятельств, из коих самым важным будет сохранение наших военных успехов на каком бы то ни было театре войны. Каждое новое поражение, нанесенное нашими армиями Германии, будет рассматриваться как новое основание к осуществлению того, что мы считаем необходимым в наших интересах. Но я полагаю, что Англия будет считать себя в праве . . . . . видеть свои экономические интересы обеспеченными. Все зависит, главным образом, от программы наших будущих отношений с Англией. До сих пор я никогда не слышал в Лондоне разговора о различении европейского и азиатского берегов Босфора. Грэй не говорил мне ни о чем подобном. Также я не думаю, чтобы ссылка на Танжер имела действительное значение. Никогда и ни в коем случае Англия не допустила бы в Танжере преобладания какой-либо державы, — даже Испании, — способной угрожать путям в Индию, но Грэй должен себе отдавать отчет в том, что и Франция никогда не допустит английского преобладания, и он не пойдет дальше [известного предела]. Я не думаю, чтобы Грэй сильно интересовался европейским общественным мнением после вполне победоносной войны. Это мнение фактически сведется к мнению Франции и, может быть, Италии. Грэй, я думаю, предвидит, что им нужны будут компенсации. Он не знает, каковы будут их притязания. Это делает его осторожным и мешает ему высказаться определенно до полного уяснения дела.

Он, конечно, хочет избегнуть всего, что могло бы нарушить настоящую политическую группировку. С этой точки зрения, позиция Франции чрезвычайно важна. Я думаю, что по вопросу о Константинополе никогда еще до сих пор не было объяснений между парижским и лондонским кабинетами. Камбон очень сдержан, так что Грэй, по существу мало удивленный нашими взглядами на коренное решение вопроса, встревожен по моему позицией Франции. Впрочем, я убежден и я знаю, что Грэй всецело разделяет

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. стр. 245.

мнение Делькассэ, к которому я вполне присоединяюсь, как и мой парижский коллега, — мнению, что вопрос этот настолько важен, что только совещание между Делькассэ, Грэем и Вами могло бы разрешить его сообразно с нашими интересами. Невозможно, чтобы оба эти министра одновременно оставили свои столицы. Единственным выходом из положения был бы Ваш приезд.

Бенкендорф.

LX.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 993. 22 февраля/7 марта 1915 г. (8 ч. веч.).

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 115 [1]) получена.

Нынешний кризис, беспрестанно выдвигающий все новые задачи, не позволяет мне теперь отлучиться из Петрограда даже на самое короткое время. Поставленный последними событиями на очередь вопрос о Проливах и Константинополе требует тем не менее безотлагательного решения союзными правительствами и немедленного же направления общественного мнения этих стран в надлежащее русло.

Русское общество никогда не примирится с иным разрешением вопроса, как беспредельное [2]) наше господство над Проливами и Константинополем, которое одно может обеспечить полную свободу и независимость нашей торговли. Ширина Босфора и высота азиатской стороны не позволяют нам удовольствоваться обладанием одним европейским берегом, ни отказаться от укрепления пролива. Ссылка на Суэзский канал неправильна, так как в любой момент он может быть закрыт потоплением баржи, к тому же оба его берега принадлежат одному Египту.

Мы, конечно, готовы предоставить Франции и Великобритании полное обеспечение свободы плавания через Проливы и всяких экономических их интересов. В этом смысле я высказался самым определенным образом перед послами союзных держав и прошу Вас выполнить поручение, возложенное на Вас телеграммами №№ 815 [3]) и 937 [4]).

Сазонов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Хорошо».

---

[1]) См. стр. 255.
[2]) Безраздельное?
[3]) См. стр. 242.
[4]) См. прим. 2 на стр. 252.

LXI.

Итальянский посол в Петрограде марк. А. Карлотти министру иностранных дел бар. С. Соннино.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 228. 7 марта 1915 г.

Положение, занятое в это последнее время императорским правительством по отношению к Румынии, Болгарии и Сербии [2]), изменилось в том смысле, что правительство перестало обещать этим государствам свою поддержку и преимущества, в случае их вмешательства в войну, и ограничивается принятием к сведению их заявлений и указаний относительно подобного рода возможности. Мне кажется, что этот новый образ действий России вызван:

1) Неуспехом предшествующего, заключавшегося в стремлении связать интересы этих государств с выступлением, вместо того, чтобы предоставить им возможность самостоятельно решить этот вопрос. Этот образ действия не достиг никакого результата, а настойчивость возбудила известную подозрительность.

2) Политическим положением, создавшимся недавно в этих государствах, где выступление считают вопросом внутренним и вызывающим противоречие между правительством и общественным мнением. Внутренняя борьба в этих государствах не была бы полезной для Тройственного Согласия, так как в этом случае создалась бы опасность выступления на стороне Германии.

3) Новым и благоприятным положением, которое Тройственное Согласие себе подготовляет, стремясь завоевать вооруженной силой Турцию.

Г. Сазонов постоянно повторяет мне, что он вполне верит в солидарность союзников также и по вопросам Ближнего Востока.

Из сведений, которыми я на этот счет располагаю, явствует, что соглашения России с Великобританией и Францией ограничиваются соглашением о военных действиях, которые три эти державы намереваются предпринять в Турции. Россия обязалась содействовать... человек и эта армия готова к концентрации по соседству с одним из портов Черного моря. Никакого другого договора не заключено ни с Грецией, ни с Болгарией, представители которых в Петрограде деятельно поддерживают в Афинах и Софии идею выступления, Эти две державы опасаются, что участие Великобритании и Франции может оказать неблагоприятное влияние на решение вопроса о Проливах и Константинополе и повлечет принесение в жертву всех их интересов ради выгод Тройственного Согласия. Г. Маджаров заявил мне, что Болгария стремится создать себе законное основание для обеспечения своих интересов при том положении вещей, которое будет установлено в результате взятия Константи-

---

[1]) Перев. с итальянского.

[2]) Очевидная ошибка; следует читать «Грецин».

нополя. Г. Драгумис заявил г. Сазонову, что Греция, будто бы, не имеет никаких исключительных видов на Константинополь, но что в Греции господствует мнение, что она не может не участвовать в разделе Турции.

Г. Сазонов дал понять Маджарову, Драгумису и Диаманди, что, в случае выступления их правительств, это последнее может быть принято не как одностороннее действие против Турции, но только как участие, в полном объеме солидарное с Тройственным Согласием, в войне, которую оно ведет.

LXII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 159 22 февраля/7 марта 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 887 [2]) и телеграмму из Парижа № 113 [3]).

Лично.—Не использовал Вашу телеграмму за № 887, в виду отсутствия прямого влияния правительства на прессу, особенно консервативную. Никакого неприязненного проявления чувств не произошло до сих пор, несмотря на благоприятные статьи, появившиеся за последние дни в «XIX Century» и многих распространенных газетах. Вопрос принципиально получил благоприятную оценку, но может оказаться различие в степени ее и по некоторым специальным вопросам. Свобода торговли в Проливах легко может быть восстановлена [4]).

Сомневаюсь, чтобы идея Делькассэ об учреждении органа на подобие дунайской комиссии, была встречена здесь благосклонно. Иначе обстоит дело с территориальной нейтрализацией, полной или частичной, хотя бы для Галлиполийского полуострова. Отсутствие гарантий встретит серьезную оппозицию. Я считаю их неизбежными и полагаю предпочтительным опередить события — первое впечатление облегчит все остальное. Я полагаю, что нам не следует более медлить высказываться относительно Армении в смысле автономии. Это важно. Я думаю, что существует антитеза между английской и французской точкой зрения на будущую судьбу азиатских владений Турции в бассейне Средиземного моря. Грэй сказал мне, что Англия не стремится захватить здесь ничего, и что он свободен от всяких обязательств по этому поводу, за исключением мусульманских святых мест, Мекки и остальных, которые, по его словам, должны остаться в чисто мусульманских руках. Я даже не думаю, чтобы Англия хотела изменить существующий режим на Суэзском канале, где она уже имеет достаточное преобладание, но мне ясно, что Грэй опасается обсуждения вопроса о разделе турецких владений в Азии из-за Франции и Италии, тогда как Делькассэ выдвигает его на первый план. Я не знаю, что произошло за последние дни, но до этого вре-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. стр. 245.

[3]) См. стр. 254.

[4]) В подлиннике: «Liberté commerce détroits serait aisément rélevée».

мени, по моим сведениям, эти вопросы не обсуждались между Парижем и Лондоном. Камбон особенно настаивает на французских интересах в Малой Азии и Сирии [1]).

Бенкендорф.

LXIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 162. 22 февраля/7 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Доверительно.

Сегодня я запросил мнение Камбона о впечатлении, прозведенном на него Вашей памятной запискэй о Константинополе [3]). Он мне ответил, что ничего не получал из Парижа и не имеет об этом никаких сведений. Я передал ему на словах сущность дела. Он мне ответил, что, по его мнению, этот вопрос был уже исчерпан; во время пребывания Делькассэ в Лондоне [4]) еще думали, что Россия желала ограничиться в отношении Константинополя международной комбинацией, но силою вещей и после заседания думы эта комбинация не представляется возможной. Он мне говорил о необходимости уважать местные учреждения и интересы и сказал также, что, по его мнению, свобода Проливов требует особых гарантий. Камбон думает, что в Англии, где проект этот принят в принципе, этот вопрос будет поднят, как и во Франции. По его словам, после визита Делькассэ он только бегло касался этого вопроса в разговорах с Никольсоном.

Бенкендорф.

LXIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [5]).

№ 163. 22 февраля/7 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 162.

Никольсон сказал мне, что Ваша памятная записка о Константинополе будет представлена на рассмотрение кабинета. Лично он полагает, что сво-

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 121.
[2]) Перев. с фр.
[3]) См. стр. 252.
[4]) См. прим. 3 на стр. 254.
[5]) Перев. с фр.

бода Проливов нуждается в постановлениях и гарантиях. Он сообщил мне, что Грэй телеграфировал Берти запросить мнение французского правительства, но что еще не получено никакого ответа. Никольсон советует держать переговоры в глубокой тайне.

Бенкендорф.

LXV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1020. 23 февраля/8 марта 1915 г.

Не имея, к сожалению, никакой возможности теперь отлучиться отсюда, но считая весьма важным, не откладывая, договориться относительно главных условий будущего мира, полагаю крайне желательным, чтобы французское и английское правительства особо уполномочили своих послов в Петрограде обсудить эти условия совместно со мною. Для успешности предлагаемых переговоров необходимо, чтобы Палеолог и Бьюкенен могли с полной откровенностью ознакомить меня со всеми видами на этот счет их правительств. На мой взгляд, главные условия мира делятся на три разряда: 1) условия, являющиеся для того или другого из союзников бесспорно необходимыми, как затрагивающие его жизненные интересы; 2) условия, по которым допустимы взаимные уступки с целью согласования отдельных интересов трех союзников, и 3) условия, которые не затрагивают непосредственно интересы союзников, но являются существенными для сохранения мира в будущем и поддержания союзных отношений. — Благоволите передать вышеизложенное правительству, при коем Вы аккредитованы, и о последующем телеграфируйте.

Сазонов.

LXVI.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

№ 29.

По распоряжению своего правительства и ссылаясь на требования, формулированные императорским правительством в памятной записке от 4 марта 1915 г. [2]), французский посол имеет честь заявить его превосходительству г. Сазонову, что императорское правительство может вполне рассчитывать на доброжелательное отношение правительства республики в деле разреше-

[1]) Перев. с фр.

[2]) Текст памятной записки от 19 февраля/4 марта 1915 г., см. стр. 252.

ния вопроса о Константинополе и Проливах, сообразно с пожеланиями России. Этот вопрос, а также вопросы, которые интересуют Францию и Англию на Востоке и в других местах и которые императорское правительство, со своей стороны, соглашается разрешить сообразно с пожеланиями Франции и Англии, найдут свое окончательное разрешение в мирном договоре, который, согласно декларации 5 сентября 1914 г. [1]), должен быть обсужден сообща и подписан одновременно всеми тремя союзными державами [2]).

8 марта 1915 г.

LXVII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1030. 24 февраля/9 марта 1915 г. (5 ч. 25 м. веч.).

Сообщается в Лондон.

Благоволите выразить Делькассэ мою признательность за сделанное мне французским послом, от имени своего правительства, заявление, что императорское правительство может рассчитывать на полную готовность правительства республики способствовать разрешению вопроса о Константинополе и Проливах, согласно пожеланиям России.

Сазонов.

LXVIII.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому послу в Петрограде М. Палеологу [3]).

№ 244.

В ответ на требования, формулированные императорским правительством в памятной записке от 19 февраля/4 марта 1915 г. касательно решения вопроса о Проливах, французскому послу было поручено его правительством заявить г. Сазонову, что императорское правительство может вполне рассчитывать на доброжелательное отношение правительства республики в деле решения вопроса о Константинополе и Проливах, сообразно с интересами России.

Г. Сазонов принимает это заявление с чувством искреннего удовлетворения.

24 февраля/9 марта 1915 г.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 238.

[2]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 122.

[3]) Перев. с фр.

LXIX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 127. 24 февраля/9 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Ваша телеграмма № 993 [1]) получена.

Я имел с Делькассэ подробный разговор по содержанию Ваших телеграмм №№ 815 [2]) и 937 [3]) и самым подробным и определенным образом изложил ему нашу точку зрения в вопросе о Константинополе и Проливах. Сегодня в результате длинной беседы он сказал мне, что французское правительство сделает все, что от него зависит, дабы вопрос этот, представляющийся ему едва ли не самым трудным из всех поднятых войной, был разрешен согласно нашим пожеланиям. Франция, — присовокупил он, — конечно, не будет оспаривать владения нами Константинополем и Проливами. Для нее важно, главным образом, обеспечение свободы международной торговли в Проливах, и она надеется, что мы, со своей стороны, согласимся на достаточные гарантии в этом отношении. Далее, по мнению Делькассэ, разрешение вопроса о Константинополе и Проливах должно быть частью общего урегулирования последствий войны, а не предметом специального соглашения. Наконец, Делькассэ сказал мне, что в ожидании ответа на сделанное им Вам и Грэю предложение съехаться в Париже для непосредственного обмена взглядов, он воздержался покуда от обсуждения настоящего вопроса с лондонским кабинетом, и что поэтому ему до сих пор ничего не известно, как относится Англия к нашим новым требованиям.

Извольский.

LXX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 128. 24 февраля/9 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Вашу телеграмму № 1020 [4]).

Делькассэ крайне огорчен Вашим отрицательным ответом на его предложение съехаться с ним и Грэем в Париже. Он повторил мне, что, если бы он не был абсолютно связан парламентской сессией, которая продолжится

---

[1]) См. стр. 264.
[2]) См. стр. 242.
[3]) См. прим. 2 на стр. 252.
[4]) См. стр. 268.

до июня, он непременно отправился бы в Петроград. «Двух часов разговора с Вашим министром иностранных дел, — сказал он, — достаточно, чтобы достигнуть согласия по любому вопросу, для решения коего потребуются недели переговоров по телеграфу». — Он не дал мне окончательного ответа на Ваше предложение снабдить Палеолога и Бьюкенена специальными полномочиями, но предложение это видимо весьма мало ему улыбается по причинам, на которые он довольно прозрачно мне намекнул и которые касаются личности Палеолога. Грэй выразил согласие на съезд в Париже, и Делькассэ все же надеется, что Вы не откажетесь приехать сюда, если не теперь, то, может быть, несколько позднее.

Извольский.

LXXI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1057. 25 февраля/10 марта 1915 г.

Согласно просьбе французского посла, я предложил цензуре не пропускать статей по вопросу о Константинополе и Проливах, дабы не возбуждать полемики в печати до той поры, когда правительство республики сумеет подготовить общественное мнение страны к признанию законных наших прав на названные области. В виду этого я нахожу, что и французское правительство должно не допускать статей, подобных появившимся за последнее время в газетах «Temps» и «Figaro», сеющих в нашем общественном мнении недоверие к союзникам [1]).

Сазонов.

LXXII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1058. 25 февраля/10 марта 1915 г.
(7 ч. 30 м. веч.)

Считая справедливым успокоить союзников относительно наших намерений предоставить широкие обеспечения свободы плавания и торговли че-

---

[1]) В связи с речью Сазонова в государственной думе 27 января/9 февраля 1915 г. во французской прессе появился ряд статей, указывавших, что Россия, вероятно, не откажется решить вопрос о Константинополе и Проливах в желательном для союзников смысле, согласившись на нейтрализацию.

рез Проливы и Константинополь, я высказался по этому поводу самым недвусмысленным образом перед французским и великобританским послами. Я был бы весьма признателен правительству, при котором Вы аккредитованы, если бы оно сообщило мне проект желательных для него экономических условий. Такой проект, поскольку он не будет умалять права нашего верховенства над будущими нашими областями, встретит с нашей стороны полное сочувствие.

Сазонов.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 129. 25 февраля/10 марта 1915 г.

Копия в Лондон. Продолжение № 127 [1]).

Из разговоров моих с Делькассэ я выношу впечатление, что он окончательно примирился с мыслью о безраздельном обладании нами Константинополем и Проливами в намеченных нами пределах и готов вполне лойяльно поддержать эту мысль перед Англией. Все свои усилия он, несомненно, сосредоточит на возможно широком обеспечении свободы международной торговли в Проливах. Точные пожелания в этом направлении он, вероятно, выскажет мне после обсуждения этого вопроса с лондонским кабинетом. Следует ожидать, что при этом возникнет ряд вопросов, не предусмотренных в Вашей памятной записке [2]). Если Вы желаете, чтобы я продолжал мои разговоры с Делькассэ о настоящем предмете, мне необходимо знать, предполагается ли укрепить не только Босфор, но и Дарданеллы; допускаем ли мы учреждение какого либо международного органа, на подобие дунайской комиссии; имеется ли в виду обращение Константинополя или части его в портофранко и т. д. На мой личный взгляд, было бы предпочтительнее удовольствоваться покуда достигнутым результатом и не принимать инициативы дальнейших переговоров о вышеизложенных вопросах. Подобные переговоры будут, несомненно, успешнее, если по ходу событий нам удастся фактически утвердиться на обоих берегах Босфора и оказаться таким образом в положении «beati possidentes». Что касается здешней печати, мною принимаются меры к направлению ее в надлежащее русло, и я не предвижу пока с этой стороны особых затруднений. Вчера Делькассэ еще раз и особенно настойчиво указал на необходимость держать дело в абсолютном секрете, в особенности от Румынии.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 270.
[2]) См. стр. 252.

LXXIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 170. 25 февраля/10 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Продолжение моего № 167 [2]).

Я запросил Грэя в присутствии Камбона, знаком ли он с 4-мя условиями, которые Вы предложили для привлечения Греции к сотрудничеству против Турции [3]). Грэй ответил мне, что он с ними знаком, что после падения Венизелоса инициатива Греции пришла к концу и что дело отложено. Не входя в обсуждение условий, Грэй нам сказал, что он превосходно знает, как трудно для России судить о своевременности активного выступления новых союзников, прежде чем императорское правительство не обеспечит себя соглашением с Францией и Англией по вопросу о Константинополе и Проливах; по его мнению, по заключении соглашения вопрос о новых союзниках упростился бы. Грэй нам сказал, что кабинет уже занимался рассмотрением нашего проекта и что есть надежда, что точка зрения Англии будет установлена на заседании кабинета завтра или в четверг; он не желает высказаться до этого времени, но надеется дать ответ в конце этой недели. Грэй обратил наше внимание на последнюю фразу Вашей записки, где идет речь об английских и французских интересах в Азиатской Турции [4]). Он мне указал, что у России уже есть готовый проект, формулирующий ее интересы, тогда как, по крайней мере в самой Англии, вопрос об английских интересах еще не изучался, и что ему трудно окончательно высказаться относительно наших требований, прежде чем он узнает, какой прием будет оказан стремлениям, которые Англия могла бы формулировать. Он нам сказал, что этот пункт создает для него наибольшее затруднение, но повторил, что

[1]) Перев. с фр.

[2]) Телеграмма от 25 февраля/10 марта о беседе великобританского статс-секретаря по иностранным делам Грэя с французским послом в Лондоне Камбоном и Бенкендорфом относительно условий вступления Италии в войну, сообщенных Грэю итальянским послом в Лондоне Империали.

[3]) Условия, на которых российское правительство соглашалось допустить Грецию к участию в действиях союзных сил в Проливах: a) греческое правительство добровольно предложит свое содействие; b) взамен своего сотрудничества Греция не получит территориальных компенсаций ни в южной Фракии, ни вблизи Проливов; c) действия Греции ограничатся местностями, указанными начальниками союзных сил, и d) греческая армия ни при каких обстоятельствах не должна вступать в Константинополь (Тел. Сазонова послам в Лондоне и Париже от 22 февраля/7 марта 1915 г., № 990. Этот документ печатается нами в соответствующем отделе II тома настоящего издания).

[4]) Памятная записка от 19 февраля/4 марта 1915 г., см. стр. 252.

в конце недели он надеется дать ответ. Камбон нам заявил, что он все еще ничего не получил из Парижа по этому вопросу. Он спросил Грэя, телеграфировал ли он Берти. Грэй ответил, что он поручил послу запросить мнение французского правительства. Камбон спросил, не высказал ли он какого-либо мнения. Грэй ответил, что не входил ни в какие объяснения, ограничиваясь возбуждением вопроса. В виду присутствия Камбона я не хотел переводить полностью Вашу телеграмму № 993 [1]). Тем не менее я вновь набросал Вашу программу, и я основывал необходимость для нас обеспечить себе оба берега Проливов и возможность их укреплять на доводах, высказанных в Вашей вышеупомянутой телеграмме. Я заключил словами, что положение иное, чем в Суэзе. Грэй, уклоняясь от официального ответа, заявил нам, что он прекрасно знает, что Россия нуждается в полной свободе Проливов, навсегда обеспеченной, и что для того, чтобы эта свобода была гарантирована, необходим фактический контроль, который не могло бы обеспечить нам владение одним берегом. Грэй присовокупил, что, как он полагает, кабинет должен быть того же мнения [2]).

Бенкендорф.

LXXV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма. [3]).

№ 174. 26 февраля/11 марта 1915 г.

Получил № 1058 [4]).

Сообщил эту телеграмму Никольсону. Содержание ее произвело на него сильнейшее впечатление. Он мне сказал, что, по его мнению, английские пожелания по существу не могут нам внушить никаких опасений. Сообщая Вам это, в порядке простого осведомления, я почти уверен, что дело идет о свободе торгового плавания и правах свободного порта для грузов, следующих транзитом.

Бенкендорф.

LXXVI

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [5]).

В случае, если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах, как то указано в нижеупоминаемом

---

[1]) См. стр. 264.

[2]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 123.

[3]) Перев. с фр.

[4]) См. стр. 271.

[5]) Перевод с английского языка, сделанный в министерстве иностранных дел.

русском сообщении, правительство его величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и Проливов, текст коей был сообщен послу его величества его высокопревосходительством г. Сазоновым 19 февраля/4 марта сего года [1]).

12 марта 1915 г. [2])

LXXVII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

Посол его величества получил инструкцию сделать следующие замечания касательно памятной записки, которую великобританское посольство имело честь препроводить императорскому правительству 27 февраля/12 марта 1915 года:

Требование, высказанное императорским правительством в памятной записке от 19 февраля/4 марта 1915 года, значительно превосходит пожелания, предусматривавшиеся г. Сазоновым несколько недель тому назад. Прежде, чем правительство его величества успело выяснить, каковы будут при заключении окончательного мира его собственные пожелания в иных местах, Россия просит определенного обещания, что ее желания будут удовлетворены по отношению того, что собственно является наиболее ценным приобретением всей войны. Вследствие сего сэр Эдуард Грэй надеется, что г. Сазонов отдает себе отчет в том, что правительство его величества не имеет возможности дать большего доказательства дружбы, чем то, которое дается содержанием вышеупомянутой памятной записки. Этот документ свидетельствует о полном перевороте традиционной политики правительства его величества и находится в прямом противоречии взглядам и чувствам, в свое время всецело господствовавшим в Англии и пока еще отнюдь не исчезнувшим. Сэр Эдуард Грэй надеется поэтому, что императорское правительство признает, что недавние общие заверения, данные г. Сазонову, выполнены самым лойяльным и полным образом. Ныне, представляя свою памятную записку, правительство его величества верит и надеется, что прочная дружба между Россией и Великобританией будет обеспечена, как только будет достигнуто предположенное соглашение.

Из великобританской памятной записки следует, что пожелания правительства его величества, какое бы они ни имели значение для английских интересов в других частях света, не будут содержать в себе ни одного условия, которое могло бы затронуть русское господство над территориями, описанными в русской памятной записке от 19 февраля/4 марта 1915 г.

В виду того обстоятельства, что Константинополь всегда останется торговым складом для юго-восточной Европы и Малой Азии, правительство его величества будет просить, чтобы Россия, когда она войдет в обладание

---

[1]) См. стр. 252.

[2]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 124.

[3]) Перевод с английского, сделанный в министерстве иностранных дел.

им, установила бы свободный порт для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями. Правительство его величества будет также просить о том, чтобы была установлена свобода обращения для торговых судов, проходящих через Проливы, как было уже обещано г. Сазоновым.

В настоящее время стало совершенно ясным, что, независимо от того значения, которое могут иметь для общего дела союзников предпринятые правительством его величества операции в Дарданеллах, — операции эти, как бы успешны они ни были, не могут принести какую бы то ни было выгоду правительству его величества при заключении мира. Россия одна, если война будет успешна, получит непосредственные плоды этих операций. Россия не должна была бы поэтому, по мнению правительства его величества, ставить теперь препятствия на пути всякой державы, которая может на разумных условиях предложить союзникам свою помощь. Единственная держава, которая могла бы принять участие в операциях в Проливах—Греция. Адмирал Карден просил адмиралтейство прислать ему еще истребителей, но таковых свободных не имеется. Помощь греческой флотилии, если бы ею возможно было заручиться, была бы, следовательно, чрезвычайно ценной для правительства его величества. Одной из главных целей, которые имело в виду правительство его величества, когда им были предприняты операции в Дарданеллах, было побудить нейтральные государства присоединиться к союзникам. Правительство его величества надеется, что Россия употребит все усилия, чтобы рассеять опасения Болгарии и Румынии, касательно того, будто бы обладание Россией Проливами и Константинополем невыгодно для них. Правительство его величества надеется также, что Россия сделает все, что в ее власти, что бы придать сотрудничеству этих государств заманчивый для них характер.

Сэр Эдуард Грэй отмечает, что будет, очевидно, необходимо принять во внимание весь вопрос о будущих интересах Франции и Англии в том, что теперь является Азиатской Турцией; формулируя пожелания правительства его величества касательно Оттоманской Империи, он должен сговориться с французским правительством, также как и с русским. Как только, однако, станет известно, что Россия получит Константинополь при окончании войны, сэр Эдуард Грэй хотел бы заявить, что в течение всех переговоров правительство его величества настаивало, чтобы мусульманские священные места и Аравия остались при всех обстоятельствах под независимым мусульманским владычеством.

Сэр Эдуард Грэй не в состоянии пока сделать определенного предложения по какому бы то ни было пункту английских пожеланий; но одним из пунктов последних будет пересмотр касающейся Персии части англо-русского соглашения 1907 года, в смысле признания нынешней нейтральной сферы сферой английской [1]).

До тех пор, пока союзники не будут в состоянии дать балканским государствам, и в особенности Болгарии и Румынии, удовлетворительное заверe-

---

[1]) Англо-русское соглашение 1907 г. о разграничении сфер влияния на Ср. Востоке.

ние относительно их общего положения в отношении территорий, соприкасающихся с их границами, и к обладанию которыми они заведомо стремятся, и до того времени, когда будет достигнуто более определенное соглашение касательно французских и английских пожеланий для окончательных мирных условий, сэр Эдуард Грэй также отмечает, что весьма желательно, чтобы соглашение, к которому теперь пришли русское, французское и великобританское правительства, оставалось бы тайным [1]).

12 марта 1915 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

LXXVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

28 февраля/13 марта 1915 г. [3]).

Лично.

Полагаю, что здесь известно о Вашей телеграмме Делькассэ № 1030 [4]). Тем более настоятельно советую Вам предпринять аналогичный шаг по отношению к Грэю.

Бенкендорф.

LXXIX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

(С копии письма).

1/14 марта 1915 г.

Телеграммами моими я мог лишь вкратце ознакомить Вас с последовательным ходом моих разговоров с г. Делькассэ о Константинополе и Проливах; разговоры эти носили все время весьма дружественный и даже сердечный характер, но, тем не менее, потребовали от меня крайне напряженной аргументации. Г. Делькассэ был, видимо, очень встревожен происшедшею у нас переменою взглядов по настоящему вопросу, явившеюся для него полною неожиданностью; уверяя меня в своей готовности итти навстречу нашим пожеланиям, он, в то же время, с большою настойчивостью ссылался на полученные, будто бы, им и Палеологом ф о р м а л ь н ы е заверения, что мы имеем в виду присоединение к России лишь части Фракии, до будущей границы с Болгариею, и что мы соглашаемся на международное управление в Константинополе и на нейтрализацию Проливов. Это ставило меня в довольно

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 125.
[2]) Перев. с фр.
[3]) В подлиннике номер отсутствует.
[4]) См. стр. 269.

затруднительное положение, ибо я ничего не знал о происходивших по сему предмету в Петрограде разговорах. Что касается до возражений его по существу, то, как видно из моих телеграмм, по ходу бесед, характер их постепенно менялся: сначала г. Делькассэ, главным образом, оспаривал возможность перехода обоих берегов Проливов, имеющих международное значение, в руки какой либо одной державы; доводы его были в этом направлении весьма мало убедительны; ссылка его на Гибралтарский пролив [1]) вызвала, с моей стороны, указание на Отрантский канал [2]), оба берега коего, с занятием Валоны Италиею, будут в итальянском владении. Впрочем, если после

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 246.

[2]) Отрантский пролив, ширина которого достигает 60 кил., является стратегическим ключем к Адриатическому морю. До мировой войны контроль над ним принадлежал двум державам — Италии и Австрии. Последняя по ст. 29 Берлинского трактата 1878 г. должна была нести морскую полицейскую службу в районе черногорского побережья. Статья эта была изменена только в 1909 г., когда Черногория получила право иметь свой собственный военный флот и черногорские воды были открыты для иностранных военных судов. Договором от 1887 г. Италия, Австрия и Англия обязались поддерживать «status quo» на Средиземном, Адриатическом, Эгейском и Черном морях. Это, однако, не помешало Италии и Австрии вести скрытую борьбу за господство над Отрантским проливом в течение десятилетия, непосредственно предшествовавшего мировой войне. Особенной остроты эта борьба достигла в 1912 — 1914 г.г., когда австрийский морской штаб решил перенести операционную базу австрийского флота из Полы (Истрия) в Себенико (Далмация) и в Катарро (Черногория). Вспыхнувший в связи со стремлением Австрии овладеть горою Ловчен «скутарийский кризис» 1912 г. заставил Италию заявить притязания на г. Валону, расположенный на восточном берегу пролива. Между Австрией и Италией состоялось по этому поводу соглашение, однако, не вошедшее в силу, в виду позиции, занятой великими державами, и образования независимого Албанского государства. Международная комиссия, состоявшая при принце Виде албанском, опиралась в своих действиях на международную эскадру, собранную в албанских водах. В 1913 г. ст. 7 морской конвенции Тройственного Союза защита Адриатики была окончательно поручена австро-венгерскому флоту. С начала мировой войны контроль над Отрантским проливом был возложен союзниками на французский флот, а с мая 1915 г. перешел в руки итальянцев, еще в декабре 1914 г. оккупировавших Валону. В январе 1915 г. Трубецкой в телеграмме за № 68 от 18/31 января 1915 г. указал на желательность включения в будущий мирный договор статьи, гарантирующей свободу плавания нейтральных государств в мирное и военное время через Отрантский пролив для обеспечения свободы сообщения Сербии с Салониками. В ответ Сазоновым была отправлена Трубецкому следующая телеграмма от 21 января/3 февраля 1915 г. № 375:

«Включение в будущий мирный договор статьи, обеспечивающей свободу плавания нейтральных чрез Отрантский пролив, представляется излишним и даже опасным, так как свобода плавания чрез проливы, соединяющие открытые моря, всегда предполагается; оговариваются обыкновенно ограничения этой свободы, как, например, в вопросе о проходе военных судов чрез Босфор и Дарданеллы. С другой стороны, Отрантский пролив настолько широк, что даже в случае утверждения Италии на албанском побережьи, он не может рассматриваться как итальянское территориальное море. Поэтому свобода движения по Отрантскому проливу должна существовать совершенно независимо от того режима, который Россия установит для плавания по ее будущим территориальным водам — Босфору и Дарданеллам».

первого испуга перед размером наших требований г. Делькассэ мало по малу пришел в сознание о необходимости на них согласиться, это произошло, очевидно, не вследствие тех или иных представленных ему документов, а потому, что он понял, что Россия стоит перед разрешением одной из величайших ее исторических и национальных задач и что малейшее сомнение у нас в готовности Франции помочь нам в этом деле может самым серьезным образом отразиться на союзнических отношениях. Я имею сведения о том, что формула французского ответа [1]) на Вашу памятную записку была исторгнута им не без труда от совета министров, крайние элементы коего, мало вообще сочувствующие России и зараженные политическим доктринерством, отнеслись к нашим пожеланиям отрицательно. Обещав нам свое содействие к выполнению нашей программы в смысле фактического владения нами Константинополем и Проливами в намеченных Вами пределах, г. Делькассэ, без сомнения, сосредоточит все свои усилия на установлении гарантий для свободы международной торговли и обеспечения экономических интересов Франции; при последнем свидании со мною он сказал мне, что вопрос этот подвергнут в министерстве иностранных дел тщательному изучению и что он не преминет представить Вам соответствующую формулу; нет сомнения, что формула эта будет выработана совместно с лондонским кабинетом; при этом следует ожидать, что будет сделана попытка подчинить Проливы контролю какой-либо международной организации на подобие дунайской комиссии. Я уже позволил себе высказать Вам мое личное мнение, что достигнув в принципе благополучного разрешения вопроса о владении Константинополем и Проливами, было бы выгоднее покуда не приступать к переговорам о коммерческих и экономических гарантиях; этот последний вопрос будет гораздо легче разрешить сообразно с нашими видами, если мы фактически утвердимся на обоих берегах Босфора и окажемся в роли «beati possidentes». Это наводит меня на некоторые соображения о том положении, которое возникнет после форсирования Проливов и занятия Константинополя союзническими силами; к величайшей моей радости, я заключаю из Ваших телеграмм и из того, что сообщает из Петрограда Палеолог, что у нас решено принять в этих событиях подобающее нашему достоинству и нашим интересам материальное участие [2]); по имеющимся здесь сведениям, операция форсирования Дарданелл, которую предполагалось закончить в три или четыре недели, является крайне сложным предприятием и может затянуться на гораздо более продолжительное время; десантный французский отряд, численностью приблизительно в 20.000 человек, сосредоточивается в настоящее время в Бизерте под начальством генерала д'Амада (général d'Amade) и будет посажен на суда в зависимости от хода морских операций; таким образом, в нашем распоряжении окажется достаточно времени, чтобы, со своей стороны, окончить наши приготовления и развить в надлежащий

---

[1]) См. стр. 268.

[2]) Документы, относящиеся к участию России в операциях на Проливах, публикуются нами во II томе настоящего издания.

срок наши морские и сухопутные операции. Можно надеяться, поэтому, что если не мы первые займем Константинополь (что было бы идеальным решением вопроса), то, во всяком случае, что занятие это последует при нашем непосредственном участии. При этом, смешанная оккупация города и его окрестностей вызовет ряд крайне сложных вопросов, о разрешении коих, мне кажется, необходимо подумать заранее. На некоторые из этих вопросов, финансового и экономического характера, я уже счел долгом обратить Ваше внимание по телеграфу, ибо мне известно, что французское правительство тщательно в этом отношении готовится и уже наметило подходящий персонал. Покуда, кроме этого технического персонала, к генералу д'Амаду прикомандировываются 2 молодые дипломата, служившие при французском посольстве в Константинополе. Но, вслед за сим, я полагаю, что туда будет послано более крупное лицо, вероятно, из числа бывших послов, и мне кажется, что нам следовало бы наметить заранее и нашего верховного комиссара из той же категории лиц и, во всяком случае, по рангу и значению не ниже французского. Начальник французского экспедиционного корпуса генерал д'Амад имеет репутацию не только выдающегося военного, но и человека весьма приятного и обходительного; он лично известен государю императору, при особе коего он имел счастье состоять в один из приездов его величества во Францию. Я только что получил известие, что мой сын, который, после 4-х месячной службы на фронте, в течение последних двух месяцев работал в главной квартире при нашем военном агенте, произведен в чин «аджюдант» [1]) и назначен сопровождать генерала д'Амада в качестве переводчика. Я, конечно, очень радуюсь, что молодому человеку выпало счастье участвовать в этом знаменитом событии, но, кроме того, я думаю, что он может оказаться очень полезным для сношений между начальниками русских и французских войск, ибо, по всеобщим отзывам, он обладает нужными для этого познаниями и навыком.

В заключение не могу еще раз не вернуться к вопросу о Вашем личном свидании с Делькассэ и Грэем. Я все еще не теряю надежды, что Вы найдете возможным, раньше или позже, осуществить этот план. Свидание это кажется мне в высшей степени желательным не только для успешного завершения соглашения о Константинополе и Проливах (на этом пути могут еще возникнуть серьезные затруднения), но также и для выяснения многих других назревающих громадной важности вопросов. В лице Делькассэ мы, конечно, имеем вполне надежного друга и сторонника; я вижусь с ним к а ж д ы й д е н ь и отдаю полную справедливость его прямоте и приверженности к нашим интересам; но я нередко обращал Ваше внимание на некоторые другие течения среди французских политических деятелей, а недавний инцидент с г. Гэдом и Самба [2]) указывает на существование в самом французском пра-

[1]) Написание подлинника.

[2]) Извольский имеет в виду инцидент, разыгравшийся во французских политических кругах в связи с участием двух министров кабинета Вивиани, Гэда и Самба, в межсоюзнической социалистической конференции, созванной в Лондоне в феврале 1915 г. Конференция, кроме общего решения о скорейшем окончании войны, высказалась в пользу плебисцита в Эльзас-Лотарингии и образования неза-

вительстве весьма ненадежных элементов. Когда, с помощью всевышнего, будет побежден общий враг и зайдет речь об условиях мира, элементы эти могут приобрести нежелательное для нас значение. Необходимо заранее, хотя бы в общих чертах, наметить разрешение главнейших вопросов, по которым между Францией и нами может возникнуть разногласие (судьба Австрии и Польши, раздел азиатских владений Турции и т. д.). Лишь министр иностранных дел имеет достаточный авторитет, чтобы отвести каждому отдельному вопросу надлежащее место в связи с высшими государственными интересами России и подкрепить свои требования надлежащими аргументами. Я убежден, что нескольких дней Вашего пребывания в Париже будет достаточно, чтобы установить между Вами и Делькассэ полное соглашение по всем главным предметам. В случае, если бы Вы решились приехать сюда, я, конечно, надеюсь, что Вы остановитесь в посольстве в знакомом Вам помещении. (Разве, если французское правительство непременно пожелает иметь Вас своим гостем). Самым удобным временем были бы наши пасхальные вакации, которые в этом году совпадают с западно-европейскими, ибо это, может быть, облегчило бы приезд сюда Грэя.

Примите, милостивый государь, и пр.

Извольский.

LXXX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

1/14 марта 1915 г.

№ 178.

Лично.

Вчера на обеде у меня Грэй сказал мне, что текст телеграммы Бьюкенену о Константинополе до ее отправления был показан Ландсдоуну, Бонар-Лоу и Бальфуру [2]), которые не высказали никакого возражения. Грэй просит меня считать это сообщение весьма конфиденциальным, в виду конституи-

---

висимой Польши и осудила реакционную политику русского правительства в финляндском и еврейском вопросах. Получив сведения о принятых конференцией решениях, Извольский 3/16 февраля посетил французского министра иностранных дел Делькассэ, с которым имел продолжительную беседу. В этой последней он указал, что инцидент с Гэдом и Самба «произведет в Петрограде самое тяжелое впечатление и может лишь послужить на пользу врагов русско-французского союза» (Телеграмма Извольского от 3/16 февраля 1915 г., № 169). Инцидент был ликвидирован речью в палате депутатов Вивиани, подтвердившего «неизменность и определенность позиции», занятой кабинетом, и приветствовавшего «благородных союзниц Франции, Россию и Англию», от имени французского народа.

[1]) Перев. с фр.

[2]) Лансдоун, Бонар-Лоу и Бальфур — все трое члены консервативной партии — являлись в этот момент лидерами оппозиции в верхней и нижней палатах. Как известно, консервативная партия, в эпоху, предшествовавшую мировой войне, особенно настаивала на сохранении status quo на Проливах и высказывалась против притязаний России на Константинополь.

ционных традиций о сохранении в секрете заседаний кабинета, а также в виду ответственности министров. Тем же [весьма конфиденциальным] образом Грэй довел до моего сведения, что никакое ограничение суверенных прав России, — касалось бы оно одного из берегов, или вопроса о нейтрализации и прав укрепления, — никогда не подвергалось рассмотрению, за исключением пункта о свободе торговли, так как кабинет вполне отдает себе отчет, что всякое ограничение этого рода, ослабляя необходимые России гарантии, сделало бы их недостаточными. Единственное, возникающее затруднение — высказаться по этому вопросу раньше и независимо от тех вопросов, которые касаются будущей судьбы других провинций Турецкой империи.

Бенкендорф.

LXXXI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1226. 5/18 марта 1915 г.

23 февраля (8 марта) французский посол от имени своего правительства заявил мне [1]), что Франция готова самым благожелательным образом отнестись к осуществлению изложенных в моей телеграмме к Вам № 937 [2]) пожеланий наших в отношении Проливов и Константинополя, за что я поручил Вам выразить Делькассэ мою признательность. В своих разговорах с Вами Делькассэ и ранее неоднократно высказывал уверения, что мы можем рассчитывать на сочувствие Франции и ссылался лишь на необходимость выяснения отношения Англии, со стороны которой он опасался возражений, прежде чем дать нам в означенном смысле более определенное заверение.

Ныне великобританское правительство письменно выразило полное свое согласие на присоединение к России Проливов и Константинополя [3]), в пределах нами указанных, и выговорило при этом лишь обеспечение своих экономических интересов, а также подобное же благожелательное отношение наше к политическим домогательствам Англии в других областях.

Для меня лично, преисполненного самого широкого доверия к Делькассэ, полученного от него уверения вполне достаточно, но для императорского правительства желательны более точные заявления о согласии Франции на полное удовлетворение наших пожеланий, подобно тому, как это сделало великобританское правительство [4]).

Сазонов.

---

[1]) См. стр. 268.

[2]) См. прим. 2 на стр. 252.

[3]) См. стр. 274 — 275.

[4]) Опубликовано в «Известиях центр. исп. ком. и петр. сов. раб. и солд. деп.», 221 от 10/23 ноября 1917 г., и в «Правде», № 186 от 11/24 ноября 1917 г.

LXXXII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 143. 5/18 марта 1915 г.

За последнее время вследствие принятых мер и согласно Вашему желанию большинство здешних газет совершенно воздерживаются от обсуждения вопроса о Константинополе и Проливах. Немногие газеты, которые затрагивают этот вопрос, высказываются в желательном для нас направлении. Особенного внимания заслуживают статьи известного социалиста-радикала Гюстава Эрвэ в газете «Guerre Sociale», обыкновенно крайне враждебной России. В газетах этих прямо указывается на необходимость предоставить Константинополь и Проливы в полное и безраздельное владение России. Сегодня все газеты печатают выдержки из статьи князя Евгения Трубецкого в «Русских Ведомостях» [1]), которые своей ясностью и определенностью, несомненно, окажут на здешнее общественное мнение самое положительное влияние.

Извольский.

---

[1]) Статья кн. Е. Н. Трубецкого «Константинополь и Проливы» в № 49 «Русских Ведомостей» от 1/14 марта 1915 г. Приводим из нее наиболее характерные места: «Есть только одно единственное решение, которое соответствует нашим государственным интересам. Константинополь и Проливы должны быть русскими. Всякое другое решение вопроса для нас неприемлемо, потому что оно влечет за собой не улучшение, а ухудшение нашего положения по сравнению с тем, какое существовало до начала войны. Когда началась бомбардировка Дарданелл, часть французской печати заговорила о нейтрализации Проливов. Я убежден, что эти суждения дружественной нам печати сами собой изменятся, как только она ознакомится с теми опасностями, какие сулит нам нейтрализация. Понимаемая в точном значении слова, она означает право прохода не только торговых, но и военных судов всех стран через Проливы... Даже простое оставление Проливов в руках слабой Турции было бы лучше этого решения... Вопрос о том, кто нанесет Турции последний решающий удар и кто собственно возьмет Константинополь, — русская армия или флот наших союзников, — тут не может иметь значения. Когда пробьет вожделенный час нашей общей победы, она должна рассматриваться во всех своих частях, как общая. Теперь, более чем когда-либо, Россия доказала свое бескорыстие. Пусть же эта война приведет к обеспечению ее собственной независимости. Ведь, именно как вопрос о независимости России ставится теперь вопрос о Проливах. Совершенно очевидно, что нейтрализовать их значит создавать для нас полную зависимость — и экономическую, и политическую — от доброй воли Германии... Россия может и должна взять на себя обязательство давать свободный пропуск в Мраморное и Черное море торговым судам всех стран. Но она должна иметь возможность силой оружия воспрепятствовать плаванию в тех же морях военных судов всякой другой державы. Другого решения быть не может».

LXXXIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма [1]).

№ 1265. 7/20 марта 1915 г.

Ссылаясь на меморандум здешнего великобританского посольства 12 марта [2]), благоволите высказать Грэю глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о Проливах и Константинополе согласно желаниям России. Императорское правительство вполне оценивает чувства великобританского правительства и уверено, что искреннее признание обоюдных интересов обеспечит навсегда прочную дружбу между Россией и Великобританией. Дав уже обещания касательно условий торговли в Проливах и Константинополе, императорское правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров, ни следующих из России, ни идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через Проливы коммерческих судов.

Дабы облегчить предпринятый союзниками прорыв через Дарданеллы, императорское правительство готово способствовать привлечению к этому делу, на разумных началах, тех из государств, содействие коих представляется полезным Великобритании и Франции.

Императорское правительство вполне разделяет мнение великобританского правительства, что священные мусульманские места должны и впредь оставаться под независимым мусульманским владычеством. Желательно выяснить теперь же, имеется ли в виду оставить местности эти под властью Турции, с сохранением за султаном турецким звания халифа, или же предполагается создать новые самостоятельные государства, так как лишь в связи с тем или другим положением императорское правительство в состоянии будет формулировать свои пожелания. Со своей стороны, императорское правительство считало бы весьма желательным отделение халифата от Турции. Свобода паломничества должна быть, конечно, вполне обеспечена.

Императорское правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии. При этом, оно считает, однако, справедливым выговорить, чтобы районы городов Исфагани и Иезда, составляющие с последними одно неразрывное целое, были закреплены за Россиею, в виду создавшихся там русских интересов.

Нейтральная зона ныне врезывается клином между русской и афганской границей и подходит к самой русской границе у Зульфагара. Поэтому придется часть этого клина присоединить к русской сфере влияния.

---

[1]) 9/22 марта аналогичного содержания памятная записка была вручена Сазоновым великобританскому и французскому послам в Петрограде.

[2]) Текст меморандума см. стр. 275.

Существенную важность представляет для императорского правительства вопрос о железнодорожном строительстве в нейтральной зоне, каковой потребует дальнейшего дружественного обсуждения.

Императорское правительство рассчитывает впредь на признание за ним полной свободы действий в отмежеванной ему сфере влияния, с предоставлением ему, в частности, права преимущественного развития в этой сфере его финансовых и экономических начинаний.

Наконец, императорское правительство считает желательным одновременное разрешение и вопросов в сопредельном с Россией северном Афганистане в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий в предшествовавших в минувшем году переговорах [1]).

Сазонов [2]).

LXXXIV.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

Сэр Эдуард Грэй полагает, что взгляд, высказанный недавно его императорским высочеством великим князем верховным главнокомандующим г. Палеологу относительно участия [в войне] Румынии и Италии, делает для него существенным получение им немедленно полномочия вести переговоры в благожелательном тоне, как то было предложено им маркизу Империали.

Сэр Эдуард Грэй полагает, что три союзных державы должны при первом благоприятном случае дать Болгарии и Румынии, которые, несомненно, проявят интерес к будущей судьбе Проливов и Константинополя, заверение в том, что в случае, если Проливы будут открыты для русских военных судов, они также будут открыты и для румынских и болгарских [военных судов], и будут свободны для торговли. Хотя это заверение собственно должна

---

[1]) Весной 1914 г., во время происходивших в Петербурге англо-русских переговоров, российским министерством иностранных дел были высказаны следующие пожелания: a) признание афганским эмиром англо-русского соглашения 1907 г., b) обязательство со стороны великобританского правительства не допускать никаких иностранных предприятий или концессий в северном Афганистане; c) содействие к осуществлению необходимых для России ирригационных работ в пограничных областях Афганистана; d) обязательство не допускать монопольных прав по торговле и промышленности в пользу английских компаний; e) обязательство не допускать железнодорожного строительства в северном Афганистане без предварительного соглашения с Россией. Взамен этого российское правительство выражало готовность признать специальные права Великобритании в Тибете (Дело архива б. министерства иностранных дел «Русско-афганские отношения. Переговоры с Англией о Тибете и Афганистане»).

[2]) Опубликовано в «Известиях центр. исп. ком. и петр. сов. раб. и солд. деп.», № 221 от 10/23 ноября 1917 г., в «Правде», № 186 от 11/24 ноября 1917 г., и в «Разделе Азиатской Турции», стр. 131.

[3]) Перев. с англ.

была бы сделать одна Россия, сэр Эдуард Грэй придерживается мнения, что, вероятно, лучше было бы для всех трех союзников высказаться одновременно, чтобы не выдать соглашения, к которому они пришли по вопросу о Проливах и Константинополе.

В отношении Болгарии, сэр Эдуард Грэй полагает, что ей следовало бы сделать сообщение в том смысле, чтобы она, наконец, высказалась, желает ли она принять участие в войне на стороне союзников на условии предоставления ей границ, установленных договором 1912 г., включая Монастырь и линию Энос — Мидия [1]).

20 марта 1915 г.

LXXXV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 157. 7/20 марта 1915 г.

Ваша телеграмма № 1226 [2]) получена.

Передал о Вашем желании Делькассэ, который сказал мне, что, насколько ему известно, заявление, сделанное Вам по его поручению Палеологом, было вполне тождественным с тем, которое Вы получили от великобританского правительства. Не будучи знаком с текстом последнего, я мог ответить ему лишь, что английское сообщение было сделано на письме, а французское только устно, и что это может произвести у нас неблагоприятное впечатление. Делькассэ ответил мне, что лично он не видит никаких препятствий к тому, чтобы облечь свое заявление в письменную форму, но что окончательный ответ он даст мне дополнительно, очевидно, по обсуждении дела в совете министров.

Извольский.

LXXXVI.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [3]).

№ 313 и 318.

Г. Сазонов всецело разделяет мнение его превосходительства сэра Эдуарда Грэя, что обещания, данные союзными правительствами Болгарии и Румынии, обеспечивающие открытие Проливов для их военных судов, могли бы успокоить тревогу в этих двух королевствах. Г. Сазонов опасается, однако, что подобные уверения послужат для Румынии лишь предлогом, чтобы начать переговоры, непосредственным результатом которых будет только

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 248. Границы 1912 г. указаны в ст. 2 секретного приложения к сербо-болгарскому договору 1912 г. (Опублик. в № 2 «Сборника секретных документов из архива б. министерства иностранных дел», изд. Наркоминдела 1917 г., стр. 55).

[2]) См. стр. 282.

[3]) Перев. с фр.

отсрочка вступления ее в войну. Г. Сазонов полагает, поэтому, отложить предложенное его превосходительством сэром Эдуардом Грэем выступление до того момента, когда Румыния решится открыто и активно стать на сторону союзников, и придать этому выступлению форму сообщения, сделанного министрами иностранных дел представителям Румынии в трех столицах. Что касается Болгарии, то ей не следует делать никакого сообщения, так как она уже владеет выходом в Эгейское море.

8/21 марта 1915 г.

LXXXVII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1310. 9/22 марта 1915 г. (7 ч. 30 м. веч.).

Сообщается в Париж.

Срочная.

В виду уверенности Грэя, что румынскому посланнику, возвращающемуся из отпуска в Лондон, будет поручено осведомиться у него относительно будущих условий устройства Проливов, — я не возражаю против заявления министром иностранных дел, что Россия соглашается предоставить в будущем Румынии самое широкое обеспечение ее экономических интересов. В этом смысле я уже имел случай месяц тому назад высказаться перед румынским посланником.

Сазонов.

LXXXVIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1315. 10/23 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 1281 [1]) и 1226 [2]).

Французский посол заявил мне, что «императорское правительство может всецело рассчитывать на доброжелательное отношение правительства республики в деле разрешения вопроса о Константинополе и Проливах, сообразно с пожеланиями России. Этот вопрос.... найдет свое окончательное разрешение в мирном договоре, который должен быть обсужден сообща». Сравнивая это заявление с заявлением Бьюкенена: «Правительство его величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и Проливов», под понятными усло-

[1]) В телеграмме от 8/21 марта 1915 г. за № 1281 Сазонов просит Бенкендорфа переслать в Париж копии памятной записки великобританского посольства в Петрограде от 12 марта 1915 г. (см. стр. 274) и телеграммы его от 7/20 марта 1915 г. № 1265 (см. стр. 284).

[2]) См. стр. 282.

виями, что война будет доведена до конца и что пожелания Великобритании и Франции будут также осуществлены, — нельзя не отметить более утвердительного характера редакции английского ответа. Последний подтвержден в письменной форме меморандумом, в коем говорится, что ни одно из этих пожеланий «не будет содержать в себе ни одного условия, которое могло бы затронуть русское господство над территориями, описанными в русской памятной записке от 19 февраля/4 марта 1915 г.». Затем, указывая на желательность установления свободной гавани в Константинополе и свободы прохода коммерческим пароходам после занятия Константинополя, в том же меморандуме говорится: «Россия, когда она войдет в обладание Константинополем.....» Конец телеграммы.

Прошу принять соответствующие меры и ответить по телеграфу.

Сазонов.

LXXXIX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 168. 11/24 марта 1915 г.

Получил Ваши №№ 1281 и 1315.

Сегодня Делькассэ сказал мне, что, исполняя Ваше желание, он предписывает Палеологу сделать Вам, в письменной форме, такое же заявление о Константинополе и Проливах, как то, которое получено Вами от великобританского посла. На мое замечание, что памятная записка Бьюкенена была подтверждена особым меморандумом, Делькассэ ответил, что о существовании и содержании этого меморандума ему ничего не известно. Все еще не имея, к сожалению, полного текста сказанного меморандума, я сообщил ему выдержки из него, заключающиеся в только что полученной мною телеграмме № 1315.

Извольский.

XC.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 182. 15/28 марта 1915 г.

Согласно нашему желанию, французское правительство добросовестно старается путем цензуры, не допускать полемику по вопросу о Константинополе и Проливах и направлять общественное мнение в желательном для нас смысле. Тем не менее я не могу не отметить, что в некоторых здешних влиятельных кругах продолжают высказываться в пользу международного устройства Константинополя и нейтрализации Проливов. Подобное настроение вызывается целым рядом причин. Прежде всего необходимо иметь в виду громадные финансовые интересы Франции в Турции и влияние заинтересо-

ванных финансистов на французское правительство и печать; затем, как Вам известно, постоянные личные взгляды Пуанкарэ, все еще проникнутые вековыми традициями французской восточной политики, будут, вероятно чинить нам затруднения, даже вопреки воле правительства. Главную роль ь подготовке различных мероприятий в виду предстоящего занятия Константинополя играет Бомпар, от которого вряд ли можно ожидать благоприятного отношения к нашим интересам [1]). Но особенное значение имеет факт, что до сих пор вся тяжесть операции против Турции ложится на Францию и Англию, при чем как французы, так и англичане понесли уже тяжелые потери кораблями и людьми. С другой стороны, наше участие в общем предприятии ничем еще фактически не проявилось и здесь даже ничего пока неизвестно о наших военных действиях против Босфора и Константинополя. Все это вместе взятое может создать весьма невыгодную для нас обстановку, на что я считаю непременным своим долгом заранее обратить Ваше внимание. С своей стороны, я прилагаю все усилия, чтобы путем личных сношений с министрами, политическими деятелями и журналистами бороться с вышесказанными течениями. Но по глубокому моему убеждению, все эти усилия могут оказаться успешными лишь в том случае, если мы присвоим себе главную военно-морскую роль при занятии Константинополя. Сейчас англо-французские морские операции в Дарданеллах, как видно, принимают затяжной характер. Если бы мы могли воспользоваться этими операциями союзников и оказаться в положении «beati possidentes», это сразу изменило бы все обстоятельства в нашу пользу. Во всяком случае позволяю себе еще раз указать на настоятельную необходимость заранее выработать нашу программу мероприятий на случай смешанной оккупации Константинополя и наметить лиц, коим было бы поручено их выполнение, при чем весьма важно, чтобы Бомпару была противупоставлена личность, столь же авторитетная и сведущая в турецких делах.

Извольский.

XCI.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 475. 30 марта 1915 г.

Из Стокгольма № 69.

Я узнал от одного коллеги, который только что видел хорошо известного [. . . . .] [3]), весьма близкого с германским посланником, что последний

[1]) Бомпар был послом в Петрограде с 1902—1908 г.г.; отношение к нему Извольского объясняется, повидимому, самостоятельной позицией, занятой Бомпаром в 1905 г. С 1909 г. Бомпар был назначен послом в Константинополь, играл видную роль во всех переговорах с турецким правительством и считался убежденным туркофилом.

[2]) Перев. с англ.

[3]) В подлиннике пропуск одного слова.

распространяет в печати слух, будто бы Англия и Франция заключили сепаратное соглашение о Константинополе. Цель соглашения помешать переходу Константинополя во владение России. Цель таких слухов очевидна, и хорошо было бы получить опровержение для здешней печати.

XCII.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов посланнику в Стокгольме А. В. Неклюдову.

Телеграмма.

№ 1472. 18/31 марта 1915 года.

Сообщается в Париж и Лондон.

Благоволите опровергнуть известие из Берлина, напечатанное в «Svenska Dagblad», в статье «франко-английское соглашение против России», об обсуждении министром в Ставке отношения России к заключенному, будто бы, между Англией и Францией соглашению о судьбе Константинополя, долженствующего достаться Англии. Не только вопрос этот никогда не обсуждался, но и возникновения его не могло иметь места в виду тесной близости, существующей между тремя союзниками, исключающей всякую возможность сепаратных соглашений. Союзники сплочены в борьбе с общим врагом, старающимся напрасно внести между ними рознь путем сообщения такого рода заведомо неверных сведений.

Нератов.

XCIII.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1473. 18/31 марта 1915 года.

Ссылаюсь на мою телеграмму посланнику в Стокгольме № 1472.

Благоволите доверительно просить правительство, при коем Вы аккредитованы, опровергнуть со своей стороны существование соглашения, измышленного германскою печатью с очевидною целью породить в нашем общественном мнении сомнение в искренности наших союзников.

Нератов.

XCIV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 189. 19 марта/1 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 168 [1]).

Не откажите уведомить меня, сделал ли Вам Палеолог обещанное г. Делькассэ письменное сообщение по вопросу о Константинополе и Про-

[1]) См. стр. 288.

ливах, и если да, то считаете ли Вы таковое удовлетворительным. Я лишь сейчас получил из Лондона приблизительный текст английского меморандума по сказанному вопросу. Мне кажется, что было бы весьма полезно сообщить французскому правительству как этот меморандум, так и телеграмму, адресованную Вами Бенкендорфу от 7 марта за № 1265 [1]), в особенности, если бы оказалось, что сообщение Палеолога, буде таковое состоялось, недостаточно полно и определенно, и если бы Вы нашли желательным ныне же побудить Делькассэ войти, по примеру Грэя, в более подробное обсуждение предмета. — Прошу указаний.

Извольский.

XCV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1518. 21 марта/3 апреля 1915 г.

Ваша телеграмма № 189 получена.

Французский посол не получил до сих пор предписания сделать мне обещанное сообщение. Поэтому благоволите вызвать распоряжение министра иностранных дел Палеологу передать мне на письме заявление, составленное в столь же точных и определенных выражениях, как великобританская памятная записка, текст коей следует [2]): «В случае, если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах, как-то указано в нижеупоминаемом русском сообщении, правительство его величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и Проливов, текст коей был сообщен послу его величества его высокопревосходительством г. Сазоновым 19 февраля/4 марта сего года» [3]).

Сазонов.

XCVI.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

(С копии письма).

№ 1860. Ставка, 21 марта/3 апреля 1915 г.

Вследствие известной вашему высокопревосходительству телеграммы нашего посла в Париже касательно возникшего в неофициальных французских кругах течения в пользу разрешения вопроса о Проливах в нежелатель-

[1]) См. стр. 284.
[2]) См. стр. 274.
[3]) См. стр. 252.

ном для нас смысле, имею честь с доклада верховному главнокомандующему высказать Вам нижеследующие соображения, которые казалось бы необходимым сообщить гофмейстеру Извольскому в качестве оснований для защиты нашей точки зрения на этот вопрос.

Россией для овладения Проливами, действительно, пока затрачено, сравнительно с ее союзниками, мало усилий, но, во-первых, операция эта далеко еще не закончена и может в дальнейшем своем ходе потребовать значительно большего напряжения сил, к чему Россия в мере возможности и подготовляется; во-вторых, относительно слабое участие наших сил в данной операции естественно вызывается общей стратегической обстановкой на Проливах, предоставляющей больший простор действий отрядам, атакующим со стороны Дарданелл.

Вместе с тем казалось бы, что относительное количество сил союзников, совместно принимающих участие в той или другой части операций, какой по существу является операция на Проливах, в той мировой войне, которая ведется ныне всеми союзниками, отнюдь не может служить основанием для пропорционального этим силам распределения тех территориальных приобретений, к которым может привести удачный оборот дел данной частной операции.

Мерилом для большего или меньшего приобретения реальных выгод, достигнутых победоносным окончанием войны, может служить лишь совокупность усилий и жертв, проявленных и понесенных каждым из союзников на всех театрах военных действий ради достижения конечной общей цели; независимо того, распределение этих выгод должно вместе с тем быть сообразовано с теми жизненными интересами, ради которых борются вступившие в союз державы.

За истекший период войны Россией принесено очень много жертв ради общей пользы союзников и проявлено немало самопожертвования ради облегчения положения Франции на ее восточном фронте.

Ради облегчения этого положения, Россия начала преждевременное наступление в Восточной Пруссии [1]) и заставила этим немцев, оставивших с началом войны на нашем фронте, не считая второочередных войск, всего 9 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию, уже в августе перебросить с западного фронта на наш 4 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию.

Затем предпринятый нами, опять-таки ради облегчения положения наших союзников на западе и по их просьбе, перенос действий на левый берег Вислы, который пришлось связать с добровольным отказом от представлявшегося возможным и выгодным предварительного разгрома австрийских армий, заставил немцев перебросить в ноябре с их западного фронта на наш еще 8 пехотных и 5 кавалерийских дивизий.

---

[1]) Наступление 1-й и 2-й русских армий в сторону г.г. Кенигсберга и Мариенбурга в августе 1914 г. сыграло решающую роль для исхода сражения на Марне, так как вынудило германское командование перебросить на русский фронт 2 пех. корпуса и 1 кав. дивизию, предназначенных для усиления войск, наступавших на Париж.

Наконец, в январе вновь было переброшено с западного фронта на наш 2 полевых дивизии.

В общем за истекший период войны всего было переброшено немцами с их западного фронта на восточный 14 пехотных и 6 кавалерийских дивизий.

Кроме того, из числа вновь сформированных немцами дивизий за время войны были перевезены против России 8 дивизий.

Весьма характерным является то обстоятельство, что за истекший период войны число первоочередных, то есть полевых и резервных, германских дивизий, по сравнению с началом войны, увеличилось на нашем фронте с 9 пехотных и 1 кавалерийской дивизии до 31 пехотной [1]) и 7 кавалерийских, тогда как на западном фронте число первоочередных пехотных дивизий, считая и принявший участие в сухопутных действиях корпус морской пехоты, совершенно не увеличилось и осталось равным 72, а число кавалерийских дивизий уменьшилось с 10 на 4.

Таким образом, Россия решительно не допустила за минувший период войны усиления германских войск против Франции и Англии, дав этим возможность своим союзникам приобрести численное превосходство в силах.

Необходимо при этом отметить, что на ряду с постоянной переброской германских войск с западного фронта на наш, до сих пор не было еще ни одного случая, чтобы германская часть, появившаяся на нашем фронте, была переброшена на западный.

Россия крепко держит пред собою все то, что направляется противником против нее.

Одна приведенная справка о распределении германских сил к началу войны и теперь может служить ярким доказательством ценности услуг, оказанных союзникам Россией, которая поэтому имеет полное право рассчитывать, при благополучном окончании войны, на благоприятное ей разрешение вопроса о Проливах, вызываемого жизненными интересами России.

Но значение России в общей борьбе союзников станет еще более рельефным, если вспомнить, что Россия притянула на себя всю австро-венгерскую армию, силою, не считая ландштурма, до 46 пехотных дивизий, облегчив этим ведение переговоров с Италией и Румынией и отстранив новый удар против Сербии, и что Россия же нанесла уже грозный удар Турции на Кавказе под Саракамышем [2]), приведший к упадку духа последней, и по настоящее

---

[1]) Общее же число германских пехотных дивизий на нашем фронте, считая и ландверные, доходит ныне до 50. (Прим. подлинника).

[2]) Операции под Саракамышем были предприняты по инициативе Энвер-паши, вопреки желанию ген. Лимана ф.-Сандерса. Они преследовали цель овладения гор. Саракамышем, являющимся одним из опорных пунктов укрепленного Карского района. Первоначально сопровождавшиеся довольно крупными успехами и приведшие к занятию турецкими войсками гор. Ардагана, они закончились разгромом 3-й турецкой армии в сражениях при Ардагане и Саракамыше 1 — 3 января (н. ст.) 1915 г. В истории операций по овладению Проливами саракамышские бои являются важным моментом, так как русское верховное командование, стремясь облегчить тяжелое положение кавказской армии, обратилось с просьбой к союзникам произвести демонстрацию на любом из пунктов турецкого фронта. Но уже

время притягивает к себе на кавказском фронте свыше 200 батальонов турецкой армии, облегчая тем самым борьбу союзников не только в районе Дарданелл, но и в Египте и Месопотамии.

Прошу принять и пр.

Н. Янушкевич.

XCVII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 197. 23 марта/5 апреля 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 1518 [1]).

Когда я сказал Делькассэ, что Палеолог все еще не сделал Вам письменного сообщения о Константинополе и Проливах, он схватился за голову и, объяснив это исключительно собственной забывчивостью, еще раз обещался тотчас же Палеологу дать надлежащее предписание. Во избежание дальнейших недоразумений, я оставил ему заключающийся в Вашей телеграмме текст великобританской памятной записки.

Извольский.

XCVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 232. 24 марта/6 апреля 1915 г.

Получил № 1472 [3]).

Никольсон, осведомленный о немецком сообщении, появившемся в Стокгольме, уже предписал английскому представителю опровергнуть.

Бенкендорф.

после того, как бои под Саракамышем закончились победой русских войск, Англия уведомила о своем согласии и сообщила, что она в ближайшее время намерена предпринять операции по форсированию Проливов. (См. том II).

[1]) См. стр. 291.

[2]) Перев. с фр.

[3]) См. стр. 290.

XCIX.

Вербальная нота французского посольства в Петрограде на имя российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова [1].

№ 120.

Правительство республики дает свое согласие на памятную записку, переданную его превосходительством российским послом в Париже г. Делькассэ 6 марта с. г. [2], касающуюся Константинополя и Проливов, при условии, что война будет доведена до победного конца, и при условии осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке [3].

10 апреля 1915 г. [4].

C.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 639. 29 сентября/12 октября 1915 г.

Не могу скрыть от Вас, что возбуждение против России, вследствие сомнения в нашей готовности участвовать в военных действиях на Балканах [5], с каждым днем усиливается в здешних парламентских, газетных и даже правительственных кругах. С одной стороны, нас выставляют главными виновниками создавшегося на Балканах положения, вызванного будто бы нашей несговорчивостью по отношению к Румынии и систематическим пристрастием к Болгарии. С другой, — указывают, что отсутствие наших войск не только нанесло бы удар союзному престижу и историческому положению России среди балканских народов, но поставило бы и Францию, и Англию в самое невыгодное и опасное положение, внушив против них сказанным народам сомнение в единении союзников. Открывающемуся на Балканах новому фазису великой войны здесь придают громадное значение и считают,

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) 21 февраля/6 марта 1915 г. французскому министру иностранных дел Делькассэ был передан текст русской памятной записки от 19 февраля/4 марта 1915 г.

[3]) Текст памятной записки от 19 февраля/4 марта 1915 г., см. стр. 252.

[4]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 134.

[5]) Извольский имеет в виду наступление, предпринятое австро-германцами против Сербии осенью 1915 г. Несмотря на настоятельные требования союзников о посылке русского отряда в Сербию, Ставка не нашла для себя возможным согласиться на эту меру. Особенно против нее возражал начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Алексеев, указывавший, что лучшим решением вопроса была бы посылка итальянских войск в Салоники. (Письмо из Ставки Кудашева Сазонову от 22 сентября/5 октября 1915 г.).

что открытие австро-германцами пути в Константинополь, помимо того, что оно прекратит доступ к России, даст Австрии и Германии возможность получать в неограниченном количестве из Малой Азии продукты и людей. Поэтому общественное мнение громко требует, чтобы этому новому напору были противопоставлены соединенные усилия всех четырех союзных держав; в противном случае возникнет вопрос, может ли Франция, без уверенности быть поддержанной на Балканах, рисковать ослабить свои силы на главном своем фронте. Указывают на то, что Россия должна получить после войны за счет Турции наибольшие выгоды, и что, если она не будет участвовать в общем..., Франция и Англия должны будут пересмотреть свое решение касательно Константинополя и Проливов. Статья в этом смысле появилась в столь серьезном органе, как «Journal des Débats». — Сегодня некоторые влиятельные газеты опять высказывают, что ради спасения положения и привлечения Румынии, Россия должна пожертвовать частью Бессарабии [1]). Все это создает здесь крайне для нас неблагоприятную атмосферу и может серьезно отразиться на наших отношениях с Францией. Между прочим, на этой почве происходит ожесточенная кампания против Делькассэ и Палеолога, могущая кончиться их увольнением [2]).

Извольский.

---

[1]) По вопросу о Бессарабии приводим следующую телеграмму итальянского посланника в Бухаресте Фашотти министру иностранных дел Соннино от 19 ноября 1915 г. за № 159: «Стремления к территориальному расширению также и в сторону Бессарабии все более и более укореняются. Это связано с все возрастающей тенденцией присоединить к королевству также и с этой стороны национальную территорию, получив удовлетворение за акт насилия и несправедливости, которым она была отторгнута, а также с кампанией прессы, руководимой германофилами, во главе с г. Флева. Я обращаю также внимание вашего превосходительства на политические desiderata, о которых говорит ген. Крайничиано. Для г. Братиано вопрос о Бессарабии является также личным вопросом: четыре префектуры этой провинции были отняты у Румынии в то время, когда его отец был у власти. Однако, возможно, что он рассматривает этот вопрос также, как новый способ отсрочки вступления Румынии в войну. Одно доверенное лицо говорило об этом с королем Румынии. Его величество ответил, что Румыния не стремится приобрести более или менее обширную территорию, но не хочет подвергаться слишком большому риску. Его величество прибавил, что ему противно производить впечатление, что он торгуется. Это является новым основанием быть на стороже против иллюзий, вызванных сообщением, сделанным французским посланником в Бухаресте. Присутствие больших русских сил на румынской границе необходимо для того, чтобы гарантировать нас от неожиданности со стороны Румынии. Но этого недостаточно, чтобы заставить Румынию начать войну. Это будет зависеть не только от внутреннего положения Румынии, но в особенности от общего военного положения. Если дела будут итти так, как они идут теперь, Румыния не даст вовлечь себя в войну. Совершенно не важно, кто выступит с предложением — Франция или Россия, — так как здесь исходят из страха вторжения в страну австро-германцев. Я прошу ваше превосходительство сохранить в тайне все вышеизложенное».

[2]) 30 сентября/13 октября Делькассэ подал в отставку.

CI.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1999. 30 декабря 1915 г.

Доверительно.

Французский посол получил от своего правительства телеграмму относительно ноты, переданной российским послом в Париже. Нота заявляет, что Джемаль-паша предложил российскому правительству (заключить) соглашение, в силу которого он должен был стать владыкой всей Азиатской Турции [2]); взамен этого он содействовал бы удалению турок за пределы константинопольских оборонительных линий. Нота сообщает, что российское правительство одобрило это предложение, которое было сделано также и итальянскому правительству. Бриан заметил, что это предложение противоречит условиям соглашения относительно Турции, и поэтому оно неприемлемо для Франции и, вероятно, для Великобритании. Французское правительство отказалось обсуждать какое бы то ни было предложение, обусловленное сохранением владычества турок над Константинополем, и ожидало такого же отношения со стороны российского правительства, поскольку вопрос касается частей Турецкой империи, в которых Франция заинтересована.

Г. Сазонов, когда французский посол запросил его, в присутствии Линдлея [3]), заявил, что он получил телеграмму от Извольского, выражающую изумление французского правительства. Весь инцидент явился следствием ошибки. Джемаль сделал предложение одному тайному агенту российского

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) В ноябре-декабре 1915 г. армянский политический деятель доктор Завриев довел до сведения российского министерства иностранных дел, что между Джемалем-пашей и турецким правительством возникли трения, в результате которых Джемаль будто бы склонен вступить в переговоры с союзниками. В основу этих переговоров, по мнению Завриева, мог бы лечь проект создания независимой и неприкосновенной Азиатской Турции под главенством Джемаля, в качестве султана. В состав ее вошли бы Сирия, Палестина, Месопотамия, Аравия, Армения с Киликией и Курдистан. Со своей стороны, Джемаль должен был: 1) объявить низложенным константинопольское правительство и султана; 2) захватить вооруженной силой Константинополь; 3) отказаться от всяких притязаний на Константинополь и Проливы и 4) принять на себя дело снабжения армянского населения во время войны. Проект Завриева вызвал живой интерес в русских политических кругах, но был встречен весьма несочувственно во Франции, где в нем усмотрели попытку российского правительства освободиться от обязательств, принятых Россией в марте 1915 г. по отношению к Франции в вопросе о Сирии и Киликии. Что касается Англии, то здесь к проекту отнеслись недоверчиво и выдвинули свой собственный план переговоров с арабами, точнее с мекским шейхом Гуссейном-Ибн-Али (Документы о переговорах с Джемалем и арабами опубликованы в «Разделе Азиатской Турции», стр. 141 и сл.).

[3]) Советник великобританского посольства в Петрограде.

правительства для передачи его на рассмотрение последнего. В телеграмме, заключающей информацию для Парижа, ошибка при зашифровке создала впечатление, что проект был одобрен российским правительством. Г. Сазонов намеревался только осведомить французское правительство, что, по его мнению, предложение, если оно будет предано гласности, вызовет возбуждение в Турции. Я не сомневаюсь, что это справедливо.

CII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 948. 24 февраля/8 марта 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 6063 [1]), 1915 г.

На предстоящей конференции [2]) Вы могли бы руководствоваться следующими общими началами. — Заключенные между союзниками за время войны политические соглашения должны оставаться незыблемыми и пересмотру не подлежат. Сюда относятся наше соглашение с Францией и Англией о Константинополе и Проливах, Сирии и Малой Азии [3]), также Лондонский договор с Италией [4]). Всякие предположения о будущем размежевании Средней Европы в настоящую минуту преждевременны, но вообще нужно помнить, что мы готовы предоставить Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, рассчитывая, что, в свою очередь, союзники предоставят нам равную свободу в нашем разграничении с Германией и Австрией. Необходимо особенно настаивать на исключении польского вопроса из предметов международного обсуждения и на устранении всяких попыток поставить будущее Польши под гарантию и контроль держав. В отношении Скандинавских государств следует стремиться к удержанию

---

[1]) Телеграммой от 25 ноября/8 декабря 1915 г. за № 6063 Сазонов сообщает Извольскому о последовавшем согласии Николая II на назначение его представителем России в «предположенных совещаниях союзных министров» и передает ему свои инструкции.

[2]) Конференция в Париже продолжалась 3 дня (27—29 марта). Постановления ее сводились к следующим 4 пунктам: 1) конференция подтверждала полную солидарность во взглядах союзников как в вопросах политических, так и военных (объединение действий союзных войск на различных театрах войны); 2) союзные правительства соглашались «осуществить на практике в области экономической солидарность своих взглядов и интересов»; 3) было постановлено учредить в Париже постоянный союзный комитет для наблюдения за проведением в жизнь решений конференции и 4) конференция указала на необходимость организовать в Лондоне «центральное бюро по зафрахтованию судов и распределению между союзными державами на основах справедливости расходов по морскому транспорту».

[3]) Соглашение, заключенное в Ставке в марте 1915 г., о признании французских прав на Сирию и Киликию.

[4]) Лондонский договор с Италией 13/26 апреля 1915 г.

Швеции от враждебного нам выступления и вместе с тем заблаговременно обсудить меры к привлечению на нашу сторону Норвегии на случай, если бы не удалось предотвратить войну со Швецией. Румынии уже были предложены все политические выгоды, могущие побудить ее взяться за оружие, а потому изыскивать в этой области новые приманки совершенно бесполезно. Вопрос о вытеснении немцев с китайского рынка имеет весьма важное значение, но так как разрешение его невозможно без участия Японии, предпочтительно подвергнуть его обсуждению лишь на экономической конференции, где будут японские представители. Это не исключает желательности предварительного обмена мнений по сему предмету между Россией, Францией и Англией дипломатическим путем [1]).

Сазонов.

CIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Доверительное письмо.

№ 912. 16/29 августа 1916 года.

Секретною телеграммою от 26 июля /8 августа за № 562, я имел честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что состоявшаяся 6—7 августа н. ст. в Париже сессия национального совета французской объединенной социалистической партии отвергла большинством, приблизительно, двух третей голосов предложение о возобновлении прямых сношений с немецкими социал-демократами. В виду значительного влияния социалистов на внутреннюю политику Франции, считаю ныне долгом представить более обстоятельный отчет как об обстановке, при коей происходило указанное совещание, так и о значении принятых на нем решений, в связи с обще-политическим положением. Прежде всего следует заметить, что согласно уставу объединившейся в 1904 г. социалистической партии право принятия принципиальных решений принадлежит лишь годовым национальным конгрессам. Решения последних до следующего конгресса имеют обязательную силу как для постоянной административной комиссии партии, так и для политических ее представителей. В силу этого, в палате депутатов все члены социалисты обязаны голосовать единообразно и, официально, между ними не существует большинства и меньшинства. Что же касается происходящих в промежутках между конгрессами сессий национального совета, то последние, в сущности, не призваны изменять постановления конгрессов, а должны лишь разрешать внутренне-административные и дисциплинарные вопросы партии. Таким образом, в настоящее время впредь до следующего конгресса для социалистической партии теоретически обязательна резолюция конгресса декабря 1915 г. Резолюция эта, в общих чертах, сводится к следующим пунктам: участие в госу-

---

[1]) Опубликовано 10/23 ноября 1917 г. в «Известиях центр. исп. ком. и петр. сов. раб. и солд. деп.», № 221 и в «Правде», № 185.

дарственной обороне; участие в работе правительства в целях усиления обороны; отказ от возобновления сношений с немецкими социалистами впредь до образования в среде германской социал-демократии оппозиционного блока, определенно осуждающего вызванное Германией летом 1914 г. нападение и стремление ее силою установить свое господство над соседними национальностями. Равным образом, для партии обязательно принятое на декабрьском конгрессе определение целей войны, а именно: война оборонительная, а не наступательная; война за право и восстановление права (Эльзас-Лотарингия), без аннексий. Не подлежит, однако, сомнению, что со времени последнего конгресса в среде французских социалистов происходит заметная и притом довольно быстрая эволюция. Это сказалось уже на минувшей сессии национального совета в апреле сего года, когда меньшинство пыталось вызвать отмену резолюций декабрьского конгресса. Те же тенденции проявились и на нынешней сессии и придали прениям страстный и подчас бурный характер. Прежде всего следует сказать, что среди самого большинства партии за последнее время обнаружилось некоторое колебание относительно целесообразности участия социалистов в правительстве, хотя бы даже на время войны. По мнению других, поддержка, оказанная партиею правительству во время недавних секретных заседаний по вопросу об учреждении парламентского контроля над военными действиями, вряд ли отвечала интересам социалистов. С другой стороны, то же большинство смущено вопросом, соответствует ли приведенное выше определение целей войны видам нынешнего французского правительства. Оно желало бы получить на этот счет от г. Бриана определенное заявление. Вследствие этих колебаний, совет сразу разбился на два противных и даже резко враждебных лагеря. Следует отметить, что на заседаниях принимали участие министры Самба, Гэд и Альбер Тома. Г.г. Самба и Тома, при протестах меньшинства, был оказан весьма теплый прием. Когда по ходу прений зашла речь о России, министр публичных работ г. Самба в весьма энергических выражениях напомнил о самоотверженной роли наших войск, когда они в начале войны сознательно пожертвовали собою при нашествии в Восточную Пруссию и, отвлекая на себя часть армий ф. Клюка, не дали последним взять Париж. К баллотировке были предложены две формулы. Из них последняя, формула меньшинства, выставленная депутатом Мистраль, появилась в печати лишь на столбцах официального социалистического органа «Humanité». Принятая большинством резолюция возобновляет прежние патриотические заявления социалистической партии и подтверждает ее решимость всеми силами содействовать государственной обороне, впредь до освобождения занятых территорий и восстановления государственной независимости Бельгии и Сербии. Далее, протестуя против опасных течений, проявленных в Циммервальде и Кинтале, резолюция настаивает на праве государств обороняться в случае нападения и на необходимости, с точки зрения международного социализма, выяснить, какое правительство является виновником нападения и несет, таким образом, ответственность за войну. Что касается возобновления сношений с немецкими социал-демократами, то требуемые для сего, согласно принципам интернационала, установленные на конгрессе декабря 1915 г. условия, пока не

осуществлены. Требования эти заключались в отказе социал-демократов от идей империализма и политики завоеваний, в утверждении ими права народов и национальностей располагать собою и самостоятельно устанавливать свой статут, в выражении протеста против нарушения международных договоров и гарантированных Европою прав нейтральных государств, в выяснении ответственности за возникновение войны и признании необходимости установить гарантии для прочного мира и, наконец, в признании права обороны за пролетариатом страны, подвергшейся нападению, а равно обязанности для международного пролетариата оказать ему в этом содействие. В ожидании выполнения этих условий национальный совет постановляет созвать возможно скорее собрание социалистов союзных стран для выработки экономических и политических условий прочного мира. В заключение, совет выражает пожелание о получении со стороны правительства твердого и ясного заявления относительно целей войны для Франции. По мнению совета, деятельное и неослабное сотрудничество французского социализма в деле обороны дает ему право требовать, чтобы правительство ясно заявило о своем намерении добиться прочного мира, основанного на восстановлении попранного в 1871 г. права, на восстановлении независимости угнетаемых народностей, главным образом, Польши, на формальном отказе от аннексий и на принятии принципов правовых гарантий и международного посредничества. Необходимо также настоять на более энергической и совершенной постановке военной и дипломатической организации Франции и ее союзников. Формула меньшинства имела, напротив, определенный пасифистский характер. Она указывает на то, что длящаяся уже два года война убила и изувечила миллионы молодых людей и вызвала среди народных масс неописуемые бедствия и страдания и все возрастающее обеднение; что после войны пролетариату всех стран придется считаться не только с увеличивающеюся алчностью капитализма, но и с бременем, вызванным убытками войны; что сами народы стремятся к миру и лишь ответственные за войну правительства затягивают ее и упорно уклоняются от ясного определения ее целей. В виду сего, национальному совету предлагается: послать пролетариату всех стран выражение печали и сочувствия и надежды на социальный реванш; заявить о своей готовности попрежнему участвовать в государственной обороне, но, вместе с тем, действовать в смысле скорейшего заключения мира без аннексий; далее, дабы изыскать наиболее действительные средства для восстановления мира и достичь того, чтобы, при обсуждении условий будущих мирных трактатов, идеи и желания организованного социализма были приняты в должное внимание, предлагается заявить о готовности немедленно возобновить международные сношения социалистических партий, а пока созвать конгресс национальных секций союзных стран. Наконец, предлагается заявить, что обеспокоенный речью президента республики в Нанси (см. мою телеграмму от 2/15 мая, за № 324), [1]), совет, во избежание всяких недоразумений,

---

[1]) Приводим выдержку из речи, произнесенной Пуанкарэ в Нанси 13 мая 1916 г. «Неприятель ни прямо, ни косвенно не предлагал нам мира, но мы и не хотим, чтобы он предлагал нам мир. Мы хотим, чтобы он просил нас о мире.

требует от правительства публичного и безотлагательного заявления о целях войны как для Франции, так и для ее союзников, а равно благоприятного отношения союзников ко всякому возможному предложению медиации или арбитража. Формула эта была отвергнута, однако, лишь большинством 1824 голосов против 1075, при чем меньшинство, после баллотировки, покинуло зал заседания при звуках интернационала и отказалось участвовать в постатейном обсуждении формулы большинства. Это соотношение голосов и столь значительное возрастание оппозиции, естественно, произвели большое впечатление в стране. Умеренная печать не скрывает по этому поводу некоторую тревогу. Газета «Temps», находя результаты национального совета сравнительно удовлетворительными, все же отмечает, что ни та, ни другая из предложенных формул не содержали в себе категорического осуждения германской политики в ее совокупности, и восстает против тезиса, будто факт содействия государственной обороне, — одинаково обязательного для всех во время войны, — может создать для социалистической партии особые права при обсуждении условий будущего мира. «Journal des Débats» указывает на то, что, хотя попрежнему остаются в силе и даже более определенно формулируются прежние заявления социалистической партии, однако, последний совет обнаружил быстрое возрастание организованной и весьма активной оппозиции: на предшествующем конгрессе социалисты, стоявшие за возобновление сношений с немецкой социал-демократией и за созыв международной социалистической конференции для обсуждений способов наискорейшего приостановления войны, насчитывались единицами; теперь им принадлежит более одной трети мандатов. Правда, как указывает Гюстав Эрвэ, издатель синдикалистского органа «La Guerre Sociale», который со времени войны примкнул к принципам «Union sacrée» и переименовал свою газету в «La Victoire», социалистическая партия уже два года находится в траншеях, и настоящая баллотировка отражает не столько взгляды самой партии, сколько оставшихся в местных группах профессионалов партийной политики. С другой стороны, министр социалист Самба высказал намерение большинства энергически бороться в среде партии с представителями циммервальдизма, которые, по его словам, проявляют больше снисхождения к немцам, чем к самим французам. Все же нельзя скрыть факта образования между социалистами серьезного раскола, обострение коего грозило бы даже распадением партии. Значение этого возможного распадения обсуждается здесь различно. Одни считают, что оно развяжет руки правительственному большинству социалистической партии, которое часто действует в настоящее время в силу стремления к компромиссу: говорят, что именно из этих соображений в резолюцию вписано пожелание, чтобы правительство высказалось о целях войны; без этого резолюция собрала бы значительно меньше голосов. Другие справедливо указывают, что выделение

Мы не хотим подчиняться его условиям. Мы хотим принудить его подчиниться нашим условиям. Мы не хотим мира, который позволит императорской Германии снова начать войну и который подвергнул бы Европу вечной угрозе. Мы хотим мира, который почерпнет в восстановленном праве серьезные гарантии равновесия и устойчивости».

меньшинства в самостоятельную группу может придать его пропаганде значительно больше активности. — Как видно, хотя бы из речи депутата Мистраля, часть социалистов, добиваясь заявлений правительства о целях войны, желает получить разъяснения не только о целях, преследуемых Францией, но и о целях, преследуемых всеми союзниками. Резолюция большинства требует независимости Польши и высказывается против аннексий вообще (присоединение Эльзаса-Лотарингии считается восстановлением попранного права). Резолюция же меньшинства прямо говорит о русских империалистических тенденциях. Под этим подразумеваются прежде всего притязания на Константинополь, а затем также на австрийские и германские территории, если только таковые не войдут в самостоятельную Польшу. Эти части резолюции отчасти объясняются действительной боязнью того, что требования России затянут войну, а отчасти близкой связью французской социалистической партии с польскими и русскими крайними элементами. Французское правительство, конечно, внимательно следит за этими течениями в среде социалистов. При этом нельзя не отдать ему справедливости, что при всем своем желании избегать открытого столкновения с частью партии, которая решила оказывать ему поддержку во время войны и из рядов коей вышел когда-то сам г. Бриан, правительство все же весьма твердо и умело удерживает общественное мнение и особенно печать от идеологических увлечений, могущих вредно отозваться на союзнических отношениях с Россией, как, например, в вопросах о Польше и о Константинополе. В здешних правительственных кругах вполне ясно сознается, что искренность и неизменность этих отношений являются для Франции первостепенным условием благополучного окончания настоящей войны.

Примите и проч.

Извольский.

CIV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 969. 16/29 декабря 1916 года.

Газеты горячо приветствуют высочайший приказ по войскам и, в частности, высокомилостивые слова о Польше [1]). Словам этим придается особое значение в связи с выступлением Вильсона [2]), так как благодаря им устра-

---

[1]) Имеется в виду приказ Николая II от 12/25 декабря 1916 г. по армии и флоту, изданный в связи с мирными предложениями центральных держав. Приводим из него слова, касающиеся Польши и Проливов: «Достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и Проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей — еще не обеспечено. Заключить ныне мир — значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские русские войска и флот».

[2]) В декабре 1916 г. правительства Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии обратились через посредство президента С.-А. С. Штатов Вильсона к державам антигерманской коалиции с предложением вступить с ними в мирные пере-

няется единственное препятствие к категорическому заявлению, что союзники борются за проведение принципа национальностей и за ограждение прав мелких народов, угнетенных доселе нашими врагами. Французская публика, повидимому, окончательно убедилась в необходимости уступки нам Константинополя и Проливов. Социалистическое меньшинство, которое еще не примирилось с этой мыслью, указывает, за неимением лучших аргументов, что наши вожделения затягивают войну. На это здравомыслящая часть социалистической прессы указывает, что отнять у наших неприятелей Константинополь не труднее, чем Эльзас и Лотарингию или Трентино и Триест. Кроме того, как мне известно, сильными доводами в распоряжении здравомыслящего большинства является в частных спорах ссылка на весьма определенное положение, занятое в этом вопросе нашими либеральными и радикальными кругами; их беседы в Париже прошлым летом [1]) произвели на здешние крайние круги сильное и весьма полезное впечатление, результаты коего сказываются ныне, между прочим, по случаю социалистического съезда, о коем доношу особо.

Извольский.

говоры (Нота представителей С.-А. С. Штатов союзным правительствам от 6/19 декабря 1916 г.). Союзники ответили отказом, сославшись на то, что центральные государства не формулировали своих условий. (Нота от 17/30 декабря 1916 г.). 10/23 декабря к обеим сторонам с мирными предложениями обратился президент Вильсон. Союзные державы, однако, указали на невозможность заключить прочный и обеспечивающий репарации мир, формулировав в пункте 9-ом ответной декларации, свои цели войны: 1) восстановление Сербии, Черногории и Бельгии и уплату им репараций; 2) эвакуацию оккупированных областей России, Румынии и Франции, также с уплатой репараций; 3) реорганизация Европы на основах признания прав великих и малых народов, способных обеспечить их безопасность и свободное экономическое развитие; 4) возвращение областей, отторгнутых у народов антигерманской коалиции силой (итальянских, румынских и чехо-словацких провинций Австро-Венгрии); 5) уничтожение турецкого господства в Европе; 6) признание будущего устройства Польши на основе декларации российского правительства от 2/15 ноября 1916 г. (Нота союзных держав С.-А. С. Штатам от 28 декабря 1916 г./10 января 1917 г.)

[1]) Поездка русской парламентской делегации за границу весной и летом 1916 г.

III.

Отношение Италии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1915—1916 г.г.

§ 1. Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с выступлением Италии, 1915 г.

CV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 104. 4/17 февраля 1915 г.

Генерал Гарибальди [2]) пришел ко мне вчера. По его словам, общественное мнение не позволит итальянскому правительству сохранить нейтралитет; к тому же правительство теперь благоприятно настроено, но Италия может выступить только тогда, когда она будет иметь два миллиона людей под ружьем. Общественное мнение не согласится на простую финансовую субсидию, но может быть принята форма государственного займа. Он мне сказал, что не предвидит никаких серьезных затруднений между Италией и Югославией. Италия не добивается ни Далмации, ни расширения территории за Валоной, где греки останутся хозяевами. Он мне сказал, что не может быть вопроса.... о благоприятном мире до полного разгрома Германии. Затем он поднял вопрос о Средиземном море и сказал мне, что нейтрализация этого моря является решением вопроса. Он говорил потом со мной о Константинополе, сказав, что раздел Турции неизбежен, что Россия может распространиться в Армении и Малой Азии, что Проливы должны стать свободными и что проще всего было бы по историческим и религиозным соображениям возвратить Константинополь Греции. Я ему ответил, что мы специально заинтересованы в судьбе армянского народа и не забудем об этом. Я при-

[1]) Перев. с фр.

[2]) Ген. Гарибальди прибыл в Париж 8 февраля 1915 г. Отсюда он проехал в Лондон.

бавил, что должен его предупредить, что никогда Россия не допустит, чтобы Константинополь попал в руки какой-либо другой независимой державы, ни большой, ни малой, что русское общественное мнение окончательно определилось по этому вопросу и что таким образом, по моему личному мнению, единственное решение предуказано. Я прибавил, что русское общественное мнение по этому поводу так сильно и ярко выражено, что противодействие вызовет величайшие осложнения. Я ему сказал, что, учитывая большое влияние, которое он мог бы иметь в Италии как сам, так и через те же гарибальдийские элементы..., я весьма рад, что он дал мне случай высказать свое личное мнение по этому вопросу, которое, однако, отвечает, я уверен, русским пожеланиям. Генерал мне ответил, что он не знал, что возбуждение в России [по этому поводу] столь сильно, что все его политические принципы основаны на уважении к общественному мнению, формулированному ясным и законным образом, что он меня благодарит и примет во внимание мои слова в своей будущей политической деятельности. Я повторил, что я ему это очень настойчиво советую, потому что всегда опасно предлагать на общественное обсуждение проекты и возбуждать вожделения, которые не имеют никакого шанса на благоприятное разрешение. Он с этим согласился.

Бенкендорф.

CVI.

Итальянский посол в Петрограде марк. А. Карлотти министру иностранных дел бар. С. Соннино.

Шифрованная телеграмма [1]).

26 февраля 1915 г.

Телеграмма-кабинет-№ 41.

Лично. Для министра.

Мне известно, что на одном собрании кадетской партии, недавно имевшем место в Москве, лидер ее Милюков, будто бы, говорил о существовании между державами Тройственного Согласия секретного договора, решающего вопрос о Проливах сообразно с русскими пожеланиями. Позднее Милюков в своей думской речи также высказался за «обладание» Проливами [2]). Он прибавил, что при таком решении вопроса Болгария ограничится только оговорками о соблюдении ее экономических интересов.

Я попытался проверить основательность сообщенных Милюковым своим друзьям сведений.

Вспоминаю, что в статье, появившейся вчера в органе кадетской партии по поводу франко-английских операций у Дарданелл, говорится только об известной гармонии, наблюдающейся у союзников по этому вопросу и подчеркивается своевременность начала дипломатических переговоров с Болгарией и Румынией, где царит некоторая «нервность».

---

[1]) Перев. с итал.

[2]) См. прим. 1, на стр. 240.

С другой стороны, разнообразные и надежные источники согласно говорят, что Великобританией по отношению к России в вопросе о Проливах не было принято никакого определенного обязательства. Хотя другие и считают, что между Петроградом и Лондоном недавно начаты переговоры, вызванные возможностью активного сотрудничества России с союзниками в форсировании Проливов, но мне кажется, что, со своей точки зрения, Великобритания предпочла бы затянуть эти переговоры и действовать при взятии Дарданелл своими собственными силами: это помешает России, с момента обеспечения успеха, ослабить свои усилия на других театрах войны, где должна решиться общая судьба кампании.

Поскольку это касается королевского правительства, Сазонов не сделал ни одного намека на этот счет. В одной из бесед он только раз или два заметил самым общим образом, что существует полное согласие с союзниками по этому предмету и заявил, что вполне верит в благоприятное отношение Италии к решению вопроса в желательном для России смысле. Что касается самого решения, он постоянно ограничивался подчеркиванием необходимости обеспечить России свободу Проливов.

CVII.

Российский посол в Риме А. Н. Крупенский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

Рим, 18 февраля/3 марта 1915 г.

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич,

Здесь ожидали открытия парламента с большим интересом, так как предполагалось, что правительство будет отвечать на обращенные к нему с разных сторон запросы об иностранной политике. Но, как я Вам телеграфировал 7/20 февраля за № 27, в первом же заседании палаты председатель совета министров, выступивший как от своего имени, так и от имени министра иностранных дел, категорически заявил, что, в виду политического положения Европы, он не считает возможным давать какие бы то ни было объяснения и должен сослаться на сделанное им 3 декабря минувшего года сообщение [1]), после которого правительственный курс не изменился.

Я полагаю, что известие о нашем отступлении из Восточной Пруссии и Буковины и ложные и преувеличенные в германском освещении военные события не остались без влияния на заявление г. Саландры и способствовали спокойному настроению, с которым оно было принято печатью и депутатами,

[1]) 3 декабря 1914 г., открывая итальянский парламент, председатель совета министров Саландра произнес речь, в которой изложил причины итальянского нейтралитета и настаивал на необходимости усиления обороны страны для защиты интересов Италии и осуществления ее стремлений.

поколебав даже, быть может, мнение тех из них, которые стояли за вмешательство.

Но после того, что нам удалось остановить германский натиск и снова перейти в наступление также и в Буковине, тон печати, как флюгер, послушный всякому ветру, опять изменился, и все внешние признаки, как будто, указывают на более или менее близкое военное выступление Италии.

Прежде нейтральные течения в стране, — как я Вам телеграфировал 13/26 февраля за № 28, — усилились было в надежде, что венский кабинет сознает необходимость купить ценою территориальных уступок нейтралитет Италии [1]), и эта надежда была близка к уверенности, поддерживаемой статьями германских влиятельных газет и речами князя Бюлова, в которых указывалось на готовность Австрии считаться с вожделениями Италии. Князь Бюлов, несомненно, отстаивает эту точку зрения как в частных, так и в официальных своих беседах.

Теперь же, легковерные и легкомысленные итальянцы стали сомневаться в возможности бескровных приобретений и венские официальные газеты, с своей стороны, много способствовали отрезвлению и разрушению розовых надежд в Италии статьями, в коих a priori опровергалась возможность всяких территориальных уступок.

Хотя германский посол и продолжает успокаивать здешнее общественное мнение и уверять, что Австрия должна будет понести жертвы и без военного выступления Италии, но в большей части органов печати и в консульте этому не доверяют. Как я Вам телеграфировал 16 февраля/1 марта за № 32, барон Соннино не только опроверг в беседе со мною слухи о переговорах между римским и венским кабинетами относительно территориальных уступок, но и прямо сказал мне, что он не верит, чтобы венский кабинет в своем традиционном ослеплении согласился на добровольные жертвы. Но министр остановился осторожно на этом замечании, и я не услышал от него ни малейшего намека на то, что к этим уступкам Австрия может оказаться принужденной насильственным путем. И я, и мои коллеги находимся, впрочем, под впечатлением, что итальянский министр иностранных дел скорее склоняется к убеждению, что Италии, в конце концов, все-таки придется прибегнуть к оружию. Я лично был поражен упреками барона Соннино, в беседе со мною, по адресу г. Джиолитти, за пресловутое письмо последнего [2]), где бывший

[1]) В декабре 1914 г. Италия заявила австрийскому правительству, что в связи с нарушением Австрией балканского равновесия, по ст. 7 Тройственного Союза Италия имеет право получить компенсации. Австрия соглашалась уступить Трентино. Однако, минимальные итальянские требования сводились к следующему: 1) предоставление Италии Трентино, долины р. Изонцо с г. Горицей и Градиской и группы остр. Курцола; 2) признание независимости сев.-зап. части Истрии и г. Триеста; 3) свобода действий Италии в Албании. В результате переговоров в мае 1915 г. Австрия выступила с новыми предложениями: она уступала Италии Трентино и часть территории до р. Изонцо с г. Градиской, но оставляла за собой г. Горицу и восточный берег реки Изонцо; кроме того, Австрия соглашалась на автономию г. Триеста.

[2]) Крупенский имеет в виду письмо Джолитти депутату Пеано от 21 января 1915 г., опубликованное в газете «Tribuna». Фраза, на которую ссылается Крупенский, читается следующим образом: «Я считаю, что при настоящем поло-

председатель совета министров уверял, что, по его мнению, «кое что можно будет приобрести от Австрии и без войны».— «Это письмо принесло много вреда», — сказал мне дословно министр. Слова г. Соннино можно толковать только в том смысле, что письмо г. Джиолитти, как это и есть в действительности, способствовало, также и по его, г. Соннино, мнению, укреплению в стране нейтральных течений.

Но еще более, чем наши успехи, действует здесь на правительство и общественное мнение смелое выступление англо-французского флота против Дарданелл. Вообще говоря, этому выступлению желают полного успеха, но вместе с тем растет также и опасение, чтобы при ликвидации Турецкой империи не была забыта и Италия, интересы которой в Малой Азии значительны и насущны. Сочувственно же относятся к успехам англо-французского флота в Дарданеллах не только по сантиментальным соображениям, но, главным образом, и потому, что открытие Проливов позволит подвоз в Италию скопившегося в наших черноморских портах русского зерна. Цена же на зерно здесь постоянно растет и, в целях понижения ее, правительство должно было отменить все ввозные пошлины на хлеб.

Опасение, что участь Турецкой империи может быть решена без Италии, склоняет многих в пользу ее вооруженного вмешательства.

Правительство, с своей стороны, принимает меры, которые могут быть объяснены только возможностью войны. Так, например, после того, что на одном митинге в Ферраре между «нейтралистами» и «интервенционистами» произошла схватка, с ранеными и одним убитым, префектам было предписано запретить всякие публичные собрания, и мера эта, едва ли согласная, в обычное время, с итальянским статутом, применяется строго.

Кроме того, правительство внесло в парламент законопроект, о котором я доношу вашему высокопревосходительству особо, в депеше за № 5, под заглавием «Мероприятие для экономической и военной обороны государства» (Provvedimento per la difesa economica e militare dello Stato). Этим законом, который, без сомнения, будет принят палатой, усиливаются кары за противогосударственные преступления, за контрабанду (на этих днях открыта целая контрабандная организация), за оглашение сведений военного характера и, вообще, расширяются полномочия правительства также в степени, не согласной с итальянской конституцией.

Все это, без сомнения, лишь указания и симптомы, и я все еще не смею сказать, будут ли они заменены более активными действиями.

Французский посол также колеблется в своем мнении и затрудняется решить, какое из двух течений в стране возьмет верх.

Великобританский же посол склонен думать, что Италия, в конце концов, неудержимо будет вовлечена в войну с Австрией. Если англо-французскому флоту через Дарданеллы, а нам через Босфор, удастся водрузить в Константинополе наши флаги, то и я полагаю, что Италия не сможет остаться безучастной зрительницей события столь мирового значения.

жении Европы можно бы многое получить и без войны» (см. Дж. Джолитти «Mémoires de ma vie», франц. перев., стр. 332 — 333).

Полагая, что идея о вмешательстве проникает все более и более в сознание итальянского правительства, сэр Реннель Родд, как он мне конфиденциально сообщил, телеграфировал сэру Эдуарду Грэю, что, по его мнению, теперь следовало бы серьезно и настоятельно запросить римский кабинет об его намерениях и вступить с ним в более определенный обмен мнений.

С последним курьером я писал вашему высокопревосходительству, насколько значительны деньги, которые тратит германское правительство на германофильскую пропаганду и, главным образом, на итальянскую печать. На эти деньги, кроме шпионов и разведочной службы, живут многие газеты и субсидируются другие, но такая вакханалия прессы не могла не быть незамеченной и не осужденной как обществом, так и газетами, непричастными к ней. И, действительно, более смелые из последних прямо обвинили некоторые газеты и многих журналистов в антипатриотической пропаганде и немецкой кабале. Некоторые органы печати обязаны были обратиться в суд, чтобы очиститься от возводимых на них обвинений. Процесс по этому поводу еще длится, но уже теперь свидетельские показания доказали, что немецкие деньги были щедро раздаваемы и что на них даже было организовано путешествие некоторых журналистов в Германию, чтобы сообщать оттуда на родину сведения, желательные и выгодные для немцев. Путешествие этих корреспондентов протекало среди празднеств и банкетов, оплачиваемых немецкими деньгами.

Письмо это везет Вам состоящий при посольстве В. Б. Хвощинской, который едет в Петроград, вследствие призыва запасных и ополченцев к военной службе.

Я полагаю, что неудовлетворительное здоровье Хвощинского не позволит ему исполнить свой патриотический долг в строю, но, если он будет признан негодным к действиям против неприятеля, то, может статься, что его признают способным для гарнизонной или другого рода службы. Позволяю себе рекомендовать его благосклонному вниманию вашего высокопревосходительства.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

Крупенский.

P. S. В полученном сегодня в Риме номере «Нового Времени» от 4/17 февраля изложено, к моему крайнему удивлению, совершенно неверно письмо Г. Джиолитти в «Трибуну». «Новое Время» переводит слова Джиолитти так: «мне кажется весьма вероятным, что при теперешнем положении вещей Италия *не может* получить ничего серьезного без войны». В действительности же Джиолитти писал: «Мне кажется, что Италия может получить кое-что и без войны», что прямо противоположно версии «Нового Времени». Таким образом, письмо Джиолитти не только не «вырвало», — как пишет «Новое Время»,—«почву из под ног германофилов», но, напротив того, усилило, как я Вам писал, нейтральное течение в Италии.

Ut in litteris. Крупенский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 114. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Делькассэ сказал мне, что из телеграммы, полученной им от Палеолога, он заключает, что Вы не склонны допустить Италию к участию в действиях союзников против Проливов и Константинополя [1]). Делькассэ высказал мне с большой настойчивостью, что было бы крайне опасно оттолкнуть в настоящую минуту Италию, если она заявит о своем желании участвовать в этих действиях. Для союзников в высшей степени важно окончательно сомкнуть вокруг Германии и Австрии стальное кольцо и сломить их силой еще до августа месяца, т.-е. до нового урожая. По имеющимся несомненным признакам, Италия должна будет в скором времени выйти из нейтралитета, и следует употребить все усилия к тому, чтобы 1.000.000 слишком ее штыков оказались на нашей стороне. Подобным средством может, именно, оказаться привлечение ее к союзническим действиям против Турции. Делькассэ телеграфирует Палеологу, поручая ему высказаться перед Вами в вышеизложенном смысле.

Извольский.

CIX.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 305. 4 марта 1915 года.

Для Парижа 449.

Ваша депеша 185.

Не откажите уведомить г. Делькассэ, что я не могу разделить эту точку зрения. Общая цель Франции, Великобритании и России — окончить эту войну . . . . [3]) на удовлетворительных условиях. Участие в войне Италии

---

[1]) В начале марта (н. ст.) 1915 г. Италия обратилась к посредничеству Англии для ведения переговоров с союзниками о вступлении в войну на стороне держав Согласия. (Пам. записка великобр. посла в Петрограде от 26 февраля/11 марта 1915 г.). Еще до этого момента, в связи с распространившимися слухами о возможности подобного рода переговоров, Сазонов высказался против выступления Италии, опасаясь «нарушения существующей между союзниками гармонии, необходимой для установления условий будущего мира». (Пам. записка Сазонова великобрит. послу в Петрограде от 17 февраля/2 марта 1915 г.).

[2]) Перев. с англ.

[3]) В подлиннике пропуск одного слова.

и балканских государств на нашей стороне в величайшей степени облегчило бы достижение этой цели. Оно, вероятно, в сравнительно короткое время привело бы к разгрому германских и австрийских сил. Я не вижу, каким образом сотрудничество Италии или балканских государств могло бы представить опасность для взаимного доверия и гармонии, существующих между тремя союзниками. Если Италия или какая-либо другая держава обусловила бы свое участие требованиями, которые с русской точки зрения могли бы воспрепятствовать разрешению в пользу России вопроса о Проливах и Константинополе, Англия и Франция присоединятся к России в отклонении этих условий; при существующих обстоятельствах никаких компенсаций за участие какой-либо державы не может быть установлено иначе, как по обсуждению и взаимному соглашению между Францией, Англией и Россией. При этом нужно иметь в виду, что если какая либо держава предложит свое участие и предложение ее будет отклонено, то это может повлечь за собой готовность со стороны Германии предложить ей заманчивые условия.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CX.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 255. 5 марта 1915 г.

Г. Сазонов объяснил сегодня Палеологу и мне, что высказанный им взгляд относительно сотрудничества Италии, как сообщала моя телеграмма №....., относится только к участию ее в операциях в Проливах. Он с самого начала желал добиться сотрудничества Италии и был готов принять всякое соглашение, к которому пришли бы Франция и Англия и которое его обеспечивало бы, при том условии, что Проливы и прилегающие к ним территории рассматривались бы вне поля действия Италии. Итальянское сотрудничество, однако, не имеет в настоящий момент такого значения, как в начале войны, и поэтому было бы излишним компенсировать его слишком дорогой ценой. Мы всегда должны помнить, что мы не можем согласиться на проявление Италией активности на побережьи южной Далмации.

Все, что он сказал теперь об Италии равным образом, применимо и к Греции и он. . . . . [2]) участия последней в войне.

Тем не менее, следует ясно отдавать себе отчет, что при настоящих обстоятельствах он не может согласиться на какое-либо участие Греции в операциях на Проливах.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) В подлиннике пропуск одного слова.

CXI.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу в Петрограде марк. А. Карлотти.

Шифрованная телеграмма [1]).

6 марта 1915 г.

Телеграмма-кабинет-№ 174.

Прошу ваше превосходительство телеграфировать мне, какие соглашения заключены державами Тройственного Согласия или между собою или с другими нейтральными государствами, особенно с Грецией, в виду возможности взятия Константинополя.

CXII.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [2]).

Так как великобританское и французское правительства, повидимому, придают значение итальянскому сотрудничеству, г. Сазонов не намерен ему противиться. Тем не менее он считает, что преимущества, которые три союзные державы могли бы признать за Италией взамен этого сотрудничества, должны быть соразмерны с тем приращением военной и политической силы, которое дало бы им вступление Италии в войну. С этой целью было бы необходимо пересмотреть обещания, которые державы расположены были дать Италии шесть месяцев тому назад [3]), чтобы привести их в соответствие с настоящим положением. Кроме того, г. Сазонов полагает, что инициатива переговоров с Италией по этому поводу должна быть предоставлена этой последней и что Италию следовало бы допустить к сотрудничеству с державами против Турции только на условии действительного и одновременного ее участия в войне против Австро-Венгрии.

22 февраля/7 марта 1915 г.

CXIII.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [4]).

№ 264. 7 марта 1915 г.

Г. Сазонов передал сегодня французскому послу и мне памятную записку следующего содержания:

---

[1]) Перев. с итал.

[2]) Перев. с фр.

[3]) В начале войны державы Согласия, стремясь привлечь на свою сторону Италию, соглашались уступить ей Триест, Трентино и Валону.

[4]) Перев. с англ.

Так как великобританское и французское правительства, повидимому, придают известное значение итальянскому сотрудничеству, г. Сазонов не намерен противиться ему. Тем не менее, он придерживается того мнения, что выгоды, которые три союзные державы могут предоставить Италии, взамен ее сотрудничества, должны соответствовать военной и политической помощи, которую итальянцы могут оказать. Обещания, которые державы готовы были дать Италии несколько времени назад, должны быть пересмотрены и поставлены в зависимость от настоящего положения.

Г. Сазонов, кроме того, полагает, что инициатива в открытии переговоров по этому вопросу должна быть предоставлена Италии и что последняя должна быть допущена к участию в борьбе против Турции исключительно под условием, что она одновременно с этим и активно примет участие в войне против Австрии.

CXIV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1001. 23 февраля/8 марта 1915 г.

Признавая в общем желательным привлечение новых союзников к борьбе против Австрии и Германии, я опасаюсь в частности относительно Италии, что ее требовательность окажется несоразмерной действительной помощи, которую принесет нам ее выступление. Главную пользу последнего я усматриваю не столько в присоединении к нам новых вооруженных сил, на удельный вес коих едва ли следует возлагать преувеличенные надежды, — сколько в нравственном впечатлении, а также в том, что этим будет положен конец проникновению чрез Италию военной контрабанды в Германию и Австрию. — Однако, в виду желания Франции и Англии скорее вовлечь Италию в войну, я готов не настаивать на моих возражениях, но считал бы необходимым: во-первых, сначала пересмотреть обещания, которые Россия, Франция и Англия соглашались дать Италии шесть месяцев тому назад, в зависимости от изменившейся обстановки, и, во-вторых, предоставить Италии почин переговоров с нами об условиях открытого перехода ее на нашу сторону, и, в-третьих, поставить непременным условием допущения Италии к совместным с нами действиям против Турции ее единовременное выступление против Австрии. Последнее представляется мне необходимым в виду некоторых признаков, позволяющих думать, что Италия готова была бы предложить нам свою помощь против Турции, чтобы этим приобрести право на вознаграждение как в Турции так и в Австрии, не порывая пока еще с последней.

Сазонов.

CXV.

Российский посол в Риме А. Н. Крупенский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич.

Рим, 25 февраля/10 марта 1915 г.

К моим донесениям, отправленным неделю тому назад, я не могу прибавить ничего существенного, так как политическое положение в Италии не изменилось, да и едва ли так скоро изменится.

Смелые наступательные действия англо-французского флота в Дарданеллах продолжают привлекать все внимание здешнего общественного мнения и правительства; печать и консульта не скрывают от себя, что всеми ожидаемое падение Константинополя поставит ребром вопрос о вмешательстве Италии, и многие признаки позволяют думать, что кабинет г. Саландра начинает убеждаться в необходимости для Италии выйти из ее созерцательной роли и принять участие при разделе Турции, которая, наконец, потеряет свои владения в Европе после почти что пятисотлетнего господства на Босфоре. Правда, не исключена также принципиальная возможность, что в последнюю минуту Австрия купит нейтралитет Италии серьезными территориальными жертвами, на которые здесь, впрочем, правительство не надеется, несмотря на заманчивые прельщения берлинского кабинета.

Но прежде, чем прийти к каким-либо окончательным решениям, находящееся у власти правительство должно окрепнуть и, в этом отношении, немалое значение для его спокойствия имеет состоявшееся на днях сближение между г.г. Саландра и Джиолитти после державшейся сначала в тайне беседы обоих государственных мужей [1]). Теперь г. Саландра может быть уверен в полной поддержке его приверженцами Джиолитти, и никаких неприятных для него запросов, прений или голосований ему нечего более опасаться. Газетам было сообщено, что г. г. Саландра и Джиолитти пришли к полному соглашению, но, вместе с тем, осторожно умалчивалось о содержании этого соглашения. Отсюда разные толки; но едва ли можно сомневаться, что соглашение состоялось при некоторых уступках со стороны г. Джиолитти, позволивших г. Саландра выступить, в некоторых случаях, несколько определеннее, чем он это делал до сих пор. Так, например, здесь всеми обсуждаются слова, сказанные им в Гаэте при закладке некоторых портовых работ: одному оратору, возгласившему «да здравствует нейтралитет», г. Саландра возразил, при громких рукоплесканиях,—«Нет, господа, да здравствует не нейтралитет, а Ита-

[1]) Джолитти в своих мемуарах приводит содержание беседы своей с Саландра, не указывая точно даты, но относя ее к марту 1915 г. Во время этой беседы Саландра подтвердил слух о переговорах с Австрией, откуда Джолитти вывел заключение, что принимаемые итальянским правительством военные меры не имеют в виду войны, а ставят своей целью добиться уступок мирным путем со стороны Австрии, на основании ст. 7 Тройственного Союза («Mémoires de ma vie» стр. 335). О переговорах Италии с Австрией см. прим. 1 на стр. 308.

лия». Когда же один из присутствующих генералов в воодушевленной речи сказал: «Мы заменим возглас «ура» боевым кликом Италии «Савойя вперед», — Саландра встал, подошел к оратору и расцеловал его при восторженных демонстрациях всей залы.

Но, как только что сказано, существенного изменения все это не означает, и за словами не следует еще дела..... [1]).

Предстоящее мое отозвание вызвало в печати не мало толков. Большинство итальянских газет правильно приписывает его семейным, а не политическим причинам и подчеркивает, что сердечность отношений, установившихся между Россией и Италией, от этого не пострадает. Газеты же, находящиеся на откупу у австрийцев и немцев, точно также и печать в Германии, злорадствуют и усматривают в моем отозвании победу австро-германской дипломатии и порицание императорским правительством моих слишком-де явных усилий убедить итальянцев в необходимости войны против Австрии.

После того, как распространилось здесь известие о перемене в дипломатическом представительстве России в Риме, я не мог избегнуть посещений журналистов. К препровождаемому при сем обзору печати, составленному статским советником Томашевским, приложена также вырезка из одной из самых влиятельных итальянских газет «Corriere della Sera» [2]), в которой совершенно верно передается мой разговор с редактором этой газеты не только о причинах моего отозвания, но и мои суждения об итальянской политике в настоящую знаменательную историческую годину. Позволяю себе привлечь внимание вашего высокопревосходительства на эту статью.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

Крупенский.

P. S. Только что получил Вашу телеграмму, которою ваше высокопревосходительство извещаете меня, что государь император всемилостивейше соизволил назначить меня членом государственного совета [3]).

Повергаю к стопам его величества мою верноподданническую благодарность за оказанную милость и прошу государя верить, что я и впредь буду служить его престолу верою и правдою.

Ut in litteris.

Крупенский.

---

[1]) Многоточие подлинника.

[2]) При подлиннике имеются указываемые Крупенским приложения.

[3]) На место Крупенского послом в Рим был назначен б. посол в Константинополе М. Н. Гирс. Истинной причиной удаления Крупенского была, повидимому, первность, проявленная им в связи с неудачами русских войск на австро-германском фронте, вынудившая Сазонова в октябре 1914 г. обратиться к нему с «советами осторожности». (Телеграмма Сазонова от 30 сентября/13 октября 1914 г. за № 3251). Хотя Крупенский и опровергал полученные о нем из Рима сведения (телеграмма Крупенского от 1/14 октября 1914 г. за № 149), тем не менее, они, несомненно, отразились на его служебном положении и подготовили его отставку. (Дело архива б. министерства иностранных дел «Советы осторожности в разговорах послу Крупенскому»).

CXVI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 126. 25 февраля/10 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Вашу телеграмму № 1001 [1]).

Сообщил ее содержание Делькассэ, который высказал мне, по первому впечатлению, нижеследующее: Участие Италии в борьбе союзников против Австрии и Германии продолжает казаться ему весьма желательным как с точки зрения нравственного впечатления, так и в военном отношении; он вполне согласен с Вами, что почин переговоров должен принадлежать Италии; само собой разумеется, что Италия должна выступить не только против Турции, но и против Австрии; впрочем, по имеющимся у Делькассэ сведениям, итальянское правительство не стремится непременно принять участие в действиях против Проливов и Константинополя. Наконец, что касается пересмотра обещаний, которые Россия, Франция и Англия соглашались дать Италии шесть месяцев тому назад, то Делькассэ очень опасается, что всякое ограничение этих обещаний способно оттолкнуть Италию от союза. Насколько ему известно, Италии были обещаны лишь Трентино, Триест и Валона, и Делькассэ не видит, что нужно из этого урезать, тем более, что с германской стороны ей сулят мирное присоединение Трентино. Делькассэ даст окончательный ответ по внимательном рассмотрении Вашего предложения.

Извольский.

CXVII.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 154. 4/17 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 16 [2]).

Упомянутое в этой телеграмме лицо вернулось из своей поездки в Вену и Рим и поделилось со мною своими следующими впечатлениями: итальянское правительство сознает, будто бы, еще более, чем общественное мнение, необходимость для Италии проявить себя великой державой во время нынешнего кризиса, а также и то обстоятельство, что только война может действительно обеспечить интересы Италии. Так как выступление последней на стороне Австрии немыслимо, то Италия будет воевать на нашей стороне, при чем момент

[1]) См. стр. 314.

[2]) В телеграмме № 16 от 3/16 января Поклевский сообщает о посылке специального лица из Бухареста в Рим для ведения негласных переговоров о совместном выступлении Румынии и Италии против Австрии.

ее выступления зависит от того, насколько германской дипломатии удастся его оттянуть или нашей его ускорить. Австрия и Германия, будто бы, предложили на прошлой неделе Италии Трентино до линии Боцена и город Горицу, при условии уплаты Италией 150 миллионов франков, обязательстве сохранить нейтралитет до конца войны и демобилизации итальянской армии. Мой собеседник уверен, что подобные предложения не имеют никаких шансов на успех. Он сообщил мне также, что итальянское правительство очень озабочено тем, что державы Тройственного Согласия не начинают с ним переговоров о выступлении Италии, при чем оно особенно волнуется вопросом о турецком наследстве, ставшем теперь на очередь в виду решительных действий союзного флота в Дарданеллах.

Поклевский.

CXVIII.

Российский посланник в Букаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 155. 4/17 марта 1915 г.

Лично.

Здешний итальянский посланник постоянно спрашивает меня, почему державы Тройственного Согласия не начинают переговоров с Италией. Мой коллега сказал мне сегодня, что его правительство начинает думать, что мы хотим исключить Италию от участия в разделе турецкого наследства.

Поклевский.

CXIX.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу в Петрограде марк. А. Карлотти.

Шифрованная телеграмма [1]).

Телеграмма-кабинет-№ 116. 21 марта 1915 г.

Королевский посол в Париже телеграфирует:

Г. Солдатенков [2]) положительно утверждает, что им получены от Сазонова сведения, будто бы Италия осведомила его о своих стремлениях, связан-

---

[1]) Перев. с итал.

[2]) Солдатенков, чиновник особых поручений при министре иностранных дел, был причислен к составу посольства в Париже. В архиве б. министерства имеется специальное дело «Indiscrétion de Soldatenkow», состоящее из: 1) телеграммы Сазонова Извольскому от 9/22 марта 1915 г. за № 1311, уведомляющей, что вследствие своего «возмутительного поведения», выразившегося в разглашении служебных тайн, Солдатенков отчисляется от должности чиновника особых поручений, 2) письма Извольского от 18/31 марта, содержащего характеристику Солдатенкова, и 3) оправдательного письма самого Солдатенкова от 15/28 марта на имя Сазонова, передающего содержание его беседы с представителями итальянского посольства в Париже об условиях вступления Италии в войну.

ных с ее будущей позицией. По словам Солдатенкова, Сазонов согласился на все итальянские пожелания: Трентино, Триест, Истрию до Волоски, острова Кварнеро, Валону, Додеканез и приобретения в Малой Азии с Адалией. Адалия может быть занята военными силами. Территория от Волоски до селения Керки будет оставлена за Хорватией для позднейшего решения вопроса о том,—составит ли последняя независимое государство или будет сохранена за будущей Австрией. От Керки до Рагузы, включая последнюю, территория отойдет Сербии, от Рагузы до Дрина к Черногории, Албания сделается независимой, с Дураццо в качестве столицы и с нейтрализованной зоной. Сазонов будто бы согласился на образование независимой Албании, но опасался затруднения со стороны Делькассэ и Грэя, будто бы обещавших Сербии и Греции расчленение Албании.

Солдатенков заявлял, что он может получить ответ . . . . . [1]). Италия должна объявить войну в середине апреля. В отношении ее, он будто бы дал весьма успокоительные обещания относительно прохода через Проливы и обладания Константинополем. Россия учредит в Константинополе портофранко и будет нести только полицейские обязанности в Константинополе и на Проливах.

Солдатенков, кроме того, сказал, что Палеолог при свидании с Сазоновым в русской Ставке в Польше потребовал для Франции Киликию и Сирию и обладание Святыми Местами [2]). Сазонов будто бы ответил, что относительно Святых Мест он должен вести переговоры с остальными христианскими державами, главным образом с Италией, и Делькассэ в связи с этим будто бы сказал, что Палеолог, должно быть, говорил по своей собственной инициативе, не имея полномочий обсуждать этот вопрос.

Кроме того, Солдатенков уверяет, что Черчилль сказал, что . . . . [3]) союзный флот будет в Константинополе в . . . . [4]) апреле [5]).

CXX.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [6]).

В недавней беседе, которую сэр Р. Родд имел с итальянским министром иностранных дел, последний изложил итальянские притязания в области Ад-

---

[1]) В подлиннике далее следует нерасшифрованная фраза: «.... sub .... in ... di Delcassé ..... sembra che Sasonow abbia .... una ... fra il ... ed il ... italiano e accordo fra i due stati di non potere fare pace separata».

[2]) См. прим. 3 на стр. 296.

[3]) В подлиннике пропуск двух слов.

[4]) В подлиннике пропуск одного слова.

[5]) Остальная часть телеграммы сообщает подробности переговоров между союзными правительствами и Италией о вступлении ее в войну на стороне держав Согласия. Как не имеющая непосредственного отношения к вопросу о Константинополе и Проливах, эта часть телеграммы нами опускается. Документ этот опубликован в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», Roma 1923, p. 98, № 94.

[6]) Перев. с англ.

риатики. Итальянцы ни в коем случае не намерены предпринимать шагов по сооружению укреплений в Валоне, занятие которой было вызвано только желанием воспрепятствовать оккупации ее какой-либо другой державой [1]). Италия не имеет в виду воздвигать укреплений на островах, за исключением возможных сооружений на одном из островов внешней линии, который будет использован, как наблюдательный пункт в центральной части Адриатики. Только исходя из стремления воспрепятствовать использованию островов в будущем для тайных агрессивных приготовлений против незащищенного побережья Италии, острова действительно были оккупированы. Главным пунктом для защиты итальянского побережья может быть Пола и один из островов, лежащий за нею.

Итальянское правительство не имело в виду требовать нейтрализации Фиумэ и побережья Хорватии вплоть до Зары [2]). Едва ли было бы совместимо с положением великой державы принятие Италией предложения о нейтрализации островов и побережья, которые она желает приобрести.

Побережье, которое должны были получить Сербия и Черногория составляет новое изменение карты Европы; поэтому нейтрализация его не может быть вполне сопоставлена с нейтрализацией побережья, которое могла бы получить Италия. В ответ на замечание сэра Р. Родда о том, что было бы недопустимо нейтрализовать побережье к югу от мыса Планки, хотя и можно сделать исключение в пользу Италии относительно полуострова Саббиончелло, являющегося частью этого побережья, итальянский министр иностранных дел сказал, что нет необходимости настаивать на таком исключении, и что он согласится на нейтрализацию Саббиончелло, при общей нейтрализации побережья. Нейтрализация, — сказал министр иностранных дел,—не всегда соблюдалась и уважалась; а Саббиончелло, который, с точки зрения практических целей, является островом, принадлежащим к группе Курцола, составит

---

[1]) В первые недели мировой войны Италией был занят остров Сассено. В октябре 1914 г. греческое правительство через посредство Англии вступило в переговоры с римским кабинетом об установлении полицейского надзора Греции в Аргирокастро, а Италии — в Валоне. Италия, хотя и отказывалась от открытой оккупации Валоны, тем не менее решила направить туда отряд моряков для несения полицейской службы и защиты населения. Валона была занята в декабре 1914 г., при чем Италия заявила о своем намерении не нарушать постановлений Лондонского договора 1913 г. относительно Албании и мотивировала оккупацию опасением, что какая-либо другая держава установит свой контроль над Албанией в течение войны. Ст. 6 Лондонского соглашения от 13/26 апреля 1915 г. Италия получала Валону и остров Сассено. (См. «Раздел Азиатской Турции». Прил. № 2).

[2]) По первоначальному проекту соглашения с Италией, выдвинутому итальянским правительством в марте 1915 г., судьба побережья Хорватии, от бухты Волоски до сев. границы Далмации с островами Велиа, Арбэ и Паго, а также портом Фиумэ, должна была быть решена по окончании войны. (Пам. записки великобрит. посольства в Петрограде от 11 марта и от 24 марта 1915 г.). Ст. 5 (прим. 2) Лондонского договора от 13/26 апреля 1915 г. эта территория предоставлялась Хорватии. По соглашению, подписанному на Корфу 20 июля 1917 г. Пашичем и Трумбичем, Хорватия вошла в состав будущего юго-славского государства, и 4 декабря 1918 г. было провозглашено королевство Сербов, Хорватов и Словен, к которому в скором времени присоединилась и Черногория.

угрозу для других островов, если Италия не займет его. Было бы легко прорезать канал отделяющий Саббиончелло от материка. Италия, в своем последнем предложении, соглашалась на предоставление Сербии всех островов, господствующих над входом в Спалато. Естественную границу той части Далмации, которую Италия теперь получит, составляют горы и водоразделы [1]).

Итальянский министр иностранных дел снова сказал, что г. Сазонов, который сам внушил мысль о предоставлении Италии Далмации [2]), не будет упорствовать в вопросе о Саббиончелло, особенно, если вместе с остальной частью побережья он будет нейтрализован.

Сообщая аргументы итальянского правительства г. Сазонову, сэр Эд. Грэй желает, чтобы посольство его величества выразило надежду, что российское правительство не будет чинить затруднений в вопросе о нейтрализации побережья и указало бы, что одним из пунктов итальянских требований, который теперь остается спорным, является вопрос об обладании Саббиончелло. Теперь, когда итальянское правительство согласилось на нейтрализацию этого полуострова, —что, по его мнению, является последней уступкой, которую оно может сделать,—сэр Эд. Грэй надеется, что российское правительство не допустит, чтобы соглашение с Италией потерпело неудачу из-за спорности одного этого пункта. Соглашением с Францией и Великобританией российское правительство обеспечило свое будущее положение по отношению к Проливам и Константинополю; и если возражения российского правительства по более мелким вопросам, касающимся Адриатики, лишат Францию и Великобританию ценной итальянской помощи, они будут крайне разочарованы.

Большая часть Адриатического побережья, подлежащая только нейтрализации, перейдет в руки Сербии, Хорватии и Черногории, которые получат наиболее широкий торговый выход к морю. Сербия получит огромный при-

---

[1]) Первоначальные требования Италии в вопросе о Далматинском побережьи сводились к следующему: Италия желала получить Далмацию до р. Наренты на юге; побережье от Наренты до Дрина должно было быть поделено между Сербией и Черногорией. (Пам. записка великобрит. посольства в Петрограде от 11 марта и от 24 марта 1915 г.) В результате переговоров Россия соглашалась предоставить Италии сев. Далмацию от Зары до мыса Планка с прилегающими островами, при чем побережье от мыса Планка до черногорской границы с портами Спалато и Рагузой и островами должна была получить Сербия. Россия также соглашалась на требование Италии нейтрализовать Катарро, но при условии нейтрализации побережья от Зары до Наренты. (Пам. записка Сазонова от 15/28 марта 1915 г.). Италия шла на уступки в этом вопросе, но требовала нейтрализации всего побережья от мыса Планка до Воюссы и предоставления ей полуострова Саббиончелло. (Пам. записка великобрит. посольства от 30 марта 1915 г.) Сазонов готов был отказаться от требования нейтрализации предоставляемого Италии побережья Далмации, но настаивал на передаче Саббиончелло Сербии и не соглашался на нейтрализацию сербского побережья от Наренты до Катарро.

[2]) В предшествующих переговорах итальянский посол в Лондоне Империали ссылался на заявление Сазонова итальянскому послу в Петрограде Карлотти о согласии России предоставить Италии Далмацию от Зары до Рагузы. (Пам. записка великобрит. посольства в Петрограде от 24 марта 1915 г.) В памятной записке от 15/28 марта 1915 г. великобрит. и франц. послам Сазонов категорически отрицал утверждение Империали, указывая, что Россия всегда считала необходимым предоставление части Далмации со Спалато Сербии.

рост территории, для обеспечения которого сотрудничество Италии было бы важным фактором.

Сэр Эд. Грэй крайне огорчен и опасается, что мы можем лишиться сотрудничества Италии, что повлекло бы самые печальные последствия. Он будет ждать выражения точки зрения г. Сазонова по затронутому выше вопросу и до тех пор не сделает нового заявления итальянскому правительству [1]).

1 апреля 1915 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CXXI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1757. 6/19 апреля 1915 г.

Сообщается послу в Париже.

Ваша телеграмма № 261 [2]) получена.

Считаю предложенный текст приемлемым под условием одновременного подписания заявления, что все решения, касающиеся будущего мира, по которым уже состоялось соглашение между Россией, Францией и Англией до присоединения к ним Италии, должны остаться в силе и пересмотру не подлежат. Италия должна также принять это условие, но огласке упомянутое заявление не подлежит.

Сазонов.

CXXII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

Посольство его величества получило следующую телеграмму от сэра Эдуарда Грэя:

Подробное изложение моей точки зрения по вопросу об изменениях, предложенных г. Сазоновым [4]), содержится в моей предшествующей телеграмме.

---

[1]) Выдержки из этого документа опубликованы в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 133, № 111.

[2]) В телеграмме от 5/18 апреля 1915 г. за № 261 Бенкендорф передает текст декларации о присоединении Италии к соглашению от 5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира, выработанный французским и великобританским правительствами, и испрашивает инструкцию по этому поводу.

[3]) Перев. с англ.

[4]) В памятной записке франц. и великобрит. послам в Петрограде от 5/18 апреля 1915 г. Сазонов приводит ряд желательных изменений в тексте соглашения с

Но я хочу обратиться с призывом к российскому министру иностранных дел не лишать нас сотрудничества Италии, моральные последствия которого могут быть крайне значительны.

После того, как мы проявили готовность итти навстречу русским пожеланиям в вопросе о Константинополе, мне представляется не вполне разумной позиция г. Сазонова, настаивающего на том, что если сотрудничество Италии не будет обеспечено до истечения месяца со дня подписания [соглашения], переговоры должны быть прерваны и сотрудничество Италии отклонено. Это означало бы, что надежды на сотрудничество Румынии также исчезнут, и Болгария, которая могла бы последовать, будет тяготеть к другой стороне.

Вот к чему приведет, как я полагаю, решение министра иностранных дел, и перспективы будущего крайне печальны.

Если, с другой стороны, мы сможем на этой неделе добиться от Италии подписания меморандума в его настоящем виде и вместе с этим ее присоединения к соглашению от 5 сентября [1]), все остальное за этим последует. Самый факт станет известным, так как такие меры, как передвижения войск и совещания между генеральными штабами, не могут остаться в тайне, сотрудничество Румынии будет обеспечено и, вероятно, в скором времени мы привлечем на свою сторону Болгарию, равно как и Грецию.

Я уверен, что сейчас—самый критический момент; если мы его упустим, последствия будут неисчислимы и гибельны. Мы имеем благоприятный случай обеспечить себе сотрудничество Италии самое позднее через месяц со дня подписания документа, который уже составлен и по поводу которого г. Сазонов имеет выставить только формальные возражения.

Если Италия готова подписать этот документ и мы отклоним ее предложение, чтобы настоять на опубликовании ее присоединения на две или на три недели ранее месячного срока после подписания соглашения, переговоры придут к концу, и Италии будет представлена возможность заключить договор с Германией.

Вы прочтете эту телеграмму г. Сазонову и попросите его от моего лица рассматривать положение под этим углом зрения.

С русской точки зрения сотрудничество Италии может быть безразличным, но для нас, и я в данном случае говорю за английское военное и морское командование, сотрудничество Италии и его влияние на нейтральные страны имеет исключительное значение. Я снова настаиваю на том, чтобы Россия не лишала нас его навсегда даже если мы не сможем обеспечить вступления Италии в войну в течение месяца [2]).

20 апреля 1915 г.

Италией, переданном ему великобрит. послом в пам. записке от 4/17 апреля 1915 г. Основные изменения Сазонова были следующие: он продолжал возражать против нейтрализации побережья, уже принадлежащего Черногории, и настаивал на скорейшем выступлении Италии.

[1]) Италия присоединилась к соглашению от 23 августа/5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира 17/30 ноября 1915 г.

[2]) Текст телеграммы Грэя Бьюкенену опубликован в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 148, № 128.

CXXIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1797. 7/20 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж.

Уступая настойчивым просьбам наших союзников, я принужден согласиться на подписание договора с Италией в том крайне, на мой взгляд, неудовлетворительном виде, в котором его торопятся подписать Англия и Франция. Неудовлетворительный по существу, этот договор не удовлетворителен и по форме. Сожалею, что его статьи вырабатывались лишь Грэем и Камбоном вдвоем и постоянно сообщались мне уже готовыми, при чем мои поправки никогда не принимались в должное внимание. Не желая теперь вновь подымать бесполезные споры по вопросам, относительно коих я уже высказался отрицательно в моих предшествующих телеграммах, я более не возражаю против того, чтобы Вы подписали соглашение, как только Вы получите надлежащие полномочия, на посылку Вам коих я сегодня испрашиваю высочайшее соизволение. При этом, однако, благоволите сделать письменно следующие оговорки: по подписании акта, изложенного в Вашей телеграмме № 261 [1]), передайте Грэю и Камбону ноты с заявлением в смысле моей телеграммы № 1757 [2]), а по подписании акта, упомянутого в Вашей телеграмме № 262 [3]), благоволите письменно оговорить, что, принимая итальянские условия, Россия разумеет, во-первых, что под предлогом нейтрализации на часть Адриатического побережья, уже принадлежащую Черногории, не могут быть наложены новые тяготы, не предусмотренные договорами 1909 года [4]) и, во-

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 322.

[2]) См. стр. 322.

[3]) В телеграмме от 5/18 апреля 1915 г. № 262 Бенкендорф передает содержание заключительной части меморандума о вступлении Италии в войну, выработанной французским и великобританским правительствами и устанавливающей момент выступления Италии (см. «Раздел Азиатской Турции», стр. 360).

[4]) По ст. 29 Берлинского трактата 1878 г., черногорские воды должны были оставаться «закрытыми для военных судов всех держав». Черногории было запрещено иметь свой собственный военный флот и морской флаг. Санитарный и морской надзор за черногорским побережьем был возложен на Австро-Венгрию. В 1908 г., когда произошла аннексия Боснии и Герцеговины австрийцами, черногорский кн. Николай, поддерживаемый Сербией, заявил о своем намерении отказаться от выполнения обязательств, возлагаемых на Черногорию ст. 29 Берлинского трактата, поскольку эта последняя касалась бухты Антивари. Весной 1909 г. статья эта с согласия великих держав была существенно изменена в пользу Черногории. Был уничтожен пункт ее, воспрещающий черногорскому правительству держать военные суда и иметь свой военный флаг. Порт Антивари был объявлен открытым для военных судов всех держав, но должен был сохранить исключитель-

вторых, что те части побережья и те острова, которые теперь не присуждаются Италии, должны будут по окончании войны, во всяком случае отойти к Хорватии, Сербии и Черногории, согласно предложенной мною поправке к статье V-ой [1]).

Сазонов.

CXXIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 268. 7/20 апреля 1915 г.

Получил Ваш № 1797.

Передал его содержание Никольсону. Он мне ответил, что трудно на практике осуществить Ваше пожелание о добавлении секретной статьи к декларации относительно присоединения Италии, так как Италия, прежде чем подписать, предъявила бы запрос о том, какие соглашения были уже заключены между державами. В результате этого она была бы посвящена в тайну. В случае неудачи переговоров это создало бы значительные затруднения. По личному мнению Никольсона, все соглашения между державами, включая и соглашение о Константинополе и Проливах, которые были заключены до присоединения Италии, ее не касаются и во всяком случае остаются незыблемыми. В момент мира возражений Италии в случае, если она их формулирует, опасаться не следует. Он мне сказал, что он передал мне свое первое впечатление и что проект со всех сторон будет рассмотрен Грэем и им. Я ему ответил, что вопрос имеет исключительную важность и что с момента признания нами 4-ой союзницы, она . . . . . Никольсон сказал, что он это серьезно обдумает. Он повторил мне свои (возражения) против внесения в настоящий момент изменений и дополнений к договору. Я ему ответил, что Грэй все же должен от имени союзников поставить итальянское правительство в известность о тех изменениях, которые Вы требуете. Он мне сказал, что это очевидно, но что Грэй телеграфировал вчера вечером Бьюкенену, чтобы он изложил Вам возражения Грэя, и что ожидают Вашего ответа.

Бенкендорф.

но торговый характер. Остальная часть статьи была опущена, и Черногория приобрела право сооружать укрепления на территории между Скутарийским озером и побережьем.

[1]) Взамен предлагаемой итальянским правительством формулы, что судьба этого побережья и островов будет решена по окончании войны, Сазонов предлагал указать в тексте договора, что означенные территории перейдут к Сербии, Хорватии и Черногории. Обе оговорки Сазонова, упоминаемые в настоящем документе, были включены в ст. 5 соглашения с Италией от 13/26 апреля 1915 г.

[2]) Перев. с фр.

CXXV.

Император Николай II президенту французской республики Р. Пуанкарэ.

Телеграмма [1]).

8/21 апреля 1915 г.

Дорогой и высокий друг,

Отдавая себе отчет в пользе, которую могло бы представить для нас сотрудничество Италии, способное, быть может, сократить срок войны, я уполномочил мое правительство пойти на широкие уступки требованиям Италии, несмотря на то, что требования эти крайне значительны и во многих пунктах находятся в противоречии со стремлениями славянских народов, принесение в жертву которых заставляет предвидеть в будущем опасности.

Вступление в войну Италии, с моей точки зрения, имеет цену только в случае его немедленного осуществления, и я не могу скрыть от Вас, что я был неприятно поражен, когда, добившись почти всего того, что он требовал, римский кабинет заявил о своем намерении отсрочить вступление в войну, которое, однако, он сам намечал к концу апреля нов. стиля.

Тем не менее, так как Вы обращаетесь ко мне [2]), ссылаясь на интересы союзных стран, я не хочу противиться подписанию договора с Италией и предоставляю на этот предмет моему правительству необходимые полномочия.

Принимая таким образом формулу, предложенную в Лондоне относительно даты выполнения договора, я льщу себя надеждой, что союзники не перестанут прилагать усилия, чтобы заставить Италию ускорить свое выступление. Кроме того, я считаю, что все другие обязательства, установленные между союзниками до присоединения Италии, останутся незыблемыми.

Примите уверение в чувствах постоянной и искренней дружбы [3]).

CXXVI.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова великобританскому и французскому послам в Петрограде, М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [4]).

Уступая настойчивым просьбам великобританского и французского правительства, г. Сазонов соглашается не противиться более подписанию выработанного в Лондоне договора с Италией, хотя, оставаясь при высказан-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Содержание телеграммы Пуанкарэ от 7/20 апреля 1915 г.—см. телеграмму Сазонова от 12/25 апреля 1915 г., № 1887, стр. 333.

[3]) Опубликовано в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 154, № 131.

[4]) Перев. с фр.

ном им ранее мнении, он выражает сожаление, что изменения, предложенные в памятной записке от 5/18 апреля [1]), не были приняты союзниками.

Российский посол в Лондоне незамедлительно получит полномочия, необходимые для подписания двух проектируемых документов. При этом, однако, ему будет поручено формулировать две следующие оговорки:

Подписывая акт, устанавливающий присоединение Италии к Согласию и предназначенный к обнародованию, посол его императорского величества вручит их превосходительствам сэру Эд. Грэю и Камбону ноты, в которых будет заявлено, что Россия считает ранее состоявшиеся между союзниками решения, касающиеся вопросов будущего мира, сохраняющими полную силу и неподлежащими никакому пересмотру в связи с вступлением Италии в войну. Г. Сазонов льстит себя надеждой, что великобританское и французское правительства соблаговолят уведомить его о своем полном согласии с императорским правительством по этому вопросу. Этот обмен нот может остаться секретным.

При подписании акта о принятии итальянской памятной записки, гр. Бенкендорфу будет поручено заявить следующее:

1) Россия полагает, что в вопросе о нейтрализации никаких новых сервитутов не будет установлено для той части побережья Адриатики, которая в настоящее время принадлежит Черногории, кроме добровольно принятых самою Черногориею в 1909 г., и 2) Россия полагает, что все части восточного побережья Адриатики и острова, присоединение которых к Италии или к независимой Албании специально не признано настоящим договором, имеют отойти к Хорватии, Сербии, Черногории и Греции.

Г. Сазонов был бы крайне признателен, если бы союзные правительства высказались бы теперь же в том же смысле [2]).

8/21 апреля 1915 г.

CXXVII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

Сэр Эдуард Грэй понимает предложение г. Сазонова в том смысле, что мы должны потребовать от Италии, когда она подпишет декларацию о присоединении к соглашению от 5 сентября 1914 г., подписать одновременно с этим декларацию о том, что в области разрешения вопросов, которые возникнут в связи с установлением мира, решения, принятые тремя союзниками до присоединения к ним Италии, должны оставаться ненарушимыми. Союзники до сих пор пришли к соглашению только по вопросу о Константинополе и Проливах. Мы ни в коем случае не обязаны испрашивать у Италии присое-

---

[1]) См. прим 4 на стр. 322.

[2]) Опубликовано в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 159, № 134.

[3]) Перев. с англ.

динения ее к этому соглашению, которое, естественно, остается в полной силе. В самом деле обращение к ней по этому поводу повлечет за собою только дальнейшие обсуждения, так как если другие державы, в настоящее время нейтральные, присоединятся к нам, они могут также потребовать обсуждения с ними этого вопроса, если он обсуждался с Италией. Это послужило бы поводом к новым обсуждениям и создало бы возможность разглашения вопроса, уже решенного тремя державами. Поэтому, по мнению сэра Эд. Грэя, было бы разумнее не поднимать этого вопроса. Сэр Эд. Грэй полагал, что было бы возможно, после того как Италия присоединится к соглашению от 3 сентября, поставить ее в известность, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть принят ею, как вопрос решенный, так как ее собственные требования были удовлетворены.

Сэр Эд. Грэй готов принять участие в этом сообщении после присоединения Италии, если г. Сазонов пожелает его сделать. Но он хотел бы, прежде чем поднимутся новые вопросы, видеть Италию окончательно связанной подписанием [соглашения] с тремя союзниками. Меморандум в теперешнем пересмотренном виде [1]), в который были включены некоторые пункты, не имевшиеся в итальянском проекте, как, например, о территориальном соприкосновении Греции и Сербии, еще до сих пор не принят итальянским правительством [2]).

22 апреля 1915 г.

CXXVIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1824. 9/22 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж.

В дополнение к моей телеграмме № 1797 [3]) считаю долгом сообщить Вам содержание переданной мною вчера английскому и французскому послам памятной записки:

«Уступая настойчивым просьбам»..... [4]).

Применительно к вышеизложенному Вам поручается по подписании соглашения передать Грэю и Камбону две ноты: первую—о неизменности уже состоявшихся между тремя державами решений, касающихся будущего мира, и вторую, — заключающую два пункта: 1), что на Черногорию не

---

[1]) Имеется в виду измененный текст соглашения с Италией, переданный Сазонову великобрит. послом в Петрограде 4/17 апреля 1915 г.

[2]) Выдержки из этого документа опубликованы в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 164, № 138.

[3]) См. стр. 324.

[4]) См. стр. 326.

наложено будет новых сервитутов в отношении нынешнего ее побережья, и 2), что части побережья и островов, которые не предоставляются Италии, имеют отойти к Хорватии, Сербии, Черногории и Греции. Вторую ноту Вам поручается передать также и итальянскому послу. При составлении означенных нот благоволите придерживаться возможно ближе вышеизложенного французского текста.

Сазонов.

CXXIX.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Сэр Джордж Бьюкенен получил инструкцию передать г. Сазонову выражение полного одобрения со стороны сэра Эдуарда Грэя позиции, занятой теперь г. Сазоновым по отношению к Италии.

Сэр Эдуард Грэй отмечает, что если мы не в силах добиться со стороны Италии предварительного обещания объявить войну 1-го мая, то мы можем настаивать на более раннем ее объявлении, после того как она свяжет себя подписанием соглашения; сэр Эдуард Грэй уверен, что, раз Италия даст свою подпись, тот факт, что она подписала соглашение, сделается известным различными путями и тотчас же окажет свое влияние на другие державы. Сэр Эдуард Грэй не допускает мысли, что получение со стороны Италии обещания объявить войну против двух держав, являющихся до сих пор номинально ее союзницами, сможет быть для нас при каких бы то ни было условиях дипломатическим поражением. Это будет несомненным поражением для Германии и Австрии, которые пытались обеспечить себе итальянский нейтралитет.

Проект меморандума все еще находится на рассмотрении итальянского правительства, и сэр Эдуард Грэй до сих пор не имеет известий, согласно ли оно принять его; однако, если оно предложит какие либо изменения, то, конечно, правительство его величества будет крайне этим недовольно.

Единственный факт, огорчающий сэра Эдуарда Грэя, это то, что г. Сазонов может подумать, что правительство его величества несправедливо настаивало на требовании уступок в пользу Италии. Правительство его величества, как это известно г. Сазонову, добилось от Италии уступок в вопросе о Спалато и Саббиончелло [2]), а если оно отнеслось неодобрительно к дальнейшим изменениям, то это произошло оттого, что на обсуждение и давление уходило драгоценное время. Сэр Эдуард Грэй надеется, что г. Сазонов поймет, что, делая эти уступки, правительство его величества проводит в жизнь заявлявшиеся им принципы. Сэр Эдуард Грэй не будет снова выдвигать вопроса о Константинополе и Проливах, так как он сознает, что после чрезвычайных

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) В виду настоятельных требований России, Италия согласна была на уступку Саббиончелло в пользу Сербии. (Пам. записка великобрит. посольства в Петрограде от 15 апреля 1915 г.). Что касается Спалато, то Италия еще в начале переговоров была готова предоставить его Сербии.

жертв, понесенных русской армией, ее блестящего мужества и того, как она сражалась в течение войны в интересах общего дела, — это означало бы, действительно, заведомо тормозить России полное осуществление ее стремлений на Ближнем Востоке.

Но когда шел вопрос об обеспечении сотрудничества Греции, правительство его величества проявило свою готовность отказаться в пользу Греции от своих собственных притязаний в районе Смирны [1]), где находится единственная в Малой Азии английская железнодорожная концессия [2]); и хотя греческому правительству не было сделано никаких заявлений относительно Кипра, правительство его величества, как это известно г. Сазонову, высказало свою готовность отдать этот остров Греции, если бы это было необходимо для обеспечения греческого сотрудничества [3]). Даже в настоящем соглашении с Италией правительство его величества допустило в принципе, статьей 13 меморандума, предоставление Италии компенсаций в районе Сомали [4]). И как только Италия станет союзницей, правительство его величества должно будет считаться с ее заинтересованностью в вопросе о Сенусси [5]), что причинит ему затруднения в Египте. До настоящего момента

[1]) См. прим. 2 на стр. 260.

[2]) См. прим. 3 на стр. 260.

[3]) В 1878 г. Кипр был оккупирован англичанами в силу, так называемой, кипрской конвенции от 4 июня того же года, ставившей его под контроль Англии. Первоначально управлялся верховным британским комиссаром. В 1880 г. был подчинен министерству колоний, хотя официально и продолжал именоваться частью Оттоманской империи. Аннексирован Англией 5 ноября 1914 г. В январе 1915 г. великобританское правительство, в целях привлечения Греции на сторону держав Согласия, выразило готовность уступить ей Кипр. В октябре 1915 г. в момент вступления Болгарии в войну Англия подтвердила свое согласие на уступку Кипра. Ст. ст. 115 — 117 Севрского договора от 10 августа 1920 г. Турция признала аннексию Кипра Англией и отказалась от всяких на него прав и притязаний. Это заявление было подтверждено ст. 20 Лозаннского договора от 24 июля 1923 г.

[4]) Ст. 13 соглашения с Италией от 13/26 апреля 1915 г. устанавливает, что «в случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и колоний, смежных с французскими и английскими». (См. «Раздел Азиатской Турции». Прил. № 2).

[5]) Сенусси — религиозное братство мусульман Африки, основанное в 19 в. шейхом Сиди-Сенусси. Территориально сфера влияния братства не вполне определена, но фактически центром его являются области, расположенные по границам европейских владений в сев. Африке. Во время мировой войны 1914 — 1917 г.г. члены братства под руководством шейха Сиди-Ахмада вели упорную борьбу с англичанами, французами и итальянцами в Египте, Судане, Триполи и Марокко. В 1918 г. после ряда поражений Сиди-Ахмад принужден был бежать и был заменен Сиди-Мохамедом, немедленно вступившим в переговоры с державами Согласия о прекращении военных действий. В 1919 г. он отправил специальную миссию в Рим и в ноябре 1920 г. добился соглашения с итальянским правительством, признавшим духовные и политические права шейха в области его наследственных владений, превращенных в эмират. Этим фактически итальянский протекторат был закреплен, что, как мы видим, в принципе допускалось державами уже в 1915 г.

правительство его величества ничего не требовало для себя, за исключением протектората над Египтом, что, в конечном счете, является только закреплением положения, которое Великобритания фактически занимала более 30 лет [1]).

Сэр Эдуард Грэй надеется, что г. Сазонов поймет, что позиция, занятая правительством его величества в переговорах с Италией, защищавшим необходимость уступок для обеспечения итальянского сотрудничества, оправдывается его готовностью итти на уступки всякий раз, когда это представлялось необходимым для общего дела.

Сэр Эдуард Грэй добавляет, что уступки в Адриатике, в конце концов, не производятся непосредственно за счет России и они даже оставляют возможность славянским народностям осуществить в наибольшей части их стремления. Сэр Эдуард Грэй хотел бы, чтобы сэр Дж. Бьюкенен передал это лично от него г. Сазонову для того, чтобы показать, как высоко он ценит жертву, которую, как он знает, принес г. Сазонов со своей точки зрения, и как сильно он желает сохранить с ним близкие отношения и избежать недоразумений [2]).

22 апреля 1915 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CXXX.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова, переданная великобританскому послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену и сообщенная французскому послу М. Палеологу [3]).

В ответ на памятные записки, которые его превосходительство сэр Джордж Бьюкенен ему передал сегодня, г. Сазонов имеет честь заявить, что он принимает обе формулы, предложенные для соглашения с Италией, как ту, которая должна быть опубликована, так и ту, которая предназначена остаться секретной [4]).

Как сказал вчера г. Сазонов, гр. Бенкендорф уполномочен формулировать после подписания соглашения известные оговорки, единственной целью которых является уточнить точку зрения России на вопросы, относительно которых к тому же, повидимому, существует полная согласованность мнений между лондонским и петроградским кабинетами. Действительно, г. Сазонов с удовольствием констатировал, что сэр Эд. Грэй, так же как и он, считает вопрос о Константинополе и Проливах окончательно урегулированным, и что он равным образом разделяет точку зрения г. Сазонова на недопустимость нейтрализации черноморского побережья, освобожденного с 1909 г.

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 234.

[2]) Выдержки из этого документа опубликованы в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 166, № 141.

[3]) Перев. с фр.

[4]) См. стр. 327.

от подобных сервитутов за исключением некоторых ограничений, касающихся порта Антивари.

Что касается изменений, которые барон Соннино старается ввести в текст меморандума [1]), г. Сазонов находит, что по сравнению с другими статьями этого документа, которые императорское правительство хотя и не одобрило, но приняло уже, — эти новые изменения не представляют значения и могут быть приняты без затруднения [2]).

9/22 апреля 1915 г.

CXXXI.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

В телеграмме от 9/22 апреля сэр Эд. Грэй заявил, что он вполне готов обменяться нотами с французским и российским послами относительно того, что соглашения, уже состоявшиеся между союзниками, не подлежат дальнейшему пересмотру в связи с присоединением Италии [4]).

23 апреля 1915 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CXXXII.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [5]).

Первый секретарь его британского величества передал г. Делькассэ через сэра Фрэнсиса Берти, что он готов обменяться с гр. Бенкендорфом и г. Полем Камбоном нотами, указывающими, что обязательства, уже принятые союзниками, сохраняются в полной силе и не могут быть пересмотрены в связи с присоединением Италии к декларации от 5 сентября 1914 г.

В виду того, что такова была с самого начала точка зрения правительства республики, г. Делькассэ уполномочил г. Поля Камбона принять участие в этом обмене нотами [6]).

24 апреля 1915 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

---

[1]) Главнейшие изменения, предложенные Соннино, были следующие: a) Соннино настаивал на включении в текст меморандума пункта о признании суверенных прав Италии над Додеканезом и b) считал преждевременным установление сербо-греческой границы в районе оз. Охриды. (Пам. записка великобрит. посольства в Петрограде от 22 апреля 1915 г.).

[2]) Изложение этого документа имеется в сборнике «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 164, № 139.

[3]) Перев. с англ.

[4]) Опубликовано в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 168, № 143.

[5]) Перев. с фр.

[6]) Изложение этого документа имеется в сборнике «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 169, № 144.

CXXXIII.

Президент французской республики Р. Пуанкарэ императору Николаю II.

Телеграмма [1]).

Дорогой и высокий друг,

Я благодарю ваше величество за телеграмму [2]). С начала военных действий Франция от всего сердца присоединилась к России в деле защиты интересов славянских народов и она вполне надеется, что в момент окончательного решения Сербия и Черногория получат вне территорий, предоставленных Италии по общему соглашению с союзниками, преимущества, которые обеспечат этим нациям при установившемся мире полное процветание.

Правительство республики, кроме того, полагает, так же как и ваше величество, что вмешательство Италии не сможет ничего изменить в соглашениях, предварительно заключенных между союзниками на предмет их требований и взаимных притязаний. Пользуюсь возможностью снова выразить вашему величеству уверения в моей искренней дружбе [3]).

Р. Пуанкарэ.

CXXXIV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1887. 12/25 апреля 1915 г.

7 апреля президент французской республики прислал на имя государя императора, через здешнего французского посла, телеграмму, в которой, указывая на важность скорейшего заключения соглашения с Италией, он просил его величество, во имя интересов союзников, согласиться на подписание этого соглашения, не настаивая на принятии всех поставленных Россией условий. Государю императору благоугодно было на это ответить, также через г. Палеолога, что хотя условия соглашения его во многом не удовлетворяют, однако, раз президент обратился к нему, ссылаясь на интересы союзников, его величество соглашается уполномочить своего посла в Лондоне подписать договор, в надежде, что союзники постараются ускорить выступление Италии и что все соглашения, ранее заключенные Россией, Францией и Англией, останутся незыблемыми. Эта телеграмма его императорского величества вызвала новую телеграмму г. Пуанкарэ, который, выражая благодарность за последовавшее высочайшее соизволение подписать дого-

---

[1]) Перев. с фр. В деле архива б. министерства иностранных дел «Выступление Италии», ч. I, имеется копия телеграммы Пуанкарэ с собственноручной пометкой Николая II (черта и две точки), при чем на копии дата отсутствует.

[2]) См. стр. 326.

[3]) Опубликовано в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 167, № 142.

вор с Италией, пожелал лично дать заверение, что при заключении мира Франция окажет содействие в защите интересов славянских народов, а также что состоявшиеся уже раньше между союзниками соглашения, в глазах французского правительства, не могут подвергнуться изменениям, вследствие присоединения теперь к нам Италии. Изложенная телеграмма была отправлена мною с фельдъегерем государю императору, пребывающему в действующей армии. Ныне я получил высочайшее повеление передать в Париж следующую ответную телеграмму его императорского величества президенту республики:

«Дорогой и высокий друг,

Я тем более благодарен Вам за Вашу телеграмму, что я с удовольствием усмотрел в ней добрые намерения Франции в области защиты интересов славянских народов в момент окончательного мира. Равным образом я признателен Вам за то, что Вы пожелали подтвердить полное согласие, существующее между нашими двумя правительствами, по вопросу о незыблемости ранее заключенных между союзниками соглашений.

Прошу Вас верить чувствам верной и искренней дружбы» [1]).

Благоволите доставить эту высочайшую телеграмму по назначению.

Сазонов.

CXXXV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 283. 15/28 апреля 1915 г.

Обмен нотами состоялся сегодня. Они датированы вчерашним числом — 26 апреля [3])—и подписаны. Моя нота гласит, что, «подписывая акт присоединения Италии к союзу России, Франции и Великобритании, я уполномочен моим правительством довести до сведения вашего превосходительства, что Россия рассматривает обязательства, ранее принятые союзниками для урегулирования вопросов, относящихся к будущему миру, как долженствующие сохранить в полной мере свою силу и как неспособные подвергнуться никакому пересмотру в связи с присоединением Италии». Грэй мне ответил, уведомляя меня о получении моей ноты, текст которой он повторяет. Он заканчивает словами, что «он имеет честь сообщить мне, что королевское правительство в полном согласии с императорским правительством присоединяется к вышеуказанной ноте». Нота Камбона начинается с повторения текста моей ноты и заканчивается так: «доводя до сведения вашего превосходительства о по-

[1]) Текст в кавычках в подлиннике на французском языке. Опубликован в «L'intervento dell'Italia nei documenti segreti dell'Intesa», p. 169, № 146.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Очевидно, телеграмма эта была составлена 14/27 апреля и отправлена на следующий день, т.-е. 15/28 апреля.

лучении этого сообщения, имею честь поставить Вас в известность, что я уполномочен заявить, что мое правительство находится в полном согласии с императорским российским правительством о значении ранее состоявшихся между союзниками соглашений и что оно вполне присоединяется к Вашей сегодняшней ноте».

Бенкендорф.

CXXXVI.

Великобританский посланник в Афинах сэр Ф. Эллиот статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 488. 9 июля 1915 г.

Доверительно.

Греческое правительство получило известие из Рима, что между Германией и Италией заключено соглашение, в силу которого первая обязалась не посылать войск в Трентино, при условии, если вторая не будет посылать их в Дарданеллы.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CXXXVII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4098. 10/23 августа 1915 г.

Доверительно.

Копия Ниш.

Из телеграмм Трубецкого явствует, что Пашич предполагает предложить союзным войскам занять Македонию. В виду того, что у союзников не может быть свободного необходимого контингента, не найдет ли правительство, при котором Вы аккредитованы, возможным предложить Италии послать в Дарданеллы отряд на смену войскам, которые могли бы быть в таком случае направлены через Дедеагач в Македонию.

Сазонов.

CXXXVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 520. 12/25 августа 1915 г.

Копия в Лондон.

Ваша телеграмма № 4098 получена.

Делькассэ, которому я сообщил ее содержание, сказал мне, что он занят сейчас обсуждением вопроса о практическом осуществлении занятия

[1]) Перев. с англ.

Македонии союзными войсками. В Лондоне считают, что для этого достаточно англо французского отряда в 1000 человек. Делькассэ не предвидит препятствий к посылке такого или даже несколько большего контингента из числа войск, находящихся в Дарданеллах. Что касается Италии, он думает, что она охотно примет участие в занятии Македонии, но сомневается, чтобы она согласилась послать войска в Дарданеллы.

Извольский.

CXXXIX.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 775. 14/27 августа 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Получил № 4098.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 752 [1]).

После заявления английского посланника по вопросу об оккупации, Пашич, очевидно, будет ожидать инициативы союзников в этом вопросе, вследствие чего и предупредил, что соответствующая просьба должна быть формулирована . . . . . Что касается практического осуществления, то нельзя упускать из виду, кроме того, что из Дедеагача в Македонию можно попасть по железной дороге либо через турецкую, либо через греческую территорию. Едва ли союзники решатся отправить войска пешим строем через Болгарию. Вообще говоря, в виду опасности австро-германского влияния, не уверившись в сообщении с Салониками, следует считать все предприятие крайне рискованным. Помимо того, если бы занята была только сербская территория, а не греческая, то державы совершенно не предотвратили бы возможной смуты на Балканах. Нападение Болгарии на Грецию поставило бы вновь перед сербами вопрос о союзных обязательствах [2]), а державам пришлось бы считаться с вероятным прерванием железнодорожного сообщения Дунай-Салоники, значение коего все возрастает для наших военных грузов. По всем этим причинам занятие Салоник совершенно необходимо. Насчет комбинации с заменой итальянскими войсками части союзных войск в Дарданеллах, позволяю себе высказать, что если бы сами союзники пришли к сознанию необходимости такой замены, нам, конечно, пришлось бы с этим помириться, но едва ли наш интерес может побуждать нас самих выступать с таким предложением, которое клонится к усилению влияния Италии в разрешении константинопольского и балканского вопросов.

Трубецкой.

---

[1]) В телеграмме за № 752 от 7/20 августа 1915 г. Трубецкой передает содержание заявления великобританского посланника в Нише сербскому правительству о желательности получить согласие Сербии на занятие линии Вардара союзными англо-французскими войсками, в случае выступления Болгарии против Турции.

[2]) Повидимому, имеется в виду сербо-греческая военная конвенция от 19 мая/1 июня 1913 г., предусматривавшая военную помощь, в случае нападения Болгарии на одну из союзниц.

CXL.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 333. 15/28 августа 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Факт объявления войны Италией Турции [1]) дал повод к распространению слуха о посылке Италией десантного корпуса в Малую Азию. Слух этот усилился в дипломатическом корпусе, когда стало известным, что на запрос румынского посланника министр иностранных дел не дал, будто бы, определенного ответа. Других более положительных данных об итальянских намерениях у меня нет, но буду следить за этим вопросом, воздерживаясь пока от запроса министру, чтобы не наводить его на мысль, осуществление коей нежелательно. Она не согласна с мнением, господствовавшим в различных сферах всего две недели назад. Соннино говорил мне тогда, что нет речи о посылке итальянского отряда к Дарданеллам [2]). Саландра в беседе с французским послом об итало-турецкой войне называл ее чисто платонической, так как фактических действий, вероятно, не будет.

Гирс.

CXLI.

Российский посланник при св. Престоле Д. А. Нелидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

(С копии письма).

№ 30. Рим, 20 октября/2 ноября 1915 г.

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич,

Дней десять тому назад появилась в клерикальной газете «Corriere d'Italia» статья, без подписи, но явно редакционного происхождения, под заглавием «Cipro o Constantinopoli» и краткий смысл коей сводится к нижеследующему.

Если Греция не стала на сторону Четверного Согласия, несмотря на предложение Кипра [3]), если вообще дипломатическое воздействие Согласия не имело успеха среди балканских держав, то это зависит вовсе не от неумения союзных представителей или недостаточности розданных ими обещаний, а исключительно от ошибочности основного задания: для того, чтобы

---

[1]) Италия объявила войну Турции 8/21 августа 1915 г.

[2]) Итальянские войска к Проливам посланы не были, и сам галлиполийский фронт был ликвидирован в ноябре—декабре 1915 г. Позднее итальянские войска приняли участие в операциях салоникской армии в 1916 г.

[3]) См. прим. 3 на стр. 330.

политика держав Согласия могла иметь успех на Балканском полуострове, необходимо лишь, чтобы Россия отказалась от своих притязаний на Константинополь, с каковыми к тому же весьма де неохотно примирилась Англия.

Через два дня в той же газете появилась другая заметка, в коей справедливость вышеизложенных соображений подтверждалась ссылкой на какого-то афинского осведомителя.

Опасаясь, что эти разглагольствования составляют начало какой-либо газетной кампании, направленной к вызову недоразумений между державами Согласия и вдохновение к коей могло исходить и не из ватиканских кругов, я счел полезным обратить на это обстоятельство внимание монсиньора Пачелли, секретаря конгрегации чрезвычайных дел, в совершенно, впрочем, частной беседе. Я указал ему, что к вопросу об обеспечении себе безусловной свободы плавания чрез Проливы, ставшему особенно острым после ничем не вызванного нападения на нас Турции, общественное мнение России относится особенно чутко и ревниво и что, каково бы ни было отношение к этому вопросу наших союзников, — он не служит нигде предметом гласного обсуждения. Следовательно, для органа печати, если не признанно-официозного, то во всяком случае заведомо доступного воздействию св. Престола,— этой считающей себя сверхнациональной и принципиально миротворческой власти, — едва ли является подходящею ролью возбуждение щекотливых вопросов и при том в форме, способной вызвать в России неприязненное подозрение, а среди союзников по меньшей мере недоумение. Этими же соображениями я поделился со своим великобританским и бельгийским коллегами, на случай именно дальнейшего развития этих газетных толков.

Опасения мои пока не оправдались и упомянутые газетные статьи остались единичными.

Но из разговоров на эту тему я не мог не вынести убеждения, что перспектива возможного водворения России в Царьграде и «Креста на св. Софии» составляет ныне очередную заботу католичества. Один перешедший в католичество румын без обиняков заявил мне, что вопрос об обладании Россией Царьградом не только отвлек от нас симпатии большинства его единоплеменников, так же как и балканских народностей вообще, но и стал предметом особого внимания св. Престола, давшего будто бы своей печати определенный mot d'ordre всячески его использовать против политики России, после того, как предшествовавшая тема о религиозном гнете нашем в Галиции в силу самих обстоятельств уже потеряла непосредственный интерес и отчасти убедительность.

Довольно симптоматичным считаю я замечание, сделанное мне моим бельгийским сотоварищем, что де вопрос о владении Константинополем, как вопрос политический, должен быть безразличен св. Престолу, но что последнему нельзя воспретить интересоваться религиозными последствиями могущих там произойти перемен и быть озабоченным о сохранении религиозной свободы для местных католических жителей. «Для этого, впрочем, — прибавил г. Ван-ден-Гевель, — есть открытый путь переговоров».

Повторяю—какой-либо форменной кампании на указанную тему я пока не замечаю, но счел уместным занять внимание вашего высокопревосходитель-

ства всем вышеизложенным, на случай, если бы императорскому министерству угодно было преподать мне какие-либо руководящие указания по предмету, затронутому в настоящем донесении.

Примите и проч.

Нелидов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

§ 2. Сообщение Италии ближневосточных соглашений и присоединение ее к соглашению о Константинополе и Проливах 1915—1916 г.г.

CXLII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1891. 24 августа 1915 г.

Сегодня в разговоре итальянский посол заявил мне, что, в виду того, что Италия находится в состоянии войны с Турцией [2]), было бы желательно поставить Италию в известность о состоявшемся соглашении по вопросу о будущей судьбе Константинополя. Я ответил, что, не посоветовавшись с французским и российским правительствами, я не могу ничего сказать, но что, с точки зрения британского правительства, наша политика не ставит себе целью препятствовать выходу России в Средиземное море. Россия.... [3]) контроль над ним.

Итальянский посол сказал, что это равнялось бы праву закрывать против..... [4]). Я возразил, что это равнялось бы праву закрывать вход в Черное море неприятельским судам.

Осведомьтесь, что сказал бы г. Сазонов. Я предложил бы следующий ответ [5]).

CXLIII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [6]).

№ 1891/a. 24 августа 1915 г.

Смотрите мою непосредственно предшествующую телеграмму.

Я предложил бы осведомить Италию, что в марте сего года британское и французское правительство договорились, что в случае, если бы война была

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) См. прим. 1 на стр. 337.

[3]) В подлиннике пропуск 12 слов.

[4]) В подлиннике пропуск 1 слова.

[5]) См. следующий документ.

[6]) Перев. с англ.

доведена до победного конца и цели Великобритании и Франции в Оттоманской империи и других местах были бы осуществлены, они согласились бы на предоставление России Константинополя и Проливов. До сведения ее можно было бы равным образом довести, что российское правительство согласно, когда Константинополь перейдет в русские руки, принять все меры к организации свободного порта для товаров, следующих транзитом в и из не-русской территории, и что будет установлена свобода для торговых судов, проходящих через Проливы. Кроме того, Россия не преминет рассеять всякие опасения Румынии и Болгарии относительно невыгод, проистекающих для них от владычества России в Константинополе и Проливах. Было бы лучше подчеркнуть эти пункты, чтобы избежать всякого неблагоприятного впечатления на Балканах. До сведения итальянского правительства должно быть также доведено, что ни Франция, ни Великобритания еще не вполне формулировали свои пожелания, поскольку это касается их интересов в Оттоманской империи и в других местах [1]). В силу чего эти последние подлежат еще обсуждению, с момента же вступления Италии в войну по этому поводу не было никаких обсуждений. Итальянские пожелания были формулированы и приняты, и мы полагаем, что Италия, когда ее пожелания будут осуществлены, согласится со своей стороны удовлетворить пожелания России.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Хороший ответ».

CXLIV.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

Посольство его королевского величества имеет честь довести до сведения императорского министерства иностранных дел, что итальянский посол в Лондоне заявил сэру Эдуарду Грэю, что теперь, когда Италия находится в состоянии войны с Турцией, было бы справедливо осведомить ее о содержании всех соглашений, заключенных между 3-мя державами по вопросу о будущей судьбе Константинополя.

Сэр Эдуард Грэй предложил бы, в случае согласия на то г. Сазонова, осведомить Италию, что в марте сего года французское и британское правительства договорились, что в случае, если бы война была доведена до победного конца и цели Великобритании и Франции в Оттоманской империи и других местах были бы осуществлены, они согласились бы на предоставление России Константинополя и Проливов. До сведения ее можно было бы равным образом довести, что российское правительство согласно, когда Константинополь перейдет в русские руки, принять меры к организации свободного

---

[1]) Соглашение между Россией, Францией и Англией по малоазиатскому вопросу было заключено в 1916 г. (См. «Раздел Азиатской Турции»).

[2]) Перев. с англ.

порта для товаров, следующих транзитом в и из не-русской территории, и что там будет свобода торговли для коммерческих судов, проходящих через Проливы. Кроме того, Россия не пожалеет усилий, чтобы успокоить всякое опасение Румынии и Болгарии относительно невыгод, проистекающих для них от владычества России в Константинополе и Проливах. Лучше было бы подчеркнуть эти пункты, чтобы избежать всякого неблагоприятного впечатления на Балканах, в случае, если это там сделается известным. До сведения итальянского правительства должно быть также доведено, что ни Франция, ни Великобритания еще до сих пор не формулировали своих пожеланий, поскольку это касается их интересов в Оттоманской империи и в других местах. В силу чего эти последние подлежат еще обсуждению, а с момента вступления Италии в войну по этому поводу не было никаких обсуждений. Итальянские пожелания были формулированы и приняты, и мы полагаем, что Италия, когда ее пожелания будут осуществлены, согласится с пожеланиями России.

Далее сэр Эдуард Грэй полагает, что, если бы Италия отнеслась благосклонно к вышеприведенному сообщению, можно было бы предложить ей принять точные условия русского меморандума от 4 марта 1915 г. [1])

26 августа 1915 г.

CXLV.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде, М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [2]).

Г. Сазонов разделяет мнение сэра Эд. Грэя, что было бы своевременно поставить Италию в известность о соглашении, состоявшемся между 3 державами Согласия по вопросу о будущей судьбе Проливов и г. Константинополя. Тем не менее он полагает, что подобного рода сообщение должно быть отложено до момента выполнения Италией обязательств, возложенных на нее в силу Лондонского соглашения [3]). В настоящую минуту г. Сазонов считал бы вполне достаточным ограничиться простым заявлением римскому кабинету, что, независимо от судьбы, предназначенной Проливам после войны, торговые интересы Италии будут широко ограждены.

14/27 августа 1915 г.

---

[1]) См. стр. 252.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Имеется в виду ст. 2 Лондонского договора от 13/26 апреля 1915 г., возлагавшая на Италию обязательство «использовать все средства для ведения войны совместно с Францией, Великобританией и Россией против всех их врагов». Однако, к концу августа 1915 г. Италия находилась в войне только с Австрией и Турцией. Объявление Италией войны Германии состоялось 15/28 августа 1916 г.

CXLVI.

Итальянский посол в Петрограде марк. А. Карлотти министру иностранных дел бар. С. Соннино.

Шифрованная телеграмма [1]).

Телеграмма-кабинет-№ 190. 18 мая 1916 г.

Секретно.

По моим сведениям, существует будто бы секретный договор между Россией, Англией и Францией, по которому две последние державы объявили, что они согласны отнестись благожелательно к притязаниям первой в Турции, а также предоставить ей со своей стороны гарантии, необходимые для того, чтобы обеспечить ей безусловную и полную свободу сообщения между морями Черным и Средиземным, а также и для того, чтобы обеспечить ее в будущем от возможности новых нападений со стороны Турции.

Что касается Персии, то я не знаю, было ли заключено соглашение, но если оно уже подписано, то таковое состоялось на основе сохранения персидской независимости и нового распределения между собою сфер влияния [2]).

CXLVII.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу в Петрограде марк. А. Карлотти.

Шифрованная телеграмма [3]).

Телеграмма-кабинет-№ 655. 22 мая 1916 г.

Сообщение из Парижа от 19 текущего месяца, телеграмма-кабинет-№ 91.

Бриан и Камбон повторно заявили мне, что по поводу соглашения с Россией относительно Турции им ничего не известно, кроме того, что они сообщили и о чем я уже доложил вашему превосходительству.

Действительно, чтобы уничтожить всякое недоразумение, Бриан предписал по телеграфу французскому послу в Лондоне заявить Грэю, что французское правительство считает не только необходимым [4]), чтобы Грэй сообщил итальянскому правительству во всех деталях договор с Россией, но что оно полагает неизбежным [5]) это сообщение. После этого Бриан мне повторил, что французским и итальянским правам и интересам никоим образом не может быть причинен ущерб [6]).

---

[1]) Перев. с итал.

[2]) См. стр. 276.

[3]) Перев. с итал.

[4]) В подлиннике: «necessario».

[5]) В подлиннике: «indispensabile».

[6]) В феврале—апреле 1916 г. между Россией, Англией и Францией шли переговоры о разделе сфер влияния в Азиатской Турции, приведшие 13/26 апреля к обмену нот между Россией и Францией и в мае-сентябре — между Россией и Англией. В мае 1916 г. состоялся обмен нот по тому же поводу между француз-

CXLVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 268. 11/24 мая 1916 г.

Копии в Париж и Рим.

Получил Ваш № 2108 [2]).

Инструкции, данные Вами Гирсу, не вполне отвечают положению, как его понимает Грэй. В виду того, что Империали обратился к нему с устным запросом, Грэй считает нужным, предварительно договорившись с петроградским и парижским кабинетами о характере ответа, сообщить его Империали устно, так, чтобы не было никакой необходимости в коллективном выступлении в Риме, против которого он имеет серьезные возражения и которое он полагает несвоевременным в настоящий момент. Доверительно.—Судя по позиции Империали, римский кабинет придает вопросу о Константинополе и связанным с ним секретным соглашениям столь крупное значение, что осторожность в переговорах мне представляется действительно весьма желательной.

Бенкендорф.

CXLIX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 341. 12/25 мая 1916 года.

Продолжение № 340 [3]).

До сих пор ни в печати, ни в многочисленных застольных речах не было ни с французской, ни с нашей стороны каких-либо неосторожных выступле-

---

ским и великобританским правительствами. Документы, касающиеся этих соглашений, опубликованы в «Разделе Азиатской Турции». (См. также телеграмму Штюрмера от 24 августа/6 сентября 1916 г., № 3865, стр. 346).

[1]) Перев. с фр.

[2]) В телеграмме от 4/17 мая 1916 г. за № 2108 Сазонов сообщает российскому послу в Риме Гирсу, что в связи с речью великобританского премьера Асквита представителям русских законодательных учреждений итальянский посол в Лондоне Империали запросил английское правительство, «существует ли между Россией, Францией и Англией соглашение касательно Турции». Извещенный об этом Грэем, Сазонов указал союзным послам в Петрограде, что, по его мнению, «пока отношения Италии и Германии не будут окончательно выяснены, державы не могут приобщить ее к другим соглашениям». (См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 194).

[3]) В телеграмме от 11/24 мая 1916 г. за № 340 Извольский сообщает о приеме, оказанном русской парламентской делегации, посетившей Францию в мае 1916 г.

ний по деликатным вопросам, в роде польского. На «Quai d'Orsay» [1]) были немного смущены тем, что в интервью с редактором мало читаемой газеты «l'Oeuvre» Милюков упомянул, с точным обозначением месяца и года, о соглашении между Россией, Францией и Англией о Константинополе и Проливах. Газета была конфискована, главным образом, в виду переговоров, возникших [в связи с] настоянием Италии о сообщении ей сказанного соглашения. С другой стороны, заявления наших парламентариев об отношении всех слоев русского народа к вопросу о Константинополе и Проливах могут иметь самое благотворное влияние на здешнее общественное мнение. В общем визит делегации протекает при самых благоприятных условиях.

Извольский.

СЕ.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 280. 13/26 мая 1916 г.

Копия в Париж.

Получил Ваш № 2200 [3]).

Моя телеграмма № 276 [4]) явилась в результате недоразумения между Грэем и Камбоном. Грэй сказал мне, что, не желая дальнейшим молчанием обострять деликатный вопрос между союзниками и, особенно, имея в виду военное положение в Италии, он вчера в достаточно ясной, хотя и дружественной форме, сделал заявление Империали. Грэй сказал Империали, что если он взял на себя инициативу ответа на вопросы, которые последний поставил ему незадолго до этого и еще совсем недавно по поводу Константинополя, то только потому, что боялся погрешить против вежливости, откладывая разговор. Грэй сказал, что, действительно, при первом же запросе он совещался с российским и французским правительствами, но что у трех

---

[1]) На «Quai d'Orsay» помещается французское министерство иностранных дел.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Телеграммой за № 2200 от 10/23 мая 1916 г. Сазонов передает свое согласие на предложение Грэя, чтобы предположенное сообщение Италии ближневосточных соглашений состоялось в Лондоне. (См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 198).

[4]) В телеграмме от 13/26 мая 1916 г. за № 276 Бенкендорф сообщает со слов французского посла в Лондоне Камбона, что, в связи с неудачами итальянских войск в Трентино и стремлением Италии денонсировать германо-итальянское соглашение 1914 г. об обеспечении взаимной защиты подданных и их имуществ во время войны, Грэй считает необходимым отложить сообщение Империали о состоявшихся между союзниками ближне-восточных соглашениях до более подходящего момента.

кабинетов составилось мнение, что для того, чтобы итальянское правительство было полностью поставлено в известность о переговорах, которые имели место, необходимо дождаться того момента, когда Италия окажется в одинаковом положении с союзниками, т.-е. в войне со всеми неприятельскими державами, и что благоприятная минута для этого наступит именно тогда, когда будет объявлена война между Италией и Германией. Грэй сказал ему, что в самом деле произошел обмен мнений по вопросу о Константинополе, но что это имело место до присоединения Италии к союзу, что во всяком случае как до, так и после этого присоединения три державы постоянно принимали в соображение итальянские интересы, как они выражены в соглашении с Италией. Грэй добавил, что, по его сведениям, Италия намерена аннулировать германо-итальянское соглашение 1914 г. по вопросу об интересах подданных, что это могло бы легко повлечь за собою состояние войны и что, принимая во внимание это обстоятельство, он просил бы посла не слишком торопить его в настоящее время более точным ответом, а удовлетвориться тем, что он ему сказал с полной откровенностью. По словам Грэя, Империали показался ему вполне удовлетворенным.

Бенкендорф.

CLI.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер [1]) послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3864. 24 августа/6 сентября 1916 г.

№ 1. За № 2 Вам передается проект сообщения, которое могло бы быть сделано итальянскому правительству союзными послами в Риме, каждым в отдельности [2]). Само собою разумеется, что все неупомянутые в этом сообщении подробности, относительно которых уже состоялось между Францией, Англией и Россией соглашение путем предыдущего обмена нот, остаются в силе.

О последующем благоволите телеграфировать [3]).

Штюрмер.

---

[1]) 7/20 июля 1916 г. Сазонов был уволен от должности министра иностранных дел с назначением в государственный совет. Министром был назначен председатель совета министров Штюрмер.

[2]) Документы, относящиеся к переговорам союзных держав о сообщении ближневосточных соглашений Италии, опубликованы в «Разделе Азиатской Турции», стр. 189 и след.

[3]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 224.

CLII.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма [1]).

№ 3865. 24 августа/6 сентября 1916 г.

№ 2. Во время переговоров, имевших место между правительствами Великобритании, Франции и России по вопросам, касающимся Востока, было установлено:

§ 1. Франция и Великобритания не выставят никаких возражений против того, чтобы город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, южная Фракия до линии Энос — Мидия, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекою Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, равно как острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос были включены в состав России.

§ 2. Франция, Великобритания и Россия готовы признать и взять под свое покровительство независимое арабское государство или федерацию арабских государств под сюзеренитетом арабского вождя. В зоне, расположенной к северу от этой области, — Франция, и в зоне, расположенной к югу, — Великобритания будут иметь право на предприятия и местные займы и будут в праве установить такое управление, — прямое или косвенное, — или такой контроль, которые они пожелают и которые они сочтут подходящими для страны.

Что касается Палестины, то здесь будет учреждено международное управление, форма которого будет решена позднее, при условии, что всем христианским учреждениям, находящимся в Святой Земле, будет обеспечено сохранение их прежних прав и привилегий.

§ 3. Россия аннексирует область Малой Азии вплоть до подлежащего определению пункта на побережьи Черного моря к западу от Трапезонда, равно как и область Курдистана, расположенную к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией, и областью Мергевера.

Франция аннексирует территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином и Харпутом, равно как и области Сирии и Киликии.

Великобритании будет предоставлена южная часть Месопотамии и порты Хайфа и Акра.

Сообщая все вышеизложенное королевскому правительству, посол..... имеет честь прибавить по распоряжению своего правительства, что постано-

[1]) Перев. с фр.

вления ст. 9 Лондонского соглашения, заключенного 13/26 апреля 1915 г. между Италией, Великобританией, Францией и Россией касательно признания специальных интересов Италии в провинции Адалии и областях, прилегающих к Средиземному морю, в случае раздела Азиатской Турции, само собою разумеется, останутся в силе [1]);

Штюрмер.

CLIII.

Памятная записка итальянского министра иностранных дел, переданная послом в Петрограде марк. А. Карлотти председателю российского совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру [2]).

№ 2 [3]). 19 ноября 1916 г.

Королевское правительство ознакомилось с документами, которые были сообщены лордом Грэем маркизу Империали 5 сего октября, а именно:

1) циркулярной русской телеграммой от 4 марта 1915 г. относительно Константинополя и Проливов [4]);

2) Вербальной нотой, переданной г. Палеологом г. Сазонову 10 апреля 1915 г., в ответ на предыдущее [5]);

3) Памятной запиской британского правительства российскому правительству с меморандумом, переданным послом его британского величества в Петрограде г. Сазонову, приложенным к вышеуказанной памятной записке от 12 марта 1915 г. [6]);

4) Текстом англо-французского соглашения касательно Малой Азии со следующими приложениями [7]):

a) Вербальной нотой, адресованной сэром Эдуардом Грэем г. Полю Камбону, от 15 мая 1916 г.;

b) Вербальной нотой, адресованной г. Камбоном сэру Эдуарду Грэю, от 15 мая 1916 г.;

c) Вербальной нотой, адресованной сэром Эдуардом Грэем г. Камбону от 16 мая 1916 г.;

5) Текстом меморандума российского правительства от 17 марта 1916 г. касательно Малой Азии;

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 225.

[2]) Перевод с французского, подлинный текст, повидимому, итальянский.

[3]) За № 1 Карлотти передал Штюрмеру меморандум итальянского правительства о пожеланиях Италии в Азиатской Турции. (См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 253). Оба меморандума явились ответом Италии на сделанное 5 октября 1916 г. Грэем итальянскому послу в Лондоне Империали сообщение о заключенных между союзниками ближневосточных соглашениях.

[4]) См. стр. 252.

[5]) См. стр. 295.

[6]) См. стр. 274 и 275.

[7]) Документы, значащиеся в тексте под пунктами 4—6, опубликованы в «Разделе Азиатской Турции» (стр. 204, 163, 185—188), за исключением текста англо-французского соглашения о Малой Азии и двух нот Грэя Камбону от 15 и 16 мая 1916 г., отсутствующих в архиве б. министерства иностранных дел.

6) Текстом франко-русского соглашения по тому же вопросу от 26 апреля 1916 г. с вербальной нотой, адресованной г. Палеологом г. Сазонову от 26 апреля 1916 г., приложенной к вышеуказанному тексту.

Вышеупомянутые соглашения, состоявшиеся между Францией, Великобританией и Россией, касаются ряда вопросов, затрагивающих итальянские интересы. Королевское правительство, проникнутое на законном основании чувством доверия и дружбы по отношению к союзникам, в ответных симпатиях которых оно не сомневается, не будет останавливаться на том обстоятельстве, что эти соглашения были заключены без ведома, против всякого ожидания его. Королевское правительство ограничивается установлением с настоящего момента основных пунктов, на которые оно хотело бы обратить внимание союзных правительств, чтобы добиться редакции договоров, о которых идет речь, на основе полного равноправия с другими договаривающимися правительствами, что представляется существенно важным для королевского правительства.

Вопрос о Константинополе и Проливах всегда составлял предмет живейшего внимания итальянской политики в Средиземном море, и королевское правительство вполне отдает себе отчет в важности и значительности нового положения вещей, которое будет установлено на этом море, как только Россия достигнет своей вековой цели. Королевское правительство было бы счастливо дать свое согласие на пожелание императорского правительства в смысле циркулярной русской телеграммы от 4 марта 1915 г. при условии, что война будет доведена до победного конца и что Италия осуществит свои стремления на Востоке, как и в других местах. Свобода прохода через Проливы и учреждение порто-франко в Константинополе, а также всякого рода привилегии, которыми пользуются другие союзники по отношению к учреждениям, управлениям, религиозным, школьным и больничным заведениям и т. д. будут равным образом обеспечены Италии [1]).

CLIV.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4877. 6/19 ноября 1916 г.

Итальянский посол передал нам две памятные записки, заключающие ответ итальянского правительства на лондонское сообщение Италии документов, касающихся Константинополя, Проливов и Мало-Азиатской Турции.

В общем нельзя не признать чрезмерными притязания итальянцев на территориальные приобретения в Малой Азии. Однако, в виду того, что они

[1]) Остальная часть этого меморандума, опубликованного полностью в «Разделе Азиатской Турции» (стр. 257), касается итальянских пожеланий в Азиатской Турции и потому нами опускается.

затрагивают, главным образом, французскую и английскую зоны интересов, было бы желательно выяснить окончательную точку зрения Франции и Англии в этом вопросе. С своей стороны, полагал бы необходимым сделать несколько оговорок по поводу условий, выставляемых итальянцами относительно признания за нами Константинополя и Проливов, в виду некоторых обязательств, принятых на себя Италией по отношению к нам еще в 1909 году в Ракониджи [1]). Не считал бы также соответственным нашим интересам расширение итальянских владений в сторону Проливов.

Вместе с тем, мне кажется, следует теперь же установить, будет ли дан ответ итальянскому правительству от имени всех держав в Лондоне, или же, как, повидимому, того хочет итальянское правительство, в каждой столице отдельно. Первый способ мне представляется предпочтительным. Не уклоняясь с итальянским послом от бесед на интересующую его тему, я тем не менее воздерживаюсь от каких-либо связывающих нас заключений.

Благоволите переговорить о вышеизложенном с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать [2]).

Штюрмер.

CLV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 835. 9/22 ноября 1916 г.

Копии в Париж [?], *Лондон и Рим.*

Ссылаюсь на Вашу телеграмму (4473) [3]).

Сообщил ее содержание Бриану, который сказал мне, что французское правительство считает притязания Италии на территориальные приобретения в Малой Азии неосновательными и чрезмерными и что здесь изготовляется по этому вопросу подробная памятная записка, которая будет сообщена Вам и Грэю. Бриан присовокупил, что он, так же, как и Вы, считает предпочтительнее дать ответ итальянскому правительству от имени трех держав в Лондоне. Что касается условий, выставленных итальянцами относительно признания за нами Константинополя и Проливов, и стремления их расширить свое влияние в эту сторону, то, сказал мне Бриан, Франция, само собою разумеется, в этих вопросах последует за Россией и будет действовать не иначе, как по соглашению с нами [4]).

Извольский.

---

[1]) Имеется в виду ст. 5 соглашения в Ракониджи от 11/24 октября 1909 г., устанавливающая, что «Италия и Россия обязуются относиться благожелательно, первая — к русским интересам в вопросе о Проливах, вторая — к интересам Италии в Триполитании и Киренаике. (См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 356).

[2]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 260.

[3]) В подлиннике ошибка в номере: телеграмма товарища министра иностранных дел Арцимовича от 6/19 октября 1916 г. за № 4473 посланнику в Гааге Свечину говорит о высылке денег русскому военному агенту в Гааге.

[4]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 261.

CLVI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 784. 10/23 ноября 1916 г.

Личная.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 4877.

Позволяю себе высказать мое мнение по поводу памятных записок, переданных ...им послом. Италия не имеет никакого права ставить вопрос о признании или непризнании ею за нами Константинополя и Проливов. Наши соглашения с Францией и Англией касательно этих приобретений состоялись до вступления Италии в союз с нами. Выговорив Лондонским актом апреля 1915 года условия, на которых она принимает участие в войне, она, насколько мне известно, не сделала в акте никакой оговорки относительно соглашений, существовавших уже раньше между союзниками, а, следовательно, должна признать их силу. При других условиях было заключено соглашение касательно Малой Азии [1]). Оно было подписано, когда Италия состояла уже участницей союза. Это обстоятельство дает ей больше оснований претендовать на право обсуждать последнее соглашение [2]).

Гирс.

CLVII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов [3]) послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5024. 15/28 ноября 1916 г.

Срочная. Требует немедленной расшифровки.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 5001 и 5002 [4]).

№ 1. Великобританский посол сообщил нам, что со стороны его правительства не встречается препятствий к присоединению Италии к соглашению 1915 года касательно Константинополя и Проливов. Не дожидаясь ответа из Парижа, благоволите сделать итальянскому правительству сообщение в смысле данных Вам указаний.

В соответствии с преподанными Вам инструкциями я предложил сегодня итальянскому послу обменяться с нами текстом сообщений, как это было с Францией и Англией, или же, если того пожелает итальянское правительство,

---

[1]) См. прим. 6 на стр. 342.

[2]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 262.

[3]) 10/23 ноября 1916 г. председатель российского совета министров и министр иностранных дел Штюрмер был уволен от занимаемых им должностей. Управление министерством было возложено на товарища министра Нератова с присвоением ему наименования временно-управляющего министерством иностранных дел.

[4]) См. стр. 430 и 431.

ограничиться в нашем правительственном заявлении [1]) указанием на то, что Италия в настоящее время присоединилась к означенному соглашению.

На случай, если бы Италия согласилась на обмен вышеозначенными документами, Вам передается за № 2 текст нашей циркулярной телеграммы от 19 февраля 1915 года [2]), в которой следует выпустить в первой строчке слово «derniers» [3]) перед «événements» [4]) и заменить упоминание о двух правительствах — Франции и Англии — соответственным упоминанием Италии.

За № 3 Вам передается французский текст ответа французского и английского правительств [5]), каковому должен соответствовать и ответ данном недавно Италией союзным правительствам, в пункте, касающемся Италии, согласно проекту его, заключающемуся в меморандуме № 2, пере-Константинополя и Проливов [6]).

Опубликование вышеуказанных документов в Риме, как то предполагается сделать в ближайшее воскресенье в других столицах, мы оставляем на усмотрение итальянского правительства.

О последующем благоволите срочно телеграфировать [7]).

Нератов.

CLVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [8]).

№ 734. 15/28 ноября 1916 г.

Тождественная телеграмма в Рим. Копия в Париж.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 5001.

Грэй сказал мне, что он не имеет никаких возражений против включения Италии в соглашение о Константинополе и Проливах. Что касается способа действий, то Грэй полагает, что следует уведомить, как можно скорее, Соннино о принятом решении опубликовать в определенный день четыре документа с тем, чтобы дать ему возможность известить, желает ли итальянское правительство быть упомянутым, в какой степени и в какой форме. Грэй полагает, что Вы передадите копию английского предисловия [9]) Карлотти с тем, чтобы он его сообщил по телеграфу в Рим. Он полагает также, что Япония должна быть незамедлительно осведомлена, и что особенно следовало бы успокоить Румынию относительно последствий для нее от пере-

---

[1]) Имеется в виду предполагавшаяся декларация председателя совета министров Трепова в государственной думе по поводу соглашения о Константинополе и Проливах. См. прим. 1 на стр. 445.

[2]) См. прим. 2 на стр. 252.

[3]) «Последних».

[4]) «Событий».

[5]) См. стр. 295 и 274.

[6]) См. стр. 347.

[7]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 267.

[8]) Перев. с фр.

[9]) См. стр. 432.

хода Проливов в руки России. Грэй не имеет никаких возражений против опубликования той части Лондонского соглашения [1]), которая касается итальянских приобретений, если Италия это пожелает. Он думает, что та форма переговоров, которой он предлагает придерживаться в сношениях с Соннино, является наиболее подходящей.

Бенкендорф.

CLIX.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5026. 15/28 ноября 1916 г.

Срочно. Требует немедленной расшифровки.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 5024.

При переговорах с Соннино об обнародовании соглашения о Константинополе и Проливах благоволите иметь в виду, что предстоящим обменом относящихся к этому вопросу документов заверения, данные взаимно Италией и Россией в Раккониджи [2]), остаются в силе. Необходимо, чтобы эту оговорку Вы облекли в письменную форму и получили соответствующий ответ от Соннино.

Нератов.

CLX.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1820. 28 ноября 1916 г.

Г. Нератов будет сегодня говорить с итальянским послом относительно формы, в которой итальянское правительство пожелало бы присоединиться к нашей декларации, и он хочет ясно установить, что российское правительство не может отсрочивать заявление в думе долее субботы. Российский посол в Риме получит инструкции сообщить текст.

CLXI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 849. 16/29 ноября 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Получил Ваши телеграммы №№ 5001 и 5002 [4]).

Тотчас сообщил их содержание Бриану. Камбон только что сказал мне, что со стороны французского правительства не встречается препятствий

---

[1]) Лондонское соглашение с Италией от 13/26 апреля 1915 г.

[2]) См. прим. 1 на стр. 349.

[3]) Перев. с англ.

[4]) См. стр. 431.

к присоединению Италии к соглашению о Константинополе и Проливах путем, указанным в вышеупомянутых Ваших телеграммах.

Извольский.

CLXII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 795. 16/29 ноября 1916 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 794 [1]).

Соннино упорно отказывается облечь в письменную форму оговорку, что Ракониджи остается в силе. Он опасался, главным образом, подтвердить вопрос о национальностях [2]), предполагая, повидимому, со свойственной ему подозрительностью, что мы пожелаем воспользоваться новым заявлением, чтобы уменьшить территориальные его приобретения в турецких землях, выговоренных Лондонским соглашением [3]). Он указывал, что мы нарушили Ракониджское соглашение, вступив в переговоры касательно Константинополя, не предупредив Италию. После долгих обсуждений, он согласился обменяться письмами, гласящими лишь, что новый документ «ne change en rien l'esprit de l'accord de Racconigi» [4]); не думаю, чтобы он пошел дальше этого. Вместе с тем он заявляет, что всегда готов действовать в полном согласии с Россией. Прошу срочных указаний [5]).

Гирс.

CLXIII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5060. 17/30 ноября 1916 г.

Срочная.

Ваша телеграмма № 795 получена.

Предлагаемую Соннино формулу о сохранении в силе соглашения в Ракониджи считаем приемлемой.

Нератов.

---

[1]) В телеграмме от 16/29 ноября 1916 г. за № 794 Гирс сообщает о переговорах с Соннино по поводу обмена документов по ближневосточным соглашениям. (См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 269).

[2]) Статья 2 соглашения в Ракониджи от 11/24 октября 1909 г. устанавливает, что «в случае каких-либо событий, могущих произойти на Балканах, Россия и Италия должны настаивать на применении принципа национальности путем развития балканских государств, исключая возможность всякого иностранного господства». (См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 356).

[3]) См. статьи 8, 9 и 12 Лондонского соглашения от 13/26 апреля 1915 г. «Раздел Азиатской Турции», стр. 359.

[4]) «Не меняет ни в чем духа соглашения в Ракониджи».

[5]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 270.

CLXIV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 803. 19 ноября/2 декабря 1916 года.

Копии в Париж и Лондон.

Обмен документов касательно Константинополя и нот касательно Раккониджи состоялся сегодня. Подробности следуют.

Гирс.

CLXV.

Памятная записка российского посла в Риме М. Н. Гирса итальянскому министру иностранных дел бар. С. Соннино [1]).

№ 114.

Ход событий приводит императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос—Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и в виду стратегической необходимости, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекою Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Италии в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться. Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно королевским правительством Италии. Упомянутое союзное правительство может быть уверено, что встретит со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у него по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам.

Как это известно королевскому правительству, тождественное сообщение было сделано—mutatis mutandis—петроградским кабинетом правительствам Великобритании и Франции в феврале месяце ст. ст. 1915 г., и лондонский и парижский кабинеты выразили свое согласие в тождественных выражениях.

19 ноября/2 декабря 1916 года.

---

[1]) Перев. с фр.

CLXVI.

Текст памятной записки, переданной г. Соннино российскому послу в Риме (составленный на основании двух телеграмм г. Гирса) [1].

№ 56165 — 230.

Итальянское королевское правительство дает свое согласие на памятную записку, переданную его превосходительством российским послом в Риме г. Соннино 19 ноября /2 декабря с. г. относительно Константинополя и Проливов при условии, чтобы война была доведена до победного конца, чтобы Италия осуществила свои стремления на Востоке и в других местах, как это сказано в русской памятной записке, и чтобы она пользовалась всеми выгодами, которые будут обеспечены Франции и Великобритании.

19 ноября/2 декабря 1916 года.

CLXVII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [2].

№ 807. 19 ноября/2 декабря 1916 года.

Ссылаюсь на мою телеграмму 806 [3] и на Вашу № 5060 [4].

Вот текст моего письма на имя Соннино за № 115 и его ответного письма за № 56166, оба датированные сегодняшним днем, по вопросу о соглашении в Ракониджи: «Г. министр (посол), ссылаясь на обмен нотами, который имел место сегодня между мною и вашим превосходительством относительно Константинополя и Проливов, честь имею подтвердить Вам по поручению моего правительства (в тексте Соннино: «от имени моего правительства»), что содержание этого документа ни в чем не меняет духа соглашения в Роконидзи от 11 октября 1909 г.

Примите и проч.».

Гирс.

---

[1]) Документ из дела французского посольства в Петрограде. Перев. с франц. Сохраняем заголовок подлинника. Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 272.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Телеграмма Гирса за № 806 передает содержание памятной записки Соннино от 2 декабря 1916 г. за № 56165 — 230.

[4]) См. стр. 353.

IV.

Отношение Румынии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1914—1916 г.г.

CLXVIII.

Всеподданнейший доклад российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

Имев счастье присутствовать 1-го сего июня при высочайшем свидании вашего императорского величества с королем румынским в Констанце [1]) и совершив затем, согласно полученным мною всемилостивейшим указаниям, поездку в Букарест, я имел возможность лично убедиться в огромном впечатлении, которое произвело на все слои местного населения посещение Румынии вашим величеством с августейшею семьею.

Не говоря о радости и глубокой признательности, обнаруженной по этому случаю королем, ни о восторге, проявленном войсками и теснившеюся на улице толпою, надо отметить, что во встрече в Констанце приняли участие не только правительственные круги, но и представители оппозиции [2]), как бы для того, чтобы подчеркнуть, что прибытие русского царя является праздником для всей Румынии, желающей приветствовать его без различия партий. Что именно таков был смысл появления в Констанце, на ряду с членами правительства в полном составе, представителей самых разнообразных учреждений, а также наиболее выдающихся главарей нынешнего меньшинства в палате, — это ясно подтвердилось из моих бесед со всеми государственными и общественными деятелями, с которыми я имел случай видеться.

Переходя от общих впечатлений к содержанию разговоров с отдельными лицами, в руках которых сосредоточивается ныне направление румынской политики, я должен прежде всего упомянуть о тех словах, которыми удостоил меня в неоднократной беседе король Карл.

Его величество не скрывал счастья, испытываемого им по поводу радостного для его страны события. Он также выражал свою глубокую благодарность за бескорыстную и примирительную политику, которой, согласно высочайшим предначертаниям вашего императорского величества, Россия придерживалась за время недавнего кризиса на Балканах [3]), что в значи-

---

[1]) Свидание в Констанце между Николаем II и Карлом румынским являлось ответом на приезд в Петербург наследной румынской четы весной того же года.

[2]) В 1914 году у власти в Румынии были национал-либералы, а в оппозиции — консерваторы.

[3]) Примирительная политика России — неудачная попытка медиации между балканскими государствами. В чем заключалась «посильная помощь» Румынии, сказать трудно, так как румыны приняли самое живое участие в ослаблении Болгарии. Это не мешало им утверждать еще в 1916 г. (Ср. румынский ультиматум Австр-Венгрии от 14/27 августа 1916 г., см. прим. 2 на стр. 381), что вмешательство

тельной мере способствовало наступившему, наконец, замирению полуострова. Румыния, по словам короля, была счастлива со своей стороны принести посильную помощь в этом направлении и была бы всегда рада и впредь сотрудничать с Россией в целях поддержания мира и порядка на Балканах. Такое сотрудничество представляется королю Карлу тем более естественным, что Россия и Румыния связаны общностью интересов в одной области, одинаково важной для той и другой, в качестве прибрежных к Черному морю государств, не имеющих иного выхода для морской торговли, как через турецкие Проливы.

Король сказал мне, что он с особенным удовлетворением услышал от вашего императорского величества, что в этом отношении следовало бы установить между Россией и Румынией согласованность действий для достижения тождественной цели — оградить торговое движение через Проливы от всяких случайностей. Вполне разделяя это мнение, его величество просил меня переговорить в этом смысле с членами его правительства.

Ни разу не упомянув об Австро-Венгрии, король, напротив того, неоднократно затрагивал вопрос о наших отношениях с Германией, при чем он старался уверить меня, что император Вильгельм относится сочувственно к сближению России и Румынии и особенно к укреплению добрых отношений между обоими царствующими домами названных государств. По его словам, германский император лично поощрял принца Кароля к поездке в С.-Петербург, повторяя ему, что будущий повелитель Румынии должен спешить представиться российскому императору, влияние которого на Ближнем Востоке столь велико [1]).

Я не мог не указать королю на целый ряд причин, которые без нашей вины несколько охладили за последнее время наши взаимные отношения с Германией. Его величество выразил по этому поводу искреннее сожаление, прибавив, однако, что эти недоразумения, надо надеяться, окажутся прехо-

---

румын в балканский конфликт было вызвано изменением положения на Балканах, а также стремлением вознаградить себя за несправедливость, допущенную по отношению к Румынии Берлинским конгрессом 1878 года.

[1]) Принц Кароль, старший сын наследного принца Фердинанда румынского, ездил в марте 1914 г. в Петербург просить руки одной из дочерей императора Николая II. Брак этот, хотя и не был окончательно решен, однако, в мае 1914 г. российский министр иностранных дел Сазонов сообщил великобританскому послу в Петербурге Бьюкенену и французскому послу Палеологу, что вторая дочь императора Николая II в. кн. Татьяна Николаевна согласилась на брак с принцем Каролем. (Дело архива б. министерства иностранных дел «Dossier Special» 1914 г.). Осуществлению этого проекта помешала мировая война. Следует, впрочем, заметить, что браку не вполне сочувствовала румынская королевская чета, опасавшаяся, что сближение с Россией вызовет охлаждение отношений с Германией. (Дело архива б. министерства иностранных дел «Приглашение в Россию румынской наследной четы с принцем Каролем»). Возможно, что брак и вообще не состоялся бы, так как румыны ожидали получить в приданое за невестой часть бессарабской территории. В политике Сазонова эта попытка ввести в румынскую королевскую семью русскую вел. княжну должна рассматриваться, как несомненное продолжение его стремлений привлечь Румынию на сторону Тройственного Согласия.

дящими и что прежнее согласие будет скоро восстановлено. При этом он заметил, что мысль о посылке в Константинополь генерала Сандерса принадлежала лично императору Вильгельму, чем и объясняется известная его раздражительность в этом вопросе, когда названная миссия встретила с нашей стороны сильные возражения.

Говоря о недавнем приезде в Румынию Талаат-бея, король сказал мне, что этот турецкий государственный деятель произвел на него впечатление человека умеренного и благоразумного, но что, повидимому, он должен считаться с беспокойными членами оттоманского кабинета и прежде всего с Энвер-пашею и Джемаль-беем, подпольным действиям которых он приписывает обострение положения в Албании [1]).

По поводу последней король, хотя и сознает опасность, грозящую его племяннику, однако, высказался скорее с упованием на будущее и надеждой на то, что князю Виду удастся, наконец, упрочиться на престоле [2]).

Относительно других балканских государств король ограничился немногими словами. Он особенно сочувственно отозвался о Сербии, заявив, что Румыния не могла бы спокойно отнестись к ослаблению этого королевства. О греках его величество говорил в менее теплых выражениях, за исключением лишь о Венизелосе, пребывание которого у власти он считает залогом спокойного развития Греции.

Что касается болгар, то король хвалил боевые качества их солдат, но не скрыл своего недоброжелательства к королю Фердинанду.

Из государственных деятелей, с которыми мне пришлось познакомиться, первое место по своему положению занимает в настоящую минуту Братиано [3]), который хотя и взял себе в составленном им кабинете портфель военного министра, однако на деле почти единолично ведет всю внешнюю политику Румынии.

Повторив, со своей стороны, приблизительно то же, что я слышал от короля о желательности согласования нашей деятельности для сохранения мира на Балканах, Братиано указывал на необходимость, по его мнению, обеспечить нерушимость постановлений Букарестского мирного договора [4]).

---

[1]) Талаат-бей, Энвер-паша и Джемаль-бей — виднейшие представители младотурецкой партии «Единения и Прогресса». В кабинете Саида Халима они занимали в 1914 году посты: Талаат-бей — министра внутренних дел, а Энвер-паша и Джемаль-бей—военного и морского министров. Талаат-бей, посетивший весной 1914 года Болгарию, Румынию и Россию, произвел благоприятное впечатление и на Сазонова, с которым имел продолжительную беседу о способах уладить мирным путем конфликты между Россией и Турцией.

[2]) Статьей 3-ей Лондонского договора от 30 мая 1913 года великие державы согласились признать независимость Албании. Во главе ее был поставлен принц Вид, прибывший в Дураццо в марте 1914 г. Через несколько недель после его прибытия в Албании вспыхнуло восстание, достигшее весною 1914 г. таких размеров, что принцу Виду одно время пришлось укрываться на итальянском военном судне.

[3]) Кабинет Братиано был составлен 4 января 1914 г. Министром иностранных дел в нем был Порумбаро.

[4]) Букарестский мирный договор от 10 августа 1913 года (см. вступ. статью).

Не сочтя удобным связать себя какими-либо бесповоротными заверениями в этом смысле, я предпочел обойти последний частный вопрос молчанием, но зато подробно остановился на общем свойстве наших взаимных отношений с Румынией. Я обратил внимание моего собеседника на то, что серьезных причин для недомолвок между обоими соседними государствами никогда не было и что нас только искусственно отдаляли те, кому это было на руку, вселяя между нами недоверие утверждением, с одной стороны, будто Россия имеет против Румынии враждебные виды, а с другой стороны, будто Румыния окончательно связала свою судьбу с державами Тройственного Союза. Когда же мы убедились, что наши интересы и интересы Румынии не только не противоположны, но даже во многих отношениях тождественны, мы вполне определенно и при том не на словах лишь, а на деле показали, что мы готовы итти с Румынией рука об руку, не исключая случаев, где для этого нам пришлось до известной степени поступиться твердо укоренившимся у нас стремлением поддерживать интересы Болгарии. Я подчеркнул, что мы вступили на этот путь, даже не дожидаясь предварительного выяснения вопроса, может ли и Румыния, в свою очередь, с одинаковой откровенностью пойти вместе с нами и не связана ли она такими международными обязательствами, которые исключали бы возможность доверчивого сотрудничества с нами.

Братиано ответил мне, что Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты. Он прибавил, что под влиянием ошибок австро-венгерской дипломатии отношения между Румынией и двуединой монархией стали за последнее время менее дружественными [1]), но что условия, создаваемые соседством обеих стран, поневоле заставляют их стремиться не доводить дело до чрезмерного обострения их взаимоотношений.

Не сочтя этого ответа достаточно ясным и желая вызвать моего собеседника на более определенные объяснения, я поставил ему просто вопрос, каково было бы отношение Румынии к вооруженному столкновению между Россией и Австро-Венгрией, если бы первая из них была вынуждена обстоятельствами начать военные действия.

---

[1]) Ухудшение румыно-австрийских отношений относится к 1909 году, когда на трансильванских румын австрийским правительством был распространен венгерский избирательный закон. Наибольшей остроты положение достигло в 1912 — 1913 г. г., в связи с позицией, занятой Австро-Венгрией в эпоху 2-ой балканской войны. Вследствие настоятельных требований венского кабинета, Румыния была вынуждена сократить свои притязания на Балканах. С этого момента в политике Румынии намечается решительный поворот в сторону сближения с державами Согласия. Подтвержденный в 1913 г. австро-румынский союзный договор 1883 г. также не способствовал улучшению отношений, так как румынское правительство было недовольно медлительностью австрийского штаба в выработке технической стороны военной конвенции. Это резкое ухудшение румыно-австрийских отношений нашло себе яркое выражение в констанцском свидании 1914 г. и в отказе Румынии выступить на стороне Тройственного Союза, как того требовал договор 1883—1913 г.г.

Братиано заявил, что поведение Румынии в таком случае определится в зависимости от того, какие, именно, обстоятельства послужили бы поводом для России открыть военные действия против Австро-Венгрии [1]), а также—что́ при данной обстановке будет наиболее соответствовать интересам Румынии. При этом министр, видимо, пораженный моим вопросом, в свою очередь, спросил меня, допускаю ли я возможность наступления в близком будущем подобных обстоятельств, и, в связи с этим, вероятность общеевропейской войны.

Я поспешил успокоить Братиано, сказав ему, что имею основания надеяться на сохранение мира в Европе и что в смысле вооруженного столкновения России с Австро-Венгрией по почину России я могу себе представить таковое только в том случае, если на почве албанского вопроса или под каким-либо другим предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию с целью нанесения этому королевству чувствительного урона, к чему мы, вероятно, не могли бы остаться равнодушными.

Братиано отметил, что в подобном случае наши дороги опять встретились бы, так для Румынии также нет никакого расчета допускать ослабление Сербии.

Общий вывод, вынесенный мною из этого разговора, что Румыния не связана такими обязательствами, которые могли бы заставить ее выступить вместе с Австрией против нас при всяких обстоятельствах, но что на деле, в случае войны между нами и Австро-Венгрией, Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды.

К числу других вопросов, в которых наиболее ярко выступает общность интересов России и Румынии, относится прежде всего вопрос о свободе торгового движения через Проливы. Я уже упомянул высказанное мне по этому поводу королем Карлом. Братиано, в свою очередь, остановился на этом предмете, и, так как в настоящую минуту, благодаря обострению греко-турецких отношений [2]), представлялась опасность нарушения русских и румынских

---

[1]) 30 октября 1883 г. между Румынией и Австро-Венгрией был заключен союзный договор. В тот же день особым секретным протоколом к нему присоединилась Германия. Присоединение Италии состоялось в 1888 г. Договор был подтвержден 25 июля 1892 г., 30 сентября 1896 г., 17 апреля 1902 г. и 5 февраля 1913 г. Срок договора истекал в 1920 г. По ст. 2-ой этого договора Румыния и Австро-Венгрия обязались оказывать друг другу военную помощь в случае нападения на них третьей державы. Статьей 3-ей предусматривалось подписание особой военной конвенции, статьей 4-ой — незаключение сепаратного мира. На коронном совете в Синае 5 августа 1914 г. король Карл румынский, ссылаясь на договор 1883 — 1913 г.г., требовал безусловного выполнения Румынией принятого ею на себя обязательства. Коронный совет, однако, отнесся к вопросу иначе. Толкуя статью 2 договора 1883—1913 г.г. не в пользу центральных держав, Братиано убедил присутствовавших в необходимости сохранения Румынией строгого нейтралитета.

[2]) Греко-турецкий конфликт 1914 г. возник в связи с вопросом об островах Эгейского моря, признанных нотою великих держав от 14 февраля 1914 г. за Грецией. Не соглашаясь с таким решением вопроса, Турция объявила бойкот греческим товарам и усилила преследование греков в Малой Азии. В июне 1914 г. поло-

интересов в области Проливов, мы решили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы совместным выступлением в защиту указанных интересов одновременно показать на этом примере установившееся между двумя нашими правительствами единомыслие. Таким образом, был выработан сообща текст тождественной телеграммы, в которой поручалось российскому и румынскому представителям в Константинополе по взаимному соглашению обратить внимание Порты на то, что дальнейшее обострение отношений Турции и Греции может привести к новому закрытию Проливов, и это затронет существенные интересы других государств, и прежде всего прибрежных по Черному морю, которые не будут в состоянии остаться к этому равнодушными [1]).

Имея в виду косвенную пользу от впечатления, которое оно должно было произвести и за пределами Турции, наше совместное выступление с Румынией по означенному вопросу может быть достаточно обосновано именно тем, что географическое положение обеих стран создает им в настоящем вопросе особые интересы. Румынии же подобное выступление вдвоем с великой державой не могло не показаться желательным, ибо, льстя самолюбию королевства, оно еще увеличивало обаяние последнего среди остальных балканских государств.

В связи с возможностью открытого разрыва между Турцией и Грецией, Братиано еще раз подтвердил мне сказанное им еще раньше императорскому посланнику в Бухаресте относительно сделанного недавно Талаат-бею заявления, что Румыния не допустит войны между названными странами на суше.

Говоря о греках, Братиано отзывался об них отрицательно, отдавая дань уважения одному лишь Венизелосу. При этом он выразил предположение, что греки и турки могли бы, может быть, найти почву для примирения в создании для островов Хиоса и Митилены положения, напоминающего то, которое с успехом просуществовало более тридцати лет в Боснии и Герцеговине: острова считались бы под суверенитетом Турции, внешним проявлением которого было бы пребывание на них оттоманского комиссара с небольшою личною военной охраной; гражданское же управление и войска были бы в руках греков [2]).

жение настолько обострилось, что председатель греческого совета министров Венизелос счел необходимым заручиться поддержкой Сербии на случай войны. Вместе с тем он добивался вмешательства великих держав в форме морской демонстрации у турецких берегов. В связи с усилением греческого флота покупкою двух американских броненосцев турецкое правительство пошло на уступки и выразило желание вступить в переговоры с греками. Переговоры эти не состоялись в виду начала мировой войны.

[1]) Эта телеграмма была отправлена Сазоновым российскому послу в Константинополе Гирсу 4/17 июня 1914 г. и сообщена товарищу министра Нератову за № 687.

[2]) Статьей 25 Берлинского трактата 1878 г. Боснию и Герцеговину было предоставлено оккупировать Австро-Венгрии за исключением Ново-Базарского санджака. Австрии предоставлялось право содержать в них гарнизоны, а также строить военные дороги. Идея применить режим, установленный для Боснии и Герцеговины, к островам Эгейского моря Хиосу и Митилене возникла в связи с упорным нежела-

Я выразил моему собеседнику сомнение в исполнимости подобных предположений, прибавив, однако, что если бы турки и греки согласились на таковые, Россия едва ли имела бы основания противиться их осуществлению.

Воспользовавшись личным свиданием, мы коснулись также отдельных стоящих на очереди вопросов из области непосредственных русско-румынских отношений.

В этом смысле мы затронули дело разграничения по реке Пруту, который, постоянно меняя свое течение преимущественно в ущерб русского берега, создает весьма неустойчивую границу. Возражая против нашей точки зрения, что границей должен считаться тальвег Прута 1812 и 1878 годов [1]), Братиано указывал на затруднительность установить теперь эту линию и настаивал на том, что, если бы даже последнее и удалось, возвращение к этой пограничной линии создало бы больше практических неудобств, чем пользы, так как отдельные куски территории одного государства оказались бы по разным сторонам реки, что вызвало бы бесконечные недоразумения и столкновения между обеими пограничными стражами.

Я ответил, что недавно только окончено разграничение между Россией и Германией по Неману [2]), проведенное согласно последнему слову топографического искусства, и что, по всем вероятиям, у нас пожелают применить и к Пруту, насколько это окажется возможным, те же приемы.

Румыны, повидимому, живо интересуются давнишним уже вопросом об улучшении железнодорожных сообщений между их страной и Россией и надеются, что теперь, при улучшившихся взаимных отношениях обоих государств, будут устранены некоторые из причин, мешавших до сих пор благоприятному разрешению этого вопроса. Братиано, как и большинство румын, отдает предпочтение смычке русских и румынских дорог в направлении Дорохой — Новоселица, указывая на то, что если не удастся получить выхода из Дорохоя на русскую железнодорожную сеть, Румынии придется искать смычки с австрийской сетью в непосредственной близости от русской границы.

Отметив опасность для нас по стратегическим соображениям соединения железнодорожных путей в указанном направлении, я выразил мнение, что

нием Турции уступить эти острова Греции. Хотя по статье 15 греко-турецкого мирного договора от 1/14 ноября 1913 г., подтвержденной коллективной нотой великих держав от 14 февраля 1914 г., и были признаны права Греции на оба острова, тем не менее, вопрос о Хиосе и Митилене в течение весны и лета 1914 г. продолжал оставаться чрезвычайно острым. Компромиссное решение, предложенное председателем греческого совета министров Венизелосом, сводилось к следующему: обе державы соглашались произвести обмен населением, при чем греки должны были эвакуировать греческое население Малой Азии, а турки—мусульманское население спорных островов. Турецкое правительство предлагало, со своей стороны, передать управление Хиосом и Митиленой на время эвакуации одному из европейских правительств, по указанию великих держав.

[1]) Тальвег—наиболее глубокое место фарватера реки. Впервые граница с Турцией по тальвегу Прута была установлена Букарестским мирным договором 28 мая 1812 года.

[2]) Русско-германское разграничение по реке Неману закончилось незадолго до начала мировой войны 1914 — 1918 г.г.

было бы, вероятно, легче согласиться на смычку наших железных дорог с румынскими между Рени и Галацом. Братиано отнесся к этому также очень сочувственно, сказав, что и такое разрешение назревшего вопроса было бы весьма желательным, только бы оно не слишком откладывалось, ибо нынешнее единственное железнодорожное сообщение через Унгени уже теперь не отвечает товарообмену между обеими странами и не может способствовать желательному увеличению последнего.

По делу о приобретении нашим Крестьянским банком расположенных в Бессарабии имений румынского монастыря св. Спиридония, Братиано не отвергал данных нам предыдущим кабинетом обещаний оказать содействие к завершению этой сделки, но указывал, что если бы последняя состоялась на предложенных нами условиях, то есть за 8 миллионов рублей, проценты с вырученного капитала оказались бы значительно меньше доходов, получаемых ныне с упомянутых имений.

Между тем это поставило бы в большое затруднение богоугодные заведения монастыря св. Спиридония, поддерживаемые ныне на эти доходы. Поэтому Братиано усердно ходатайствовал о том, чтобы императорское правительство по крайней мере повысило предлагаемую им покупную цену до 10 миллионов рублей.

Я возразил, что, основываясь на полученных в свое время заверениях, мы считали дело решенным и что перерешение его теперь представляет затруднения тем более. что, в случае повышения цены, распродажа земли крестьянам, может быть, станет невозможной без убыточной для банка приплаты из собственных средств.

Братиано тем не менее настаивал на своей просьбе, ссылаясь на невыгодное для нас впечатление, которое произведет в Румынии закрытие богоугодных заведений, лишенных средств существования вследствие уступки нам по низкой цене монастырских имений.

Из дел, которых я имел случай коснуться в моих непродолжительных беседах с министром иностранных дел г. Порумбаро, принимавшим вообще мало участия в моих политических разговорах с Братиано, только вопрос об упорядочении условий рыбной ловли в пограничных водах составил предмет несколько более подробного рассмотрения. При этом нами была установлена желательность обставить рыбную ловлю так, чтобы дать возможность нашим рыбакам заниматься своим промыслом, не становясь в противоречие с существующим в Румынии положением о монополии на рыбу.

Подводя итог всему, что мне пришлось видеть и слышать за трехдневное мое пребывание в Румынии, приемлю в долг доложить вашему императорскому величеству, что я вынес из этой поездки наилучшие впечатления, свидетельствующие о благоприятном для нас настроении румын и позволяющие надеяться на дальнейшее развитие наших добрососедских отношений [1]).

С.-Петербург, 11/24 июня 1914 г.

Сазонов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

[1]) Опубликовано в «Un livre noir», Paris, 1923, v. II, p. 377.

CLXIX.

Французский министр иностранных дел Т. Делькассэ послу в Петрограде М. Палеологу.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 351. 9 ноября 1914 г.

Французский посланник в Бухаресте отмечает дурное впечатление, произведенное в Румынии..... [2]), в котором император Николай будто бы выразил надежду, что русско-турецкий конфликт окончится триумфом программы Петра Великого. Считают, что объяснение российского правительства было бы полезным для ясного указания, что Россия ни в коем случае не намерена противиться свободе Проливов и интернационализации их в будущем.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CLXX.

Французский посол в Петрограде М. Палеолог министру иностранных дел Т. Делькассэ.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 893. 10 ноября 1914 г.

Ваша телеграмма № 351.

Фраза императорского манифеста, взволновавшая румынское общественное мнение, повидимому, следующая: «Россия выполнит завещанную ей предками историческую задачу на берегах Черного моря» [4]).

Вопреки мнению нашего посланника в Бухаресте, я полагаю, что Россия не обязана давать Румынии никаких объяснений о том, каким образом она намерена разрешить, в согласии с союзниками, вопрос о Проливах. Румынии также не пристало входить в концерт трех держав; она не должна претендовать на участие в обсуждении окончательного решения. Это также мнение г. Сазонова.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) В подлиннике пропуск одного слова. Повидимому, пропущено слово: «манифестом». Имеется в виду манифест Николая II от 20 октября/2 ноября 1914 г. об объявлении войны Турции.

[3]) Перев. с фр.

[4]) В манифесте Николая II приводимая Палеологом фраза читается так: «Вместе со всем народом русским мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря».

CLXXI.

Российский военный агент в Греции полк. П. П. Гудим-Левкович и. д. генерал-квартирмейстера генерального штаба ген. М. Н. Леонтьеву.

(Выдержка из письма) [1]).

№ 127. 24 декабря 1914 г./6 января 1915 г.

Совершенно доверительно удалось узнать, что в переговорах с греческими представителями румынское правительство озабоченно относилось к вопросу о Проливах, считая таковой чуть ли не жизненным вопросом для Румынии и обращая внимание Греции на крайнюю его для нее важность. При этом обсуждалась возможность совместных выступлений, привлечение к последним Болгарии, а равно необходимость отвлечения Болгарии от нападения (яко бы, по наущению России) на Фракию, хотя бы путем уступок в ином направлении.

Таким образом Румыния, видимо, считает необходимым, для сохранения жизненных своих интересов, противодействовать России в ее историческом стремлении к Проливам и стремится даже создать блок держав полуострова против такой политики России.

Переговоры эти тщательно скрывались от представителей держав Согласия, и раскрытие этого факта, повидимому, уменьшило бывшее ранее доверие со стороны этих представителей к Венизелосу.

Имеется сведение, что политические кружки Греции уже крайне озабочены и на все лады обсуждают ряд тревожных вестей о состоявшемся будто бы соглашении Англии и России по вопросу о будущем Проливов. Сначала пришло известие, что по этому соглашению Россия будто бы получает весь Босфор со столицей, а Дарданеллы делаются нейтральными; это вызвало бурю негодований: «Константинополь есть достояние греков, и надо принять все меры для противодействия России; лучше войти в соглашение с младотурками и, быть может, в качестве выхода из утрожающего положения, лучше оставить Константинополь за Турцией; надо заставить Венизелоса пойти на это» — таковы были резолюции политических кружков.

Затем пришло известие, будто Россия получает только северную часть Босфора, а Константинополь делается нейтральным, и это несколько успокоило возбужденные умы.

CLXXII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

Доверительно.

В недавней беседе с греческим посланником в Бухаресте румынский премьер-министр выразил разочарование, испытываемое им по поводу того

---

[1]) При документе имеется сопроводительное письмо директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Кудашева на имя начальника канцелярии российского министерства иностранных дел Шиллинга, от 21 января/3 февраля 1915 г. за № 289.

[2]) Перев. с англ.

упорства, с которым греческое правительство отказывается сделать уступки в пользу Болгарии. Премьер-министр отметил, что противодействие слишком большому распространению славянства в одинаковой степени входит в интересы греческого и румынского правительств; особенно отвечает их общим интересам добиться удовлетворительного решения вопроса о Проливах.

Последний вопрос, — сказал премьер-министр, — принадлежит к числу тех, которые не интересуют Сербию; Греции следовало бы, в целях образования «блока», состоящего из Румынии, Греции и Болгарии, прийти к соглашению с ее «буйным соседом» [1]), который из всех славянских государств является наименее славянским.

Греческий генеральный секретарь показал телеграмму, передающую эту беседу, сербскому посланнику в Афинах с целью, повидимому, дать доказательство греческой лойяльности по отношению к Сербии.

9 января 1915 г.

CLXXIII.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 414. 29 декабря 1914 г./11 января 1915 г.

Копия в Букарест.

Мой французский коллега показал мне сегодня телеграмму Делькассэ, согласно коей, по сведениям Вашим и Бьюкенена, Венизелос является, будто бы, вдохновителем соглашения или, по крайней мере, оживленного обмена взглядов между Румынией, Болгарией и Грецией на почве обеспечения будущих общих интересов, особенно в отношении Проливов. Не называя источника, Девилль тотчас сообщил известие это Политису, вследствие чего министр иностранных дел счел нужным недвусмысленно заявить моему французскому товарищу и мне, что он категорически отрицает помянутый слух. В доказательство он прочел нам недавние доверительные телеграммы, из коих с очевидностью явствует, что греческое правительство крайне неловерчиво относится к румыно-болгарским отдельным переговорам и что на его запрос румынское правительство обещало уведомить греков немедленно по достижении какого-нибудь соглашения с Болгарией. Весьма возможно, что известие пущено из Букареста, где желают, может быть, приписать Венизелосу мысль, которую им не удается осуществить.

Демидов.

---

[1]) В подлиннике: «mad neighbour».

CLXXIV.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 8. 2/15 января 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 4934 [1]).

Я объяснился в указанном мне смысле с Братиано, который указал мне, что вскоре после начала войны он, вопреки мнению некоторых здешних государственных деятелей, стал искать почву для соглашения с Россией и заключил таковое единственно с нами, без дополнительной гарантии Франции и Англии [2]), так как он считает, что для Румынии исключительное значение имеют отношения с Россией. Теперь он деятельно подвигает военные и дипломатические приготовления Румынии для скорейшего осуществления этого соглашения. Никаких переговоров о вступлении в лигу нейтральных государств он не ведет и он думает, что мы не можем поставить ему в вину его желание сблизиться с Италией с целью совместно с нею выступить на нашей стороне. Одно правительство, которое Братиано не назвал, хотело выяснить его точку зрения в вопросе о Проливах, но он отказался дать какой-либо ответ под предлогом, что решение этого вопроса еще не назрело и что вообще никто еще не предлагает для него какой-либо определенной формулы. Братиано также считал, что политика Румынии по отношению к Болгарии хорошо известна императорскому правительству и что она дала уже некоторые осязательные плоды [3]). Он только просит, чтобы мы ускорили соглашение между Сербией и Болгарией [4]), так как у него имеются сведения о том, что вскоре возобновится деятельность болгаро-македонских банд вдоль железной дороги Салоники-Ниш. Ему также известно, что за последние дни по австрийским железным дорогам идет усиленная перевозка войск в сторону Сербии и Буковины. В заключение Братиано просил ваше высокопревосходительство продолжать оказывать ему доверие.

Поклевский.

---

[1]) В телеграмме за № 4934 от 28 декабря 1914 г./10 января 1915 г. Сазонов передает Поклевскому содержание беседы своей с румынским посланником в Петрограде Диаманди о необходимости получить от Румынии «вполне определенные объяснения касательно ближайших ее намерений».

[2]) См. прим. 1 на стр. 197.

[3]) В 1914—1915 г.г. державы Тройственного Согласия стремились создать блок балканских государств, направленный против центральных держав. К концу 1914 г. между Румынией и Болгарией наметилась возможность переговоров, при чем Румыния принципиально соглашалась пойти на известные территориальные уступки. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1914—1915 г.г.)

[4]) Державы Согласия для привлечения Болгарии на свою сторону неоднократно предпринимали шаги в Нише, добиваясь от сербского правительства уступок в пользу Болгарии в сербской Македонии. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1914—1915 г.г.)

CLXXV.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 6. 16 января 1915 г.

Ваша телеграмма № 36894.

Французский посол категорически опровергает факт заключения соглашения между Англией и Россией относительно Проливов. Державы Тройственного Согласия, несомненно, имеют целый ряд вопросов, по которым они должны договориться. Французский и великобританский послы много раз говорили с г. Сазоновым, и их беседы касались различных вопросов, но неверно, что российское правительство, будто бы, нащупывает почву в вопросе о Проливах. Японский посол говорил со мной на этот счет в том же самом смысле. Я повидаю г. Сазонова, чтобы переговорить с ним об этом, и сообщу Вам его заявление.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CLXXVI.

Румынский министр иностранных дел Э. Порумбаро посланнику в Петрограде К. Диаманди.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 230. 18 января 1915 г.

Из подробностей, заключающихся в Вашей телеграмме № 6 по поводу Дарданелл, следует, что вопрос этот официально не составляет предмета переговоров между заинтересованными державами, как думали одно время на основании различных сведений из источника ..... [3]). Я полагаю, что мы также должны отложить этот вопрос до более благоприятного случая, чтобы избежать уклончивого ответа со стороны петроградского кабинета, так как это помешало бы нам договориться. В виду этого я прошу Вас воздерживаться от всяких разговоров с г. Сазоновым, как Вы сами мне указывали, и ждать, до получения новых инструкций, чтобы инициатива исходила непосредственно от министра иностранных дел, так как мы не можем допустить, чтобы он вел переговоры по этому вопросу, не осведомляя нас об их ходе и не пытаясь даже узнать наше мнение.

---

[1]) Перев. с фр.
[2]) Перев. с фр.
[3]) В подлиннике пропуск одного слова.

CLXXVII.

Российский посланник при бельгийском дворе кн. И. А. Кудашев министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 2. Гавр, 9/22 января 1915 г.

Из заслуживающего доверия источника здесь получены сведения, что Румыния ведет переговоры для заключения румыно-греко-болгарского союза в целях противодействовать России и Сербии. Союз этот не может повлиять на ожидаемое выступление Румынии против Австро-Венгрии и должен сыграть роль после войны в видах предупреждения славянской опасности на случай занятия Россией Константинополя и Проливов. По слухам, Греция еще не высказалась, но, подозревая существование внушенного Италией соглашения между Румынией и Болгарией, опасается, в виду возможного раздела Турции, что ее интересы не будут приняты во внимание, если она не будет участницей соглашения.

Кудашев.

CLXXVIII.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 62. 20 января/2 февраля 1915 г.

Копии в Лондон, Париж, Афины, Софию и Ниш.

Ссылаюсь на телеграммы Демидова № 28 [1]) и Савинского № 25 [2]).

Как я уже доносил, Братиано придерживается того мнения, что Греция с самого начала нынешнего кризиса преследует главным образом свои частные счеты с Болгарией и что более всего Греция желала бы, будучи в союзе с Румынией, воевать с Болгарией. Румынское же правительство, наоборот, находит, что к кооперации с Тройственным Согласием и с собирающейся выступить на его стороне Румынией надо привлечь возможно более сил, а потому не только не следует создавать местного балканского конфликта, но необходимо всеми силами стараться привлечь Болгарию на нашу сторону. В виду вышеизложенного, Братиано действительно несколько раз отклонял предложения Греции о заключении направленного против Болгарии союза, при чем он всякий раз преподавал греческому правительству советы умеренности и уступчивости по отношению к Болгарии. Весьма возможно, что при этом Братиано доказывал общность румынских и греческих интересов при помощи, вероятно, и ранее неоднократно приводив-

[1]) Телеграмма Демидова от 17/30 января 1915 г. за № 28 передает отрицательный ответ румынского правительства на запрос Греции о возможных совместных военных действиях Греции и Румынии.

[2]) В телеграмме Савинского от 15/28 января 1915 г. за № 25 сообщается о неудаче попытки румыно-болгарского сближения.

шихся аргументов о том, что оба эти государства являются единственными не славянскими христианскими государствами на Балканах, и что вопрос о Проливах одинаково для них важен. Такой взгляд на Болгарию у Братиано все-таки нисколько, мне кажется, не доказывает, чтобы румынское правительство стремилось к соглашению с Болгарией в ущерб его отношениям к Сербии и Греции. Это подтверждается тем, что, во-первых, румынское правительство не желает вступать в особые переговоры с Болгарией и заключать с нею отдельное соглашение, пока окончательно не выяснится результат воздействия держав Тройственного Согласия в Нише и в Софии с целью примирения Сербии с Болгарией [1]); во-вторых, Братиано неоднократно упоминал предо мною, что он в принципе допускает возможность греко-румынского союзного договора, но лишь после того, как окажется совершенно невозможным вырвать Болгарию из враждебного нам лагеря; в-третьих, Братиано несколько раз высказывался предо мною и моими французским и английским коллегами в том смысле, что нападение Болгарии на Сербию не могло бы оставить Румынию безучастной [2]). Кроме того, румынский генеральный штаб уже изучает вопрос о ведении Румынией войны на два фронта, и Братиано сообщил мне на днях, что здешние военные эксперты пришли к заключению, что болгарская армия прекрасно организована, что у Греции менее хороших войск, чем она считает, и что поэтому, (в случае) войны на два фронта, кооперация Румынии на австрийском театре войны должна свестись на сравнительно незначительные размеры.

Поклевский.

CLXXIX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 72. 4/17 февраля 1915 г.

Здешний великобританский посол передал сегодня Делькассэ предложение Грэя о том, чтобы, в виду ответа Греции [3]), державы Согласия сооб-

---

[1]) В связи с возможностью нового австрийского наступления на Сербию в январе 1915 г. державами Согласия решено было предпринять коллективные шаги в Нише с целью добиться от Сербии территориальных уступок в пользу Болгарии. В качестве компенсации державы Согласия обещали Сербии: Боснию и Герцеговину, часть Албании, южную часть Далмации до Спалато, часть Баната и Сирмии. Одновременно с этим предполагалось выступление в Болгарии, которой державы, в случае ее присоединения к Тройственному Согласию, гарантировали территориальные приращения в Македонии. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1914 — 1915 г.г.)

[2]) Несмотря на заявление Братиано, как известно, Румыния не выступила в 1915 г., в момент вмешательства в войну Болгарии.

[3]) Имеется в виду ответ греческого правительства на заявление английского и французского представителей в Афинах 1/14 февраля 1915 г., что, в случае выступления Греции на помощь Сербии, Франция и Англия пошлют на сербский

щили румынскому правительству о предстоящей посылке русских, английских и французских войск на Балканский полуостров и пригласили его ныне же принять участие в активных действиях союзников. Делькассэ сказал мне, что предложение это будет обсуждаться завтра в совете министров. Он продолжает думать, что подобные шаги будут гораздо успешнее, если они совпадут с благоприятными для союзников военными событиями, и что поэтому предложенное Вами и Грэем выступление в Нише, Софии и Бухаресте следовало бы отложить до выяснения результатов предстоящих действий англо-французского флота в Дарданеллах [1]).

Извольский.

CLXXX.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу в Петрограде марк. А. Карлотти.

Шифрованная телеграмма [2]).

19 февраля 1915 г.

Телеграмма—кабинет—№ 136.

Телеграмма барона Фашотти из Букареста.

«Братиано мне сообщил, что им получены известия, что Тройственное Согласие расходится во взгляде на дарданелльский вопрос. Этот вопрос остается открытым.

Его превосходительство прибавил, что румынское правительство, хотя и не намерено поднимать этого вопроса в настоящее время, не согласно с каким-либо его решением, санкционирующим зависимость Проливов от одной державы».

CLXXXI.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 122. 18 февраля/3 марта 1915 г.

Бомбардировка Дарданелл союзным флотом комментируется весьма сочувственно в независимой румынской печати и производит большое впечатление на здешнее общественное мнение, вызывая значительный подъем духа.

Поклевский.

фронт по одной дивизии для обеспечения Греции от нападения со стороны Болгарии. Условием для выступления Греции Венизелос выставлял участие в войне Румынии. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1915 г.).

[1]) Действия союзного флота в Дарданеллах начались 19 февраля 1915 г.

[2]) Перев. с итал.

CLXXXII.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 310. 6 марта 1915 г.

Операция французского и английского флотов у Дарданелл и возможный десант, повидимому, представляют план, выработанный этими двумя державами. Россия, хотя она еще не вполне готова, присоединится к нему. В первую очередь было бы важно нанести удар Турции и устранить всякую опасность мусульманского восстания в Индии и Египте. С момента форсирования Проливов Англии и Франции был бы обеспечен вывоз из России. Кроме того, дипломаты Тройственного Согласия полагают, что операция у Проливов заставит прийти к решению балканские государства, и особенно Грецию. Здесь мне говорили, что Тройственное Согласие не предприняло бы операции, если бы ей грозила неудача, или не было бы шансов на успех. Операция в Дарданеллах — вопрос времени. Итальянский посол сказал мне вчера, что интересы Италии будто бы поставлены на карту. Приготовления России продолжаются в портах Черного моря [2]). Принимаются меры, которые, повидимому, указывают на возможность десанта [3]). Соглашение держав исключает в Проливах всякий кондоминиум; в действительности преобладает будто бы идея нейтрализации Проливов. На Балканах совсем нет .... [4]) и выступления прекратились. Тройственное Согласие, повидимому, считает, как мне это заявили французский и великобританский послы, что было бы более верным, действительным и выгодным обойтись без посторонней помощи, оставаясь ничем не связанным, и поставить себе одну только цель, не заботясь о других.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CLXXXIII.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [5]).

№ 313. 7 марта 1915 г.

Г. Сазонов только что сказал мне, что греческое правительство, повидимому, предложит Тройственному Согласию в действиях против Турции

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. прим. 4 на стр. 243.

[3]) В связи с началом операций союзного флота у Дарданелл в феврале 1915 г. верховным главнокомандующим вел. кн. Николаем Николаевичем было решено подготовить десантную операцию на Босфоре. С этой целью был образован экспедиционный корпус из войск кавказского фронта. Посадка их должна была начаться в Батуме. Вместе с этим адм. Эбергарду было предписано войти в непосредственную связь с командующим союзным флотом и начать действия против Босфора.

[4]) В подлиннике пропуск одного слова.

[5]) Перев. с фр.

свою помощь армией и флотом. По моим наблюдениям, есть известное колебание ее принять. Греческая помощь представляется маловажной и, несомненно, не пропорциональна компенсациям, которые Греция могла бы потребовать в настоящий момент. Тройственное Согласие полагает, что Греция должна принять участие в общем деле союзников и считать себя в состоянии войны с Австрией и Германией. . . . . [1]) было также сделано Италии, как мне это подтвердил итальянский посол. Маркиз Карлотти считает, что, в случае непринятия Италией участия в операции, направленной против Турции и Дарданелл, разрешение этого вопроса произойдет под эгидой Тройственного Согласия. Во всяком случае, можно указать, что г. Сазонов и послы Тройственного Согласия как по отношению к нам, так и по отношению к другим нейтральным государствам занимают выжидательную позицию, на основании которой можно заключить, что они хотят отклонить всякую помощь и решить между собою свои дела. Г. Сазонов, расходясь во взглядах с г. Крупенским, только что решил отозвать его из Рима [2]).

CLXXXIV.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 409. 16 марта 1915 г.

Сегодня днем, в беседе с французским послом, я изложил ему нашу точку зрения в вопросе о Проливах. Румыния — первая держава на Черном море, имеющая здесь свой единственный выход. В виду этого для нас крайне важно опередить других. На все мои заявления г. Сазонов отвечал уверением, что Россия не только примет во внимание все наши интересы, но и понимает их таким же образом, как и мы. Я сказал также французскому послу, что по этому вопросу трудно было бы союзникам России не знать о существовании известных стремлений, весьма распространенных в обществе и даже в официальных русских кругах. Французский посол заверил меня самым категорическим образом, что между союзниками не состоялось еще никакого соглашения относительно Проливов и Константинополя. Когда я его спросил, не думает ли он, что, в виду требуемых русским общественным мнением операций на Босфоре, ослабятся русские военные действия против Германии, он мне сказал, что беседы его как с г. Сазоновым, так и с императором, с которым он говорил еще вчера в Ставке, не оставляют никакого сомнения, что, пока будет продолжаться настоящая война с Германией, вопросы, касающиеся Турции, будут рассматриваться не отдельно, а в связи со всеми вопросами общего мира.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

---

[1]) В подлиннике пропуск одного слова.

[2]) См. прим. 3 на стр. 316.

[3]) Перев. с фр.

CLXXXV.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 156. 3/16 марта 1915 г.

Получил №№ 1139 [1]) и 1140 [2]).

Братиано категорически отрицает пропуск через Румынию каких бы то ни было военных припасов для Турции и, в виду чрезвычайно сильного давления Германии и Австрии, ставит вышеизложенное в особую заслугу румынскому правительству и надеется, что таковая будет ему зачтена при разрешении вопроса о Проливах. В этом смысле Братиано высказывался не только предо мною, но и перед генералом Пэджетом [3]) и моим французским и английским коллегами. Всякий раз, когда до меня или до моих вышеназванных коллег доходят сведения о возможности пропуска военных припасов для Турции, мы немедленно делаем об этом самые настойчивые представления румынскому правительству и неизменно встречаемся с полным отрицанием наших сведений. Принимая во внимание все это, а также сознавая, что не в интересах Румынии усиливать боевую готовность Болгарии и Турции, Блондель, Барклай и я находим возможным верить заявлениям румынского правительства и думаем, что военные припасы могут проходить через Румынию разве только благодаря злоупотреблениям низших железнодорожных или таможенных служащих, но и тогда зло должно ограничиваться весьма незначительными размерами. Вообще мне кажется, что к агентурным сведениям надо относиться с большой осторожностью и доверять им лишь после тщательной их проверки. В данном случае подтверждения получаемых нами и нашими союзниками сведений легче всего было бы искать в Болгарии.

Поклевский.

---

[1]) В телеграмме от 1/14 марта 1915 г. за № 1139 Сазонов запрашивает Поклевского о шагах, предпринятых им в связи с телеграммой военно-морского агента в Румынии и Болгарии кап. 2 ранга Щеглова от 28 февраля/13 марта 1915 г. за № 1373 относительно пропуска военных грузов через Румынию и Болгарию.

[2]) Телеграммой от 1/14 марта 1915 г. за № 1140 товарищ министра иностранных дел Нератов просит Поклевского проверить, действительно ли «через Бухарест проследовало в Болгарию 64 вагона военного материала».

[3]) Ген-ад. английского короля Пэджет в феврале 1915 г. ездил с чрезвычайной миссией в Россию. На обратном пути в Англию он посетил Румынию и Болгарию, где настаивал на скорейшем выступлении обеих держав на стороне Тройственного Согласия, но определенных результатов не добился.

CLXXXVI.

Первый секретарь румынского посольства в Лондоне М. Боэреско министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 213. 18 марта 1915 г.

Узнаю доверительно, что соглашение между союзниками относительно будущего занятия Константинополя заключено, при чем Англия дала свое согласие на то, чтобы Россия там утвердилась, само собою разумеется, при условии гарантий, необходимых для обеспечения полной свободы плавания через Проливы. Текст секретного русского документа был выработан в Париже, где в настоящее время ведутся переговоры, которые будут продолжаться здесь. Что касается сфер влияния в Малой Азии, то Англия в принципе оставляет за собой Месопотамию, Россия — Армению, а Франция — район Ливана. Соглашение еще не достигнуто относительно Святых Мест и, в виду больших трудностей, которые представила бы уступка их тому или другому из союзников, не исключена возможность, что они останутся в турецких руках. Что касается Константинополя, то, насколько я понял, когда наступит момент, мы должны следить главным образом здесь за тем, чтобы добиться для нас удовлетворительного решения. В настоящее время соглашение относительно будущей карты Европы является в общих чертах полным [2]).

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CLXXXVII.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 162. 6/19 марта 1915 г.

Копия в Софию.

Получил Вашу телеграмму № 1206 [3]).

Насколько мне известно, сведения эти исходят от генерала Савова и сообщены им корреспонденту Рейтера, который находится ныне в Афи-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) На основании этой телеграммы Боэреско румынским министром иностранных дел Порумбаро был послан запрос в Петроград с предложением установить: 1) заключено ли между Россией и остальными державами соглашение, о котором говорит Боэреско, и 2) в чем состоят основные пункты переговоров, происходивших до марта 1915 г. между союзными державами. (Телеграмма Порумбаро в румынское посольство в Петрограде от 25 марта 1915 г. за № 7399).

[3]) В телеграмме от 4/17 марта 1915 г. за № 1206 товарищ министра иностранных дел Нератов просит Поклевского проверить сообщенные ему военным агентом в Афинах полк. Гудим-Левковичем сведения о деятельности германских диплома-

нах. Ни у меня, ни у моих французского и английского коллег нет никаких данных, подтверждающих эти сведения. Братиано же жалуется, что ему приходится переживать теперь очень тяжелые минуты вследствие сильного на него давления германского и австрийского правительств с целью добиться от него пропуска через Румынию военных припасов для Турции, но он отрицает обращение к нему германского правительства с просьбой о пропуске германских войск. Братиано заявляет, что он вежливо отклоняет все домогательства Германии, и он также протестует против идущих из Болгарии известий о провозе через Румынию аэропланов для Турции. Если какие-либо аэропланы доставлены в Турцию, то, по его словам, это могут быть лишь те, которые недавно пролетели из Австрии в Болгарию.

Поклевский.

CLXXXVIII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Сэр Эдуард Грэй был извещен румынским посланником 25 текущего месяца о получении письма из Букареста о том, что румынское правительство решило в начале мая выступить на стороне трех союзников. Румынский посланник выразил желание, чтобы, за исключением сообщения российскому и французскому министрам иностранных дел, информация эта оставалась совершенно секретной.

Его сообщения произвели на сэра Эдуарда Грэя такое впечатление, что Румыния, хотя и не ставит свое выступление в зависимость от Италии, тем не менее придает последнему большое значение.

Сэр Эдуард Грэй заявил, что он с большой радостью узнал о решении румынского правительства. Правительство его величества убеждено, что Германия теперь не так сильна, как была раньше, и что помощь Италии представляется чрезвычайно важной для нашей окончательной победы. Тем не менее, оно чрезвычайно озабочено обеспечением итальянского соучастия, так как желает возможно скорейшего окончания войны, чему существенным образом может способствовать вступление Италии в войну. В силу этих соображений правительство его величества придает очень большое значение выступлению Италии.

Румынский посланник заявил, что ему предписано переговорить с г. Полем Камбоном по вопросу о снабжении военным снаряжением, которое является единственным условием, поставленным румынским правительством для своего выступления.

тов в Букаресте, будто бы заявлявших, что для центральных держав «столь важно оградить Константинополь, что они проведут туда войска через Болгарию, в коей уверены, и через Румынию, хотя бы и силой», и предлагавших румынскому правительству в качестве компенсации Трансильванию.

[1]) Перев. с англ.

Вопрос о Проливах был затронут только вскользь, когда румынский посланник заявил, что его правительство надеется, что свобода торговли на Проливах будет обеспечена. Сэр Эдуард Грэй ответил, что он уверен, что не представится затруднений в достижении удовлетворительного решения этого вопроса [1]).

26 марта 1915 г.

CLXXXIX.

Румынский министр иностранных дел Э. Порумбаро первому секретарю посольства в Лондоне М. Боэреско.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 7567. 27 марта 1915 г.

Я хотел бы получить ответ на два следующих вопроса: 1) Правда ли, что между Россией, Францией и Англией уже установлено соглашение о будущей судьбе Черного моря и Проливов или решение этого вопроса отложено до момента заключения мира, 2) Каковы главные пункты переговоров, которые, повидимому, состоялись между тремя кабинетами [3]).

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CXC.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 188. 19 марта/1 апреля 1915 г.

Получил Ваш № 1426 [4]).

Передавая мне свой разговор с фон-дер-Гольц-пашею, Братиано отметил тенденциозность и неправдоподобность заявления последнего относительно блестящего состояния турецкой армии и обороны Проливов. Он также горячо настаивал на пропуске военных припасов для Турции через Румынию, при чем Братиано заверил меня, что он умеет вежливо отклонять подобные просьбы.

Поклевский.

---

[1]) См. также памятные записки великобританского посольства от 12 и 20 марта 1915 г. (стр. 275 и 285), памятную записку Сазонова от 8/21 марта 1915 г. (стр. 286) и телеграмму его от 9/22 марта 1915 г., № 1310 (стр. 287).

[2]) Перев. с фр.

[3]) Эта телеграмма Порумбаро, очевидно, является повторным запросом Боэреско о характере происходящих между союзниками переговоров по вопросу о Константинополе.

[4]) В телеграмме от 16/29 марта за № 1426 товарищ министра иностранных дел Нератов запрашивает Поклевского о впечатлении, произведенном на председателя румынского совета министров Братиано заявлениями фельдмаршала ф.-дер-Гольца-паши относительно «блестящего состояния турецкой армии и обороны Проливов».

CXCI.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 471. 8/21 августа 1915 г.

Барклаю было поручено разъяснить Братиано опасность, которая угрожала бы всем балканским государствам, в случае утверждения Германии в Константинополе, и ту пользу, которую принесло бы этим государствам восстановление балканского блока. Барклай просил вместе с тем Братиано рассеять существующее в Нише и Афинах подозрение относительно существования болгаро-румынского соглашения, враждебного интересам держав Согласия, и дать понять в Софии, что Румыния не намерена напасть на Болгарию, если последняя объявит войну Турции. — Здешний итальянский посланник получил почти подобные же инструкции, но, кроме того, ему поручено было просить Братиано, чтобы он посоветовал Пашичу уступить нашим требованиям [1]). — Братиано ответил, что поведение румынского правительства с самого начала войны не могло возбудить в других балканских государствах никаких подозрений, и если таковые замечаются, то они не могут быть искренними. Далее он выразил сомнение относительно согласия Сербии на все наши требования и насчет возможности побудить ныне же Болгарию к активному выступлению на нашей стороне. Однако, он находит недавнее выступление держав Согласия в Софии [2]) весьма полезным, так как оно, по его мнению, удержит Болгарию от какого-либо необдуманного шага. Братиано добавил, что, воздерживаясь от каких-либо официальных шагов, он и впредь будет так держать себя по отношению к правительствам других балканских государств, чтобы у них не было сомнений относительно сочувствия Румынии идее восстановления балканского блока.

Поклевский.

---

[1]) Державы Согласия требовали от Сербии уступку в пользу Болгарии сербской Македонии. В виду упорного нежелания сербского правительства согласиться на предъявленные ему требования, державы решили довести до сведения Пашича, что территориальные компенсации Сербии на побережьи Адриатического моря и в Боснии и Герцеговине будут предоставлены ей только в случае принятия ею союзных предложений. В этом смысле представителями держав Согласия и было сделано заявление Пашичу 3/16 августа 1915 г. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1915 г.).

[2]) Имеется в виду выступление держав Согласия в Софии 22 июля/4 августа 1915 г. (Телеграмма посланника в Софии Савинского от того же числа за № 469).

CXCII.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 472. 8/21 августа 1915 г.

Дополнение к моей телеграмме № 471.

В конце изложенного в вышеупомянутой телеграмме разговора Братиано в дружеской форме заявил Барклаю, что он из его сообщения и слов итальянского посланника с удовольствием усматривает, что Англия и Италия не перестают интересоваться Константинополем. Он добавил, что Румыния в высшей степени заинтересована в этом вопросе, но что он не намерен его возбуждать до окончания войны, дабы не породить трения между союзными правительствами. Братиано сказал далее, что он не знает, существует ли между союзными правительствами соглашение о судьбе Константинополя, но он надеется, что его нет и что решение этого вопроса будет предоставлено конференции по окончании войны.

Поклевский.

CXCIII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

№ 277.

Условия военного характера, выполнения которых Румыния потребовала бы, в случае ее сотрудничества, по мнению британского военного агента в Бухаресте, следующее:

1) Постоянное снабжение военным снаряжением;

2) Продолжение энергичной офенсивы против Турции в Дарданеллах;

3) Общее русское наступление, особенно же из Южной Галиции и Бессарабии и

4) Вторжение союзных сил во Фракию и Болгарию.

Требование, чтобы число [войск], предназначенных для последней операции, достигало 500.000 или 600.000 человек, основано на предположении, что, по крайней мере, 100.000 турецких войск будет выставлено против союзников, равно как и болгарская армия, насчитывающая не менее 450.000 чел.

Румыны не считают, что концентрация русских войск на их границе является выгодной для общего дела, так как это немедленно ослабит русские силы на восточном фронте, между тем, как эти войска могут вступить в действие против Болгарии только после того, как они пройдут через румынскую территорию; а пока Румыния не объявит себя нашей союзницей, — чего она не сделает до удовлетворения вышеприведенных требований, — она не допустит прохода русских войск.

4 ноября 1915 г.

---

[1]) Перев. с англ.

CXCIV.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 831. 19 декабря 1915 г./1 января 1916 г.

Вчера 18 декабря закончились в палате депутатов дебаты по поводу ответа на тронную речь. В прениях приняли участие многие депутаты, из коих сторонники Филипеско и Таке-Ионеско [1]) резко критиковали правительство за пропущенные им благоприятные моменты для выступления Румынии. Партия Маргиломана высказалась за политику «возможностей и реальностей», а ораторы либеральной партии говорили сдержанно, но с симпатией к четверному Согласию, при чем они вполне одобряли политику... (Братиано). — Карписты произнесли резкие речи против России, доказывая, что выступление Румынии на стороне России поведет королевство к гибели, что раздел Австро-Венгрии неосуществим и что поэтому Румынии необходимо присоединить Бессарабию. Карп также утверждал, что Россия желает в результате нынешней войны завладеть Константинополем и Проливами, присоединить южную Молдавию с Галацем и отдать Сербии Железные Ворота. Обе эти речи произвели мало впечатления, и на них ответил блестящим образом Таке-Ионеско, обрисовавший яркими красками румынский национальный идеал, требующий присоединения к Румынии Трансильвании. По окончании прений (Братиано) сказал лишь несколько слов. Он выразил сожаление о том, что палата допустила прения о внешней политике Румынии, зная, что молчание правительства отнюдь не означает одобрения им разных выставленных ораторами утверждений, (и заявил), что прения о внешней политике Румынии будут возобновлены тогда, когда правительство получит возможность говорить.

Поклевский.

CXCV.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 550. 15/28 августа 1916 г.

По имеющимся у меня достоверным сведениям, коронный совет [2]) оказался простою формальностью. Король открыл заседание заявлением, что по многим причинам Румыния не может более оставаться нейтральной, что

---

[1]) Филипеско и Таке Ионеско — члены консервативной партии, сторонники Тройственного Согласия. Карп и Маргиломан — представители германофильского течения среди консерваторов.

[2]) Коронный совет, созванный в Бухаресте 14/27 августа 1916 г. в связи с объявлением Румынией войны Австро-Венгрии.

его правительство обязалось выступить на стороне четверного Согласия и что он сам вполне одобряет политику своего правительства, при чем он считает свое решение тем более верным и соответствующим интересам Румынии, что для принятия его ему пришлось, так сказать, победить себя самого [1]). — Затем Братиано обрисовал чрезвычайно талантливо политику Румынии. Он объяснил, что с 1913 года обнаружилось полное противоречие в балканской политике Австрии и Румынии [2]). Теперь также вполне ясно, что, несмотря на все усилия императоров Вильгельма и Франца-Иосифа, Венгрия ни за что не допустит никакого улучшения в положении обитающего ее территорию румынского населения, и, наконец, с отпадением Италии от Тройственного Союза, этот союз едва ли стал бы обязательным для Румынии, которая согласилась примкнуть в свое время к центральным империям [3]) лишь под условием, чтобы к этому союзу государств примешалась латинская кровь, в лице третьей союзницы Италии. По словам Братиано, Румыния не могла выступить на стороне держав в самом начале европейской войны по известным уже условиям [4]) и от того, что в это время лучшие румынские генералы верили в конечную победу Германии. Теперь, когда усилиями союзников такая победа сделалась сомнительной [5]), он заключил с державами Согласия договор о выступлении Румынии против Австрии и о границах будущей великой Румынии [6]). Он считает, что, с момента заключения последнего договора, вопрос о великой Румынии вышел из области этнографической и стал вопросом политическим, и все равно должен осуществиться в будущем, если даже теперь Румынию постигнет неудача. Он закончил свою речь

---

[1]) Румынская королевская семья принадлежит к дому Гогенцоллерн (ветвь Зигмаринен).

[2]) Приводим отрывок из румынского ультиматума Австро-Венгрии от 14/27 августа 1916 г., поясняющий слова Братиано: «Посвятив себя делу своего внутреннего строительства и верная своему твердому решению оставаться в районе Дуная элементом порядка и равновесия, Румыния не прекращала своего содействия делу поддержания мира на Балканах. Последние балканские войны, уничтожив «status quo», заставили ее усвоить новую тактику. Ее вмешательство имело последствием заключение мира и восстановление равновесия. Для себя она ограничилась всего лишь исправлением границы, несколько более обеспечивающей ее от нападения и вознаграждающей за несправедливость, совершенную по отношению к ней на Берлинском конгрессе. Однако, преследуя эту цель, Румыния к своему разочарованию должна была отметить, что она не встретила со стороны венского кабинета того отношения, на которое она имела право рассчитывать»

[3]) Братиано имеет в виду австро-румынский союзный договор 1883 г. См. прим. 1 на стр. 360.

[4]) Король Карл умер 28 сентября/11 октября 1914 г. С его смертью политическая обстановка в Румынии существенно изменилась. Тогда как король Карл был убежденным и последовательным германофилом, наследовавший румынский престол принц Фердинанд скорее склонялся на сторону Тройственного Согласия. Повидимому, эту перемену в положении Румынии имеет в виду Братиано.

[5]) Очевидно, речь идет о «брусиловском» наступлении 1916 г.

[6]) Статьей 4 договора, подписанного между державами антигерманского блока и Румынией 4/17 августа 1916 г., признавались права Румынии на Трансильванию, Буковину и Банат.

указанием на Михайла Храброго [1]), ставшего самым великим героем Румынии, потому что он в свое время перешел Карпаты. Братиано советует королю Фердинанду последовать этому примеру в полной уверенности, что этот совет соответствует интересам короля, династии и Румынии. В случае неудачи, король Фердинанд все же останется за свою политику самым великим королем Румынии, и Братиано берет за такую политику всю ответственность на себя. Карп возразил Братиано, развивая свои известные руссофобские теории [2]). Между прочим, к ужасу всех присутствующих, он произнес следующую фразу: «Вы спрашиваете моего совета, я вам говорю, что вы делаете ошибку. Вы просите моего содействия, — я вам даю трех моих сыновей, но я вместе с Австрией желаю поражения союзников и румынской армии». — Возражения Майореско сводятся к тому, что страна не желает войны и что Трансильвания не сочувствует присоединению к Румынии. Маргиломан же находил, что Румыния должна еще продолжить свой нейтралитет и во всяком случае не помогать России завладеть Константинополем. Король возразил на это, что румынским интересам больше соответствует иметь в Константинополе дружескую, нежели враждебную Румынии Россию. Вообще король вел себя с необыкновенным достоинством и твердостью, лично очень удачно отвечая на все возражения против политики Братиано. В политических кругах поведение короля и Братиано на коронном совете вызвало всеобщий восторг, который разделяется, между прочим, и Филипеско и Таке-Ионеско. Совет скончился призывом короля к единению и к оказанию правительству содействия в предстоящей Румынии трудной задаче.

Поклевский.

---

[1]) Михаил Храбрый — валашский воевода с 1593 г. по 1601 г. Прославился своей удачной борьбой с турками, которых вытеснил на правый берег Дуная. Обеспечив за собой Валахию, Михаил Храбрый вторгся в пределы Трансильвании, а затем в Молдавию.

[2]) На коронном совете в Синайе 5 августа 1914 г. Карп настаивал на присоединении Румынии к центральным державам.

V.

Отношение Сербии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1915 г.

CXCVI.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 200. 14/27 февраля 1915 г.

Лично.

Сообщив мне крайне доверительно полученное им известие о предстоящей посылке к Дарданеллам стотысячной англо-французской армии, Пашич высказал личное мнение, что, раз наши союзники сочли возможным отделить столь значительные силы, значит, вероятно, и с нашей стороны будут соответствующие согласованные действия, ибо занятие Константинополя одними нашими союзниками могло бы дать разрешению самой жизненной для нас задачи направление, которое не отвечало бы в той же мере правам и ожиданиям России.....что мне ничего не известно по этому поводу, но что я не сомневаюсь, что наши интересы и действия были заранее согласованы с действиями наших союзников. Пашич добавил, что, повидимому, Греция изменила свое недавнее отношение, и предложила свое содействие союзным державам. Из разговоров с Пашичем и престолонаследником выношу впечатление, что, быть может, единственный из балканских народов, сербы искренно желают нашего утверждения на Проливах, видя в нем самое верное обеспечение против болгарского империализма и возможных притязаний Румынии на Балканах.

Трубецкой.

VI.

Отношение Японии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1915—1916 г.г.

CXCVII.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [1].

№ 692. 3 мая 1915 г.

Японский посол заявил мне, что, хотя по этому поводу не заключено никакого формального соглашения, он считает, что Франция и Англия не выставят возражений против предоставления России Константинополя и Проливов, обеспечив свободу плавания. Японский посол считает, что действия России на Босфоре состоятся не ранее занятия французами и англичанами Константинополя.

CXCVIII.

Российский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевич министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Депеша.

№ 51. 2/15 июля 1915 г.

Секретно.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от 22 июня № 213 я счел долгом довести до Вашего сведения сущность секретного сообщения, сделанного мне бароном Гото по поводу обсуждения на совещании «генро» [2] вопроса о заключении русско-японского союза.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Генро—верховный совет, в состав которого входили влиятельнейшие деятели, способствовавшие завоеванию Японией мирового великодержавного значения.

Из предшествовавших моих донесений вашему высокопревосходительству уже известно, что японская печать всех оттенков не переставала в течение последних месяцев возвращаться к этому вопросу, обсуждая его самым сочувственным образом. Особенной напряженности толки о русско-японском союзе достигли в июне, ко времени съезда в Токио четырех японских старейшин, которым молва приписывала намерение добиться безотлагательного решения этого дела, хотя бы вопреки мнению главы японского дипломатического ведомства. Последнего оппозиционные органы печати упрекали в том, что он слишком привязан к англо-японскому союзу и не хочет уяснить себе, что трактат 1902—1905 годов утратил ныне всякое значение [1]). Не называя барона Като противником русско-японского союза, газеты приписывали ему настояние отложить вопрос о новых союзах до после войны, когда с большей определенностью выяснится политическое положение каждой из воюющих держав. Такой план, однако, не встречал сочувствия японского общественного мнения, как потому, что в нем усматривалось косвенное влияние Англии на деятельность японской дипломатии, так и в виду сложившегося здесь, после нашего отхода из Галиции [2]), впечатления, что мы готовы заключить с Германией сепаратный мир, могущий легко перейти в союзное соглашение. Страх перед германским возмездием оказывает несомненное влияние на здешние настроения.

Посетивший меня под покровом тайны барон Гото сообщил мне следующее: князь Ямагата и маркиз Иноуе — «генро» — недовольны ходом японской внешней политики и ее главой. Они обеспокоены тем, что японская дипломатия не заботится об обеспечении положения Японии в будущем. Они давно настаивают на осуществлении идеи покойного князя Ито, мечтавшего о русско-японском союзе и видевшего в нем залог мира на Дальнем Востоке. Переговоры на эту тему, имевшие место в Лондоне в январе текущего года между сэром Эдуардом Грэем и послом Иноуе остались без всякого результата. Время идет, политическая обстановка меняется и благоприятный момент может быть пропущен. Поэтому «генро», то-есть главным образом князь Ямагата и маркиз Иноуе, решились обсудить вопрос на своем совещании в присутствии графа Окума и потребовать от последнего внесения дела в кабинет. Барон Гото прибавил, что князь Ямагата намерен, в случае каких-либо возражений в кабинете, взять все дело в свои руки.

На другой день после визита барона Гото в газетах появилось известие, что обсуждение вопроса о русско-японском союзе вызвано письмом барона Мотоно к маркизу Иноуе, в коем посол указывает на возможность использовать нынешние обстоятельства при наиболее выгодных для Японии условиях соглашения с Россией, нуждающейся в предметах вооружения. При этом газеты параллельно ссылались на статьи русской печати, приветствовавшей дружеское настроение Японии и ее готовность заключить союз с Россией.

---

[1]) Англо-японский союзный договор, заключенный 30 января 1902 г., был возобновлен 12 августа 1905 г. и 13 июля 1911 г.; денонсирован в 1922 г.

[2]) Отступление русских войск из Галиции весной и летом 1915 г.

Из телеграммы моей № 213 вашему высокопревосходительству известно, что попытка моя вызвать барона Като на откровенность по поводу совещаний «генро» успеха не имела. Но я повидался вслед за тем под предлогом текущих дел, с товарищем министра иностранных дел и навел его на разговор о городских толках относительно русско-японского союза.

Г. Мацуи начал с общего замечания, что в этом вопросе, как и в вопросе о китайском бойкоте, оппозиция ищет предлога выступлений против деятельности кабинета по дипломатическим делам и в частности против неугодной известным партиям личности барона Като. Он заметил также, что японская печать недостаточно осведомлена в делах внешней политики и потому нередко придает тем или иным вопросам не совсем правильное освещение. По его словам, пресса с такой настойчивостью обсуждает ныне необходимость русско-японского союза вследствие возникших здесь почему-то опасений, что Россия стремится заключить с Германией сепаратный мир, чтобы затем вступить с ней в союзные отношения. Он, Мацуи, конечно, не придает этим слухам веры, но с другой стороны отмечает, что в некоторых русских газетах были указания на то, что мотивом заключения союза для России является надежда на посылку японских войск на театр военных действий; так, «Русское Слово» указывало на Дарданеллы, куда могли бы быть отправлены японские десанты; другие газеты (Мацуи не мог их назвать), намекали, будто бы, на кавказский фронт и даже на Галицию (?). Между тем, японское правительство ни в каком случае не решится отправить свою армию на войну, вследствие непреодолимых трудностей и риска такого предприятия. Всякий расчет с чьей-либо стороны на подобную помощь Японии должен быть оставлен, почему он лично и полагает, что несвоевременно до окончания войны создавать какие-либо новые политические планы; Япония связана своими соглашениями с Англией и Россией [1]) и, без сомнения, останется им верной, а письменный акт, в сущности, легко обращается, как показал опыт, в «scrap of paper» [2]).

Я ответил г. Мацуи, что, не имея никакого поручения говорить на тему о русско-японском союзе, могу высказать только, как личный свой взгляд, что едва ли заявления русских газет о желательности посылки японских войск на русский театр военных действий, если таковые заявления действительно были, отвечают видам русского правительства.

Как бы в подтверждение слов товарища министра иностранных дел, в последние дни печать обсуждает вопрос русско-японского союза сдержаннее, а в некоторых газетах стали появляться статьи на ту тему, что заключенный во время войны союз России с Японией явился бы односторонним и не принес бы Японии выгод. Какой-то «доктор прав» Масутаро Ниида договорился в позавчерашнем номере газеты «Ямато» даже до той мысли, что «если Япония чувствует необходимость в оборонительно-наступательном союзе, то германо-японский союз предпочтительнее русско-японского».

---

[1]) Малевский-Малевич имеет в виду русско-японские соглашения от 17/30 июля 1907 г., 21 июня/4 июля 1910 г. и 25 июня/8 июля 1912 г.

[2]) «Клочок бумаги».

- Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем уважении и таковой же преданности.

Н. Малевский-Малевич.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CXCIX.

Российский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевич министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Депеша.

№ 54 16/29 июля 1915 г.

Доверительно.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Недавнее единодушие японской печати, настаивавшей на скорейшем заключении русско-японского союза, уступило в последнее время место более сдержанному и критическому обсуждению вопроса. При этом взгляды прессы разделились: некоторые газеты еще говорят о желательности такого союза до окончания европейской войны, но большинство находит, что вопрос должен быть отложен до после войны, когда выяснится политическое положение воевавших держав; наконец, появились голоса и в пользу сближения Японии с Германией.

Такая быстрая перемена в настроении японского общественного мнения объясняется, помимо причин внешнего свойства, обусловленных военными событиями последнего времени, еще целым рядом других обстоятельств, некоторые из коих и считаю долгом здесь отметить.

Я уже имел честь доносить императорскому министерству, что ни японское правительство, ни здешние правящие сферы не сочувствуют мысли о посылке японских войск на европейский театр военных действий.

Предприятие это считается и рискованным, и совершенно не отвечающим японским национальным интересам. Между тем русская печать, говоря о целях русско-японского союза, одним из соображений в его пользу приводит ожидаемое участие японской армии в европейской войне, как бы считая помощь японских вооруженных сил необходимым следствием и реальным проявлением предполагаемых союзных отношений между Россией и Японией. В обошедшей почти всю японскую печать статье «Русского Слова» газета эта 20 июня под заглавием «Русско-японский союз» писала: Течение в пользу русско-японского союза настолько сильно, что, по агентским телеграммам [1]). совет старейшин. . . . . обсуждает вопрос о посылке японских войск на помощь русской армии». Весьма распространенная и авторитетная токийская газета «Ници-ници» называет совет «Русского Слова» отправить отряд японских войск в Дарданеллы—иронией, и, цитируя статью «Нового Времени» от

[1]) Ничего подобного в агентских телеграммах не было. (Прим. подлинника).

27 июня, в письме своего корреспондента, приходит к тому выводу, что Россия желает союза с Японией лишь ради участия последней в европейской войне. Газеты ссылаются также на петроградские «Биржевые Ведомости», поместившие, будто бы, 24 июня слух о том, что влиятельнейшая в Японии политическая партия решила «умолять» Россию заключить союз с Японией.

По свойственной японцам восприимчивости, такие и подобные отзывы русской печати производят неблагоприятное впечатление и толкуются здесь в преувеличенном смысле, давая повод оппозиционной печати, с одной стороны, упрекать правительство и в частности барона Като в политической непредусмотрительности и неимении программы post bellum, а с другой,—бросать японской дипломатии обвинения в том, что она не умеет поддержать престиж Японии перед другими государствами и идет на помочах у Англии.

Насколько обаяние последней понизилось, видно из многих отзывов печати, из которых наиболее типичным может считаться прилагаемая в английском газетном переводе статья «Секай-Симбун». Английский текст значительно смягчил японское изложение, которое содержало в себе столь обидные для англичан замечания, что великобританский посол счел долгом пожаловаться министру иностранных дел и просить его оградить английскую армию от оскорбительных выпадов японских листков.

Что же касается Германии, то временные ее военные успехи так подействовали на воображение японцев, что широко распространенная газета «Иородзу» сочла нужным выпустить предостережение против охватившего японцев излишнего увлечения Германией. Статью эту прилагаю в английском переводе [1]).

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем уважении и таковой же преданности.

Н. Малевский-Малевич.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

СС.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4713. 10/23 сентября 1915 г.

Копии сообщаются в Париж и Токио.

Японский посол в Лондоне, выражая мнение, что присоединение Японии к конвенции 23 августа мин. года [2]) не встретит затруднений, осведомлялся у сэра Э. Грэя, какие уговоры относительно совместного ведения войны существуют между Россией, Англией и Францией, а также между этими тремя дер-

[1]) При депеше Малевского-Малевича имеются вырезки упоминаемых им газетных статей: a) «Poor old England» и b) «Warns against fear of Germany».

[2]) Конвенция от 23 августа/5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира с Германией.

жавами и Италиею. Сэр Э. Грэй предполагает ответить, что Россия, Англия и Франция связаны лишь вышеупомянутой конвенцией 23 августа, что условия будущего мирного договора между ними не обсуждались, если не считать их решения предоставить России после войны Константинополь и Проливы, и что Италия присоединилась к конвенции 23 августа [1]); об уговорах с Италией сэр Э. Грэй предполагает лишь упомянуть, не давая подробностей, касающихся Адриатического побережья.

На запрос здешнего английского посла я ответил, что не имею возражений против доверительного сообщения сказанных сведений японскому правительству.

Одновременно английский посол сообщил, будто японский министр иностранных дел, говоря с английским послом в Токио о присоединении Японии к конвенции 23 августа, выразился в том смысле, что предложение Японии присоединиться к этой конвенции выдвинуто на место прежнего предложения о союзе с участием России и что это последнее предположение будет удобнее обсуждать по заключении мира. Я возразил, что не могу согласиться с такой мыслью. Внимание России должно быть надолго сосредоточено на ее интересах в Европе. Для этого мы нуждаемся в возможной безопасности на Дальнем Востоке, которая лучше всего будет обеспечена дружественными и даже союзными отношениями к Японии. Я должен поэтому оставить за собою свободу в избрании момента, когда мы приступим с японским правительством к обсуждению условий установления между нами более тесных политических отношений.

Сазонов.

CCI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 633. 10/23 сентября 1915 г.

Копия в Париж.

Получил Вашу телеграмму № 4670 [3]).

В порядке информации сообщил ее содержание Грэю. Он мне ответил, что вопрос о военном сотрудничестве Японии касается, главным образом,

---

[1]) См. ст. 16 Лондонского соглашения от 13/26 апреля 1915 г. («Раздел Азиатской Турции», стр. 359), а также прим. 1 на стр. 323.

[2]) Перев. с фр.

[3]) В телеграмме от 8/21 сентября 1915 г., за № 4670 Сазонов передает Извольскому, Бенкендорфу и Малевскому-Малевичу сообщенное ему французским послом в Петрограде Палеологом мнение Делькассэ, что присоединением Японии к конвенции 23 августа/5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира следует воспользоваться, «чтобы вызвать более прямое участие японцев в войне». Сазонов просит Извольского выяснить, не разумеет ли Делькассэ «под прямым участием японцев в войне» посылку японской армии в Европу, и указывает на неприемлемость для Японии этого условия присоединения к конвенции от 5 сентября 1914 г.

России. Как Вы, он думает, что этого сотрудничества будет чрезвычайно трудно добиться. Он в него не верит. Исходя из этого, Грэй разделяет Ваше мнение, что было бы неблагоразумно ставить новые условия для присоединения Японии к договору от 23 августа [1]). С другой стороны, Грэй полагает, что необходимо дать Японии желательную для нее информацию об условиях соглашения, касающегося уступок Италии. По его мнению, бесполезно входить в подробности о соглашениях, касающихся Адриатики; но японцев нужно поставить в известность о тех соглашениях, которые имеют отношение к Эгейскому морю. Что же касается до предъявленного Японией запроса, не связаны ли три державы между собою другими договорами, кроме договора 5 сентября, следовало бы ответить, что не имеется никаких договоров, общих для трех держав, кроме соглашения в случае благоприятного исхода войны по вопросу о Константинополе и Проливах.* Грэй ожидает Вашего ответа на этот вопрос [2]).

Бенкендорф.

CCII.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 142. 6 февраля 1916 г.

Японский посол полагает, что военные приготовления, которые будут иметь место весною, окажут влияние на состояние сил центральных держав, но возможно, что война продолжится до 1917 г. Союзники могут рассчитывать только на свои военные усилия; что касается экономического и финансового кризиса в Германии, то он имеет лишь отраженное значение. Нет сомнения, что союзные державы будут бороться до последней возможности. Англия не может допустить окончания войны без *полной победы* над Германией. Японский посол полагает, что если союзники перейдут в наступление, это будет сделано исключительно для того, чтобы лишить Германию... [4]). Что касается России, то имеющийся у нее запас снарядов и других военных припасов будет пополнен только летом. Вопрос о Константинополе становится настолько жизненным для России, что можно предположить... [5]) Если до заключения мира не произойдет фактического овладения союзниками, то вопрос о Константинополе и Проливах может быть разрешен только путем общего соглашения между всеми державами.

---

[1]) Япония присоединилась к конвенции от 23 августа/5 сентября 1914 г. 6/19 октября 1915 г.

[2]) См. предшеств. документ.

[3]) Перев. с фр.

[4]) В подлиннике пропуск двух слов.

[5]) В подлиннике фраза плохо расшифрована: «qu'on peut croire qu'elle ira jusqu'à se metter à la tâche (?)».

CCIII.

Российский посол в Токио В. Н. Крупенский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Депеша.

№ 44. 2/15 июля 1916 г.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Официальное сообщение о подписанном в Петрограде 20 июня соглашении [1]) появилось 24 июня в специальных вечерних выпусках главных здешних газет.

Министерство иностранных дел предполагало, как это было условлено, опубликовать утром в этот день текст самого соглашения, но, вследствие опоздания телеграммы от бар. Мотоно о состоявшемся подписании этого акта оно ограничилось лишь сообщением газетам общего содержания соглашения, точный текст коего появился лишь на следующий день.

Известие о состоявшемся соглашении не явилось здесь неожиданностью. Уже не говоря о том, что, как я имел честь сообщить в донесении своем от 20 июня за № 39, здешние газеты еще до подписания соглашения начали обсуждать значение этого акта, японское общество всем ходом событий за последнее время было подготовлено к тому, что отношения Японии с Россией должны вылиться в форму общего политического соглашения. Показателем того, насколько сознание естественности и необходимости сближения с нами было распространено в Японии, является тот факт, что политика сближения с Россией входила в программу всех здешних политических партий и сочувственно обсуждалась на столбцах газет самых разнообразных направлений.

При таких условиях нет ничего удивительного, что известие о подписанном соглашении было встречено единодушным сочувствием и не вызвало никакой неблагоприятной критики.

Все здешние газеты посвятили и продолжают посвящать состоявшемуся политическому акту самые сочувственные статьи, в которых значение его подвергается в общем вполне правильной и разумной оценке.

Все органы печати сходятся в том, что политика России и Японии за последние годы была направлена к тому, чтобы рассеять бывшие между ними недоразумения и доказать, что обе эти державы могут развивать свое положение на Дальнем Востоке, не нарушая взаимных интересов. В этом отношении состоявшееся ныне соглашение является завершением актов 1907 и 1910 годов, кладущих прочный фундамент установившимся между Россией и Японией отношениям взаимного доверия. Кроме того, большинство газет подчеркивает значение соглашения с точки зрения предотвращения в будущем германских интриг. Одна из самых распространенных здешних газет, «Дзи-дзи», пишет: «Постановление первого пункта о том, что Япония и Россия не заключат никакого политического соглашения с третьей державой,

[1]) Имеется в виду русско-японское политическое соглашение 1916 г.

направленного против одной из договаривающихся сторон, и не примут участия в таком союзе, имеет в виду именно Германию. Лондонская декларация о незаключении союзниками сепаратного мира направлена против германских интриг только во время войны, по окончании которой эти интриги неизбежны. Несомненно, что Германия после войны примет все меры к разъединению союзных держав, дипломатия коих должна обратить особое внимание на это. Русско-японское соглашение ясно определило отношения России и Японии после войны. Соглашение ставит своей задачей объединить англо-японский и русско-французский союзы против Германии». В таком же духе обсуждают соглашение и другие газеты. Все они сходятся в том, что этот акт является гарантией мира на Дальнем Востоке и приводит фактически к союзу четырех держав, — России, Англии, Франции и Японии, — при каковом невозможны никакие интриги какой-либо другой державы в Китае. Одна из газет («Ямато») указывает, что новое соглашение является гарантией против возможности японо-американской войны. Америке было бы выгоднее, чтобы Япония и Россия враждовали в Китае. Теперь возможность этого устранена, и ни одна из договорившихся держав не допустит нарушения ее интересов в Китае со стороны третьей державы.

О делаемых нами уступках Японии здешние газеты, со времени опубликования текста соглашения, пишут гораздо сдержаннее и не возвращаются уже к старым измышлениям. Некоторые из здешних органов высказываются лишь за желательность скорейшего ознакомления публики с условиями приобретения Японией участка китайско-восточной дороги и признания за ней права плавания по Сунгари [1]). Далее в связи с заключенным соглашением газеты подчеркивают то значение, которое имела в смысле содействия его заключению поездка его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича [2]), и обсуждают необходимость ответного визита одного из японских принцев. Кроме того, во многих газетах помещены сочувственные статьи, посвященные государю императору и августейшей семье, а одна газета («Ници-ници») напечатала портреты наследника цесаревича и японского наследного принца с подписью: «Да будет между ними вечная дружба».

Наконец, на ряду с значением усиления политической связи между Россией и Японией, газеты посвящают статьи желательности развития торговых сношений между обеими странами.

Не менее сочувственно отнеслись к русско-японскому соглашению здешние официальные и общественные круги.

---

[1]) Крупенский имеет в виду переговоры, начатые в 1916 г. между российским и японским правительствами об уступке Россией Японии участка восточно-китайской железн. дор. между станциями Куанченцзы и Лаошагоу и о признании за Японией права судоходства по р. Сунгари.

[2]) Б. вел. кн. Георгий Михайлович ездил в Японию в январе 1916 г. Официальной целью его поездки было передать японскому императору поздравления Николая II по поводу его коронации, действительной—добиться от японского правительства согласия на поставку русской армии военного снаряжения. Ответный визит японского принца Канина состоялся осенью 1916 г.

Вечером 24 июня имела место перед зданием посольства сочувственная манифестация, и толпа в несколько тысяч человек с фонарями продефилировала перед крыльцом посольства с криками «банзай». На другой день состоялся официальный завтрак у министра иностранных дел, с участием председателя совета министров и всех министров, кроме военного, который должен был присутствовать на завтраке у императора вместе с приехавшим на днях из Сеула графом Тераучи, так что последний также лишен был возможности, как то предполагалось, принять участие в завтраке у барона Исии. Из членов посольства вместе со мною присутствовали советник, первый секретарь, военный и торговый агенты.

За завтраком министр иностранных дел, отметив в короткой речи, что подписанное соглашение будет содействовать миру на Дальнем Востоке, поднял бокал за здоровье государя императора, правителя страны, с коей Япония отныне находится в союзе. Я отвечал ему поздравлением с счастливым заключением соглашения, долженствующего послужить основанием для искренней и прочной дружбы между обеими державами, и предложил тост за здоровье микадо. Тексты обеих речей при сем прилагаются.

Все эти дни в посольство заезжали для поздравления японские политические и общественные деятели, желавшие выразить свое сочувствие русско-японскому сближению.

Кроме того, 7 июля целой группой членов парламента и здешних общественных деятелей устраивается в ознаменование русско-японского соглашения многолюдный банкет, на который приглашены члены посольства и многие из проживающих в Токио русских. После банкета предполагается сочувственная России манифестация и шествие по городу с фонарями. Подобные же празднества состоятся на будущей неделе в Иокогаме, Кобе, Осаке и других местах.

Резюмируя эти проявления сочувствия со стороны японцев новому соглашению, можно сказать, что для громадного большинства их этот акт является последовательным шагом японской внешней политики, долженствующим усилить положение Японии, облегчить ей достижение своих задач в Китае и, устранив поводы к недоразумению с нами, содействовать поддержке мира на Дальнем Востоке. При этом японцы всячески стараются отметить, что и для нас это соглашение представляет большие выгоды, давая нам возможность после войны сосредоточить все внимание на наших задачах в Европе и Ближнем Востоке, где, по мнению некоторых здешних органов печати, не могущих отделаться от старой мысли о нашем стремлении к господствующему положению на дальне-восточном побережьи, приобретение Константинополя и Проливов, дав нам выход в открытое море, тем самым ослабит для нас значение дальне-восточных портов. Относительно же того, что наше соглашение будет иметь своим последствием прекращение германских интриг на Дальнем Востоке, то, отмечая, как я имел честь указывать выше, эту сторону дела, японская пресса с гораздо большим интересом обсуждает вопрос о влиянии соглашения на политику Соединенных Штатов, подчеркивая, что наше соглашение вызвало у американцев чувство беспокойства за последствия, которое оно может иметь в Китае. Японская пресса старается

проводить мысль, что оно будет содействовать более осторожному образу действий Соединенных Штатов в означенной стране. В общем, однако, все газеты единодушно заявляют, что русско-японское соглашение должно быть встречено сочувственно всеми, коим дорого поддержание прочного мира и спокойствия на Дальнем Востоке.

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем уважении и таковой же преданности.

В. Крупенский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки)

VII.

Отношение Северо-Американских Соединенных Штатов к междусоюзническим соглашениям, 1917 г.

CCIV.

Российский поверенный в делах в Вашингтоне К. М. Ону [1]) министру иностранных дел П. Н. Милюкову [2]).

— *Телеграмма.*

№ 221. 20 апреля/3 мая 1917 г.

Я посетил сегодня Бальфура [3]), который выразил желание меня видеть. После расспросов о положении в России он в общих выражениях сказал мне, что он весьма удовлетворен результатами своей миссии, что нет никакого сомнения в том, что С.-А. С. Штаты окажут самую реальную и действительную поддержку союзникам. На мой вопрос, предполагается ли посылка американских войск в Европу, Бальфур, в противность тому, что мне ранее

---

[1]) После февральской революции 1917 г. российский посол в Вашингтоне Г. П. Бахметев некоторое время оставался на своем посту. 4/17 апреля телеграммой за № 171 на имя министра иностранных дел Милюкова, Бахметев сообщил, что, по соображениям принципиального характера, он не может долее служить временному правительству. В ответ на это ему было предложено сдать дела советнику того же посольства Ону, которому было присвоено звание поверенного в делах. В мае 1917 г. в С.-А. С. Штаты из России была отправлена чрезвычайная миссия, во главе которой был поставлен товарищ министра торговли и промышленности проф. Б. А. Бахметев с возложением на него управления посольством в Вашингтоне.

[2]) 3/16 марта 1917 г. в Петрограде было сформировано временное правительство. Пост министра иностранных дел в нем занял Милюков.

[3]) Великобританский статс-секретарь по иностранным делам Бальфур вместе с Вивиани и маршалом Жоффром ездил в апреле 1917 г. в Вашингтон для выражения признательности американскому народу в связи со вступлением С.-А. С. Штатов в войну. В русских политических кругах эта поездка вызвала сильную тревогу, так как отсутствие в составе делегации русского представителя заставляло думать, что союзники сознательно устраняют Россию от обсуждения политических вопросов. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за апрель 1917 г.).

сказал английский посол, ответил, что С.-А. С. Штаты имеют это намерение и что в Европу будут отправлены «крупные силы». Однако, еще не выяснено, будут ли обучаться американские войска на месте, или же они будут отправлены во Францию или Англию для предварительной военной подготовки. Он подтвердил мне при этом, что вступление С.-А. С. Штатов в договорные отношения с союзниками не предполагается, но что это обстоятельство нисколько не умаляет цены и верности их содействия. Относительно морской кооперации Бальфур не сообщил никаких подробностей, заметив лишь, что содействие американского флота союзникам обеспечено. Я воспользовался этим случаем, чтобы коснуться вопроса о тревожащем русское правительство положении морской обороны Ледовитого океана [1]).

Ону.

CCV.

Российский поверенный в делах в Вашингтоне К. М. Ону министру иностранных дел М. И. Терещенко [2]).

Телеграмма.

№ 289. 12/25 мая 1917 г.

Весьма доверительно.

Ссылаюсь на Ваш № 2050 [3]).

Из весьма достоверного источника я узнаю, что текст последней декларации русского правительства известен здесь лишь из агентских телеграмм, которые неодинаково передают ее содержание. — В виду этого, я неофициально передал государственному департаменту текст Вашей телеграммы № 2050. Здесь, повидимому, особенно смущены толкованием слов «мир без аннексий и контрибуций», а именно подразумевается ли под термином аннексии воссоединение Эльзаса и Лотарингии с Францией, освобождение

---

[1]) Весной 1917 г., в связи с необеспеченностью мурманского побережья от нападения германских подводных лодок, российским правительством был поднят вопрос о посылке в северные русские воды союзных миноносцев. В апреле того же года, когда в войну вступили С.-А. С. Штаты, русское морское ведомство обратилось в Вашингтон с просьбой предоставить в распоряжение России два судна из числа тех, которые должны были присоединиться к английскому флоту. Американский морской штаб предложил снестись по этому поводу с английским адмиралтейством. Последнее в июне 1917 г. отказало в русской просьбе, ссылаясь на недостаток в союзных миноносцах, и согласилось только ускорить ремонт чинившихся в Ливерпуле 2-х судов б. русского тихоокеанского отряда (миноносцы «Грозовой» и «Властный»). (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за январь-июль 1917 г.).

[2]) 5/18 мая 1917 г. временное правительство было реорганизовано. Пост министра иностранных дел занял б. министр финансов Терещенко.

[3]) Телеграммой за № 2050 от 6/19 мая 1917 г. Терещенко передает российским дипломатическим представителям за границей декларацию коалиционного министерства от 6/19 мая 1917 г. Текст ее печатается нами ниже (см. стр. 487).

сербских областей Боснии и Герцеговины, армянских областей Малой Азии и т. д. или же нет. Столь же смущает здесь вопрос «контрибуции», так как право на «вознаграждение» Бельгии, северной Франции и других разоренных областей почитается здесь несомненным. Весьма вероятно, что на днях последует заявление президента, являющееся косвенным ответом на русскую декларацию.

Ону.

CCVI.

Российский поверенный в делах в Вашингтоне К. М. Ону министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма [1]).

№ 311. 22 мая/4 июня 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 200 [2]).

В ответ на ноту, переданную 20 апреля ст. стиля, я получил сегодня ноту статс-секретаря [3]), выдержку из которой передаю. После вступления, выражающего благодарность за передачу декларации от 2-го марта [4]), нота гласит:

«Правительство Соединенных Штатов не может не выразить удовлетворения по поводу заявления временного правительства об отсутствии каких-либо оснований для заключения, что падение старого строя означает ослабление участия России в общей борьбе; равным образом оно не может не приветствовать заверений, данных временным правительством об его намерении добросовестно выполнить обязательства, заключенные с союзниками. С своей стороны, правительство Соединенных Штатов не питало сомнений, что российское временное правительство будет продолжать оказывать полностью помощь и поддержку, продолжая войну против самодержавного режима до победного конца, единственно могущего обеспечить длительный мир и полное признание человеческих прав во всем мире, каковому делу Соединенные Штаты отдали свои силы и средства. Подпись Лансинг».

Ону.

---

[1]) Перев. с фр. Текст в кавычках в подлиннике на английском языке.

[2]) Очевидная ошибка в номере. Телеграммой за № 200 от 14/27 апреля 1917 г. Ону передает сообщение пр.-доц. Шацкого об организации им в Нью-Йорке «русско-американского общества». Повидимому, имеется в виду телеграмма Ону за № 222 от 21 апреля/4 мая 1917 г., уведомляющая о вручении правительству С.-А. С. Штатов циркулярной телеграммы б. российского министра иностранных дел Милюкова за № 1721 от 18 апреля/1 мая 1917 г. (см. стр. 485).

[3]) В С.-А. С. Штатах министру иностранных дел присвоено звание статс-секретаря.

[4]) Очевидная ошибка; следует читать не 2, а 27 марта. Декларация временного правительства от 27 марта печатается нами ниже (см. стр. 476).

CCVII.

Российский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ . . . . . [1]). 15/28 июня 1917 г.

Был бы Вам признателен за доверительное личное освещение положения следующих вопросов: 1) Последовали ли за декларацией коалиционного министерства [2]) какие-либо переговоры с союзниками о целях войны и намечается ли конференция для их междусоюзнического обсуждения. 2) Как отнеслись союзные правительства к новой постановке внешней политики и как ставится нами вопрос о Бельгии, Сербии и Эльзасе. 3) Как встречено было в России последнее обращение Вильсона [3]). 4) Представляется ли желательным вызвать со стороны президента почин выяснения и согласования взглядов союзников на цели войны, в частности—поднять вопрос о конференции. 5) Представляется ли желательным, чтобы Америка вступила в состав союзных, связанных договорами, держав.

Бахметев.

CCVIII.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко послу в Вашингтоне Б. А. Бахметеву.

Телеграмма.

№ 2830. 21 июня/4 июля 1917 г.

Лично. — Доверительно.

Получил Вашу телеграмму от 15 июня.

1) Со времени декларации коалиционного правительства английское правительство официально уведомило о своей готовности на пересмотр союзных соглашений. Из разговоров с Альбером Тома [4]) я мог заключить,

---

[1]) В подлиннике номер отсутствует.

[2]) См. стр. 487.

[3]) Имеется в виду обращение Вильсона, переданное временному правительству послом С.-А. С. Штатов в Петрограде Фрэнсисом 12/25 мая 1917 г. Обращение было опубликовано в русской печати 28 мая/10 июня 1917 г.

[4]) После февральской революции во французских политических кругах возникла мысль заменить французского посла в Петрограде Палеолога политическим деятелем, более отвечающим требованиям момента. Выбор пал на министра снабжений Тома, в 1916 г. приезжавшего в Россию вместе с Вивиани. Тома было поручено установить связь с русскими политическими и общественными кругами и добиться от Ставки скорейшего перехода русской армии в наступление. Приехав

что французское правительство расположено итти навстречу этому желанию. Вследствие сего мною, по уговору с А. Тома, была вручена ему нота, сообщенная одновременно всем союзным правительствам и опубликованная петроградским телеграфным агентством 2 июня [1]). В ней содержится предложение созвать в ближайшее время, когда для того создадутся благоприятные условия, союзную конференцию для пересмотра соглашений, касающихся конечных целей войны. При этом оговорено, что соглашение о незаключении сепаратного мира не должно подлежать обсуждению конференции. Для Вашего строго доверительного сведения прибавляю, что по соображениям как военного свойства, так и внутренним мы не считали бы желательным созыв этой конференции ранее половины августа.

2) Со стороны Франции и Англии обнаруживается в общем полное понимание нового курса политики России, и последние речи Ллойд Джорджа [2]) и Рибо [3]), несомненно, сближают наши точки зрения на цели войны. Точно так же и в Италии замечается известное стремление к согласованию ее политических целей с началами, выдвинутыми нашим новым строем. Вопрос о Бельгии ставится нами на почву восстановления ее политической и территориальной независимости и вознаграждения за убытки. Те же начала приложимы к вопросу о Сербии в прежних ее пределах, при чем эта постановка дополняется принципом самоопределения народов и горячей симпатией России к нарождающейся идее южно-славянской федера-

---

в Петроград 22 апреля и вручив Палеологу предписание Рибо сдать дела советнику посольства Дульсэ и выехать во Францию, Тома стал искать сближения с представителями левого крыла правительства. На этой почве между ним и Палеологом, поддерживавшим политику Милюкова, возник резкий конфликт, окончившийся победой Тома (См. мемуары Палеолога «La Russie de Tsars pendant la grande Guerre», Paris, 1923, v. III, c.c. XII, XIII, p. 307 и сл., русский перевод — «Царская Россия накануне революции», Москва, 1923 г., гл. X, стр. 433 и сл.).

[1]) Нота, переданная Терещенко Тома, печатается нами ниже (см. стр. 501).

[2]) Ллойд-Джордж выступил в конце июня (н. ст.) с речью в Глазго. Говоря о будущих мирных условиях, он указал, что было бы недопустимо оставить Аравию, Месопотамию и Армению Турции и что судьба б. африканских колоний Германии, занятых англичанами, должна быть решена сообразно с волею их населения. Упомянув в весьма сочувственных выражениях о России, он выразил твердую уверенность, что временное правительство преодолеет все трудности и что страна после пережитых ею потрясений сделается еще сильнее, чем она была раньше.

[3]) 9/22 мая председатель французского совета министров и министр иностранных дел Рибо выступил в палате депутатов с речью, в которой между прочим сказал следующее: — «Франция следила не без тревоги за усилиями российского правительства упрочить добытую свободу и оградить ее от анархии, ныне же она с полным доверием приветствует его мужественное решение довести войну до победного конца». Что касается вопроса о «целях войны» и формулы «мира без аннексий и контрибуций», то, по мнению Рибо, на этой почве не может быть существенных противоречий между Россией и Францией, так как он убежден, что возвращение Франции отторгнутых у нее силою областей не является аннексией, а возмещение за беспримерные опустошения не есть контрибуция. (Телеграмма и. об. российского посла в Париже Извольского от 9/22 мая 1917 г. № 427).

ции. Наконец, в отношении Эльзаса-Лотарингии в русских демократических кругах проявляется сочувствие точке зрения той группы французских социалистов, которые стоят за народный плебисцит в отторгнутых от Франции областях, но за плебисцит в условиях эпохи отторжения, то есть без участия иммигрировавших с тех пор элементов и с привлечением к оному населения, эмигрировавшего во Францию.

3) Послание Вильсона не произвело в России большого впечатления. Только теперь наши демократические круги начинают мало-по-малу убеждаться на основании последнего инцидента с Гриммом [1]), германского шпионажа и позиции, занятой Шейдеманом, насколько верно было замечание Вильсона об умении германского правительства заставлять служить себе даже своих внутренних противников.

4) Не признавая желательным просить президента брать на себя почин согласования взглядов союзников на цели войны, мы вполне рассчитываем, однако, на то, что он, в свое время, окажет поддержку нашему предложению о созыве конференции и что сама Америка примет в ней участие.

5) Особой нужды во вступлении Америки в число держав, связанных договорами, мы не усматриваем. Если же она сама выразит желание присоединиться к договору о незаключении сепаратного мира, то мы приветствовали бы ее таковое решение.

Терещенко.

CCIX.

Российский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 614. 4/17 июля 1917 года.

Показательно необычайно выгодное положение, которое Россия приобрела в настоящее время здесь в связи с наступлением на фронте, последними сообщениями Рута и работой нашей миссии.

. . . . . Сложившееся положение необходимо теперь же использовать, чтобы положить начало возможности в будущем получать от Америки широкую финансовую помощь, необходимую на восстановление хозяйства России и нашего денежного обращения. Жизненная (наша) ныне задача: . . . . . .

До сих пор американское правительство, в виду общего заверения, данного конгрессу, упорно отказывало предоставлять кому бы то ни было кредиты на расходы вне С.-А. С. Штатов, притом строго настаивая на ассигновании кредитов на прямые нужды с перечислением в отдельности назначений предполагаемых расходов. Исключение, сделанное предоставлением Америкою 75 миллионов на расходы в Финляндии, является по программе началом финансовой помощи, несмотря на значительные цифры,

[1]) Имеется в виду инцидент, разыгравшийся с швейцарским социалистом Гриммом, посетившим Петроград весной 1917 г. Гримм был обвинен в агитации в пользу Германии и был выслан из России.

фактически покрывает лишь старые долги, удовлетворяет немедленным нуждам снабжения и обеспечивает потребности иностранного обращения на самый короткий срок. Хотя в настоящий момент говорить конкретно о более обширной программе, выходящей за пределы чисто военной помощи, не представляется возможным, однако, подготовительная работа должна бы начаться незамедлительно, используя создавшееся положение и факт присутствия в Америке чрезвычайной миссии [1]). Получение в будущем широкой финансовой помощи возможно исключительно лишь при принятии Россией совершенно определенного политического курса с вовлечением Америки в политические взаимоотношения такого характера, естественным последствием которых явится необходимость финансовой нам помощи. Политический курс этот представляется мне в виде привлечения Америки к активному участию в международных делах на почве совместного с Россией проведения в жизнь новых начал, установляемых русской демократией и близких к задачам, провозглашенным Вильсоном. Америка должна быть нами поощряема к почетной инициативной роли, при чем у Америки должно слагаться убеждение, что тесное сближение с Россией необходимо не только для достижения постепенно общих задач, но что поддержка со стороны сильной демократической России является непременным условием приобретения Америкой веского положения в европейском концерте. Такая политическая связь с Америкой выгодна России, открывая ей рессурсы для ее внутреннего устроения, и является одновременно почти необходимым условием выполнения русской демократией новой своей исторической роли в международных делах. Практическое выполнение подобной политики требует от нас ныне же поощрения активного вмешательства Америки в европейские дела, что при всех обстоятельствах нам вообще полезно, и деятельного способствования Америке стать равноправным союзником. В связи с этим я считаю, что неиспользование Америки в вопросах внешней политики и сдержанность и пассивное к ней отношение, которое нашло отражение в телеграмме № 2830, могут представить опасность для интересов русской демократии. Такая политика, оставляя Америку изолированной в настоящий переходный момент ее внешних отношений, естественно, введет ее в будущем целиком в русло великобританской политики, подчиняя ее постепенно английскому руководству в процессе непосредственного военного сотрудничества. Подобное обезличение Америки и поглощение того самостоятельного влияния, которое она могла бы приобрести в международных делах, лишило бы Россию серьезной содействующей силы при осуществлении ее демократических задач. Практическая работа в духе указанной программы, при известном умении, ни в какой мере не будет нарушать здесь наших отношений к союзникам, с послами которых у меня установилась самая сердечная близость. Обращаю внимание на необходимость срочного и решительного определения нашего отношения к такому политическому курсу...., о которых обменивались мыслями перед их отъездом. Считал бы политически невыгодным не быть в состоянии в беседе с президентом высказы-

[1]) См. прим. 1 на стр. 395.

ваться с самого начала по этим вопросам с достаточной ясностью и определенностью.

Бахметев.

CCX.

Российский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 409. 11/24 июля 1917 г.

Срочно.

Весьма секретно.

Упоминание в последней декларации преобразованного правительства о намерении созвать союзников на конференцию для обсуждения целей войны [1]) создает необходимость сделать по этому поводу без промедления какой-либо шаг в отношении американского правительства. Газеты уже обсуждают вопрос о том, будет ли Америка приглашена для участия в этой конференции и каков будет ее характер. Глубоко убежден, что всякое запоздание в деле предложения Америке принять участие в конференции, а главное, привлечение ее к таковой лишь на общем основании участия всех держав, находящихся в войне с Германией, было бы крупной политической ошибкой. Такой образ действий лишил бы нас возможности использовать непосредственную поддержку Америкой на этой конференции нового демократического направления для внешней политики. Голос России мог бы найти мощную опору в С.-А. С. Штатах, если бы мы своевременно обратились к ним с просьбою выступить вместе с нами рука об руку в деле выяснения задач войны. Прошу срочного ответа и разрешения сделать Америке соответствующее заявление. Предупреждаю, однако, что, в виду важности положения, если бы со стороны Америки ко мне последовал какой-либо запрос ранее получения Вашего ответа, я буду вынужден высказаться в утвердительном смысле.

Бахметев.

CCXI.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко послу в Вашингтоне Б. А. Бахметеву.

Телеграмма.

№ 3181. 15/28 июля 1917 г.

Получил телеграмму № 409.

Вполне разделяю Ваш взгляд о важности привлечь Америку к тесному сотрудничеству в общих вопросах внешней политики и, в частности, предстоящей междусоюзнической конференции для выяснения целей войны. В настоящую минуту, однако, в виду последних событий на фронте [2]) и поло-

---

[1]) Декларация временного правительства от 8/21 июля 1917 г. (См. стр. 503).

[2]) Прорыв на юго-западном фронте в июле 1917 г.

жения внутри страны я полагал бы необходимым несколько отложить предположенную конференцию и, приостановив на время всякие переговоры об условиях будущего мира, сосредоточить все внимание на продолжении войны. Обстоятельство это, конечно, не должно мешать Вам продолжать Ваше воздействие на американские круги, дабы заручиться деятельной поддержкой Америки в пользу основных начал нашей внешней политики. Для Вашего личного сведения добавляю, что до сих пор мы не обращались еще дипломатическим путем ни к одной державе с приглашением принять участие в конференции.

Терещенко.

CCXII.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко послу в Вашингтоне Б. А. Бахметеву.

Телеграмма.

№ 3571. 5/18 августа 1917 г.

Итальянское правительство обнаруживает в последнее время настойчивое стремление добиться от нас признания за Италией, в случае успешного окончания войны, прав на некоторые области Малой Азии [1]).

Как Вам не безызвестно, переговоры относительно распределения между союзниками различных частей Малой Азии возникали неоднократно во время войны. Однако, как я имел случай разъяснить это Руту в бытность его в России, я нахожу при нынешних политических обстоятельствах совершенно несвоевременным и нецелесообразным входить в какие бы то ни было обсуждения этого вопроса, с чьей бы стороны ни исходила к тому инициатива.

В таком смысле был дан министерством ответ здешнему итальянскому послу при неоднократных попытках его получить от нас согласие на новые итальянские притязания.

Благоволите доверительно объясниться с министром иностранных дел и склонить его к усвоению нашей точки зрения на случай, если бы итальянцами или кем-нибудь другим из союзников были предприняты в Вашингтоне какие-либо переговоры о предполагаемых территориальных приобретениях в связи с настоящей войной.

Имея основание предполагать, что общее направление политики Соединенных Штатов в вопросе о Турции и ее будущем приближается к принципам, положенным нами ныне в основу международного общения, мы придаем большое значение при решении упомянутого вопроса голосу Америки, пользующейся притом несомненным авторитетом в Турции. В виду этого мы находим своевременным, чтобы Вы вошли в доверительный обмен мнений

[1]) Терещенко имеет в виду притязания итальянского правительства на г. Смирну с прилегающим к ней хинтерландом (Документы по этому поводу опубликованы в «Разделе Азиатской Турции», стр. 248 и сл.).

с вашингтонским кабинетом по турецким делам, держа нас в курсе, в целях достижения возможной согласованности действий России и Америки при ликвидации войны [1]).

Терещенко.

CCXIII.

Российский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 501. 18/31 августа 1917 г.

Личная.

Итальянцы до настоящего времени не обращались к американскому правительству по поводу территориальных преобразований. Из объяснений с министром иностранных дел выяснилось, что подобное стремление не встречает сочувствия американского правительства. Устанавливающееся за последнее время все более и более близкое взаимное понимание наше с американским правительством позволило мне в осторожной форме приступить к исполнению Вашего поручения по вопросу о Турции. При этом, опасаясь неловкости и последствий, которые могли бы получиться в случае, если бы этим переговорам придали сколько-нибудь официальный характер, я считал необходимым начать с разговоров в совершенно частной форме, привлекая к этому, помимо министра иностранных дел, влиятельного Мак-Аду. Из бесед обнаружилась близость направления мыслей здешних государственных людей к нашим принципам. При этом у американских государственных людей зарождается, повидимому, мысль о желательности, в связи с участием Америки в войне, оказываемой ею финансовой помощью, определенно выяснить конкретные цели войны и взгляды на основы будущего мира, при чем, в связи с этим, возникает мысль о возможности известного давления на союзников, дабы побудить их отказаться от завоевательных стремлений в Турции, что могло бы послужить к выпадению Турции из войны и тем облегчить окончание последней и торжество демократических задач. Такая же мысль зарождается, повидимому, и по отношению к Балканам, в частности Болгарии. Считая, что в дальнейшем это устанавливающееся понимание возможно развить, был бы Вам признателен, в случае, если Вы нашли [бы] необходимым продолжать подобные переговоры, дать мне конкретные указания по этому вопросу. Считаю нужным прибавить при этом, что, при современном положении России, представлялось бы целесообразным в этих вопросах выдвигать Америку на первенствующую роль, а нам поддерживать ее выступления [2]).

Бахметев.

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 343.
[2]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 344.

VIII.

Вопрос о Константинополе в переговорах Протопопова с Варбургом, 1916 г.

CCXIV.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1195. 28 июля 1916 г.

Узнав косвенным путем, что между товарищем председателя думы и германским представителем состоялась беседа, во время пребывания в Стокгольме членов думы, возвращавшихся из Англии [2]), Линдлей попросил сегодня г. Протопопова сообщить мне о том, что произошло. Он заявил, что германский посланник в Стокгольме попросил его зайти в шведский банк для беседы. Протопопов тогда ответил, что он встретится с посланником при условии, если последний попросит его об этом в письменной форме. Германский посланник заболел, но банк устроил ему свидание с г. Варбургом, назначенным финансовым советником при германской миссии. Протопопов и гр. Олсуфьев вместе были у него, и Варбург большую часть времени потратил на обвинение Англии в том, что она пытается посеять раздор между союзниками. Германия не питает ненависти по отношению к России, склонна договориться с нею относительно ее условий мира и считает, что давно пора покончить с войной; последняя никогда бы не началась, если бы Германия знала, что Англия будет сражаться. Протопопов сказал, что окончательные условия мира не были упомянуты, но гр. Олсуфьев заявил другим, что Варбург говорил о необходимости для Германии оставаться.... предоставив России свободу действий на Востоке. Бельгия должна быть восстановлена. Лотарингия должна быть передана Франции взамен.... Все германские колонии должны быть возвращены. Эта последняя интрига германского посланника в Стокгольме не представляет большого значения и является только указанием на настроение Германии по отношению к войне.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) О беседе Протопопова с Варбургом см. также мемуары Неклюдова «Diplomatic reminiscences», London, 1920, c.c. XXII, XXIII, p.p. 411 — 468.

CCXV.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1701. 7 ноября 1916 г.

Узнав из очень хорошего источника, что по отчету, представленному г. Протопоповым императору о его беседе с германским чиновником в Стокгольме, последний будто бы заявил, что, если Россия заключит мир, Германия эвакуирует Польшу и не выставит возражений к предоставлению России Константинополя, — я спросил его величество на моей сегодняшней аудиенции, соответствует ли это действительности. Император ответил, что он не может вспомнить, в каком отчете он читал это заявление, но что он, несомненно, видел его в одном или в двух отчетах. Я сказал, что, если Германия действительно предлагала Константинополь России, это доказывает, что она использует свой последний козырь, и что поэтому ее предложение должно быть отклонено. Его величество выразил свое полное согласие и положительно заявил, что он не даст никакого хода этому предложению.

CCXVI.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов посланнику в Стокгольме А. В. Неклюдову.

Телеграмма.

№ 5268. 29 ноября/12 декабря 1916 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

В появившемся вчера в здешних газетах письме в редакцию министр внутренних дел А. Д. Протопопов сообщает, между прочим, что известная его стокгольмская беседа с Варбургом происходила «с ведома и по просьбе российского посланника при шведском дворе» [2]). Сегодня в ответном письме

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Приводим из письма Протопопова, опубликованного в русской печати 28 ноября/11 декабря 1916 г., слова, касающиеся его свидания с Варбургом: «О беседе моей в Швеции, как мне, по крайней мере, казалось, давно уже все сказано. Беседа эта тогда же, т.-е. в Швеции, была мною точно записана, и запись эта известна многим. Своевременно я текстуально изложил эту беседу как бывшему министру иностранных дел С. Д. Сазонову, вполне ее одобрившему, так и многолюдному частному собранию членов государственной думы, после которого М. В. Родзянко письмом в газетах удостоверил всю строгую лойяльность стокгольмской встречи. В архиве московского дворянского собрания хранится стенограмма моего доклада о той же беседе, сделанного мною в августе текущего года в собрании губернских предводителей дворянства. Беседа происходила с в е-

в редакцию П. Н. Милюков, на основании разговора с Вами, опровергает это утверждение [1]).

Не откажите сообщить Ваш отзыв по поводу указанного разногласия, а равно уведомить, когда и каким путем Вам стало известно о беседе Протопопова с Варбургом.

Нератов.

CCXVII.

Управляющий российским министерством внутренних дел А. Д. Протопопов посланнику в Стокгольме А. В. Неклюдову.

Телеграмма.

29 ноября/12 декабря 1916 г.

Благоволите телеграфировать мне, что Вы были осведомлены о моей беседе с Варбургом мною лично в момент моего отъезда на вокзал, и что она не встретила никаких затруднений ни с Вашей стороны, ни со стороны общества. Искренний привет.

Протопопов.

дома и по просьбе российского посланника при шведском дворе, в присутствии одного из спутников моих в этом путешествии и других лиц. При этом мною, конечно, не было сказано ни одного слова, которое свидетельствовало бы, хотя в отдаленнейшей мере, «о моем германофильстве». Обвинять меня в симпатиях к государству и народу, которые с исключительной жестокостью ведут войну, ими же созданную, с моей родиной и ежедневно оскорбляют честь и право, — это полемический прием, достойный осуждения даже тогда, когда, в пылу политической борьбы, желают бросить тень на неугодного или неудобного человека». См. также Протоколы верх. следств. комиссии, т. I, допрос Протопопова,—изданные под названием «Падение царского режима».

[1]) В ответном письме, опубликованном в русской печати 29 ноября/12 декабря, Милюков говорит относительно свидания с Варбургом следующим образом: «Мне известно следующее. Во-первых, вскоре по возвращении г. Протопопова из-за границы я узнал, что он рассказывает своим знакомым о происходившей в Стокгольме беседе. Я просил г. Протопопова приехать ко мне, чтобы поговорить о возможных последствиях его поступка. Ознакомившись с содержанием беседы по отрывкам, записанным г. Протопоповым в его записную книжку, я, в присутствии А. И. Шингарева, спросил его: «Как могли вы решиться на подобный шаг, не осведомив о нем нашего посланника»? А. Д. Протопопов отвечал, — как он отвечал уже и раньше А. И. Шингареву на подобный же вопрос, — что он не предупредил посланника, так как опасался, что иначе он ему помешает. Через несколько недель мне пришлось вторично ехать через Стокгольм за границу. Я счел своим долгом сообщить А. В. Неклюдову о содержании беседы г. Протопопова с Варбургом. А. В. Неклюдов, как я и предполагал, пришел в полное негодование при мысли, что подобный поступок можно было сделать без его ведома. Когда я спросил его, является ли для него мой рассказ полной новостью, А. В. Неклюдов сказал, что слухи о свидании до него доходили, но что содержание беседы он слышит от меня впервые».

CCXVIII.

Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 568. 30 ноября/13 декабря 1916 г.

Лично.

Ваша телеграмма № 5268 получена.

Прошу расшифровать лично.

В день отъезда Протопопова, графа Олсуфьева и профессора Васильева мы собирались итти вместе к министру иностранных дел. Протопопов сказал мне, что спутник их, г. Поляк, предложил ему «случайное» свидание в четыре часа за чаем у Поляка и его жены с германским крупным коммерсантом, некиим Варбургом, и что он принял это предложение. Тут же граф Олсуфьев выразил желание тоже при этом присутствовать. Ни тот, ни другой не спросили при этом моего совета. Когда я провожал этих господ на вокзале, Протопопов сообщил мне содержание своего разговора с Варбургом, каковой не выходил из шаблона обычных германских, якобы дружеских, излияний по адресу России. Таким образом, утверждение Протопопова, что беседа эта происходила «по просьбе русского посланника», является безусловно ложным. Варбург никогда не значился в составе здешней германской миссии; само имя его мне до сих пор было неизвестно. И если я не счел уместным отговаривать Протопопова и графа Олсуфьева от этого свидания, то потому, что хорошо знал высокие патриотические чувства последнего, и видел в первом вице-председателя думы, руководителя депутации, только что объехавшей союзные с нами страны, и одного из вожаков партии, наиболее непримиримой по отношению к нашим врагам.

Если после вышеупомянутого ложного утверждения, г. Протопопов сохранит какое-либо официальное положение, — я обязан представить и представлю отставку. Благоволите сопоставить газетное утверждение Протопопова с текстом его вчерашней ко мне телеграммы, на которую я не считаю возможным ему ответить и которую сообщаю Вам отдельно.

Неклюдов.

CCXIX.

Итальянский посол в Петрограде марк. А. Карлотти министру иностранных дел бар. С. Соннино.

Шифрованная телеграмма [1]).

Телеграмма-кабинет-№ 566. 13 декабря 1916 г.

Секретно.

Относительно беседы, которую имел минувшим летом Протопопов с агентом германской миссии в Стокгольме, я узнал, при условии сохранения

[1]) Перев. с фр.

полного секрета, от лица, при этом присутствовавшего, что германский агент указывал на большой вред, который нанесет России продолжение войны, тогда как только союз с Германией сможет спасти трон и порядок в России. Великобритания хочет продолжать войну до того момента, когда Россия будет окончательно истощена в финансовом и экономическом отношении, чтобы эта последняя не могла более служить препятствием к осуществлению тайных замыслов Великобритании. Франция не может продолжать борьбу в виду недостатка в людях; с другой стороны, всегда легко найти способы договориться с нею. Что касается Италии, то население там желает мира, и лучшим доказательством ее неуверенности относительно будущего служит тот факт, что она не объявила войны Германии. Если Россия потребует свободы плавания в Дарданеллах, то этот пункт не помешает заключению мира, так как, несомненно, можно будет найти modus vivendi. Почему не рассмотреть возможность положить предел этой кровопролитной борьбе? Почему не попытаться стать на почву взаимного доверия?

Согласно моему осведомителю, Протопопов потерял всякий кредит не потому, что он беседовал с германским агентом, но потому, что он ему дал понять, что по приезде в Россию он даст отчет о сообщении, которое ему было сделано.

CCXX.

Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Письмо.

8/21 декабря 1916 г.

Доверительно.

Милостивый государь
Николай Николаевич,

Мне крайне прискорбно, что в первом же официальном обращении моем к вашему высокопревосходительству я должен затронуть весьма неприятный для меня лично вопрос, который послужил уже предметом двух секретных телеграмм, обмененных 29-го и 30-го минувшего ноября между гофмейстером Нератовым и мною.

В открытом письме, опубликованном петроградскими газетами 28-го ноября, г. управляющий министерством внутренних дел, обеляясь перед общественным мнением во взводимых на него обвинениях, говорит, между прочим, и о наделавшей столько лишнего шума встрече и беседе своей с некиим Варбургом, крупным гамбургским негоциантом.

Вот что я знаю по поводу этой встречи и этой беседы:

В день отъезда г. Протопопова, графа Олсуфьева и профессора Васильева обратно в Россию я встретился с этими господами около трех часов в вестибюле гостиницы, дабы вести их к шведскому министру иностранных дел Валленбергу, свидание с коим я для них заранее устроил. Я нашел в вестибюле г. Протопопова и гр. Олсуфьева, и мы вместе дожидались проф. Ва-

сильева, — когда Протопопов сообщил мне, что он должен в 4 часа встретить у своих попутчиков, г-на и г-жи Поляк, какого-то богатого германского негоцианта, имя коего я тут впервые услышал.

Граф Олсуфьев сказал при этом, что и его интересует встреча с этим немцем, так как она может пролить некоторый свет на состояние умов в Германии. Не отрицая этого интереса, я, однако, тут же предупредил г. Протопопова относительно вероятного содержания подобной беседы. «Собеседник будет уверять Вас в любви немцев к России и рисовать радужные перспективы сепаратного мира, союза против общего врага — Англии и русско-германского кондоминиума в Константинополе, под условием некоторых п о п р а в о к нашей западной границы в пользу Германии. Ничего более интересного немец, по всему вероятию, Вам не скажет».

На этом разговор наш с г. Протопоповым и графом Олсуфьевым прекратился, и мы отправились вчетвером к г. Валленбергу.

Мне не пришло тогда в голову отговаривать г. Протопопова от этого свидания с немцем, который не имел в Стокгольме никакого официального положения и о котором я вообще первый раз слышал. В мои обязанности совершенно не входило руководить действиями товарища председателя государственной думы и главы «парламентской депутации», только что объехавшей союзные с нами страны, — поскольку действия эти не относились к шведской почве и к шведским официальным или общественным деятелям. К тому же г. Протопопов отнюдь и не спрашивал моего совета, а только сообщил мне, что у него будет такое-то интересное свидание.

В тот же день при отъезде, на вокзале, г. Протопопов, в присутствии графа Олсуфьева и профессора Васильева, сообщил мне содержание своей беседы с Варбургом, каковая отвечала в общем моим предположениям и ничего предосудительного по отношению к г. Протопопову не представляла.

Я тогда не придавал этой беседе никакого значения. Но когда она послужила предметом полемики в нашей печати, я, в начале августа с. г., в бытность мою в Петрограде, несмотря на постигшее меня только что тяжелое горе, посетил г. Протопопова и попросил его вместе со мною возобновить в памяти все, что касалось инцидента встречи его с Варбургом; оказалось, что г. Протопопов помнил инцидент совершенно так же, как помнил его я, и как я его выше изложил.

Безгранично было, поэтому, мое удивление, когда из телеграммы гофмейстера Нератова от 29 ноября я узнал, а в дошедших до меня третьего дня русских газетах прочитал следующее утверждение г. Протопопова:

«Беседа (с Варбургом) происходила с ведома и п о п р о с ь б е российского посланника при шведском дворе в присутствии одного из спутников моих в этом путешествии и других лиц».

Во-первых, весь инцидент приобретает совершенно иную окраску. Если бы действительно российский императорский посланник просил г. Протопопова встретиться и беседовать с германцем Варбургом, то встрече и беседе этой, действительно, присуще было бы такое значение, которое должно было бы быть объяснено не только в России, но и в союзных с нами странах. Во-вторых, после публичного письма нашего министра внутренних дел, меня,

несомненно будут спрашивать здесь все, правда ли, что свидание г. Протопопова с Варбургом состоялось по моей просьбе, т.-е. иными словами, что русский посланник устроил это свидание? И я не могу отвечать и должен отвечать, что это неправда.

Далее уже в августе, при первой полемике относительно инцидента «Протопопов-Варбург», я, — дабы свести дело к истинным его размерам, — сообщил моим союзным коллегам все, что я о нем знал. И мои коллеги донесли то, что я им рассказал, своим правительствам. Таким образом через несколько дней, когда дойдут до заграничных центров русские газеты, содержащие открытое письмо г. Протопопова, в союзных с нами странах создастся впечатление: либо, что один из членов русского высшего правительства публично и печатно утверждает вещи, заведомо не соответствующие истине, либо, что один из представителей России за границею устраивает под рукою свидания русских общественных деятелей с деятелями вражеских стран.

В заключение обращаюсь к вашему высокопревосходительству со следующею покорнейшею просьбою: не откажите обратиться к графу А. В. Олсуфьеву для засвидетельствования всего того, что я имел честь изложить выше. Я уверен, что воспоминания графа будут вполне соответствовать моим.

Позволяю себе также обратить особое внимание Ваше на прилагаемую копию с открытой телеграммы, адресованной мне г. Протопоповым 29 ноября, т.-е. п о с л е появления в печати его письма. Содержание этой телеграммы соответствует, в общем, фактам, и я ответил бы на нее утвердительно (хотя, конечно, через наше министерство и шифром), если бы не получил почти одновременно секретной телеграммы гофмейстера Нератова (также от 29 ноября), в которой приводились слова открытого письма г. Протопопова, столь меня поразившие.

С глубоким уважением и совершенной преданностью имею честь быть

вашего высокопревосходительства

покорный слуга

Н е к л ю д о в.

IX.

Переговоры между союзниками об опубликовании соглашения относительно Константинополя и Проливов, 1916 г.

CCXXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 150. 24 марта/6 апреля 1916 г.

Лично.

Грэй мне сказал, что на запрос, предъявленный ему в палате общин по поводу части речи Милюкова [2]), относительно апрельского [3]) соглашения

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Приводим отрывок из речи, произнесенной Милюковым на заседании государственной думы 11/24 марта 1916 г. при обсуждении сметы министерства иностранных дел на 1916 г.: «В чем собственно наш русский интерес к войне? Государственная дума сказала об этом достаточно громко, сказала на весь мир в своей январской сессии, и голос ее был услышан, — нам нужен выход к свободному морю. Не для этого мы начали войну. Но мы ее начали, и без этого мы не можем ее кончить. Наш русский интерес в этой войне в том, что нам необходимо присоединение Проливов... Начало апреля н. ст. 1915 г. — вот дата, которая заслуживает стать известной нашим широким массам, чтобы они знали, из за чего они борются. Это дата определенного соглашения о Проливах между нами и нашими союзниками. В успехе нашего соглашения с союзниками не малая доля принадлежит вам, господа. С вашей поддержкой стало возможно то, что без вас не звучало бы достаточно сильно и убедительно в устах наших дипломатов, которым тоже принадлежит в данной области заслуга. Наша дипломатия исполнила задачу, которую не мы, а история ей поставила. В мировой борьбе нам уделен Восток». На заседании 14/27 марта с заявлением по вопросу о Проливах выступил представитель правых Марков 2-й. Он указал, что, по полученным им сведениям, соглашение о Константинополе не отвечает русским интересам. России нужен полный и безусловно свободный выход в Средиземное море. Соглашение о Проливах сделалось известным в Англии, где о нем открыто говорит пресса; поэтому его следует огласить и в России. Кроме того, необходимо немедленно потребовать от союзников: 1) предоставления России полного и безусловного владения Константинополем, Проливами, Адрианополем и Галлиполи, а также достаточно обширной полосой, прилегающей к Проливам, в Малой Азии, 2) признания за Россией Галиции, Буковины, Венгрии, Армении с Трапезондом и сев. Персии, и 3) совместного с союзниками владения Святой Землей. Присутствовавший на заседании министр иностранных дел Сазонов, возражая Маркову 2-му, указал, что почерпнутые депутатом из западной печати сведения о неблагоприятном для России характере заключенного между союзниками соглашения о Проливах неверны. «Я считаю своим долгом, — сказал министр, — самым категорическим образом заявить, что подобного соглашения не существует».

[3]) Бенкендорф называет соглашение о Константинополе и Проливах «апрельским», повидимому, основываясь на речи Милюкова.

о Проливах, он, как и раньше, дал уклончивый ответ. Он добавил, что он не хотел бы, чтобы этот ответ произвел неблагоприятное впечатление на русское общество и возбудил бы в нем сомнения относительно намерений Англии. Он сказал, что, поскольку это касается палаты и английского общественного мнения, он отнюдь не опасается..... был сообщен представителям оппозиции еще до сформирования коалиционного кабинета и против которого он не предвидит ни малейших возражений; что вследствие этого для него лично не представилось бы никаких затруднений дать ответ, что текст фразы Милюкова, поскольку он его знает на основании сообщения «Times», не содержит в себе никакой неточности. Грэй добавил, что, само собою разумеется, для того, чтобы так высказаться, если даже и не доводить дело до опубликования соглашения, необходимо согласие французского правительства, а также необходимо осведомить итальянское правительство. Что касается Японии, то Грэй сказал, что весьма доверительно он поставил ее об этом в известность [1]) и при этом подчеркнул тот факт, что подобное решение может быть только выгодным для японских интересов и для будущих ее отношений с Россией. Грэй сказал, что Империали неоднократно обращался к нему по этому поводу с запросами, но, считая, что Италия не имеет права требовать сообщения ей фактов, предшествовавших ее присоединению к союзу, и вопрос о которых она в тот момент не возбудила, он отклонил поползновения посла [2]). Грэй повторил мне, что Италия может быть только осведомлена с согласия России и Франции. Он сказал мне, что могут представиться некоторые затруднения для этого. Однако, не настаивая на этих затруднениях... опасался скорее впечатления, которое могло произвести на Румынию публичное заявление. Я нисколько не оспаривал очевидную необходимость совместного обсуждения между союзниками; что касается Румынии, то я высказал ему свое личное мнение, что для балканских стран, оставляя в стороне мечты эллинизма и панболгаризма, Константинополь мог явиться целью; я сомневаюсь, что то же можно сказать о Румынии, которой придется выбирать между фактом обладания Россией Проливами и более или менее непосредственным обладанием ими Германией. Тем не менее, я сказал, что мне совершенно неизвестны Ваши взгляды на этот вопрос и что я понимаю необходимость осторожного отношения к Румынии. Во время этого разговора, на который он меня вызвал, Грэй несколько раз останавливался на нежелательности оставлять русское общество в сомнении относительно английских намерений по этому вопросу. Я ему ответил, что было ясно, что принимая во внимание моральные отношения России и Англии, чем скорее факт [заключения соглашения] будет объявлен, тем лучше, и что я придаю этому большое значение. Он мне повторил несколько раз, что с английской точки зрения он не имеет к этому возражений, но что необходимо считаться с вопросом о нейтральных. Грэй просил меня передать Вам по телеграфу этот разговор. Я вынес впечатление, что Грэй, главным обра-

---

[1]) См. телеграмму Сазонова от 10/23 сентября 1915 г., № 4713 (стр. 388).

[2]) В подлиннике: . . . . . «il avait éconduit l'ambassadeur».

зом, придает значение общественному мнению России и что, если он не встретит возражений со стороны того или другого союзника, он охотно выскажется яснее.

Бенкендорф.

CCXXII.

Король Георг V императору Николаю II.

Телеграмма [1]).

До меня дошли сведения из нескольких источников, в том числе из нейтрального источника, несомненно хорошо к нам расположенного, что за последнее время германские агенты в России прилагают большие усилия, чтобы посеять рознь между нашими с тобой странами, возбуждая недоверие и распространяя ложные слухи о намерениях моего правительства. В частности, я слышал, что повторяется слух, которому в некоторых местах и верят, что Англия намерена противодействовать обладанию Россией Константинополем или оставлению его за нею. Подозрений такого рода не может быть у твоего правительства, которое знает, что соглашение от марта 1915 г. было выработано моим правительством при содействии лидеров оппозиции [2]), которые были призваны специально для этой цели в совет и которые в настоящее время являются членами правительства.

Но мне горько думать, что где бы то ни было в России может существовать сомнение насчет искренности Великобритании и постоянства ее намерений. Я и мое правительство считаем, что обладание Константинополем и другими территориями, как это установлено в соглашении, заключенном нами с Россией и Францией в течение этой войны, является одним из важнейших и постоянных условий мира, когда война будет доведена до победного конца.

Я серьезно надеюсь, что когда ты сочтешь это желательным, ты уполномочишь своих министров вступить в самые искренние объяснения с моим правительством по данному или по другим вопросам, или сам непосредственно снесешься со мною.

Ты знаешь, мой дорогой Ники, как я тебе предан, и я могу уверить тебя, что мое правительство питает такое же горячее чувство дружбы к твоей стране, и мы решили твердо придерживаться тех обещаний, которые мы дали в качестве твоего союзника. Поэтому ты не должен допускать, чтобы твой народ был введен в заблуждение злостными махинациями наших врагов.

Джордж и.

---

[1]) Перев. с англ. В деле имеется копия телеграммы Георга V, при чем дата на ней отсутствует.

[2]) См. прим. 2 на стр. 281.

CCXXIII.

Император Николай II королю Георгу V.

Телеграмма [1]).

Благодарю тебя за откровенное выражение твоего огорчения по поводу возможности существования в моей стране сомнения относительно искренности Великобритании.

Я писал тебе неоднократно, что я счастлив видеть, как чувства глубокой дружбы по отношению к Англии все более укрепляются в моем народе, армии и флоте. Конечно, имеются отдельные лица, которые не разделяют этого мнения, но я постараюсь справиться и с ними. Еще более серьезным объектом для борьбы я считаю влияние некоторых из наших банков, которые до войны были в германских руках и влияние которых дает себя незримо, но сильно чувствовать, — особенно в медленности выполнения приказов об изготовлении военных припасов, снаряжения, и т. д. Я часто обращал внимание моего правительства на это обстоятельство. Я надеюсь, что г. Барк преодолеет эту трудность.

Я уверен, что короткое официальное сообщение моего правительства, устанавливающее, что Англия и Франция считают обладание Россией Константинополем и Проливами неизменным условием мира, успокоило бы все умы и рассеяло бы всякое недоверие [2]).

Ники.

CCXXIV.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 2096. 16 сентября 1916 г.

Российский посол неофициальным и частным образом указал мне на крупное значение, которое может иметь опубликование соглашения о Константинополе и Проливах, особенно после того, как император писал по этому поводу королю. Я ответил, что я согласен в принципе, и, поскольку это касается здешнего общественного мнения, опубликование может быть сделано в какое угодно время, но оно будет вызовом магометанскому общественному мнению Индии, которое крайне благоприятно настроено по отношению к туркам. Для этого необходимо известное время, и мы предпочли бы сделать это в такой момент, когда военное положение будет вполне обеспечено. Впечатление в Афганистане и Индии может быть серьезным, если

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Отправлена при письме министра, от 29 августа 1916 года, английскому послу для передачи по назначению. (Прим. подлинника).

[3]) Перев. с англ.

опубликование совпадет с успехами Турции в Персии [1]). Поэтому я предлагаю согласиться в принципе на опубликование, но отсрочить его до того момента, когда вопрос этот будет обсужден здешним военным комитетом [2]) и российским правительством. Когда наступит этот момент, мне кажется предпочтительнее всего, чтобы российское правительство опубликовало документы на русском языке, сообщив при этом, что это сделано с согласия правительства его величества и французского правительства. Мы же тогда представим документы парламенту здесь. Согласие парламента, сообразно с конституцией, конечно, не является необходимым, но парламент всегда ждет, что документы будут ему представлены, после того, как они иным образом были опубликованы.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CCXXV.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4027. 5/18 сентября 1916 г.

Мы считали бы чрезвычайно желательным в ближайшем будущем дать удовлетворение русскому общественному мнению опубликованием сообщения о Константинополе и Проливах. По этому поводу я имел вчера доверительную беседу с великобританским послом, который передал мне мнение лорда Грэя о том, что с его стороны не встречается принципиальных возражений против предания гласности документов, относящихся к русско-англо-французскому соглашению о Константинополе и Проливах, но, что он считает необходимым представить этот вопрос на рассмотрение военного совета в Англии, так как это опубликование произведет огромное впечатление на весь мусульманский мир и может весьма невыгодно отразиться на военном положении Англии в Персии, Афганистане, Индии и Египте.

При этом Бьюкенен обещал сообщить Грэю мои соображения о том, что согласие Великобритании и Франции на опубликование вышеозначенных документов в значительной мере облегчит нам издание манифеста о Польше [3]).

---

[1]) Летом 1916 г. турецкое командование предприняло наступательные операции против русских войск на персидской территории, при чем первоначально турецкой армии, действующей в этом районе, удалось добиться значительных успехов, выразившихся в занятии гор. Хамадана 11/24 августа 1916 г. Позднее это наступление было приостановлено.

[2]) Повидимому, Грэй имеет в виду военный совет, образованный 25 ноября 1914 г. в Лондоне. Ему кабинет передал все вопросы, касавшиеся ведения войны.

[3]) Воззвание б. вел. кн. Николая Николаевича полякам, обещавшее Польше автономию, было подтверждено в августе 1915 г. Горемыкиным в государственной думе и в сентябре 1916 г. в беседе с польской делегацией Штюрмером, указавшим, что издание высочайшего манифеста о Польше задерживается, вследствие опа-

О вышеизложенном сообщаю Вам для сведения, только на случай, если лорд Грэй затронет этот вопрос в разговоре с Вами.

Штюрмер.

CCXXVI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 549. 5/18 сентября 1916 г.

Копия в Париж.

Я узнал конфиденциальным образом от Гардинга, что вопрос об опубликовании соглашения относительно Константинополя подвергнут изучению. Я нашел его крайне обеспокоенным. Я говорил по этому поводу с Грэем, и он мне сказал, что вопрос этот будет рассмотрен военным комитетом, но что он может уже заявить мне, что лондонский кабинет в принципе согласен на опубликование при непременном условии согласия французского правительства. Я не сомневаюсь, что для Англии это не представляет затруднения, но правительство должно будет считаться с впечатлением, которое это произведет не в Египте, нисколько его не беспокоящем, а в Индии, и поэтому придется действовать с осторожностью. Его личное мнение относительно мер предосторожности, которые необходимо будет принять, сводится к следующему: считаться с положением в Малой Азии, а также с положением меккского шейха [2]). Он прибавил, что если на беду опубликование совпадет с какими-либо, хотя бы временными, неудачами наших войск в Персии, известие о которых одновременно распространилось бы в Индии, впечатление там могло бы принять нежелательные размеры. Он заметил, что известия эти проникнут туда через Афганистан, и в этом случае могут создать там затруднения и для России. Он сказал мне, что в силу этих соображений дата опубликования может быть установлена с общего согласия, тщательно принимая во внимание эту точку зрения... Грэй и Гардинг полагают, что было бы благоразумнее опубликовать документы в Петрограде от имени трех правительств. В парламенте будет сделан немедленный запрос, на который Грэй даст ответ, принимая часть ответственности за опубликование в России на себя и подтверждая его официально. Таково личное мнение Грэя. Вопрос будет немедленно обсужден в военном комитете.

Бенкендорф.

сения российского правительства, что всякие меры, предпринятые им в этом направлении, отразятся на судьбе польского населения в оккупированных австро-германцами областях.

[1]) Перев. с фр.

[2]) 22 июня 1916 г. шейх Мекки Гуссейн-ибн-Али поднял восстание против турецкого правительства. К нему присоединились племена, населяющие западную и центральную часть Аравийского полуострова, провозгласившие себя независимыми. Ими были заняты Мекка, Джедда и Таиф. В ноябре 1916 г. Гуссейн-ибн-Али провозгласил себя королем арабов и образовал министерство.

CCXXVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 558. 7/20 сентября 1916 г.

Весьма доверительно.

Гардинг сказал мне вчера, что шаги, предпринятые Англией в Париже, до сих пор не имели успеха, но что Грэй будет настаивать и дальше. Он прибавил, что это сообщение является весьма доверительным и просил меня не пользоваться им при беседах с Камбоном. Я думаю, что это относится также и к Палеологу. Все затруднение в Париже. Я не знаю, был ли Извольский уполномочен использовать аргумент о Польше, который особенно в Париже мог бы иметь большой вес.

Бенкендорф.

CCXXVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [2]).

№ 559. 7/20 сентября 1916 г.

Получил № 4027 [3]).

Бьюкенен уже передал по телеграфу Ваши соображения относительно польского манифеста. Гардинг отдает себе отчет в их значении. Он надеется, что они окажут благотворное влияние в Париже. Для английского правительства важно, чтобы опубликование совпало с достаточно благоприятным военным положением в Персии, ради впечатления в Афганистане и Индии. Военный комитет займется именно этим вопросом.

Бенкендорф.

CCXXIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [4]).

№ 568. 12/25 сентября 1916 г.

Лорд Грэй вернулся вчера к вопросу об опубликовании документов касательно Константинополя. Он сказал мне, что французское правительство все еще высказывается против, и повторил мне, что великобританское прави-

---

[1]) Перев. с фр.
[2]) Перев. с фр.
[3]) См. стр. 416.
[4]) Перев. с фр.

тельство в принципе совершенно решило вопрос, но что осторожность требует, чтобы опубликование имело место только при условии твердости положения на востоке, достаточной для того, чтобы произвести впечатление на восточные умы. Особенно он имеет в виду Афганистан и Индию, говоря, что с этой точки зрения главным фактором является положение наших войск в Персии. Как только обнаружится их превосходство, следует приступить к опубликованию, но до сих пор оно не достаточно очевидно, и потому опубликование в настоящее время было бы преждевременным. Я заметил ему, что останется и тогда противодействие Франции. Он мне ответил, что при этих условиях он не сомневается, что Франция уступит. Впрочем, насколько мне известно, французское правительство, мотивируя свое противодействие, особенно выдвигает аргумент относительно впечатления в мусульманском мире. Грэй прибавил, что он уже набросал предисловие к публикуемым документам и что он его передаст Бьюкенену, чтобы быть наготове. Предисловие, искусно составленное, устанавливает, что ни одна из держав Согласия, — Россия не более, чем другие, — не имели с начала войны враждебных намерений по отношению к Оттоманской империи, что в течение всего первого периода державы, во главе с Россией, настойчиво прилагали усилия, чтобы добиться от Порты не присоединения к ним, а соблюдения строгого нейтралитета, но что в тот день, когда Порта совершила, уступая Германии, без объявления войны, ничем не оправдываемый враждебный акт в Черном море, оттоманское правительство подписало свой собственный приговор и лишний раз показало, что для турок нет больше места в Европе; что с этого момента стало неоспоримым, что все права на Константинополь и Проливы должны перейти к одной России, и на этом основании было заключено соглашение. За этим предисловием должны следовать документы.

Бенкендорф.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Хорошо», Царская Ставка, 18 сентября 1916 г.

CCXXX.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4365. 30 сентября/13 октября 1916 г.

Для Вашего сведения.

Ваша телеграмма № 549 [1]) получена.

При переговорах с лордом Грэем, по поводу опубликования соглашения относительно Константинополя и Проливов, благоволите иметь в виду, что, поднимая этот вопрос, я отнюдь не настаиваю на немедленном назначении срока опубликования. Понятно, что для устранения всех встречающихся на

[1]) См. стр. 417.

этом пути препятствий, потребуется некоторое время, но выработка теперь же соответствующей формулы и редакции сообщения для оглашения имела бы важное подготовительное значение для того момента, когда будет признано возможным установить самый срок опубликования.

Штюрмер.

CCXXXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 626. 5/18 октября 1916 г.

Получил Вашу телеграмму № 4365.

По вопросу об опубликовании документов относительно Константинополя, в указанном смысле, Гардинг сказал мне, что необходимо, конечно, быть готовым воспользоваться случаем, как только обстоятельства это позволят, и что, во избежание потери времени, Грэй уже вступил в сношения с Брианом для выработки редакции предисловия, которое будет предшествовать документам.

Бенкендорф.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Не нужно торопиться». Царская Ставка, 12 октября 1916 г.

CCXXXII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 2463. 21 октября 1916 г.

Моя депеша № 235.

Здешний российский посол заявил, что г. Штюрмер считает, что сообщение, касающееся соглашения о Константинополе, должно быть теперь приготовлено, чтобы быть опубликованным в подходящий момент. В связи с этим Вы должны показать ему доверительно текст заявления, содержащийся в вышеупомянутой моей депеше, не дожидаясь получения Вашим французским коллегою аналогичных инструкций, и объяснить ему, что текст в настоящее время находится у французского правительства, которому он был сообщен для того, чтобы узнать его соображения по этому поводу.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Перев. с англ.

CCXXXIII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1].

№ 2584. 6 ноября 1916 г.

Ваша телеграмма 1684.

Я считаю, что подлежит опубликованию только факт предстоящего получения Россией Константинополя и ничто другое. Вы уже получили текст сообщения по этому поводу. Я рекомендую Вам откровенно обсудить это сообщение, а также положение России, отдельно с г. Штюрмером, а затем втроем с ним и Вашим французским коллегою, с целью договориться относительно опубликования.

CCXXXIV.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [2].

№ 1704. 8 ноября 1916 г.

Я неоднократно обсуждал вопрос об опубликовании нашего соглашения с г. Штюрмером, и он вполне сочувствует ему. Тем не менее он считает настоящий момент неподходящим, и я вполне разделяю его мнение, что до существенного улучшения положения в Румынии [3]) было бы ошибкой опубликовывать наше соглашение. Что желательно было бы сделать, это — ответить на германские инсинуации, будто Россия ничего не выиграет, продолжая войну, напомнив России, что от победоносного окончания войны зависит получение ею свободного доступа к Средиземному морю, ничего не говоря при этом о Константинополе. Но так как он относится к этому неодобрительно, я совсем не буду касаться этого вопроса.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Перев. с англ.

[3]) Тяжелое положение на румынском фронте создалось в октябре 1916 г., когда войскам фельдмаршала ф.-Фалькенгайна удалось оттеснить румын из Трансильвании. Еще до этого момента фельдмаршал ф.-Макензен, переправившись через Дунай, овладел частью Добруджи. Незначительные русские силы, под командой ген. Зайончковского, не могли изменить положения. 22—23 октября был занят германцами г. Констанца, единственный крупный румынский порт на Черном море. Дальнейшее наступление австро-германцев в сторону Валахии и Молдавии, несмотря на деятельную помощь русских войск под командой ген. Сахарова и образование специального русско-румынского фронта, привело 6 декабря к падению Бухареста. Еще до этого румынское правительство перенесло свое местопребывание в Яссы.

CCXXXV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 676. 27 октября/9 ноября 1916 г.

Копия в Париж.

Конфиденциально. В беседе относительно опубликования документов о Константинополе я спросил Гардинга, который прочел мне телеграмму, адресованную Бьюкенену, должен ли я понимать это в том смысле, что лондонский кабинет не имеет больше возражений против немедленного опубликования. Он мне ответил: «никаких». Он прибавил, что в принципе и не встречалось возражений, и великобританское правительство, напротив, всегда считало опубликование крайне желательным; что оговорка касалась только выбора более благоприятной даты, не совпадающей непосредственно с впечатлением, произведенным на Востоке румынским отступлением и известными затруднениями с меккским шерифом [2]); что в настоящее время положение достаточно выяснилось, чтобы отказаться от этой оговорки, и с английской точки зрения нет больше оснований для отсрочки. Тем более, прибавил Гардинг, что Вы сообщили Грэю, что опубликование могло бы облегчить для императорского правительства опубликование манифеста о Польше [3]) —

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Имеется в виду провозглашение меккского шерифа Гуссейна-ибн-Али королем арабов, явившееся неожиданным для Англии. (См. «Раздел Азиатской Турции, стр. 247 и сл.).

[3]) Осенью 1916 г. между германским и австрийским правительствами были начаты переговоры о создании отдельного польского государства под протекторатом центральных держав. В состав будущей Польши по германскому проекту должны были войти: 1) русская Польша, 2) Галиция и 3) те части Познани, где польское население исчислялось в 65%. Австрийское правительство отклонило германский проект, так как, хотя им и предусматривалось объединение польских земель под главенством принца из дома Габсбургов, однако, в Вене опасались усиления германского влияния в восточной Европе. В противовес этому проекту австрийцы выдвинули свой. В состав польского государства по австрийскому предложению должны были войти: 1) русская Польша и 2) Галиция. Новое государство присоединялось к Австрии, которая таким образом из двуединой монархии превращалась в триединую. В свою очередь, германское правительство отклонило австрийское предложение. В результате новых переговоров было, наконец, достигнуто соглашение, и 5 ноября (н. ст.) был издан манифест, подписанный обоими императорами, провозглашавший «области, освобожденные от русского ига» (т. е. русскую Польшу), конституционной наследственной монархией. В тот же день имп. Франц-Иосифом был опубликован особый рескрипт, обещавший Галиции в вопросах внутренних «самостоятельность в границах, допускаемых государственным единством монархии». Повидимому, этот рескрипт был попыткой ослабить германское влияние в Польше, особенно в связи с энергичными мерами германских оккупационных властей по организации польской армии. Державы Согласия, уже

вопрос, который, по его мнению, в настоящее время представляется особенно неотложным [1]).

Бенкендорф.

CCXXXVI.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 1715. 10 ноября 1916 г.

Соглашение о Константинополе.

Я полностью обсудил сегодня вопрос с г. Штюрмером. Его превосходительство заявил мне, что он, как мне было уже известно, вполне сочувствует опубликованию, но не может считать настоящий момент подходящим, принимая во внимание положение в Румынии. Я ответил, что, по моему мнению, необходимо найти средство против столь очевидного здесь упадка настроения, и для этого мы должны заявить, что Россия получает Константинополь, что было бы прекрасным ответом на германскую декларацию о независимости русской Польши. Поэтому я предложил бы, немедленно по получении французским послом инструкций, обсудить текст сообщения, которое должно быть сделано как только исчезнет основание опасаться по поводу Румынии. Французский посол счел своевременным высказать самым определенным образом свое личное мнение в пользу незамедлительного опубликования. Сам г. Штюрмер сослался на разговор, переданный мною в моей телеграмме № 1454 [3]), в котором он одобрил факт опубликования нашего соглашения, так как это явилось бы противовесом декларации о польской независимости, и согласился на мое предложение начать обсуждение.

давно осведомленные о ходе переговоров по польскому вопросу, неоднократно обращали внимание русского правительства на возможные последствия его медлительности. Только после опубликования австро-германского манифеста в Петрограде решили выступить с определенной декларацией о будущем государственном устройстве Польши. (Опубл. в «Правительственном Вестнике» 2/15 ноября 1916 г.). Приводим из нее заключительный отрывок: «По существу польского вопроса Россия с начала войны уже дважды сказала свое слово. В ее намерения входит образование целокупной Польши из всех польских земель, с предоставлением ей, по завершении войны, права свободного строения своей национальной жизни на началах автономии, под державным скипетром государей российских. Это решение нашего августейшего государя остается непреклонным». В тот же день была опубликована и нота протеста русского правительства, сообщенная иностранным государствам через русских дипломатических представителей за границей. 5/18 ноября к протесту присоединились французское, английское и итальянское правительства, обратившиеся к нейтральным странам с призывом «выразить неодобрение по поводу нового нарушения центральными империями начал нравственности и справедливости».

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 251.

[2]) Перев. с англ.

[3]) Дешифрант за № 1454 в деле архива б. министерства иностранных дел отсутствует.

CCXXXVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 685. 29 октября/11 ноября 1916 г.

Копии в Париж, Рим и Афины.

Грэй вернулся к вопросу об опубликовании документов относительно Константинополя. Он мне сказал, что он признает всю основательность Ваших аргументов в пользу отсрочки, в связи с положением в Румынии, что во всяком случае решение этого вопроса в настоящее время находится в руках императорского правительства, но что он счел бы более желательным, чтобы русское общественное мнение было вполне осведомлено и успокоено в этом столь важном пункте, как только это представится Вам своевременным.

Бенкендорф.

CCXXXVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 808. 30 октября/12 ноября 1916 г.

Доверительно.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на телеграммы Бенкендорфа № № 676 и 685.

Хотя мне лишь косвенным образом известно, что вопрос об опубликовании соглашения о Константинополе и Проливах поставлен на очередь и обсуждался Вами и лондонским кабинетом, а также был затронут Вами в разговоре с французским послом, я осведомился частным образом об отношении к нему французского правительства и считаю долгом сообщить Вам нижеследующее: дело обстоит здесь несколько иначе, нежели в Лондоне. Тогда как в Англии как правительство, так и общественное мнение вполне усвоили себе мысль о присуждении Константинополя и Проливов России, во Франции подобное решение вопроса, безусловно принятое правительством, все (же) встречает возражения со стороны крайних парламентских фракций. Это вполне естественно внушает правительству опасения, что опубликование соглашения создаст ему затруднения. Кроме того, опубликование соглашения встречает возражения со стороны департаментов министерства иностранных дел, глубоко проникнутых старинными традициями французской восточной политики. С другой стороны, Бриан вполне понимает, что в столь существенном для России вопросе малейшее колебание со стороны Франции может иметь самые опасные последствия; в этом его энергично поддерживает Кам-

[1]) Перев. с фр.

бон, составивший для него специально доклад, в котором между прочим опровергается аргумент, что опубликование может вызвать движение среди французских мусульман. В общем, указывая на существующие здесь в настоящем вопросе внутренние несогласия, ни минуты не сомневаюсь в том, что кабинет выскажет полную готовность выполнить наши пожелания.

Извольский.

CCXXXIX.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 2665. 14 ноября 1916 г.

Ваши телеграммы № № 1721 и 1726.

После тщательного рассмотрения я не вижу возражений к тому, чтобы министром иностранных дел было сделано сообщение в думе о том, что союзники пришли к соглашению о судьбе Константинополя и Проливов после войны, а что сами соглашения, заключающие в себе этот пункт, будут опубликованы позднее. Но каково бы ни было это заявление, оно должно с абсолютной ясностью установить, что соглашение было уже готово в марте 1915 г., когда впервые о нем поднят был вопрос, и что оно не является следствием повторных просьб или более близких нам событий или, наконец, что оно было дано неохотно и под давлением, после двух лет войны. В этом смысле упоминание о дате представляется важным. Далее, японское и итальянское правительства должны быть осведомлены о том, что декларация будет сделана в думе. Было бы предпочтительнее сообщить японскому правительству текст до того момента, когда декларация будет сделана, и, в случае, если полный текст соглашения будет опубликован, это должно быть одновременно сделано в Лондоне, Париже и Петрограде с изменениями, предложенными правительством его величества, как это указано в Вашей телеграмме 1721 [2]).

Высказанное Вами мнение по польскому вопросу одобряется, и признается желательным ничего больше не говорить по этому поводу в настоящий момент.

CCXL.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1744. 15 ноября 1916 г.

Министр иностранных дел, которому я сегодня сообщил содержание Вашей телеграммы № 2665, сказал, что, по его мнению, было бы достаточным

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Дешифрант за № 1721 в деле архива б. министерства иностранных дел отсутствует.

[3]) Перев. с англ.

осведомить японское правительство о проектируемой декларации в думе и не сообщать ему текста нашего соглашения накануне его опубликования в трех столицах. Было бы ошибкой, по его мнению, поощрять стремление Японии участвовать в европейских вопросах.

CCXLI.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 4826. 3/16 ноября 1916 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 808 [1]).

Французский посол 15 октября заявил нам, а сегодня снова подтвердил, что французское правительство в принципе ничего не имеет против предположенного нами правительственного сообщения о заключении с Францией и Англией соглашения относительно Константинополя и Проливов и опубликования относящихся к нему документов, но просит нас сговориться о времени, когда это удобнее всего сделать. Теперь, когда поднялся во всю свою величину польский вопрос и русское правительство высказалось по нему, официально подтвердив ранее провозглашенные начала будущего автономного устройства Польши, мы считали бы весьма желательным незамедлительно осведомить русское общество также о решениях, принятых по вопросу о Константинополе и Проливах с опубликованием предисловия, составленного великобританским правительством и известного Франции [2]). Это обстоятельство облегчило бы нам в значительной мере дальнейшее наше благожелательное отношение к судьбе Польши. Получению теперь от Франции согласия на означенный шаг мы придаем особое значение, в виду того, что Англия не только пошла навстречу нашим пожеланиям в этом вопросе, но, повидимому, вместе с нами считает настоящий момент наиболее подходящим для осуществления нашего намерения. Следует считаться с тем, что слухи о переговорах по вопросу о Константинополе и Проливах и отношении к нему наших главных союзниц уже проникли в думские круги и печать. Нам было бы очень неприятно, если бы положение, занятое в этом вопросе Францией, могло бы хотя несколько расхолодить те горячие симпатии, которые всегда проявлялись к нашей старой союзнице во всех слоях русского народа.

Благоволите переговорить об этом доверительно с Брианом и о последующем телеграфировать.

Штюрмер.

---

[1]) См. стр. 424.

[2]) См. телеграмму временно-управляющего министерством иностранных дел Нератова от 13/26 ноября 1916 г. № 5003, стр. 432.

CCXLII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 820. 4/17 ноября 1916 г.

Копия в Лондон.

Срочно.

Палеологу предписано, сговорившись со своим великобританским коллегою, сообщить Вам о согласии французского правительства на предложенное Вами заявление о присоединении Константинополя к России и на опубликование относящихся к сему документов, при соблюдении тех же условий, которые поставлены лондонским кабинетом.

Извольский.

CCXLIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 825. 5/18 ноября 1916 г.

Ваша телеграмма № 4826 разошлась с моей за № 820, в которой я сообщил Вам, что Палеологу предписано заявить Вам о согласии французского правительства на предложенное Вами правительственное сообщение о Константинополе и Проливах и на опубликование относящихся к сему документов. Тем не менее, я переговорил с Брианом, который высказал мне свое недоумение и искреннее сожаление о возникшем по настоящему поводу очевидном недоразумении. Он еще 14/27 октября поручил Палеологу сообщить Вам о своем согласии и не понимает, почему могла произойти задержка. Как только он узнал от Палеолога о таковой, он тотчас подтвердил ему вышесказанные предписания. Во всяком случае он просил меня разъяснить Вам, что положение, усвоенное в настоящем вопросе Францией, ничем не отличается от того, которое занято Англией, и что он ни минуты не колебался пойти навстречу Вашим желаниям.—Лично.—Хотя я не был поставлен Вами в известность о настоящих переговорах, я высказал в телеграмме моей № 808 [1]), что, несмотря на происходившие здесь внутренние трения, не сомневался в том, что Бриан выкажет полную готовность выполнить наши пожелания. Смею думать, что если бы дело это было направлено в обычном порядке, то есть, как представляющее, главным образом, интерес для России, через мое посредство, а не через Палеолога, было бы весьма легко избежать досадных недоразумений и задержек.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 424.

CCXLIV.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 4876. 6/19 ноября 1916 г.

Ваша телеграмма № 830 [1]) получена.

Благоволите передать французскому правительству искреннюю признательность императорского правительства за выраженное согласие на опубликование документов о Константинополе и Проливах.

Штюрмер.

CCXLV.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 1798. 24 ноября 1916 г.

Открытие думы отсрочено на неделю [3]), и г. Нератов заявил, что новый премьер-министр, который выезжает на днях в Ставку, по своем возвращении, вероятно, выступит с проектируемой декларацией относительно Константинополя и Проливов. Г. Уэшберн из «Times» и т. Г. . . . . [4]) из . . . . . , которые недавно вернулись из Букареста, указывают оба на серьезное впечатление, которое эта декларация, по всей вероятности, произведет при настоящих обстоятельствах на румынское общественное мнение. Я повторил то, что я говорил г. Нератову, и настоятельно указывал, что если не будет времени, чтобы румынская пресса подготовила появление декларации, лучше было бы осведомить румынское правительство доверительно и дать ему некоторые обязательства относительно прохода через Проливы. Румынское общественное мнение, по словам Уэшберна, не верит тому, чтобы британское правительство согласилось на предоставление России Константинополя. Г. Г. . . . . сказал, что русские военные власти прилагают значительные усилия, чтобы облегчить положение Румынии и посылают дальнейшие подкрепления.

Он думает, что к моменту декларации военное положение будет иметь большое влияние . . . . . [5]).

---

[1]) В подлиннике, очевидно, ошибка: имеется в виду телеграмма за № 820. Телеграмма Извольского за № 830 датирована 8/21 ноября 1916 г. и сообщает сведения о намечающемся во Франции политическом кризисе в связи с неудачами на румынском фронте.

[2]) Перев. с англ.

[3]) 10/23 ноября председатель российского совета министров Штюрмер подал в отставку. Кабинет было поручено составить Трепову. В связи с министерским кризисом открытие государственной думы было отсрочено.

[4]) В подлиннике имя не расшифровано.

[5]) Конец телеграммы в подлиннике расшифрован не полностью и читается следующим образом: «he would consider suggestion as to saying something to Roumanian Government on this subject».

CCXLVI.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 2755. 24 ноября 1916 г.

Ваша телеграмма № 1762.

Французский посол сказал, что российский министр иностранных дел считает, что соглашение и документы о Константинополе должны быть опубликованы немедленно в Петрограде, Париже и Лондоне. Для меня неясно, намерен ли министр иностранных дел теперь оставить мысль о проектируемом заявлении в думе; я думаю, что в виду высказанного уже императором желания лучше было бы, если бы заявление было сделано в определенный день там, а тексты соглашений и документы были опубликованы на следующий день в трех столицах. Вы постараетесь внушить эту точку зрения министру иностранных дел и попросите его превосходительство, в случае его согласия, сообщить Вам дату, когда он намерен будет сделать декларацию, предварительно, как я полагаю, сообщив текст японскому правительству и известив итальянское правительство. Особенно необходимо именно теперь осведомить последнее. Необходимо ясно установить, что мы не настаиваем на опубликовании, если российское правительство этого не желает, но мы готовы приступить к нему, как только оно пожелает. Впечатление, которое это произведет в Румынии, Болгарии и Турции, будет способствовать увеличению германских успехов, но это соображение должно быть откинуто, если положение в России требует опубликования.

CCXLVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [2]).

№ 726. 12/25 ноября 1916 г.

Гардинг сказал мне, что, по его личному мнению, в случае, если бы императорское правительство решило в ближайшем будущем опубликовать документы о Константинополе и Проливах, румынское правительство должно быть заранее предупреждено и успокоено насчет тех последствий, которые может иметь это соглашение для румынских интересов. Я всячески поддерживаю точку зрения Гардинга:—если императорское правительство решится на декларацию в ближайшем времени, я полагаю, что предварительные шаги в Бухаресте являются настоятельно необходимыми, даже если бы к тому времени военное положение улучшилось. Действительно, этот вопрос затраги-

[1]) Перев. с англ.
[2]) Перев. с фр.

вает Румынию более непосредственно, чем всякую другую страну, и это обстоятельство дает ей право на сопровождаемое формальными заверениями специальное сообщение, хотя бы в качестве нашей союзницы, которой она не была в момент заключения англо-франко-русского соглашения. С этой точки зрения ее право мне представляется более законным, чем то, на которое ссылалась Италия. Я нередко замечал, до какой степени второстепенные державы относятся скептически к этому вопросу. Много раз я слышал повторение того мнения, что Англия никогда не согласится на радикальное решение его в пользу России. Мне представляется вполне вероятным, что в Бухаресте придерживаются того же мнения. Без чувства опасения я не могу себе представить впечатления от известия, до такой степени неожиданного и внезапного для румынского общественного мнения, столь озабоченного в настоящее время. В результате этого могла бы произойти полная его эволюция, с одной стороны, на основе страха за будущность румынских интересов, а с другой,—в силу недовольства способом действия, который при настоящих обстоятельствах и между союзниками не может рассматриваться как вполне дружественный и откровенный.

Бенкендорф.

CCXLVIII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 5001. 13/26 ноября 1916 г.

Срочная. Сообщается в Рим.

Я сообщил сегодня французскому и великобританскому послам о предстоящем 19 ноября ст. ст. с. г. правительственном заявлении в государственной думе о соглашении относительно Константинополя и Проливов. Относящиеся к этому вопросу документы: наша циркулярная телеграмма и ответ французского и английского правительств 1915 года [1]), вместе с составленным по этому поводу английским предисловием [2]), предполагается опубликовать в воскресенье. Желательно, чтобы соответствующие сообщения французской и английской печати были сделаны в тот же день.

Японское правительство мы предполагаем уведомить об этом и сообщить ему содержание вышеозначенных документов приблизительно накануне.

Что касается итальянского правительства, то мы в предполагаемом правительственном заявлении были бы готовы, во избежание обиды со стороны Италии, упомянуть и о ее присоединении к уже состоявшемуся русско-французско-английскому соглашению. Для этого, конечно, потребуется предварительное согласие итальянского правительства. При этом мы могли бы за-

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 252, а также стр. 295 и 274.

[2]) См. стр. 432.

ранее обменяться с итальянцами текстом сообщений, как это было с Францией и Англией, или же, если того пожелает итальянское правительство, ограничиться в нашем правительственном заявлении указанием на то, что Италия в настоящее время присоединилась к означенному соглашению.

Благоволите срочно уведомить нас и нашего посла в Риме, не встречается ли препятствий со стороны правительства, при коем Вы аккредитованы, к присоединению таким путем к нашему соглашению о Константинополе и Проливах — Италии.

Прибавка для Рима.

За № 5003 Вам передается перевод с упоминаемого выше английского предисловия к имеющим быть опубликованным документам [1]).

Нератов.

CCXLIX.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5002. 13/26 ноября 1916 г.

Срочная. Сообщается в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 5001.

Благоволите в смысле означенной телеграммы сделать сообщение итальянскому правительству, как только получите утвердительный ответ из Парижа и Лондона. Прошу о последующем срочно нам телеграфировать.

При этом, в случае, если бы итальянское правительство сослалось на неоконченные еще переговоры по малоазиатским делам и настаивало бы на отсрочке нашего правительственного заявления о Константинополе и Проливах, имейте в виду, что наше соглашение с Францией и Англией по этому вопросу, которое предположено теперь огласить, состоялось в 1915 году, до определения конкретных территориальных пожеланий Франции и Англии в Малой Азии. Само собой разумеется, что наше правительственное заявление о Константинополе и Проливах не остановит ведения переговоров с Италией о Малой Азии, к благополучному завершению коих мы со своей стороны приложим все усилия. Если бы итальянское правительство для удовлетворения своего общественного мнения признало необходимым возбудить вопрос об опубликовании части Лондонского соглашения, касающегося территориальных приобретений Италии, то с нашей стороны к этому препятствий не встретится [2]).

Нератов.

---

[1]) Телеграмма № 5001 опубликована в «Разделе Азиатской Турции», стр. 264.

[2]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 265.

CCL.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5003. 13/26 ноября 1916 г.

Действия турецкого правительства, в начале войны предоставившего убежище германским судам «Гебену» и «Бреслау», обнаружили перед союзными державами, что существующие в Константинополе пагубные течения, основанные на ложной оценке силы центральных держав, вовлекут Турцию в войну на стороне Германии и этим самым нанесут последний удар турецкой империи, существование коей союзники столь долго и неустанно старались охранить.

Не взирая на двусмысленное положение, занятое с самого начала турецким правительством, союзники приложили все усилия, дабы побудить блистательную Порту остаться в стороне от борьбы, участие в коей означало бы для Турции лишь добровольную продажу себя в рабство Германии и конечное распадение империи, каковое, — как издавна предвидели, — должно было случиться, как только Турция вмешается в столкновение мировых сил, подобное настоящей войне.

Союзники не обращались к Турции с просьбой принять участие в войне на их стороне; они просили лишь о том, чтобы она в собственных интересах осталась нейтральной, и дали Турции самые торжественные заверения и обещания, что, в случае нейтралитета, ее территориальная неприкосновенность и независимость останутся незыблемыми. Таким образом, союзниками Турции предлагалось обеспечение ее независимости и неприкосновенности, а от нее требовалось только лишь соблюдение нейтралитета [1]).

Тем не менее, 16/29 октября 1914 года, ранним утром, без всякого предупреждения, было произведено предательское и ничем не вызванное нападение военных судов под турецким флагом на суда и гавани соседней державы, с коей Турция находилась в то время в состоянии мира. России, подвергшейся этому, не имеющему примера в прошлом, нарушению самых рядовых международных законов и обычаев, не оставалось иного исхода, кроме соответствующего ответа по адресу державы, способной на такие деяния, а именно, — рассматривать ее, как врага. Союзники России, поддерживавшие в прошлом оттоманский суверенитет и в настоящей войне сделавшие все от них зависящее, дабы спасти Турцию от опасности, в кою вовлекли ее немецкие влияния, убедились, что турецкое правительство бесповоротно присоединилось к их врагам, и в свою очередь примкнули к решению, принятому

[1]) 5/18 августа 1914 г. представители держав Согласия в Константинополе заявили великому визирю, что, в случае сохранения Турцией строгого нейтралитета, державы гарантируют ей территориальную неприкосновенность. (Телеграмма российского посла в Константинополе Гирса от 5/18 августа 1914 г. № 753).

Россией. Турция собственным поведением дала толчок своему разрушению. Предательское нападение турецкого флота на русское побережье лишь ускорило неизбежный конец оттоманского владычества, ознаменовавшегося чередующимися неудачами в управлении обширными областями, завоеванными в прошлом турецким оружием. С необыкновенной ясностью обнаружилось, что терпимость, с коей Европа относилась к длительному захвату Константинополя турками, не послужила ни к чему и что настал день, когда это должно прекратиться.

Константинополь должен неизбежно перейти под владычество той державы, развитие коей столетиями стеснялось и ограничивалось преградой, стоявшей на ее пути к открытому морю в узких проливах Босфора и Дарданелл. Великобританское и французское правительства ясно сознали, что подобное разрешение вопроса одинаково само по себе справедливо и послужит вообще ко благу цивилизации, и дали российскому правительству окончательное заверение в том, что владычество над Константинополем и над беспрепятственным путем от Черного моря к Средиземному, утраченное Турцией, вследствие ее враждебного вероломства, законно перейдет к России. В соответствии с сим три правительства,—великобританское, французское и российское, — заключили в начале 1915 года следующие за сим соглашения, коими признается, что после войны Константинополь и Проливы будут присоединены к русским владениям.

Во всех переговорах, касающихся турецких владений, союзники согласились между собою и постановили, что мусульманские священные места и Аравия при всех обстоятельствах останутся независимыми под мусульманским владычеством [1]).

Нератов.

CCLI.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 2771. 26 ноября 1916 г.

Ваша телеграмма 1798 [3]).

Мне представляется крайне желательным, чтобы румынское правительство было осведомлено о соглашении касательно Константинополя и чтобы ему были даны заверения относительно прохода через Проливы. В виду военного положения следует отнестись с уважением к настроению румын, и российскому правительству надлежит решить вопрос о наиболее подходящем моменте для опубликования.

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 266.

[2]) Перев. с англ.

[3]) См. стр. 428.

CCLII.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1815. 27 ноября 1916 г.

Временно-управляющий министерством иностранных дел обсудит с премьер-министром, по возвращении последнего из Ставки, точный текст сообщения и обязательств, которые должны быть даны румынскому правительству. Он надеется, что сообщение может быть сделано . . . декабря в Яссах.

CCLIII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 5012. 14/27 ноября 1916 г.

Срочно. Строго доверительно.

Сообщается в Париж.

Ваша телеграмма № 726 [2]) получена.

В соответствии со взглядами, высказанными Вами в означенной телеграмме, мы предполагаем заранее предупредить румынское правительство о предстоящем заявлении и заверить его в готовности императорского правительства обеспечить интересы Румынии в вопросе о свободе плавания через Проливы.

Нератов.

CCLIV.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Токио В. Н. Крупенскому.

Телеграмма.

№ 5025. 15/28 ноября 1916 г.

Срочная. Требует немедленной расшифровки.

№ 1. 19 сего ноября в государственной думе предполагается сделать правительственное заявление о соглашении, заключенном в 1915 году между Россией, Францией и Англией относительно Константинополя и Проливов, а в воскресенье опубликовать относящиеся сюда документы.

Благоволите доверительно уведомить об этом союзное нам японское правительство и передать ему тексты вышеозначенных трех документов, сообщаемых Вам: за № 2 — наша циркулярная телеграмма в Париж и Лон-

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) См. стр. 429.

дон от 19 февраля/4 марта 1915 года [1]), за № 3—ответ французского правительства от 10 апреля нов. ст. 1915 года [2]) и за № 4 — ответ английского правительства от 27 февраля /12 марта 1915 года [3]).

Необходимо, чтобы Ваше сообщение японскому правительству носило строго доверительный характер и не было оглашено до обнародования у нас.

Нератов.

CCLV.

Император Николай II временно-управляющему российским министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

Царская Ставка, 15/28 ноября 1916 г.

Лично. Прошу расшифровать лично.

Нахожу необходимым, чтобы румынский король и румынское правительство были ***немедленно*** [4]) извещены о состоявшемся еще в 1915 г. соглашении между Россией, Англией и Францией относительно перехода Константинополя с областью и Проливов в державное обладание России в конце войны [5]).

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 252.

[2]) См. стр. 295.

[3]) См. стр. 274.

[4]) В подлиннике слово: «немедленно» подчеркнуто.

[5]) При обсуждении отдельных условий военного соглашения с Румынией 1916 г. 2 статьи вызывали особые опасения российского министерства иностранных дел: 1) статья о привлечении Румынии к соглашению от 5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира и 2) статья о предоставлении румынскому правительству права на будущей мирной конференции принимать равное с остальными союзниками участие в обсуждении условий мира. На второй статье особенно настаивал Братиано, считавший что этим путем он обеспечивает Румынии положение великой державы. Документы о выступлении Румынии на стороне Согласия составляют особое дело и не имеют ближайшего отношения к вопросу о Проливах и Константинополе. Приводим те выдержки из них, которые могут представить интерес для настоящего издания: 1) Телеграмма Сазонова и. о. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Базили от 23 июня/6 июля 1916 г., за № 2944: «Присоединение к нам Румынии, хотя бы и в позднейшем времени, при условии предоставления нам права после ее выступления провести наши войска через ее территорию, даст нам возможность в свое время подойти к Проливам с севера. Если нельзя быть уверенным в выполнимости завладения Проливами иным путем, чем походом через Балканы, то мы должны дорожить присоединением к нам Румынии, хотя бы и не теперь, но в будущем». 2) Телеграмма Сазонова послам в Париже, Лондоне и Риме, Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу, от 25 июня/8 июля 1916 г., за № 2966: «Мы считаем нежелательным присоединение Румынии к лондонской декларации о незаключении сепаратного мира. Подписавшие эту декларацию державы взаимно обязались не предъявлять при заключении мира условий иначе, как по соглашению с каждой из остальных договорившихся держав. Сообщение теперь же на одобрение Румынии уже состоявшихся соглашений между союзниками, касательно условий будущего мира, дало бы повод к новым промедлениям со стороны румынского прави-

Очевидно, военно-морские и торговые интересы Румынии не только (не) пострадают, но выиграют, в этом нужно всячески успокоить ее [1]).

Николай.

CCLVI.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов посланнику в Румынии С. А. Поклевскому.

Телеграмма.

№ 5034. 15/28 ноября 1916 г.

Срочная.

В субботу, 19 ноября, в государственной думе будет сделано заявление о состоявшемся в 1915 году между Россией, Францией и Англией соглашении по поводу Проливов и Константинополя, которые по окончании войны имеют перейти в обладание России. Предполагается также опубликовать вслед за этим сообщением относящиеся к нему документы. Дабы это заявление своею неожиданностью не произвело неблагоприятного впечатления в Румынии, благоволите доверительно предупредить об этом румынское правительство, прибавив, что при решении этого важнейшего для России вопроса императорское правительство, руководимое искренним желанием закрепить и поддерживать на будущее время русско-румынские дружественные отношения, готово обеспечить экономические интересы Румынии и предоставить румынскому торговому и военному флоту полную свободу плавания через Проливы. Мы уверены, что румынское правительство увидит в этом новое доказательство нашей неизменной дружбы и благожелательного отношения к Румынии. Необходимо, чтобы Ваше сообщение румынскому правительству носило доверительный характер и не было бы оглашено до обнародования у нас.

Нератов.

тельства. В виду крайнего оппортунизма и узкого эгоизма политики букарестского кабинета, было бы весьма неосторожно и в будущем подчинять согласию со стороны Румынии всякие соглашения, которые в развитие и в дополнение существующих могут быть заключены между державами по вопросам, ближайшим образом интересующим только эти державы». 3) Телеграмма Штюрмера и. о. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Базили, от 26 июля/8 августа 1916 г., за № 3421: «Румынской редакцией восьмого пункта [конвенции] Румынии предоставляется в отношении решений всех международных вопросов, вызываемых войной, одинаковые права с великими державами; надо предвидеть, что условие это, быть может и приемлемое для других держав, создало бы для нас серьезные осложнения при окончании войны, в особенности в отношении Проливов и Константинополя и будущего разграничения владений держав Европы». Несмотря на опасения российского правительства, оба эти условия были включены в текст соглашения с Румынией от 4/17 августа 1916 г. (ст. ст. 5 и 6).

[1]) Телеграмма тождественного содержания была отправлена Нератовым посланнику в Бухаресте Поклевскому 15/28 ноября 1916 г., за № 5035.

CCLVII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 848. 15/28 ноября 1916 г.

Баррер телеграфирует из Рима, что, по мнению Соннино, опубликование соглашений о Константинополе и Проливах при нынешних обстоятельствах может иметь самые нежелательные последствия, ибо оно усилит в Румынии партию Карпа и Маргиломана [1]) и произведет отталкивающее впечатление на румынское общественное мнение. Телеграмма эта передана в Петроград и Лондон без комментариев. Камбон сказал мне, что он еще не знает по этому поводу взгляда Бриана, всецело поглощенного секретным заседанием палаты депутатов [2]), но что лично он не может отказать мнению Соннино в основательности.

Извольский.

CCLVIII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послам в Париже, Лондоне и Риме, А. П. Извольскому, гр. А. К. Бенкендорфу и М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5052. 16/29 ноября 1916 г.

Срочно.

Вследствие изменившейся политической обстановки, считали бы возможным ограничиться лишь правительственным заявлением в государственной думе о состоявшемся соглашении касательно Константинополя и Проливов. Обнародовать самые документы не предполагается. Если бы английское правительство тем не менее пожелало опубликовать свое предисловие, то мы против этого бы не возражали.

Благоволите об этом сообщить министру иностранных дел и о последующем срочно телеграфировать.

Нератов.

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 380.

[2]) На секретных заседаниях французской палаты депутатов, начавшихся 28 ноября и шедших 9 дней, правительству были предложены следующие запросы: 1) о положении на Ближнем Востоке и в Румынии, 2) о военно-морской обороне и главном командовании, 3) о военном снабжении армии, 4) о продовольственном положении страны и 5) по экономическим и финансовым вопросам. После того, как председатель французского совета министров Бриан обещал реорганизовать кабинет и произвести смену в верховном командовании, палата большинством 341 гол. против 160 выразила доверие правительству.

CCLIX.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1823. 29 ноября 1916 г.

Г. Нератов только что пригласил меня к себе, чтобы сказать мне, что на основании разговоров, которые он имел сегодня, ему представляется, что опубликование текста соглашения относительно Константинополя произведет неблагоприятное впечатление не только в Румынии, но и в Италии и Франции. Поэтому он хотел бы знать, будет ли великобританское правительство иметь возражения против сообщения в думе, с указанием даты, когда было заключено соглашение с великобританским и французским правительствами, не публикуя на следующий день самые тексты в трех столицах. По его мнению, не имеется препятствий к опубликованию сообщения, если правительство его величества этого пожелает, но без опубликования текста. Я сказал, что раз будут сообщены даты, я не думаю, чтобы великобританское правительство возражало против предложенного им способа действий, но, по моему личному мнению, заявление о том, что союзные правительства согласились на передачу России Константинополя и Проливов, произведет то же самое впечатление, что и опубликование текста. Я буду Вам благодарен за незамедлительный ответ.

CCLX.

Вице-директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Бер временно-управляющему российским министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 1074. 16/29 ноября 1916 г.

Генерал Вилльямс по поручению сэра Бьюкенена передал генералу Гурко о необходимости осведомить заблаговременно короля и румынское правительство о наших предположениях к опубликованию соглашения о Константинополе. Англичане опасаются, что неожиданность известия о передаче нам Константинополя и Проливов произведет на неподготовленную Румынию, при настоящей военной обстановке, тяжелое впечатление и . . . . . соглашения, будучи истолковано как прямая опасность в будущем для Румынии, несомненно, отразится неблагоприятно на румынской политике и на ходе военных событий. Посему необходимо теперь же предупредить Румынию о существующем соглашении и, дав ей определенные уверения насчет свободы Проливов, сделать успокоительные разъяснения о том, что румынская торговля не потерпит ущерба от нового порядка вещей, и рассеять все опасения ее насчет будущего. Генерал Гурко с своей стороны всецело разделяет изложен-

[1]) Перев. с англ.

ные соображения и признает намеченный Англией шаг неотложным. Сегодня генерал Вильямс доложил об изложенном государю императору. Его императорскому величеству благоугодно было согласиться с высказанной точкой зрения, вследствие сего генерал Гурко считает совершенно необходимым поручить нашему посланнику в Румынии объясниться при удобном случае в указанном смысле перед королем и правительством, что даст возможность предотвратить неблагоприятные последствия, неизбежные в случае, если бы наша союзница узнала о соглашении из опубликованной декларации. Кроме того, как начальник штаба, так и адмирал Русин признают опубликование соглашения, при настоящем фазисе событий в Румынии, несвоевременным и полагали бы отложить его до выяснения военной обстановки в этой стране.

Бер.

CCLXI.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послам в Париже, Лондоне и Риме, А. П. Извольскому, гр. А. К. Бенкендорфу и М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5061. 17/30 ноября 1916 г.

Срочная.

Нашему посланнику в Бухаресте уже поручено дать успокоительные заверения румынскому правительству относительно обеспечения румынских интересов в вопросе о свободе плавания через Проливы.

Благоволите доверительно осведомить об этом министра иностранных дел.

Нератов.

CCLXII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 2802. 30 ноября 1916 г.

При условии, что будут сообщены даты, я не имею возражения, если французское правительство согласится на это. Если способ действия, предложенный г. Нератовым, будет принят, было бы полезно опубликовать даты в настоящий момент, а на следующей неделе мы сделаем сообщение в парламенте, чтобы установить тот факт, что после войны Турции была обещана ее [территориальная] неприкосновенность в случае, если она сохранит нейтралитет, и что поэтому своим добровольным вступлением в войну она является ответственной за потерю Константинополя. Это представляется необходимым в качестве противодействия германской инсинуации, что Россия вызвала европейскую войну с целью получить Константинополь. Было бы хорошо, если бы в сообщении в думе этот пункт был также затронут и разъяснен.

[1]) Перев. с англ.

CCLXIII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послам в Париже и Риме, А. П. Извольскому и М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5076. 18 ноября/1 декабря 1916 г.

Срочная.

Сообщается в Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 5052 [1]).

По сообщению великобританского посла, его правительство ничего не имеет против того, чтобы мы ограничились одним правительственным заявлением в государственной думе без обнародования документов, относящихся к соглашению о Константинополе и Проливах. Однако, если французское и итальянское правительства будут настаивать на опубликовании означенных документов, то мы, в крайнем случае, против этого возражать не будем. Тогда обнародование соглашения могло бы последовать в ближайшую среду, по предварительному уговору между четырьмя союзными правительствами.

Благоволите о вышеизложенном переговорить с министром иностранных дел и о последующем срочно телеграфировать.

Нератов.

CCLXIV.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Токио В. Н. Крупенскому.

Телеграмма.

№ 5078 18 ноября/1 декабря 1916 г.

Срочная.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 5025 [2]).

Обнародование документов откладываются.

Нератов.

CCLXV.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам лорду Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [3])

№ 1830. 1 декабря 1916 г.

Ваша телеграма № 2802 [3]).

Председатель совета министров сделает свое сообщение в думе в субботу, указав даты, и будет говорить в предложенном смысле. Российское правительство все еще ожидает ответа Франции и Италии относительно опубликования текста соглашения, но это не будет иметь влияния на заявление председателя совета министров.

---

[1]) См. стр. 437.

[2]) См. стр. 434.

[3]) См. стр. 439.

CCLXVI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 799. 18 ноября/1 декабря 1916 г.

Срочно.

Соннино просит возможно точнее передать сюда по телеграфу заявление, которое будет сделано завтра в думе касательно Константинополя. Оно ему нужно в виду предполагаемого выступления Бозелли при открытии парламента, 5-го декабря нового стиля.

Гирс.

CCLXVII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 802. 18 ноября/1 декабря 1916 г.

Срочная.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 5052 [1]).

Соннино разделяет Ваше мнение, что предпочтительнее ограничиться правительственным заявлением касательно Константинополя, не приступая пока к обнародованию (документов). Он равным образом не особенно сочувствует многословию английского предисловия.

Гирс.

CCLXVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 853. 18 ноября/1 декабря 1916 г.

Копии в Рим и Лондон.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 5052.

Ваше решение отказаться от опубликования документов здесь в полной мере одобряется. Французское правительство предпочло бы также воздержаться от опубликования английского предисловия. Бриан телеграфировал в этом смысле в Лондон.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 437.

CCLXIX.

Российский посланник в Румынии С. А. Поклевский временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 709 18 ноября/1 декабря 1916 г.

Ваши телеграммы №№ 5034 [1]) и 5035 [2]) получены.

Предписанное мне доверительное сообщение я мог сделать лишь сегодня, 18-го ноября, министру иностранных дел, которого я просил довести это сообщение до сведения короля и Братиано. Порумбаро отнесся к моим словам весьма спокойно, при чем с удовольствием выслушал мое заверение о готовности императорского правительства обеспечить экономические интересы Румынии и полную свободу плавания румынского флота через Проливы. Министр лишь заметил, что наше сообщение относительно будущей судьбы Константинополя и Проливов вызвано, вероятно, желанием опровергнуть раз навсегда распускаемые нашими врагами слухи о разногласиях между Россией и ее союзниками по этому вопросу.

Поклевский.

CCLXX.

Российский посол в Токио В. Н. Крупенский временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 471. 18 ноября/1 декабря 1916 г.

Я сделал вчера виконту Мотоно [3]) сообщение касательно соглашения о Константинополе и Проливах и передал ему копии относящихся к сему документов. Виконт Мотоно выразил живейшую благодарность за это сообщение.

Крупенский.

CCLXXI.

Итальянский посол в Петрограде марк. А. Карлотти министру иностранных дел бар. С. Соннино.

Шифрованная телеграмма [4]).

...ноября [5]) 1916 г.

Секретно.

Телеграмма-кабинет-№ 550.

Г. Нератов сказал мне, что он телеграфировал Гирсу о готовности императорского правительства предать гласности факт соглашения о Констан-

---

[1]) См. стр. 436.

[2]) См. прим. 1 на стр. 436.

[3]) 8 октября 1916 г. в Японии был образован новый кабинет во главе с Тераучи; пост министра иностранных дел в нем занял посол в Петрограде Мотоно.

[4]) Перев. с фр.

[5]) В подлиннике дата отсутствует.

тинополе и Проливах, ограничившись заявлением председателя совета министров, Трепова, в думе о существовании такого соглашения с указанием на его возникновение в начале войны. Нератов заявил мне, что, кроме того, он телеграфировал в Букарест, возобновляя заверения, содержащиеся в соглашении Сазонова с Диаманди относительно полного обеспечения румынских интересов в вопросе о Константинополе и Проливах [1]).

CCLXXII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [2]).

№ 748. 19 ноября/2 декабря 1916 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 5076 [3]).

Лорд Гардинг сказал мне, что правительства сообщили ему, что они принимают проект министерской декларации без опубликования документов; великобританское правительство считает вопрос решенным в том смысле, что, если появится новое решение, британское правительство не будет противодействовать опубликованию документов, но изменит некоторые части длинной английской объяснительной записки [4]). Я просил Гардинга передать по телеграфу текст изменений, чтобы, в случае надобности, им воспользоваться. Он мне ответил, что он немедленно это сделает, если снова поднимется вопрос об опубликовании документов, но на основании частных бесед с Камбоном и Империали можно заключить, что французское и итальянское правительства предпочитают ограничиться министерской декларацией. Я полагаю, что было бы предпочтительнее, чтобы положить конец их нерешительности, окончательно высказаться за министерскую декларацию без опубликования документов.

Бенкендорф.

CCLXXIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 857. 19 ноября/2 декабря 1916 г.

Срочно.

Копии в Лондон и Рим.

Получил Вашу телеграмму № 5076 [5]). Ссылаюсь на мою телеграмму № 853 [6]).

За невозможностью видеться с Брианом, всецело поглощенным секретными заседаниями палаты, переговорил по содержанию Вашей телеграммы с

---

[1]) См. телеграмму Сазонова от 9/22 марта 1915 г. № 1310, стр. 287.
[2]) Перев. с фр.
[3]) См. стр. 440.
[4]) См. стр. 432.
[5]) См. стр. 440.
[6]) См. стр. 441.

Камбоном, который подтвердил мне, что французское правительство не только не настаивает на опубликовании документов, но вполне определенно высказывается против опубликования как самых документов, так и английского предисловия.

Извольский.

CCLXXIV.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 2833. 3 декабря 1916 г.

Желает ли императорское правительство опубликовать соглашение о Константинополе? Я пришел к заключению, что в случае, если французское и итальянское правительства будут настаивать, российское правительство предложит опубликовать . . . . декабря. В таком случае мне представляется несвоевременным опубликовать вторую, более длинную, памятную записку Бьюкенена [2]) российскому правительству от . . . .1915 г. [3]) и поэтому я надеюсь, что императорское правительство согласится ее опустить. Я предлагаю прибавить после первой памятной записки Бьюкенена российскому правительству вторую ноту, где сказано, что российскому правительству была сообщена памятная записка, в которой правительство его величества, имея в виду тот факт, что Константинополь навсегда останется торговым пунктом для юго-восточной Европы, настаивало, чтобы Россия, когда она вступит в обладание им, установила там свободный порт для товаров, следующих транзитом и из нерусских территорий, Болгарии и т. д., и свободу Проливов для идущих через них товаров, как дважды обещал г. Сазонов. Мы также отмечаем, что крайне необходимо принять в соображение весь вопрос о будущих интересах Франции и Великобритании в том, что составляет сейчас Азиатскую Турцию; при выработке же пожеланий нашего правительства по отношению к этим областям, мы должны договориться с французским и российским правительствами. Однако, коль скоро станет известно, что Россия по окончании войны получит Константинополь, для нас была бы желательна декларация о том, что путем переговоров было подтверждено, что во всяком случае святые места и Ливан должны при всех обстоятельствах остаться под независимым.... Я надеюсь, что опубликование не будет сделано ранее, чем нам станет известно, что декларация была сделана в думе.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Трудно сказать, объясняется ли упоминание о Бьюкенене в третьем лице в телеграмме, ему адресованной, неточной расшифровкой ее в русском мин. ин. дел или же является особенностью стиля данного документа. Из воспоминаний Бьюкенена, а также из имеющихся в делах архива б. мин. ин. дел дешифрантов посла за декабрь 1916 г. явствует, что Бьюкенен в это время находился в Петрограде, и, следовательно, телеграмма эта была послана на его же имя.

[3]) См. стр. 275.

CCLXXV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 868. 22 ноября/5 декабря 1916 г.

Декларация нашего председателя совета министров в государственной думе [1]) произвела здесь во всех кругах — правительственных, политических и общественных—весьма сильное и в высшей степени благоприятное впечатление. Властное заявление о непоколебимой решимости русского правительства довести войну до победоносного конца и освободить Россию от германского влияния внутри, можно думать, положит окончательный предел все еще настойчиво распространяемым слухам о склонности некоторых наших кругов к отдельному миру с Германией и восстановит заметно поколебленное в последнее время доверие французского общественного мнения к нашей политике как внешней, так и внутренней. Текст декларации, полученный здесь с некоторым опозданием, самым сочувственным образом обсуждается газетами всех направлений, с большою симпатией высказывающимися о личности нового председателя совета. Заявления о Польше и о Константинополе и Проливах, которые при иных условиях могли встретить здесь некоторый отпор, вызывают полное одобрение и толкуются, как непреложное доказательство окончательного разрыва между русскими и германскими интересами. Наконец, декларация т. с.

---

[1]) Имеется в виду заявление, сделанное Треповым в государственной думе 19 ноября /2 декабря 1916 г.: «Говоря о стоящих на очереди, подчеркнутых войною задачах, я не могу не коснуться вопроса, близкого сердцу каждого русского человека. Свыше тысячи лет Россия стремится к югу и свободному выходу в открытое море. Ключи от Босфора и Дарданелл, Олегов щит на вратах Царьграда—вот исконные заветные мечты русского народа во все времена его бытия, и это стремление теперь уже близко к осуществлению. С начала войны мы, щадя человеческие жизни, употребили вместе с нашими союзниками все усилия для удержания Турции от безумного участия в военных действиях. Франция, Англия и Россия не старались привлечь Турцию к участию в войне, они лишь настаивали на том, что она в собственных интересах должна остаться нейтральной. При этом Турции были даны формальные заверения и обещания, что за нейтралитет ей обеспечиваются неприкосновенность территории и независимость, а также предоставляются разные преимущества и выгоды. Но все старания оказались напрасны, и ослепленная льстивыми обещаниями немцев Турция, предательски напав на нас, тем самым подписала себе приговор. Жизненные интересы России также понятны нашим верным союзникам, как и нам, и соответственно сему, заключенное нами в 1915 г. с Великобританией и Францией соглашение, к которому присоединилась и Италия, окончательно устанавливает право России на Проливы и Константинополь. Русский народ должен знать, за что он льет свою кровь, и, по состоявшемуся ныне взаимному уговору, соглашение наше с союзниками сегодня оглашается с этой кафедры. Повторяю, полное единение в этом деле между союзниками твердо установлено, и нет сомнения, что Россия, получив в свое державное обладание свободный выход в Средиземное море, предоставит свободу плавания румынскому флагу, не впервые развевающемуся в боях рядом с русскими знаменами».

Трепова, по моему убеждению, может иметь благотворное влияние и на настроение самих французов, начинавших в последнее время, под влиянием неудач на Балканах, поддаваться опасному пессимизму, при чем на некоторые круги, несомненно, в сильной степени действовали упомянутые мною слухи об отдельном русско-германском мире.

Извольский.

CCLXXVI.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 2851. 6 декабря 1916 г.

Из Рима № 1163 [2]).

«Соннино высказывается решительно против опубликования, если можно его избежать. Если, однако, российское правительство считает его своевременным, он надеется, что опубликование коснется только русской ноты [3]) и, кроме того, английской и французской памятной записки и ноты [4]). Что касается ноты, которую предполагалось присоединить к английской памятной записке [5]), то она вызовет целый ряд вопросов, которых лучше было бы избежать. Если Вы полагаете необходимым упомянуть о настоятельных требованиях правительства его величества, чтобы Палестина и Святые Места пользовались независимым режимом, то с его стороны не встретится к этому затруднений, так как это может представиться своевременным. Ссылка на свободный порт и свободу торговли на Проливах, несомненно, вызовет ряд вопросов и обсуждений. Но против чего он больше всего возражает, это упоминание о необходимости принять во внимание наши будущие интересы в Азиатской Турции. В настоящее время это более важно, чем в момент заключения соглашения о Константинополе. Ему сразу здесь будет предъявлен запрос о том, было ли сделано что-либо до сих пор по этому поводу, и приняты ли во внимание итальянские интересы. Он не сможет дать на этот запрос утвердительного ответа, а всякий ответ, который он дал бы в настоящее время, повлек бы за собой, вероятно, его отставку. Это факт, который необходимо принять в соображение, но положение, как он полагает, будет, несомненно, затруднительным. Премьер-министр упомянет о Константинополе приблизительно в тех же выражениях, что и русский премьер-министр, сообщив при этом о присоединении Италии».

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Повидимому, телеграмма великобританского посла в Риме Родда.

[3]) См. стр. 252.

[4]) См. стр. 274 и 295.

[5]) См. стр. 275.

CCLXXVII.

Великобританский статс-секратарь по иностранным делам лорд Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 2866. 7 декабря 1916 г.

Из Рима № 1170 [2]).

«Сегодня, при открытии палаты, председатель совета в длинной речи по вопросу о внутреннем и внешнем положении сделал следующее сообщение: «Весной 1915 г., до того момента, когда мы вступили в войну, Франция и Великобритания сообщили в Петроград о своем полном согласии на включение в будущий мирный договор условия об уступке Константинополя России, с надлежащими гарантиями свободы плавания через Проливы. Мы уже присоединились к этой декларации [3]), которая означает совместное признание вековых стремлений нашей доблестной союзницы».

CCLXXVIII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам А. Бальфур [4]) послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [5]).

№ 2933 13 декабря 1916 г.

Из Ясс № 1027 [6]).

«Министр иностранных дел обратился ко мне сегодня утром с просьбой показать мне текст соглашения, к которому мы пришли с Россией относительно Константинополя. Он надеется, что после того, как российский премьер-министр сделал столь категорическое заявление в думе, союзные правительства, несомненно, проявят желание сообщить текст соглашения Румынии. Министр иностранных дел сказал, что он намерен обратиться к французскому посланнику по тому же поводу».

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Повидимому телеграмма великобританского посла в Риме Родда.

[3]) См. стр. 355.

[4]) 22 ноября/5 декабря 1916 г. в Англии произошла смена кабинета; место Грэя 28 ноября/11 декабря занял Бальфур, а заместителем последнего стал министр блокады Сесиль.

[5]) Перев. с англ.

[6]) Повидимому, телеграмма великобританского посланника в Румынии Барклая.

CCLXXIX.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам А. Бальфур послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 3074 27 декабря 1916 г.

Из Парижа № 2399 [2]).

«Французское правительство, поскольку это его касается, принимает предложение России о том, что российское правительство сделает единоличное и неофициальное заявление румынскому правительству по вопросу о Константинополе. Заявление это коснется четырех документов: запроса России и трех ответов: Франции, Италии и Великобритании».

CCLXXX.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино посланнику в Румынии бар. К. Фашотти, в Яссы.

Шифрованная телеграмма [3]).

Телеграмма-кабинет-№ 47. 14 января 1917 г.

Сообщение из Петрограда от 10 января: «Г. Нератов сказал мне, что Франция и Великобритания уполномочили императорское правительство сообщить Румынии текст их согласия на русскую памятную записку, касающуюся Константинополя и Проливов, и спросил меня, имеет ли Италия возражения против того, чтобы ее согласие также было сообщено в Яссах. Я прошу ваше превосходительство предоставить мне возможность ответить на этот вопрос»

Я ответил Карлотти в следующих выражениях:

«Я согласен на то, чтобы императорское правительство строго доверительным образом сообщило румынскому правительству, вместе с согласием Франции и Великобритании, согласие и Италии на русскую памятную записку касательно Константинополя и Проливов».

То, что предшествует, предназначается только для личного сведения вашего превосходительства.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Повидимому, телеграмма великобританского посла в Париже Бэрти.

[3]) Перев. с фр.

X.

Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с франко-русским соглашением о восточных границах Франции и западных границах России, от февраля 1917 года.

CCLXXXI.

Справка, составленная в российском министерстве иностранных дел [1]).

Секретно.

Соглашение с Францией 1917 года.

В бытность в Петрограде, в январе 1917 года, 1-й французский уполномоченный на союзнической конференции, г. Думерг, сообщил о желании Франции обеспечить себе, по окончании нынешней войны, возвращение Эльзаса и Лотарингии и особое положение в долине реки Саар, а равно достигнуть политического отделения от Германии ее за-рейнских областей и устройства последних на особых началах, дабы река Рейн явилась на будущее время прочною стратегическою границею против германского вторжения. Г. Думерг выразил надежду, что русское правительство не откажет оформить свое согласие на эти предположения.

По этому поводу б. министр иностранных дел Н. Н. Покровский [2]) телеграфировал послу в Париже, что, соглашаясь удовлетворить желание нашей союзницы, он считает долгом напомнить точку зрения, высказанную еще в феврале 1916 г. С. Д. Сазоновым о том, «что, предоставляя Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, Россия рассчитывает, что, в свою очередь, союзники предоставят ей равную свободу в ее разграничении с Германией и Австро-Венгрией [3]).

---

[1]) В архиве б. министерства иностранных дел имеется ряд справок по политическим вопросам (о константинопольском, малоазиатском и румынском соглашениях, о переговорах с Грецией, о польском вопросе и др.), составленных, вероятно, при временном правительстве. На это предположение наводит фраза настоящей справки: «По этому поводу б. министр иностранных дел Н. Н. Покровский»... Справки по константинопольскому вопросу печатаются нами ниже. См. стр. 463.

[2]) Покровский был назначен на пост министра иностранных дел 30 ноября/13 декабря 1916 г.

[3]) См. телеграмму российского министра иностранных дел Сазонова послу в Париже Извольскому от 24 февраля/8 марта 1916 г., № 948, стр. 298.

Парижский кабинет разделил изложенный взгляд, после чего произведен был обмен нижеследующих двух дипломатических документов:

1. Нотою от 1/14 февраля 1917 г. Н. Н. Покровский известил г. Палеолога о согласии России на французские предположения относительно определения западных границ Германии [1]).

2. 26 февраля/11 марта 1917 г. посол Извольский сообщил текст ноты французского министра иностранных дел о признании Францией за Россией полной свободы в деле определения ее западных границ [2]).

Копии этих документов прилагаются [3]).

CCLXXXII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 74. 28 января/10 февраля 1917 г.

Доверительно.

Палеолог телеграфировал сюда, что он предложил полуофициозным образом закрепить путем обмена писем с Вами полученные Думергом от государя императора, во время аудиенции, заверения касательно будущих территориальных изменений за счет Германии в пользу Франции, и что Вы отнеслись к этой мысли сочувственно. Бриан телеграфирует Палеологу свое согласие.

Извольский.

CCLXXXIII.

Французский посол в Петрограде М. Палеолог российскому министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

С копии письма [4]).

Петроград, 12 февраля 1917 г.

Ваше высокопревосходительство.

21 января/3 февраля с. г. его императорскому величеству благоугодно было принять в частной аудиенции представителя Франции на конференции союзных держав.

Во время этой аудиенции его превосходительство г. Гастон Думерг ознакомил его величество с требованиями и гарантиями территориального

---

[1]) См. стр. 455.

[2]) См. стр. 460.

[3]) Опубликовано в «Сборнике секретных документов из архива б. министерства иностранных дел», 1917 г., III, № 42, стр. 106—107.

[4]) Перевод с французского, сделанный в министерстве иностранных дел.

порядка, которые правительство республики предполагает включить в число имеющих быть предписанными Германии условий мира.

Условия эти будут заключаться в следующем:

1) Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции.

2) Границы ее должны простираться, по меньшей мере, до границ бывшего лотарингского герцогства и быть установлены по усмотрению французского правительства, с расчетом удовлетворить стратегическим требованиям и включить в состав французской территории весь заключающий в себе железную руду район этой области, равно как и каменноугольный бассейн долины Саар.

3) Остальные области, расположенные на левом берегу Рейна и входящие в настоящее время в состав германского государства, должны быть выделены и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от него.

4) Из областей, не вошедших в состав французской территории, будет образовано автономное и нейтрализованное государство, находящееся под оккупацией французскими войсками до тех пор, пока гарантии, требуемые союзниками для обеспечения прочного мира, не будут осуществлены, и в общем смысле до тех пор, пока вражеские в настоящий момент государства не удовлетворят полностью всех условий мирного договора.

Его превосходительство г. Думерг напомнил его величеству о том, что неоднократно, а именно 8/21 ноября 1914 г. и 18 февраля/3 марта 1915 г. [1]), эти вопросы обсуждались им совместно с французским послом и что его величество, высказав пожелания, чтобы Франция вышла из этой борьбы возможно более могущественной и влиятельной, заранее всемерно одобрил те требования, которые могут быть предъявлены правительством республики в отношении областей, расположенных на левом берегу Рейна. В заключение он осведомился,—может ли правительство республики рассчитывать на твердую поддержку императорского правительства в преследуемых им предначертаниях.

Его императорскому величеству благоугодно было утвердить его в этой уверенности и присовокупить, что об этом будет доведено до сведения вашего высокопревосходительства.

Я полагаю, что ваше высокопревосходительство, приняв во внимание указанные обстоятельства, найдете момент подходящим для окончательного обсуждения этого вопроса нашими правительствами.

С своей стороны, получив от правительства республики необходимые директивы, я готов приступить к этому обсуждению.

Примите и пр.

Палеолог.

---

[1]) Содержание бесед Палеолога с Николаем II изложено в мемуарах посла «La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre», v. I, Paris, éd. 5, 1922, p. 200, 321—322, русский перевод: «Царская Россия во время мировой войны», Петроград — Москва, 1923 г., стр. 169—170. О переговорах в ставке в марте 1915 г. см. «Раздел Азиатской Турции», изд. Наркоминдела 1924 г., стр. 127 и сл.

CCLXXXIV.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 507. 30 января/12 февраля 1917 г.

Копия в Лондон.

Секретно.

На высочайшей аудиенции г. Думерг передал государю императору о желании Франции обеспечить себе, по окончании нынешней войны, возвращение Эльзаса и Лотарингии и особое положение в долине реки Саар, а равно достигнуть политического отделения от Германии ее за-рейнских . . . : областей и устройства последних на особых началах, дабы река Рейн явилась на будущее время прочною стратегическою границею против германского вторжения. Думерг выразил надежду, что императорское правительство не откажется ныне же оформить свое согласие на эти предположения. Его императорскому величеству благоугодно было в принципе на сие соизволить, вследствие чего я просил Думерга, по сношении со своим правительством, сообщить мне проект соглашения, которое могло бы быть оформлено обменом нот между французским послом и мною. Идя таким образом на встречу пожеланиям нашей союзницы, я считаю однако долгом напомнить точку зрения, высказанную императорским правительством в телеграмме от 24 февраля 1916 года № 948 [1]), о том, «что, предоставляя Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, мы рассчитываем, что, в свою очередь, союзники предоставят нам равную свободу в нашем разграничении с Германиею и Австро-Венгриею». Поэтому, предстоящий обмен нот по вопросу, поднятому Думергом, дает нам основание просить французское правительство одновременно подтвердить нам свое согласие на предоставление России свободы действий в деле определения ее будущих западных границ. Точные данные по этому вопросу будут нами в свое время сообщены парижскому кабинету. Сверх того, считаем необходимым оговорить согласие Франции на отмену, по окончании войны, лежащего на Аландских островах сервитута [2]).

---

[1]) См. стр. 298.

[2]) Статьей I соглашения от 18/30 марта 1856 г., заключенного между Россией, Францией и Великобританией, было установлено, что «Аландские острова не будут укрепляться и что на них не будет содержимо, ни вновь сооружено никакого военного и морского заведения». Ст. 33 Парижского трактата от 18/30 марта 1856 года было признано, что конвенция об Аландских островах является частью Парижского трактата и «будет иметь ту же силу и действие», что и последний. В таком положении вопрос оставался до 1906—7 г., когда Россией был направлен на Аландские острова гарнизон в 750 человек и был поднят вопрос об освобождении островов от наложенных на них соглашением 1856 г. сервитутов. Русское правительство вступило по этому поводу в переговоры с великобританским, французским и германским правительствами. В секретный

Благоволите объясниться в вышеизложенном смысле с Брианом и о результате телеграфировать [1]).

Покровский.

CCLXXXV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 83. 31 января/13 февраля 1917 г.

Копия в Лондон.

Секретно.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 507.

Тотчас письменно сообщил ее содержание Бриану, который сказал мне, что он не преминет дать мне официальный ответ французского правительства, но что он ныне же может от своего имени заявить мне, что исполнение высказанных в Вашей телеграмме пожеланий не встретит затруднений [2]).

Извольский.

CCLXXXVI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 85. 31 января/13 февраля 1917 г.

Весьма доверительно.

Мне известно, что переданная мною вчера Бриану памятная записка по вопросу, затронутому в Вашей [3]) телеграмме № 83, будет обсуждаться завтра в совете министров. Хотя в разговоре со мною Бриан не сделал никаких возражений или замечаний и хотя я вполне уверен в его искренности, я не могу не опасаться, что со стороны некоторых его коллег будет сделана попытка воспользоваться настоящим случаем, чтобы возбудить вопрос о будущем устройстве Польши и перенести этот вопрос на почву международного обсуждения. Я счел поэтому полезным весьма доверительно, но вполне откро-

---

русско-германский протокол о Балтийском море от 16/29 октября 1907 г. был включен пункт о принципиальном согласии Германии на отмену конвенции от 18/30 марта 1856 г.

[1]) Опубликовано 10/23 ноября 1917 г. в «Известиях центр. исп. ком. и петр. сов. раб. и солд. деп.», № 221 и в «Правде» № 185.

[2]) Опубликовано в «Известиях центр. исп. ком. и петр. сов. раб. и солд. деп.» № 221 от 10/23 ноября 1917 г.

[3]) В подлиннике, очевидно, ошибка. Исходящая телеграмма министерства иностранных дел от 5/18 января 1917 г. за № 83 запрашивает миссию в Стокгольме, «в каком положении вопрос о транзите пробки». Повидимому, следует читать «моей». См. предшествующий документ.

венно, переговорить с Камбоном, всегда относившимся с большим благоразумием к этому вопросу. Я напомнил ему, что мы неоднократно заявляли французскому правительству, что мы смотрим на будущее устройство Польши, как на внутренний русский вопрос, и что, предоставляя Франции полную свободу действий в вопросе об Эльзасе и Лотарингии и деле определения своих будущих границ с Германией, мы рассчитываем на подобную же свободу действий в деле установления наших будущих границ с Германией и Австрией; ныне, присовокупил я, идет речь лишь о формальном закреплении вышесказанного, и было бы весьма прискорбно и даже опасно, если бы по настоящему поводу возникло какое-либо недоразумение между обоими союзниками. Камбон не скрыл от меня, что опасения мои имеют некоторое основание; по его словам, в политических кругах Франции недоумевают, почему, когда мы потребовали и добились присуждения нам Константинополя, французское правительство не потребовало формального закрепления прав Франции на Эльзас и Лотарингию; это считается крупным промахом, в котором обвиняется Делькассэ, и весьма возможно, что этот взгляд, разделяемый некоторыми министрами, отразится на отношении их к возбужденному ныне вопросу. Я не преминул ответить Камбону, что компенсацией за Константинополь и Проливы, по требованию французского правительства, являлись известные районы Азиатской Турции и что с французской стороны никогда не оспаривался параллелизм между вопросами о восточных границах Франции и западных границах России. В заключение Камбон сказал мне, что он вполне понимает деликатность настоящего дела и не преминет обратить внимание Бриана, до завтрашнего совета министров, на необходимость устранить возможные полемики в указанном выше смысле.

Извольский.

CCLXXXVII.

Французский посол в Петрограде М. Палеолог российскому министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

С копии письма [1]).

14 февраля 1917 г.

Ваше высокопревосходительство.

На основании письма моего от 30 января /12 февраля с. г. [2]) и Вашего устного на него ответа, имею честь довести до сведения императорского правительства, что правительство республики предполагает включить в число имеющих быть предписанными Германии условий мирного договора следующие требования и гарантии территориального порядка:

1) Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции.

2) Границы ее должны простираться, по меньшей мере, до границ бывшего лотарингского герцогства и быть установлены по усмотрению француз-

[1]) Перев. с французского, сделанный в министерстве иностранных дел.

[2]) См. стр. 450.

ского правительства с расчетом удовлетворить стратегическим требованиям и включить вновь в состав французской территории весь заключающий в себе железную руду район этой области, равно как и каменноугольный бассейн долины Саар.

3) Остальные области, расположенные на левом берегу Рейна и входящие в настоящее время в состав германского государства, будут выделены и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от него.

4) Из областей, не вошедших в состав французской территории, расположенных на левом берегу Рейна, будет образовано автономное и нейтрализованное государство, которое должно пребывать под оккупацией французскими войсками до тех пор, пока вражеские страны не удовлетворят полностью всех условий и гарантий, включенных в текст мирного договора.

В заключение правительство республики сочтет за счастье рассчитывать на поддержку императорского правительства для проведения в жизнь его предначертаний.

Примите и пр.

Палеолог.

CCLXXXVIII.

Памятная записка российского министра иностранных дел Н. Н. Покровского французскому послу в Петрограде М. Палеологу [1]).

№ 26.

Нотой от сегоднешнего числа ваше превосходительство соблаговолили заявить императорскому правительству, что правительство республики предполагает включить в число имеющих быть предписанными Германии условий мирного договора следующие требования и гарантии территориального порядка.

1) Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции.

2) Границы ее должны простираться, по меньшей мере, до границ бывшего лотаринского герцогства и быть установлены по усмотрению французского правительства с расчетом удовлетворить стратегическим требованиям и включить вновь в состав французской территории весь заключающий в себе железную руду район этой области, равно как и каменноугольный бассейн долины Саар.

3) Остальные области, расположенные на левом берегу Рейна и входящие в настоящее время в состав германского государства, будут выделены и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от него.

4) Из областей, не вошедших в состав французской территории, расположенных на левом берегу Рейна, будет образовано автономное и нейтрализованное государство, которое должно пребывать под оккупацией фран-

---

[1]) Перев. с фр.

цузскими войсками до тех пор, пока вражеские страны не удовлетворят полностью всех условий и гарантий, включенных в текст мирного договора.

Ваше превосходительство добавило, что правительство республики сочтет за счастье рассчитывать на поддержку императорского правительства для проведения в жизнь его предначертаний.

По распоряжению его императорского величества, моего августейшего повелителя, честь имею заявить настоящей нотой вашему превосходительству, от имени российского правительства, что правительство республики может рассчитывать на поддержку императорского правительства для проведения в жизнь вышеизложенных его предначертаний [1]).

Примите и проч....

1/14 февраля 1917 г.

CCLXXXIX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 97. 4/17 февраля 1917 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 83 [2]) и 47 [3]).

Вчера по рассмотрении вопроса в совете министров Палеологу сообщен для представления его Вам нижеследующий проект соглашения:

«Правительство его величества императора российского и правительство французской республики, желая утвердить во всей их силе соглашения, заключенные между ними в 1915 г. в целях разрешения при окончании настоящей войны вопроса о Константинополе и Проливах, согласно вековым стремлениям России, и в целях осуществления тех планов, которые могут иметь союзные правительства по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам, — обязуются в момент мирных переговоров оказывать друг другу взаимную поддержку для обеспечения восточным границам Франции и западным границам России таких пределов, которые, отвечая всем пожеланиям французского и русского народов, были бы в состоянии предоставить им, с точки зрения военной и промышленной, все необходимые гарантии безопасности и экономического развития обоих народов» [4]).

Извольский.

---

[1]) Опубликовано в «Известиях центр. исп. ком. и петр. сов. раб. и солд. деп.» № 221 от 10/23 ноября 1917 г.

[2]) См. стр. 453.

[3]) Телеграмма Извольского за № 47 в деле архива б. министерства иностранных дел отсутствует.

[4]) Текст в кавычках в подлиннике на французском языке.

CCXC.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 98. 4/17 февраля 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 97.

Камбон сказал мне, что от Палеолога только что получена телеграмма, уведомляющая, что в Петрограде состоялся обмен писем о будущих границах России и Франции с Германией и Австрией. Камбон, казавшийся удивленным, присовокупил, что текст этих писем здесь еще не известен. Таким образом, следует думать, что сообщенный вчера Палеологу и известный Вам из моей телеграммы проект соглашения ныне отпадает.

Извольский.

CCXCI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 101. 5/18 февраля 1917 г.

Доверительно. Ссылаюсь на мою телеграмму № 97.

Из дальнейших объяснений с Камбоном я заключаю, что письма, обмененные Вами с Палеологом, касаются лишь границ Франции с Германией и что вопрос о наших западных границах в них не затронут. Если это так, то не могу не высказать сожаления, что обмен состоялся до получения Палеологом выработанного здесь проекта соглашения, в котором оба вопроса разрешались параллельно. Подобного параллелизма и устранения всякого намека на Польшу мне удалось добиться не без труда, ибо здесь господствует толкование, что Эльзас и Лотарингия являются для Франции компенсацией за предоставление нам Константинополя и Проливов и что вопрос о наших западных границах имеет самостоятельный характер и тесно связан с вопросом о будущности Польши. Ныне не могу не опасаться дальнейших попыток со стороны некоторых здешних министров поднять при дальнейших переговорах по настоящему делу польский вопрос. Прошу указаний, должен ли я продолжать эти переговоры и в какую форму следует облечь предположенное заявление французскому правительству касательно наших западных границ.

Извольский.

CCXCII.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 641. 9/22 февраля 1917 г.

Ссылаюсь на Ваши телеграммы 97 и 101.

Обмен писем с Палеологом о согласии нашем на французские пожелания в деле будущего определения восточной границы Франции состоялся, как само собою разумеется, в предположении и под условием обещания нам правительством республики таковой же поддержки в деле проведения западной границы России.

Заверения в этом смысле были получены нами и через Вас, и от Палеолога, а в переданном Вами телеграммою № 97 тексте соглашения мы усматриваем новое формальное подтверждение Францией той же точки зрения.

Я не считаю, чтобы означенный проект обоюдного соглашения отпадал вследствие обмена нот относительно французских границ, и прошу Вас произвести с Брианом обмен писем в предложенной им редакции, которая нами вполне одобряется.

По окончательном выяснении наших пожеланий в деле будущего разграничения России с Германией и Австрией, мы предложим французскому правительству завершить наше соглашение по вопросам разграничения обменом нот с детальным обозначением желательных для нас границ на западе.

Прошу Вас переговорить в вышеизложенном смысле с Брианом и о последующем телеграфировать.

Покровский.

CCXCIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 142. 16 февраля/1 марта 1917 г.

Соглашение о наших западных границах будет подписано Брианом и мною после завтра, в субботу. Дабы сохранить безо всяких редакционных изменений одобренный Вами текст, соглашению будет придана форма обмена «деклараций», а не писем. По точному смыслу Ваших инструкций, я не ввел в текст соглашения заявления о нашем намерении, по выяснении наших пожеланий, предложить французскому правительству завершить его обменом нот с детальным обозначением желательных для нас границ, а сделал Бриану условное заявление в этом смысле. Подобное заявление в тексте соглашения являлось бы односторонним обязательством с нашей стороны и могло бы до некоторой степени связать нашу свободу действий в настоящем деле.

Извольский.

CCXCIV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 149. 18 февраля/3 марта 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 142.

Вследствие случайных обстоятельств, обмен деклараций отложен до вторника.

Извольский.

CCXCV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 156. 21 февраля/6 марта 1917 г.

Срочно.

Совершенно доверительно.

Ссылаюсь на мой № 149.

О получении прошу уведомить.

Обмен деклараций о наших западных границах опять отложен на несколько дней. Бриан положительно обещал мне, что он состоится в пятницу, по получении затребованного им от Палеолога разъяснения по одному из пунктов соглашения. Весьма доверительно. — Я не могу объяснить себе настоящую задержку иначе, как известными Вам уже возражениями со стороны некоторых здешних министров. Надеюсь, однако, что к пятнице удастся окончательно устранить все затруднения.

Извольский.

CCXCVI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 167. 25 февраля/10 марта 1917 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 156.

№ 1. — В последнюю минуту Бриан заявил мне о своем желании несколько изменить редакцию декларации, а именно, вместо выработанного здесь и принятого Вами проекта, он предлагает текст, передаваемый Вам за № 2. Свое желание Бриан объяснил мне следующим образом: только что вернувшийся из Петрограда Думерг, ознакомившись со сказанным проектом, высказал, что таковой не вполне соответствует заявленным Вами пожела-

ниям и собственным его, Думерга, заявлениям в Петрограде, ибо в нем не упоминается о признании за нами: «свободы действия» в деле определения наших западных границ; по мнению Думерга, это опущение может показаться нам умышленным и вызвать у нас неприятное чувство. Вследствие этого Бриан решил видоизменить редакцию своего проекта, приблизив его к подлинным выражениям переданной мною ему, на основании Вашей ответной телеграммы за № 507 [1]), памятной записки. Мне, конечно, трудно поручиться, что, предлагая новую редакцию, Бриан руководствуется лишь этими соображениями, и я не исключаю возможности, что против первого проекта были сделаны со стороны некоторых министров и другие возражения. Как бы то ни было, по зрелом размышлении я решил не испрашивать у Вас новых инструкций и принять предложенную им видоизмененную редакцию.

Извольский.

CCXCVII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма [2]).

№ 168. 26 февраля/11 марта 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 167.

№ 2. Правительство французской республики, желая утвердить во всей их силе соглашения, заключенные с российским правительством в 1915 г. в целях разрешения в конце настоящей войны вопроса о Константинополе и Проливах, согласно вековым стремлениям России, и стремясь с другой стороны облегчить в равной степени своей союзнице получение всех гарантий, желательных с точки зрения военной и промышленной для обеспечения ее безопасности и для экономического развития империи, — признает за Россией полную свободу в определении ее западных границ [3]).

Извольский [4]).

CCXCVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 170. 26 февраля/11 марта 1917 г.

Доверительно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 167.

Я решился принять предложенную Брианом видоизмененную редакцию, целиком и не испрашивая новых инструкций, по следующим соображениям:

---

[1]) См. стр. 452.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Ср. проект соглашения, переданный Извольским в телеграмме от 4/17 февраля 1917 г., № 97, стр. 456.

[4]) Опубликовано 10/23 ноября 1917 г. в «Известиях центр. исп. ком. и петр. сов. раб. и солд. деп.», № 221 и в «Правде» № 185.

1) новый текст вполне совпадает с буквой и смыслом инструкций, заключающихся в Вашей основной телеграмме № 507 [1]); 2) по имеющимся у меня достоверным сведениям настоящее дело уже встретило известные Вам серьезные возражения со стороны некоторых членов совета министров, и всякая новая проволочка или поправка могла бы подать повод к дальнейшим затруднениям; 3) наконец, вчерашний инцидент в палате депутатов [2]), хотя он и кончился благополучно для Бриана, показывает, что при нынешних обстоятельствах в каждую минуту может наступить внезапный кабинетный кризис. Если бы это случилось до получения мною новых инструкций и подписания декларации, все дело могло бы встретить новые препятствия и затянуться на неопределенное время. Позволяю себе, вследствие вышеизложенного, надеяться, что Вы изволите одобрить мой образ действий. Не включение в текст настоящей декларации оговорки об Аландских островах не мешает нам разрешить этот вопрос путем отдельного соглашения; при этом я просил бы разъяснить мне, идет ли речь о новом соглашении по этому вопросу или о подтверждении уже ранее полученного нами согласия французского правительства, — насколько я могу вспомнить, — в 1906 или 1907 году? [3])

Извольский.

CCXCIX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 171. 27 февраля/12 марта 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 168 (2).

Бриан доставил мне декларацию французского правительства, текст коей сообщен Вам моей телеграммой за № 168 — № 2, при письме от 10 марта нового стиля, следующего содержания: «Господин посол, имею честь при сем препроводить вашему превосходительству декларацию, которой французское правительство счастливо ответить на высказанное Вами от имени Вашего правительства пожелание в Вашей ноте от 13 прошлого февраля. Я счастлив выразить взгляды правительства республики, которые таким образом лишний раз подтверждают чувства доверия и дружбы, одушевляющие нашу страну по отношению к России.

Примите и проч. Подписано: Бриан, Париж 10 марта 1917 года» [4]).

Извольский.

---

[1]) См. стр. 452.

[2]) 10 марта в палате депутатов, в связи с прениями об экономической и продовольственной политике правительства, оппозиция попыталась свергнуть кабинет Бриана. Последнему, однако, удалось удержаться у власти.

[3]) См. прим. 2 на стр. 452.

[4]) Текст в кавычках в подлиннике на французском языке.

CCC.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 172. 27 февраля/12 марта 1917 г.

Продолжение моей телеграммы № 171.

Я ответил Бриану письмом следующего содержания: «Честь имею уведомить ваше превосходительство о получении декларации французского правительства, которую Вы соблаговолили препроводить мне своим письмом от 10 текущего месяца и которая гласит: — (следует полный текст декларации). — «Принося вашему превосходительству благодарность за столь любезное сообщение, я не сомневаюсь, что правительство его императорского величества увидит в нем новое доказательство чувств взаимного доверия и дружбы, существующих между Россией и Францией» [1]).

Копии этих документов будут препровождены Вам с ближайшей оказией. Подлинники, в виду необеспеченности сообщений, мне кажется, надо сохранить покуда в архивах вверенного мне посольства.

Извольский.

---

[1]) Текст в кавычках в подлиннике на французском языке.

XI.

Вопрос о Константинополе и Проливах при временном правительстве, 1917 г.

CCCI.

Справки, составленные в российском министерстве иностранных дел по вопросу о Константинополе и Проливах [1]).

I.

19 февраля /4 марта 1915 г. министром иностранных дел была передана французскому и великобританскому послам памятная записка [2]), в коей было изложено пожелание о присоединении к России в результате настоящей войны следующих территорий: города Константинополя, западного побережья Босфора, Мраморного моря и Дарданелл; южной Фракии до линии Энос-Мидия; побережья Малой Азии между Босфором, рекою Сакарией и подлежащим позднейшему определению пунктом Исмидского залива; островов Мраморного моря и островов Имброс и Тенедос. Специальные права Франции и Англии в пределах указанных территорий остались бы ненарушимы.

Как французское, так и великобританское правительства изъявили свое согласие на удовлетворение наших пожеланий, при условии успешного окончания войны и удовлетворения целого ряда притязаний Франции и Англии как в пределах Оттоманской империи, так и в иных местах.

Притязания эти, поскольку они касаются Турции, сводятся к следующему:

Признание Константинополя свободным портом для транзита товаров, не следующих из России и не идущих в Россию, и свободы прохода через Проливы коммерческих судов.

Признание прав Англии и Франции в Азиатской Турции, подлежащих точному определению путем особого соглашения между Францией, Англией и Россией.

Сохранение священных мусульманских мест и Аравии под независимым мусульманским владычеством.

---

[1]) В подлиннике дата отсутствует. См. прим. 1 на стр. 449

[2]) См. стр. 252.

Включение установленной соглашением между Англией и Россией 1907 г. нейтральной зоны Персии в английскую сферу влияния.

Признав эти требования, в общем, подлежащими удовлетворению, российское правительство сделало, однако, некоторые оговорки.

В видах формулирования наших пожеланий касательно священных мусульманских мест, необходимо теперь же выяснить, останутся ли эти местности под властью Турции с сохранением за султаном звания халифа, или же предполагается создать новые самостоятельные государства.

По нашему мнению, было бы желательно отделить халифат от Турции. Во всяком случае, свобода паломничества должна быть обеспечена.

Соглашаясь на включение нейтральной зоны Персии в сферу английского влияния, российское правительство считает, однако, справедливым выговорить, чтобы районы городов Исфагани и Иезда были закреплены за Россией, а также, чтобы часть полосы нейтральной зоны, врезающейся клином между русской и афганской границей и подходящей к самой русской границе у Зульфагара, была включена в русскую сферу влияния.

Российское правительство считает желательным одновременное разрешение вопроса о сопредельном с Россией северном Афганистане, в смысле высказанных им во время переговоров 1914 г. пожеланий.

После вступления в войну Италии, наши пожелания были сообщены и итальянскому правительству, и последнее выразило со своей стороны согласие, при условии победоносного окончания войны, осуществления итальянских притязаний вообще и на востоке в частности и признания нами за Италией в пределах уступаемых нам территорий одинаковых с Францией и Англией прав [1]).

---

[1]) Опубликовано 10/23 ноября 1917 г. в «Известиях центр. исп. ком. и петр. сов. раб. и солд. деп.», № 221 и в «Правде» № 185.

Текст этой справки был опубликован также в приложении к книге R. Contaut-Biron—«Comment la France s'est installée en Syrie, 1918—1919», при чем автор допускает не только ряд неточностей в переводе текста, но и ошибочно датирует как самое соглашение о Константинополе и Проливах, дважды помечая его 19 февраля /4 марта 1916 г., вместо 1915 г., так и номер «Правды», где впервые этот текст появился в печати. (Вместо 10/23 ноября 1917 г. он указывает январь 1918 г.). Приводим неточности в переводе: перечисление территорий, отходящих к России, во французском переводе читается так: «la ville de Constantinople, la rive ouest du Bosphore, la mer de Marmara, les Dardanelles, la Thrace du sud jusqu'à la ligne Enos-Midia, les rives de l'Asie Mineure entre le Bosphore et le fleuve Sakaria et certains points du golfe d'Ismid, les iles de la mer de Marmara et les iles Imbros et Ténédos».

Фраза: «Притязания эти, поскольку они касаются Турции, сводятся к следующему» — во французском тексте: «Ces revendications en tant qu'elles concernaient la Russie aboutissent à ce qui suit». Фраза: «включение установленной соглашением..... сферу влияния» — во французском тексте: «Inclure, conformément à l'accord Anglo-Russe de 1907, la zone neutre de Perse dans la zone d'influence anglaise».

И, наконец, фраза: «Признав эти требования..... некоторые оговорки» — во французском тексте разбита на две фразы: «Reconnaitre ces revendications comme devant être satisfaites. Le gouvernement russe fit cependant quelques réserves». С теми же неточностями эту справку приводит P. Lyautey в своей книге «Le drame oriental et le rôle de la France», Paris, 1924, p. 234.

II.

Памятной запиской от 19 февраля /4 марта 1915 г. [1]) во французское и великобританское посольства императорское правительство формулировало перед двумя союзными правительствами необходимость окончательного разрешения вопроса о Проливах и Константинополе, в смысле присоединения к России Константинополя, обоих берегов Босфора и островов Имброса и Тенедоса. Тем же актом императорское правительство выразило готовность в одинаковой мере пойти навстречу осуществлению планов, которые обе державы выставят в будущем относительно прочих частей Оттоманской империи и в других местах.

Первоначальный ответ французского правительства последовал в памятной записке французского посольства от 23 февраля /8 марта 1915 г. [2]). Французский посол заявил министру иностранных дел, что в вопросе о Константинополе и Проливах императорское правительство может надеяться на добрую волю правительства республики. Этот вопрос так же, как и вопросы, касающиеся французских и английских интересов в Турции, на улажение коих в смысле пожеланий этих двух держав императорское правительство согласно, будут разрешены в мирном трактате, согласно декларации 5 сентября 1914 г. [3]), на условиях совместного обсуждения и одновременного подписания тремя державами.

В ряде телеграмм императорское правительство продолжало настаивать на желательности более точного заявления о согласии Франции на полное удовлетворение наших пожеланий, подобно тому, как это было сделано великобританским правительством в памятной записке от 27 февраля /12 марта 1915 г. [4]). Запиской этой великобританское посольство уведомило, что, при условии победоносной войны и осуществления пожеланий Великобритании и Франции в Оттоманской империи и других местах, как указано в русской памятной записке 19 февраля /4 марта, английское правительство ответит на нашу памятную записку о Проливах согласием.

Наши настояния привели ко вторичному ответу французского правительства вербальной нотой посольства от 10 апреля н. ст. [5]). Правительство республики дает свое согласие по содержанию переданной Извольским 6 марта памятной записки о Константинополе и Проливах [6]), идентичной с переданной нами в Петрограде памятной запиской от 19 февраля /4 марта, под условием, что война будет доведена до победоносного конца и что Франция и Англия осуществят свои планы на Востоке и в других местах, как об этом говорит русская памятная записка.

---

[1]) См. стр. 252.
[2]) См. стр. 268.
[3]) См. прим. 2 на стр. 238.
[4]) См. стр. 274.
[5]) См. стр. 295.
[6]) См. прим. 2 на стр. 295.

CCCII.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков дипломатическим представителям за границей.

Циркулярная телеграмма [1]).

№ 967. 4/17 марта 1917 г.

Известия, переданные петроградским телеграфным агентством, уже ознакомили Вас с событиями последних дней и с падением старого политического строя в России, который беспомощно рухнул под напором народного негодования, вызванного несостоятельностью этого режима, его злоупотреблениями и преступной непредусмотрительностью. Ненависть к павшему режиму объединила все здоровые элементы нации и обусловила легкое и скорое завершение кризиса. После того, как все население страны с небывалым энтузиазмом встало под знамена революции и армия оказала ему быструю действенную помощь, народное движение в течение одной недели одержало решительную победу. Скорая победа позволила сократить количество жертв до размеров, неслыханных в летописях переворотов подобного размаха и такого значения.

Император Николай II актом, датированным: Псков 2/15 марта 1917 г., — отрекся от престола за себя и за наследника, великого князя Алексея Николаевича, в пользу великого князя Михаила Александровича. При сообщении ему об этом, великий князь Михаил Александрович в свою очередь отказался актом, датированным: Петроград, 3/16 марта 1917 г. — от принятия верховной власти до того момента, когда учредительное собрание, избранное всенародным голосованием, установит новую форму правления и новые основные законы России. Этим же актом великий князь Михаил Александрович призвал всех русских граждан подчиниться, в ожидании окончательного выявления народной воли, временному правительству, созданному по почину государственной думы и облеченному всею полнотою власти.

Состав временного правительства и его политическая программа обнародованы и сообщены за границу.

Правительство, принимая на себя бремя власти в момент тягчайшего внутреннего и внешнего кризиса, равного которому Россия не переживала за все время своей истории, ясно сознает всю громадную ответственность, падающую на него. Правительство прежде всего приложит усилия к устранению результатов тяжких ошибок, совершенных в прошлом, к обеспечению порядка и спокойствия внутри страны и, наконец, к подготовке условий, необходимых для того, чтобы суверенная воля нации могла свободно определить ее судьбу.

В области внешней политики кабинет, в котором я принял портфель министра иностранных дел, будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом, верный обещаниям, данным Россией. Мы будем неуклонно укреплять отношения, свя-

---

[1]) Перев. с фр.

зующие нас с другими дружескими и союзными нациями, и мы уверены в том, что эти отношения сделаются еще более близкими и прочными при установленном Россией новом режиме, который будет руководствоваться демократическими принципами уважения к малым и большим нациям, свободы их развития и доброго согласия между народами.

Но правительство ни на минуту не забывает о тех тяжелых внешних обстоятельствах, при которых оно принимает власть. Россия не желала войны, обагряющей мир кровью почти три года. Однако, являясь жертвой давно задуманного и подготовленного нападения, она будет, как и до сих пор, бороться с завоевательными замыслами хищнической расы, увлеченной мечтой об установлении недопустимой гегемонии над соседними народами и попытавшейся заставить Европу XX века пережить позор господства прусского милитаризма.

Верная договору, неразрывными узами связующему ее со славными союзниками, Россия решила, подобно им, во что бы то ни стало, добиться установления эры мира между народами путем образования международной организации, прочной и обеспечивающей уважение к праву и справедливости. Бок о бок с ними она будет сражаться с общим врагом до конца, непоколебимо и неутомимо. Правительство, членом которого я являюсь, посвятит всю свою энергию достижению победы и приложит все усилия к исправлению в возможно короткий срок ошибок прошлого, которые могли парализовать до сего времени порыв и дух самопожертвования русского народа. Оно твердо уверено, что великий энтузиазм, воодушевляющий ныне всю нацию, удесятерит силы и приблизит час окончательного торжества возрожденной России и ее доблестных союзников.

Я прошу Вас сообщить министру иностранных дел содержание настоящей телеграммы и оставить ему ее в копии.

Милюков.

CCCIII.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков послам в Париже, Риме и Токио, А. П. Извольскому, М. Н. Гирсу и В. Н. Крупенскому, и поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову [1]).

Телеграмма.

№ 1009. 8/21 марта 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 967.

Содержащееся в нашей циркулярной телеграмме заявление об обязательности для нового российского правительства международных договоров и вытекающих из них соглашений, заключенных при прежнем государственном строе, само собой разумеется, касается также всех соглашений, заключенных с союзными державами со времени нынешней войны. Вследствие сего

[1]) Российский посол в Лондоне Бенкендорф скончался 29 декабря /11 января 1916/1917 г. Временное управление посольством, до приезда нового посла Сазонова, было возложено на советника того же посольства, Набокова, с присвоением ему звания поверенного в делах.

было бы желательно, чтобы союзники в ответах своих на наше извещение равным образом подтвердили обязательность для них всех ранее заключенных с Россией соглашений. Прошу Вас высказаться в означенном смысле перед министром иностранных дел и о последующем уведомить [1].

Милюков.

CCCIV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 184. 9/22 марта 1917 г.

Появившееся сегодня в «Daily Chronicle» интервью Вилльямса с Керенским [2], в котором последний высказался о желательности «интернационализации» Константинополя, может подать повод некоторой части здешней печати и парламентских кругов начать агитацию в этом смысле. Редакции названной газеты, запросившей меня, я ответил, что Керенский высказал лишь его личное мнение и вряд ли говорил в настоящем случае от имени нового правительства.

Набоков.

CCCV.

Нота великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел П. Н. Милюкову [3].

Г. Министр,

Своей нотой от 4/17 текущего месяца [4] я имел честь выразить вашему превосходительству чувство удовлетворения, которое я испытываю, вступая в личные сношения с Вами.

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 308.

[2]) Набоков имеет в виду беседу Керенского с великобританским военным агентом в Петрограде ген. Ноксом и журналистом Вилльямсом 6/19 марта 1917 г. Сославшись на то, что еще в эпоху англо-бурского конфликта 1899—1902 г.г. он был сторонником Англии, Керенский заметил, что, по его личному убеждению, Россия должна вести войну до победного конца, не преследуя, однако, никаких завоевательных целей. Вместе с тем, он счел необходимым указать своим собеседникам на «бестактное» поведение Милюкова в вопросе о Константинополе. России,—заявил Керенский,—нужны не самые Проливы, а свобода плавания через них, лучшей гарантией чего явилась бы их интернационализация. В будущий мирный договор должны быть также включены статьи о самоуправлении Польши, Финляндии и Армении. Подробное изложение этой беседы мы находим в воспоминаниях Нокса «With the Russian Army 1914—1918», t. II, c. XIX, p.p. 576, 577.

[3]) Перев. с англ.

[4]) Нота великобританского посла в Петрограде Бьюкенена, уведомляющая о получении им сообщения от 4/17 марта российского министра иностранных дел Милюкова об отречении Николая II и об образовании временного правительства, датирована не 4/17 марта, а 6/19 марта 1917 г. Французский и итальянский послы в Петрограде Палеолог и Карлотти обратились к Милюкову с нотами аналогичного содержания 5/18 марта 1917 г.

Теперь я имею честь уведомить ваше превосходительство, что мое правительство, узнав, что вновь образовавшееся временное правительство России, под председательством кн. Львова, готово соблюдать обязательства, принятые на себя его предшественниками вместе с союзными правительствами и особенно касающиеся продолжения войны до победного конца, уполномочило меня признать его и войти в официальные сношения с вашим превосходительством.

Сообщая это вашему превосходительству, я хочу выразить членам вновь образовавшегося правительства самые горячие пожелания величия и благосостояния России.

Благоволите принять, г. министр, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Джордж В. Бьюкенен.

Петроград, 22 марта 1917 г.

CCCVI.

Нота итальянского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел П. Н. Милюкову [1]).

Срочно.

Г. Министр,

Своей нотой от 5/18 текущего месяца я имел честь выразить вашему превосходительству чувство удовлетворения, которое я испытываю, вступая в личные сношения с Вами.

[Далее следует текст ноты, вполне совпадающий с предшествующим документом].

Марк. А. Карлотти.

Петроград, 22 марта 1917 г.

CCCVII.

Нота французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел П. Н. Милюкову [2]).

Его превосходительство российский посол сообщил правительству республики телеграмму, в которой его превосходительство г. Милюков, министр иностранных дел временного правительства, учрежденного в Петрограде по инициативе думы, извещает иностранные державы, что 15-го текущего месяца его величество император российский Николай II отрекся от престола России за себя и за своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича, и что, с другой стороны, 16 марта великий князь Михаил Александрович отказался принять верховную власть до момента, когда учредительное собрание установит форму правления и новые основные законы России.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Перев. с фр.

Уведомляя о получении этого сообщения временного правительства, правительство республики выражает пожелания счастья и величия России.

Убежденное, что узы, которые соединяют союзные державы, становятся с каждым днем более тесными и искренними оно уверено так же, как и г. Милюков, что державы эти, сражаясь в течение почти трех лет для обеспечения во всем мире торжества принципов свободы и справедливости, на которых покоится независимость народов, будут продолжать борьбу честно и неутомимо до окончательной победы [1]).

22 марта 1917 г.

CCCVIII.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1044. 10/23 марта 1917 г.

Срочно.

Английский и итальянский послы адресовали мне ноты, коими в тождественных выражениях сообщают о признании их правительствами временного российского правительства и о поручении, данном им, вступить с оным в официальные сношения.

Между тем, в заметке без подписи, врученной мне по тому же предмету Палеологом, вовсе не упоминается о признании Францией нового правительства, а лишь уведомляется о получении моего извещения и выражаются пожелания счастья и величия России.

Прошу Вас доверительно объясниться по сему поводу с Рибо и указать ему, насколько с точки зрения нашего общественного мнения было бы важно, чтобы наша старинная и ближайшая союзница — Франция — признала новый строй в России в столь же прямой и категорической форме, как Англия и Италия.

Мы надеемся, что Палеологу будет без замедления предписано сделать нам сообщение в той же редакции.

Милюков.

CCCIX.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 167. 10/23 марта 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1009 [2]).

В ответ на мое сообщение, Соннино сказал мне, что со своей стороны он не видит затруднений подтвердить обязательность всех ранее заключен-

---

[1]) В подлиннике подпись отсутствует.

[2]) См. стр. 467.

ных с Россией соглашений. Он находит желательным, чтобы наши союзники сговорились дать нам одновременно идентичный ответ и войдет по этому поводу в сношения с Англией и Францией.

Гирс.

CCCX.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ . . . [1]). 10/23 марта 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1009.

Лорд Гардинг сказал мне, что указание на обязательность для Англии заключенных с Россией соглашений содержится в письме к Вам великобританского посла, коим последний уведомил о признании «de facto» правительства [2]). Я ответил ему, что, так как Ваша циркулярная телеграмма [3]) была опубликована, было бы желательно получить в ответ такое заявление об обязательности для Англии соглашений с нами, которое могло бы быть также опубликовано. Гардинг обещал исполнить наше желание.

Набоков.

CCCXI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 204. 10/23 марта 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1009.

Тотчас, т.-е. вчера вечером, передал ее содержание чрез Камбона [4]) г. Рибо, который все еще всецело поглощен организацией нового кабинета [5])

---

[1]) В подлиннике номер отсутствует.

[2]) См. стр. 468.

[3]) См. стр. 466.

[4]) Ж. Камбон, генер. секретарь французского министерства иностранных дел.

[5]) Еще летом 1916 г., **в связи с продовольственным и экономическим** кризисом, во Франции наметилось сильное течение в пользу смены кабинета Бриана. Осенью 1916 г. к этому присоединились неудачи румынских войск, показавшие, что верховное союзное командование было неспособно добиться единства действий на различных театрах мировой войны. 28 ноября начались секретные заседания французской палаты депутатов, продолжавшиеся 9 дней. Действия правительства были подвергнуты на них уничтожающей критике. Хотя Бриану и было выражено доверие, однако, он обязался: 1) обновить состав кабинета, сократив число министров, и 2) произвести смену верховного командования. Оба эти обещания были выполнены Брианом, реконструировавшим кабинет и заменившим марш. Жоффра более молодым и энергичным ген. Нивелем. Эти перемены не упрочили, однако, положения правительства. Поводом к его падению явился выход из состава кабинета военного министра ген. Лиотэ, вступившего в него в декабре 1916 г. Бриан подал в отставку (17 марта) и был заменен министром финансов Рибо как в должности председателя совета министров, так и министра иностранных дел (19 марта).

и с которым я увижусь лишь завтра или послезавтра. Сегодня Камбон обещал мне обратить внимание министра иностранных дел на желательность возможно скорее и определеннее дать нам уверения в указанном Вами смысле, т.-е. о признании Францией обязательности для нее всех ранее заключенных соглашений с Россией.

Извольский.

CCCXII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 207. 11/24 марта 1917 г.

Меня сейчас посетил только что вступивший в должность г. Рибо. Я воспользовался этим, чтобы тотчас объясниться с ним по содержанию Вашей телеграммы № 1044 [1]). Он в отчаянии от возникшего по настоящему поводу очевидного недоразумения. Заметка, переданная Вам Палеологом [2]), на основании телеграммы, отправленной ему Брианом в последнюю минуту перед оставлением им министерства иностранных дел, отнюдь не является официозным ответом французского правительства на Вашу циркулярную телеграмму. Между парижским, лондонским и римским кабинетами сейчас происходит обмен мнений касательно тождественных сообщений Вам о признании временного русского правительства, и он, г. Рибо, не понимает, каким образом английский и итальянский послы могли адресовать Вам, до окончания этих переговоров, упомянутые Вами ноты [3]); таковые, очевидно, являются результатом их личной инициативы. Я ответил Рибо, что весьма желательно как можно скорее изменить получившееся в министерстве иностранных дел в Петрограде впечатление и что, раз английский и итальянский послы определили инструкции своих правительств, необходимо тотчас предписать Палеологу вручить Вам ответную ноту о признании Францией нового правительства. При этом я напомнил ему, что в этой же ноте должна быть подтверждена обязательность для Франции всех ранее заключенных соглашений с Россией. Рибо обещал мне, как только он вернется к себе после своих визитов к союзным послам, спешно сделать соответствующие распоряжения. Он присовокупил, что отправленная им Вам телеграмма должна рассеять в Вас всякие сомнения относительно готовности . . . . . содействовать укреплению нового русского строя.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 470.
[2]) См. стр. 469.
[3]) См. стр. 468 и 469.

CCCXIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 213. 12/25 марта 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 207.

Рибо только что сказал мне, что он телеграфировал в Лондон и Рим, чтобы обратить внимание великобританского и итальянского правительств на возникшее в Петрограде недоразумение и на необходимость как можно скорее сообщить Вам в официальной и тождественной форме о признании временного правительства. Палеологу даны соответствующие инструкции, при чем ему предписано, одновременно со сказанным сообщением, подтвердить Вам обязательность для Франции всех ранее заключенных соглашений с Россией. Подобное же заявление будет сделано и мне в ответ на врученную мною по этому вопросу памятную записку. Рибо присовокупил, что все еще не может объяснить себе выступления английского и итальянского послов в Петрограде. Не далее как вчера, здешний итальянский посол подтвердил ему просьбу своего правительства приступить к официальному признанию временного правительства не иначе, как по взаимному соглашению между Францией, Англией и Италией. В заключение Рибо еще раз высказал мне в самых горячих выражениях свое желание всеми силами и средствами содействовать укреплению нового русского строя.

Извольский.

CCCXIV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 217. 12/25 марта 1917 г.

Я только что получил от г. Рибо следующее сообщение в форме памятной записки:

«Его превосходительство российский посол соблаговолил сообщить председателю совета министров и министру иностранных дел телеграмму от 17 сего месяца [1]), в которой г. Милюков заявил, что новое правительство России намерено придерживаться всех международных договоров и вытекающих из них соглашений, заключенных при старом правительстве. Российский министр иностранных дел прибавил, что это заявление распространяется и на договоры, заключенные между союзными державами после начала настоящей войны. Г. Рибо имеет честь сообщить его превосходительству г. Извольскому, что

---

[1]) См. стр. 466.

правительство республики принимает к сведению такое заявление г. Милюкова с чувством полного удовлетворения, и что он был бы признателен г. Извольскому, если бы последний передал в Петроград г. Милюкову его благодарность.

Г. Рибо счастлив прибавить, что одушевленное теми же стремлениями правительство республики, равным образом, намерено соблюдать все соглашения, заключенные между Францией и Россией. Г. Рибо был бы признателен его превосходительству г. Извольскому, если бы он соблаговолил довести до сведения его превосходительства министра иностранных дел вышеизложенное. Париж 24 марта 1917 г.». Конец текста [1]).

Извольский.

CCCXV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 196. 14/27 марта 1917 г.

В одной из вечерних газет вчера помещена передовая статья, в которой указывается, что вследствие переворота Россия временно ослаблена и что Германия должна приложить все усилия, чтобы революция перешла в анархию, которая даст ей возможность нанести решительный удар России. Говоря далее о турецком театре войны, газета заявляет, что новый русский министр иностранных дел «сократил притязания России к Турции». Такое подтверждение не подкрепляется никакими другими газетными сообщениями; напротив того, Ваши официальные заявления свидетельствуют о намерении придерживаться всех соглашений с союзниками, заключенных при прежнем режиме,—а стало быть и соглашения о Константинополе. Поэтому полагаю, что газета имеет в виду слова Керенского об интернационализации [2]). В виду того, что мое предположение об агитации, которую эти слова способны вызвать здесь, уже подтвердилось, прошу указаний, не следует ли, через посредство печати и в форме, которую я признаю наиболее соответствующей, разъяснить здешнему общественному мнению, что в Ваших заявлениях не содержится указания на «сокращение притязаний России». Если и возникла мысль об отказе от права на Константинополь, обеспеченного за нами соглашением с Францией и Англией, то отказ этот, само собою разумеется, последовал бы лишь после пересмотра соглашения путем дипломатических переговоров, а не в форме единоличного нашего объявления.

Набоков.

---

[1]) В подлиннике текст в кавычках и слова «конец текста» на французском языке.

[2]) См. прим 2 на стр. 468.

CCCXVI.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 1182. 16/29 марта 1917 г.

Ваша телеграмма № 196 получена.

Вполне одобряю Ваше предположение через посредство печати и в форме, которую Вы признаете наиболее соответствующей, разъяснить английскому общественному мнению, что в моих заявлениях не содержится никаких указаний на сокращение притязаний России. Мы имеем в виду придерживаться тех начал, которые были положены в основу наших разных соглашений с союзными державами и указания на которые имеются в ответной коллективной ноте союзных правительств президенту Соединенных Штатов [1]).

Милюков.

CCCXVII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 207. 17/30 марта 1917 г.

Получил Вашу телеграмму № 967 [2]).

Мною только что получена ответная нота Бальфура следующего содержания: «Прошу Вас передать министру иностранных дел выражение благодарности королевского правительства за сообщение и выражение его искренних надежд на будущее процветание и счастье России. Правительство глубоко удовлетворено заверением министра, что новое правительство будет сохранять те отношения, которые издавна установились между Россией и ее друзьями и союзниками, и убеждено, что принципы, исповедуемые новым правительством, не только укрепят союз свободных народов Европы, но окажутся верным залогом конечной победы против сил милитаризма и порабощения, которые суждено нашим обоим отечествам и их союзникам преодолеть. В ответ на Вашу ноту от 23-го марта [3]) я также имею честь высказать удовлетворение, с которым правительство узнало, что Ваше правительство считает договоры, обязательства и соглашения, заключенные прежним правительством России, связывающими его преемников, и уверяю Вас, что английское правительство будет со своей стороны считать себя, наравне

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 303.

[2]) См. стр. 466.

[3]) Нотой от 10/23 марта 1917 г. Набоков передал великобританскому правительству текст циркулярной телеграммы Милюкова от 4/17 марта за № 967.

с новым русским правительством, столь же связанным договорами, обязательствами и соглашениями, как оно было ими связано во время их заключения». Конец ноты.

Набоков.

CCCXVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 227. 18/31 марта 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 947 [1]).

Не имея известий от Палеолога об исполнении им предписания касательно заявления нам о признании Францией обязательности всех заключенных с Россиею соглашений, Рибо, по моей просьбе, телеграфировал ему, подтверждая сказанное предписание и приглашая его уведомить об исполнении оного.

Извольский.

CCCXIX.

Декларация временного правительства.

Граждане! Временное правительство, обсудив военное положение русского государства, во имя долга перед страной, решило прямо и открыто сказать народу всю правду.

Свергнутая ныне власть оставила дело обороны страны в тяжелом расстроенном положении. Своим преступным бездействием и своими неумелыми мерами она внесла разруху в наши финансы, в дело продовольствия и перевозок, в дело снабжения армии. Она подорвала наш хозяйственный строй.

Временное правительство при живом и деятельном содействии всего народа положит все силы на дело исправления этих тяжких последствий старого режима. Но время не ждет. Кровь многих сынов родины без меры лилась за эти два с половиною долгих года войны, но страна все еще остается под ударом сильного врага, захватившего целые области нашего государства и ныне, в дни рождения русской свободы, грозящего нам новым решительным натиском.

Оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага — первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа.

Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировою войной и ее окончанием, временное правительство считает своим правом и долгом ныне же

---

[1]) Очевидная ошибка в номере. В подлиннике против номера знак вопроса, заключенный в скобки. Повидимому, следует читать № 207.

заявить, что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своею целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе [1]). Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики временного правительства, неуклонно проводящей волю народную и ограждающей права нашей родины при полном соблюдении всех обязательств, принятых в отношении наших союзников.

Временное правительство свободной России не в праве скрывать истину от народа. Государство в опасности! Нужно напрячь все силы для его спасения. Пусть ответом страны на сказанную правду будет не бесплодное уныние, не упадок духа, а единодушный порыв к созданию единой народной воли. Она даст нам новые силы к борьбе и приведет нас к спасению.

В час сурового испытания пусть вся страна найдет в себе силы закрепить завоеванную свободу и отдаться неустанной работе на благо свободной России! Временное правительство, давшее торжественную клятву служить народу, твердо верит, что при общей и единодушной поддержке всех и каждого и само оно будет в состоянии выполнить свой долг перед страной до конца.

Министр-председатель кн. Г. Е. Львов.

27 марта/9 апреля 1917 г.

CCCXX.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 239. 29 марта/11 апреля 1917 г.

Оценивая положение России в настоящую минуту, здешние государственные люди на основании . . . . . военных и сообщений газетных корреспондентов, принимают во внимание следующие факторы.

---

[1]) Сообщение имеет в виду воззвание временного правительства к полякам от 16/29 марта 1917 г., обещавшее воссоздание независимого польского государства из русской, австрийской и германской Польши. Государственный строй его должно было установить по окончании войны польское учредительное собрание. С своей стороны, временное правительство заявляло, что русское учредительное собрание будет призвано дать свое согласие на уступку польских областей России будущему польскому государству. Следует иметь в виду, что в марте 1917 г. между Австрией и Германией были начаты новые переговоры о судьбе Польши. В апреле

С одной стороны, ими вполне сознается решающее влияние, которое переворот в России оказал на Америку [1]) и, стало быть, и материальное содействие, полученное союзниками в результате переворота. Правительство одушевлено искренним желанием оказать возможное, в пределах своих собственных средств и по соображении своих собственных нужд, содействие и помощь временному правительству России; готовность эта основана на полной вере в горячий патриотизм и политическую мудрость людей, ныне руководящих судьбами России. С другой стороны, существует вполне определенное опасение за устойчивость настоящего временного строя, вследствие имеющихся сведений о непримиримой позиции крайних партий. Военные представители доносят о продолжающейся агитации в войсках в пользу сепаратного мира, о прямом упадке производительности заводов, изготовляющих вооружение, о «временном бессилии» балтийского флота. Совокупность газетных известий указывает на «раздвоение власти», и до тех пор, пока не выяснится, что временное правительство имеет за собой единственную (. . . .) и способно парализовать вредное влияние крайних партий и их органа [2]), нельзя ожидать от английского общества полной уверенности в боевой мощи России. Считаю долгом сорести высказать Вам эти соображения, так как вынужден иметь их в виду при обсуждении со здешними государственными людьми наших неотложных и всеобъемлющих интересов и нужд. Общественное мнение и печать живейшим образом заинтересованы вопросом о Константинополе. По поводу появившегося в сегодняшних газетах текста объявления министра-председателя [3]) и заявления Керенского [4]) указывается на несогласованность как объявления, так и принципов, провозглашаемых Керенским, с заявлениями о соблюдении прежде заключенных соглашений с союзниками, а также с содержанием Вашего интервью по поводу Константинополя [5]). Обращаю Ваше внимание на сообщаемую сегодня агентством в Петроград передовую статью «Daily Mail» и прошу указаний.

Набоков.

в Гомбурге состоялось свидание обоих императоров. Присутствовавший при этом свидании австрийский министр иностранных дел, Чернин, убеждал Вильгельма II пойти на уступки в вопросе об Эльзас-Лотарингии, предлагая ему, в качестве компенсации, Польшу, в состав которой должна была войти и Галиция. В мае 1917 г. между обоими правительствами было достигнуто т. наз. «Крейцнахское» соглашение, по которому Австрия получала значительные приобретения на Балканах и в Румынии, но отказывалась от кондоминиума в Польше, уступая ее Германии.

[1]) С.-А. С. Штаты объявили войну Германии 6 апреля 1917 г.

[2]) т.-е. Советов.

[3]) См. стр. 476.

[4]) См. прим. 2 на стр. 468.

[5]) 9/22 марта Милюков принял представителей печати и дал им разъяснения в духе циркулярной телеграммы за № 967, при чем особенно подчеркнул обязательность для России и для ее союзниц всех заключенных до февральской революции соглашений. Затем он сообщил сведения о признании временного правительства различными государствами и указал на то, какое влияние может иметь русская революция на Германию, где, несомненно, усилятся пацифистские течения.

CCCXXI.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 279. 31 марта/13 апреля 1917 г.

Гюстав Эрвэ обсуждает сегодня наше правительственное воззвание в связи с заявлениями министра юстиции [1]) и усматривает в нем возможность отказа России от Константинополя. Эрвэ, который до сих пор энергично отстаивал наши права на Константинополь и Проливы, считает, что, в случае нашего отказа, нужно использовать создавшуюся таким образом конъюнктуру в целях сокращения войны путем сепаратного мира с Турцией. Из других газет тому же вопросу посвящают статьи «Echo de Paris», за подписью Эрбета, «Figaro», за подписью Полиба, то-есть Рейнака. И тот, и другой настаивают на том, что за нашим отказом вопрос о судьбе Константинополя остается открытым и требует особого внимания.

Севастопуло.

CCCXXII.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков послу в Париже А. П. Извольскому и поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 1447. 1/14 апреля 1917 г.

Сообщается в Рим.

Для Лондона: Ваша телеграмма № 239 получена.

За последнее время в английской и французской печати стали появляться статьи, в которых подробно обсуждаются некоторые заявления отдельных членов временного правительства, в связи с выступлениями крайних левых партий, в смысле, будто бы, нашего отказа от соглашения 1915 года о Константинополе и Проливах.

Последняя декларация временного правительства об основных началах нашей внешней политики упоминает, между прочим, о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников». В виду того, что эти обязательства являются двусторонними, мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях.

Кроме крайних социал-демократических органов, агитация которых в настоящее время в значительной мере ослаблена и подорвана означенной декларацией, вся серьезная печать и широкие общественные круги России стоят на вышеуказанной нашей точке зрения, находящей себе также сочувственный отклик в армии.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 468

Благоволите, не делая официальных заявлений, руководствоваться этими соображениями в Ваших объяснениях и беседах с представителями местной прессы и общественного мнения.

Милюков.

CCCXXIII

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 285. 1/14 апреля 1917 г.

Ссылаюсь на мой № 279.

Под влиянием дружественного воздействия министра иностранных дел, большинство газет продолжает воздерживаться от комментариев нашего правительственного воззвания и указанных в нем наших намерений относительно Константинополя и Проливов. Здесь отлично сознают, что установление нормальных условий не может последовать немедленно после столь внезапного и коренного переворота, какой был у нас, и что все, что будет заявляемо ныне, не может иметь окончательного характера.

Севастопуло.

CCCXXIV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 259. 4/17 апреля 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1447.

В связи с телеграммой генерала Гермониуса [1]) военному министру о причинах колебаний здешнего правительства и задержек в разрешении нам кредитов и поставок, считаю долгом высказать нижеследующие соображения. Последняя декларация временного правительства [2]) не вполне рассеяла опасения здешнего правительства и печати в том, что совершившийся в России переворот, идейно сблизивший ее с союзниками, в то же время вызвал различие во взглядах на практические последствия победы, которая будет одержана общими силами. На ряду с заявлением о «полном соблюдении обязательств» декларация содержит указание на то, что Россия «не лишит народы их национального достояния и не займет силою иностранной территории». В этом заявлении правительство и печать усматривают отказ от права на Константинополь и иные территориальные приобретения, выговоренные

---

[1]) Ген. Гермониус во время мировой войны стоял во главе специальной миссии, закупавшей за границей военное снаряжение для русской армии сначала в Японии, а затем в Англии. О причинах «колебаний и задержек» говорит в своих воспоминаниях великобританский военный агент в Петрограде ген. Нокс, сообщающий, что им в середине марта 1917 г. была отправлена английскому военному ведомству телеграмма с просьбой задержать военное снаряжение, заготовленное для России. («With the Russian Army», v. II, c. XIX, p.p. 575 и сл.).

[2]) См. стр. 476.

соглашением, и указание на готовность России заключить мир «без аннексий». Между тем, представляется несомненным, что ни Англия, ни Франция, ни Италия не могут принять этого принципа и отказаться от сохранения за собою земель, уже завоеванных, или тех, которые они хотят оставить за собою по мирному договору. Я воздерживаюсь от официальных заявлений; в объяснениях же моих с здешними представителями прессы и общественного мнения буду руководствоваться Вашими указаниями; весьма желательно было бы иметь подлинный русский текст декларации. То, что русские левые партии называют Вашим «империализмом», толкуется здесь как подлинно государственная точка зрения на истинные жизненные интересы России. Но я не могу не высказать убеждения, что только вполне определенное заявление правительства о том, что Россия твердо намерена в согласии с союзниками обеспечить безопасность Черного моря и свободный выход через Проливы,—сможет вселить уверенность, что принцип «мира без аннексий» принимается нами не безусловно, поскольку не противоречит нашим жизненным интересам.

Набоков.

CCCXXV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 317. 12/25 апреля 1917 г.

Весьма доверительно.

Вчера разговор мой с Рибо коснулся также общего военного [1]) и политического положения [2]). На мой вопрос об истинном положении дела на здеш-

---

[1]) Извольский имеет в виду наступление, предпринятое союзным командованием на западном фронте в апреле 1917 г. (4-ое сражение на р. Эн). План его был выработан в общих чертах в ноябре 1916 г. на межсоюзнической конференции в Шантильи. Выполнение его было поручено преемнику маршала Жоффра, ген. Нивелю, выдвинувшемуся при защите Вердена. Ген. Нивелю была поставлена задача: 1) прорвать германский фронт и 2) вынудить противника к эвакуации французской и бельгийской территорий. Наступление, начавшееся 16 апреля 1917 г., сопровождалось крупными жертвами и было прервано до достижения существенных успехов. В качестве причин неудачи указывались с разных сторон: 1) личные ошибки ген. Нивеля, не сумевшего выбрать надлежащий пункт для прорыва, 2) необходимость перестроить план наступления, в связи с контр-маневром фельдмаршала Гинденбурга (отход на линию Зигфрида), 3) недоверие к ген. Нивелю армии и кабинета (против плана атаки высказались английский главнокомандующий ген. Дуглас Хэг, Ллойд Джордж, французский военный министр Пэнлевэ и многие французские генералы), 4) несогласованность действий французских и английских войск, 5) общий политический кризис в стране и в армии и 6) пассивность русской армии. Наступление было приостановлено 25 апреля. Через несколько недель ген. Нивель был смещен и заменен ген. Петеном. Следует, однако, заметить, что в общем ходе кампании апрельское наступление сыграло несомненную роль, так как ослабило силу сопротивления германской армии.

[2]) После неудачи апрельского наступления положение кабинета Рибо, сформированного в марте 1917 г. (см. прим. 5 на стр. 471), значительно пошатнулось.

нем фронте председатель совета министров с полною откровенностью и видимой грустью ответил, что он лично «на половину» доволен результатами предпринятого наступления. «Не могу скрыть, — сказал он, — что были сделаны ошибки и что генералу Нивелю ставятся в упрек напрасные и слишком большие потери». Досаднее всего, что печать слишком громко возвестила о начале наступления и вызвала слишком большие надежды, сменившиеся в публике чувством разочарования. Ныне ясно, что настоящее наступление не может дать решительных результатов; оно будет продолжаться прежде всего с целью закрепления взятых позиций: но оно не может привести к окончанию войны, которое будет зависеть не только от материальных, но и от моральных факторов. В этом последнем отношении следует отметить настойчивую агитацию наших противников в пользу мира, что указывает на крайнюю их усталость. В том же направлении происходит агитация и в некоторых здешних кругах — главным образом, газетных, — при этом почередно указывается на желательность и возможность завести переговоры о мире с Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Вопрос об австро-венгерских мирных предложениях [1]) обсуждался на совещании в Савойе [2]),

---

В политических кругах стали раздаваться голоса в пользу мира. К этому присоединились беспорядки на заводах и армии, вызванные продовольственным и экономическим кризисом, а также недоверием к верховному командованию.

[1]) 30 марта австрийский министр иностранных дел, Чернин, в беседе с представителем «Fremdenblatt», также заявил о желании Австрии вступить в переговоры с Россией. Несколько позднее эти заявления были подтверждены германским и австрийским официозами «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и «Korrespondenz Bureau», указавшими, что в декларации временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г. и в заявлениях государственных деятелей Австрии и Германии нет особого расхождения во взглядах. Требования австро-германской коалиции были установлены 27 марта специальным соглашением, подписанным в Вене. Эвакуации австро-германскими войсками занятых ими территорий должно было предшествовать восстановление союзниками «status quo ante bellum». Эвакуации вообще не подлежали большая часть Румынии и Польши, отходившие к центральным державам. Любопытно отметить, что Рибо, говоря об австрийских мирных предложениях России, ни словом не упоминает о письме имп. Карла к его шурину, принцу Сиксту Бурбонскому, написанном в марте 1917 г. Переданное президенту Пуанкарэ 31 марта и сообщенное тогда же Рибо, письмо это содержало в себе следующие предложения: имп. Карл 1) признавал законность притязаний Франции на Эльзас-Лотарингию; 2) соглашался с точкой зрения союзников в бельгийском вопросе и 3) указывал, что с Сербией и Россией можно добиться соглашения, при чем Сербию Австро-Венгрия обещала восстановить в качестве независимого государства и предоставить ей выход к Адриатике. Предложение это, не содержавшее в себе никаких указаний на будущую судьбу румынских и итальянских владений Австро-Венгрии, а также оставлявшее открытым вопрос о Польше, не получило прямого ответа. Опубликование в апреле 1918 г. французским правительством письма им. Карла вызвало отставку Чернина и замену его Бурианом.

[2]) Совещание в Сен-Жан де-Мориен (Савойя) 6/19 апреля 1917 г. занималось обсуждением вопросов: 1) греческого, 2) об острове Корфу и 3) малоазиатского. В совещании принимали участие Ллойд-Джордж, Рибо, председатель итальянского совета министров, Бозелли, и Соннино. Решения, принятые на конференции, сводились к следующему: 1) кабинеты заявили о своей незаинтересованности

где было предложено, что пойти навстречу этим предложениям было бы нежелательно и опасно. Почву для мира с Австрией нельзя найти уже потому, что Италия не может допустить никакого умаления своих требований. Я заметил на это, что не вижу возможности и для России найти почву для соглашения с Австрией. Дело о привлечении Болгарии находится всецело в руках русского правительства; он, Рибо, искренно сочувствует этой попытке, но относится скептически к возможности ее успеха [1]). Наконец, Турция, несомненно, проявляет страстное желание мира, но на этом пути препятствием являются данные России обещания касательно Константинополя; Россия недавно еще раз подтвердила свое требование о присоединении Константинополя, и Франция останется безусловно верною своему обещанию. Даже если бы Россия отказалась от Константинополя и если бы Германия обязалась возвратить ей все занятые ею части ее территории, то и это вряд ли подвинуло бы дело мира, ибо после принесенных жертв и беспримерных опустошений, произведенных германцами на французской территории, Франция не могла бы удовлетвориться даже возвращением ей Эльзаса и Лотарингии, а обязана требовать достаточно гарантий для будущего. Все это приводит Рибо к убеждению, что ни ход военных действий на здешнем театре, ни открытие каких бы то ни было мирных переговоров не способны привести в близком будущем к миру. Считаю долгом в заключение оговорить, что длинная беседа (моя) с Рибо носила непринужденный характер и что на вышеизложенные слова, воспроизведенные мною со всею возможною точностью, следует смотреть не как на формальные заявления, а как на отражение общего настроения престарелого французского премьера.

Извольский.

в вопросе об острове Корфу, 2) за французским правительством была признана свобода действия в Греции, при чем допускалась возможность свержения короля Константина, и 3) в малоазиатском вопросе, в связи с притязаниями Италии на город Смирну, было указано, что вопрос этот должен быть разрешен сообща 4 державами. Кроме того, конференция отвергла косвенные мирные предложения Австро-Венгрии России. (Документы о конференции в Савойе опубликованы в «Разделе Азиатской Турции», стр. 318 и сл.).

[1]) Переговоры между державами Согласия и Болгарией были начаты в январе 1917 г. по инициативе болгарских политических кругов. Они велись одновременно в Скандинавских странах (переговоры российского посланника в Христиании Гулькевича с Ризовым) и в Берне (переговоры Мандельштама с отдельными болгарскими деятелями, приезжавшими в Швейцарию). Державы анти-германской коалиции относились к этим переговорам различно. Россия, к которой обратились со своими мирными предложениями болгары, возлагала на них большие надежды; Англия высказывалась сочувственно; Франция советовала придерживаться большей осторожности, Италия относилась отрицательно. При временном правительстве переговоры продолжались, но утратили свое значение. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1917 г.).

CCCXXVI.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1703 17/30 апреля 1917 г.

Лично.

Доверительно. Приезд Альбера Тома совпал с возобновлением настояний совета рабочих депутатов перед правительством о превращении изданного правительством воззвания к гражданам о целях войны [1]) в дипломатический документ, который бы послужил поводом к пересмотру взглядов союзников на задачи войны. Вызванный на обмен мнений с Керенским и Черновым, Тома заявил, что официально французскому правительству воззвание неизвестно, чем укрепил в своих собеседниках желание довести официально воззвание правительства до сведения союзных держав. В моем частном и конфиденциальном разговоре с Тома, я обратил его внимание на то, что воззвание имеет характер компромисса между двумя течениями, что официальное обращение к союзникам было бы невозможно без выяснения точного смысла воззвания и что в случае, если бы воззвание было объяснено, как предложение союзникам отказаться от «аннексий и контрибуций», я не думаю, чтобы Тома мог признать возможность такого пересмотра в качестве французского министра. Тома ответил, что он вновь поговорит с Керенским и изложит ему официальную точку зрения своего правительства на невозможность пересмотра. Это было сделано, но практического успеха уже не имело. Между тем, Палеолог, осведомившись стороною о происходящих трениях, сообщил своему правительству, как он сам мне сказал при свидании, о желательности сделать немедленно формальное заявление о невозможности пересмотра союзных соглашений. Сделанное во-время такое заявление могло бы принести пользу в смысле выяснения положения, но в настоящее время оно опоздало. В виде компромисса, Тома несколько дней тому назад предложил мне передать воззвание правительства союзным государствам. Я ответил, что сделаю это лишь в том случае, если буду уверен, что содержание воззвания не вызовет никаких недоразумений, в частности относительно нашего согласия будто бы отказаться от Проливов. Вчера я вновь видел Тома и, со своей стороны, указал ему на возможность передачи воззвания союзникам с моей препроводительной бумагой [2]), которая устранит возможность истолкования воззвания во вред нам. Этот возможный для меня компромисс в ближайшее время подвергнется обсуждению в правительстве. Обращаю Ваше внимание на то, что беседы Тома с нашими левыми элементами здесь и сделанные последними выводы, во всяком случае, уже изменили фактически положение, за каковое изменение часть ответственности падает на Тома.

Милюков.

---

[1]) См. стр. 476.

[2]) Препроводительная бумага — циркулярная телеграмма Милюкова от 18 апреля/1 мая 1917 г. (см. стр. 485).

CCCXXVII.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков дипломатическим представителям России при союзных державах.

Телеграмма.

№ 1721. 18 апреля/1 мая 1917 г.

№ 1. Благоволите передать правительству, при коем Вы аккредитованы, сообщаемую Вам за № 2 ноту с приложением сообщаемого за № 3 текста правительственного сообщения от 27 марта [1]).

Милюков.

CCCXXVIII.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков дипломатическим представителям России при союзных державах.

Циркулярная телеграмма.

№ 1721. 18 апреля/1 мая 1917 г.

№ 2. «27 марта сего года временное правительство опубликовало обращение к гражданам, в котором содержится изложение взглядов правительства свободной России на задачи настоящей войны. Министр иностранных дел поручает мне сообщить Вам означенный документ и высказать при этом следующие замечания. Враги наши в последнее время старались внести раздор в междусоюзные отношения, распространяя вздорные сообщения, будто Россия готова заключить сепаратный мир с срединными монархиями. Текст прилагаемого документа лучше всего опровергает подобные измышления.

Вы усмотрите из него, что высказанные временным правительством общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран и которые нашли себе особенно яркое выражение со стороны нашего нового союзника, великой заатлантической республики, в выступлениях ее президента. Правительство старого режима, конечно, не было в состоянии усвоить и разделить эти мысли об освободительном характере войны, о создании прочных основ для мирного сожительства народов, о самоопределении угнетенных национальностей и т. п. Но Россия, освобожденная, может в настоящее время заговорить языком, понятным для передовых демократий современного человечества, и она спешит присоединить свой голос к голосам союзников. Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии заявления временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию

---

[1]) Текст правительственного сообщения, см. стр. 476.

общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче— отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины. Само собой разумеется, как это и сказано в сообщаемом документе, временное правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников. Продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны в полном согласии с союзниками, оно совершенно уверено в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем» [1]).

CCCXXIX.

Официальное сообщение временного правительства.

В виду возникших сомнений по вопросу о толковании ноты министра иностранных дел, сопровождающей передачу союзным правительствам декларации временного правительства о задачах войны (от 27 марта) [2]), временное правительство считает нужным разъяснить:

1) Нота министра иностранных дел была предметом тщательного и продолжительного обсуждения временного правительства, при чем текст ее принят единогласно.

2) Само собою разумеется, что нота эта, говоря о решительной победе над врагами, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта и выражены в следующих словах: «Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своею целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе. Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах».

3) Под упоминаемыми в ноте «санкциями и гарантиями» прочного мира временное правительство подразумевало ограничение вооружений, международные трибуналы и проч.

Означенное разъяснение будет передано министром иностранных дел послам союзных держав.

22 апреля/5 мая 1917 г.

---

[1]) Это сообщение было передано великобританскому, итальянскому и французскому правительствам 20 апреля /3 мая 1917 г.

[2]) См. стр. 476.

CCCXXX.

Нота итальянского министра иностранных дел бар. С. Соннино российскому министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

(С копии) [1]).

Я имел честь получить ноту от 20 апреля/3 мая 1917 г. № 766 [2]), коею Вы изволили сообщить мне воззвание, с которым русское временное правительство обратилось 27 минувшего марта к гражданам и в котором оно изложило взгляды правительства свободной России на цели настоящей войны.

С чувством живейшего удовлетворения королевское итальянское правительство ознакомилось с заявлениями русского правительства, которое дает этим новое доказательство непоколебимой воли, воодушевляющей славную русскую нацию, довести мировую войну до решительной победы.

Королевское правительство приняло равным образом к сведению, что Россия решила усугубить свои усилия к освобождению отечественной территории и к восстановлению Польши в ее единстве и независимости.

Заявления эти не преминут отразить попытку наших врагов посеять сомнения на счет намерений России. Самое искреннее и прочное согласие со своими союзниками даст свободной России драгоценный залог для ее общего развития. При этом условии Россия, в полном согласии со свободными и демократическими нациями мира, являющимися ее союзниками, достигнет цели — создать твердую основу для прочного мира, который обеспечит миру эру справедливости и свободы.

С своей стороны, Италия вступила в войну во имя торжества священных принципов свободы народов и обеспечения своей независимости. Всякий дух завоевания и властвования исключен из ее политики. Италия, национальная конституция коей вдохновляется демократическими принципами, радостно приветствует заявление, которое русское правительство поручило Вам сообщить мне, и высказывает через мое посредство твердую веру в конечную победу над нашими общими врагами [3]).

Примите и проч.

С. Соннино.

10 мая 1917 г.

CCCXXXI.

Декларация временного правительства.

Преобразованное и усиленное новыми представителями революционной демократии, временное правительство заявляет, что оно будет с полной решительностью проводить в жизнь идеи свободы, равенства и братства, под знаменем которых создалась великая российская революция. Временное пра-

---

[1]) Перевод, сделанный в министерстве иностранных дел с французского яз.

[2]) См. прим. 1 на стр. 486.

[3]) Нота была опубликована временным правительством 5/18 июня 1917 г.

вительство объединено в особенности нижеследующими основными чертами предстоящей ему деятельности:

1. Во внешней политике временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятие у них национального их достояния, ни насильственный захват чужих территорий,—мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. В твердой уверенности, что с падением в России царского режима и утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике для союзных демократий создался новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, временное правительство предпримет подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе декларации временного правительства от 27 марта [1]).

2. В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всею силою своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и в наступательных действиях будут являться важнейшей задачей временного правительства.

3. Временное правительство будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов и в необходимых случаях прибегнет и к организации производства.

4. Мероприятия по всесторонней защите труда получат дальнейшее энергичное развитие.

5. Предоставляя учредительному собранию решить вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные работы, временное правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны и чтобы регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения.

6. Стремясь к последовательному переустройству финансовой системы на демократических началах, временное правительство обратит особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов (наследственный налог, обложение военной сверх-прибыли, поимущественный налог и т. п.).

7. Работы по введению и укреплению демократических органов самоуправления будут продолжены со всею возможной настойчивостью и спешностью.

8. Равным образом временное правительство приложит все усилия к скорейшему созыву учредительного собрания в Петрограде.

---

[1]) См. стр. 476.

Ставя своею целью решительное проведение в жизнь вышеуказанной программы, временное правительство категорически заявляет, что его плодотворная работа возможна лишь при условии полного и безусловного к нему доверия всего революционного народа и возможности осуществлять на деле всю полноту власти, столь необходимой для закрепления завоеваний революции и дальнейшего их развития.

Обращаясь ко всем гражданам с решительным и настойчивым призывом к сохранению единства власти, осуществляемой временным правительством, последнее заявляет, что для спасения родины оно примет самые энергичные меры против всяких контр-революционных попыток, как и против анархических неправомерных и насильственных действий, дезорганизующих страну и создающих почву для контр-революции. Временное правительство верит, что на этом пути оно встретит решительную поддержку всех, кому дорога свобода России [1]).

Министр-председатель и министр внутренних дел: кн. Г. Е. Львов.

(Следуют подписи членов коалиционного кабинета).

6/19 мая 1917 г.

CCCXXXII.

Нота великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел М. И. Терещенко.

(С копии) [2]).

Согласно с инструкциями, полученными от моего правительства, имею честь сделать вашему превосходительству следующее сообщение:

3 мая правительство его величества получило через русского поверенного в делах ноту от русского правительства с заявлением об его политике в связи с войной.

В прокламации к русскому народу [3]), приложенной к ноте, сказано, что «свободная Россия не имеет своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственного захвата чужих территорий». Британское правительство сердечно разделяет таковое чувство. Оно не вступило в эту войну, как в войну завоевательную, и не для какой-либо подобной цели продолжает ее. Целью его вначале было защитить существование своей страны и принудить к уважению международных обязательств. К таковым задачам прибавлена ныне задача освобождения народностей, угнетенных чужой тиранией. Поэтому британское правительство сердечно радуется, что свободная Россия объявила намерение свое осво-

---

[1]) Декларация временного правительства была передана российским дипломатическим представителям заграницей циркулярной телеграммой за № 2050 от 6/19 мая 1917 г.

[2]) Перевод с английского, сделанный в министерстве иностранных дел.

[3]) См. прим. 1 на стр. 486.

бодить Польшу,—не только Польшу, управляющую старым русским самодержавием, но равным образом и Польшу, входящую в пределы германских империй [1]). В этом предприятии британская демократия желает России божьей помощи.

Не менее радуется британское правительство раскрепощению обширных частей Армении из-под отвратительного турецкого управления и верит, что целокупная Армения равным образом освобождена будет от гнета [2]). Арабы Геджаса освободились собственными усилиями, а те, которые населяют Месопотамию, обязаны своим освобождением британскому оружию [3]). Никто не может желать, чтобы в том или другом случае народы эти стали снова подчиненными турецкой власти. Почти столь же прискорбно было бы, если бы туземные населения германских колоний, занятых британскими силами, возвращены были германскому правительству, со всею его военною надменностью и жестокостью. И не легко было бы объяснить поводы такого действия британским демократиям в Австралии или южной Африке. В Европе у британского правительства нет территориальных вожделений, но оно признает претензии своих союзников,—претензии, имеющие своим предметом не расширение территории, а безопасность и восстановление. Национальное мученичество Бельгии, Сербии и Черногории громко взывает о возмездии. С территорий Франции и Румынии завоеватель должен быть изгнан. В конечном мире те провинции, население коих связано с нашими союзниками узами проис-

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 477.

[2]) По соглашению 1916 г., заключенному между Россией, Францией и Великобританией (обмен нот от 13/26 апреля и от 17/30 мая—1/14 сентября), Армению предполагалось разделить на две части: восточную, отходившую к России, с городами Эрзерумом, Трапезондом, Ваном и Битлисом, и западную—французскую, с городами Зейтуном, Хаджином, Диарбекиром и Сивасом. (См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 152 и сл.). Ст. ст. 88—93 Севрского договора от 10 августа 1920 г. была образована независимая Армения, мандат на управление которой мирный конгресс предполагал вручить С.-А. С. Штатам. Однако, ознакомившись на месте с положением вещей, присланная из Вашингтона специальная комиссия установила, что мандат по управлению Арменией был бы сопряжен с чрезвычайными расходами, не окупавшимися природными богатствами страны. Вследствие этого правительство С.-А. С. Штатов отклонило мандат, от которого, в свою очередь, отказались Франция и Великобритания.

[3]) Еще летом 1915 г. шериф Мекки Гуссейн-ибн-Али вступил в переговоры с великобританским дипломатическим представителем в Каире Мак-Магоном, запрашивая, какие территориальные компенсации предоставят ему союзники в случае его перехода на их сторону. При этом он требовал признания за ним всей территории, населенной арабами, не только в Аравии, но и в Сирии, Палестине и Месопотамии. Англичане дали уклончивый ответ, позволявший, однако, рассчитывать на выполнение после войны требований шерифа. В июне 1916 г. арабы подняли восстание и присоединились к союзникам, после чего, в ноябре того же года, Гуссейн-ибн-Али провозгласил себя «королем арабов». Что касается жителей Месопотамии, то их «освобождение» было произведено войсками ген. Мода, взявшими в феврале 1917 г. Багдад. Фактически, однако, и в том, и в другом случае «освобожденные» области оказались закрепленными за Англией, так как, по англо-французскому договору от 16 мая 1916 г., южная Месопотамия была присоединена к английским владениям на Персидском заливе, а большая часть Аравии включена в сферу английского влияния (см. «Раздел Азиатской Турции», стр. 154 и сл.).

хождения и симпатий, подлежали бы воссоединению с ними [1]). Прежде всего мы должны искать и в Европе, и в Азии установления такого порядка, который обеспечит народам счастье и удовлетворение и отнимет всякие законные поводы к будущей войне. Одним словом, британское правительство сердечно объединяется с русским своим союзником в своем принятии и одобрении принципа, который изложен президентом С.-А. С. Штатов в историческом его послании к американскому конгрессу [2]).

Таковы задачи, за которые сражаются британские народы. Таковы принципы, коими руководствуется и будет руководствоваться их военная политика. Британское правительство считает, что в общих чертах соглашения, заключавшиеся им от времени до времени с союзниками, сообразуются с указанными рамками. Но если русское правительство того желает, британское правительство совершенно готово со своими союзниками исследовать и, если нужно, пересмотреть эти соглашения [3]).

Примите и проч.

Бьюкенен.

24 мая 1917 г.

CCCXXXIII.

Нота французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел М. И. Терещенко.

(С копии) [4]).

Правительство французской республики приняло к сведению с чувством полного удовлетворения декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля, переданную ему российским послом.

Правительство республики разделяет полную веру временного правительства в восстановление политической, экономической и военной мощи страны. Оно не сомневается, что провозглашенные меры, имеющие целью улучшить условия, при которых русский народ намерен продолжать войну до победы над врагом, более чем когда либо угрожающим его национальному достоянию, позволят ему прогнать врага из своей земли, окончательно укрепить вновь завоеванную свободу и принять, таким образом, деятельное участием в совместной борьбе союзников. Таким образом будут сведены на нет усилия,

---

[1]) Территории эти перечислены в ответной коллективной ноте союзных держав правительству С.-А. С. Штатов от 28 декабря 1916 г./10 января 1917 г. (См. прим. 2 на стр. 303).

[2]) От 2 апреля 1917 г.

[3]) Нота великобританского посольства в Петрограде от 24 мая 1917 г. была опубликована российским правительством 26 мая/8 июня 1917 г. в измененном виде: 1) Опущена часть ноты, начиная со слов: «Не менее радуется...» и до «подлежали бы воссоединению с ними» и 2) фраза: «Прежде всего мы должны искать и в Европе, и в Азии установления такого порядка...» в опубликованном тексте читается: «Прежде всего мы должны искать установления такого порядка...».

[4]) Перевод с французского, сделанный в министерстве иностранных дел.

постоянно возобновляемые нашим противником, с целью посеять раздор между союзниками и укрепить самые ложные слухи об их взаимных решениях.

Вполне доверяя чувствам своей старой и верной союзницы, французское правительство счастливо чувствовать себя вполне солидарным с русским правительством и народом в принципах, которые вдохновляли русскую политику во время настоящего конфликта.

Франция не помышляет притеснять ни одного народа, ни одной национальности, находящейся даже ныне в числе ее врагов, но она желает, чтобы гнет, так долго тяготевший над миром, был, наконец, уничтожен и чтобы были наказаны те, кто содеял преступления, покрывшие позором наших врагов в этой войне. Предоставляя своим врагам захватные корыстные помыслы, которыми они вдохновляются как в мирное, так и в военное время, Франция никогда не захочет отнять у законных обладателей их территории.

После того, как все ее усилия, направленные к сохранению мира, были отвергнуты, Франция была принуждена ответить оружием на самое неправое нападение; она вступила в войну только для защиты своей свободы и национального достояния и для обеспечения в будущем всему миру уважения к независимости народов.

Как сама Россия провозгласила восстановление полной независимости Польши [1]), так точно и Франция с восторгом приветствует усилия народов, делаемые в разных частях мира,—народов, еще находящихся в оковах зависимости, осужденной историей.

Какова бы ни была цель: будь то приобретение или возвращение национальной свободы, утверждение прав на уважение старой цивилизации или свержение германской тирании, столь сильно тяготевшей над менее передовыми народами, — Франция видит окончание войны лишь в победе права и справедливости.

Что же касается самой Франции, то она желает возвращения верных и преданных ей областей Эльзаса и Лотарингии, которые некогда были от нее отторгнуты путем насилия [2]). Она будет сражаться со своими созниками до победы, дабы обеспечить за Эльзасом и Лотарингией полное восстановление их территориальных прав, а также политической и экономической самостоятельности; кроме того, она желает возмещения убытков за столь бесчеловечные и неоправдываемые опустошения, а также необходимых гарантий для предупреждения в будущем несчастий, причиняемых непрестанной провокацией наших врагов.

Правительство республики продолжает, так же как и русский народ, быть уверенным, что, только проникнутая этими принципами, русская внешняя политика достигнет той цели, которую себе ставит народ, воодушевленный чувством права и свободы, и что только после победной борьбы союзники смогут создать прочный и длительный мир на основах права.

Российское временное правительство может быть уверено, что французское правительство исполнено желания прийти с ним к соглашению не

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 477.

[2]) По франкфуртскому мирному договору от 10 мая 1871 г.

только по вопросу о способах продолжения войны, но также и об ее окончании, путем изучения и установления, с общего согласия, условий, при которых союзники могут рассчитывать на достижение окончательного решения, согласованного с теми идеями, которыми они руководились при ведении настоящей войны [1]).

26 мая 1917 г.

CCCXXXIV.

И. об. российского посла в Париже А. П. Извольский [2]) министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 437. 14/27 мая 1917 г.

А. Тома, вероятно, уже передал Вам ответ французского правительства на прокламацию временного правительства от 9 апреля. Некоторое запоздание этого ответа объясняется тем, что содержание его обсуждалось между парижским и лондонским кабинетами и текст его несколько раз подвергался поправкам и изменениям. Опубликование его состоится, вероятно, лишь после того, как французское правительство осведомится о впечатлении, которое оно произведет на временное правительство, и если бы против этого не было возражений с Вашей стороны.

Извольский.

---

[1]) Нота французского правительства от 26 мая 1917 г. русской печати сообщена не была. Вместо нее была опубликована нота французского посольства в Петрограде от 7 июня, передающая текст резолюции, принятой палатой депутатов 4 июня. Выражая твердую уверенность, что Эльзас-Лотарингия будет возвращена Франции, палата вместе с тем, «отстраняя от себя всякую мысль о завоевании и порабощении чужих народов, рассчитывала, что усилия армии республики и союзных армий дозволят по низвержении прусского милитаризма достичь прочных гарантий мира и независимости для великих и малых народов в организации сообщества наций, ныне же подготовленного». (Опубликована российским правительством 26 мая/8 июня 1917 г.).

[2]) Положение Извольского при временном правительстве представлялось весьма непрочным. Хотя телеграммой за № 1135 от 15/28 марта новый министр иностранных дел, Милюков, и просил Извольского остаться на занимаемом им посту, однако, в апреле 1917 г., в связи с уходом Палеолога, был поднят вопрос о назначении нового российского посла в Париже, о чем товарищ министра иностранных дел, Нератов, с «чувством глубокого огорчения» известил Извольского особой телеграммой за № 1893 от 27 апреля/10 мая. Последовавший за этим правительственный кризис и отставка Милюкова окончательно решили судьбу Извольского. Вновь назначенный министром иностранных дел Терещенко, тотчас же по вступлении в должность, известил Извольского о том, что временное правительство решило назначить послом в Париже члена государственной думы Маклакова. (Телеграмма за № 2067 от 8/21 мая 1917 г.). До его прибытия Извольскому было присвоено наименование и. об. посла, но уже 17/30 мая он получил предписание сдать дела б. советнику посольства Севастопуло, незадолго до этого назначенному российским посланником в Копенгагене. (Телеграмма за № 2241 от 17/30 мая 1917 г.).

CCCXXXV.

И. об. российского посла в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 441. 16/29 мая 1917 г.

Весьма доверительно.

Сделанное Вами представителям русской печати заявление [1]), что немедленное опубликование соглашений, заключенных прежним режимом с союзниками, может привести к разрыву с последними и к изолированию России, подало повод в здешних политических и журналистских кругах к толкованию, будто бы имелись в виду соглашения, заключенные еще до войны. На этой почве возникла агитация против президента республики, который, будто бы, самолично заключил подобные соглашения с бывшим императором и тем способствовал возникновению войны. Кроме того, г. Пуанкарэ обвиняется в том, что он, вместе с г. Делькассэ, слишком поспешил дать России согласие на присоединение Константинополя и увлек за собою Англию, которая будто бы противилась подобному решению. Хотя агитация эта покуда исходит от отдельных личностей, я мог убедиться из разговоров с Пуанкарэ, что он относится к ней весьма нервно, тем более, что он не мог сделать по настоящему поводу никаких сообщений или разъяснений, из боязни вызвать осложнения в Петрограде. Считаю долгом заметить, что утверждение, будто Франция

---

[1]) Заявление Терещенко представителям печати было сделано 6/19 мая 1917 г. Приводим в выдержке ту часть его, где говорится об опубликовании договоров. «Я знаю,—заметил Терещенко,—что есть один вопрос, который волнует многочисленные группы русской демократии: вопрос о договорах, заключенных старым порядком, господствовавшим в России. Вопрос этот будит страсти. Но я все же считаю нужным коснуться его и сполна и правдиво высказать свой взгляд, ибо русский народ в праве ждать и ждет от временного правительства только слов правды. Русская демократия боится, что, связанная этими старыми договорами, она будет вынуждена служить чуждым для нее целям захвата, и это тревожит ее революционную совесть, разбивает ее порыв и энтузиазм. Поэтому раздаются требования немедленного опубликования всех договоров, заключенных старой властью. Я думаю, что в этом случае чувства, внушающие подобные требования, великодушны, но я убежден, что вопрос поставлен совершенно неправильно, и это должна понять русская демократия. Немедленное опубликование договоров будет равносильно разрыву с союзниками, изоляции России. Подобный шаг неизбежно приведет к сепаратному положению России и будет предверием сепаратного мира... На основе общения должно расти взаимное доверие союзников друг к другу, которое позволит временному правительству предпринять шаги к соглашению с союзниками на основе декларации его от 27 марта. Я употреблю все усилия, чтобы ускорить процесс сближения, взаимного понимания и согласия. Но, чтобы добиться в этом успеха, свободная Россия должна доказать, что она верно выполняет основное обязательство, взятое на себя перед союзниками,—обязательство объединенной борьбы и взаимной помощи».

первая дала нам формальное согласие на аннексию Константинополя, фактически не верно, доказательством чему может служить телеграмма г. Сазонова ко мне от 5/18 марта 1915 года за № 1226 [1]).

Извольский.

CCCXXXVI.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко и. об. посла в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 2238. 17/30 мая 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 437 [2]).

Для нас представлялось бы существенно важным быть осведомленным о том, в каком именно направлении вносились изменения в текст французского ответа на декларацию временного правительства от 9 апреля во время совместного обсуждения этого проекта между парижским и лондонским кабинетами. В частности, какое влияние оказывали в этом деле англичане на французов. Постарайтесь самым осторожным образом выяснить настоящий вопрос и о последующем телеграфируйте [3]).

Терещенко.

CCCXXXVII.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино посланнику в Румынии бар. К. Фашотти.

Шифрованная телеграмма [4]).

3 июня 1917 г.

Телеграмма-кабинет-№ 852.

Ответ на Вашу телеграмму-кабинет-№ 221.

Я не получил до сих пор никакой информации касательно официального выступления российского правительства перед союзниками относительно пересмотра заключенных соглашений. Об этом много говорили в Петрограде, но российское правительство, повидимому, не хотело брать ответственности за такое начинание, которое могло бы прежде всего отразиться на уступках, сделанных союзниками в отношении Константинополя.

Королевское правительство не может допустить никакого пересмотра заключенных ранее с союзниками договоров, который отразился бы на преимуществах, по праву приобретенных им фактом своего вступления в войну, и, следовательно, оно находится в условиях, совершенно тождественных с Румынией [5]).

---

[1]) См. стр. 282.

[2]) См. стр. 493.

[3]) Извольский не успел выполнить возложенного на него Терещенко поручения, так как 20 мая/2 **июня сдал дела Севастопуло.** (См. прим. 2 на стр. 493).

[4]) Перев. с фр.

[5]) В апреле 1917 г. сербское правительство решило возбудить через своих военных представителей при Ставке вопрос о пересмотре союзного договора, за-

CCCXXXVIII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло [1]) министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 465. 21 мая/3 июня 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 2238 [2]).

Насколько удалось выяснить, текст французского ответа не был, собственно говоря, изменен при обсуждении между французским и английским правительствами; эти правительства ограничились предварительным сообщением друг другу ответа, который каждое из них должно было дать на нашу ноту.

Севастопуло.

ключенного между Румынией и державами антигерманской коалиции 4/17 августа 1916 г., в части его, касающейся предоставления Румынии Баната. По этому поводу российским министром иностранных дел, Милюковым, была отправлена и. об. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомадующего, Трубецкому, следующая телеграмма: «По имеющимся у нас сведениям, сербское правительство, в виду приезда сюда Братиано, предполагает поднять вопрос о пересмотре договора, заключенного между Румынией и державами в августе прошлого года, с целью добиться отказа Румынии от Баната. При этом имеется в виду, в случае неудачи обращения к нам дипломатическим путем, вести переговоры об этом в Ставке через прибывшего из Румынии сербского военного агента и представителей сербской армии при верховном главнокомандующем. По мнению сербского правительства, военное и внутреннее положение Румынии, в связи с революцией у нас, таково, что румынское правительство не сможет противиться настояниям нашего верховного командования и сделает требуемые уступки. Я полагаю, что возбуждение теперь вопроса о пересмотре упомянутого соглашения, когда мы только что заявили о нашей верности международным договорам,—недопустимо и может вызвать большие политические осложнения. Вследствие сего было бы весьма желательно, чтобы генерал Алексеев решительно отклонил всякие ходатайства военных сербских агентов к обсуждению этого вопроса, как не входящего в сферу военной компетенции. Прошу Вас переговорить в этом смысле с верховным главнокомандующим и о последующем телеграфировать». (Телеграмма за № 1849 от 25 апреля/7 мая 1917 г.). Трубецкой ответил 27 апреля/9 мая следующей телеграммой: «Ваша телеграмма № 1849 получена. Верховный главнокомандующий всецело разделяет Вашу точку зрения и даст решительный отпор всяким просьбам о пересмотре соглашения». (Телеграмма за № 119 от 27 апреля/9 мая 1917 г.).

[1]) В апреле Севастопуло был окончательно утвержден в должности российского посланника в Копенгагене. (Телеграмма Милюкова за № 1640 от 13/26 апреля 1917 г.). На его место в Париж был назначен б. директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Базили. Уход Милюкова и отставка Извольского вынудили Севастопуло вступить во временное управление посольством в Париже, на правах поверенного в делах, до приезда Маклакова.

[2]) См. стр. 495.

(См. прим. 2 на стр. 493).

CCCXXXIX.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 382. 21 мая/3 июня 1917 г.

В английской печати, а за нею, разумеется, и в общественном мнении, замечается за последнее время тенденция в сторону более ясного понимания перемены, внесенной переворотом в России в международное положение. Указывается, что, помимо чисто военных задач, главная цель, которую должна себе поставить Англия,—«понять идеалы русской демократии» и приобрести ее дружбу и доверие. Вернейший путь к этому — вновь определенно и вполне ясно высказать «цели войны». Выступление Рибо и президента Вильсона, несомненно, дают повод значительным общественным кругам сознать, что в этом насущном вопросе Англия отстала от Франции и Америки. Предстоящее возвращение Бальфура подает мне повод к обмену взглядами на этот вопрос, если Вы признаете, что было бы желательно ныне его возбудить. Если Вам кажется, что, чем скорее это будет сделано, тем лучше, я пойду к Ллойд Джорджу. Думаю, что он своим живым умом и истинно демократическим мировоззрением лучше поймет меня, чем кто-либо иной. Прежде такого выступления мне нужна Ваша директива о том, какая, по мнению нашего правительства, формула по содержанию своему способна была бы рассеять недоверие русской демократии к нашей благородной союзнице. Несомненно, что такая формула может быть найдена. По моему мнению, анализ целей, преследуемых Англией, должен привести не только всякого беспристрастного человека, но и даже предубежденного против Англии в силу только того, что она является наиболее организованной и могучей буржуазией, к следующим выводам: 1) Миллионы английских войск, сражающихся во Франции не ради аннексий, а ради освобождения Бельгии и северной Франции от гнусного ига и надругательства Германии. 2) В Салониках и в прошлом в Галлиполи Англия преследовала цели, бескорыстие которых не подлежит спору. 3) На малоазиатском театре Англия оперирует, и успешно, с русскими войсками не ради территориальных приобретений, а ради освобождения подвластных Турции и терпящих зверские насилия народов, а также ради обеспечения Персидского залива от проникновения Германии. Жизненный театр войны, где успехи Англии могут послужить не другим, а ей самой,—Африка. Но и тут нельзя говорить об аннексиях в смысле, противном нашему идеалу будущего международного мира. История «завсеваний» Англии в южной Африке учит нас, что «господство. . . . » является лучшей гарантией,—такой гарантией, которой дорожат сами народы, признавшие суверенитет Англии,—благосостояние, свобода самоопределения и духовного развития [1]). Нет сомнения, что включение оторгнутых германских колоний в сферу «независимых владений» Великобританской империи для этих самых колоний предпочтительнее, нежели грубая немецкая эксплуатация. Если, таким образом, фактически Англия

[1]) Грамматическая несогласованность подлинника.

борется всеми силами, я это особенно подчеркиваю, с прусским милитаризмом во имя тех же идеалов свободы и самоопределения, которые служат светлым лозунгом русской демократии, я не вижу, почему Англия могла бы колебаться ясно высказать свои цели в форме, приемлемой для нас. Есть и другой аргумент, неотразимо свидетельствующий о благородных побуждениях Англии. Неужели кто-нибудь поверит, что Австралия, Канада, Индия отозвались бы на призыв Великобритании с тем удивительным энтузиазмом, который они проявили, если бы не ясен был подлинный смысл этой войны и ее подлинные цели?

Набоков.

CCCXL.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 2366 24 мая/6 июня 1917 г.

Получил Вашу телеграмму № 382.

В виду принципиального согласия английского правительства на обсуждение вопроса о целях войны, мы считаем, что в настоящую минуту нашим интересам не отвечало бы вызвать немедленно обмен взглядов с союзниками по этому вопросу. Такой момент наступит после того, как увенчаются успехом, как мы твердо верим, нынешние усилия временного правительства восстановить положение на нашем фронте. Близкий контакт, поддерживаемый здесь Бьюкененом и Гендерсоном с нашими политическими кругами [1]), дает полное основание рассчитывать, что в свое время у нас будет достигнуто с Англией единомыслие относительно конечных целей, которые мы стремимся осуществить. Я считал бы правильным, чтобы означенный обмен взглядов на будущее время сосредоточился здесь.

Терещенко.

CCCXLI.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 392. 24 мая/6 июня 1917 г.

Ссылаюсь на мой № 382.

За прошедшие с момента отправления телеграммы дни в нескольких руководящих органах печати появились статьи, указывающие на то, что вслед

---

[1]) Английский министр труда Гендерсон был прислан в мае-июне 1917 г. в Россию «установить связь с русскими общественными и политическими кругами». Выражая благодарность за присылку чрезвычайной миссии с Гендерсоном, Терещенко телеграммой за № 2164 от 13/26 мая 1917 г. считал «долгом справедливости отметить, как много на этом поприще в настоящее, исключительно трудное время поработал сэр Дж. Бьюкенен», и выражал надежду, что «совместная его с г. Гендерсоном деятельность будет и впредь способствовать еще большему упрочению англо-русских отношений».

за Рибо и Вильсоном здешнему правительству следует смело оценить русские формулы, устранить подозрения и высказаться открыто, так как в этих русских формулах нет ничего такого, чего Англия могла бы бояться. В настоящий критический момент мне может быть нужен Ваш отзыв, так как почва для моего выступления от имени сознательной России подготовлена здешней печатью.

Набоков.

CCCXLII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 393. 24 мая/6 июня 1917 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 382 и 392.

Я затронул в разговоре с Гардингом от своего личного имени вопрос о желательности провозглашения Англией «целей войны». Он сказал мне, что в настоящее время совместно с Вами обсуждается ответ на декларацию временного правительства и что, когда этот ответ будет выработан, он будет опубликован. Я ответил Гардингу, что дело не терпит отлагательства и что, по моему мнению, создавшееся уже впечатление, что Англия отстала от Франции и Америки, может быть до некоторой степени парализовано только, если выступление Англии будет носить особенно яркий характер и если изъявление воли Англии возьмет на себя глава кабинета, имя которого в России хорошо известно [1]).

Набоков.

CCCXLIII.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 2413. 26 мая/8 июня 1917 г.

Ссылаюсь на Ваши телеграммы №№ 325 и 326 [2]).

Французское и английское правительства, принимая во внимание перемены, происшедшие в русском общественном мнении со времени опубликования декларации прежнего правительства от 27 марта [3]), внесли в свои первоначальные ответы на наше сообщение некоторые изменения. По соглашению с обоими кабинетами ответы их будут опубликованы нами завтра.

---

[1]) Ллойд Джордж.

[2]) Телеграммами за №№ 325 и 326 от 28 апреля/11 мая Гирс передает Терещенко текст ответа итальянского правительства на ноту б. российского министра иностранных дел Милюкова за № 1721 от 18 апреля/1 мая 1917 г. и сообщает, что Соннино не высказывает возражений против опубликования его в России с тем, чтобы он одновременно с этим был опубликован и в Италии.

[3]) См. стр. 476.

От опубликования итальянского ответа мы считаем желательным воздержаться, так как оглашение его первоначальной редакции могло бы произвести неблагоприятное для Италии впечатление на наше общественное мнение.

Об изложенном сообщаю Вам на случай, если бы Соннино обратился к Вам за разъяснениями по поводу завтрашнего оглашения французской и английской нот.

Терещенко.

CCCXLIV.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 2423. 27 мая/9 июня 1917 г.

Ссылаюсь на Ваши №№ 392 [1]) и 393 [2]).

Сегодня нами опубликованы английская и французская ответные ноты на декларацию временного правительства от 27 марта [3]). Ссылаясь на мою телеграмму № 2366 [4]), считаю долгом подтвердить, что наши переговоры о целях войны желательно сосредоточить в Петрограде.

Терещенко.

CCCXLV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 417. 28 мая/10 июня 1917 г.

Высказываясь в этой телеграмме [5]) за своевременность выступления Ллойд Джорджа, я имел в виду не обмен взглядов для точного определения конечных целей войны, а лишь заявление в общей форме, способной примирить в глазах общественного мнения России и Англии формулу Англии «возвращение, возмещение, гарантии» с целями России, заключающимися в последней декларации нашего правительства [6]). Насущная наша задача, насколько я понимаю, заключается в том, чтобы противодействовать дальнейшему распространению в России ложного убеждения, что носительницей идей империализма является не Германия, а Англия, и что Англия стремится к распространению своего «господства». Кроме того, выступление Ллойд Джорджа восстановит равновесие и здесь, устранит столь же ложное впе-

---

[1]) См. стр. 498.

[2]) См. стр. 499.

[3]) См. стр. 476.

[4]) См. стр. 498.

[5]) В подлиннике номер телеграммы, на которую ссылается Набоков, отсутствует. Повидимому, № 393.

[6]) См. стр. 487.

чатление здесь, что растет разномыслие. В виду этого я убежден, что провозглашение Ллойд Джорджем подлинных принципов, во имя которых Англия воюет, в настоящее время весьма желательно. Агитация в здешней прессе, отчасти даже независимо от оказанного мною воздействия, настолько усиливается, что выступление первого министра в ближайшие дни, более чем вероятно [1]). Не сомневаюсь, что таковое будет в то же время способствовать намеченным в Вашей телеграмме № 2366 целям. Я высказался в строго доверительной форме и от своего имени перед Сесилем [2]) в этом смысле.

Набоков.

CCCXLVI.

Нота, переданная российским министром иностранных дел М. И. Терещенко французскому министру снабжений А. Тома [3]).

С копии.

Русская революция является не только переворотом во внутреннем строе России, но и могучим идейным движением, выявившим волю русского народа в стремлении к равенству, свободе и справедливости как во внутренней жизни государства, так и в области международных отношений. В воле этой члены русского революционного правительства почерпают свои силы, в служении ей их долг и задача.

Отстаивая во внешней борьбе великие начала свободы, Россия стремится к достижению всеобщего мира на основаниях, исключающих всякое насилие, откуда бы оно ни исходило, равно как и всякие империалистические замыслы, в какой бы форме они ни проявлялись. Она не питает сама никаких завоевательных стремлений и решительно восстает против каких бы то ни было попыток в этом направлении. Верный этим принципам, русский народ твердо решил бороться с явными или скрытыми империалистическими замыслами наших противников как в политической, так в экономической или финансовой области.

Если в отношении преследуемых в войне целей и могут проявляться различия во взглядах между нашим и союзными правительствами, мы не сомневаемся, однако, что тесное единение между Россией и ее союзниками обеспечит в полной мере общее соглашение по всем вопросам на основании выставленных русской революцией принципов.

Оставаясь непоколебимо верной общему союзному делу, русская демократия приветствует решение тех союзных держав, которые изъявили готовность пойти навстречу желаниям русского временного правительства под-

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 399.

[2]) Министр блокады и и. об. управляющего министерством иностранных дел.

[3]) Перевод с французского, сделанный в министерстве иностранных дел. Подлинник имеет следующий заголовок: «При посещении французским министром г. Альбер Тома членов временного российского правительства в среду 31-го мая, перед отъездом во Францию, министр иностранных дел, Терещенко, сообщил ему нижеследующую ноту...» (далее идет текст ноты). Тома уехал из Петрограда 1/14 июня 1917 г. (Нота опубликована российским правительством 3/16 июня 1917 г.).

вергнуть пересмотру соглашения, касающиеся конечных задач войны [1]). Мы предлагаем созвать для этой цели конференцию представителей союзных держав, которая могла бы состояться в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия. Обсуждению этой конференции не должно подлежать лишь соглашение, подписанное в Лондоне 5 сентября (н. ст.) 1914 г. [2]) и преданное с тех пор гласности, которое исключает возможность заключения одной из держав сепаратного мира.

31 мая/13 июня 1917 г.

CCCXLVII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 430. 7/20 июня 1917 г.

При открытии парламента министр иностранных дел сказал речь, имеющую лично для него несомненный успех. Агентство передало ее текст. Повидимому, уступая настоянию других членов кабинета, министр иностранных дел (согласился) допустить секретные заседания парламента, против которых он протестовал. Тон по отношению к России сочувственный; однако, относительно формулы «ни аннексий, ни контрибуций», — формулы, по его словам, «(пропагандир)уемой сильной [3]) партией в Петрограде», он заметил, что она имеет оттенок чисто отрицательный и отделяющий от положительного представления о свободе и независимости народов и о сохранении мира и международной справедливости и что она может маскировать (цель), означающую на практике оздоровление и увековечение всех несправедливостей и насилий прошлого с простым возвращением к «status quo ante bellum». Я не премину обратить внимание министра иностранных дел на то, что формула «ни аннексий, ни контрибуций» выставлена временным правительством.

Гирс.

CCCXLVIII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма [4]).

№ 431. 8/21 июня 1917 г.

Срочно.

Копия в Париж.

Продолжение моей телеграммы № 430.

В ответ на мое личное письмо Соннино ответил мне также личным письмом следующего содержания: «В моей вчерашней речи я намекнул на

---

[1]) См. стр. 489 и 491.

[2]) См. прим. 2 на стр. 238.

[3]) Ср. след. документ: «только местной партией».

[4]) Перев. с фр.

опасности, которые могли бы произойти от принятия формулы «ни аннексий, ни контрибуций», имеющей чисто отрицательный характер, если ее отделить от положительного представления о свободе. Замечание, которое я сделал, не может, следовательно, относиться к словам, содержащимся в декларации российского правительства от 7/20 апреля [1]), потому что в вышеупомянутой декларации они составляют часть гораздо более обширной и понятной программы. Действительно, в декларации говорится: «Временное правительство ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия национального их достояния, ни насильственный захват чужих территорий,— мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов». Напротив, простая формула «ни аннексий, ни контрибуций»—без объяснений и оговорок—была защищаема, как мне известно, только местной партией».

Гирс.

CCCXLIX.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 2701. 10/23 июня 1917 г.

Телеграмма за № 430 [2]) получена.

По поводу заключительной части этой телеграммы считаю долгом сообщить для Вашего сведения, что формула «ни аннексий, ни контрибуций» выставлена временным правительством в непременном сочетании с требованием о самоопределении народов и без этой добавки для нас безусловно не приемлема. На это, впрочем, совершенно верно и указал Соннино в своем ответном письме к Вам.

Терещенко.

CCCL.

Декларация временного правительства.

Настал грозный час! Войска германского императора прорвали фронт русской народной революционной армии [3]). Это страшное дело было для них облегчено преступным легкомыслием и слепым фанатизмом одних, изменой и предательством других. Развалом, распадом угрожали и те, и другие самым устоям новой свободной России.

В этот грозный момент, когда могут выступить, пользуясь общественным смятением, таившиеся силы контр-революции, перестроившееся времен-

---

[1]) Очевидная ошибка. Декларация временного правительства, в которой содержится заявление его о «мире без аннексий и контрибуций», датирована 6/19 маем, а не 7/20 апрелем.

[2]) См. стр. 502.

[3]) Прорыв юго-западного фронта в июле 1917 г.

ное правительство ясно сознает ответственность, которая всею своею тяжестью падает на его плечи. Но правительство полно твердой веры в силы всего великого русского народа; временное правительство верит в быстрое оздоровление политической жизни страны после того, как вышла наружу и разрешилась в остром кризисе заразительная болезнь, подтачивающая народный организм; временное правительство верит, что этот кризис — к выздоровлению, а не к смерти.

Сильное этой верой, временное правительство готово действовать и будет действовать со всею той энергией и решительностью, каких требуют чрезвычайные обстоятельства времени.

Своей первой основной задачей временное правительство считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контр-революционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти. Вместе с тем, своею внешнею политикой оно снова и снова подтвердит, что революционная армия может итти в бой с твердой верой в то, что ни одна капля крови русского солдата не прольется ради целей, чуждых правосознанию русской демократии, провозгласившей открыто перед лицом всего мира свои мирные лозунги.

В этих целях временное правительство, осуществляя начала внешней политики, возвещенные в декларации правительства 6 мая [1]), имеет в виду предложить союзникам собраться на союзную конференцию в течение августа для определения общего направления внешней политики союзников и согласования их действий при проведении принципов, провозглашенных русской революцией. В конференции этой Россия будет представлена на ряду с лицами дипломатического ведомства, также представителями русской демократии.

Продолжая работу государственного строительства и в других областях на началах, возвещенных декларацией 6 мая, временное правительство считает необходимым немедленно выполнить ряд мероприятий, осуществляющих означенные начала.

Временное правительство примет все меры, чтобы выборы в учредительное собрание состоялись в назначенный срок (17 сентября) и чтобы подготовительные мероприятия были закончены заблаговременно для обеспечения свободы и правильности выборов. Скорейшее введение городского и земского самоуправления на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и с повсеместным их распространением является первейшей задачей правительства в области внутренней политики. Придавая вместе с тем особенное значение созданию на местах органов власти, облеченной доверием всего населения, временное правительство теперь же привлечет к организации местной власти представителей общественных организаций для образования коллегиальных органов областного управления, объединяющих ряд губерний.

---

[1]) См. стр. 487.

В стремлении к последовательному проведению в жизнь страны начал гражданского равенства, временное правительство издаст в ближайшем будущем постановления об уничтожении сословий, а равно и об окончательном упразднении гражданских чинов и орденов, за исключением жалуемых за боевые отличия.

Для решительной борьбы с хозяйственной разрухой и дальнейших мероприятий по защите труда, немедленно приступают к работам учрежденные при временном правительстве экономический совет и главный экономический комитет, в задачи которых входят выработка общего плана организации народного хозяйства и труда, разработка законопроектов и общих мер по урегулированию хозяйственной жизни и контролю промышленности, а также согласованное и планомерное проведение их в жизнь. В области рабочей политики разработаны и в ближайшие дни будут проведены законопроекты о свободе коалиций, биржах труда и примирительных камерах. Разрабатываются законопроекты о восьмичасовом рабочем дне, о всесторонней охране труда, о введении всех видов социального страхования с распространением их на все категории наемного труда.

Мероприятия временного правительства в области земельного вопроса попрежнему определяются убеждением, что в соответствии с основными потребностями нашего народного хозяйства, с неоднократно выражавшимися пожеланиями крестьянства и с провозглашенными всеми демократическими партиями страны программами, в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о переходе земли в руки трудящихся.

На этой основе разрабатывается тот проект земельной реформы, который и будет предложен на рассмотрение учредительного собрания.

Очередными мероприятиями временного правительства будут:

1. Полная ликвидация разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики;

2. Меры, обеспечивающие полную свободу учредительного собрания в деле распоряжения земельным фондом страны;

3. Упорядочение земельных отношений в интересах государственной обороны и продовольствия страны, путем расширения и укрепления сети организуемых государством земельных комитетов с точно определенными законом правомочиями в области решения текущих вопросов сельско-хозяйственной политики, не предрешающими основного вопроса о праве собственности на землю, как входящего лишь в компетенцию учредительного собрания, и

4. Устранение путем такого закономерного регулирования поземельных отношений той серьезной опасности, которую представляют для государства и для будущей аграрной реформы земельные захваты и тому подобные самочинные местные способы разрешения земельных нужд, противоречащие принципу общегосударственного плана будущей земельной реформы.

Объявляя о поставленных задачах, временное правительство полагает, что оно в праве рассчитывать в своей тяжкой и ответственной работе на беззаветную, одушевленную помощь всех живых сил страны. Оно требует от всех лиц их жертвенной готовности отдать все свои силы, достояние, самую

жизнь, — для великого дела спасения страны, которая перестала быть для населяющих ее народов суровой мачехой, которая стремится всех объединить на началах полной свободы и равноправия [1]).

8/21 июля 1917 г.

CCCLI.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 732. 18/31 июля 1917 г.

Сегодня в палате Рибо произнес речь в ответ на речь германского канцлера [2]) о соглашении, заключенном Думергом в прошлом году в Петрограде [3]). Он, между прочим, заявил, что, когда со стороны России последует согласие на публикацию документов, то Франция этому противиться не будет.

Севастопуло.

CCCLII.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Париже М. М. Севастопуло.

Телеграмма.

№ 3270. 21 июля/3 августа 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 732.

С дипломатической точки зрения мы не усматриваем никаких препятствий к опубликованию нот, обмененных в Петрограде в прошлом феврале

---

[1]) Текст декларации от 8/21 июля 1917 г. печатается нами полностью в виду того, что она была передана союзным правительствам.

[2]) Заявление германского канцлера Михаэлиса представителям печати от 28 июля 1917 г. Приводим из него отдельные места. «Представляется очень важным,—заметил канцлер,—для осведомления всего мира о действительных причинах этой кровавой войны то обстоятельство, что за это время в наши руки попали письменные доказательства о завоевательных планах наших врагов. Я имею в виду отчеты о секретных заседаниях французской палаты от 18 и 19 мая. Я публично обращаюсь к французскому правительству с вопросом: будет ли оно опровергать, что Бриан и Рибо в этих секретных заседаниях, в которых участвовали возвратившиеся из Петрограда депутаты Мутэ и Кашен, должны были признать, что Франция незадолго до русской революции разрабатывала обширные завоевательные планы с тайного разрешения царского правительства.... Я спрашиваю, правда ли, что французский посол Палеолог на обращенный им запрос получил 27 декабря 1916 г. полномочия подписать с Россией подготовленное Думергом, путем переговоров с царем, соглашение? Правда ли, что президент республики, по предложению Бертелло, без ведома Бриана, одобрил эти полномочия, и Бриан выразил на это согласие лишь впоследствии? Этот договор обеспечивал за Францией ее границы 1790 г., явившиеся результатом ряда завоевательных войн, т.-е. обеспечивал ей Эльзас-Лотарингию, Саарский бассейн и значительные территориальные приращения на левом берегу Рейна...».

[3]) Соглашение о западных границах России и восточных Франции было заключено не в 1916 г., а в 1917 г., см. стр. 449.

относительно западных [1]) границ Франции. Однако, нам неизвестно, насколько в настоящую минуту французское правительство продолжает еще стоять на почве выставленных им в то время вожделений, которые, несомненно, не лишены известной империалистической окраски. Если бы Франция и ныне поддерживала в полном объеме свои требования, то это, без сомнения, произвело бы неблагоприятное впечатление на русские демократические круги и отразилось бы невыгодным образом на отношении нашего общественного мнения к Франции. На это обстоятельство я считаю нужным обратить внимание Рибо ранее оглашения февральского соглашения. Однако, в виду публичного заявления, сделанного Рибо, я вынужден просить, чтобы, если он ныне признает желательным не опубликовывать соглашение,—с его стороны последовало новое в этом смысле гласное заявление. Благоволите объясниться с министром иностранных дел в изложенном смысле и об окончательном его решении телеграфировать.

Терещенко.

CCCLIII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 791. 30 июля/12 августа 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму за № 3270 и на мою телеграмму за № 755 [2]).

Из частных разговоров в министерстве иностранных дел я заключаю, что Рибо очень смущен Вашим запросом и затрудняется найти выход из положения, созданного его заявлением в палате. Насколько я могу судить, заявление это в министерстве иностранных дел считается ошибкой, тем более, что не было, повидимому, никакой надобности объяснять задержку в опубликовании документов. Во время тех же разговоров в министерстве иностранных дел меня спрашивали, известно ли мне в точности впечатление, произведенное у нас заявлением Рибо о наших возражениях против публикации документов; здесь, как-будто, надеются, что это впечатление было не особенно сильно, что оно сгладится и что, быть может, тогда Вы откажетесь от своего требования об исправлении сделанного министром-председателем заявления. Если, в силу изменившихся обстоятельств, Вы, действительно, сочли бы возможным отказаться от своего требования, то это могло бы быть представлено здесь, как существенная услуга французскому правительству.

Севастопуло.

---

[1]) Очевидная ошибка: следует читать «восточных».

[2]) Телеграммой за № 755 от 23 июля/5 августа 1917 г. Севастопуло сообщает Терещенко, что за отсутствием Рибо, выехавшего на совещание в Лондон, он передал содержание телеграммы за № 3270 генеральному секретарю французского министерства иностранных дел Камбону.

CCCLIV.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Париже М. М. Севастопуло.

Телеграмма.

№ 3525. 4/17 августа 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 791.

В настоящую минуту вопрос об оглашении нашего февральского соглашения с Францией о ее восточных границах, действительно, утратил острый характер, и я охотно готов не настаивать на ответе Рибо по этому поводу. Прошу, однако, дать понять французскому правительству, что, если бы этот вопрос в будущем вновь возник на здешней почве, то мы будем считать себя в праве рассчитывать на готовность французского правительства устранить недоразумение, вызванное заявлением Рибо в палате.

Терещенко.

CCCLV.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 943. 6/19 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на Ваш № 3525.

Сегодня в палате один депутат упрекнул Рибо в том, что он не сдержал данного им обещания о публикации документов. Рибо ответил, что, действительно, обещал опубликовать текст соглашений, заключенных с Россией до войны, и он рад был бы это сделать, но что ему нужно считаться с возражениями союзников. Он указал, что возражения эти исходят от нас, и что теперь более, чем когда-либо, он должен избегать всего, что может причинить русскому правительству затруднения. Привожу его слова на память.

Севастопуло.

CCCLVI.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 947. 7/20 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на мои три телеграммы №№ 943, 459 [1]) и 732 и на Вашу телеграмму № 3270.

[№ 1]. Я не преминул указать Камбону на неудобство сделанных министром иностранных дел в палате заявлений. Я подчеркнул, что министр ссы-

[1]) Телеграммой за № 459 от 19 мая/1 июня 1917 г. и. об. российского посла в Париже Извольский передает содержание речи, произнесенной председателем французского совета министров и министром иностранных дел, Рибо, на заседании

лался на желание не причинять Вам затруднений, а, между тем, именно его заявления могут явиться для русского правительства источником внутренних затруднений. Эти заявления не вызваны были необходимостью, так как Рибо отлично мог ограничиться ссылкой на невозможность не считаться с требованиями союзников вообще, не указывая в частности на нас. В результате моих замечаний Нулансу [1]) поручено переговорить с Вами по этому поводу. Я имею основание полагать, что здесь в министерстве иностранных дел вполне сознают правильность моих замечаний и недоумевают, как мог Рибо впасть в ту же ошибку.

Севастопуло.

CCCLVII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 947 7/20 сентября 1917 г.

№ 2. Судя по некоторым указаниям, если мы, чтобы выйти из неловкого положения, предложим французам опубликовать все наши соглашения как заключенные до войны, так и февральское, с оговоркой при этом, что сие последнее должно считаться не действительным, то такое предложение имело бы шансы на успех. Действительно, мысль о присоединении левого берега Рейна особого сочувствия в широких слоях французской публики не встречает; социалисты же категорически высказываются против нее. Члены правительства в душе, насколько можно судить, совсем отказались (от) нее; они, однако, поставлены в несколько неловкое положение тем, что главные из них состояли в феврале членами кабинета Бриана [2]). Я должен присовокупить, что вопрос о малоазиатском соглашении стоит особо, и, как мне известно, Рибо считает, что оно, как еще не законченное, находится в области переговоров и не подлежит поэтому ни оглашению, ни отмене. Надеюсь, через один или два дня телеграфировать дополнительно по этому поводу [3]).

Севастопуло.

палаты депутатов 19 мая/1 июня 1917 г. Коснувшись ряда вопросов (внутреннее положение Франции, участие французских делегатов на конференции в Стокгольме и др.), Рибо опровергал «гнусные» слухи о существовании между Россией и Францией секретных соглашений, преследующих не оборонительные, а агрессивные цели и указал, что «французское правительство вошло—или войдет—в сношение с русским правительством, дабы положить им окончательный предел, путем опубликования полностью всех существующих с ней [Россией] договоров».

[1]) Французский посол в Петрограде, сменивший Палеолога в июне 1917 г.

[2]) 7 сентября 1917 г. во Франции произошла смена кабинета; во главе его стал военный министр Пэнлевэ; в новом кабинете Рибо сохранил портфель министра иностранных дел. Севастопуло, повидимому имеет в виду именно этих двух министров, занимавших в кабинете Бриана посты министра финансов (Рибо) и народного просвещения (Пэнлевэ).

[3]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 345.

CCCLVIII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 952. 8/21 сентября 1917 г

Ссылаюсь на мой № 947.

Я имел разговор с Рибо, который стал на точку зрения, совершенно отличную от той, на коей стоял Камбон. Он перенес вопрос на почву связи, существующей между февральским соглашеним и соглашением о Проливах, и рассказал мне, что Нуланс уже объяснился с Вами по сему поводу. Как он прибавил, Вы тогда признали, что опубликование февральского договора поставило бы временное правительство в необходимость высказаться относительно действительности соглашения о Проливах и что это, по Вашему мнению, при нынешних обстоятельствах не является желательным. Мне, к сожалению, эта часть Ваших переговоров была совершенно не известна, и я руководствовался Вашими телеграммами №№ 3270 [1]) и 3525 [2]).

Севастопуло.

CCCLIX.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Париже М. М. Севастопуло.

Телеграмма.

№ 4223. 11/24 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на Ваши № № 947 и 952.

Объяснения, данные Вам Рибо по поводу его заявления в палате о февральском соглашении касательно восточных границ Франции, к сожалению, грешат не полной искренностью. Ни в обмене нот с Палеологом, ни в словесных объяснениях моих с Нулансом не возбуждался вопрос о связи между этим соглашением и соглашением о Константинополе и Проливах. Нуланс предложил мне опубликовать одновременно с соглашением о французских границах договоры, заключенные до войны, т.-е. собственно русско-французскую военную конвенцию [3]). На это я заметил, что подобное опубликование общеизвестного договора вызовет в общественном мнении полное недоумение и новые настояния на предании гласности соглашений, заключенных уже во время войны, между тем оглашение оных, и в частности итальянского и румынского, признается, повидимому, нашими союзниками недопустимым.

Во всяком случае, мы вовсе не намерены создавать в настоящем деле затруднений Франции и ставить Рибо в еще более неловкое положение. Однако, во избежание в будущем недоразумений, подобных уже дважды

---

[1]) См. стр. 506.

[2]) См. стр. 508.

[3]) Оформлена обменом писем между Гирсом и Монтебелло от 27 декабря 1893 г.—4 января 1894 г. (н. ст.).

имевшим место, благодаря его сообщениям в палате, прошу Вас официально заявить французскому правительству, что со стороны России не встречается возражений против оглашения всех вообще соглашений, заключенных как до, так и во время войны, если на это последует согласие со стороны прочих заинтересованных союзников. По вопросу о малоазиатском соглашении сообщаю Вам мои соображения дополнительно в отдельной телеграмме.

Терещенко.

CCCLX.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Париже М. М. Севастопуло.

Телеграмма.

№ 4239. 12/25 сентября 1917 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на Ваш № 947 [1]).

С точки зрения русских интересов малоазиатское соглашение [2]) не может считаться стоящим особо. Выполнение его зависит от выполнения соглашения о Проливах. Мысль эта ясно выражена в первой телеграмме о наших видах на Константинополь, от 19 февраля 1915 года, № 937 [3]), в заключительной фразе и повторена в меморандуме о малоазиатском соглашении, врученном английскому и французскому послам в Петрограде 4 марта 1916 года, за № 205 [4]). В последнем документе сказано: «Само собой разумеется, что согласие России на предыдущие пункты остается обусловленным осуществлением ее соглашения с Францией и Англией относительно Константинополя и Проливов» [5]).

Так как упомянутые наши заявления были приняты французским правительством без возражений, то отсюда следует, что малоазиатское соглашение не может быть рассматриваемо отдельно от соглашения о Константинополе и Проливах и, обратно, какие-либо изменения в последнем неизбежно так или иначе должны отразиться на первом.

---

[1]) См. стр. 508.

[2]) Соглашение о разделе Азиатской Турции, заключенное в 1916 г. между Россией, Францией и Великобританией. См. прим. 6 на стр. 342.

[3]) См. прим. 2 на стр. 252.

[4]) В памятной записке российского министра иностранных дел Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде Палеологу и Бьюкенену от 4/17 марта 1916 г. за № 205, российское правительство: 1) заявляет о своей незаинтересованности в области, расположенной к югу от линии, идущей через Амадию — Ибн-Омар — Диарбекир — Самсат — Мараш; 2) настаивает на необходимости включить в русскую территорию зону Битлисских проходов и область Урмийского озера, предлагая взамен Франции территорию Малой Армении между Сивасом, Харпутом и Кесарией и 3) выражает согласие на всякий проект, обеспечивающий православным учреждениям Палестины «свободное отправление их культа». Слова, приводимые Терещенко, являются заключительными словами памятной записки (опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 163).

[5]) Текст в кавычках в подлиннике на французском языке.

При этом, если, согласно Рибо, считать малоазиатское соглашение еще незаконченным, то тем менее у него обязательной силы.

Такой точки зрения благоволите неуклонно держаться в случае дальнейшего обмена мнений с французским правительством.

Конец только для Лондона.

Текст телеграммы Севастопуло за № 947 сообщается Вам отдельно [1].

Терещенко.

CCCLXI.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№... [2]. 14/27 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 4223 [3].

Рибо, действительно, отличается хитростью и неискренностью, такова его репутация в парламентских кругах. В данном случае, однако, он, очевидно, был введен в заблуждение Нулансом, телеграмму которого мне показывали в министерстве иностранных дел после моего разговора с Рибо. Как говорит в ней посол, он, при объяснении с Вами, ссылался на невозможность опубликовать февральское соглашение без согласия [4] о Проливах и на необходимость, которую это повлекло бы для нас, высказаться о наших намерениях, что вряд ли целесообразно ныне с нашей точки зрения; как прибавляет посол, мы против его доводов не возражали. Что касается русско-французского союзного договора, то опубликование его, согласно телеграмме посла № 459 [5], представляло бы для французского правительства тот интерес, что это опубликование представило бы русскому и французскому правительствам возможность заявить, что этим договором исчерпываются все связывавшие до войны обе державы обязательства, и установить таким образом, что сии последние имели исключительно оборонительный характер. О своем разговоре с Рибо по этому поводу не премину донести.

Севастопуло.

CCCLXII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 969. 15/28 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 947.

Боюсь, что я в своей телеграмме не совсем ясно выразился. Говоря, что соглашение по малоазиатским делам стоит, по мнению Рибо, «особо», Кам-

---

[1]) Опубликовано в «Правде», № 187 от 12/25 ноября 1917 г. и в «Разделе Азиатской Турции», стр. 346.

[2]) В подлиннике номер отсутствует.

[3]) См. стр. 510.

[4]) Соглашения?

[5]) См. прим. 1 на стр. 508.

бон имел в виду, что оно, как неокончательное, стоит особо именно с точки зрения вопроса об опубликовании. О том же, что оно могло бы рассматриваться вне связи с константинопольским, разумеется, не было и речи [1]).

Севастопуло.

CCCLXIII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 980. 18 сентября/1 октября 1917 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 4223 [2]).

[№ 1]. Передал содержание словесно министру иностранных дел и вручил ему при этом записку, текст коей передается за № 2. Министр сказал мне, что он, в случае надобности, не преминет руководствоваться указаниями, содержащимися в ней. Он сказал также, что, как он понимает, эта записка не подлежит опубликованию, на что я ему ответил утвердительно. В случае, если бы я Вас в этом последнем отношении не понял, не откажите мне телеграфировать для сообщения министру.

Севастопуло.

CCCLXIV.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма [3]).

№ 980. 18 сентября/1 октября 1917 г.

Копии в Лондон и Рим.

№ 2. «Во избежание новых недоразумений по поводу позиции, занятой Россией в вопросе об опубликовании договоров, российскому поверенному в делах поручено довести до сведения правительства республики, что временное правительство не встречает возражений против опубликования всех договоров, заключенных как до, так и во время войны, если другие заинтересованные державы согласны, со своей стороны, на это».

Севастопуло.

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 347.

[2]) См. стр. 510.

[3]) Перев. с фр.

Перечень документов.

I. Соображения царского правительства по вопросу о Константинополе и Проливах.

I. Письмо Г. Н. Трубецкого — М. Н. Гирсу. Стр. 155.	Белград, 7/20 августа 1914 г.	Соображения по вопросу о компенсациях за участие в войне России; из них главная — в области Проливов.
II. Памятная записка Н. А. Базили. Стр. 156.	Ноябрь 1914 г.	„О целях наших на Проливах". (О способах и средствах решения вопроса о Проливах).
III. Памятная записка А. В. Немитца. Стр. 181.	1/14 декабря 1914 г.	„Предварительные политические соображения константинопольской операции".
IV. Памятная записка А. А. Нератова. Стр. 195.	14/27 декабря 1914 г.	О необходимости соглашения с Румынией с целью договориться о пропуске русских войск через румынскую территорию для сухопутного похода на Константинополь.
V. Телеграмма Г. Н. Трубецкого — С. Д. Сазонову, № 201. Стр. 199.	Ниш, 13/26 февраля 1915 г.	Возможны два решения вопроса о Константинополе и Проливах: 1) обладание Проливами с присуждением России границы Мидия—Энос или 2) оставление на Проливах Турции с установлением там русского военно-морского контроля.
VI. Письмо Г. Н. Трубецкого — С. Д. Сазонову. Стр. 201.	Ниш, 24 февраля/9 марта 1915 г.	О том же; при неудачном решении вопроса о Проливах „вся Россия потребовала бы отчета в том, за что проливается кровь наших близких".
VII. Телеграмма А. В. Неклюдова — С. Д. Сазонову, № 336. Стр. 204.	Стокгольм, 3/16 сентября 1915 г.	Обладание Константинополем и Проливами — вознаграждение за жертвы, понесенные Россией в войне.
VIII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. В. Неклюдову, № 4584. Стр. 204.	Петроград, 4/17 сентября 1915 г.	Министерство иностранных дел не теряет из виду осуществления исторических задач России.
IX. Письмо Н. А. Кудашева — С. Д. Сазонову. Стр. 205.	Могилев, 10/23 сентября 1915 г.	Ген. Алексеев за сепаратный мир с Турцией.

X. Письмо Н. А. Кудашева — С. Д. Сазонову. Стр. 206.	Ставка, 8/21 октября 1915 г.	По мнению генерала Алексеева, заключение сепаратного мира с Турцией — единственный способ улучшить военное положение.
XI. Письмо Н. А. Кудашева — С. Д. Сазонову, № 2. Стр. 208.	Ставка, 8/21 октября 1915 г.	Россия не в состоянии продолжать войну на всех фронтах одновременно. Разгром Сербии сделает положение катастрофическим.
XII. Письмо Н. А. Кудашева — С. Д. Сазонову. Стр. 210.	Ставка, 18/31 октября 1915 г.	О неготовности румынской армии и о недостатке вооружения русской армии.
XIII. Письмо Н. А. Кудашева — С. Д. Сазонову. Стр. 212.	Ставка, 5/18 марта 1916 г.	О необходимости использовать выгодную для России ситуацию после взятия Эрзерума — с целью заключения сепаратного мира с Турцией, ценою отказа от Константинополя и Проливов.
XIV. Памятная записка Н. А. Базили. Стр. 215.	4—8/17—21 апр. 1916 г.	1) Соображения и сведения, доложенные министру: 1. Предположение о перевороте в Болгарии. 2. Румыния. 3. Вопрос о разделе Малой Азии. 2) Указания, полученные от министра, и сведения, сообщенные в министерстве. 1. Предположения о перевороте в Болгарии. 2. Румыния.

II. Переговоры между Россией, Англией и Францией, 1914—1916 гг.

§ 1. Предварительные переговоры и признание Англией притязаний царского правительства на Константинополь и Проливы, 1914 г.

XV. Телеграмма М. Палеолога — Т. Делькассэ (дешифрант). Стр. 221.	Петроград, 26 сентября 1914 г.	Содержание беседы его с Кривошеиным и Сазоновым о будущих условиях мира и о судьбе Константинополя и Проливов.
XVI. Телеграмма Мухтар-паши—Саид-Халиму-паше (дешифрант). Стр. 224.	Берлин, 17 октября 1914 г.	„Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ о морской конвенции между Англией и Россией и комментарии по поводу пропуска „Гебена“ и „Бреслау“.
XVII. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 571 (дешифрант). Стр. 226.	Петроград, 29 октября 1914 г.	Заявление Сазонова, что вступление Турции в войну „поставит на очередь ближне-восточный вопрос в целом и повлечет за собою окончательное решение вопроса о Проливах“.

XVIII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 649. Стр. 227.	Лондон, 27 октября / 9 ноября 1914 г.	Заявление Грэя по вопросу о персидском нейтралитете и о том, что судьба Проливов и Константинополя должна быть решена сообразно с русскими пожеланиями.
XIX. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 1004 (дешифрант). Стр. 230.	Лондон, 10 ноября 1914 г.	Признание русских пожеланий в вопросе об Имбросе и Тенедосе и будущая судьба Додеканеза.
XX. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 231.	Петроград, 12 ноября 1914 г.	О том же.
XXI. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 663. Стр. 231.	Лондон, 31 октября / 13 ноября 1914 г.	Заявление великобританского короля о предназначении Константинополя России.
XXII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 664. Стр. 232.	Лондон, 31 октября / 13 ноября 1914 г.	Пожелание английского правительства о ненарушении персидского нейтралитета, в связи с передвижением русских войск в Азербейджане.
XXIII. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 233.	Петроград, 14 ноября 1914 г.	Обещание решить турецкий вопрос, включая вопрос о Константинополе и Проливах, в согласии с Россией.
XXIV. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 3802. Стр. 234.	Петроград, 3/16 ноября 1914 г.	Признательность Грэю за заявление о том, что судьба Проливов и Константинополя будет решена согласно пожеланиям России.
XXV. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 3861. Стр. 234.	Петроград, 5/18 ноября 1914 г.	Согласие на присоединение Англией Египта.
XXVI. Телеграмма Н. С. Эттера — С. Д. Сазонову. № 680. Стр. 235.	Лондон, 6/19 ноября 1914 г.	Английское правительство временно ограничится протекторатом Египта.
XXVII. Памятная записка С. Д. Сазонова — Дж. Бьюкенену. Стр. 236.	Петроград, 7/20 ноября 1914 г.	Признание российским правительством аннексии Египта Великобританией, в связи с заявлением Грэя относительно судьбы Проливов и Константинополя.
XXVIII. Телеграмма И. Мотоно — Т. Като (дешифрант). Стр. 236.	Петроград, 23 ноября 1914 г.	Содержание беседы Палеолога с Николаем II об условиях будущего мира.
XXIX. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 3996. Стр. 237.	Петроград, 14/27 ноября 1914 г.	Сообщение заявления Грэя Бенкендорфу, что судьба Проливов и Константинополя будет решена согласно пожеланиям России.

§ 2. Соглашение о Константинополе и Проливах 1915 г.

XXX. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 115. Стр. 237.	Петроград, 7/20 января 1915 г.	Предписание Серафимову воздержаться от вступления в какие бы то ни было сношения с членами партии „Единения и Прогресса".
XXXI. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 238.	Петроград, 27 января 1915 г.	Грэй не вступит ни в какие сепаратные переговоры, исходящие от турок.
XXXII. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 206 (дешифрант). Стр. 238.	Лондон, 10 февраля 1915 г.	Предложение Грэя, в случае государственного переворота в Турции, рассмотреть условия мира, договорившись предварительно о гарантиях в отношении Проливов.
XXXIII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 85. Стр. 239.	Лондон, 29 января / 11 февраля 1915 г.	Заявление Грэя, что в случае переговоров с Турцией „он не предполагает вносить никаких изменений в то, что им было сказано относительно Проливов".
XXXIV. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 592. Стр. 240.	Петроград, 1/14 февраля 1915 г.	О том же.
XXXV. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 86. Стр. 241.	Париж, 10/23 февраля 1915 г.	Отношение французского общественного мнения к операциям в Дарданеллах и будущей судьбе Константинополя и Проливов.
XXXVI. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 122. Стр. 241.	Лондон, 12/25 февраля 1915 г.	О проекте ответа Грэя на запрос в палате общин по поводу речи Сазонова в гос. думе.
XXXVII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 133. Стр. 242.	Лондон, 12/25 февраля 1915 г.	Выписка из речи Грэя в палате общин.
XXXVIII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 815. Стр. 242.	Петроград, 13/26 февраля 1915 г.	Мотивировка аннексии Россией Проливов и определение границ подлежащей аннексии зоны.
XXXIX. Телеграмма К. Диаманди — Э. Порумбаро, № 283 (дешифрант). Стр. 243.	Петроград, 28 февраля 1915 г.	О приготовлениях России к операциям против Проливов.
XL. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 865. Стр. 244.	Петроград, 16 февраля / 1 марта 1915 г.	О неблагоприятном впечатлении, произведенном в думских кругах выступлением Грэя в палате общин 12/25 февраля 1915 г.

XLI. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 879. Стр. 244.	Петроград, 17 февраля, / 2 марта 1915 г.	Заявление о необходимости для России получить острова Мраморного моря, а также Имброс и Тенедос, для обеспечения свободы международной торговли через Проливы и для обороны Дарданелл.
XLII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу и А. П. Извольскому, № 887. Стр. 245.	Петроград, 17 февраля / 2 марта 1915 г.	В связи с успешными действиями союзников в Дарданеллах предлагается подготовить общественное мнение Франции и Великобритании к признанию русских прав на Проливы и Константинополь.
XLIII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 107. Стр. 245.	Париж, 17 февраля/2 марта 1915 г.	О затруднениях, которые нызовет желание России утвердиться на обоих берегах Проливов.
XLIV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 146. Стр. 247.	Лондон, 17 февраля / 2 марта 1915 г.	Об операциях в Дарданеллах и о желательности привлечь на сторону держав Согласия Болгарию, Грецию и Румынию.
XLV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 147. Стр. 248.	Лондон, 18 февраля / 3 марта 1915 г.	Бенкендорф указывает, что намерением Грэя было показать, что Англия отказалась от своей традиционной политики на Ближнем Востоке.
XLVI. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 151. Стр. 249.	Лондон, 18 февраля / 3 марта 1915 г.	Английское правительство считает необходимым договориться с французским правительством, прежде чем окончательно высказаться относительно присоединения Константинополя к России.
XLVII. Телеграмма Одагири - Хазегава (дешифрант). Стр. 251.	Петроград, 3 марта 1915 г.	Предположение, что „действия против Дарданелл предприняты Англией и Францией для того, чтобы не допустить перехода Проливов во власть России".
XLVIII. Всеподданнейшая записка С. Д. Сазонова. Стр. 251.	Петроград, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	Препроводительная к памятной записке по вопросу о Проливах, составленной по соглашению с великобританским и французским послами.
XLIX. Памятная записка С. Д. Сазонова — М. Палеологу и Дж. Бьюкенену. Стр. 252.	Петроград, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	Соглашение о Константинополе и Проливах. (Русский меморандум).
L. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 942. Стр. 252.	Петроград, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	Заявление о необходимости утверждения России на обоих берегах Проливов с целью обеспечения свободы прохода в Босфор.

LI. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 253.	Петроград, 4 марта 1915 г.	Грэй считает возможным сделать более определенное заявление по вопросу о Константинополе и Проливах лишь по обсуждении его с французским правительством.
LII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 113. Стр. 254.	Париж, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	Занятие союзниками Константинополя и Проливов без участия России создает крайне неблагоприятные условия для разрешения в пользу России этого вопроса.
LIII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 115. Стр. 255.	Париж, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	Предоставление России Константинополя, по мнению Делькассэ, должно быть обусловлено согласием ее установить „полную свободу" в Проливах.
LIV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 153. Стр. 256.	Петроград, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	По мнению Бенкендорфа, английское общественное мнение все более склоняется в пользу англо-русского сближения.
LV. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 259.	Петроград, 5 марта 1915 г.	По мнению Грэя, Бенкендорф дал правильное толкование его заявлению в палате общин 12/25 февраля 1915 г.
LVI. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 261.	Петроград, 6 марта 1915 г.	Заявление Грэя, что операции, предпринятые союзниками в Дарданеллах, не предрешают вопроса о будущей судьбе Константинополя и Проливов, который должен быть решен сообразно с пожеланиями России, и о необходимости привлечь Грецию к этим операциям.
LVII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 120. Стр. 262.	Париж, 21 февраля / 6 марта 1915 г.	Пожелание французского правительства привлечь Грецию, Болгарию и Италию на сторону держав Согласия.
LVIII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 121. Стр. 262.	Париж, 21 февраля / 6 марта 1915 г.	По мнению Делькассэ, решение вопроса о предоставлении России Константинополя и обоих берегов Босфора в значительной степени будет облегчено, если Россия согласится подчинить их надзору европейской комиссии.
LIX. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 155. Стр. 263.	Лондон, 21 февраля / 6 марта 1915 г.	Заявление Грэя по вопросу о Константинополе и Проливах не является „конечным выражением английской точки зрения, но может служить основой для дальнейшего ее развития".
LX. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 993. Стр. 264.	Петроград, 22 февраля / 7 марта 1915 г.	Заявление Сазонова, что „русское общество не примирится с иным решением вопроса, как безраздельное господство России над Проливами и Константинополем".

LXI. Телеграмма А. Карлотти — С. Соннино, № 228 (дешифрант). Стр. 265.	Петроград, 7 марта 1915 г.	Об отношении российского правительства к вопросу о вступлении в войну Румынии, Болгарии и Греции, в связи с операциями на Проливах.
LXII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 159. Стр. 266.	Лондон, 22 февраля/7 марта 1915г.	О благожелательном отношении английской прессы к решению вопроса о Константинополе и Проливах, согласно с русскими притязаниями.
LXIII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 162. Стр. 267.	Лондон, 22 февраля/7 марта 1915г.	Беседа с Камбоном по поводу русской памятной записки о Константинополе и Проливах.
LXIV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 163. Стр. 267.	Лондон, 22 февраля/7 марта 1915г.	Беседа с Никольсоном по тому же вопросу.
LXV. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 1020. Стр. 268.	Петроград, 23 февраля/8 марта 1915г.	Предложение французскому и английскому правительствам уполномочить своих послов в Петрограде обсудить с Сазоновым условия мира.
LXVI. Памятная записка французского посольства — С. Д. Сазонову, № 29. Стр. 268.	Петроград, 8 марта 1915 г.	Сообщая о готовности разрешить вопрос о Константинополе и Проливах согласно пожеланиям России,— французское правительство считает, что как этот вопрос, так и вопросы, интересующие Францию и Англию на Востоке, должны найти свое окончательное разрешение в мирном договоре 3-х союзных держав.
LXVII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 1030. Стр. 269.	Петроград, 24 февраля/9 марта 1915г.	Признательность Сазонова Делькассэ за высказанную французским правительством готовность способствовать разрешению вопроса о Константинополе и Проливах согласно пожеланиям России.
LXVIII. Памятная записка С. Д. Сазонова — М. Палеологу, № 244. Стр. 269.	Петроград, 24 февраля/9 марта 1915г.	Сазонов высказывает удовлетворение по поводу заявления французского посла по вопросу о Константинополе и Проливах.
LXIX. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 127. Стр. 270.	Париж, 24 февраля/9 марта 1915 г.	По словам Делькассэ, Франция согласна на предоставление России Константинополя и Проливов, при условии обеспечения свободы международной торговли в Проливах.
LXX. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 128. Стр. 270.	Париж, 24 февраля/9 марта 1915 г.	Выражение сожаления Делькассэ по поводу отказа Сазонова приехать в Париж.
LXXI. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 1057. Стр. 271.	Петроград, 25 февраля / 10 марта 1915 г.	Об обоюдной цензуре в виду появления во французской прессе неблагожелательных России статей по вопросу о Константинополе и Проливах.

LXXII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 1058. Стр. 271.	Петроград, 25 февраля / 10 марта 1915 г.	Предложение французскому и английскому правительствам сообщить проект желательных для них экономических гарантий в области Проливов.
LXXIII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 129. Стр. 272.	Париж, 25 февраля / 10 марта 1915 г.	По вопросу об обеспечении свободы международной торговли в Проливах.
LXXIV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 170. Стр. 273.	Лондон, 25 февраля / 10 марта 1915 г.	Беседа с Грэем о привлечении Греции к участию в операциях против Проливов и о русских притязаниях на Константинополь и Проливы.
LXXV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 174. Стр. 274.	Лондон, 26 февраля / 11 марта 1915 г.	Английские пожелания в области Проливов касаются вопроса о свободе торгового плавания и о свободном порте для транзитных грузов.
LXXVI. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 274.	Петроград, 12 марта 1915 г.	Английское правительство согласно на разрешение вопроса о Константинополе и Проливах сообразно с русскими притязаниями, если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах. (Соглашение о Константинополе и Проливах; дополнение—LXXVII).
LXXVII. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 275.	Петроград, 12 марта 1915 г.	Выражая свое согласие на предоставление России Константинополя и Проливов, английское правительство высказывает пожелание: 1) об учреждении в Константинополе свободного порта, 2) о привлечении Греции к операциям на Проливах, 3) об удовлетворении притязаний Франции и Англии в Азиатской Турции и 4) о пересмотре части англо-русского соглашения 1907 г., касающейся Персии.
LXXVIII. Телеграмма А. К. Бекендорфа—С. Д. Сазонову. Стр. 277.	Лондон, 28 февраля / 13 марта 1915 г.	О желательности выразить благодарность английскому правительству за признание им русских притязаний на Константинополь и Проливы.
LXXIX. Письмо А. П. Извольского — С. Д. Сазонову. Стр. 277.	Париж, 1/14 марта 1915 г.	Подробное изложение хода переговоров с Делькассэ по вопросу о Константинополе и Проливах.
LXXX. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 178. Стр. 281.	Лондон, 1 / 14 марта 1915 г.	Текст английской памятной записки, признающей русские притязания на Константинополь и Проливы, был предварительно сообщен лидерам оппозиции.

LXXXI. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 1226. Стр. 282.	Париж, 5/18 марта 1915 г.	Пожелание российского правительства иметь точные заявления о согласии Франции на предоставление России Константинополя и Проливов.
LXXXII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 143. Стр. 283.	Париж, 5/18 марта 1915 г.	Об отношении французской прессы к вопросу о Константинополе и Проливах.
LXXXIII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 1265. Стр. 284.	Петроград, 7/20 марта 1915 г.	Ответ российского правительства на меморандум Англии от 12 марта 1915 г.
LXXXIV. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 285.	Петроград, 20 марта 1915 г.	По мнению Грэя, три союзных державы должны дать заверения Болгарии и Румынии в том, что Проливы будут открыты для румынских и болгарских военных судов и будут свободны для торговли.
LXXXV. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 157. Стр. 286.	Париж, 7/20 марта 1915 г.	Согласие Делькассэ сделать российскому правительству заявление в письменной форме по вопросу о Константинополе и Проливах.
LXXXVI. Памятная записка С. Д. Сазонова — М. Палеологу и Дж. Бьюкенену, №№ 313 и 318. Стр. 286.	Петроград, 8/21 марта 1915 г.	По мнению Сазонова, следует отложить сообщение Румынии об открытии Проливов для ее военных судов до того момента, когда Румыния решится активно стать на сторону союзников.
LXXXVII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 1310. Стр. 287.	Петроград, 9/22 марта 1915 г.	Согласие Сазонова на заявление Грэя румынскому посланнику, что Россия обеспечит экономические интересы Румынии в области Проливов.
LXXXVIII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 1315. Стр. 287.	Петроград, 10/23 марта 1915 г.	Сазонов подчеркивает более определенный характер английского меморандума, по сравнению с заявлением французского посольства.
LXXXIX. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 168. Стр. 288.	Париж, 11/24 марта 1915 г.	Делькассэ предписал Палеологу сделать в письменной форме заявление о Константинополе и Проливах.
XC. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 182. Стр. 288.	Париж, 15/28 марта 1915 г.	В виду некоторых неблагоприятных для России течений во французском общественном мнении по вопросу о Константинополе и Проливах, необходимо, по мнению Извольского, „присвоить России главную военно-морскую роль при занятии Константинополя“.

XCI. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 475 (дешифрант). Стр. 289.	Лондон, 30 марта 1915 г.	О распространяемом германским посланником в Стокгольме слухе, будто бы Англия и Франция заключили сепаратное соглашение о Константинополе.
XCII. Телеграмма А. А. Нератова — А. В. Неклюдову, № 1472. Стр. 290.	Петроград, 18/31 марта 1915 г.	Опровержение сообщения из Берлина о том, что Англия и Франция заключили сепаратное соглашение о судьбе Константинополя.
XCIII. Телеграмма А. А. Нератова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 1473. Стр. 290.	Петроград, 18/31 марта 1915 г.	Просьба к английскому и французскому правительствам опровергнуть существование соглашения, „измышленного" германской печатью.
XCIV. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 189. Стр. 290.	Париж, 19 марта/1 апреля 1915 г.	Извольский запрашивает Сазонова, сделал ли Палеолог предписанное ему заявление о Константинополе и Проливах.
XCV. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 1518. Стр. 291.	Петроград, 21 марта / 3 апреля 1915 г.	Сообщение Сазонова, что Палеолог не сделал письменного заявления по вопросу о Константинополе и Проливах.
XCVI. Письмо Н. Н. Янушкевича—С. Д. Сазонову. Стр. 291.	Ставка, 21 марта/3 апреля 1915 г.	По вопросу об участии России в операциях союзников на Проливах.
XCVII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 197. Стр. 294.	Париж, 23 марта/5 апреля 1915 г.	Сообщение о том, что Делькассе предписал Палеологу сделать заявление по вопросу о Константинополе и Проливах.
XCVIII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 232. Стр. 294.	Лондон, 24 марта/6 апреля 1915 г.	Предписание Никольсона английскому представителю в Стокгольме опровергнуть немецкое сообщение.
XCIX. Вербальная нота французского посольства — С. Д. Сазонову, № 120. Стр. 295.	Петроград, 10 апреля 1915 г.	Французское правительство даст согласие на аннексию Россией Константинополя и Проливов, при условии осуществления Англией и Францией их планов на Востоке и в других местах. (Соглашение о Константинополе и Проливах).
C. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 639. Стр. 295.	Париж, 29 сентября /12 октября 1915 г.	В связи с недовольством французских политических кругов политикой России на Балканах, во французской прессе ставится вопрос о пересмотре соглашения о Константинополе и Проливах.
CI. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1999 (дешифрант). Стр. 297.	Петроград, 30 декабря 1915 г.	Переговоры с Джемалем - пашей о заключении сепаратного мира с Турцией.

CII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 948. Стр. 298.	Петроград, 24 февраля/8 марта 1916 г.	Инструкция Извольскому для руководства на предстоящей союзной конференции.
CIII. Письмо А. П. Извольского — Б. В. Штюрмеру, № 912. Стр. 299.	Париж, 16/29 августа 1916 г.	О состоявшейся в августе 1916 г. в Париже сессии национального совета французской объединенной социалистической партии.
CIV. Телеграмма А. П. Извольского — Н. Н. Покровскому, № 969. Стр. 303.	Париж, 16/29 декабря 1916 г.	Об отношении французских политических и общественных кругов к вопросу о Константинополе и Проливах.

III. Отношение Италии к вопросу о Проливах.

§ 1. Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с выступлением Италии, 1915 г.

CV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 104. Стр. 305.	Лондон, 4/17 февраля 1915 г.	Беседа с ген. Гарибальди по вопросу о Константинополе и Проливах.
CVI. Телеграмма А. Карлотти — С. Соннино (дешифрант). Стр. 306.	Петроград, 26 февраля 1915 г.	Сведения, полученные Карлотти, о существовании соглашения между союзниками по вопросу о Константинополе и Проливах.
CVII. Письмо А. Н. Крупенского — С. Д. Сазонову. Стр. 307.	Рим, 18 февраля/3 марта 1915 г.	О политическом положении в Италии и возможности вступления ее в войну.
CVIII. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 114. Стр. 311.	Париж, 19 февраля/4 марта 1915 г.	По мнению Делькассэ, крайне желательно вступление Италии в войну на стороне держав Согласия.
CIX. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 305 (дешифрант). Стр. 311.	Лондон, 4 марта 1915 г.	Мнение английского правительства о том же.
CX. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 255. Стр. 312.	Петроград, 5 марта 1915 г.	Отрицательное отношение Сазонова к участию Италии и Греции в операциях против Турции.
CXI. Телеграмма С. Соннино — А. Карлотти. Стр. 313.	Рим, 6 марта 1915 г.	О соглашениях Тройственного Согласия по вопросу о Константинополе.
CXII. Памятная записка С. Д. Сазонова — М. Палеологу и Дж. Бьюкенену. Стр. 313.	Петроград, 22 февраля/7 марта 1915 г.	Российское правительство не возражает против участия Италии в войне на стороне держав Согласия, но считает, что преимущества, предоставленные Италии за ее сотрудничество, должны соответствовать военной и политической помощи, которую итальянцы могут оказать.

CXIII. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 264 (дешифрант). Стр. 313.	Петроград, 7 марта 1915 г.	Уведомление о получении памятной записки Сазонова от 7 марта 1915 г.
CXIV. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 1001. Стр. 314.	Петроград, 23 февраля/8 марта 1915г.	Условия допущения Италии к совместным действиям с союзниками против Турции, предложенные Россией.
CXV. Письмо А. Н. Крупенского — С. Д. Сазонову. Стр. 315.	Рим, 25 февраля/10 марта 1915 г.	О переменах в настроении итальянского кабинета в сторону вмешательства Италии в войну.
CXVI. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 126. Стр. 317.	Париж, 25 февраля/10 марта 1915 г.	Ответ Делькассэ на предложенные Россией условия допущения Италии к войне.
CXVII. Телеграмма С. А. Поклевского — С. Д. Сазонову, № 154. Стр. 317.	Букарест, 4/17 марта 1915 г.	О готовящемся вступлении Италии в войну на стороне держав Согласия.
CXVIII. Телеграмма С. А. Поклевского—С. Д. Сазонову, № 155. Стр. 318.	Букарест, 4/17 марта 1915 г.	По поводу запросов итальянского посланника в Букаресте, почему державы Тройственного Согласия не начинают переговоров с Италией.
CXIX. Телеграмма С. Соннино — А. Карлотти (дешифрант). Стр. 318.	Рим, 21 марта 1915 г.	Уведомление о том, что согласно утверждению Солдатенкова, Сазонов принял все пожелания Италии.
CXX. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 319.	Петроград, 1 апреля 1915 г.	Итальянские притязания в области Адриатики.
CXXI. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 1757. Стр. 322.	Петроград, 6/19 апреля 1915 г.	По мнению Сазонова, декларация о присоединении Италии к соглашению от 5 сентября 1914 г. должна быть обусловлена заявлением, что все уже состоявшиеся между союзниками решения, касательно будущего мира, остаются в силе.
CXXII. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 322.	Петроград, 20 апреля 1915 г.	Возражения Грэя против предложения Сазонова отклонить сотрудничество Италии, если не будет обеспечено ее вступление в войну в течение месяца.
CXXIII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 1797. Стр. 324.	Петроград, 7/20 апреля 1915 г.	Согласие России на подписание договора с Италией, при условии некоторых оговорок.
CXXIV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 268. Стр. 325.	Лондон, 7/20 апреля 1915 г.	Возражения английского правительства против внесения в настоящий момент дополнений к договору с Италией.

CXXV. Телеграмма Николая II — Р. Пуанкарэ. Стр. 326.	Петроград, 8/21 апреля 1915 г.	Согласие на подписание договора с Италией о вступлении ее в войну, при условии незыблемости всех ранее состоявшихся между союзниками соглашений.
CXXVI. Памятная записка С. Д. Сазонова — М. Палеологу и Дж. Бьюкенену. Стр. 326.	Петроград, 8/21 апреля 1915 г.	О том же.
CXXVII. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 327.	Петроград, 22 апреля 1915 г.	Предложение Грэя поставить Италию в известность после ее присоединения к соглашению от 5 сентября 1914 г., что „вопрос о Константинополе и Проливах должен быть принят ею, как решенный".
CXXVIII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 1824. Стр. 328.	Петроград, 9/22 апреля 1915 г.	Содержание двух нот, которые Сазонов предлагает передать Грэю и Камбону после подписания соглашения с Италией.
CXXIX. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 329.	Петроград, 22 апреля 1915 г.	Грэй высказывает полное одобрение позиции, занятой Сазоновым по отношению к Италии.
CXXX. Памятная записка С. Д. Сазонова — Дж. Бьюкенену. Стр. 331.	Петроград, 9/22 апреля 1915 г.	Заявление о том, что российское правительство принимает обе формулы, предложенные для соглашения с Италией.
CXXXI. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 332.	Петроград, 23 апреля 1915 г.	Заявление Грэя о том, что соглашения, состоявшиеся между союзниками, не подлежат пересмотру в связи с присоединением Италии.
CXXXII. Памятная записка французского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 332.	Петроград, 24 апреля 1915 г.	Согласие французского правительства на обмен нот о незыблемости состоявшихся между союзниками соглашений.
CXXXIII. Телеграмма Р. Пуанкарэ — Николаю II. Стр. 333.	Париж, (копия министерства без даты—апрель 1915 г.).	О готовности Франции защищать интересы славянских народов и о незыблемости ранее заключенных между союзниками соглашений.
CXXXIV. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 1887. Стр. 333.	Петроград, 12/25 апреля 1915 г.	О передаче ответной телеграммы Николая II президенту французской республики.
CXXXV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 283. Стр. 334.	Лондон, 15/28 апреля 1915 г.	Обмен нотами между Россией, Францией и Англией о том, что соглашения, состоявшиеся между союзниками до присоединения Италии, не подлежат пересмотру.

CXXXVI. Телеграмма Ф. Эллиота — Эд. Грэю, № 488 (дешифрант). Стр. 335.	Афины, 9 июля 1915 г.	Сведения, полученные греческим правительством о состоявшемся между Германией и Италией соглашении.
CXXXVII. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 4098. Стр. 335.	Петроград, 10/23 августа 1915 г.	Предложение Сазонова о посылке итальянских войск в Дарданеллы в связи с образованием македонского фронта.
CXXXVIII. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 520. Стр. 335.	Париж, 12/25 августа 1915 г.	По мнению Делькассэ, Италия вряд-ли согласится на посылку войск в Дарданеллы.
CXXXIX. Телеграмма Г. Н. Трубецкого — С. Д. Сазонову, № 775. Стр. 336.	Ниш, 14/27 августа 1915 г.	По мнению Трубецкого, участие итальянских войск в дарданелльских операциях усилит влияние Италии в разрешении константинопольского вопроса.
CXL. Телеграмма М. Н. Гирса — С. Д. Сазонову, № 333. Стр. 337.	Рим, 15/28 августа 1915 г.	Слух о посылке Италией десантного корпуса в Малую Азию.
CXLI. Письмо Д. А. Нелидова — С. Д. Сазонову, № 30. Стр. 337.	Рим, 20 октября / 2 ноября 1915 г.	Отношение св. Престола к вопросу о Константинополе.

§ 2. Сообщение Италии ближневосточных соглашений и присоединение ее к соглашению о Константинополе и Проливах, 1915—1916 г.

CXLII. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 1891 (дешифрант). Стр. 339.	Лондон, 24 августа 1915 г.	О желании Италии быть осведомленной о состоявшемся между союзниками соглашении относительно судьбы Константинополя.
CXLIII. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 1891 / а (дешифрант). Стр. 339.	Лондон, 24 августа 1915 г.	Проект ответа итальянскому правительству о состоявшемся соглашении, предложенный Грэем.
CXLIV. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 340.	Петроград, 26 августа 1915 г.	О том же.
CXLV. Памятная записка С. Д. Сазонова — М. Палеологу и Дж. Бьюкенену. Стр. 341.	Петроград, 14/27 августа 1915 г.	По мнению Сазонова, сообщение Италии соглашения о Константинополе должно быть отложено до момента выполнения Италией обязательств, принятых ею в силу Лондонского договора 13/26 апреля 1915 г.
CXLVI. Телеграмма А. Карлотти — С. Соннино, № 190 (дешифрант). Стр. 342.	Петроград, 18 мая 1916 г.	Сведения, полученные Карлотти о существовании секретного договора между державами Согласия по вопросу о Константинополе и Проливах.

CXLVII. Телеграмма С. Соннино — А. Карлотти, № 655 (дешифрант). Стр. 342.	Рим, 22 мая 1916 г.	Французское правительство считает необходимым, чтобы Грэй сообщил итальянскому правительству во всех деталях договор с Россией.
CXLVIII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 268. Стр. 343.	Лондон, 11/24 мая 1916 г.	По мнению Грэя, ответ итальянскому правительству должен быть дан в Лондоне в форме устного сообщения итальянскому послу.
CXLIX. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 341. Стр. 343.	Париж, 12/25 мая 1916 г.	По поводу интервью Милюкова с редактором газеты „l'Oeuvre" о Константинополе и Проливах.
CL. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 280. Стр. 344.	Лондон, 13/26 мая 1916 г.	Заявление Грэя — Империали по поводу соглашения между союзниками о Константинополе и Проливах.
CLI. Телеграмма Б. В. Штюрмера — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 3864. Стр. 345.	Петроград, 24 августа / 6 сентября 1916 г.	Сопроводительная к проекту сообщения Италии ближневосточных соглашений.
CLII. Телеграмма Б. В. Штюрмера — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 3865. Стр. 346.	Петроград, 24 августа / 6 сентября 1916 г.	Проект сообщения Италии ближневосточных соглашений, предложенный российским правительством.
CLIII. Памятная записка итальянского министра иностранных дел, переданная А. Карлотти — Б. В. Штюрмеру, № 2. Стр. 347.	Петроград, 19 ноября 1916 г.	Ответ итальянского правительства на сделанное ему сообщение о состоявшихся между Францией, Великобританией и Россией ближневосточных соглашениях.
CLIV. Телеграмма Б. В. Штюрмера — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 4877. Стр. 348.	Петроград, 6/19 ноября 1916 г.	По поводу меморандума итальянского правительства от 19 ноября 1916 г. об итальянских притязаниях в Азиатской Турции.
CLV. Телеграмма А. П. Извольского—Б. В. Штюрмеру, № 835. Стр. 349.	Париж, 9/22 ноября 1916 г.	Отношение французского правительства к итальянским притязаниям в Азиатской Турции.
CLVI. Телеграмма М. Н. Гирса — Б. В. Штюрмеру, № 784. Стр. 350.	Рим, 10/23 ноября 1916 г.	По мнению Гирса, Италия не имеет права обсуждать вопрос о Константинополе и Проливах в виду того, что соглашение трех держав по этому вопросу состоялось до вступления ее в войну.
CLVII. Телеграмма А. А. Нератова — М. Н. Гирсу, № 5024. Стр. 350.	Петроград, 15/28 ноября 1916 г.	По вопросу о присоединении Италии к соглашению 1915 г. о Константинополе и Проливах.
CLVIII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—А. А. Нератову, № 734. Стр. 351.	Лондон, 15/28 ноября 1916 г.	Согласие Грэя на присоединение Италии к соглашению о Константинополе и Проливах.

CLIX. Телеграмма А. А. Нератова — М. Н. Гирсу, № 5026. Стр. 352.	Петроград, 15/28 ноября 1916 г.	О присоединении Италии к соглашению о Константинополе и Проливах и о сохранении в силе соглашения, заключенного в Раккониджи в 1909 г.
CLX. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1820 (дешифрант). Стр. 352.	Петроград, 28 ноября 1916 г.	По вопросу о присоединении Италии к декларации союзников о Константинополе и Проливах.
CLXI. Телеграмма А. П. Извольского — А. А. Нератову, № 849. Стр. 352.	Париж, 16/29 ноября 1916 г.	Согласие французского правительства на присоединение Италии к соглашению о Константинополе и Проливах.
CLXII. Телеграмма М. Н. Гирса — А. А. Нератову, № 795. Стр. 353.	Рим, 16/29 ноября 1916 г.	По поводу формулы Соннино о сохранении в силе соглашения в Раккониджи 1909 г.
CLXIII. Телеграмма А. А. Нератова — М. Н. Гирсу, № 5060. Стр. 353.	Петроград, 17/30 ноября 1916 г.	Согласие российского правительства на формулу Соннино касательно Раккониджи.
CLXIV. Телеграмма М. Н. Гирса — А. А. Нератову, № 803. Стр. 354.	Рим, 19 ноября/ 2 декабря 1916 г.	Сообщение о состоявшемся обмене документов касательно Константинополя и нот касательно Раккониджи.
CLXV. Памятная записка М. Н. Гирса — С. Соннино, № 114. Стр. 354.	Рим, 19 ноября/ 2 декабря 1916 г.	Соглашение с Италией о Константинополе и Проливах (см. след.).
CLXVI. Текст памятной записки С. Соннино — М. Н. Гирсу, № 56165-230. Стр. 355.	Рим, 2 декабря 1916 г.	Согласие Италии на предоставление России Константинополя и Проливов, при условии осуществления итальянских притязаний на Востоке и в других местах.
CLXVII. Телеграмма М. Н. Гирса—А. А. Нератову, № 807. Стр. 355.	Рим, 19 ноября/ 2 декабря 1916 г.	Обмен нот между российским и итальянским правительствами о сохранении в силе соглашения в Раккониджи 1909 г.

IV. Отношение Румынии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1914 — 1916 гг.

CLXVIII. Всеподданнейший доклад С. Д. Сазонова. Стр. 356.	Петроград, 11/24 июня 1914 г.	О свидании русского императора с румынским королем в Констанце.
CLXIX. Телеграмма Т. Делькассэ—М. Палеологу, № 351 (дешифрант). Стр. 364.	Париж, 9 ноября 1914 г.	О впечатлении, произведенном в Румынии манифестом Николая II об объявлении войны Турции.
CLXX. Телеграмма М. Палеолога—Т. Делькассэ, № 893 (дешифрант). Стр. 364.	Петроград, 10 ноября 1914 г.	О том же.

CLXXI. Выдержка из письма П. П. Гудим-Левковича—М. Н. Леонтьеву, № 127. Стр. 365.	Афины, 24 декабря 1914 г./6 января 1915 г.	О стремлении Румынии создать блок балканских государств для противодействия политике России в области Проливов.
CLXXII. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 365.	Петроград, 9 января 1915 г.	Заявление румынского премьер-министра о желательности образования „блока", состоящего из Румынии, Греции и Болгарии с целью добиться удовлетворительного решения вопроса о Проливах.
CLXXIII. Телеграмма Э. П. Демидова — С. Д. Сазонову, № 414. Стр. 366.	Афины, 29 декабря 1914 г./11 января 1915 г.	Опровержение греческим правительством слухов об его участии в румыно-болгарских переговорах для обеспечения общих интересов в отношении Проливов.
CLXXIV. Телеграмма С. А. Поклевского—С Д. Сазонову, № 8. Стр. 367.	Букарест, 2/15 января 1915 г.	О беседе с Братиано по поводу тех же переговоров.
CLXXV. Телеграмма К. Диаманди—Э. Порумбаро, № 6 (дешифрант). Стр. 368.	Петроград, 16 января 1915 г.	Опровержение французским послом в Петрограде факта заключения соглашения между Англией и Россией относительно Проливов.
CLXXVI. Телеграмма Э. Порумбаро — К. Диаманди, № 230 (дешифрант). Стр. 368.	Букарест, 18 января 1915 г.	Предписание воздержаться от всяких переговоров с Сазоновым по вопросу о Проливах до получения новых инструкций.
CLXXVII. Телеграмма И. А. Кудашева — С. Д. Сазонову, № 2. Стр. 369.	Гавр, 9/22 января 1915 г.	О возможности заключения румыно-греко-болгарского союза с целью противодействия России и Сербии.
CLXXVIII. Телеграмма С. А. Поклевского—С. Д. Сазонову, № 62. Стр. 369.	Букарест, 20 января /2 февраля 1915 г.	По мнению Братиано, в виду намерения Румынии выступить на стороне Тройственного Согласия, следует избегать местного балканского конфликта.
CLXXIX. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 72. Стр. 370.	Париж, 4/17 февраля 1915 г.	По мнению Делькассэ, предложение держав Согласия румынскому правительству выступить на стороне союзников следует отложить до выяснения результатов предстоящих действий англо-французского флота в Дарданеллах.
CLXXX. Телеграмма С. Соннино — А. Карлотти, (дешифрант). Стр. 371.	Рим, 19 февраля 1915 г.	Сообщение о том, что румынское правительство не согласно признать зависимость Проливов от одной державы.
CLXXXI. Телеграмма С. А. Поклевского—С. Д. Сазонову, № 122. Стр. 371.	Букарест, 18 февраля/3 марта 1915 г.	О впечатлении, произведенном в Румынии бомбардировкой Дарданелл.

CLXXXII. Телеграмма К. Диаманди—Э. Порумбаро, № 310 (дешифрант). Стр. 372.	Петроград, 6 марта 1915 г.	Об операциях союзного флота у Дарданелл.
CLXXXIII. Телеграмма К. Диаманди—Э. Порумбаро, № 313 (дешифрант). Стр. 372.	Петроград, 7 марта 1915 г.	Об отношении держав Согласия к участию нейтральных государств в дарданелльской операции.
CLXXXIV. Телеграмма К. Диаманди—Э. Порумбаро, № 409 (дешифрант). Стр. 373.	Петроград, 16 марта 1915 г.	Беседа с французским послом о Константинополе и Проливах.
CLXXXV. Телеграмма С. А. Поклевского—С. Д. Сазонову, № 156. Стр. 374.	Букарест, 3/16 марта 1915 г.	Братиано категорически отрицает пропуск через Румынию каких бы то ни было военных припасов для Турции.
CLXXXVI. Телеграмма М. Боэреско — Э. Порумбаро, № 213 (дешифрант). Стр. 375.	Лондон, 18 марта 1915 г.	Сведения, полученные Боэреско о заключении между союзниками соглашения относительно Константинополя.
CLXXXVII. Телеграмма С. А. Поклевского—А. А. Нератову, № 162. Стр. 375.	Букарест, 6/19 марта 1915 г.	О пропуске через Румынию военных припасов для Турции.
CLXXXVIII. Памятная записка великобританского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 376.	Петроград, 26 марта 1915 г.	На запрос Румынии, будет ли обеспечена свобода торговли в Проливах, Грэй дал положительный ответ.
CLXXXIX. Телеграмма Э. Порумбаро — М. Боэреско, № 7567 (дешифрант). Стр. 377.	Букарест, 27 марта 1915 г.	Запрос Порумбаро о состоявшихся между союзниками соглашениях по вопросу о Проливах.
CXC. Телеграмма С. А. Поклевского — А. А. Нератову, № 188. Стр. 377.	Букарест, 19 марта/1 апреля 1915 г.	По поводу заявления фельдмаршала фон дер Гольца-паши относительно состояния турецкой армии и обороны Проливов.
CXCI. Телеграмма С. А. Поклевского — С. Д. Сазонову, № 471. Стр. 378.	Букарест, 8/21 августа 1915 г.	Заверения Братиано, что румынское правительство относится сочувственно к идее восстановления балканского блока.
CXCII. Телеграмма С. А. Поклевского — С. Д. Сазонову, № 472. Стр. 379.	Букарест, 8/21 августа 1915 г.	Заявление Братиано о заинтересованности Румынии в вопросе о Константинополе.
CXCIII. Памятная записка великобританского посольства, № 277.—С. Д. Сазонову. Стр. 379.	Петроград, 4 ноября 1915 г.	Условия военного характера, выдвигаемые Румынией в связи с переговорами о вступлении ее в войну на стороне держав Согласия.

CXCIV. Телеграмма С. А. Поклевского—С. Д. Сазонову, № 831. Стр. 380.	Букарест, 19 декабря 1915 г./1 января 1916 г.	Прения о внешней политике в румынской палате депутатов.
CXCV. Телеграмма С. А. Поклевского—Б. В. Штюрмеру, № 550. Стр. 380.	Букарест, 15/28 августа 1916 г.	Заседание коронного совета в связи со вступлением Румынии в войну на стороне держав Согласия.

V. Отношение Сербии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1915 г.

CXCVI. Телеграмма Г. Н. Трубецкого — С. Д. Сазонову, № 200. Стр. 383.	Ниш, 14/27 февраля 1915 г.	По мнению Трубецкого, сербы желают утверждения России на Проливах, видя в нем обеспечение „против болгарского империализма и притязаний Румынии на Балканах".

VI. Отношение Японии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1915—1916 гг.

CXCVII. Телеграмма К. Диаманди — Э. Порумбаро, № 692 (дешифрант). Стр. 384.	Петроград, 3 мая 1915 г.	По мнению японского посла, Франция и Англия не будут возражать против предоставления России Константинополя, но обеспечат свободу плавания в Проливах.
CXCVIII. Депеша Н. А. Малевского-Малевича — С. Д. Сазонову, № 51. Стр. 384.	Токио, 2/15 июля 1915 г.	О настроении японских политических кругов в пользу заключения русско-японского союза.
CXCIX. Депеша Н. А. Малевского-Малевича — С. Д. Сазонову, № 54. Стр. 387.	Токио, 16/29 июля 1915 г.	Об отношении японской прессы к вопросу о заключении русско-японского союза.
CC. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. К. Бенкендорфу, № 4713. Стр. 388.	Петроград, 10/23 сентября 1915 г.	Проект сообщения Японии соглашения о Константинополе и Проливах, в связи с присоединением ее к конвенции 5 сентября 1914 г.
CCI. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 633. Стр. 389.	Лондон, 10/23 сентября 1915 г.	Предложение Грэя по поводу сообщения Японии состоявшихся между союзниками соглашений.
CCII. Телеграмма К. Диаманди—Э. Порумбаро, № 142 (дешифрант). Стр. 390.	Петроград, 6 февраля 1916 г.	По мнению японского посла в Петрограде, если Константинополь не будет взят союзниками до заключения мира, вопрос о нем может быть решен только соглашением всех держав.
CCIII. Депеша В. Н. Крупенского — С. Д. Сазонову, № 44. Стр. 391.	Токио, 2/15 июля 1916 г.	О сочувственном отношении японского общественного мнения к русско-японскому соглашению от 20 июня 1916 г.

VII. Отношение Северо-Американских Соединенных Штатов к междусоюзническим соглашениям, 1917 г.

CCIV. Телеграмма К. М. Ону — П. Н. Милюкову, № 221. Стр. 395.	Вашингтон, 20 апреля/3 мая 1917 г.	Заявление Бальфура, что союзные державы не предполагают вступать в договорные отношения с С.-А. С. Штатами.
CCV. Телеграмма К. М. Ону — М. И. Терещенко, № 289. Стр. 396.	Вашингтон, 12/25 мая 1917 г.	О впечатлении, произведенном в С.-А. С. Штатах декларацией российского правительства от 6/19 мая 1917 г.
CCVI. Телеграмма К. М. Ону — М. И. Терещенко, № 311. Стр. 397.	Вашингтон, 22 мая/4 июня 1917 г.	Содержание ответной ноты правительства С.-А. С. Штатов на декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCVII. Телеграмма Б. А. Бахметева — М. И. Терещенко. Стр. 398.	Вашингтон, 15/28 июня 1917 г.	Просьба осветить ряд вопросов, связанных с декларацией временного правительства от 6/19 мая 1917 г.
CCVIII. Телеграмма М. И. Терещенко — Б. А. Бахметеву, № 2830. Стр. 398.	Петроград, 21 июня/4 июля 1917 г.	Ответ на вопросы, поставленные Бахметевым в предшествующей телеграмме.
CCIX. Телеграмма Б. А. Бахметева — М. И. Терещенко, № 614. Стр. 400.	Вашингтон, 4/17 июля 1917 г.	По вопросу о получении Россией финансовой помощи от С.-А. С. Штатов и о желательности русско-американского сближения в области международной политики.
CCX. Телеграмма Б. А. Бахметева — М. И. Терещенко, № 409. Стр. 402.	Вашингтон, 11/24 июля 1917 г.	По вопросу об участии С.-А. С. Штатов в предполагаемой междусоюзнической конференции.
CCXI. Телеграмма М. И. Терещенко — Б. А. Бахметеву, № 3181. Стр. 402.	Петроград, 15/28 июля 1917 г.	О том же.
CCXII. Телеграмма М. И. Терещенко — Б. А. Бахметеву, № 3571. Стр. 403.	Петроград, 5/18 августа 1917 г.	Предписание войти в доверительный обмен мнений с вашингтонским правительством по турецкому вопросу в целях достижения согласованности действий России и С.-А. С. Штатов по окончании войны.
CCXIII. Телеграмма Б. А. Бахметева — М. И. Терещенко, № 501. Стр. 404.	Вашингтон, 18/31 августа 1917 г.	По поводу желания С.-А. С. Штатов определить цели войны и побудить союзников отказаться от завоевательных стремлений в Турции.

VIII. Вопрос о Константинополе в переговорах А. Д. Протопопова с Варбургом, 1916 г.

CCXIV. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1195 (дешифрант). Стр. 405.	Петроград, 28 июля 1916 г.	Содержание беседы Протопопова с Варбургом о предлагаемых Германией условиях мира.
CCXV. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1701 (дешифрант). Стр. 406.	Петроград, 7 ноября 1916 г.	Отрицательное отношение Николая II к мирным предложениям Германии.
CCXVI. Телеграмма А. А. Нератова — А. В. Неклюдову, № 5268. Стр. 406.	Петроград, 29 ноября / 12 декабря 1916 г.	По поводу утверждения Протопопова, что его беседа с Варбургом происходила „с ведома и по просьбе" Неклюдова.
CCXVII. Телеграмма А. Д. Протопопова—А. В. Неклюдову. Стр. 407.	Петроград, 29 ноября / 12 декабря 1916 г.	Просьба телеграфировать, что Неклюдов был осведомлен о беседе Протопопова с Варбургом.
CCXVIII. Телеграмма А. В. Неклюдова — А. А. Нератову, № 568. Стр. 408.	Стокгольм, 30 ноября / 13 декабря 1916 г.	Неклюдов опровергает утверждение Протопопова, что беседа последнего с Варбургом происходила по его просьбе.
CCXIX. Телеграмма А. Карлотти — С. Соннино (дешифрант). Стр. 408.	Петроград, 13 декабря 1916 г.	По поводу беседы, которую имел Протопопов с Варбургом в Стокгольме.
CCXX. Письмо А. В. Неклюдова — Н. Н. Покровскому. Стр. 409.	Стокгольм, 8 / 21 декабря 1916 г.	Обстоятельства, предшествовавшие беседе Протопопова с Варбургом, и содержание последней.

IX. Переговоры между союзниками об опубликовании соглашения относительно Константинополя и Проливов, 1916 г.

CCXXI. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 150. Стр. 412.	Лондон, 24 марта/ 6 апреля 1916 г.	Беседа с Грэем по вопросу об опубликовании соглашения о Константинополе и Проливах.
CCXXII. Телеграмма Георга V—Николаю II. Стр. 414.	Лондон, копия министерства без даты—август 1916 г.	Опровержение слуха, распространяемого германскими агентами, что Англия намерена противодействовать обладанию Россией Константинополем.
CCXXIII. Телеграмма Николая II — Георгу V. Стр. 415.	29 августа/11 сентября 1916 г.	О желательности правительственной декларации, устанавливающей, что Англия и Франция считают обладание Россией Константинополем и Проливами неизменным условием мира.
CCXXIV. Телеграмма Эд. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 2096 (дешифрант). Стр. 415.	Лондон, 16 сентября 1916 г.	Грэй согласен в принципе на опубликование соглашения, но предлагает его отсрочить до более благоприятной военной обстановки.

CCXXV. Телеграмма Б. В. Штюрмера—А. К. Бенкендорфу, № 4027. Стр. 416.	Петроград, 5/18 сентября 1916 г.	О том же.
CCXXVI. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—Б. В. Штюрмеру, № 549. Стр. 417.	Лондон, 5/18 сентября 1916 г.	По мнению Грэя, дата опубликования должна быть установлена с общего согласия, принимая во внимание военное положение на турецком фронте.
CCXXVII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—Б. В. Штюрмеру, № 558. Стр. 418.	Лондон, 7/20 сентября 1916 г.	По поводу затруднений, которые встречает в Париже опубликование соглашения.
CCXXVIII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—Б. В. Штюрмеру, № 559. Стр. 418.	Лондон, 7/20 сентября 1916 г.	С точки зрения английского правительства важно, чтобы опубликование совпало с благоприятным военным положением в Персии, ради впечатления в Афганистане и Индии.
CCXXIX. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—Б. В. Штюрмеру, № 568. Стр. 418.	Лондон, 12/25 сентября 1916 г.	О том же, а также о предисловии к публикуемым документам, предложенном Грэем.
CCXXX. Телеграмма Б. В. Штюрмера — А. К. Бенкендорфу, № 4365. Стр. 419.	Петроград, 30 сентября / 13 октября 1916 г.	О желательности выработки формулы и редакции сообщения о константинопольском соглашении.
CCXXXI. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—Б. В. Штюрмеру, № 626. Стр. 420.	Лондон, 5/18 октября 1916 г.	Грэй вступил в сношения с Брианом для выработки редакции предисловия, которое будет предшествовать документам.
CCXXXII. Телеграмма Эд. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 2463 (дешифрант). Стр. 420.	Лондон, 21 октября 1916 г.	Предписание Бьюкенену — ознакомить Штюрмера с текстом сообщения, относительно соглашения о Константинополе.
CCXXXIII. Телеграмма Эд. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 2584 (дешифрант). Стр. 421.	Лондон, 6 ноября 1916 г.	По мнению Грэя, следует опубликовать только факт предстоящего получения Россией Константинополя.
CCXXXIV. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1704 (дешифрант). Стр. 421.	Петроград, 8 ноября 1916 г.	По мнению Штюрмера, опубликование соглашения следует отложить до улучшения положения в Румынии.
CCXXXV. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—Б. В. Штюрмеру, № 676. Стр. 422.	Лондон, 27 октября/9 ноября 1916 г.	Лондонский кабинет не имеет никаких возражений против немедленного опубликования документов, относительно Константинополя.
CCXXXVI. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1715 (дешифрант). Стр. 423.	Петроград, 10 ноября 1916 г.	Штюрмер считает желательным опубликовать соглашение в противовес германской декларации о польской независимости.

CCXXXVII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—Б. В. Штюрмеру, № 685. Стр. 424.	Лондон, 29 октября/11 ноября 1916 г.	Грэй согласен отсрочить опубликование соглашения, в связи с положением в Румынии.
CCXXXVIII. Телеграмма А. П. Извольского—Б. В. Штюрмеру, № 808. Стр. 424.	Париж, 30 октября/12 ноября 1916 г.	О возможных затруднениях, которые встретит во французских политических кругах опубликование соглашения.
CCXXXIX. Телеграмма Эд. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 2665 (дешифрант). Стр. 425.	Лондон, 14 ноября 1916 г.	Согласие Грэя на декларацию российского правительства в гос. думе относительно соглашения о Константинополе и Проливах.
CCXL. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1744 (дешифрант). Стр. 425.	Петроград, 15 ноября 1916 г.	По мнению Штюрмера, было бы достаточно осведомить японское правительство о проектируемой декларации, не сообщая ему текста соглашения.
CCXLI. Телеграмма Б. В. Штюрмера — А. П. Извольскому, №4826. Стр. 426.	Петроград, 3/16 ноября 1916 г.	В виду принципиального согласия французского правительства на декларацию относительно Константинополя и Проливов, Штюрмер считает желательным немедленное опубликование соглашения.
CCXLII. Телеграмма А. П. Извольского—Б. В. Штюрмеру, № 820. Стр. 427.	Париж, 4/17 ноября 1916 г.	О согласии французского правительства на опубликование документов относительно Константинополя, при соблюдении условий, поставленных лондонским кабинетом.
CCXLIII. Телеграмма А. П. Извольского—Б. В. Штюрмеру, № 825. Стр. 427.	Париж, 5/18 ноября 1916 г.	Новое подтверждение со стороны французского правительства, что в вопросе об опубликовании Франция занимает такое же положение, как и Англия.
CCXLIV. Телеграмма Б. В. Штюрмера—А. П. Извольскому, №4876. Стр. 428.	Петроград, 6/19 ноября 1916 г.	Признательность французскому правительству за согласие на опубликование документов о Константинополе и Проливах.
CCXLV. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1798 (дешифрант). Стр. 428.	Петроград, 24 ноября 1916 г.	О впечатлении, которое произведет на румынское общественное мнение декларация о Константинополе и Проливах.
CCXLVI. Телеграмма Эд. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 2755 (дешифрант). Стр. 429.	Лондон, 24 ноября 1916 г.	По мнению Грэя, желательно опубликовать соглашение и документы о Константинополе на следующий день после проектируемой декларации в государственной думе.
CCXLVII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—А. А. Нератову, № 726. Стр. 429.	Лондон, 12/25 ноября 1916 г.	О необходимости дать румынскому правительству заверения в готовности России обеспечить интересы Румынии на Проливах.

CCXLVIII. Телеграмма А. А. Нератова—А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 5001. Стр. 430.	Петроград, 13/26 ноября 1916 г.	О предстоящем 19 ноября ст. ст. правительственном заявлении в государственной думе о соглашении относительно Константинополя и Проливов.
CCXLIX. Телеграмма А. А. Нератова—М. Н. Гирсу, № 5002. Стр. 431.	Петроград, 13/26 ноября 1916 г.	Предписание выяснить отношение итальянского правительства к предстоящей декларации о Константинополе и Проливах.
CCL. Телеграмма А. А. Нератова — М. Н. Гирсу, № 5003. Стр. 432.	Петроград, 13/26 ноября 1916 г.	Текст английского предисловия к публикуемым документам.
CCLI. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 2771 (дешифрант). Стр. 433.	Лондон, 26 ноября 1916 г.	О необходимости осведомить румынское правительство о соглашении касательно Константинополя и дать заверения относительно свободы прохода румынских судов через Проливы.
CCLII. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1815 (дешифрант). Стр. 434.	Петроград, 27 ноября 1916 г.	По поводу сообщения, которое следует сделать румынскому правительству.
CCLIII. Телеграмма А. А. Нератова—А. К. Бенкендорфу, № 5012. Стр. 434.	Петроград, 14/27 ноября 1916 г.	Российское правительство предполагает предупредить румынское о предстоящем заявлении в гос. думе и заверить его в готовности обеспечить интересы Румынии на Проливах.
CCLIV. Телеграмма А. А. Нератова — В. Н. Крупенскому, № 5025. Стр. 434.	Петроград, 15/28 ноября 1916 г.	Предписание уведомить японское правительство и передать ему тексты документов о Константинополе и Проливах, предназначенных к опубликованию.
CCLV. Телеграмма Николая II—А. А. Нератову. Стр. 435.	Ставка, 15/28 ноября 1916 г.	О необходимости немедленно известить румынское правительство о состоявшемся в 1915 г. соглашении относительно Константинополя и Проливов.
CCLVI. Телеграмма А. А. Нератова — С. А. Поклевскому, № 5034. Стр. 436.	Петроград, 15/28 ноября 1916 г.	Предписание предупредить румынское правительство о предполагаемом опубликовании документов о Константинополе и Проливах и дать ему заверения в готовности российского правительства обеспечить экономические интересы Румынии на Проливах.
CCLVII. Телеграмма А. П. Извольского—А. А. Нератову, № 848. Стр. 437.	Париж, 15/28 ноября 1916 г.	По мнению Соннино, опубликование соглашения о Константинополе и Проливах произведет неблагоприятное впечатление в Румынии.

CCLVIII. Телеграмма А. А. Нератова — А. П. Извольскому, А. К. Бенкендорфу и М. Н. Гирсу, № 5052. Стр. 437.	Петроград, 16/29 ноября 1916 г.	Вследствие изменившейся политической обстановки, предполагается ограничиться заявлением в гос. думе о соглашении касательно Константинополя и Проливов, не публикуя документов.
CCLIX. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1823 (дешифрант). Стр. 438.	Петроград, 29 ноября 1916 г.	О предложении Нератова ограничиться сообщением в гос. думе с указанием даты, когда было заключено соглашение.
CCLX. Телеграмма Н. А. Бера — А. А. Нератову, № 1074. Стр. 438.	Ставка, 16/29 ноября 1916 г.	Английское правительство считает необходимым осведомить заблаговременно Румынию о соглашении относительно Константинополя и Проливов.
CCLXI. Телеграмма А. А. Нератова—А. П. Извольскому, А. К. Бенкендорфу и М. Н. Гирсу, № 5061. Стр. 439.	Петроград, 17/30 ноября 1916 г.	О предписании российскому посланнику в Бухаресте успокоить румынское правительство относительно обеспечения интересов Румынии в области Проливов.
CCLXII. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 2802 (дешифрант). Стр. 439.	Лондон, 30 ноября 1916 г.	О согласии английского правительства на сообщение в гос. думе с указанием даты соглашения, для противодействия германской инсинуации о том, что Россия вызвала войну с целью получить Константинополь.
CCLXIII. Телеграмма А. А. Нератова—А. П. Извольскому и М. Н. Гирсу, № 5076. Стр. 440.	Петроград, 18 ноября/1 декабря 1916 г.	О согласии российского правительства опубликовать документы, относящиеся к соглашению о Константинополе и Проливах, если французское и итальянское правительства будут на этом настаивать.
CCLXIV. Телеграмма А. А. Нератова — В. Н. Крупенскому, № 5078. Стр. 440.	Петроград, 18 ноября/1 декабря 1916 г.	Сообщение о том, что обнародование документов откладывается.
CCLXV. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Эд. Грэю, № 1830 (дешифрант). Стр. 440.	Петроград, 1 декабря 1916 г.	Сообщение о предстоящем правительственном заявлении в гос. думе.
CCLXVI. Телеграмма М. Н. Гирса—А. А. Нератову, № 799. Стр. 441.	Рим, 18 ноября/1 декабря 1916 г.	О просьбе Соннино сообщить ему текст заявления относительно Константинополя, которое предполагается сделать в гос. думе.
CCLXVII. Телеграмма М. Н. Гирса — А. А. Нератову, № 802. Стр. 441.	Рим, 18 ноября/1 декабря 1916 г.	По мнению Соннино, предпочтительнее ограничиться правительственным заявлением касательно Константинополя, не публикуя документов.

CCLXVIII. Телеграмма А. П. Извольского—А. А. Нератову, № 853. Стр. 441.	Париж, 18 ноября/1 декабря 1916 г.	Сообщение о том, что французское правительство предпочло бы воздержаться от опубликования документов и английского предисловия.
CCLXIX. Телеграмма С. А. Поклевского—А. А. Нератову, № 709. Стр. 442.	Букарест, 18 ноября / 1 декабря 1916 г.	О сделанном им сообщении румынскому правительству относительно соглашения о Константинополе и Проливах.
CCLXX. Телеграмма В. Н. Крупенского—А. А. Нератову, № 471. Стр. 442.	Токио, 18 ноября/1 декабря 1916 г.	О сделанном им сообщении японскому правительству относительно соглашения о Константинополе и Проливах.
CCLXXI. Телеграмма А. Карлотти—С. Соннино, (дешифрант). Стр. 442.	Петроград, ноябрь 1916 г.	Сообщение о том, что российское правительство решило ограничиться заявлением в думе о существовании соглашения с указанием его даты.
CCLXXII. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—А. А. Нератову, № 748. Стр. 443.	Лондон, 19 ноября/2 декабря 1916 г.	По мнению Бенкендорфа, необходимо окончательно высказаться за министерскую декларацию без опубликования документов.
CCLXXIII. Телеграмма А. П. Извольского—А. А. Нератову, № 857. Стр. 443.	Париж, 19 ноября/2 декабря 1916 г.	Французское правительство определенно высказывается против опубликования как самих документов, так и английского предисловия.
CCLXXIV. Телеграмма Эд. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 2833 (дешифрант). Стр. 444.	Лондон, 3 декабря 1916 г.	Соображения Грэя по вопросу о том, какие документы относительно Константинополя и Проливов могут быть опубликованы.
CCLXXV. Телеграмма А. П. Извольского—А. А. Нератову, № 868. Стр. 445.	Париж, 22 ноября/5 декабря 1916 г.	О благоприятном впечатлении, произведенном во Франции декларацией Трепова в гос. думе.
CCLXXVI. Телеграмма Эд. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 2851 (дешифрант). Стр. 446.	Лондон, 6 декабря 1916 г.	Возражение Соннино против опубликования соглашения о Константинополе и Проливах.
CCLXXVII. Телеграмма Эд. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 2866 (дешифрант). Стр. 447.	Лондон, 7 декабря 1916 г.	Заявление Соннино о соглашении касательно Константинополя и Проливов, сделанное им при открытии палаты.
CCLXXVIII. Телеграмма А. Бальфура—Дж. Бьюкенену, № 2933 (дешифрант). Стр. 447.	Лондон, 13 декабря 1916 г.	О высказанном румынским министром иностранных дел желании получить текст соглашения о Константинополе и Проливах.
CCLXXIX. Телеграмма А. Бальфура—Дж. Бьюкенену, № 3074 (дешифрант). Стр. 448.	Лондон, 27 декабря 1916 г.	О согласии французского правительства на то, чтобы российское правительство сделало заявление Румынии по вопросу о Константинополе.

CCLXXX. Телеграмма С. Соннино—К. Фашотти (дешифрант). Стр. 448.	Рим, 14 января 1917 г.	Италия согласна на сообщение румынскому правительству о присоединении ее к русской памятной записке касательно Константинополя и Проливов.

X. Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с франко-русским соглашением о восточных границах Франции и западных границах России, от февраля 1917 г.

CCLXXXI. Справка министерства иностранных дел. Стр. 449.	1917 г.	Соглашение с Францией о западных границах России и восточных Франции.
CCLXXXII. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 74. Стр. 450.	Париж, 28 января/ 10 февраля 1917 г.	О предложении Палеолога закрепить „путем обмена писем заверения российского правительства касательно территориальных изменений за счет Германии в пользу Франции".
CCLXXXIII. Письмо М. Палеолога — Н. Н. Покровскому. Стр. 450.	Петроград, 12 февраля 1917 г.	О согласии Николая II на высказанные французским правительством пожелания о территориальных приобретениях Франции за счет Германии.
CCLXXXIV. Телеграмма Н. Н. Покровского—А. П. Извольскому, № 507. Стр. 452.	Петроград, 30 января / 12 февраля 1917 г.	В связи с согласием Николая II предоставить Франции полную свободу в определении ее восточных границ, российское правительство намерено потребовать для себя равной свободы в определении западных границ России.
CCLXXXV. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 83. Стр. 453.	Париж, 31 января/ 13 февраля 1917 г.	О согласии Бриана исполнить пожелания российского правительства по вопросу об определении западных границ России.
CCLXXXVI. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 85. Стр. 453.	Париж, 31 января/ 13 февраля 1917 г.	В беседе с Камбоном Извольский заявил, что признание за Францией Эльзаса и Лотарингии не может рассматриваться как компенсация за предоставление России Константинополя и Проливов.
CCLXXXVII. Письмо М. Палеолога — Н. Н. Покровскому. Стр. 454.	Петроград, 14 февраля 1917 г.	Требования и гарантии территориального порядка, которые французское правительство предполагает включить в условия мирного договора с Германией.
CCLXXXVIII. Памятная записка Н. Н. Покровского — М. Палеологу, № 26. Стр. 455.	Петроград, 1 / 14 февраля 1917 г.	О согласии российского правительства поддержать французские пожелания в деле будущего определения восточных границ Франции.

CCLXXXIX. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 97. Стр. 456.	Париж, 4/17 февраля 1917 г.	Французский проект обмена нот между российским и французским правительствами, подтверждающих соглашение о Константинополе и Проливах и устанавливающих взаимную поддержку в деле определения западных границ России и восточных Франции.
CCXC. Телеграмма А. П. Извольского — Н. Н. Покровскому, № 98. Стр. 457.	Париж, 4/17 февраля 1917 г.	По поводу обмена нот между Покровским и Палеологом о будущих границах Франции и России с Германией и Австро-Венгрией.
CCXCI. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 101. Стр. 457.	Париж, 5/18 февраля 1917 г.	По вопросу о предполагаемом заявлении французскому правительству касательно будущих западных границ России.
CCXCII. Телеграмма Н. Н. Покровского—А. П. Извольскому, № 641. Стр. 458.	Петроград, 9/22 февраля 1917 г.	Предписание произвести обмен нот с Брианом согласно предложенному французским правительством проекту.
CCXCIII. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 142. Стр. 458.	Париж, 16/29 февраля 1917 г.	Соглашению с Брианом будет придана форма обмена „деклараций".
CCXCIV. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 149. Стр. 459.	Париж, 18 февраля/3 марта 1917 г.	Об отсрочке обмена деклараций, вследствие случайных обстоятельств.
CCXCV. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 156. Стр. 459.	Париж, 21 февраля/6 марта 1917 г.	О новой отсрочке обмена деклараций, вследствие возражений со стороны некоторых членов французского совета министров.
CCXCVI. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 167. Стр. 459.	Париж, 25 февраля/10 марта 1917 г.	По поводу изменений, внесенных Брианом в текст декларации.
CCXCVII. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 168. Стр. 460.	Париж, 26 февраля/11 марта 1917 г.	Текст соглашения о западных границах России.
CCXCVIII. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 170. Стр. 460.	Париж, 26 февраля/11 марта 1917 г.	О соображениях, заставивших принять предложенную Брианом видоизмененную редакцию соглашения.
CCXCIX. Телеграмма А. П. Извольского—Н. Н. Покровскому, № 171. Стр. 461.	Париж, 27 февраля/12 марта 1917 г.	Содержание сопроводительного письма Бриана к декларации французского правительства.
CCC. Телеграмма А. П. Извольского — Н. Н. Покровскому, № 172. Стр. 462.	Париж, 27 февраля/12 марта 1917 г.	Содержание ответного письма Извольского Бриану.

XI. Вопрос о Константинополе и Проливах при временном правительстве, 1917 г.

CCCI. Справки министерства иностранных дел. Стр. 463.	1917 г.	Соглашение о Константинополе и Проливах 1915 г.
CCCII. Телеграмма П. Н. Милюкова — дипломатическим представителям за границей, № 967. Стр. 466.	Петроград, 4/17 марта 1917 г.	Заявление об обязательности для нового российского правительства международных договоров и вытекающих из них соглашений, заключенных при прежнем государственном строе.
CCCIII. Телеграмма П. Н. Милюкова — А. П. Извольскому, М. Н. Гирсу, В. Н. Крупенскому и К. Д. Набокову, № 1009. Стр. 467.	Петроград, 8/21 марта 1917 г.	Предписание высказаться перед министрами иностранных дел союзных держав о желательности подтверждения со стороны союзников обязательности для них всех ранее заключенных с Россией соглашений.
CCCIV. Телеграмма К. Д. Набокова — П. Н. Милюкову, № 184. Стр. 468.	Лондон, 9/22 марта 1917 г.	По поводу заявления Керенского о желательности „интернационализации" Константинополя.
CCCV. Нота великобританского посольства — П. Н. Милюкову. Стр. 468.	Петроград, 22 марта 1917 г.	О признании великобританским правительством вновь образовавшегося временного правительства России и о вступлении с ним в официальные отношения.
CCCVI. Нота итальянского посольства — П. Н. Милюкову. Стр. 469.	Петроград, 22 марта 1917 г.	О признании итальянским правительством временного правительства России и о вступлении с ним в официальные отношения.
CCCVII. Нота французского посольства — П. Н. Милюкову. Стр. 469.	Петроград, 22 марта 1917 г.	Уведомление о получении ноты Милюкова об образовании временного правительства.
CCCVIII. Телеграмма П. Н. Милюкова — А. П. Извольскому, № 1044. Стр. 470.	Петроград, 10/23 марта 1917 г.	Предписание объясниться с Рибо по вопросу о желательности признания со стороны Франции нового строя России в столь же категорической форме, как это сделали Англия и Италия.
CCCIX. Телеграмма М. Н. Гирса — П. Н. Милюкову, № 167. Стр. 470.	Рим, 10/23 марта 1917 г.	О согласии Италии подтвердить обязательность всех ранее заключенных с Россией соглашений.
CCCX. Телеграмма К. Д. Набокова — П. Н. Милюкову. Стр. 471.	Лондон, 10/23 марта 1917 г.	О признании Англией обязательности для нее заключенных с Россией соглашений.

CCCXI. Телеграмма А. П. Извольского — П. Н. Милюкову, № 204. Стр. 471.	Париж, 10/23 марта 1917 г.	Обещание Камбона дать уверения в признании Францией обязательности для нее всех ранее заключенных соглашений с Россией.
CCCXII. Телеграмма А. П. Извольского—П. Н. Милюкову, № 207. Стр. 472.	Париж, 11/24 марта 1917 г.	Содержание беседы с Рибо по вопросу о признании французским правительством временного правительства России.
CCCXIII. Телеграмма А. П. Извольского—П. Н. Милюкову, № 213. Стр. 473.	Париж, 12/25 марта 1917 г.	Сообщение о том, что Палеологу даны инструкции по вопросу о признании временного правительства России.
CCCXIV. Телеграмма А. П. Извольского—П. Н. Милюкову, № 217. Стр. 473.	Париж, 12/25 марта 1917 г.	Текст памятной записки Рибо об обязательности для Франции всех договоров, заключенных при старом правительстве России.
CCCXV. Телеграмма К. Д. Набокова — П. Н. Милюкову, № 196. Стр. 474.	Лондон, 14/27 марта 1917 г.	О впечатлении, произведенном в Англии заявлением Керенского об интернационализации Константинополя.
CCCXVI. Телеграмма П. Н. Милюкова — К. Д. Набокову, № 1182. Стр. 475.	Петроград, 16/29 марта 1917 г.	О необходимости разъяснить английскому общественному мнению, что в заявлениях российского министра иностранных дел не содержится никаких указаний на сокращение притязаний России.
CCCXVII. Телеграмма К. Д. Набокова — П. Н. Милюкову, № 207. Стр. 475.	Лондон, 17/30 марта 1917 г.	Текст ответной ноты Бальфура об обязательности для Англии договоров, заключенных с Россией.
CCCXVIII. Телеграмма А. П. Извольского—П. Н. Милюкову, № 227. Стр. 476.	Париж, 18/31 марта 1917 г.	О предписании Палеологу сделать заявление об обязательности для Франции всех заключенных с Россией соглашений.
CCCXIX. Декларация временного правительства. Стр. 476.	Петроград, 27 марта/9 апреля 1917 г.	Об основных началах внешней политики России.
CCCXX. Телеграмма К. Д. Набокова — П. Н. Милюкову, № 239. Стр. 477.	Лондон, 29 марта/11 апреля 1917 г.	Об интересе, проявляемом английской печатью к заявлениям представителей российского правительства по вопросу о Константинополе и Проливах.
CCCXXI. Телеграмма М. М. Севастопуло — П. Н. Милюкову, № 279. Стр. 479.	Париж, 31 марта/13 апреля 1917 г.	Об отношении французской печати к отказу России от Константинополя.
CCCXXII. Телеграмма П. Н. Милюкова — К. Д. Набокову и А. П. Извольскому, № 1447. Стр. 479.	Петроград, 1/14 апреля 1917 г.	Россия не отказывается от своих притязаний, обеспеченных ей соглашениями с союзниками.

CCCXXIII. Телеграмма М. М. Севастопуло—П. Н. Милюкову, №285. Стр. 480.	Париж, 1/14 апреля 1917 г.	Большинство французских газет воздерживается от комментариев к воззванию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCCXXIV. Телеграмма К. Д. Набокова — П. Н. Милюкову, №259. Стр. 480.	Лондон, 4/17 апреля 1917 г.	Отношение английского правительства к формуле „мира без аннексий" и к отказу России от Константинополя.
CCCXXV. Телеграмма А. П. Извольского—П. Н. Милюкову, №317. Стр. 481.	Париж, 12 / 25 апреля 1917 г.	Содержание беседы с Рибо по поводу общего военного и политического положения и невозможности заключить мир в ближайшем будущем.
CCCXXVI. Телеграмма П. Н. Милюкова — А. П. Извольскому, №1703. Стр. 484.	Петроград, 17/30 апреля 1917 г.	О переговорах с Тома относительно пересмотра союзных соглашений.
CCCXXVII. Телеграмма П. Н. Милюкова—дипломатическим представителям России при союзных державах, №1721. Стр. 485.	Петроград, 18 апреля/1 мая 1917 г.	Сопроводительная к ноте Милюкова от 18 апреля/1 мая 1917 г.
CCCXXVIII. Телеграмма П. Н. Милюкова—дипломатическим представителям России при союзных державах, № 1721 (2). Стр. 485.	Петроград, 18 апреля/1 мая 1917 г.	Нота, сопровождающая передачу союзным правительствам декларации временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCCXXIX. Официальное сообщение временного правительства. Стр. 486.	Петроград, 22 апреля/5 мая 1917 г.	Разъяснения по поводу предшествующей ноты.
CCCXXX. Нота С. Соннино—П. Н. Милюкову. Стр. 487.	Рим, 10 мая 1917 г.	Ответ итальянского правительства на декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCCXXXI. Декларация временного правительства. Стр. 487.	Петроград, 6/19 мая 1917 г.	Текст декларации коалиционного правительства.
CCCXXXII. Нота великобританского посольства —М. И. Терещенко. Стр. 489.	Петроград, 24 мая 1917 г.	Ответ английского правительства на декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCCXXXIII. Нота французского посольства — М. И. Терещенко. Стр. 491.	Петроград, 26 мая 1917 г.	Ответ французского правительства на декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCCXXXIV. Телеграмма А. П. Извольского—М. И. Терещенко, №437. Стр. 493.	Париж, 14/27 мая 1917 г.	По поводу ответа французского правительства на декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCCXXXV. Телеграмма А. П. Извольского—М. И. Терещенко, № 441. Стр. 494.	Париж, 16/29 мая 1917 г.	О впечатлении, произведенном во Франции заявлением Терещенко представителям печати об опубликовании заключенных царским правительством соглашений.

CCCXXXVI. Телеграмма М. И. Терещенко—А. П. Извольскому, № 2238. Стр. 495.	Петроград, 17/30 мая 1917 г.	Запрос об изменениях, внесенных в текст французского ответа на декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г. под влиянием английского правительства.
CCCXXXVII. Телеграмма С. Соннино — К. Фашотти, № 852. Стр. 495.	Рим, 3 июня 1917 г.	По вопросу о недопустимости пересмотра заключенных с союзниками договоров.
CCCXXXVIII. Телеграмма М. М. Севастопуло — М. И. Терещенко, № 465. Стр. 496.	Париж, 21 мая/3 июня 1917 г.	Французское и английское правительства ограничились сообщением друг другу ответа, который каждое из них решило дать на декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCCXXXIX. Телеграмма К. Д. Набокова — М. И. Терещенко, № 382. Стр. 497.	Лондон, 21 мая/3 июня 1917 г.	О переменах, внесенных переворотом в России в международное положение.
CCCXL. Телеграмма М. И. Терещенко—К. Д. Набокову, № 2366. Стр. 498.	Петроград, 24 мая/6 июня 1917 г.	Терещенко считает несвоевременным немедленный обмен взглядов о целях войны.
CCCXLI. Телеграмма К. Д. Набокова — М. И. Терещенко, № 392. Стр. 498.	Лондон, 24 мая/6 июня 1917 г.	Английская печать высказывается за необходимость для английского правительства определить свое отношение к русской формуле мира.
CCCXLII. Телеграмма К. Д. Набокова — М. И. Терещенко, № 393. Стр. 499.	Лондон, 24 мая/6 июня 1917 г.	Содержание разговора с Гардингом по вопросу о желательности определения Англией „целей войны".
CCCXLIII. Телеграмма М. И. Терещенко—М. Н. Гирсу, № 2413. Стр. 499.	Петроград, 26 мая/8 июня 1917 г.	По вопросу об опубликовании ответных нот союзников на декларацию временного правительства от 27 марта/9 апреля 1917 г.
CCCXLIV. Телеграмма М. И. Терещенко—К. Д. Набокову, № 2423. Стр. 500.	Петроград, 27 мая/9 июня 1917 г.	О желательности сосредоточить в Петрограде переговоры о целях войны.
CCCXLV. Телеграмма К. Д. Набокова — М. И. Терещенко, № 417. Стр. 500.	Лондон, 28 мая/10 июня 1917 г.	По вопросу о желательности выступления Ллойд Джорджа для точного определения конечных целей войны.
CCCXLVI. Нота М. И. Терещенко — А. Тома. Стр. 501.	Петроград, 31 мая/13 июня 1917 г.	По вопросу о конференции представителей союзных держав для пересмотра соглашений, заключенных между союзниками во время войны, за исключением соглашения от 5 сентября 1914 г.

CCCXLVII. Телеграмма М. Н. Гирса—М. И. Терещенко, № 430. Стр. 502.	Рим, 7/20 июня 1917 г.	По поводу выступления итальянского министра иностранных дел в парламенте и его отношения к формуле: „ни аннексий, ни контрибуций".
CCCXLVIII. Телеграмма М. Н. Гирса—М. И. Терещенко, № 431. Стр. 502.	Рим, 8/21 июня 1917 г.	Содержание письма Соннино по поводу его выступления в парламенте.
CCCXLIX. Телеграмма М. И. Терещенко—М. Н. Гирсу, № 2701. Стр. 503.	Петроград, 10/23 июня 1917 г.	Разъяснение по поводу формулы: „ни аннексий, ни контрибуций".
CCCL. Декларация временного правительства. Стр. 503.	Петроград, 8/21 июля 1917 г.	Об основных задачах внешней и внутренней политики России.
CCCLI. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 732. Стр. 506.	Париж, 18/31 июля 1917 г.	Выступление Рибо в палате в связи с вопросом об опубликовании соглашения, заключенного Думергом в Петрограде в 1917 г.
CCCLII. Телеграмма М. И. Терещенко—М. М. Севастопуло, № 3270. Стр. 506.	Петроград, 21 июля/3 августа 1917 г.	Отношение российского правительства к вопросу об опубликовании соглашения о западных границах России и восточных Франции.
CCCLIII. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 791. Стр. 507.	Париж, 30 июля/12 августа 1917 г.	О впечатлении, произведенном во Франции выступлением Рибо в палате депутатов.
CCCLIV. Телеграмма М. И. Терещенко—М. М. Севастопуло, № 3525. Стр. 508.	Петроград, 4/17 августа 1917 г.	О том же.
CCCLV. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 943. Стр. 508.	Париж, 6/19 сентября 1917 г.	Новое заявление Рибо в палате по вопросу об опубликовании соглашений, заключенных с Россией.
CCCLVI. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 947. Стр. 508.	Париж, 7/20 сентября 1917 г.	Выступление Рибо в палате может явиться источником внутренних затруднений для временного правительства.
CCCLVII. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 947(2). Стр. 509.	Париж, 7/20 сентября 1917 г.	По вопросу об опубликовании соглашений, заключенных между союзниками.
CCCLVIII. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 952. Стр. 510.	Париж, 8/21 сентября 1917 г.	Беседа с Рибо по вопросу об опубликовании февральского соглашения 1917 г.
CCCLIX. Телеграмма М. И. Терещенко—М. М. Севастопуло, № 4223. Стр. 510.	Петроград, 11/24 сентября 1917 г.	Российское правительство не возражает против опубликования всех соглашений, заключенных между союзниками, в случае согласия на то заинтересованных держав.

CCCLX. Телеграмма М. И. Терещенко—М. М. Севастопуло, № 4239. Стр. 511.	Петроград, 12/25 сентября 1917 г.	По мнению российского правительства, выполнение малоазиатского соглашения 1916 г. зависит от выполнения соглашения о Проливах 1915 г.
CCCLXI. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко. Стр. 512.	Париж, 14/27 сентября 1917 г.	По поводу телеграммы Нуланса о невозможности опубликовать февральское соглашение 1917 г., не публикуя соглашения о Константинополе и Проливах 1915 г.
CCCLXII. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 969. Стр. 512.	Париж, 15/28 сентября 1917 г.	Рибо не отрицал связи между малоазиатским и константинопольским соглашениями.
CCCLXIII. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 980. Стр. 513.	Париж, 18 сентября / 1 октября 1917 г.	По поводу передачи памятной записки российского правительства французскому министру иностранных дел об опубликовании соглашений.
CCCLXIV. Телеграмма М. М. Севастопуло—М. И. Терещенко, № 980(2). Стр. 513.	Париж, 18 сентября / 1 октября 1917 г.	Текст памятной записки российского правительства по вопросу об опубликовании договоров.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Вопрос о Проливах и о Константинополе в международной политике в 1908—1917 г.г.

I. Вопрос о Проливах в 1908—1911 г.г. 7
II. Кризис 1912—1913 г.г. 17
III. Миссия Лимана ф. Сандерса 58
IV. Англо-франко-русский единый фронт против Турции 83
V. Свидание в Константце и начало войны 87
VI. Соображения царского правительства по вопросу о Константинополе и о Проливах 93
VII. Переговоры между Россией, Англией и Францией 109
VIII. Отношение Италии к вопросу о Константинополе и Проливах 125
IX. Позиция Румынии, Сербии, Японии и С.-А. С. Штатов 130
X. Попытки к сепаратному миру и вопрос о Проливах 131
XI. Переговоры об опубликовании соглашения 132
XII. Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с февральским соглашением 1917 г. между Францией и Россией об Эльзас-Лотарингии и Саарской области 134
XIII. Вопрос о Константинополе и Проливах при временном правительстве . . 137

Документы.

. Соображения царского правительства по вопросу о Константинополе и Проливах 155
II. Переговоры между Россией, Англией и Францией 1914—1916 г.
§ 1. Предварительные переговоры и признание Англией притязаний царского правительства на Константинополь и Проливы. 1914 г. . . . 221
§ 2. Соглашение о Константинополе и Проливах, 1915 г. 237
III. Отношение Италии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1915—1916 г.
§ 1. Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с выступлением Италии, 1915 г. 305
§ 2. Сообщение Италии ближневосточных соглашений и присоединение ее к соглашению о Константинополе и Проливах, 1915—1916 г. . . 339
IV. Отношение Румынии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1914 — 1916 г. 356
V. Отношение Сербии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1915 г. . . 383
VI. Отношение Японии к вопросу о Константинополе и Проливах, 1915 — 1916 г. 384
VII. Отношение Северо-Американских Соединенных Штатов к междусоюзническим соглашениям, 1917 г. 395
VIII. Вопрос о Константинополе в переговорах Протопопова с Варбургом, 1916 г. 405
IX. Переговоры между союзниками об опубликовании соглашения относительно Константинополя и Проливов, 1916 г. 412
X. Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с франко-русским соглашением о восточных границах Франции и западных России, от февраля 1917 г. 449
XI. Вопрос о Константинополе и Проливах при временном правительстве, 1917 г. 463
Перечень документов 514

ОТ РЕДАКЦИИ.

По техническим условиям, карта сферы Проливов, приготовленная для I тома настоящего издания, будет дана приложением к II тому.